
Живописная
Россія


ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ


1853
Товарищество М.О. Вольфъ
1883

(см. на оборотѣ)

СОДЕРЖАНІЕ № 1 „НОВИ“ ЗА 1-е ЯНВАРЯ 1898 ГОДА.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ: Иностранное обозрѣніе. — Внутреннее обозрѣніе.— Событія за двѣ недѣли (съ 11 рисунками). **Фельетонъ:** Вѣчность и жизнь, стихотвореніе **К. Льдова.**— Помощь учащемуся юношеству, **М. Л. Песковскаго.**— Чародѣй конца XIX вѣка.—„Парижъ“ (по поводу новаго романа Золя).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:— Леночка, романъ **А. Смирнова.—Академія наукъ** въ ея прошломъ и настоящемъ, очеркъ **Н. Павловскаго** (съ 12 рис.).—**Затѣя профессора Лемарка,** американскій разсказъ **С. Ф. Гартона** (съ 5 рис.).— **По великому сибирскому пути,** очеркъ **Земляка** (съ 8 рис.).— **Исторія новаго романа Альфонса Додэ,** (съ 1 рис.).—**Опора семьи,** романъ **Альфонса Додэ** (съ 1 рис.), переводъ М. Николаевой. **КАРТИНЫ:** Мистеріархъ. — Побѣдная пѣсня. — Во времена Нерона. — Письмо къ сыну. — Зимняя ночь.—Дуэтъ.

МОЗАИКА НОВИ: ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ: Изслѣдованія горла при помощи прожектора Брено (съ 2 рис.). — Лихорадка.—Афазія.—Успѣхи инкубатора Ліона (съ 1 рис.). ДРУЗЬЯ и ЛЮБИМЦЫ ИЗЪ МІРА ЖИВОТНЫХЪ: Подарки Абиссинскаго Негуса (съ 3 рис.). — Вредъ „птицеводственнаго спорта“ — Замѣчательная порода собакъ (съ 1 рис.).—Величайшая въ мірѣ голубятня (съ 1 рис.).—Знаменитая овчарка (съ 1 рис.).—Массовое истребленіе птицъ.—Черныя лисицы.—Лошадь-лилипутъ (съ 1 рис.). САДЪ, ЦВѢТНИКЪ и ОГОРОДЪ: Устройство цвѣтника въ комнатѣ (съ 14 рис.). СПОРТЪ: Поло на велосипедѣ (съ 1 рис.). — Легавыя собаки (съ 7 рис.). — Феликсъ Форъ—какъ спортсмэнъ. ТЕАТРЪ и МУЗЫКА: Новая „звѣзда“ американскихъ театровъ (съ 1 рис.). — Великіе музыканты въ дѣтскіе годы (съ 10 рис.). — Волынка (съ 2 рис.). ОТКРЫТІЯ и ИЗОБРѢТЕНІЯ: Тонографъ (съ 6 рис.).—Электрическая швейная машина (съ 1 рис.).— Электрическій подъѣздной путь (съ 2 рис.). — Пріемъ кабельныхъ депешъ посредствомъ фотографіи. — Электрическая кухня и печь (съ 1 рис.). МОДНАЯ ХРОНИКА: 19 рис. новѣйшихъ парижскихъ модъ. ДЛЯ СМѢХА—24 рисунка съ юмористическимъ текстомъ.

Одновременно съ № 1 „НОВИ“ всѣмъ подписчикамъ журнала высылается безплатно первая книжка:

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

СОДЕРЖАНІЕ: **„Крестоносцы“** — историч. романъ **Сенкевича.** — **„Госпожа“** — повѣсть **Шпильгагена.** — **„Савелли“** — романъ **Ж. Тьери.— „Вторичное сватовство Ларсъ Ларссона“**— разсказъ **Тора Хельдбергъ.—„Буря“** стихотвореніе **А. М—ва.— Болѣзнь и смерть герцога Рейхштадскаго.— Нервная женщина— А. Молля.** *** Стихотвореніе **Л. Медвѣдева. — Нашъ близкій сосѣдъ Марсъ**—очеркъ **П. Жемчужникова.**

СОДЕРЖАНІЕ № 2 „НОВИ“ ЗА 15-е ЯНВАРЯ 1898 ГОДА.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ: Политическое обозрѣніе.— Иностранное обозрѣніе. — **Фельетонъ:** „Эксцентрическая беллетристика. Изъ записной книжки стараго критика“. **В. Чуйко.**— Внутреннее обозрѣніе.— **Фельетоны:** „Записки человѣка, съ которымъ никогда ничего не случалось“.—„Послѣ пораженія“. **С. Жеромскаго.**—Текущія событія (съ 21 рис.).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Заливное. Разсказъ **А. Ѳедорова.— Народное представительство въ разныхъ государствахъ Б. Павлова** (съ 11 рис.) —**Леночка.** Романъ **А. Смирнова.** (Продолженіе).— **По великому Сибирскому пути.** Очеркъ **Земляка.** (Продолженіе), (съ 6 рис.).—**Философія чувства и вѣры. С. Полянина.— Опора Семьи.** Романъ **Альфонса Додэ.** (Продолженіе), (съ 1 рис.).—**Послѣдній представитель дома Рюрика.** (Къ трехсотлѣтію со дня кончины царя Ѳеодора Іоанновича).—**КАРТИНЫ:** Офелія.—Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту. — Засѣданіе германскаго рейхстага. — „Еслибъ я былъ правительствомъ!...“.—Типы и виды города Иркутска.

МОЗАИКА НОВИ: ОБУЧЕНІЕ и ВОСПИТАНІЕ. Физическое воспитаніе новорожденныхъ (съ 2 рис.) П. Сергѣева.—Развитіе рѣчи у дѣтей К. Горена.—Школа для пожарныхъ (съ 2 рис.) А. К.—Школа этики и соціальной философіи А. К. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Обработка полей въ „Легендарной странѣ“ (съ 3 рис.) К. Пластова.— Кассовскій способъ сохраненія молока.—Усвояемость азота различныхъ удобреній. — Плугъ Формана (съ 1 рис.)— Мельница, приводимая въ движеніе быкомъ или лошадью (съ 1 рис.) С. А.—Англійскія породы рогатаго скота (съ 3 рис.)—ВОЕННОЕ и МОРСКОЕ ДѢЛО: Велосипедъ въ англійской арміи (съ 2 рис.)— К. Матурова.— Увеличеніе французской арміи.— Современные расходы на государственную оборону. — Автоматическая лодка „Автонаутъ“ (съ 1 рис.),—Школа для водолазовъ Р. Б—кова.—Пароходъ-дельфинъ (съ 1 рис.)—Пушка-великанъ.—Новый военный воздушный шаръ. ИСКУССТВО. Мавританскій стиль (съ 6 рис.) А. А. — Парижская художественная выставка.—ТОРГОВЛЯ и ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Бумага изъ дерева (съ 4 рис.). — Электрическій локомотивъ для рудниковъ (съ 2 рис.).—Развитіе торговыхъ сношеній.—КУЛЬТУРА и НАУКА: Историкъ русско-польскихъ отношеній (съ 1 рис.). В. Русакова.—Изслѣдованія пустыни (съ 3 рис.)—Громадный глобусъ на парижской выставкѣ.— НАШЪ ДОМЪ, Выборъ новой квартиры. Проф. д-ра Эсмарха.—Сосновый паркетъ взамѣнъ крашенныхъ половъ (съ 2 рис.).—Просушка новыхъ домовъ.—Расписныя окна (съ 1 рис.).— ИЗВѢСТІЯ НАШЕГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА: Каталогъ новыхъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 15-го декабря по 15-е января 1898 г. и французскій каталогъ—съ 1-го декабря по 1-е января 1898 г.

СОДЕРЖАНІЕ № 3 „НОВИ“ ЗА 1-е ФЕВРАЛЯ 1898 ГОДА.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ: Иностранное обозрѣніе.—Внутреннее обозрѣніе.— Текущія событія. Съ рис. въ текстѣ. **ФЕЛЬЕТОНЫ:** „Безъ любви“—**Русака.**—„По бѣлу свѣту“. **Б. Б.**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Опора семьи, романъ **Альфонса Додэ** (съ рис.). — **Медвѣдь въ исторіи и зоологіи,** Очеркъ проф. **Б. Ма шалля** (съ рис.).—**Безумецъ изъ Фирлейовки,** разсказъ **Захеръ Мазоха.—Петръ Великій и женщины,** историческій очеркъ **Виктора Русакова** (съ рис.). — **Леночка,** романъ **А. Смирнова.**— Стихотвореніе, **Ф. Пестрякова.—По Сибири,** путевые очерки **Земляка** (съ рис.)—**Къ картинамъ.**

МОЗАИКА НОВИ: ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ: Рѣшеніе жизненной проблемы (съ 1 рис.), статья проф. Левитова.— Образцовая больница (съ 5 рис.), статья женщины-врача Мединъ.—Велосипедъ для перевозки больныхъ (съ 1 рис.). ДРУЗЬЯ и ЛЮБИМЦЫ ИЗЪ МІРА ЖИВОТНЫХЪ: Уходъ за лошадью, проф. Л. Штейерта (съ 4 рис.).—Зеброидъ.—Гигіеническія ясли (съ 1 рис.).—Чемпіонъ Тартаръ (съ 1 рис.).—Скорость полета ласточекъ. САДЪ, ЦВѢТНИКЪ И ОГОРОДЪ: Посѣвъ и посадка комнатныхъ растеній, М. Гесдерфера (съ 7 рис.). — Культура индиго, Н. Сѣдлова (съ 1 рис.).—Устройство сада въ короткое время. СПОРТЪ: Ѣзда на велосипедѣ по даннымъ науки. Проф. Ле-Пти.—„Художники“ велосипеднаго спорта (съ 2 рис.).—Собачьи бѣга (съ 1 рис.).—Бицикль Бриггса (съ 1 рис.).— Корова подъ сѣдломъ (съ 1 рис.).— Скачки безъ всадниковъ. ИЗОБРѢТЕНІЕ и ОТКРЫТІЕ: Электрическій прожекторъ и его примѣненія (съ 3 рис.).—Искусственная луна (съ 1 рис.).—Новый типъ пожарныхъ насосовъ (съ 2 рис.) Воздушная однорельсовая желѣзная дорога (съ 1 рис.). ТЕАТРЪ и МУЗЫКА: Пьерина Леньяни (съ 2 рис.).—Марія Алекс. Славина (съ 1 рис.).—„Сафо“, новая опера Массенне (съ 1 рис.). МОДНАЯ ХРОНИКА (съ 4 рис.).—ДЛЯ СМѢХА.—ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Одновременно съ № 3 «НОВИ» всѣмъ подписчикамъ журнала высылается безплатно вторая книжка:

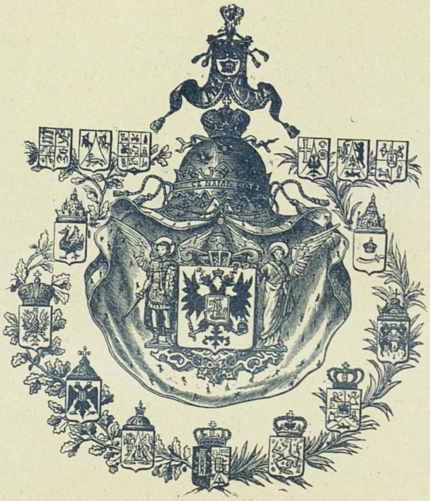
„ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

СОДЕРЖАНІЕ: Л. Н. Толстой—объ искусствѣ (съ 1 рис.) очеркъ **С. Полянина.—Жертва.** Разсказъ **Роберта Гейченса** (съ 3 рис.).—**Нервная женщина,** психо-физіологическій очеркъ **А. Моля.**—II. Сущность и значеніе женской нервозности.—**Царство шампанскаго,** очеркъ **Д. Русселя** (съ 16 рис.).—**Записки любителя** поэзіи, **С. Лубенко.—Смѣсь:** Нервы, искусство и литература—Значеніе Германской литературы—Письмо Уиды.— **Савелли**—историческій романъ **Ж. Тьерри** (съ 5 рис.)— **Госпожа**—повѣсть **Фридриха Шпильгагена.—Крестоносцы**—историческій романъ **Генрика Сенкевича** часть III.

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ V.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ




Живописная
Россія
ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНАЯ
A. MALINOWSKI

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

МАЛОРОССІЯ И НОВОРОССІЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губерніи

СЪ 241 РИСУНКОМЪ ВЪ ТЕКСТѢ, 11 ОТДѢЛЬНЫМИ ПОЛИТИПАЖАМИ И 3 КАРТАМИ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, № 18.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ № 12.*

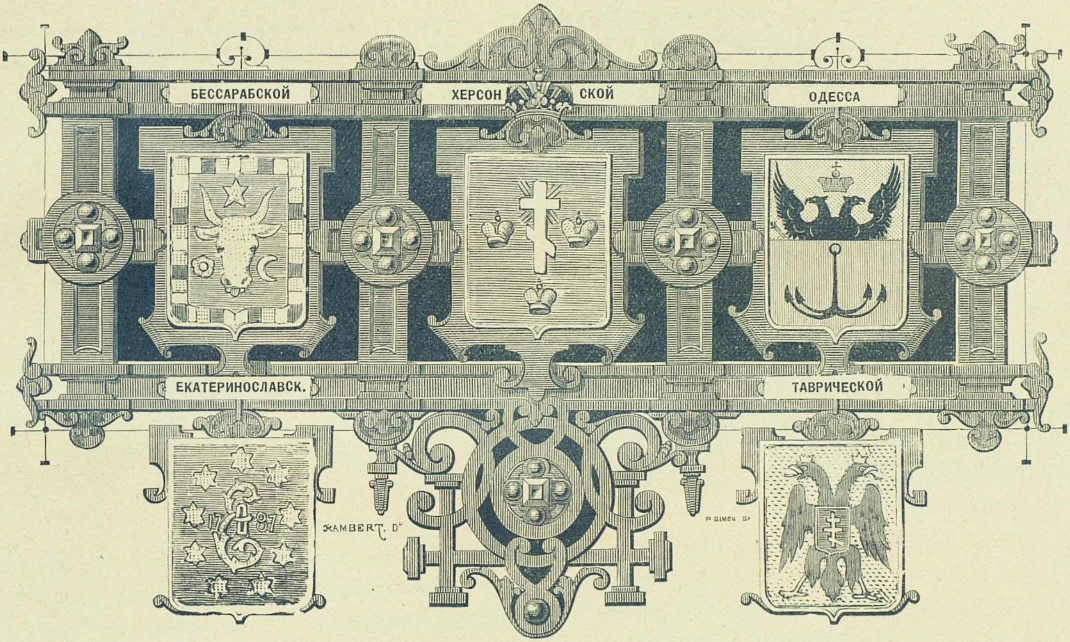
1898

Дозволено цензурою. Спб., 26-го января 1898 года.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. № 5—7.

МАЛОРОССІЯ И НОВОРОССІЯ.

Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губерніи.



Гербы губерній.

ОЧЕРКЪ I.

СЛѢДЫ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГѢ РОССІИ.

«Финикійскіе люди» и карійцы на Черноморскомъ побережьи.—Вытѣсненіе ихъ греками и владычество послѣднихъ на всѣхъ понтійскихъ рынкахъ.—Благотворное вліяніе грековъ на сосѣднія варварскія племена.—Бурные потоки варварскихъ ордъ, уничтожившихъ тысячелѣтнее культурное вліяніе эллинизма.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой...

А. С. ПУШКИНЪ.

Какъ бы ни были скудны, баснословны и сбивчивы свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, распространенныя въ древнемъ мірѣ, несомнѣнно однако то, что съ узкою полосою Черноморскаго побережья, заключающеюся между устьями Истра (Дуная) и Фазиса (Ріона), культурные народы древности познакомились близко и непосредственно задолго до возникновенія въ этихъ мѣстахъ первыхъ греческихъ поселеній. Сюда на своихъ «чернобокихъ» корабляхъ заходили и «хитрые гости морей, финикійскіе люди», отважно пускавшіеся въ трудное и опасное по тому времени плаваніе по пустыннымъ и непривѣтливымъ понтійскимъ водамъ въ чаяніи богатой добычи. По ихъ слѣдамъ увлекаемые тѣмъ же духомъ предпріимчивости и тою же жаждою наживы переплывали понтъ и смѣлые соперники ихъ карійцы, промышлявшіе, подобно средневѣковымъ норманнамъ, преимущественно береговымъ разбоемъ. Купцы и пираты изъ своихъ странствій по этому студеному морю вывозили золото, серебро, электръ и другіе металлы, шерсть и мѣха, рыбу, скотъ и рабовъ. Они же разносили по всему міру и фантастическую молву о суровыхъ обитателяхъ дальняго сѣвера и его диковинахъ,—о скалахъ, блуждающихъ у самаго выхода изъ Ѳракійскаго боспора, о льдахъ, сковывающихъ сѣверныя рѣки, о короткихъ сѣверныхъ ночахъ, объ одноглазыхъ аримаспахъ, о чудовищныхъ грифахъ, охраняющихъ золотые пріиски, о дикихъ андрофагахъ, о чудномъ племени оборотней-невровъ, о киммерійцахъ, живущихъ въ вѣчной непроглядной тьмѣ, о жалкихъ кочевникахъ — «млекоѣдахъ» и «доителяхъ кобылицъ», скитающихся по степямъ въ своихъ подвижныхъ войлочныхъ шатрахъ, утвержденныхъ на колесахъ, и проч.

Разсказы эти были не таковы, чтобы завлекать авантюристовъ въ заповѣдныя понтійскія воды. Что ожидало ихъ тамъ? Кому не суждено было погибнуть среди блуждающихъ скалъ,

тому угрожали противные вѣтры, густые туманы, сильныя теченія и частыя бури, отъ которыхъ опасно было искать спасенія и на берегу, такъ какъ прибрежные жители не отличались привѣтливостью и гостепріимствомъ и безъ сожалѣнія умерщвляли несчастныхъ чужестранцевъ, попадавшихъ въ ихъ руки.

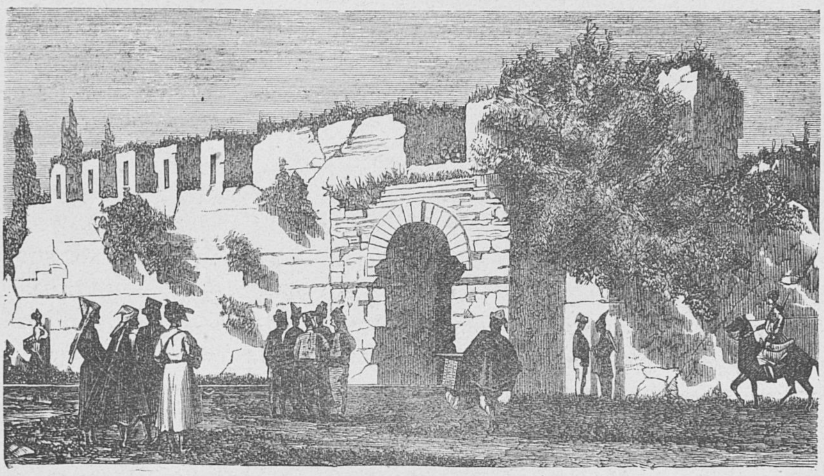
Никто не справлялся о томъ, что правда и что вымыселъ въ этихъ разсказахъ. Никто не задумывался надъ тѣмъ, что, быть можетъ, купцы намѣренно преувеличивали опасности и трудности сѣвернаго плаванія въ интересахъ сохраненія за собою монополіи торговыхъ сношеній съ богатыми понтійскими странами, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ нѣсколько столѣтій спустя дѣйствовали на западѣ карѳагеняне, а еще позже—португальцы и голландцы, не менѣе ревниво оберегавшіе свои торговые пути. За понтомъ упрочивалась такимъ образомъ репутація «негостепріимнаго». О человѣкѣ, избѣгнувшемъ какой либо страшной опасности, сложилась поговорка: «онъ вышелъ изъ средины понта». И дѣйствительно на пріѣзжавшихъ съ юга уже одинъ видъ мрачной, изъ-синя сѣрой водной поверхности Чернаго моря, отражающей въ себѣ сумрачное, хмурое небо сѣвера, долженъ былъ производить гнетущее впечатлѣніе. Ни островка, ни паруса,—повсюду безбрежная пучина, за которою на необъятное протяженіе разстилались невѣдомыя страны съ грубыми и хищными обитателями...

Но время шло, и, по мѣрѣ развитія мореходства среди отдѣльныхъ вѣтвей греческой націи, «негостепріимный» (Аксинскій) понтъ становился «гостепріимнымъ» (Эвксинскимъ), а пустынные берега его начинали покрываться многочисленными колоніями.

Вытѣснивъ финикіянъ и карійцевъ изъ бассейна Эгейскаго моря, греки завладѣли и всѣми понтійскими рынками. Основательно изучивъ этотъ край, коммерческое значеніе и естественныя богатства котораго ими были скоро оцѣнены, ознакомившись съ бытомъ, характеромъ и нуждами туземцевъ, высмотрѣвъ наиболѣе подходящія для поселеній мѣста, греческіе торговцы исподволь стали заводить въ различныхъ пунктахъ припонтійской береговой полосы свои конторы и товарные склады. Такія факторіи, быть можетъ, первоначально учреждались лишь на непродолжительные сроки, на время навигаціи, а зимою пустовали. Но постепенное расширеніе торговыхъ операцій современемъ неминуемо должно было потребовать превращенія временныхъ факторій въ постоянныя. Для надзора за магазинами, для завѣдыванія выгрузкою и продажею товаровъ нуженъ былъ штатъ довѣренныхъ лицъ или агентовъ. Такъ составлялось мало-по-малу ядро поселенія, разроставшагося впослѣдствіи, съ наплывомъ новыхъ пришельцевъ, нерѣдко въ цѣлый городъ. Факторія снабжалась необходимыми средствами защиты отъ вражескихъ нападеній, а кромѣ того въ огражденіе ея безопасности заключались и особые договоры съ окрестными жителями. Послѣдніе, по всей вѣроятности, охотно предоставляли грекамъ часть своихъ земель подъ условіемъ уплаты ежегодной дани или единовременнаго взноса,—кочуя со своими стадами на обширныхъ степныхъ пространствахъ, они мало дорожили морскими берегами. И вотъ тамъ и сямъ, частью на мѣстахъ, уже заселенныхъ, частью на свободной землѣ возникали одна за другою купеческія колоніи, становившіяся въ этой варварской странѣ разсадниками эллинской культуры и проводниками гуманныхъ началъ.

Особенно широкую колонизаторскую дѣятельность на берегахъ Эвксинскаго понта развили жители малоазійскаго города Милета. Древніе приписывали имъ основаніе восьмидесяти колоній. «Многочисленны дѣянія этого города», говоритъ Страбонъ, «но самое великое изъ нихъ—это множество его колоній: весь понтъ Эвксинскій, вся Пропонтида и многія другія страны были заселены его гражданами». Сами милетцы хорошо сознавали важность своихъ культурныхъ заслугъ и еще во второмъ стол. по Р. Х. съ гордостью упоминали о нихъ въ оффиціальныхъ документахъ, называя свой городъ метрополіей многихъ большихъ городовъ на понтѣ, въ Египтѣ и иныхъ мѣстахъ земного шара. Возникновеніе большей части милетскихъ поселеній на черноморскомъ побережьѣ относится преимущественно къ VII и VI вв.

до Р. Х., когда Милетъ съ одной стороны сталъ цѣлью завоевательныхъ стремленій лидійскихъ царей, неоднократно подвергавшихъ его область жестокимъ опустошеніямъ, а съ другой—жертвою внутреннихъ раздоровъ, смутъ и кровавой борьбы народныхъ партій. Эти политическія обстоятельства должны были служить однимъ изъ главныхъ двигателей эмиграціи: недовольные и обездоленные переворотомъ, тѣснимые и угнетаемые на родинѣ устремились въ чужіе края, за море, на сѣверъ, въ поиски за счастьемъ, въ погоню за легкой наживой. Новые выселенцы отчасти присоединялись къ прежнимъ, отчасти заводили отдѣльныя поселенія, мало-по-малу расширяя предѣлы греческаго культурнаго вліянія и вводя въ кругъ своихъ торговыхъ сношеній самые отдаленные уголки Черноморья. Это распространеніе сферы греческой колонизаціи по-прежнему совершалось мирнымъ путемъ. Для туземцевъ выгоды правильно организованной торговли съ греками были слишкомъ ощутительны, а миролюбивыя намѣренія колонистовъ слишкомъ несомнѣнны, чтобы постоянный приливъ греческихъ эмигрантовъ могъ въ нихъ возбуждать какія либо опасенія или встрѣтить съ ихъ стороны дружный и дѣятельный отпоръ. Они свыкались съ греками и незамѣтно подчинялись ассимилирующему дѣйствію эллинизма. А между тѣмъ угрюмая, полудикая страна постепенно принимала



Остатки древней крѣпости на Черноморскомъ берегу.

новый видъ. Болотистыя пространства осушались, по непроходимымъ дебрямъ пролагались дороги, при устьяхъ рѣкъ устраивались удобныя гавани, земля была раздѣлена на участки, и плугъ взрывалъ непочатую почву. Колоніальные города крѣпли и процвѣтали, а нѣкоторые изъ нихъ достигли столь значительнаго политическаго могущества, что наконецъ исчезъ и всякій слѣдъ формальной зависимости ихъ отъ окрестныхъ народовъ и они прекратили уплату условленной дани.

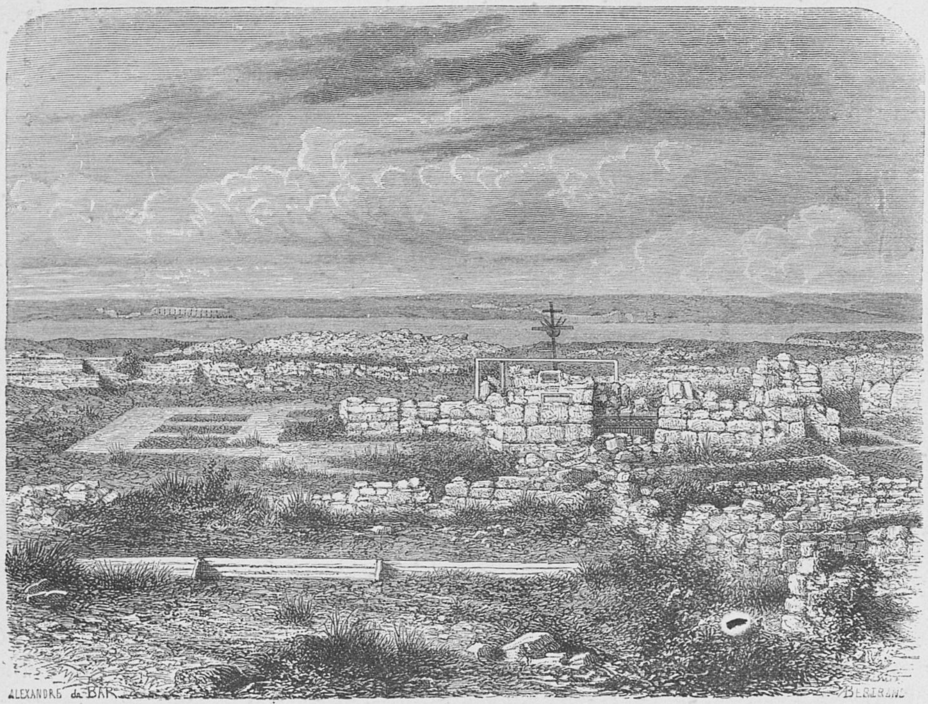
Важнѣйшими изъ колоній, основанныхъ милетскими выходцами въ припонтійскихъ странахъ, были Синопа и Трапезунтъ—на южномъ берегу Понта, Фазисъ (нынѣ Поти) и Діоскуріада (нынѣ Сухумъ-Кале)—на восточномъ, Пантикапея (нынѣ Керчь), Нимфея, Ѳеодосія, Ольвія (при устьѣ Гипаниса или Буга) и Тира (при рѣкѣ того же названія, нынѣ Днѣстра)—на сѣверномъ, Аполлонія, Одессъ, Томи и Истръ—на западномъ. Нѣкоторыя изъ этихъ поселеній въ свою очередь сдѣлались исходными пунктами обширной колонизаціи,—напр., Пантикапея, ставшая, по словамъ Амміана Марцеллина, «матерью всѣхъ милетскихъ городовъ на Боспорѣ». Въ числѣ ея выселковъ наиболѣе видное мѣсто занимала Танаида, самая сѣверная греческая колонія въ скиѳской землѣ, находившаяся у устьевъ рѣки того же имени (нынѣ Дона).

Кромѣ Милета въ заселеніи понтійскихъ береговъ принимали дѣятельное участіе и другіе греческіе города. Такъ мегаряне, овладѣвшіе еще въ началѣ VII стол. до Р. Х. двумя выгоднѣйшими позиціями при входѣ изъ Пропонтиды въ боспоръ Ѳракійскій, — Халкидономъ и Византіей,—основали на южномъ побережьѣ понта Гераклею, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и могущественныхъ городовъ въ этомъ краю, а выходцы изъ Гераклеи положили начало городамъ Амастріи, Каллатіи и Херсонесу Таврическому (близъ теперешняго Севастополя). Впослѣдствіи Херсонесъ также сдѣлался метрополіею Неаполя, мѣстонахожденіе котораго пріурочивается къ южному предмѣстью нынѣшняго Симферополя. На азіатскомъ берегу боспора Киммерійскаго, на полуостровѣ Таманскомъ, насупротивъ Пантикапеи, лежала Фанагорія, основанная теосцами. Неподалеку отъ нея была расположена Гермонасса, колонія митиленцевъ.

Многочисленные слѣды этихъ греческихъ поселеній, нѣкогда окаймлявшихъ почти сплошною гирляндою Черное море, сохранились до нашихъ дней и въ названіяхъ различныхъ мѣстностей, и въ развалинахъ древнихъ сооруженій: городскихъ стѣнъ, укрѣпленій, храмовъ и жилыхъ зданій, а въ особенности въ курганахъ и катакомбахъ, въ нумизматическихъ и эпиграфическихъ памятникахъ, въ разсѣянныхъ тамъ и сямъ, по большимъ музеямъ и частнымъ собраніямъ, разнородныхъ предметахъ искусства,—мраморныхъ статуяхъ и рельефныхъ саркофагахъ, издѣліяхъ изъ золота, серебра и бронзы, глиняныхъ и стеклянныхъ сосудахъ художественной отдѣлки, терракоттахъ, лампочкахъ и т. п., извлеченныхъ изъ нѣдръ земли въ различныхъ пунктахъ припонтійской береговой полосы. Находки такого рода не прекращаются и до сихъ поръ, и все побуждаетъ думать, что археологическая почва нашего юга еще далеко не исчерпана и отнюдь не истощена.

Къ сожалѣнію однако много времени прошло прежде, чѣмъ научное значеніе этихъ случайныхъ остатковъ древности было понято и оцѣнено надлежащимъ образомъ. Немало сокровищъ наука навсегда безвозвратно утратила въ тѣ мрачныя времена невѣжества, насилія и дикаго варварства, когда въ предѣлахъ южной Россіи,—тамъ, гдѣ когда то ютился цвѣтущій уголокъ классическаго міра и кипѣла культурная дѣятельность,—послѣдовательно хозяйничали то гунны, болгары и угры, то византійцы, то хазары, то итальянцы, то татары и турки. За пожарами и опустошеніями, произведенными нашествіемъ степняковъ, послѣдовало систематическое разграбленіе уцѣлѣвшихъ руинъ, изъ которыхъ новые поселенцы, пришедшіе сюда на смѣну прежнимъ, стали добывать матеріалъ для своихъ построекъ. При генуэзцахъ, утвердившихся въ нашей Тавридѣ въ XIII, XIV и XV вв., начались повидимому хищническія разрытія крымскихъ кургановъ, сохранившихъ доселѣ явные слѣды давнишнихъ раскопокъ, и легко себѣ представить, сколько замѣчательныхъ находокъ могло быть тогда сдѣлано и сколько драгоцѣнныхъ предметовъ археологическаго интереса безслѣдно погибло, попавъ въ руки невѣжественныхъ кладоискателей. Генуэзскіе купцы въ курганахъ искали главнымъ образомъ золота и, по всей вѣроятности, перечеканивали въ свою монету большую часть золотыхъ и серебряныхъ вещей, находимыхъ ими на обширной территоріи Боспорскаго царства, въ окрестностяхъ Керчи (итал. Cercio) и Ѳеодосіи (Кафы). Дѣло расхищенія и варварскаго уничтоженія остатковъ древности продолжалось и тогда, когда генуэзское владычество смѣнилось турецкимъ, и только по занятіи Крыма русскими, при императрицѣ Екатеринѣ II открылось свободное поприще для археологическаго изученія края. Но и русское правительство первоначально никому не возбраняло раскапывать курганы, и всякій, кого прельщала молва о ихъ богатствахъ, безпрепятственно могъ на свой счетъ и страхъ разрывать ихъ, гдѣ и какъ хотѣлъ. Правда, разрытіе этихъ обширныхъ могильныхъ насыпей было сопряжено съ немалыми трудностями и издержками, а находки зачастую обманывали ожиданія кладоискателей, и потому естественно немного находилось охотниковъ тратить время и рисковать деньгами въ сомнительномъ расчетѣ на случайное обогащеніе. О научномъ значеніи раскопокъ пока еще почти никто не думалъ, и даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этимъ дѣломъ завѣдывали прави-

тельственныя лица, оно велось неумѣло, безпорядочно и небрежно. Такъ, напр., въ концѣ прошлаго столѣтія при раскопкахъ, производившихся генераломъ Вандервейде на Таманскомъ полуостровѣ, въ области древней Фанагоріи, солдаты, найдя въ одномъ изъ разрытыхъ кургановъ богатѣйшій кладъ, расхитили всѣ наиболѣе цѣнныя вещи, оставивъ генералу лишь одинъ массивный золотой браслетъ съ двумя рубинами, а оказавшіяся при этомъ глиняныя вазы, какъ предметы, не имѣвшіе въ ихъ глазахъ никакой цѣны, перебили. Фактъ этотъ, случайно засвидѣтельствованный однимъ англійскимъ путешественникомъ, посѣтившимъ въ то время Россію, безъ сомнѣнія не былъ единственнымъ. П. Сумароковъ, объѣхавшій Крымъ и Бессарабію въ 1799 г., видѣлъ и описалъ валявшіеся въ полномъ пренебреженіи въ разныхъ мѣстахъ античные памятники. Множество мелкихъ древностей, встрѣчающихся и по сію пору въ довольно значительномъ количествѣ на поверхности земли по «кучугурамъ» (такъ называются наносы,



Остатки Херсонеса таврическаго.

образуемые вдоль берега Днѣпра сыпучими песками) и на рѣчныхъ промоинахъ близъ мѣстъ, занятыхъ нѣкогда греческими поселеніями, попадало въ руки невѣжественныхъ людей и исчезало безслѣдно и безплодно. Муравьевъ-Апостолъ, путешествовавшій по Тавридѣ въ 1820 г., разсказываетъ, что въ селѣ Парутинѣ, возникшемъ на мѣстѣ древней Ольвіи, деревенскіе мальчики входили по поясъ въ рѣку Бугъ, доставали со дна песокъ, промывали его въ рѣшетахъ и такимъ образомъ добывали древнія монеты цѣлыми пригоршнями. Какова была дальнѣйшая судьба этихъ монетъ, неизвѣстно, но можно думать, что врядъ ли и сотая доля добытыхъ парутинскими мальчиками сокровищъ поступила въ тѣ мюнцъ-кабинеты, о существованіи которыхъ въ Россіи мы узнаемъ отъ академика Кёлера, пользовавшагося ими при составленіи своего описанія монетъ европейской Сармаціи и Херсонеса Таврическаго. Не менѣе печальна была участь и монументальныхъ памятниковъ древности. По свидѣтельству Палласа, при постройкѣ домовъ въ Севастополѣ, брали камни изъ развалинъ древняго Херсонеса, и тамъ, гдѣ

Палласъ еще видѣлъ остатки укрѣпленій на небольшомъ островѣ, у конечности Тройной бухты, спустя четверть вѣка Муравьевъ-Апостолъ не нашелъ ничего, кромѣ безформенной груды мусора. Генуэзскія стѣны съ башнями и глубокимъ рвомъ, окаймлявшія нѣкогда Θеодосію, въ 1800 г. были разобраны по приказанію градоначальника Фенша для постройки казармъ, а ровъ при немъ и при его преемникахъ засыпанъ, такъ что до нашихъ дней уцѣлѣли только три башни, случайно пощаженныя строителями. Знаменитѣйшее въ лѣтописяхъ южно-русской археологіи открытіе гробницы въ курганѣ Куль-Оба было результатомъ начавшейся въ этомъ курганѣ ломки камня для казенныхъ построекъ. Мраморныя плиты съ надписями разбивались, пережигались на известь или закладывались въ фундаменты новыхъ зданій.

Между тѣмъ мало-по-малу пробуждался въ русскомъ обществѣ интересъ къ исторіи и древностямъ южнаго края. Правда, починъ въ дѣлѣ серьезнаго археологическаго изученія этого края принадлежалъ иностранцамъ,—тѣмъ самымъ иностранцамъ, которыхъ императрица Екатерина II, преслѣдуя цѣли не только экономическія, но и просвѣтительныя, приглашала приходить въ Россію и селиться на безлѣсныхъ равнинахъ нашего юга, обѣщая всевозможныя льготы и пособія. Такъ уже въ 1806 г., по мысли маркиза И. П. Траверсе, возникло при черноморской штурманской ротѣ въ г. Николаевѣ, первое въ Новороссіи собраніе древностей. Пять лѣтъ спустя въ Θеодосіи положено было основаніе старѣйшему крымскому музею, для котораго отведено было помѣщеніе въ небольшой оставленной турками каменной мечети. Около того же времени прибылъ изъ Петербурга въ Керчь Павелъ Дюбрюксъ, французскій выходецъ, состоявшій на русской службѣ, и первый сталъ съ ученою цѣлью раскапывать керченскіе курганы. Воодушевляемый страстною любовью къ археологическимъ изысканіямъ, Дюбрюксъ велъ эти раскопки сначала на собственныя средства при небольшомъ лишь пособіи отъ военнаго губернатора, графа Ланжерона, а впослѣдствіи, когда эти средства истощились, на суммы, предоставленныя въ его распоряженіе государственнымъ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ. Сверхъ того онъ съ неутомимою энергіею производилъ топографическія изслѣдованія, снималъ планы мѣстностей, рисовалъ карты, описывалъ развалины и подготовлялъ къ печати подробныя сообщенія о своихъ открытіяхъ. Въ 1825 году возникъ музей въ Одессѣ, въ 1828 г.—второй крымскій музей въ Керчи. Съ этихъ поръ дальнѣйшія разрытія кургановъ стали производиться подъ надзоромъ назначеннаго въ директоры обоихъ музеевъ археолога И. П. Бларамберга, и большая часть вновь находимыхъ вещей уже не разсѣевалась, какъ бывало прежде, по рукамъ частныхъ лицъ, а поступала на храненіе въ одинъ изъ нихъ.

Открытіе древностей Куль-Обскаго кургана въ 1830 г. окончательно упрочило эти первые успѣхи русской археологіи. Найденныя здѣсь драгоцѣнности были отправлены тогдашнимъ керченскимъ градоначальникомъ И. А. Стемпковскимъ въ С.-Петербургъ и сданы въ Императорскій Эрмитажъ. Онѣ не замедлили обратить на себя особливое вниманіе Государя, и министерствомъ Императорскаго Двора была ассигнована весьма значительная сумма для ежегодной выдачи на производство систематическихъ раскопокъ на югѣ Россіи, самое же веденіе работъ поручено Карейшѣ, чиновнику вѣдомства кабинета Его Величества, и Ашику, унаслѣдовавшему послѣ смерти Бларамберга завѣдываніе керченскимъ музеемъ. Оба они ревностно принялись за дѣло, и ими скоро были разрыты и разслѣдованы важнѣйшіе курганы въ окрестностяхъ Керчи и на полуостровѣ Таманскомъ. Впослѣдствіи же районъ раскопокъ значительно расширился, и къ участію въ нихъ были привлечены и многія другія лица, какъ-то гр. Уваровъ, кн. Сибирскій, проф. П. Леонтьевъ, А. Люценко, художникъ Айвазовскій и проч.

Добытый такимъ образомъ богатѣйшій матеріалъ пролилъ яркій свѣтъ на исторію народовъ, жившихъ нѣкогда въ русскихъ предѣлахъ Черноморья, и неудивительно, если онъ вызвалъ нѣкоторое движеніе и въ нашей ученой литературѣ. Въ этой области первое мѣсто безспорно принадлежало трудамъ академика Кёлера, представившаго въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ по нумизматикѣ и исторіи классическаго искусства образцы строго-научнаго, крити-

ческаго пользованія данными вещественныхъ памятниковъ для рѣшенія различныхъ темныхъ вопросовъ древней географіи и этнографіи понтійскихъ береговъ. Немалыя услуги русской археологіи оказали также Бларамбергъ, Стемпковскій, Ашикъ, гр. Уваровъ, Б. В. Кёне, Г. Спасскій и др., которые, хорошо ознакомившись съ уцѣлѣвшими на землѣ и подъ землею памятниками эллиновъ-колонистовъ нашего юга, занимались преимущественно ихъ описаніемъ и истолкованіемъ.

Рука объ руку съ этими археологическими изслѣдованіями шло и болѣе общее изученіе южнаго края. Приведеніе его въ благоустроенный видъ, начавшееся уже при Екатеринѣ В., сдѣлало его приманкою для русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, и многіе изъ нихъ ѣхали въ Крымъ или Бессарабію не въ качествѣ праздныхъ туристовъ, но съ серьезными научными цѣлями. Таковы были напр. Палласъ, Ваксель, Клеркъ, Муравьевъ-Апостолъ, Кёппенъ и Дюбуа-де-Монперё, оставившіе потомству весьма поучительныя записки.

Въ 1854 г. Крымъ сдѣлался театромъ опустошительной войны, не только прервавшей мирное теченіе археологическихъ занятій, но не пощадившей и самыхъ памятниковъ древности. Керчь досталась въ руки непріятелей и подверглась совершенному разрушенію. Керченскій музей со всѣми хранившимися въ немъ предметами сталъ жертвою дикаго вандализма союзной арміи. Двери его были выломаны, мраморныя статуи и плиты съ греческими надписями и скульптурными украшеніями разбиты, стеклянные сосуды и росписныя глиняныя вазы превращены въ груду осколковъ. Къ счастью, значительную часть драгоцѣнностей успѣли заблаговременно вывезти и скрыть въ безопасномъ мѣстѣ внутри Россіи. Но на ту высоту, на какой музей стоялъ до погрома, ему уже не суждено было подняться: онъ превратился во временное депо вновь находимыхъ вещей, въ хранилище дублетовъ и всего того, что было слишкомъ малозначительно, громоздко и неудобно для перевозки. Средоточіемъ же всѣхъ наиболѣе важныхъ археологическихъ находокъ сталъ Императорскій Эрмитажъ, въ которомъ и были основаны спеціальныя отдѣленія древностей боспора Киммерійскаго и скиѳо-сарматскихъ. Въ 1859 г., съ образованіемъ при министерствѣ Двора особой Императорской Археологической комиссіи, на которую возложена была обязанность направлять ходъ археологическихъ разысканій и слѣдить за всѣми дѣлающимися въ государствѣ открытіями предметовъ древности, дѣло археологическаго изученія нашего юга получило новую постановку и организацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно нашло могущественную поддержку въ учрежденіи нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, посвятившихъ себя разработкѣ вопросовъ исторіи и археологіи и развившихъ необыкновенно широкую и плодотворную дѣятельность. Таковы въ особенности одесское общество Исторіи и Древностей, основанное въ 1839 г., Русское Археологическое общество въ С.-Петербургѣ, существующее съ 1846 г., Московское Археологическое Общество, Таврическая ученая архивная комиссія и др. При каждомъ изъ нихъ составились собственныя коллекціи, разросшіяся впослѣдствіи въ цѣлые музеи, и возникли періодически издаваемые въ свѣтъ сборники историко-археологическихъ изслѣдованій и матеріаловъ, которые вмѣстѣ съ годовыми отчетами Императорской Археологической коммиссіи заключаютъ въ себѣ полный сводъ всего, что до сихъ поръ сдѣлано въ Россіи на поприщѣ изученія вещественныхъ памятниковъ эллино-скиѳскаго міра. Вѣнцомъ же многолѣтнихъ усилій русской науки разобраться въ этихъ памятникахъ явился монументальный трудъ академика В. В. Латышева, собравшаго и систематически


Общій видъ Куль-Обской золотой вазы.

расположившаго въ двухъ большихъ томахъ всѣ дошедшія до насъ древне-греческія надписи сѣверныхъ береговъ Понта.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ работъ теперь оказывается возможнымъ не только съ точностью пріурочить древнія географическія названія къ опредѣленнымъ пунктамъ черноморской береговой полосы, но и возсоздать въ общихъ чертахъ исторію взаимныхъ отношеній между различными этнографическими элементами, составлявшими древнѣйшее населеніе этого края, судьбы отдѣльныхъ греческихъ городовъ, здѣсь существовавшихъ, ихъ внутреннюю организацію, основы ихъ быта, особенности ихъ духовной культуры и проч. Не задаваясь однако столь широкими цѣлями, остановимъ свое вниманіе лишь на важнѣйшихъ колоніяхъ сѣвернаго берега Понта, каковы Ольвія, Херсонесъ таврическій и Пантикапея, бывшая долгое время средоточіемъ могущественнаго Боспорскаго царства: это тѣ мѣста, которыя до сихъ поръ доставили наиболѣе обильную археологическую жатву и относительно которыхъ наши свѣдѣнія отличаются наибольшею полностью и обстоятельностью.

Ольвія, основанная приблизительно вѣковъ за шесть до Р. Х. выходцами изъ іонійскаго города Милета, лежала на правомъ берегу Буга, у самой рѣки, неподалеку отъ нынѣшняго большого села Ильинскаго или Парутина, на землѣ, принадлежащей теперь графинѣ Мусиной-Пушкиной. Уже въ первые годы послѣ присоединенія къ Россіи Очакова и прилегавшей къ нему области, въ районѣ которой находилось Парутино, мѣстность эта, покрытая множествомъ

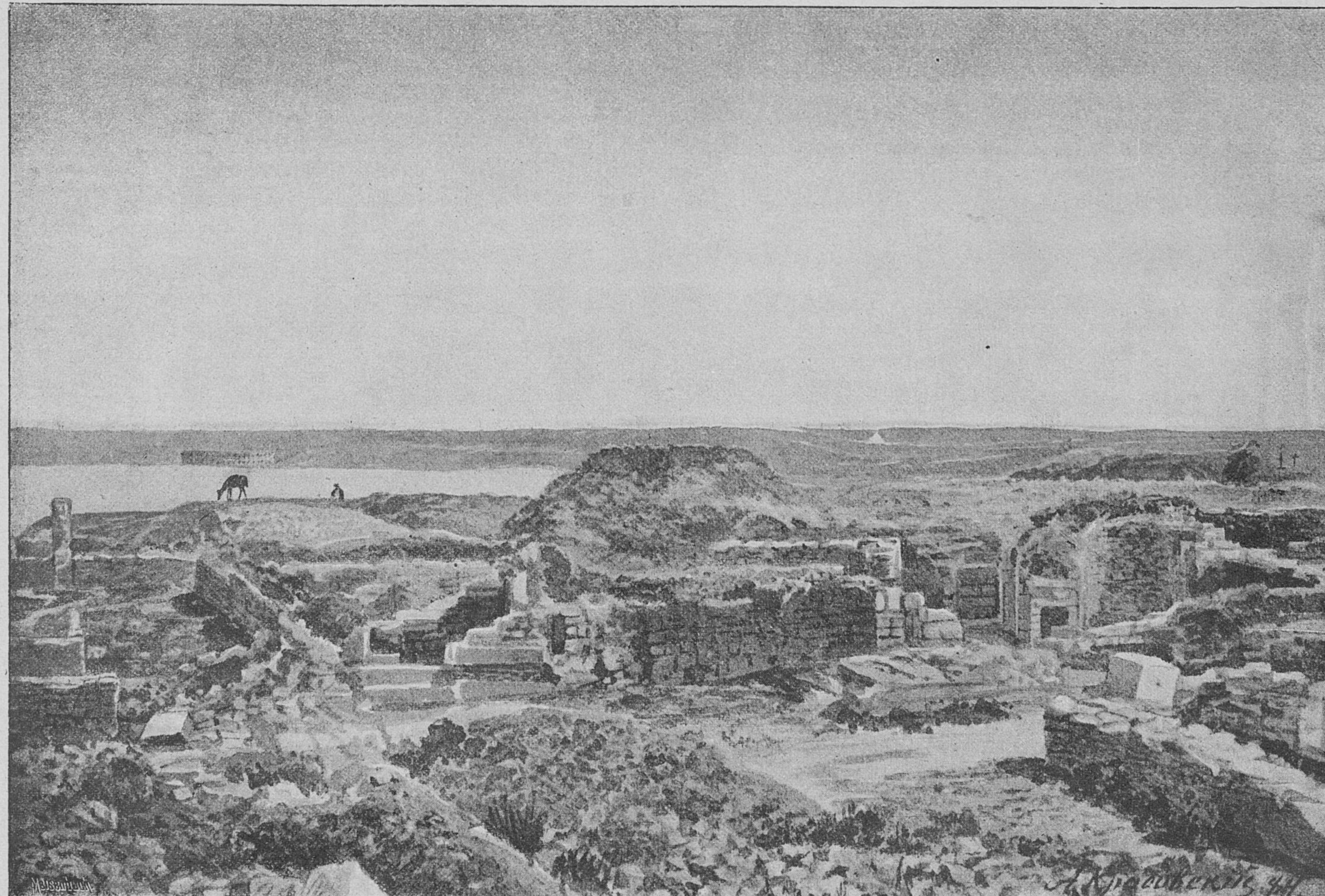


Сцены изъ жизни скиѳовъ (съ Куль-Обской вазы).

кургановъ, носила знаменательное названіе «Ста могилъ» и заставляла путешественниковъ предполагать именно здѣсь мѣстонахожденіе славнаго «города борисѳенитовъ» (такъ называютъ жителей Ольвіи древніе авторы). Въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка предположеніе это блистательно оправдалось раскопками инженеръ-генерала Сухтелена, нашедшаго въ ольвійскихъ развалинахъ массу монетъ съ яснымъ обозначеніемъ принадлежности ихъ ольвіополитамъ.

Когда Геродотъ посѣтилъ Ольвію, то это былъ уже весьма значительный, богатый и благоустроенный городъ. Онъ былъ вокругъ обведенъ крѣпкими стѣнами и защищенъ высокими круглыми и угольными башнями, слѣды которыхъ отчетливо видѣлъ академикъ Кеппенъ, снимавшій планъ съ развалинъ въ 1819 г. Въ стѣнахъ были ворота, снабженныя надежными запорами. Внутри города не было недостатка въ пышныхъ зданіяхъ, украшенныхъ мраморными изваяніями работы какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ мастеровъ. Въ числѣ этихъ зданій видное мѣсто занимали храмы Аполлона Простата, наиболѣе почитаемаго ольвіополитами божества, Зевса, Ахилла и проч. Кромѣ того въ надписяхъ упоминаются хлѣбный магазинъ, служившій повидимому для ссыпки хлѣба, заготовленнаго правительствомъ на случаи неурожаевъ или военнаго времени, портикъ, въ которомъ купцы выставляли свои товары, а впослѣдствіи также «гимнасій» и театръ.

Возникнувъ, быть можетъ, изъ небольшой купеческой факторіи, Ольвія была городомъ



Развалины Херсонеса Таврическаго.

коммерческимъ попреимуществу и своимъ благосостояніемъ всецѣло была обязана торговлѣ. Стоитъ прочитать у Геродота описаніе тѣхъ природныхъ богатствъ, которыми отличались въ въ древности земли, расположенныя у низовьевъ Днѣпра и Буга, чтобы понять, что именно влекло милетскихъ выходцевъ съ сѣвернымъ берегамъ Понта и почему такъ рано мѣсто якорной стоянки купеческихъ судовъ при сліяніи названныхъ рѣкъ могло превратиться въ цѣлое поселеніе. «Рѣка Борисѳенъ,—говоритъ Геродотъ (IV, 53),—изъ скиѳскихъ рѣкъ послѣ Истра (Дуная) самая большая и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, не только между скиѳскими, но и между прочими рѣками, кромѣ развѣ египетскаго Нила, самая прибыльная: она доставляетъ превосходнѣйшія пастбища для скота, въ ней водится въ большомъ изобиліи самая лучшая рыба, вода ея чиста и пріятна на вкусъ, вдоль нея отлично удаются посѣвы, а на незасѣянныхъ мѣстахъ растетъ высокая трава, при устьѣ же ея сама собою отлагается соль». Про-



Никопольская серебряная ваза (изъ Чертомлыцкаго кургана).

мышленный умъ малоазійскаго грека долженъ былъ сразу оцѣнить всѣ эти выгоды положенія: и богатство естественныхъ продуктовъ, обѣщавшихъ составить весьма цѣнные предметы отпускной торговли, и удобство сношеній съ внутренними частями варварскихъ земель по воднымъ путямъ. И вотъ изъ ничтожнаго зародыша, какимъ была первоначальная купеческая колонія, выросъ и процвѣлъ богатый городъ. Окрестная страна производила хлѣбъ,—ольвіополиты сдѣлали хлѣбъ однимъ изъ главныхъ предметевъ экспорта. Морскія и рѣчныя воды доставляли вкусную и разнообразную рыбу,—ольвійскіе промышленники завели соляныя варницы, обширныя рыбныя ловли и начали торгъ маринованной рыбой, той самой понтійской рыбой, высшіе сорта которой шли впослѣдствіи къ столу римскихъ богачей и противъ которой, какъ противъ предмета безумной роскоши, ратовалъ въ сенатѣ знаменитый Катонъ. Сосѣднія кочевыя племена пригоняли къ берегамъ изнутри страны свои стада, и предпріимчивые греческіе купцы стали скупать у нихъ скотъ и разные продукты скотоводства, какъ

то: шерсть, кожи, сало и проч., предлагая имъ въ обмѣнъ вино, масло и различныя издѣлія греческой промышленности. Отъ тѣхъ же варварскихъ племенъ ольвійскіе торговцы пріобрѣтали и рабовъ, которыхъ отправляли на многочисленные невольническіе рынки въ Грецію и Италію. При широкомъ развитіи рабства въ тѣ отдаленныя времена, когда всѣ сельскія, домашнія и промышленныя работы, исполняемыя въ новѣйшихъ обществахъ земледѣльцами, ремесленниками, наемными слугами, поденщиками и вообще свободными работниками, совершались при помощи принудительнаго труда невольниковъ, эта статья отпускной торговли Ольвіи и другихъ понтійскихъ колоній должна была служить источникомъ немалыхъ барышей. Медъ и воскъ, мѣха пушныхъ звѣрей и нѣкоторые металлы дополняли собою число предметовъ вывоза.

Какъ извѣстно, всякая греческая колонія была тѣсно, органически связана со своею метрополіею. Переселенцы шли въ новые края, унося съ собою изъ отечественнаго города священный огонь съ городского очага, и съ этимъ огнемъ они переносили на новую почву обычаи и гражданское устройство своей родины, отъ нея заимствовали свой религіозный культъ, изъ состава ея жреческихъ коллегій замѣщали у себя жреческія мѣста. Поэтому въ Ольвіи, какъ и въ Милетѣ, организація гражданской жизни утверждалась на началахъ прочно установившейся демократіи. Всѣ важнѣйшія дѣла вѣдало вѣче, которому принадлежало рѣшеніе вопросовъ внѣшней политики и общественной безопасности, веденіе государственннаго хозяйства и выборъ должностныхъ лицъ. Думѣ или совѣту была предоставлена лишь второстепенная роль: завѣдуя текущими дѣлами, совѣтъ только подготовлялъ ихъ для внесенія въ народное собраніе. Власть исполнительная распредѣлялась между независимыми другъ отъ друга коллегіями архонтовъ, составлявшихъ высшую администрацію города, стратеговъ, вѣдавшихъ военное дѣло, агарономовъ, наблюдавшихъ за производствомъ торговыхъ операцій, и другихъ выборныхъ чиновниковъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились финансы, городская полиція и прочія отрасли управленія. Завершая служебный годъ, каждая коллегія сдавала отчетъ въ исправномъ исполненіи своихъ обязанностей, приносила дары богамъ и увѣковѣчивала этотъ актъ долга и благочестія торжественною записью на мраморѣ.

Ближайшими сосѣдями ольвіополитовъ были частью осѣдлыя или полуосѣдлыя племена (алазоны, каллипиды и проч.), не чуждавшіяся мирныхъ, торговыхъ сношеній съ ними, частью дикіе и грубые кочевники, отъ времени до времени тревожившіе ихъ своими хищническими набѣгами. Заброшенная въ варварскую страну горсть мирныхъ промышленниковъ, не отличаясь воинственностью и живя исключительно торговыми интересами, естественно должна была волей-неволей ладить и съ этими хищниками. Въ крайнихъ случаяхъ отъ вражескихъ погромовъ приходилось откупаться золотомъ, и разорительная статья «даровъ» скиѳскимъ вождямъ давно вошла въ смѣту постоянныхъ государственныхъ расходовъ Ольвіи. Но мало-помалу ловкіе ольвійскіе купцы сумѣли приручить грубыхъ варваровъ и распространить свои факторіи вглубь скиѳской земли, далеко вверхъ по теченію Днѣпра и Буга.

Въ циклѣ миѳовъ, относящихся къ Гераклу, есть одинъ, повѣствующій о томъ, что этотъ герой, странствуя по понтійскимъ землямъ, встрѣтилъ въ лѣсу змѣеногую дѣву, отъ союза его съ которой произошелъ Скиѳъ, родоначальникъ скиѳскаго племени. Миѳъ этотъ—аллегорія, прикрывающая собою конкретный фактъ. Въ кровь скиѳовъ, приходившихъ постоянно въ тѣсное соприкосновеніе съ греческими поселенцами, не могла съ теченіемъ времени не войти значительная доля греческой примѣси. Высокая эллинская культура, если и была не по плечу грубымъ варварамъ, тѣмъ не менѣе должна была производить на нихъ обаятельное впечатлѣніе. И эти варвары наполняли собою греческіе города,—они шли туда не только ради торговыхъ цѣлей, для продажи и покупки товаровъ, но и поселялись въ нихъ на постоянное жительство, не будучи въ состояніи противиться притягательной силѣ удобствъ городской жизни. Такъ открывался путь для постепенной эллинизаціи скиѳской земли, и, несмотря на

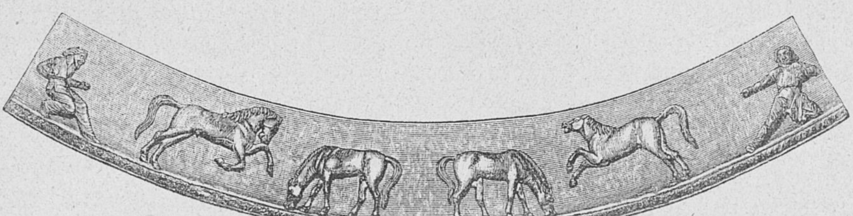
сильную оппозицію со стороны приверженцевъ старины, число филеллиновъ среди скиѳовъ все болѣе и болѣе возрастало. Но борьба старыхъ началъ съ новыми никогда не обходится безъ жертвъ. Преданіе сохранило намъ память о несчастной судьбѣ скиѳскаго царя Скила, запечатлѣвшаго смертью свою любовь къ грекамъ, ихъ вѣрованіямъ и ихъ обычаямъ. Онъ построилъ для себя въ Ольвіи пышный дворецъ, украшенный статуями сфинксовъ и грифовъ, изваянными изъ бѣлаго мрамора и поселилъ въ немъ жену изъ мѣстныхъ жительницъ. Отъ времени до времени, отдѣлившись отъ своей орды, онъ приходилъ въ городъ и, схоронившись за его стѣнами, проживалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ среди грековъ, которымъ старался подражать во всемъ,—и въ одеждѣ, и въ образѣ жизни, и въ религіозномъ культѣ. Такъ шло



Скиѳы, ухаживающіе за конями (первая группа съ фриза Никопольской вазы).

до тѣхъ поръ, пока скиѳы не узнали о поведеніи своего царя. Эллинскія симпатіи Скила показались имъ опасными, и онъ былъ свергнутъ съ престола, а вслѣдъ затѣмъ и убитъ. Но время проходило, и сближеніе двухъ элементовъ, греческаго и варварскаго, становилось тѣснѣе. Геродотъ уже зналъ цѣлое племя эллино-скиѳовъ, образовавшееся повидимому отъ смѣси туземцевъ съ пришлецами и служившее проводникомъ культурныхъ вліяній Греціи въ среду чисто варварскую. Съ другой стороны случалось, что греки, будучи оттѣснены вглубь страны и совершенно отрѣзаны отъ культурнаго моря, дичали, забывали родной языкъ и мало-помалу усвоивали варварскіе обычаи. Таковы, напр., были гелоны, жившіе въ центральныхъ частяхъ Россіи, среди будиновъ, о которыхъ разсказываетъ намъ тотъ же Геродотъ.

Первые три вѣка существованія Ольвіи были самымъ счастливымъ временемъ ея жизни: ея торговля мирно развивалась, а съ нею росло и благосостояніе ея гражданъ; ольвіополиты



Скифы, объѣзжающіе коней (вторая группа съ фриза Никопольской вазы).

чеканили свою монету, которой присвоено было исключительное право обращенія на мѣстномъ рынкѣ; въ городѣ процвѣтала промышленная и даже художественная дѣятельность. Но уже въ концѣ IV стол. до Р. Х. благоденствіе Ольвіи стало клониться къ упадку. Первый тяжкій ударъ ему нанесла продолжительная осада Зопиріона, одного изъ полководцевъ Александра В., для отраженія которой потребовалось крайнее напряженіе силъ и огромныя матеріальныя жертвы. Едва успѣла миновать эта бѣда, разразилось новое неожиданное бѣдствіе: мирныя скиѳскія племена, обитавшія по сосѣдству съ Ольвіей, вдругъ были оттѣснены болѣе грубыми сарматами, наложившими на ольвіополитовъ тяжелую дань, которая однако не избав-

ляла ихъ отъ опустошительныхъ набѣговъ со стороны другихъ враждебныхъ народовъ,—скировъ и галатовъ. Непрерывная борьба съ кочевниками не замедлила вызвать крайній упадокъ торговли и промышленности, поля оставались необработанными, богатая городская казна опустѣла. Щедрая поддержка самоотверженныхъ патріотовъ, вродѣ богача Протогена, обратившаго въ III стол. до Р. Х. свои средства на то, чтобы поднять благосостояніе обнищавшаго города, могла лишь временно облегчить его стѣсненное положеніе. Постоянно прибѣгая къ займамъ, къ закладамъ священныхъ сосудовъ, къ разорительнымъ для гражданъ налогамъ, Ольвія едва влачила свое существованіе и во II вѣкѣ до Р. Х. сдѣлалась легкою добычею варварскихъ царей, имена которыхъ съ этихъ поръ начинаютъ появляться на ея монетахъ. Нашествіе гетовъ въ 60—50 годахъ до Р. Х. окончательно рѣшаетъ ея участь: они разоряютъ ее до тла наряду съ нѣкоторыми другими понтійскими городами. Тѣ изъ ея жителей, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, пали подъ мечами враговъ, а великолѣпныя постройки города стали добычею пламени.

Но, какъ фениксъ изъ пепла, Ольвія, спустя нѣкоторое время послѣ гетскаго погрома, снова возродилась изъ безформенной груды развалинъ. Правда, возстановленный городъ былъ уже значительно меньше прежняго, да и населеніе его было полуварварское, но онъ просуществовалъ почти три столѣтія, пока новый наплывъ подвигавшихся на западъ варварскихъ народовъ не стеръ совершенно съ лица земли и этотъ послѣдній остатокъ древнѣйшей изъ понтійскихъ колоній Милета, бывшей въ теченіе почти тысячелѣтія однимъ изъ главныхъ очаговъ культурнаго вліянія Греціи въ странѣ скиѳовъ.

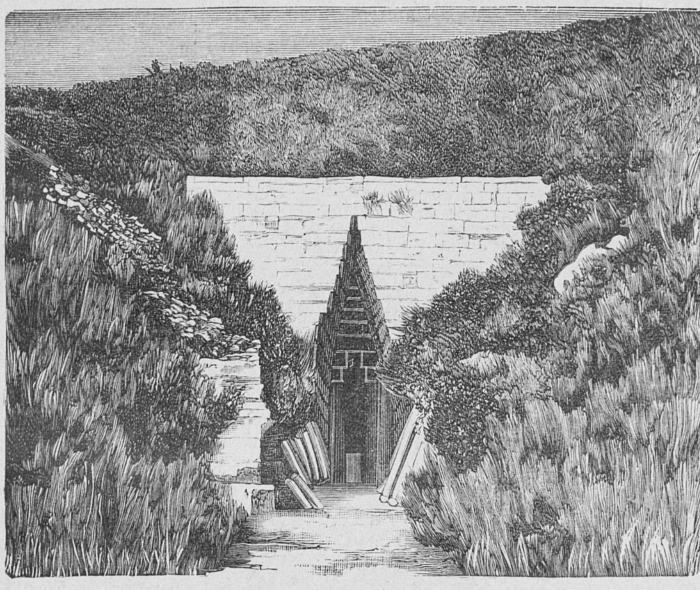
Не менѣе значительные успѣхи эллинизма замѣтны были и въ обширномъ Боспорскомъ царствѣ, которое успѣло распространить свою власть не только на весь Таврическій полуостровъ, но и на страны, лежащія по ту сторони боспора Киммерійскаго (Керченскаго пролива). Постоянный притокъ греческихъ переселенцевъ, основаніе новыхъ колоній, все глубже и глубже врѣзывавшихся въ срединныя земли Скиѳіи, занятыя варварами, широкое развитіе торговыхъ сношеній,—все это способствовало постепенному ассимилированію туземцевъ съ пришельцами и дало возможность греческому элементу укорениться здѣдь такъ прочно, что, несмотря на бурныя времена послѣдовавшихъ въ первые вѣка по Р. Х. опустошительныхъ варварскихъ нашествій, слѣды эллинизма не изгладились въ Крыму вплоть до XIII—XIV стол.

Столицею Боспорскаго царства была Пантикапея (нынѣ Керчь), основаніе которой относится къ 540—510 гг. до Р. Х. Городъ этотъ, выросшій подобно Ольвіи изъ небольшой купеческой факторіи, быстро расцвѣлъ и уже въ началѣ V вѣка стоялъ во главѣ союза окрестныхъ греческихъ поселеній, будучи политическимъ центромъ такихъ же, какъ онъ, автономныхъ городовъ Тавриды. Союзъ ихъ преслѣдовалъ цѣли общей, дружной обороны отъ варваровъ, отовсюду облегавшихъ тѣсный греческій мірокъ: отъ скиѳовъ и тавровъ на европейскомъ берегу, синдовъ и меотовъ—на азіатскомъ. Пантикапея, расположенная въ глубинѣ пролива, соединяющаго Черное море съ Азовскимъ, по склону высокаго холма, царящаго надъ окрестною степною областью, (нынѣ «Митридатова гора»), играла роль сторожеваго поста таврическихъ грековъ.

Источникомъ богатства боспоритянъ была торговля. Таврида скоро стала житницею Аѳинъ, и главное занятіе жителей Пантикапеи, Нимфеи и другихъ сосѣднихъ колоній состояло въ отпускѣ хлѣба для собственной Греціи, преимущественно же для Аѳинъ. На многихъ боспорскихъ монетахъ изображенъ грифъ съ дротикомъ въ зубахъ, стоящій надъ хлѣбнымъ колоссомъ и какъ бы стерегущій это богатство боспора. Типы другихъ монетъ,—сотникъ, бараньи и бычачьи головы, рыба и проч.,—носятъ тотъ же эмблематическій характеръ и указываютъ и на другіе предметы вывоза изъ боспорскихъ гаваней. Въ обмѣнъ на естественныя произведенія страны варвары получали отъ греческихъ купцовъ вино, масло, шерстяныя ткани, разные предметы художественной промышленности. Въ неудержимой погонѣ за наживой бос-

поритяне не гнушались поддерживать дѣятельныя сношенія даже съ тѣми хищническими племенами Кавказа, которые промышляли грабежомъ и разбоемъ. Черноморскіе пираты также находили въ Пантикапеѣ безопасную гавань и удобный рынокъ для сбыта своихъ награбленныхъ сокровищъ.

Самымъ счастливымъ періодомъ въ жизни Боспорскаго царства было время владычества династіи Спартокидовъ, вступившихъ на престолъ послѣ кратковременнаго господства знатной греческой фамиліи Археанактидовъ и процарствовавшихъ болѣе трехъ сотъ лѣтъ (438—115 г. до Р. X.). Спартокъ, родоначальникъ династіи, по происхожденію своему былъ варваръ, но преемники его рано приняли греческую культуру, и подъ ихъ кроткимъ управленіемъ, щадившимъ старыя, привычныя республиканскія формы жизни эллинскихъ колонистовъ, Пантикапея благоденствовала и объединила подъ своимъ главенствомъ оба берега Киммерійскаго боспора. Особенно славно было царствованіе Левкона I (387—347 г.), который завелъ значительный флотъ, подчинилъ своему скиптру много мелкихъ варварскихъ народцевъ, обитав-



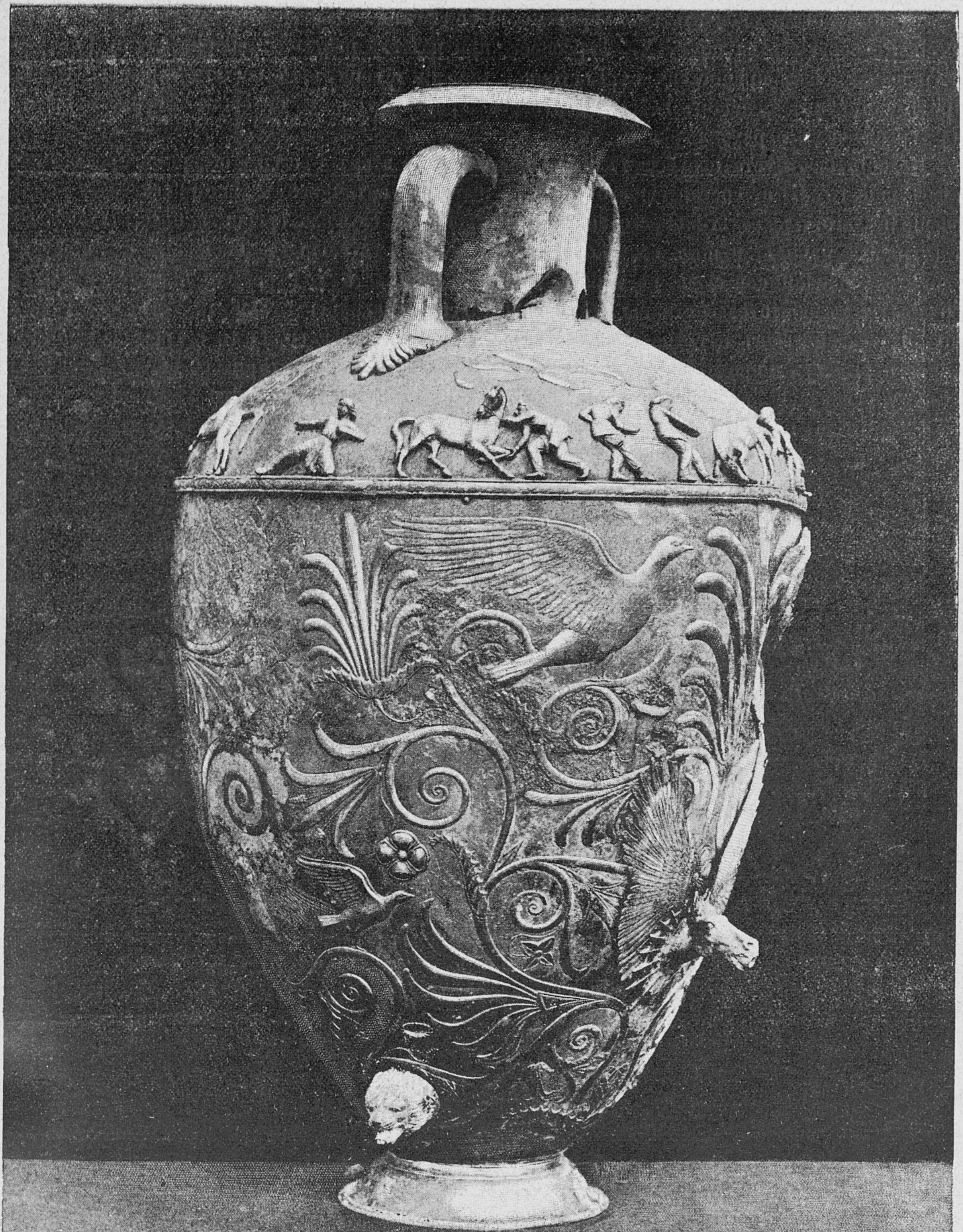
Гробница скиѳскихъ царей (близъ Керчи).

шихъ въ нынѣшней Кубанской области и въ предгоріяхъ Кавказа, и слылъ образцомъ мудраго и кроткаго государя. При немъ Боспорское царство завязало дѣятельныя торговыя сношенія съ Аѳинами, дружественныя связи съ которыми усердно поддерживались и его преемниками Перисадомъ I и Спартокомъ IV. Непосредственный результатъ этихъ связей не замедлилъ сказаться въ перенесеніи особенностей утонченной аттической культуры на почву Тавриды и развитіи художественныхъ вкусовъ и стремленій среди боспоритянъ. Раскопки керченскихъ и таманскихъ кургановъ, подарившія Императорскій Эрмитажъ и другіе музеи тысячами драгоцѣнныхъ предметовъ чисто эллинскаго искусства, достаточно свидѣтельствуютъ о пышности и великолѣпіи тѣхъ формъ частнаго быта, какія мало-по-малу, благодаря успѣхамъ торговли и заразительному примѣру Аѳинъ, установились въ боспорскихъ городахъ при Спартокидахъ. Но благоденствіе Боспора продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока силы этого государства не были совершенно подорваны растлѣвающимъ вліяніемъ роскоши, нѣги, безпечности и бездѣйствія. Сосѣдніе тавро-скиѳы не замедлили воспользоваться слабостью послѣд-

нихъ потомковъ Спартока и, поставивъ могущественное нѣкогда Боспорское царство въ зависимость отъ себя, наложили на боспоритянъ довольно тяжелую дань. Послѣдніе, изнемогая подъ бременемъ этой дани, призвали противъ нихъ знаменитаго Митридата Эвпатора, уже прославившаго себя въ то время громкими побѣдами надъ варварами, и съ этихъ поръ Боспоръ сталъ частицею обширнаго Понтійскаго царства. Въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ Митридата съ возмутившимся противъ него сыномъ его, Фарнакомъ, боспоритяне однако стояли на сторонѣ мятежнаго сына, которому Пантикапея безъ сопротивленія отворила свои ворота въ то время, какъ Митридатъ заперся въ ея акрополѣ, на горѣ, сохранившей донынѣ его имя. Здѣсь, какъ извѣстно, этотъ несчастный герой понтійскихъ странъ и покончилъ свою жизнь самоубійствомъ (63 г. до Р. Х.). Тогда Боспоръ раздѣлилъ участь прочихъ странъ востока,—онъ сталъ провинціею Рима, которому долженъ былъ платить дань и отъ котораго получалъ своихъ царей. Эти цари, носившіе варварскія имена Котисовъ, Савроматовъ и Рискупоридовъ, были раболѣпными клевретами римскихъ императоровъ, и ихъ исторія есть исторія постепеннаго упадка и одичанія ихъ царства. Торговля нѣкогда цвѣтущихъ греческихъ городовъ Тавриды пала, вмѣстѣ съ нею пало и ихъ благосостояніе. Просуществовавъ до появленія гунновъ, они стали легкою добычею этихъ степняковъ и превратились въ груды плачевныхъ руинъ. Нѣсколько грубыхъ лачугъ, кое-какъ сложенныхъ изъ античныхъ обломковъ,—вотъ тотъ видъ, которой эти города имѣли въ то время, когда боспоръ перешелъ подъ власть византійскихъ императоровъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о знаменитой и въ русскихъ лѣтописяхъ колоніи гераклійцевъ, Херсонесѣ таврическомъ или Корсуни. Въ послѣдніе годы раскопки, производимыя на мѣстѣ этого древняго города г. Косцюшко-Валюжиничемъ, пролили много свѣта на его прошлое. Онѣ выяснили, что древнѣйшее греческое поселеніе, основанное здѣть столѣтій за пять до Р. Х., находилось на восточномъ склонѣ Гераклійскаго полуострова, у нынѣшней Карантинной бухты, и простиралось на западъ до конца монастырскаго сада, гдѣ его границу составляла оборонительная стѣна съ башнями и воротами. За этой стѣной начинался греческій некрополь, надъ которымъ прошелъ разросшійся въ римскую и византійскую эпоху новый городъ.

Несмотря на выгодное въ торговомъ отношеніи и довольно уединенное положеніе въ томъ углу Таврическаго полуострова, гдѣ нынѣ расположенъ Севастополь, городу, заброшенному въ далекія варварскія страны, невозможно было сохранить свою самостоятельность. Подобно Ольвіи, старавшейся ладить съ окружавшими ее скиѳами и, въ случаѣ необходимости, откупаться отъ ихъ нападеній, херсонесцы также платили дань своимъ сосѣдямъ, грубымъ таврамъ, и цѣною этой дани пріобрѣтали возможность мирно предаваться торговымъ и промышленнымъ занятіямъ. Но не всегда золото обезпечивало миръ, и когда могущество тавровъ усилилось при царѣ ихъ Скилурѣ, распространившемъ свое господство надъ скиѳскими племенами вплоть до самой Ольвіи, опасность стала угрожать самой территоріи Херсонеса. Не будучи въ силахъ бороться со столь сильнымъ врагомъ, херсонесцы рѣшились просить помощи у понтійскаго царя Митридата Эвпатора, котораго, какъ мы видѣли, въ то же время призвали и боспоритяне, тѣснимые тѣмъ же врагомъ. Митридатъ воспользовался этимъ случаемъ утвердиться на Таврическомъ полуостровѣ. Побѣдивъ Скилура, онъ наложилъ на херсонесцевъ дань и поставилъ въ ихъ городѣ свой гарнизонъ. Это зависимое положеніе не прекратилось для Херсонеса и со смертью Митридата: Херсонесъ остался въ подчиненіи у царей боспорскихъ, а спустя полвѣка, получивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ вольностей, долженъ былъ принять римскій гарнизонъ и платить дань въ римскую казну. Время непосредственной зависимости отъ Рима было счастливѣйшимъ періодомъ въ жизни города: онъ оживился, торговля его расцвѣла, населеніе увеличилось. При Діоклетіанѣ за помощь, оказанную римлянамъ въ борьбѣ ихъ со скиѳами, херсонесцы были освобождены наконецъ отъ всякихъ повинностей, и съ



Никопольская серебряная ваза (изъ Чертомлыцкаго кургана).

этихъ поръ, въ то время какъ боспорское царство неудержимо клонилось къ упадку, ихъ благоденствіе было окончательно упрочено. Пощаженный варварами, бушевавшими на югѣ Россіи въ первые вѣка по Р. Х., Херсонесъ при раздѣлѣ римской имперіи между Гоноріемъ и Аркадіемъ былъ причисленъ къ Восточной имперіи и вошелъ въ составъ державы Аркадія. При Константинѣ Великомъ здѣсь утвердилось христіанство, и епископъ Ѳеерій построилъ для херсонесцевъ первую церковь.

Недостатокъ мѣста побуждаетъ насъ ограничиться этимъ бѣглымъ обзоромъ древнѣйшихъ судебъ нашего Юга, составлявшаго нѣкогда частицу античнаго эллино-римскаго міра. Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія береговая полоса Черноморья служила ареною пропаганды мирныхъ культурныхъ началъ, и подъ воздѣйствіемъ живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ піонерами эллинизма, явившимися сюда на торговыхъ судахъ Милета и Гераклеи понтійской, нравы первобытныхъ обитателей страны стали смягчаться,—появились цѣлыя племена, среди которыхъ греческій языкъ и греческія вѣрованія, формы греческаго быта и греческой общественности уже при Геродотѣ прочно водворились. Какъ далеко простирались бы предѣлы этихъ мирныхъ завоеваній греческаго генія, еслибы культурная дѣятельность эллинскихъ колонистовъ не была насильственно прервана неумолимымъ ходомъ событій,—судить не намъ. Бурный потокъ несмѣтныхъ варварскихъ ордъ смылъ всѣ слѣды этой дѣятельности, и нѣсколько жалкихъ руинъ да длинный рядъ могильныхъ насыпей, подъ которыми схоронены матеріальные памятники греческой древности, вскрываемые нынѣ любознательностью ученыхъ,—вотъ все, что осталось намъ отъ эллинскихъ насельниковъ нашего Юга.

Профессоръ А. Деревицкій.

ОДЕССА,

15-го сентября 1897 года.



ОЧЕРКЪ II.

ФИЗИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ СТРАНЫ.

Новороссійскія степи и ихъ растительность.—Черноземъ.—Балки и орошеніе страны.—Главныя степныя рѣки и ихъ русла.—Днѣпровскіе степные граниты и пороги.—Днѣпровскіе плавни.—Горныя отрасли Бессарабіи.

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

Фетъ.

Четыре новороссійскія губерніи, Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая, взятыя вмѣстѣ, лежатъ подъ 45° 47′ и 48° 20′ сѣверной широты и 44° 20′ и 58° восточной долготы, считая отъ парижскаго меридіана. Протянувшись на такомъ огромномъ пространствѣ, Новороссія представляетъ значительное разнообразіе мѣстности и климата. Въ сѣверной ея части встрѣчается довольно много лѣсовъ, обильное орошеніе, тучные луга; зимы довольно суровыя и многоснѣжныя; вообще же климатъ немногимъ отличается отъ климата средней Россіи. За этою полосою, которая обнимаетъ почти всю сѣверную половину Новороссіи, къ югу начинаются уже настоящія степи. Лѣсовъ нѣтъ. Множество рѣчекъ по разнымъ направленіямъ пересѣкаютъ эту равнину, но въ знойное время года они совершенно пересыхаютъ. Другія, нѣкогда большія рѣки, окончательно исчезли, оставивъ послѣ себя только глубокія долины или *балки*, которыя, вмѣстѣ со множествомъ насыпей или кургановъ, однѣ только и нарушаютъ томительное однообразіе степи.

Здѣсь уже имѣются произведенія южной Европы, какъ напримѣръ, персики, абрикосы и виноградъ, зрѣющіе на открытомъ воздухѣ; на поляхъ же растутъ дикіе тюльпаны и миндальное дерево. Въ степяхъ иногда весь годъ кочуютъ стада, не боясь зимы. Даже верблюды живутъ и плодятся здѣсь. Степная полоса занимаетъ всю южную половину Новороссіи вплоть до южнаго берега Крыма, который рѣзко отдѣляется отъ степи горнымъ хребтомъ Яйлы и по климату и растительности имѣетъ гораздо больше общаго съ Италіей, напр., съ окрестностями Генуи, чѣмъ со степной частью Новороссіи. Весна въ этомъ уголкѣ начинается очень рано и почти незамѣтно переходитъ въ знойное лѣто. Умѣренная, сухая—она очень часто замѣняетъ зиму. Розы цвѣтутъ здѣсь круглый годъ. Если бы еще росла здѣсь пальма, то южный берегъ Крыма мы должны были бы назвать страною тропическою.

Но южный берегъ Крыма—только небольшой уголокъ Новороссіи. Сѣверная лѣсная полоса такъ же незначительна, такъ что Новороссійскій край съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названъ степнымъ краемъ—степью.

Широко раскинулись новороссійскія степи, но мало разнообразія въ нихъ. Сотни верстъ проѣдешь по нимъ, а картина все одна и та же: далеко-далеко, на сколько хватаетъ глазъ, тянется степь, то гладкая, какъ столъ, то всхолмленная и перерѣзанная глубокими балками. Жилье встрѣчается рѣдко, села—еще рѣже, да и тѣ имѣютъ печальный видъ: гдѣ-нибудь въ лощинѣ или по склону балки раскинуто нѣсколько десятковъ домовъ, безъ зелени, безъ огородовъ, безъ всякихъ даже хозяйственныхъ построекъ... Печальна картина степи въ концѣ лѣта, когда степь выжжена знойными лучами солнца. Еще болѣе печальна она зимою, покрытая бѣлою пеленою снѣга. Но весною, въ маѣ, она покрывается высокой тучной травой, въ которой разсыпаны милліоны цвѣтовъ,—и въ это время каждый любитель природы не наглядится на нее, не надышется ея чуднымъ ароматнымъ воздухомъ. «Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!»—невольно воскликнетъ онъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. А вотъ картинное, поэтическое описаніе степи, данное также любителемъ природы, В. Пассекъ («Очерки Россіи»).

«Много приволья и простора среди южно-русскихъ степей. Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестью. Бѣлыя облака какъ-то неспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснею. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга до вершинъ деревъ, залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновали по всѣмъ логамъ и оврагамъ. Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы; высокіе, почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны. Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался на Божій міръ, радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланныя его трудомъ и богатыя будущею жатвою.

«Я видѣлъ степь въ маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и незримо выработываютъ зерно новой жизни, для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густой травѣ. Природа погружена въ тайны жизни, и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая... Вѣрно въ это время поэтъ слышалъ, *какъ мотылекъ колыхался надъ травою, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы.*

«Въ сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи и полное зерно обильно сыплется изъ подъ цѣповъ и копытъ лошади. Увядающія травы желтѣютъ; однѣ бережно хранятъ въ себѣ будущее поколѣніе, другія открываютъ свои сокровищницы и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія. Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травяной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и собираются въ стада. Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ, утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ; день коротокъ, зари почти нѣтъ: близка южная осень. По ноябрьскому небу тяжело носятся сѣрыя облака. Земля смочена и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовью: едва проглянетъ и скроется на цѣлый день. Трава увяла; новая зелень хлѣбовъ, среди угасающей жизни, наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы и журавли ходятъ огромными стадами, аисты собираются на взморьѣ тысячами; одно стадо поджидаетъ другое, чтобы не было такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

«Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣе вьется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскій; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

«Январь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлѣлись, какъ сибирскія тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги; метель бьетъ въ окно поселянина и завываетъ, будто проситъ пріюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ, со свистомъ взметаетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей—онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами татаръ и казаковъ—онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда—и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою и утомленный бѣжитъ далѣе. А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ. Буря утихла: небо безоблачно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь миріады сверкающихъ пылинокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтить радужно оледенѣлыми вѣтвями; степь безпредѣльна, подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другого лѣта.

«Я былъ въ степяхъ и теперь они будто предо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ, и ребра рѣкъ великановъ, и пустыню неба съ одинокимъ знойнымъ солнцемъ, и темную синеву неба среди ночи, съ яркими звѣздами, ихъ непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужасъ засухъ и метелей.

«Какъ часто среди тишины нежданно, внезапно схватится вихрь и побѣжитъ по степи, то понесется прямо стрѣлою, то закрутится и обѣжитъ кругомъ васъ; сметаетъ сухія травы, срываетъ съ кровель тростникъ и солому, взвѣваетъ пыль, бѣжитъ, растетъ, вздымается къ облакамъ и вдругъ, будто выбившись изъ силъ, роняетъ все, что захватилъ на пути, и добыча безобразно сыплется на землю.



Отдыхъ въ степи.

«Бываетъ, въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ-то готическихъ зданій, окруженныхъ широкимъ разливомъ воды, точно озеро и на немъ острова, покрытые деревьями; тамъ бродятъ какія то громадныя животныя—чудовища, тамъ море гонитъ свои синія волны... Приближаетесь и все, какъ очарованное, удаляется отъ васъ; идете тихо—и зданія, и воды отодвигаются медленно; скачете—и все бѣжитъ и измѣняется, а предъ вами та же пустыня неба и безводной степи, и тѣ же могильные курганы. Не грядущую ли жизнь и благо степей прообразуютъ эти видѣнія?

«Хорошъ видъ степныхъ пожаровъ. Когда раннею весною выжигаются степи, огонь перебирается по травѣ, и сухой стебель то затлѣется, то вдругъ вспыхнетъ, какъ свѣчка; пламя перебѣгаетъ, развивается; столбъ чернаго дыма встаетъ, растетъ, и если огонь нашелъ преграду, отдѣлится отъ земли и, свертываясь и развиваясь, несется облакомъ. Опаленная земля черна, какъ уголь; сухія травы сожжены; но не пройдетъ мѣсяца—и земля съ новою силою и свѣжестью убирается зеленью».

Изъ растеній, свойственныхъ степной полосѣ Новороссіи, мы не будемъ останавливаться на хлѣбныхъ злакахъ: пшеницѣ—арнауткѣ и гиркѣ, ржи, овсѣ и проч., хотя они и покрываютъ сотни тысячъ десятинъ, постепенно вытѣсняя аборигеновъ степи—ковыль, полевицу и разные виды бурьяна и степныхъ кустарниковъ.

Но мы остановимся на этихъ послѣднихъ. Изъ нихъ наиболѣе характернымъ является *ковыль* (st. penata)—многолѣтнее растеніе, образующее большіе кусты. Ости его достигаютъ

полуаршина длины, чрезвычайно тонки, гибки и покрыты мягкимъ пухомъ. Степь, покрытая ковылемъ, еще издали серебрится, потому что малѣйшій вѣтеръ наклоняетъ перья его въ одну сторону, а солнце играетъ на ихъ блестящихъ пушинкахъ. Въ сильный вѣтеръ ковылистое поле представляетъ странный оригинальный видъ: оно словно зыблется и переливается изъ края въ край. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище ново и поразительно; никакое теченіе воды на него не похоже; но своимъ однообразіемъ оно скоро утомляетъ зрѣніе и наводитъ какое-то уныніе на душу. Ковыль любитъ только дѣвственную степь, не тронутую сохою; поэтому область его распространенія суживается съ каждымъ годомъ. Различные виды полевицы представляютъ густыя раскидистыя метелки, состоящія изъ самыхъ нѣжныхъ вѣточекъ и блестящихъ чешуекъ крошечныхъ волосковъ своихъ. Лѣтомъ, когда онѣ цвѣтутъ, мѣста, ими заросшія, кажутся издали покрытыми блестящимъ пухомъ. Изъ кустарниковъ обращаютъ на себя вниманіе—степной дубнякъ, чилижникъ, бобовникъ и вишенникъ. Въ особенности характерны два послѣдніе. Растутъ они обыкновенно вмѣстѣ и очень часто на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ степи, напримѣръ, на курганахъ. Кустарники эти вмѣстѣ съ выросшими среди ихъ и подъ ихъ защитою высокими травами образуютъ чрезвычайно густыя заросли, которыя далеко бросаются въ глаза своею сочной темной зеленью. Бобовникъ и вишенникъ должны быть признаны въ высшей степени приспособленными къ степнымъ условіямъ климата и почвы. Истребить ихъ до того трудно, что даже среди пахатныхъ полей они по большей части образуютъ круговины, несмотря на то, что ихъ постоянно тревожитъ соха и борона; даже у дорогъ и на степныхъ лугахъ, гдѣ пасутся стада, они растутъ густо и приносятъ плоды, несмотря на то, что ихъ топчатъ и грызутъ овцы. Иногда вишенникъ обносятъ небольшой изгородью и тогда онъ разрастается широко и довольно высоко и даетъ много ягодъ, которыя идутъ на выжимку морса.

Эти кустарники замѣняютъ въ степи лѣса, которыхъ тамъ нѣтъ и по всей вѣроятности никогда не было. Причины, мѣшающія росту деревьевъ въ степи, многочисленны: неудобное распредѣленіе дождей и проистекающая отсюда сухость почвы, сила и постоянство вѣтровъ, дующихъ преимущественно съ юго-востока, многочисленныя стада овецъ, истребляющія молодые побѣги—вотъ главнѣйшія изъ нихъ. Но если лѣса въ этой мѣстности нѣтъ, то отсюда конечно нельзя еще заключить, что его тамъ и быть не можетъ. Да и опытъ доказываетъ противное. Напримѣръ, въ послѣднее полстолѣтіе въ степной части Бессарабіи разведено очень много лѣсныхъ плантацій (попреимуществу изъ акацій), которыя растутъ отлично и вполнѣ удовлетворяютъ мѣстной потребности въ лѣсѣ. Правда, что и требованія эти не велики, такъ какъ дома, изгороди и вообще всякія хозяйственныя постройки въ Новороссіи никогда не дѣлаются изъ дерева: его замѣняютъ камень, глина или *чамуръ* (кирпичъ, сдѣланный изъ земли, смѣшанной съ навозомъ или соломой). Для топлива употребляется навозъ (кизякъ). Лѣсъ нуженъ здѣсь только для разныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ да для виноградныхъ тычинокъ.

Лучшіе лѣса Новороссійскаго края до сихъ поръ находятся въ сѣверной половинѣ Бессарабіи—въ уѣздахъ Кишиневскомъ, Оргѣевскомъ, Хотинскомъ. И теперь тамъ немало великолѣпныхъ дубовыхъ лѣсовъ или «кодровъ». Но все это лишь жалкіе остатки прежняго богатства, когда лѣса тянулись тамъ на десятки верстъ, когда лѣсъ не имѣлъ почти никакой цѣнности. Лучшіе лѣса Бессарабіи принадлежали разнымъ заграничнымъ монастырямъ, которые владѣли въ этой мѣстности богатыми и обширными имѣніями. Въ послѣдніе годы имѣнія эти перешли въ руки казны, но еще до этого перехода монастырскіе лѣса подверглись безпощадному истребленію.

Но главное богатство Новороссіи заключается не въ лѣсахъ, даже не въ обиліи земли, а въ ея высокомъ качествѣ. Дѣло въ томъ, что степи Новороссіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ прибережій и солончаковъ,—сплошной и глубокій черноземъ. Глубина его доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6 и даже до 8 футовъ, уменьшаясь на вершинахъ холмовъ и вообще



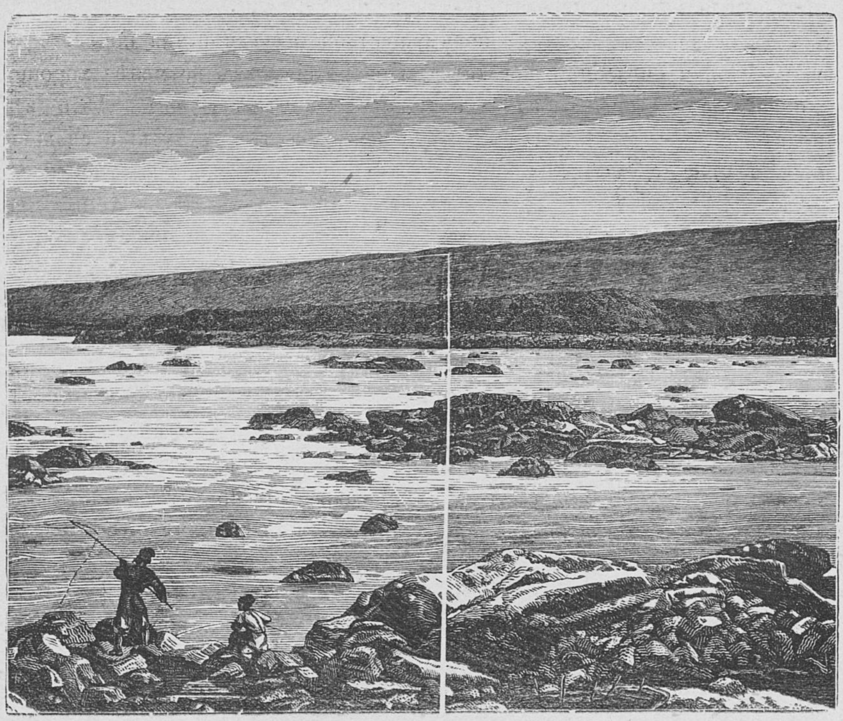
Переходъ по льду чрезъ Днѣпръ близъ Екатеринослава.

мѣстахъ возвышенныхъ и увеличиваясь въ балкахъ и долинахъ Такого чернозема нѣтъ нигдѣ въ западной Европѣ и обиліемъ его обусловливается плодородіе почвы Новороссіи. Относительно происхожденія чернозема, способа его образованія и причинъ плодородія есть много предположеній; но, не основанныя на твердыхъ научныхъ данныхъ, всѣ они, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывались несостоятельными. Повидимому, наиболѣе научная теорія образованія чернозема принадлежитъ академику Рупрехту. По его мнѣнію, черноземъ не есть морской илъ, отложенный морскими теченіями съ сѣвера, какъ полагалъ Мурчисонъ, или отступленіемъ прежняго Каспійско-Понтійскаго моря, какъ говоритъ Петцгольдъ, потому что въ черноземѣ нѣтъ и слѣдовъ морскихъ раковинъ, микроскопическихъ политаламій, полицистиній и морскихъ бациллярій, потому что дно прежняго Каспійско-Понтійскаго моря, сдѣлавшееся сушею и покрытое множествомъ морскихъ раковинъ и понынѣ живущихъ молюсковъ, представляетъ низменную степь съ соляными озерами и солонцами, безъ всякихъ слѣдовъ чернозема. Черноземъ не могъ образоваться также отъ высыханія и истлѣванія торфяниковъ, какъ полагали многіе (Эйхвальдъ, Вангенгеймъ, Лудвигъ), потому что въ южной степной Россіи никогда не было изобилія лѣсовъ и болотъ, чѣмъ обусловливается существованіе торфяниковъ. По мнѣнію же академика Рупрехта, черноземъ произошелъ отъ дерна. Дерновая почва, какъ по наружнымъ признакамъ, такъ и по химическому составу и микроскопическому строенію, представляетъ настоящій эквивалентъ чернозема. Подъ вліяніемъ солнца и дождя, травянистыя части растенія истлѣваютъ, обращаются въ перегной, просачиваются въ почву и обусловливаютъ собою болѣе или менѣе черный цвѣтъ ея. Резюмируя свои положенія, Рупрехтъ говоритъ, что объясненіе происхожденія чернозема отъ степного дерна, покрывавшаго почву многія тысячелѣтія, истинно потому, что нѣтъ ни одного явленія, которое противорѣчило бы этому. Отсутствіе же политаламій и полицистиній, морскихъ бациллярій, морскихъ и прѣсноводныхъ раковинъ, уменьшеніе, вмѣстѣ съ глубиною, темнаго цвѣта, количества перегноя и фитолитаріи, скудное содержаніе органическихъ веществъ сравнительно съ кремнеземомъ и другими неорганическими частями чернозема, залеганіе на куполообразныхъ слегка выпуклыхъ равнинахъ и на вершинахъ плоскихъ горъ и холмовъ, распространеніе, мѣстами прерванное, на огромное протяженіе, частое отсутствіе чернозема вдоль береговъ рѣкъ, коль скоро онѣ новаго образованія, отсутствіе его въ Понтійско-Каспійской степи и на сыпучемъ пескѣ, гдѣ дернъ растетъ рѣдко и трудно, незамѣтный переходъ чернозема въ дерновую почву,— все это объясняется безъ малѣйшаго затрудненія и доказываетъ происхожденіе чернозема изложеннымъ выше путемъ. Причины же образованія чернозема на югѣ Россіи и отсутствіе его за сѣверной границей черноземнаго пространства объясняется, по мнѣнію академика Рупрехта, различіемъ древности или возраста почвъ этихъ двухъ областей страны.

Химическія разложенія чернозема были производимы многими учеными, всѣ они однакоже не могли до сихъ поръ удовлетворительнымъ образомъ объяснить причинъ его плодородія. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что сами хозяева не всѣ согласны въ мнѣніяхъ о плодородности этой почвы: одни видятъ въ ней массу до того плодородную, что навозъ можетъ только испортить ее, но не улучшить; другіе же доказываютъ, что удобреніе необходимо и для чернозема. Такія разнорѣчія можно объяснить тѣмъ, что далеко не на всемъ пространствѣ черноземной полосы эта почва имѣетъ совершенно одинаковыя свойства, и, дѣйствительно, какъ самый составъ черноземной почвы, такъ климатъ, сухость и влажность, наконецъ, та или другая культура должны требовать различнаго обращенія съ черноземомъ. Впрочемъ, можно считать несомнѣннымъ, что черноземъ не заключаетъ въ себѣ условій постояннаго плодородія и что, подобно другимъ почвамъ, онъ можетъ истощаться. Такое истощеніе чернозема и необходимость удобренія теперь уже признаются многими хозяевами степной полосы: въ губерніяхъ Тульской, Тамбовской и другихъ черноземныя поля и теперь постоянно удобряются навозомъ; а если унавоживаніе полей въ Новороссійскомъ краѣ не вводится во всеобщее

употребленіе, то причиною тому еще, съ одной стороны, обширность земельныхъ угодій, при которой возможно и даже выгодно переложное хозяйство, а съ другой то обстоятельство, что навозъ (кизякъ) составляетъ, при безлѣсіи степей, необходимый матеріалъ для топлива. Съ увеличеніемъ же народонаселенія и съ необходимостью, которая тогда явится, отказаться отъ цѣлины и залежей и постоянно воздѣлывать одно и то же поле, хозяева, вѣроятно, должны будутъ прибѣгать къ тѣмъ способамъ пользованія землею, которые основаны на началахъ возвращенія почвѣ такого количества питанія, какое изъ нея извлечено жатвами. Введеніе *черпаго пара* въ Молочанскихъ колоніяхъ, благодѣтельныя послѣдствія котораго испытаны уже въ теченіе многихъ лѣтъ, составляютъ переходъ къ такому раціональному пользованію черноземными полями.

Въ виду важности предмета мы войдемъ еще въ нѣкоторыя подробности относительно распредѣленія чернозема въ Новороссійскомъ краѣ.



Днѣпровскіе пороги.

Въ Бессарабской губерніи почва черноземная съ легкими примѣсями песку (супесокъ) или глины (суглинокъ); по берегамъ рѣчекъ почва песчаная, съ примѣсью глины; на буграхъ къ глинѣ примѣшивается хрящъ. Различіе между сѣверною и южною частью Бессарабіи состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи слоя чернозема: доходя до аршина и болѣе въ верховьяхъ Быка и Чугура, по теченію Реута и Раковца, онъ на Буджакъ не доходитъ и до четверти и при вспашкѣ смѣшивается съ хрящеватою или песчано-глинистою подпочвою. Подобное же явленіе замѣчается и въ Херсонской губерніи, которую относительно почвы можно раздѣлить на три полосы: 1) полосу тучнаго чернозема, занимающую сѣверную часть губерніи; 2) полосу черноземную, занимающую среднюю часть губерніи въ стоверстномъ приблизительно разстояніи отъ моря; черноземъ этой полосы большею частью суглинистый; исключеніе составляютъ только

мѣста возвышенныя—и 3) южная приморская часть, состоящая изъ чистаго суглинка, смѣняющагося иногда чистою глиною или пескомъ, какъ напримѣръ, въ окрестностяхъ Одессы.

Въ Екатеринославской губерніи почва вся черноземная, исключая мѣстъ, прибрежныхъ къ Днѣпру и другимъ рѣкамъ, покрытымъ сыпучими песками. Въ Таврической губерніи почва болѣе разнообразна. Черноземъ господствуетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, представляя три вида: а) глинистый черноземъ, занимающій большую часть Мелитопольскаго уѣзда и восточную часть Днѣпровскаго, б) окаймляющій эту полосу съ трехъ сторонъ песчанистый черноземъ: на сѣверѣ узкою полосою по берегу Днѣпра, на западѣ, серединою Днѣпровскаго уѣзда, гдѣ этотъ черноземъ постепенно переходитъ къ западу въ сыпучій песокъ, на востокѣ по р. Молочной, гдѣ онъ частью переходитъ въ Бердянскій уѣздъ; в) суглинистый черноземъ, занимающій большую часть Бердянскаго уѣзда по всему протяженію его отъ сѣвера къ югу. Въ остальной части губерніи, въ мѣстахъ прибрежныхъ и на полуостровѣ, чернозема уже нѣтъ—въ Днѣпровскомъ уѣздѣ близъ Алешекъ, въ западной части покрываютъ поверхность сыпучіе пески; вдоль Сиваша на материкѣ и на полуостровѣ тянется полосою иловатая почва, съ многочисленными солончаками, а въ остальныхъ мѣстахъ преимущественно суглинистая почва.

Несмотря на свои черноземныя богатства, Новороссія тѣмъ не менѣе хорошо знакома съ неурожаями: они бываютъ даже едвали не чаще урожайныхъ годовъ. Дѣло въ томъ, что край этотъ подверженъ засухамъ, внезапнымъ перемѣнамъ температуры и сильнымъ вѣтрамъ. Но гдѣ хотя небольшая струя воды орошаетъ почву, гдѣ положеніе мѣстности хотя немного защищаетъ ниву отъ вѣтровъ и рѣзкихъ перемѣнъ температуры—тамъ урожай всегда превосходный. Вообще, климатъ Новороссіи—материковый, съ сильными крайностями температуры, весьма неудобенъ для жизни. Зимою морозы доходятъ до 20° и больше, а рѣзкій порывистый вѣтеръ дѣлаетъ ихъ еще нестерпимѣе. Но несравненно тягостнѣе лѣтніе жары, которые нерѣдко доходятъ до 28° въ тѣни. Нужно самому испытать эту адскую жару, чтобы получить понятіе о ней. На небѣ ни облачка. Солнце дышитъ огнемъ, а раскаленный воздухъ стоитъ неподвижно; если же и подуетъ сухой степной вѣтеръ, то онъ еще какъ будто усиливаетъ жару. Все живое прячется въ тѣнь. Ставни въ домахъ цѣлый день заперты и тамъ въ полумракѣ томятся всѣ, кто только имѣетъ возможность не выходить изъ дому. И такой зной начинается съ самаго утра—часовъ съ десяти—продолжаясь почти до заката солнца. Только чудныя южныя ночи съ ихъ прохладой, ароматомъ и ярко горящами звѣздами вознаграждаютъ отчасти за дневную муку.

Какъ мы сказали выше, главнымъ недостаткомъ степей Новороссіи является ихъ безводность. Правда, что они пересѣкаются безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, притоками главныхъ рѣкъ края—Днѣпра, Днѣстра и Буга. Но всѣ эти рѣчки, пробирающіяся на днѣ балокъ и овраговъ, становятся замѣтнѣе только весною, когда почти каждая балка образуетъ глубокое озеро. Но въ сильные жары всѣ они пересыхаютъ. Для водопоя по селамъ стараются удерживать весеннюю воду посредствомъ плотинъ, устраивая такимъ образомъ пруды. Кромѣ того по селамъ, по дорогамъ и по всѣмъ степнымъ плантаціямъ устроено множество колодцевъ. Почти повсюду въ Новороссіи устройство колодца считается богоугоднымъ дѣломъ: какой-нибудь богатый казакъ-хуторянинъ роетъ колодезь на шляху, на потребу проѣзжаго люда, тратитъ на него массу труда и денегъ и затѣмъ всю жизнь заботится о его чистотѣ и исправности. Степные огороды, бахчи и плантаціи безъ колодцевъ, безъ искусственнаго орошенія не могли бы существовать. Особенной заботливостью въ устройствѣ орошенія отличаются менониты, которые придумали даже весьма остроумныя приспособленія для добыванія воды изъ колодцевъ. Такова, напримѣръ, *норія*. Она состоитъ изъ длинной желѣзной цѣпи, перекинутой черезъ горизонтальный валъ, находящійся надъ колодцемъ, и во всю длину усѣянной ведрами или черпаками. Черпаки эти движутся въ круговомъ направленіи и при переходѣ движенія изъ нисходящаго въ восходящее наполняются водою въ глубинѣ колодца, а при переходѣ движе-

нія обратно—изъ восходящаго въ нисходящее, надъ колодцемъ изливаютъ эту воду въ особый жолобъ, отводящій ее въ бассейнъ. Норія движется около двухъ горизонтальныхъ валовъ: одного—въ глубинѣ колодца, другого—надъ нимъ; послѣдній зубчатымъ сцѣпленіемъ соединенъ



Порогъ на Днѣпрѣ.

съ вертикальнымъ валомъ, служащимъ воротомъ; къ рычагу этого ворота припрягается пара воловъ или лошадь, или же онъ приводится въ движеніе людьми.

Новороссійскій край орошается—какъ сказано уже—тремя большими рѣками, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Бугомъ. Кромѣ того три большія рѣки протекаютъ у него на границѣ: Дунай,

Прутъ и Донецъ. Характеристической чертою рѣкъ Новороссіи является то, что всѣ три онѣ оканчиваются лиманами; всѣ имѣютъ пороги. Мы остановимся только на обзорѣ Днѣпра—важнѣйшаго судоходнаго пути Новороссійскаго края—и въ частности на его порогахъ.

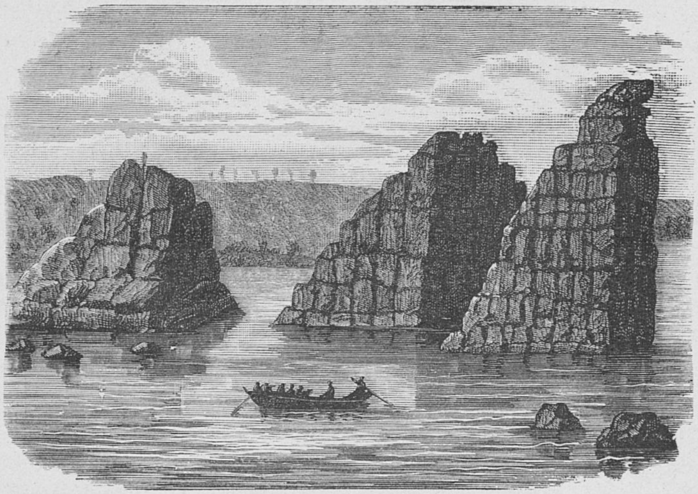
Днѣпръ принадлежитъ Новороссійскому краю своимъ нижнимъ теченіемъ. Вступая близъ г. Кременчуга въ предѣлы Екатеринославской губерніи, Днѣпръ протекаетъ сначала въ возвышенныхъ берегахъ и узкой долинѣ; правый берегъ большею частью крутъ, а лѣвый отлогъ, мѣстами покрытъ мелкимъ лѣсомъ и отходитъ на значительное разстояніе отъ русла рѣки. Оба берега довольно густо населены. На этомъ протяженіи и до города Екатеринослава Днѣпръ судоходенъ, но судоходство встрѣчаетъ многочисленныя препятствія отъ неровностей дна, отмелей и крутыхъ изворотовъ. Дно рѣки часто бываетъ ямистое, песчаное и даже каменистое; притомъ мели, находящіяся на рѣкѣ, не постоянны и перемѣняются почти ежегодно, какъ и глубина, отъ наноса песку, производимаго разливомъ. Мели всегда имѣютъ косое направленіе отъ одного берега къ другому и открываются въ іюлѣ при большой убыли воды. Ниже Екатеринослава Днѣпръ опускается съ каменной гряды (пороговъ), очень затрудняющей плаванье какъ судовъ, такъ и еще болѣе—плотовъ, большое количество которыхъ спускается черезъ пороги. Для плота гибеленъ малѣйшій вѣтерокъ, въ особенности, если плотъ на срединѣ рѣки; поэтому плоты держатся преимущественно береговъ и,—какъ выражаются лоцманы,—любятъ цѣпляться за каждый рожонъ (мысъ). Любопытно и вмѣстѣ страшно смотрѣтъ, когда плотъ бросается въ первую гряду порога: хвостъ его еще далеко, а голова погрузилась въ омутъ, и люди, стоящіе у первыхъ бабаекъ, погружены по грудь въ кипящую пѣну; секунда—и весь плотъ извивается между камнями. Съ плотами и несчастья случаются чаще, чѣмъ съ барками. Плоты идутъ черезъ пороги иногда по нѣскольку недѣль. Малѣйшее дуновеніе вѣтра—помѣха ему, и онъ долженъ, стоя на якорѣ, выжидать полной тишины.

Характеристической чертой нижняго теченія Днѣпра, начиная отъ города Александровска, является дѣленіе его на множество рукавовъ, перемежающихся низменными, болотистыми островами. Берега его по-прежнему высоки и скалисты, но долина расширяется до десяти и болѣе верстъ и все сплошь покрыто высокимъ камышемъ, лозою, кустарниками и даже лѣсомъ. Днѣпръ, если посмотрѣть на него съ возвышеннаго мѣста, похожъ на огромную змѣю, зеленую съ серебромъ, вьющуюся кольцами по сухой, а иногда и песчаной мѣстности. Во время весенняго половодья, Днѣпръ заливаетъ всю долину и далеко разливается по сторонамъ, но лѣтомъ онъ почти теряется въ этомъ морѣ зелени. Нѣкоторые острова нижняго теченія Днѣпра очень значительны; таковъ, напримѣръ, островъ Хортица, имѣющій въ поперечникѣ до 30 верстъ и извѣстный тѣмъ, что тамъ основалось гнѣздо того военнаго братства, которое прославилось въ исторіи подъ именемъ *«запорожскихъ казаковъ»*. Теперь на островѣ Хортицѣ находится менонитская колонія того же имени. Самый значительный островъ Днѣпра находится при впаденіи въ него рѣки Конскія Воды. Это такъ называемый *Великій лугъ* или *Плавня*. Этотъ островъ имѣетъ до 500 кв. верстъ. Онъ игралъ видную роль въ исторіи запорожскаго казачества. Запорожцы говаривали: «лугъ—батько, а сичь—маты наша». На этомъ «лугу» и въ его окрестностяхъ находилось множество зимовниковъ, гдѣ не разъ скрывались и гайдамаки. Жители его считались самыми храбрыми и вмѣстѣ самыми неугомонными казаками и славились подъ названіемъ *лугарей*. Онъ весь зеленъ, имѣетъ деревни и множество прекрасныхъ луговъ, отъ которыхъ и получилъ свое названіе.

При впаденіи въ лиманъ, Днѣпръ дробится на десять рукавовъ и безчисленное множество топкихъ камышистыхъ островковъ или плавней. Самый лиманъ представляется глазамъ въ видѣ огромнаго озера, имѣющаго отъ 9 до 15 верстъ въ ширину и до 56 верстъ въ длину. Не разъ цѣлые флоты сражались на немъ другъ съ другомъ,—какъ напримѣръ въ 1787 году. Лиманъ, постепенно суживаясь между Очаковымъ и Кинбурнскою косою до пяти и даже менѣе верстъ, впадаетъ въ Черное море. Этотъ лиманъ былъ извѣстенъ русскимъ давно, особенно

казачеству, подъ названіемъ *великаго*, и сюда ежегодно, несмотря на запрещеніе турокъ, цѣлыя ватаги отправлялись на рыболовство. Ихъ защищали запорожцы, учредившіе для этого особый постъ на урочищѣ, называемомъ Перевѣзка. Лиманъ славится своими рыбными ловлями и въ настоящее время.

Въ заключеніе очерка необходимо сказать нѣсколько словъ о лѣсныхъ возвышенностяхъ Бессарабіи, которыя, при степномъ вообще характерѣ Новороссійскаго края, заслуживаютъ быть упомянутыми. Если изъ южной Бессарабіи, изъ ровныхъ безлѣсныхъ степей Буджака будемъ подниматься къ сѣверу, то замѣтимъ, что характеръ мѣстности мѣняется: степь начинаетъ сильно холмиться, особенно по направленію къ сѣверной части Днѣпра, и видны остатки истребленныхъ лѣсовъ. Долина рѣки Быка опять обнажена отъ лѣсовъ, но холмы все увеличиваются въ вышину, и къ западу отъ Кишинева начинается истинно гористый край Бессарабіи. Тамъ цѣлыя громады возвышенностей и овраговъ, заросшихъ лѣсами, встрѣчаются на каждомъ шагу. Сѣверная часть Кишиневскаго и южная Оргѣевскаго уѣздовъ представляютъ



Геркулесовы столбы на Днѣпрѣ близъ Кичкаса (менонитской колоніи, Екатеринославской губерніи).

самую живописную картину этой гористой и вмѣстѣ лѣсной части Бессарабіи. Въ этихъ очаровательныхъ мѣстахъ, среди горъ и лѣсовъ, уединенно пріютились многочисленные бессарабскіе монастыри и скиты. Въ Оргѣевскомъ уѣздѣ надъ Днѣпромъ есть даже монастырь, устроенный въ самой горѣ, подобно монастырямъ, остатки которыхъ сохранились въ Крыму, близъ Бахчисарая и Севастополя. Это— Городищенскій монастырь, отличающійся необыкновенно живописнымъ мѣстоположеніемъ. Въ Ясскомъ уѣздѣ горная полоса болѣе обнажена, но зато холмы достигаютъ здѣсь наибольшей вышины. Близъ сел. Кетросы, одинъ изъ нихъ, извѣстный подъ названіемъ Могура, достигаетъ 1600 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ него въ ясную погоду видна столица Румыніи—Яссы.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще объ одномъ геологическомъ феноменѣ Новороссійскаго края. Это—*каменная гряда* или *гребень*, пересѣкающій всѣ три новороссійскія губерніи сплошною гранитною полосою или отрогомъ. Гряда эта тѣмъ замѣчательна, что она является границею лѣсовъ, которые за нею къ югу уже не встрѣчаются, исключая развѣ искусственныхъ насажденій. Даже самый гранитъ, кромѣ этого отрога, нигдѣ не встрѣчается

въ Новороссійскомъ краѣ. Эта гранитная полоса, составляющая по всей вѣроятности отпрыскъ Карпатовъ, входитъ въ наши степи отъ границъ Подольской губерніи и пробирается къ Бугу, гдѣ образуетъ Мигейскіе и Богдановскіе пороги. Далѣе мы видимъ ту же гранитную полосу, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, на всѣхъ почти рѣчкахъ именующихся ташлыками (*ташъ*—по-турецки—камень) и каменками, которыхъ насчитывается нѣсколько десятковъ. Наконецъ, на Днѣпрѣ кряжъ этотъ занимаетъ обширное пространство, образуя извѣстные «пороги» и «заборы».

С. Ф. Давидовичъ.



ОЧЕРКЪ III.

ТРУЖЕНИКИ СТЕПИ.

Залежная или переложная система хозяйства.—Приливъ рабочихъ въ Новороссійскій край.—Хозяйство нѣмецкихъ колонистовъ.—Посѣвы пшеницы и льна.—Тонкорунное овцеводство.—Виноградство и винодѣліе въ Новороссійскомъ краѣ.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ—травой
Разстилается!..
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.

«Косарь»—Кольцова.

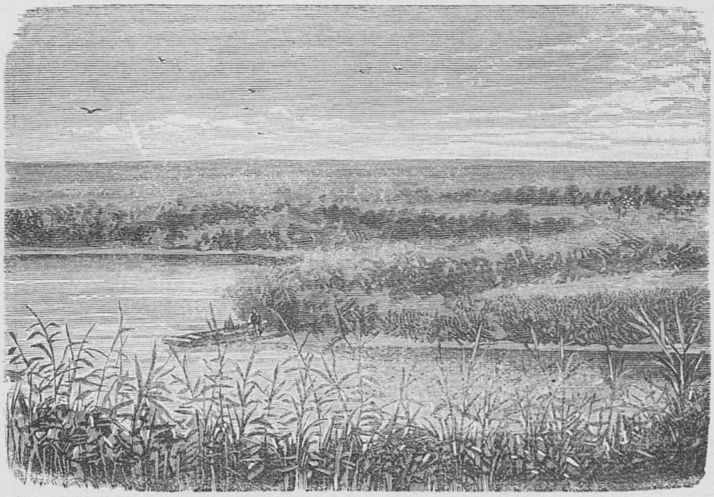


Уборка яровой пшеницы въ степи.

Широко и привольно раскинулась въ юго-западномъ углу и на крайнемъ югѣ Россіи новороссійская степная полоса, захватившая четыре губерніи: Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую и Бессарабскую. Съ юга и юго-востока этотъ районъ омывается Чернымъ и Азовскимъ морями, а всю ея ровную площадь прорѣзываютъ только три большія водныя артеріи, несущія свои воды въ Черное море. Рѣка Днѣпръ орошаетъ степь своимъ среднимъ и нижнимъ теченіемъ; затѣмъ, оживляютъ ее многоводный Бугъ и быстрый, шумный Днѣстръ. Вдали отъ этихъ большихъ рѣкъ степь обыкновенно безконечно ровна и открыта какъ ладонь; приближаясь къ рѣкамъ она бороздитъ свою поверхность множествомъ широкихъ, глубокихъ и отлогихъ балокъ, или овраговъ, которые, расходясь въ разныхъ направленіяхъ, все таки подъ конецъ соединяются въ одно общее русло и падаютъ въ рѣку. Въ степи иной разъ можно встрѣтить цѣлую систему такихъ широкихъ и отлогихъ овраговъ, по которымъ, совершенно незамѣтно съ уровня степи, можно проходить изъ одной отдаленной мѣстности въ другую. Такое устройство пририѣчной системы зависитъ отъ весеннихъ и осеннихъ дождевыхъ потоковъ, направляющихъ свое теченіе въ рѣки. Многообразное развѣтвленіе степныхъ балокъ очень похоже на развѣтвленіе

рѣчныхъ потоковъ на сѣверѣ нашего отечества, съ тою только разницею, чта тамъ повсюду встрѣчаются свѣже-прорытые, обрывистые берега, не только при рѣкахъ, но и при малыхъ ручьяхъ и оврагахъ, тогда какъ степныя балки походятъ больше на долины и всегда покрыты, какъ и самая степь, густою травою.

Степь представляется площадью совершенно лишонною лѣсной растительности и если лѣсъ кое-гдѣ и встрѣчается, то только по руслу рѣкъ и рѣчекъ, вообще—по низменнымъ долинамъ водяныхъ артерій, вбѣгая иногда въ видѣ низкорослаго кустарника—терна въ близъ лежащіе глубокіе овраги или балки. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ луговыя низины эти, балки и овраги полнѣе покрываются кустарникомъ, который еще дальше на сѣверъ, въ полосѣ и на границѣ Малороссіи, становится уже настоящимъ лѣсомъ. Въ самой степи, за недостаткомъ влаги, лѣсу совсѣмъ нѣтъ да и никогда не было, но зато по дикимъ мѣстамъ растутъ непроходимые терны и другіе болѣе или менѣе колючіе кустарники; всю же степь покрываетъ густая и высокая трава и разнаго рода бурьянъ, который въ глухихъ и непроѣзжихъ мѣстахъ уподобляется лѣсу, достигаетъ такой высоты, что въ немъ легко можетъ скрываться всадникъ съ лошадью.



Терны и кусты на берегу небольшой степной рѣки въ Новороссійскомъ краѣ.

Для овецъ и рогатаго скота, какъ и для всякаго мирнаго и хищнаго звѣря въ степи было полное раздолье. Оттого степью и владѣли сначало скиѳы-кочевники, затѣмъ казаки и татары, которые жестоко бились въ ней и орошали ее потоками своей крови, пока степь, въ сравнительно весьма недавнее время, не подчинилась мирной культурѣ земледѣльца, и кочевники странствовали по степи, переходили съ одного мѣста на другое, слѣдуя и повинуясь скорѣе инстинкту животныхъ, чѣмъ собственной волѣ. Какъ только кормъ съѣдался въ одномъ мѣстѣ, стадо само отыскивало лучшую для себя пищу и уходило дальше, за нимъ принужденъ былъ переселяться и пастухъ-кочевникъ.

Для кочевника внутри степи, а для земледѣльца-степняка и въ настоящее время особенныя затрудненія представляло обезпеченіе потребностей въ водѣ, какъ для себя, такъ и для содержимаго имъ скота. Колодцы и родники существовали на днѣ глубокихъ и далекихъ балокъ, поэтому и самое мѣсто временнаго пребыванія или остановки кочевникъ выбиралъ вблизи рѣкъ или рѣчекъ, или же такихъ мѣстъ, гдѣ издревне существовали родники—крыницы или копанные колодцы. Мѣста, гдѣ можно было найти естественную воду, или гдѣ она была открыта искуственно, трудомъ человѣка, составляли единственное, недвижимое, неперевозимое и неперeносимое имущество обитателей степи—кочевниковъ, изъ-за которыхъ, конечно, много происходило у нихъ браней, ссоръ и междоусобій.

Обезпеченіе защиты и существенная сила степной жизни для человѣка заключалась однако не въ стадѣ, но въ быстромъ конѣ. Это благородное животное для степняка являлось вторымъ его *существомъ*. Безъ коня онъ не могъ ухаживать за своими стадами и защищать ихъ отъ людей и звѣрей. При томъ степь—безпредѣльно ровное и открытое пространство—

нигдѣ не представляетъ никакой защиты. Защиту возможно находить только въ быстротѣ передвиженія; спрятаться некуда и нужно спасаться только бѣгствомъ. Зато кочевникъ такъ любилъ и уважалъ своего коня, что считалъ незаконнымъ и безчестнымъ запрягать въ повозку даже и негоднаго; для этого опредѣлены были волы. Представленіе кочевника о конѣ началъ измѣнять только въ самое послѣднее время его послѣдователь въ культурѣ степи— степнякъ-земледѣлецъ, который, для своихъ работъ, наряду съ воломъ, употребляетъ уже и коня.

Если для степняка-кочевника его основную силу и второе его существованіе представлялъ конь, то и для степняка-земледѣльца истинною его силою и вторымъ его существомъ являлся сивый или мурый волъ. Безъ вола южный поселянинъ какъ безъ рукъ, совсѣмъ пропалъ и погибъ. Никакая лошадь въ грязную погоду не вывезетъ по глубокому чернозему, превратившемуся въ полужидкую грязь, глубиною въ $^3/_4$ аршина и болѣе, самое себя съ повозкой, а волъ ступая тихо и мѣрно, перевозитъ такія тяжести, какихъ и цѣлый табунъ лошадей не тронетъ съ мѣста, не говоря о томъ, что поднимать подъ пашню плугомъ черноземную цѣлину только и возможно въ нѣсколько паръ воловъ.



Чумацкій обозъ въ степи въ весеннее полноводье.

По самой срединѣ нашихъ южныхъ безлѣсныхъ приморскихъ степей существовало одно мѣсто, которое все было покрыто лѣсомъ, и у древнихъ грековъ такъ и называлось «лѣсомъ» или «олешьемъ». Это мѣсто находится около устьевъ р. Днѣпра, въ Таврической губерніи, гдѣ въ настоящее время расположенъ уѣздный городъ Алешки. Противъ города Херсона, гдѣ Днѣпръ распадается на нѣсколько рукавовъ, всѣ острова, образуемые ими, покрыты лѣсомъ, состоящимъ изъ вербы, ивы, тополя и т. п. древесныхъ породъ. Весной, въ началѣ мая, когда Днѣпръ разливается на громадное пространство отъ таянія снѣговъ, въ сѣверномъ его теченіи, любимое препровожденіе времени городскихъ жителей составляютъ прогулки на лодкахъ по залитымъ водою островамъ, между толстыми деревьями, покрытыми уже къ тому времени первою весеннею свѣтлою зеленью. Лѣсъ отсюда простирался по Днѣпру, особенно же по теченію одного изъ притоковъ (р. Конки), отъ самаго его впаденія въ Днѣпръ, и по всѣмъ рукавамъ Днѣпра. Всѣ острова нижняго Днѣпра тоже были покрыты лѣсомъ. Изъ послѣднихъ нельзя не упомянуть объ островѣ Хортицѣ, лежащемъ противъ уѣзднаго города Александровска, Екатеринославской губерніи, гдѣ нѣкогда зимовалъ Свято-

славъ, когда онъ ходилъ громить печенѣговъ, гдѣ въ болѣе позднее время имѣла пребываніе Запорожская сѣчь, а въ настоящее время на этомъ лѣсистомъ островѣ мирно хозяйничаютъ уже болѣе ста лѣтъ колонисты-нѣмцы, лютеране. На тѣхъ именно мѣстностяхъ степи, гдѣ лѣсъ былъ еще въ древности, мы находимъ въ настоящее время самые незначительные его остатки.

Хозяева ближайшихъ степей и теперь перегоняютъ на зиму въ такіе лѣса стада овецъ для болѣе правильнаго корма и защиты отъ стужи. Такія же лѣсистыя, чрезвычайно красивыя, побережья представляетъ р. Днѣпръ, а въ меньшей степени—и р. Бугъ. По этимъ побережьямъ, среди расчищенныхъ изъ подъ лѣса болѣе возвышенныхъ рѣчныхъ береговъ, успѣла возникнуть и значительно развиться садовая культура, воздѣлываніе фруктовъ, винограда и табаку.

Въ южно-русской рѣчи такія поемныя, покрытыя сплошнымъ лѣсомъ, низины носятъ собственно названіе луговъ. Ниже днѣпровскихъ пороговъ все низменное пространство Днѣпра и его разливовъ, которое и теперь еще покрыто оставшимся отъ истребленія лѣсомъ,—какъ мы знаемъ уже,—было постояннымъ и какъ бы природнымъ казацкимъ гнѣздомъ, называясь «Великимъ Лугомъ». Въ южно-русскимъ языкѣ слово «лугъ» означаетъ лѣсъ, т.-е., совсѣмъ противоположное сѣверному понятію о лугѣ, какъ о совершенно безлѣсномъ, чистомъ мѣстѣ, покрытомъ раскошною травяною растительностью. Въ такомъ различіи смысла для одного и того же слова выразились различныя свойства степной и лѣсной природы: одна и та же влага рѣкъ на сѣверѣ способствуетъ роскоши травяной растительности, на югѣ даетъ возможность возникновенію лѣсной растительности. Оттого то здѣсь понятіе о лугѣ, какъ о поемной низменности, перешло въ исключительное понятіе о всякомъ лѣсѣ.

На болѣе низменныхъ берегахъ рѣкъ, просыхающихъ только къ концу іюля или августа, или совсѣмъ не просыхающихъ и образующихъ прибрежныя болота, возникаетъ особенная раскошная растительность различныхъ видовъ комышей, достигающихъ 3—4 и болѣе аршинъ высоты. Эти низменныя поемныя прирѣчныя площади, покрытыя камышемъ, и носятъ названіе *плавней,* которыя распространяются на нѣсколько сотъ верстъ вдоль рѣкъ и на нѣсколько десятковъ верстъ въ ширину. Особенно хороши плавни лѣтомъ, если смотрѣть на нихъ съ парохода, идущаго по срединѣ не особенно широкаго рукава рѣки, по обѣ стороны котораго по берегамъ далеко-далеко разстилается ровная свѣтло-зеленая камышевая площадь.

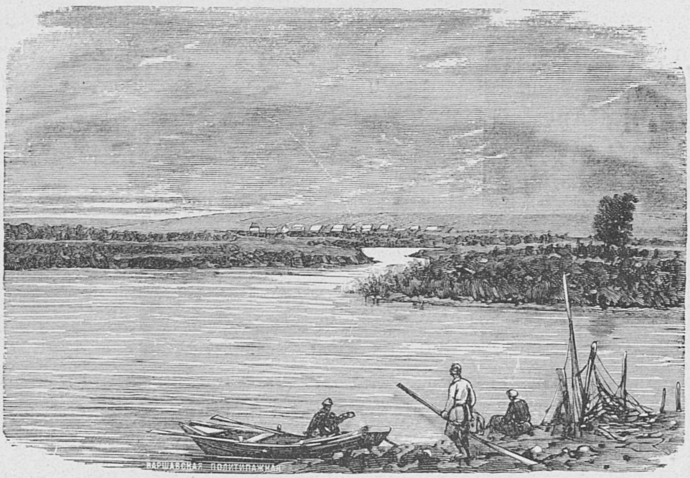
Хозяйственное значеніе плавней для обитателя степи неизмѣримо: созрѣвшій камышъ, скошенный послѣ замерзанія рѣкъ и болотистыхъ прирѣчныхъ мѣстностей, даетъ превосходное топливо, которымъ степнякъ отапливаетъ всю зиму свою мазанку; на камышѣ же онъ приготовляетъ себѣ пищу и печетъ хлѣбъ. Такое топливо въ степи цѣнится дорого, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія лѣса. Камышъ, какъ топливо, въ нѣсколько разъ превосходитъ по своимъ качествамъ повсемѣстно употребляемое въ чистой степи топливо—*навозъ,* прессованный ногами животныхъ, высушенный и нарѣзанный кусками.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ дарожать въ степи топливомъ, стоитъ только проѣхаться по уѣзднымъ городамъ и большимъ селамъ, гдѣ можно наблюдать особаго рода охоту за навозомъ крупнаго рогатаго скота и лошадей. Масса мальчиковъ и дѣвочекъ, а иногда и взрослые бродятъ съ ведрами по дорогамъ и выгонамъ, для собиранія валяющагося болѣе или менѣе подсохшаго уже навоза. Навозъ, смѣшанный съ глиной, употребляется для обмазки хатъ. Въ виду этого, весь навозъ подбирается всегда на-чисто изо дня въ день.

Тотъ же зрѣлый камышъ служитъ отличнымъ матеріаломъ для крышъ и построекъ, такъ какъ нерѣдко камышъ, связанный въ пучки толщиною въ руку, забранный въ столбы и обмазанный глиной, составляетъ все основаніе постройки степняка, не только холодной, (какъ амбары, закуты и т. п.), но часто въ такой постройкѣ живутъ и лѣто, и зиму. Молодой камышъ, скошенный на болѣе возвышенномъ плавнѣ, даетъ для скота посредственный зимній

кормъ. На плавняхъ, которые скоро высыхаютъ, при должномъ уходѣ за камышомъ, т.-е. иначе—при частомъ скашиваніи его въ теченіе лѣта, можно вызвать и появленіе травяной растительности. На подобныхъ же мѣстахъ плавня обитатели степи разводятъ огороды и баштаны, на которыхъ разводятъ овощи: синіе и красные баклажаны, огурцы, дыни, бураки или свеклу, капусту, мелкій сортъ съѣдобной тыквы, тыквы не съѣдобныя, имѣющія видъ бутылки, которыя и употребляются, какъ послѣднія и т. п. На низменныхъ прирѣчныхъ огородахъ рѣдко можно видѣть арбузы и кукурузу: они разводятся преимущественно на болѣе или менѣе возвышенномъ мѣстѣ, такъ какъ для нихъ необходимъ яркій свѣтъ солнца, который въ плавняхъ нѣсколько затемняется близкимъ сосѣдствомъ камыша.

Уходъ за плавнемъ заключается лишь въ ежегодномъ выжиганіи. Чтобы получить на слѣдующій годъ хорошій урожай камыша, считаютъ необходимымъ сжечь тотъ камышъ, который не использованъ въ теченіе зимы, и то, что осталось послѣ уборки. Въ концѣ зимы обыкновенно и совершается эта операція по культурѣ камыша, при чемъ небо по вечеромъ освѣщается большимъ заревомъ.



Плавни.

Рѣзко отдѣлить пашню отъ сѣнокоса невозможно, потому что въ степи нѣтъ рѣзкой, постоянной границы между лугомъ и пашней, какъ въ болѣе сѣверныхъ губерніяхъ. На томъ, напримѣръ, мѣстѣ, гдѣ сѣятъ хлѣбъ, черезъ два три года убираютъ сѣно. Вся площадь четырехъ губерній разсматриваемаго района равняется 21.557,000 дес. По приблизительному расчету, подъ пашней находимъ 7.165,000 дес., т.-е. 33,2%; подъ сѣнокосами 9,377,000 дес., т.-е. 43,4%, подъ лѣсами — 756,000 дес., т.-е. только 3,5%; наконецъ, 4.289,000 дес., т.-е. 19,9% занято усадьбами, садами, огородами, плавнями, неудобною землею и т. п. Общій характеръ этой полосы Россіи можетъ быть опредѣленъ такъ: а) преобладаніе сѣнокосовъ надъ пашнею; въ среднемъ на каждыя сто десятинъ пашни здѣсь приходится по 129 дес. сѣнокоса; б) почти совершенное отсутствіе лѣса, такъ какъ имъ занята всего $^1/_{30}$ часть площади степи; в) около $^1/_5$ части всего пространства степи можно считать подвергающейся особенно тщательной культурѣ, потому что при усадьбахъ всегда разводятся сады и огороды, которые требуютъ болѣе тщательнаго ухода.

Въ такомъ видѣ представляется намъ сельско-хозяйственное распредѣленіе угодій въ среднемъ по всему району; но еслибы мы захотѣли разсмотрѣть угодья по губерніямъ отдѣльно, то открыли бы значительныя отклоненія отъ средняго. Напримѣръ, въ Херсонской губерніи мы нашли бы уже значительное преобладаніе пашни надъ сѣнокосомъ, такъ какъ въ ней на 100 десятинъ первой приходится только 86 десятинъ вторыхъ. Подобное отношеніе пашни и сѣнокоса указываетъ на то, что и эта степная губернія уже населилась, такъ что въ ней невозможно болѣе вести переложное хозяйство, основанное главнымъ образомъ на полученіи массы кормовыхъ средствъ, въ видѣ сѣна, и на содержаніи исключительно громадныхъ отаръ овецъ и скота. Этому переходу сельско-хозяйственной культуры Херсонской губерніи на высшую ступень не

мало способствовало присутствіе такого центра, какъ Одесса, предъявлявшаго громадное требованіе на зерновой хлѣбъ, оплачивая его очень высокими цѣнами, такъ что все населеніе губерніи, оставивъ только то количество скота, которое необходимо было для обработки земли, бросилось на воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ. Усиленное же развитіе воздѣлыванія хлѣба безъ удобренія вызвало рядъ бѣдствій, въ видѣ періодическихъ неурожаевъ и не менѣе страшнаго бѣдствія—хлѣбнаго жука (кузьки), поѣдающаго все, что ни посѣитъ земледѣлецъ. Херсонская губернія обладаетъ наименьшимъ количествомъ лѣса, такъ какъ имъ занято лишь 1,4% или $^1/_{71}$ часть всей площади губерніи.

Въ Бессарабской губерніи, вслѣдствіе болѣе обильнаго сравнительно орошенія, замѣчается и болѣе значительное развитіе лѣса. Имъ занято здѣсь около десятой части всего пространства. Вмѣстѣ съ тѣмъ сильно развито воздѣлываніе винограда и садоводства. Площади, занятыя пашней и сѣнокосомъ, почти равны. Екатеринославская и Таврическая губерніи, за исключеніемъ собственно Крыма, котораго мы здѣсь не касаемся, носятъ на себѣ характеръ чисто степной, такъ какъ въ этихъ двухъ губерніяхъ сѣнокосы въ значительной степени преобладаютъ надъ пашней. Въ первой, напримѣръ, губерніи на каждую десятину пашни приходится по 1,5 десятины, во второй—по 3,5 дес. сѣнокосовъ. Для Таврической губерніи общій степной характеръ можетъ съ перваго раза нѣсколько затемняться обиліемъ лѣса, котораго въ ней насчитывается до 5,2%; сады и виноградники, вмѣстѣ съ усадьбами, занимаютъ болѣе четверти, именно 27,0% всей площади губерніи. Но по поводу послѣднихъ угодій, нужно замѣтить, что они сосредоточены главнымъ образомъ въ отдѣльной части губерніи, въ Крыму, за исключеніемъ котораго вся остальная часть губерніи можетъ считаться самымъ чистымъ представителемъ современной степи.

Постоянные обитатели этого района относительно очень щедро надѣлены землею. Въ среднемъ по всему району на каждаго жителя мужского пола приходится по 10 десятинъ земли. Наименьшее пространство земли приходится въ наиболѣе населенной Бессарабской губерніи, почти по шести (5, 9) дес. на каждаго жителя. Наибольшее пространство могъ бы обработать обитатель Таврической губерніи, такъ какъ въ ней на каждаго жителя приходится по 17,4 десятины. Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ на каждаго жителя приходится такое же число десятинъ, какъ въ среднемъ по всему району, т.-е., по десяти десятинъ на душу.

Въ такомъ видѣ представляется распредѣленіе земли по отношенію ко всему мужескому полу; но если принять во вниманіе, что число работниковъ, способныхъ обработывать землю, равняется только половинѣ всего населенія, и что часть населенія отвлечена отъ земледѣльческихъ работъ, занимаясь промыслами, живя въ городахъ или на фабрикахъ и заводахъ, то оказывается, что каждому взрослому обитателю степи пришлось бы ежегодно обработывать отъ 20 до 30 и болѣе десятинъ земли, что конечно невозможно, хотя бы даже и при переложной системѣ хозяйства, господствующей здѣсь.

Еслибы даже и оказалось возможнымъ обработать такое пространство земли въ теченіе длиннаго южнаго лѣта, то уже не было бы никакой возможности убрать хлѣбъ, потому что при страшныхъ засухахъ, стоящихъ на югѣ Россіи, иногда нужно бываетъ окончить уборку въ одинъ-два дня, такъ какъ иначе хлѣбъ непремѣнно осыпется, такъ что могутъ даже вовсе пропасть всѣ усилія земледѣльца. Отсюда, понятно, страшная необходимость въ пришлыхъ рабочихъ во время уборки сѣна, хлѣба, вслѣдствіе чего поденная плата рабочему иногда возвышается до 5—6 и болѣе рублей въ день.

Мы указали на то, что даютъ степняку лѣсъ и плавни; посмотримъ теперь, что даетъ ему чистая степь, удаленная отъ водяныхъ артерій. Представьте себѣ ровное, безпредѣльное пространство, обладающее самой плодородной, черноземной почвой, какую только можно найти; черноземъ, съ приближеніемъ къ берегамъ морей, переходитъ частью въ глинистую, частью въ песчаную почву, иногда въ подвижные, летучіе пески, изобилующіе солончаками.

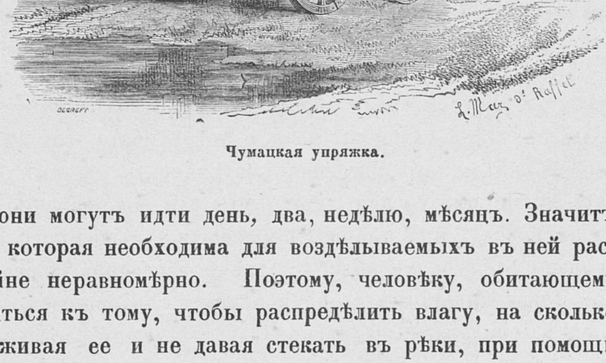
Но, при въ высшей степени плодородной почвѣ, степь обладаетъ крайне непостояннымъ климатомъ. Вотъ наступилъ конецъ февраля, начался мартъ, открылась весна. Степнякъ начинаетъ засѣвать свою ниву. Пройдетъ весною нѣсколько дождей и жатва почти окончательно обезпечена. Но если вслѣдъ за открытіемъ весны начнутъ ходить по небу темныя тучи, тогда не жди дождя,—говорятъ мѣстные старожилы. Соберутся пасмурныя тучи, походятъ, походятъ по небу, вотъ—вотъ долженъ бы пойти дождь, а его все нѣтъ, и тучи расходятся, не освѣживъ изсохшей почвы, покрывшейся отъ засухи, словно отъ морозовъ, широкими трещинами. Эта весенняя засуха стоитъ иногда недѣлями, даже до трехъ мѣсяцевъ. Всходы яровыхъ посѣвовъ и озимые хлѣба мало-по-малу блекнутъ, желтѣютъ, наконецъ, посѣвы совершенно чернѣютъ,—и вотъ вамъ картина южно-русскаго бѣдствія, полнаго неурожая... Но даже и въ такую ужасную засуху, если только не вся еще растительность засохла, стоитъ только упасть одному, двумъ хорошимъ дождямъ, какъ все съ степи оживаетъ сразу: сѣнокосы покрываются густою травою, хлѣбъ на поляхъ оживаетъ и начинаетъ быстро расти; ростъ его увеличивается не по днямъ, а по часамъ, и степнякъ-земледѣлецъ можетъ разсчитывать на урожай, если его хлѣбъ не пострадаетъ отъ запала или какого-нибудь мелкаго врага, напримѣръ, суслика, овражки, кузьки, саранчи и проч...



Чумацкая ѣзда.

Случается, что засуха, стоявшая въ первой половинѣ лѣта до конца іюня или іюля, смѣняется проливными дождями. Если хлѣбъ посѣять съ началомъ дождей, то нерѣдко онъ даетъ осенью очень хорошій урожай. Бываетъ и такъ, что поздно посѣянные яровые хлѣба, просо, гречиха, ячмень, лежатъ въ землѣ мѣсяца два, съ наступленіемъ же дождей, всходятъ и даютъ обильные урожаи, тогда какъ весь рано посѣянный хлѣбъ, успѣвшій взойти отъ весенней влаги, совершенно погибаетъ, на мѣстѣ же его развивается только роскошная растительность сорныхъ травъ.

Такимъ, напримѣръ, былъ 1875 годъ, когда съ десятины, засѣянной просомъ или гречихой, получили отъ 10 до 20 четвертей зерна; зато весь хлѣбъ, взошедшій съ весны, окончательно погибъ и не далъ ни зерна; тѣмъ не менѣе урожай, уцѣлѣвшій въ части степей, все-таки обезпечилъ въ этомъ году продовольствіе населенія.



Чумацкая упряжка.

Если пойдутъ дожди въ степи,—то они могутъ идти день, два, недѣлю, мѣсяцъ. Значитъ степь не лишена того количества влаги, которая необходима для воздѣлываемыхъ въ ней растеній, но распредѣляется эта влага крайне неравномѣрно. Поэтому, человѣку, обитающему въ степи, и нужно всѣми силами стремиться къ тому, чтобы распредѣлить влагу, на сколько возможно, равномѣрнѣе въ степи, задерживая ее и не давая стекать въ рѣки, при помощи

устройства искусственныхъ прудовъ, запруживая балки очень солидными плотинами. Что запруды должны быть очень прочно построены, на это указываетъ самый характеръ степныхъ дождей-ливней. Случается, что каждая капля дождя бываетъ громадной величины. Тогда вода падаетъ въ полномъ смыслѣ, какъ изъ ведра, и въ четверть или въ полъ-часа пополняются всѣ степныя балки и овраги, и вода, съ ужаснымъ напоромъ, шумя и пѣнясь, устремляется по нимъ въ рѣки, такъ что всякая плохо устроенная плотина неминуемо будетъ прорвана. Но дожди и даже ливни не всегда обезпечиваютъ въ степи урожай хлѣба. Иногда и роскошно развившійся хлѣбъ подвергается *запалу* и погибаетъ. Запалъ поражаетъ хлѣбъ нерѣдко тотчасъ же послѣ очень обильныхъ дождей. Еще дождевая вода не успѣетъ стечь или высохнуть, а хлѣбъ уже запаленъ. Запалъ бываетъ, когда вслѣдъ за дождями наступаетъ страшно жаркая погода и подуетъ съ приволжскихъ степей или моря изсушающій вѣтеръ. Сущность запала заключается въ томъ, что колосья хлѣба положительно высыхаютъ, несмотря на то, что нижнія части растеній остаются еще совершенно зелеными. Чѣмъ дольше стоитъ этотъ изсушающій вѣтеръ, тѣмъ большая часть колоса засыхаетъ, т.-е. запаливается. Намъ случалось наблюдать хлѣбъ, колосья котораго были изсушены запаломъ или только въ верхушкахъ или во весь колосъ. Если запаливается только верхушка, то зерна, заключающіяся въ остальной его части, все-таки дозрѣваютъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ получается громадная масса заморышей и до такой степени легкое зерно, что оно отходитъ вмѣстѣ съ отбросами при очисткѣ хлѣба.

Во время засухи, всегда сопровождающейся вѣтромъ, обитателю чистой степи приходится еще бороться съ пылью; подобно тому, какъ улицы большихъ городовъ зимою засыпаются и заваливаются снѣгомъ на столько, что его необходимо вывозить, такъ и лѣтомъ уединенную усадьбу земледѣльца, стоящую одиноко въ степи, огороженную заборомъ, засыпаетъ самая мелкая, самая плодородная черноземная пыль, приносимая вѣтромъ и отлагающаяся около заборовъ и другихъ преградъ. И если не отвозить ее обратно въ степь, она навѣрное въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совсѣмъ засыпала бы такіе уединенно разбросанныя степныя усадьбы.

Для борьбы съ изсушающими вѣтрами, для борьбы съ пылью, спеціалисты сельскаго хозяйства, хорошо изучившіе характеръ степи, совѣтуютъ устраивать на болѣе или менѣе значительномъ другъ отъ друга растояніи (въ предѣлахъ нѣсколькихъ десятковъ саженей) живыя изгороди изъ кустарниковъ. Помимо своего прямого назначенія, такія изгороди дали бы пріютъ массѣ насѣкомоядныхъ птицъ, которыя много принесли бы пользы человѣку въ его борьбѣ съ многочисленными насѣкомыми, истребляющими хлѣбъ.

Зимой степь опять принимаетъ совершенно особенный характеръ. Въ степи всегда мало снѣгу. Въ три-четыре зимніе мѣсяца часто бываютъ оттепели, а послѣ нихъ — заморозки, такъ что степь нерѣдко на цѣлые десятки верстъ покрывается сплошною корою льда, по которой можно быстро перебѣгать изъ одного мѣста въ другое на конькахъ, но по которой уже не мыслимо передвиженіе на волахъ, такъ какъ раздвоеныя копыта ихъ въ такомъ случаѣ пришлось бы подковывать. Съ одной стороны — вслѣдствіе малоснѣжія степи, съ другой — вслѣдствіе того, что степь нерѣдко покрывается ледяной корой, — въ ней часто вымерзаютъ и плохо удаются посѣвы озимыхъ хлѣбовъ.

Для того, чтобы достать воды, степняку приходится рыть колодцы, отъ 20 до 50 саженей глубины. Устройство подобныхъ колодцевъ обходится около тысячи рублей. Для добыванія воды съ такой глубины, на всѣ потребности хозяйства, особенно при значительномъ количествѣ скота, надо ежедневно затрачивать немало силы для накачиванія воды въ теченіе чуть ли не цѣлаго дня. Для этой цѣли обыкновенно употребляются волы, пара которыхъ и качаетъ воду, при помощи первобытно-устроеннаго привода, состоящаго изъ большого деревяннаго съ зубьями колеса и трехъ деревянныхъ же зубчатокъ меньшаго размѣра.

Такъ живетъ въ степи и борется съ природою земледѣлецъ. Въ степи, какъ и повсемѣстно у насъ, землевладѣніе распредѣляется между частными владѣльцами, казной и крестьянскими

обществами. Во всѣхъ четырехъ губерніяхъ разсматриваемаго района, земля, принадлежащая частнымъ владѣльцамъ и казнѣ, значительно преобладаетъ надъ землевладѣніемъ крестьянъ; первымъ, напримѣръ, принадлежитъ 60,5% всей земельной собственности, а крестьянамъ — только 39,5%. Значитъ, частнымъ землевладѣльцамъ и казнѣ въ степяхъ принадлежитъ въ полтора раза (1,6) большее пространство земли, чѣмъ крестьянамъ.

Въ общемъ по всему району среднее землевладѣльческое хозяйство равняется 722 десятинамъ. На сколько обширны имѣнія частныхъ владѣльцевъ степи, можно видѣть между прочимъ изъ того уже, что среднее имѣніе тамъ въ четыре раза болѣе такого же средняго имѣнія центральной черноземной полосы Россіи. Наибольшихъ размѣровъ достигаютъ частныя имѣнія въ Екатеринославской губерніи, гдѣ среднее имѣніе равняется 930 дес.; въ Таврической и Херсонской губерніяхъ, среднія имѣнія частныхъ владѣльцевъ равны и на каждое изъ нихъ приходится по 650 дес.

Крестьяне новороссійскихъ степей, сравнительно съ другими частями Россіи, тоже обильно надѣлены землей. Наибольшіе надѣлы земли въ Таврической губерніи (9,6 дес. для бывшихъ государственныхъ и 6,2 дес. для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) и въ Бессарабской губерніи (первые получили по 7,9 дес., а вторые — по 7,5 десят. на душу). Въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ—наименьшіе надѣлы; въ обѣихъ губерніяхъ бывшіе государственные крестьяне получили въ надѣлъ по 6,7 дес., а бывшіе помѣщичьи по 3,4 дес. Въ послѣднихъ двухъ губерніяхъ бывшіе помѣщичьи крестьяне получили почти въ два раза менѣе земли, нежели бывшіе государственные. Разница между надѣлами двухъ категорій крестьянъ въ Бессарабской и Таврической губерніяхъ будетъ наименьшая отъ 5 до 55%.

Въ среднемъ по всему району надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ полтора раза болѣе надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Среднее владѣльческое имѣніе въ 97 разъ болѣе надѣла государственнаго и въ 122 раза болѣе надѣла помѣщичьяго крестьянина.

Вслѣдствіе подобнаго распредѣленія землевладѣнія сильно вздорожала земля, арендная и покупная. За послѣдніе двѣнадцать лѣтъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, цѣны увеличились чуть не втрое. Преобладаніе же владѣльческихъ земель надъ крестьянскими сильно повліяло на запросъ рабочихъ рукъ и на повышеніе заработной платы. Мѣстные рабочіе, благодаря очень раннему открытію весны, въ состояніи справиться съ яровыми посѣвами, по цѣнамъ довольно сходнымъ; но сѣнокосъ, уборка и молотьба хлѣба требуютъ уже пришлыхъ рабочихъ, которыми здѣсь и производятся въ большей части случаевъ всѣ земледѣльческія работы.

Какъ извѣстно, степные землевладѣльцы, умалчивая о своихъ выгодахъ, т.-е. о возвышеніи ренты почти втрое, жалуются на увеличеніе рабочей платы, на своеволія рабочихъ и представляютъ свое положеніе въ очень мрачномъ свѣтѣ. Но, повторяемъ, продажныя и арендныя цѣны на земли утроились.

Вмѣстѣ съ человѣкомъ въ культурѣ степи, въ превращеніи ея изъ дикой мѣстности, производившей только траву, въ такое культурное состояніе, что она производитъ хлѣбъ и плоды, масло и вино,—участвовалъ всегда и сѣрый степной волъ, неприхотливый помощникъ человѣка. Мы уже говорили о хозяйственномъ значеніи вола для степняка земледѣльца, познакомимся же теперь поближе съ тою породою рогатаго скота, которая доставляетъ и этого второго труженика степи. Сѣрый степной волъ, по своему росту, не уступаетъ ни одной изъ иностранныхъ породъ. Еслибы его воспитывали съ такимъ же знаніемъ дѣла, съ какимъ выводятся англійскія породы, то безъ сомнѣнія онъ могъ бы состязаться, какъ по росту, такъ и по остальнымъ качествамъ, съ самыми знаменитыми англійскими породами рогатаго скота. Сѣрый степной скотъ имѣетъ большія толстыя кости и массивныя болѣе угловатыя, чѣмъ округлыя формы. Длинная голова у него соразмѣрна и пропорціональна росту, книзу нѣсколько заострена, съ узкою мордою; большіе, наискось прорѣзанные, глаза придаютъ какую то дикость всему животному; массивные расходящіеся рога составляютъ типичное украшеніе степного

вола. Грудь и шея хорошо развиты; туловище длинное, не толстое, потому что ребра и бока у животнаго мало выпуклы, даже нѣсколько приплюснуты; ноги очень высокія, правильно образованныя, кожа толстая, грубая, покрытая жесткими волосами; цвѣтъ почти исключительно сѣро-пепельный, рѣдко черный, или съ рыжеватыми оттѣнками. Украинскій волъ довольствуется крайне неприхотливымъ содержаніемъ; девять мѣсяцевъ въ году онъ пасется или работаетъ въ степи и не получаетъ никакого другого корма, кромѣ подножнаго (пастбища); въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ онъ довольствуется одной соломой, развѣ только къ веснѣ, чтобы волы не особенно отощали къ началу полевыхъ работъ, прикармливаютъ ихъ сѣномъ. Несмотря на такое неприхотливое содержаніе, сѣрый волъ безупречно исполняетъ всѣ требованія, предъявляемыя ему: обрабатываетъ вязкій суглинистый черноземъ степи, отвозитъ сельскія произведенія на рынки или на станціи желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, доставляетъ превосходное мясо. Молочность же этой породы рогатаго скота очень низка, но это происходитъ только отъ того, что послѣдняя сторона продуктивности сѣраго рабочаго скота не интересуетъ должнымъ образомъ степняка.

Несмотря на то, что въ послѣднее время степь сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ годомъ воздѣлываетъ зерновые хлѣба, тѣмъ не менѣе, однако, число скота, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, въ ней не уменьшилось, но увеличилось. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ четырехъ губерніяхъ насчитывалось до 3.614,000 головъ различнаго рода крупнаго скота (при чемъ 10 овецъ и свиней мы считаемъ за одну штуку), а въ половинѣ семидесятыхъ годовъ скота въ новороссійской степи уже было 4.263,000 головъ, такъ что общее число скота увеличилось на 649,000 головъ, или на 18%. На каждые 100 десятинъ земли въ степи въ настоящее время приходится по 20 головъ скота.

Первое мѣсто въ степи по числу занимаетъ рогатый скотъ, котораго насчитывается 2.355,000 головъ. Если принять, что только половина рогатаго скота будетъ рабочимъ, а остальная племеннымъ скотомъ, то каждой парѣ воловъ ежегодно приходится обработать до девяти десятинъ пашни; а каждыя четыре десятины сѣнокоса должны прокормить одну голову рогатаго скота.

Второе мѣсто среди степного скота занимаютъ овцы, которыхъ въ новороссійской степи содержится до 10 милліоновъ головъ. Одну треть ихъ составляютъ простыя, двѣ трети—тонкорунныя овцы. На сто десятинъ всей земли приходится по 46 овецъ или по $^1/_2$ овцы на десятину; на каждую же десятину сѣнокоса приходится немного болѣе одной овцы.

Третье мѣсто занимаютъ лошади, которыхъ насчитывается 839,000 головъ; по числу —ихъ въ три раза менѣе рогатаго скота и въ 11 разъ менѣе овецъ. Лошади здѣсь употребляются преимущественно для ѣзды, на лошадяхъ работаютъ исключительно иностранные колонисты, которые иногда, особенно крупные землевладѣльцы, употребляютъ для обработки почвы и воловъ. Впрочемъ, въ послѣднее время у русскихъ обитателей степи лошади начали входить въ большее употребленіе для работы будто бы потому, что степняку крестьянину дешевле купить одну лошадь для обработки земли, чѣмъ пару воловъ. Одна лошадь въ степи приходится на двадцать пять десятинъ земли, на 8 десятинъ пашни и на 11 десятинъ луга.

Въ Новороссійскихъ степныхъ губерніяхъ находимъ не особенно значительное число свиней, всего около 837,000 головъ. На 100 десятинъ общаго количества земли приходится только 4 свиньи, или одна свинья на 25 десятинъ.

Господствующая система степного хозяйства — переложная или залежная. На плодородной, черноземной, степной почвѣ, когда она была мало населена, всякій хозяинъ распахивалъ ежегодно столько земли, сколько ему было по силамъ или сколько было необходимо для его продовольствія. Распахавши землю онъ изъ года въ годъ засѣвалъ ее хлѣбомъ безъ всякаго удобренія. Когда замѣчалъ, что на распаханной землѣ у него уже стали уменьшаться урожаи, переставалъ на ней сѣять хлѣбъ, бросалъ ее, оставлялъ лежать, пускалъ въ

залежь, а распахивалъ новый участокъ, который, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, опять запускалъ, и переходилъ къ воздѣлыванію зерновыхъ хлѣбовъ на третьемъ участкѣ, съ которымъ поступалъ, какъ съ первыми. Когда почва, истощенная культурой зерновыхъ хлѣбовъ, поступаетъ въ залежь, въ ней происходятъ такіе процессы, что чрезъ нѣсколько лѣтъ возстановляется потерянная производительность по отношенію къ зерновымъ хлѣбамъ. Тогда степнякъ снова можетъ поднимать ее плугомъ и снова засѣвать хлѣбомъ, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ. То время, въ которое земля находится въ залежи, она покрывается только травяною растительностью.

Въ началѣ заселенія степи, въ ней былъ безграничный просторъ, земледѣлецъ могъ подымать землю и сѣять свой хлѣбъ, гдѣ онъ хотѣлъ, но съ увеличеніемъ населенія каждый клочекъ степи, наконецъ, нашелъ своего владѣльца. Изъ первоначальной захватной системы хозяйства, т.-е. посѣва гдѣ угодно, нашъ хозяинъ долженъ былъ ограничиться воздѣлываніемъ только принадлежащей ему степи. До поры до времени, благодаря колоссальной урожайности степной почвы, такой порядокъ веденія хозяйства не представлялъ никакихъ затрудненій степняку.



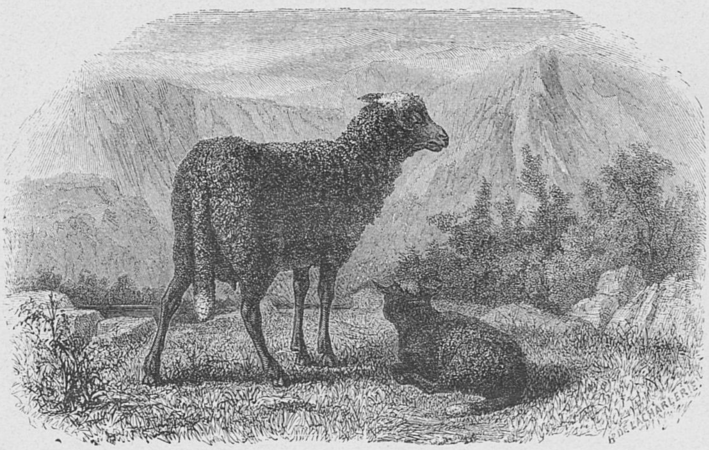
Возка хлѣба и пахота въ 4 пары воловъ.

Его почва быстро отдыхала, востановляла свою производительность, давала великолѣпные урожаи. Иногда, даже безъ всякаго участія со стороны земледѣльца, получались колоссальные урожаи отъ «падалицы», т.-е. зерна, упавшаго при прошлогодней уборкѣ хлѣба. Но, какъ ни велика была производительность степной почвы, наконецъ и она должна была истощиться, такъ что и эта почва потребовала сначала болѣе продолжительныхъ отдыховъ, а затѣмъ вовсе даже перестала вознаграждать земледѣльца урожаями, нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. И вотъ, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, въ степи возникла изъ обыкновенной переложной такъ называемая *«урегулированная переложная»* система хозяйства. Чтобы перейти изъ простой переложной къ урегулированной системѣ хозяйства, степняку пришлось разбивать свою землю на большое число участковъ. Если производительность почвы совершенно возстановлялась послѣ 10—12 лѣтъ залежи, такъ что могла давать обильные урожаи въ теченіе 4 — 5 лѣтъ, то вся земля должна быть раздѣлена на 14—17 участковъ, изъ которыхъ каждый годъ вновь долженъ распахиватся только одинъ участокъ, 4 или 5 участковъ должны быть заняты посѣвами, а 10 или 12 участковъ находиться въ залежи и давать или сѣно, или пастбищдля скота. При такой системѣ хозяйства уже должна была соблюдаться извѣстная послѣдовательность въ чередованіи посѣвовъ. Такъ въ первый годъ послѣ залежи сѣялась пшеница или ленъ, какъ въ виду ихъ высокой цѣнности, такъ и вслѣдствіе хорошей урожайности на тяжелыхъ неразрыхленныхъ еще почвахъ. На второй годъ послѣ распашки сѣяли ячмень, озимые хлѣба: рожь или пшеницу, иногда—вторично яровую пшеницу; тогда на третій годъ высѣвали горохъ, ячмень или гречиху; на четвертый и пятый — овесъ и другіе менѣе цѣнные яровые хлѣба. Въ такомъ видѣ переложная система удерживается чрезвычайно долго, до са-

маго момента перехода ея или въ трехпольную или въ многопольную травяную, на которую она очень похожа. Чѣмъ больше населяется степь, тѣмъ болѣе и болѣе распахивается въ ней земли и, наконецъ, переложная система изъ многолѣтней залежной превращается въ двухлѣтнюю, когда половина всей земли засѣвается хлѣбомъ, а другая половина отдыхаетъ только одинъ годъ. Если культура степи достигаетъ послѣдняго видоизмѣненія переложной системы хозяйства, это значитъ, что система эта скоро должна исчезнуть и замѣниться другою, болѣе совершенною системою хозяйства. Въ такомъ именно видѣ и наблюдается переложная система въ значительной части степей, особенно на сѣверѣ Новороссіи.

Какъ результатъ переложной системы хозяйства, въ степи выработались самостоятельныя названія отдѣльныхъ частей почвы, которыя весьма характерны. Такъ самою цѣнною землею здѣсь считается «цѣлина», т.-е. такая земля, которая никогда не засѣвалась, а если и засѣвалась, то такъ давно, что это обстоятельство совершенно исчезло изъ памяти степняка.

Степная цѣлина характеризуется особенною растительностью. Самымъ типичнымъ ея растеніемъ является ковыль, тырса или кайданъ (Stipa pennata). Каждый, кто хоть разъ бывалъ въ степи, считаетъ долгомъ запастись пучкомъ этого прекраснаго растенія. Ковыль—не особенно высокая трава—имѣетъ очень длинный, тонкій эластичный, бѣловато - серебряный колосъ, когда созрѣетъ. Масса такихъ колосьевъ развѣвается на цѣлинѣ по вѣтру во всѣ стороны. Колосъ ковыля такъ красивъ и изященъ, что онъ могъ бы соперничать для украшенія дамскихъ нарядовъ съ перьями многихъ птицъ южныхъ странъ, еслибы всесильная мода ввела его во всеобщее употребленіе.



Стриженныя овцы.

Степнякъ-овцеводъ особенно дорожитъ цѣлиной. Ранней весной онъ выпускаетъ на нее самую драгоцѣнную часть своей отары, тонкорунныхъ матокъ съ молодыми ягнятами, такъ какъ на цѣлинѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, появляется свѣжая травяная растительность. На ней овцы находятъ себѣ обильный кормъ. Лѣтомъ цѣлинная ковыльная степь даетъ хотя и не особенно много сѣна, но хорошаго качества. Осенью же, вплоть до появленія снѣга, т.-е. до декабря или января, овцы опять находятъ на ней великолѣпное пастбище. Но цѣлина содержитъ въ себѣ, кромѣ того, и громадный запасъ питательныхъ веществъ для растеній, при томъ въ самой доступной для нихъ формѣ; а потому, хотя хозяинъ-овцеводъ и очень дорожитъ цѣлинною степью, тѣмъ не менѣе, погоня за великолѣпнымъ урожаемъ пшеницы или льна, въ виду высокихъ цѣнъ на нихъ, заставляетъ его разставаться съ цѣлиною и допустить туда плугъ съ волами. А потому съ каждымъ годомъ пространство цѣлинныхъ степей въ Новороссіи все уменьшается.

Какъ ни полезна степняку-овцеводу ковыльная степь, но она иногда можетъ принести ему и значительный вредъ. Узкія сѣмена ковыля снабжены зазубринками, оканчивающимися спирально-извитою остью. Попавъ разъ въ шерсть, сѣмена эти отъ движенія кожи животнаго, а еще болѣе отъ тренія другихъ животныхъ, проникаютъ въ толщу кожи, затѣмъ въ мясо и все

глубже и глубже ввинчиваются, подобно буравчику, и задерживаются при посредствѣ своихъ эластическихъ зазубринъ, доходя такимъ образомъ даже до внутренностей овцы. Это причиняетъ овцамъ страданіе, даже гибель, не говоря уже о томъ, что присутствіе тырсы, т.-е. ковыля въ шерсти овецъ, значительно понижаетъ достоинство послѣдней. Если отара овецъ случайно забредетъ въ ковыль и наберется его сѣмянъ, хозяинъ спѣшитъ нанять женщинъ для очистки шерсти овецъ отъ этого врага. Размѣръ расхода за такую очиску будетъ понятенъ, если мы скажемъ, что одна женщина въ день можетъ очистить не болѣе 2—3 овецъ, сильно набравшихся ковыля. Чтобы уничтожить вредное дѣйствіе ковыля, во время его созрѣванія пускаютъ по цѣлинной степи особыя ковыльныя машины, въ родѣ жатвенныхъ, которыя срѣзаютъ или сбиваютъ колосья ковыля, послѣ чего овцы свободно уже могутъ пастись по степи.

Цѣлинная или залежная степь распахивается для посѣва хлѣба непремѣнно плугомъ. Иногда въ одинъ плугъ впрягаютъ отъ 4 до 8 паръ воловъ. Цѣлинная степь,—какъ было сказано уже,—въ высшей степени плодородна, но почва ея весьма уплотнена, такъ что необходимы особенные пріемы обработки, чтобы привести ее въ состояніе, годное для производства культурныхъ растеній. Распашка цѣлины производится обыкновенно осенью, при чемъ стараются на первый разъ захватить плугомъ только тонкій, верхній слой почвы. При этомъ наблюдаютъ, чтобы пласты, переворачиваемые плугомъ, ложились по возможности горизонтальнѣе, т.-е. не другъ на друга, но одинъ около другого, дерномъ внизъ такъ, чтобы вспаханное поле представляло возможно гладкую поверхность. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если поле вспашется бороздами, какъ пашутъ болѣе культивированныя почвы, дернистые пласты цѣлины не успѣютъ перепрѣть за зиму, и разработка такого поля будетъ почти невозможна. Вспаханное поле оставляется на зиму не боронованнымъ; многіе думаютъ, что подъ горизонтально лежащими пластами земли лучше задерживается зимняя и весенняя влага, которая поддерживаетъ развитіе посѣянныхъ на такомъ полѣ растеній и предохраняетъ ихъ отъ засухи. Весною на вспаханномъ полѣ производится посѣвъ: сѣмена закрываются только бороною.



Отара овецъ.

Только-что распаханная цѣлина или давняя залежь носитъ названіе *пласта, пластового поля*. По снятіи на немъ урожая, оно вспахивается осенью вторично на ту же глубину, или немного большую, въ томъ же направленіи, какъ въ первый разъ. Пласты первой вспашки при этомъ переворачиваются дерномъ вверхъ и слегка присыпаются рыхлой землей, захваченной нѣсколько глубже. За годъ дернъ успѣлъ уже на столько перепрѣть, что разработка его гораздо легче, и онъ уже вполнѣ способенъ къ произрастанію болѣе прихотливыхъ растеній. Поле, вспаханное второй разъ, носитъ названіе *оборота*. Очень плотную почву пласта и оборота особенно хорошо переносятъ ленъ, просо, яровая пшеница и озимая рожь, а также и бакчевныя растенія; менѣе выноситъ такую почву ячмень, а изъ озимыхъ

пшеница. Къ особенностямъ поля, впервые возникающаго изъ степи, слѣдуетъ отнести то, что оно мало зарастаетъ сорными травами. Объяснить это можно тѣмъ, что въ почвѣ, распаханной изъ-подъ цѣлины, нѣтъ запаса сорныхъ травъ. Но, по мѣрѣ разрыхленія почвы, сѣмена сорныхъ травъ попадаютъ въ нее все въ большемъ и большемъ количествѣ.

Третій, четвертый или пятый годъ культуры степной почвы носитъ названіе «посѣвовъ по стерню», т.-е. по жнивью. На третій годъ землю еще поднимаютъ плугомъ; но на четвертый, особенно же на пятый годъ, вообще обработываютъ почву только однимъ раломъ. Новороссійское рало представляетъ собою брусъ дерева, въ который вбито 5 или 7 лапатообразныхъ сошниковъ. Это орудіе въ большомъ употребленіи у крестьянъ; землевладѣльцы же пашутъ землю трехлемешнымъ колонистскимъ плугомъ. На третій, четвертый или пятый годъ въ значительно уже разрыхленную землю сѣютъ ячмень, овесъ, горохъ, гречиху. Иногда эти земли уже не пашутъ подъ осень, а весною высѣваютъ сѣмена, запахиваютъ ихъ раломъ, или трехлемешнымъ плугомъ, и вся обработка земли заканчивается этимъ.

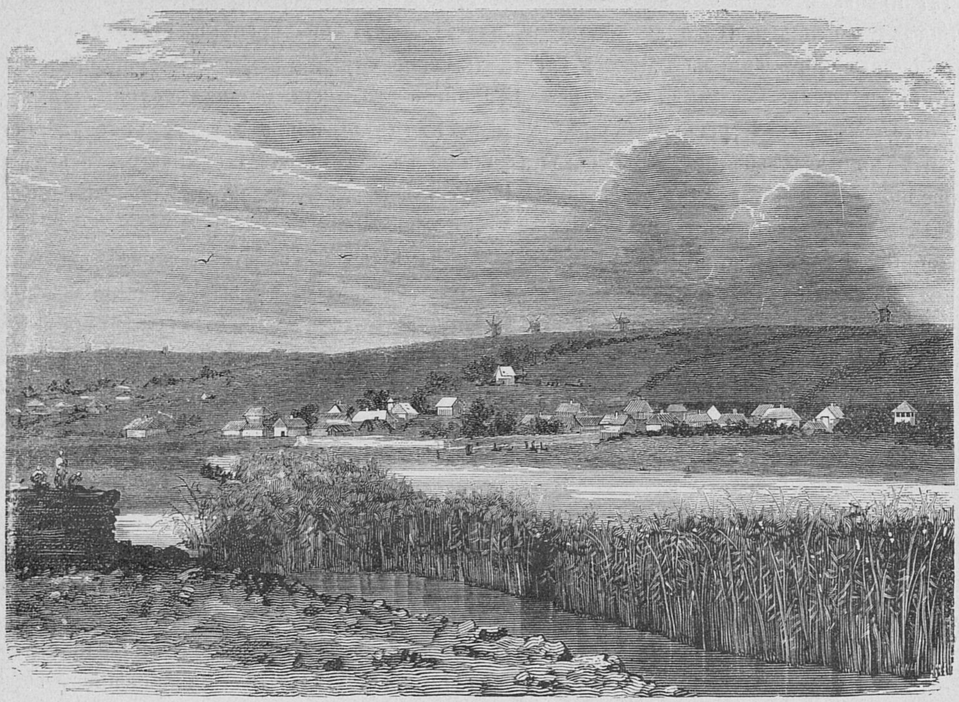
Послѣ посѣва овса, обыкновенно періодъ культуры степи заканчивается и поле поступаетъ въ залежь или перелогъ, т.-е. всякая обработка поля прекращается, установленный же порядокъ культуры переносится на другой участокъ. Запущенное въ залежь поле предоставляется вліянію естественныхъ дѣятелей: воды, воздуха, тепла, холода и естественной травяной растительности, появляющейся на оставляемыхъ безъ обработки поляхъ. Послѣдній дѣятель даетъ возможность человѣку извлекать изъ запущенной земли пользу, и мало-по-малу обогащаетъ своими остатками ея верхній, истощенный культурою, пахатный слой, т.-е. иначе дѣлаетъ его способнымъ для новой культуры.

Первые два-три года поле, пущенное въ залежь, покрывается обыкновенно бурьяномъ и будякомъ, сорными растеніями изъ семейства сложноцвѣтныхъ, въ небольшою примѣсью мотыльковыхъ растеній, какъ-то: донникомъ, разнаго рода горошкомъ, а на нѣсколько влажныхъ почвахъ—нѣкоторыми видами клевера. Будякъ и бурьянъ, при благопріятныхъ условіяхъ, достигаютъ громаднаго развитія, до 4 и болѣе аршинъ высоты, хотя овцы и рогатый скотъ и ѣдятъ молодой будякъ и бурьянъ, какъ на пастбищѣ, такъ и въ видѣ сѣна, но такъ какъ питательность этихъ растеній крайне незначительна, то обыкновенно онѣ рѣдко эксплуатируются въ степи, развѣ только въ годину степного бѣдствія, вообще же считаются сорными травами. Если бурьянъ употребляютъ, какъ пастбище, то сначала выпускаютъ на него рогатый скотъ; когда затѣмъ бурьянъ достаточно умнется, то за скотомъ выпускаютъ уже овецъ, но не наоборотъ. Всѣ неиспользованные будяки выжигаютъ осенью или весною, или запахиваютъ. Въ теченіе одного года, даже высохшія на корню, эти сорныя травы превосходно разлагаются въ землѣ. По мѣрѣ уплотненія залежной почвы, на ней появляется въ высшей степени питательное и обладающее мощною способностью развитія травянистое растеніе—пырей, дающее великолѣпное сѣно и въ высшей степени питательное пастбище для всякаго рода скота. Залежь, покрытая пыреемъ, бываетъ наиболѣе производительна въ первые годы когда пырей даетъ громадные укосы сѣна. Но затѣмъ, мало по-малу, при дальнѣйшемъ затвердѣніи почвы, пырей начинаетъ пропадать, и, наконецъ, когда почва достигнетъ такой плотности, которой онъ не переноситъ, пырей совсѣмъ исчезаетъ. На смѣну пырея появляются, а затѣмъ и совершенно вытѣсняютъ его другія растенія, частію изъ семейства мотыльковыхъ (эспарцетъ, астрагалъ, разные виды горошка и т. п.), частію же изъ семейства злаковъ, какъ степная тимофеевка, тонконогъ, типчакъ и мн. др. Степныя мотыльковыя растенія, въ сравненіи со злаками и даже пыреемъ, отличаются особенною силою развитія и способностью переносить засуху, благодаря своимъ глубоко внѣдряющимся въ землю корнямъ. Но вытѣснять пырей они начинаютъ только тогда, когда послѣдній уже значительно ослабѣетъ, вслѣдствіе уплотненія почвы.

Наконецъ, степная почва, лежащая въ залежи, на столько уплотняется, что на ней перестаетъ расти и третья смѣна растеній, такъ что снова появляется ковыль.

Ковыль появляется въ степи черезъ 15—20 лѣтъ послѣ того, какъ она была распахана. Появленіе его указываетъ на полное возстановленіе всѣхъ производительныхъ силъ разъ уже распаханной почвы. Въ настоящее время однако нельзя найти въ Новороссійской степи уже ни одного хозяина, у котораго земля оставалась бы въ залежи такой продолжительный періодъ времени, какой необходимъ для появленія ковыля; обыкновенно довольствуются только нѣсколькими годами, много-много семилѣтнею залежью, послѣ которой снова распахиваютъ землю.

Если залежь можетъ быть названа самымъ удобнымъ и дешевымъ средствомъ для возстановленія производительности степной почвы, то все-таки нельзя не сказать нѣсколько словъ о вредномъ, даже губительномъ дѣйствіи залежи для земледѣльца. Нѣкоторыя животныя,



Селеніе въ степи.

какъ, напримѣръ, байбаки, овражки или суслики и др., а изъ насѣкомыхъ—саранча, прусъ, многіе виды жуковъ и бабочекъ размножаются на цѣлинныхъ и залежныхъ степяхъ, и затѣмъ поѣдаютъ посѣвы обитателя степи. Многіе полагаютъ даже, что предѣлы распространенія овражковъ въ Россіи опредѣляются границей господства залежной системы; впрочемъ, въ послѣднее время замѣчается, что суслики начали уживаться и въ мягкой землѣ, такъ что граница разселенія ихъ все отодвигается на сѣверъ. Въ послѣднее время отдѣльные экземпляры овражковъ встрѣчали иногда на поляхъ даже Курской и Тульской губерній, т.-е. въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ сѣверной границы степи.

Мы уже не разъ упоминали о недостаточности степного населенія, чтобы убрать все сѣно, скосить и обмолотить весь хлѣбъ, который производитъ степь. Пополненіе степи недостающими рабочими, приливъ въ нее рабочихъ изъ другихъ мѣстностей и пріурочивается

главнымъ образомъ къ началу покосовъ. Сѣнокосы въ степи начинаются очень рано. На старыхъ перелогахъ начинаютъ косить сѣно въ апрѣлѣ и продолжаютъ весь май; къ началу іюня въ степи уже созрѣваетъ хлѣбъ и начинается страдная работа. Не одинъ только хлѣбопашескій промыселъ пропитываетъ степное населеніе, но и скотоводство, особенно тонкорунное овцеводство, доставляющее землевладѣльцамъ чуть ли не большій источникъ дохода, нежели посѣвы хлѣбовъ; въ виду этого понятно, что заготовленіе сѣна для степняка является дѣломъ громаднѣйшей важности.

Главный контингентъ временныхъ пришлыхъ рабочихъ даетъ Новороссійской степи та черноземная нестепная полоса Россіи, въ которой господствуетъ трехпольная система хозяйства, особенно же Курская губернія, затѣмъ, малороссійскія губерніи: сѣверная часть Харьковской, Полтавская, Черниговская, частію Кіевская и Подольская, послѣдняя поставляетъ рабочихъ для Бессарабской губерніи. Кромѣ того высокіе заработки привлекаютъ въ степь, на болѣе продолжительные сроки, обитателей Тульской, Смоленской, Витебской и друг. губерній, иногда въ степь приходятъ рабочіе и изъ-за границы, преимущественно изъ Галиціи. Никто до сихъ поръ еще не пытался сосчитать, какое именно количество рабочихъ ежегодно приходитъ въ степь; несомнѣнно, однако, что число это очень и очень велико. Такъ, напр., изъ многихъ уѣздовъ Курской губерніи уходитъ въ степь почти все наличное рабочее населеніе, хоть на нѣсколько недѣль, преимущественно на косовицу. Окончивши косьбу, рабочіе обыкновенно возвращаются домой къ уборкѣ своего хлѣба, т.-е. къ началу іюля мѣсяца; другая ихъ часть остается въ степи для уборки хлѣба и молотьбы.

Рабочіе, идущіе въ степь, собираются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, на такъ-называемыхъ базарахъ, въ большихъ селеніяхъ, мѣстечкахъ или уѣздныхъ городахъ. Такіе базары рабочихъ бываютъ, напр. въ Мелитополѣ, въ мѣстечкѣ Каховкѣ, на берегу Днѣпра въ Таврической губерніи, въ слободѣ Барвенковой и въ заштатномъ городѣ Ахтыркѣ, въ южной части Харьковской губерніи, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. На базары собираются десятки тысячъ; каждое воскресенье пріѣзжаютъ на нихъ помѣщики или ихъ старосты и нанимаютъ рабочихъ на цѣлую недѣлю, на харчахъ экономіи, разсчитывая поденно. Въ субботу рабочіе получаютъ расчетъ и уходятъ на базары; въ воскресенье новый наемъ, по вновь установленной цѣнѣ и т. д. Сѣнокосъ въ степи начинается иногда съ 40—50 коп. поденной платы и доходитъ до 2 руб. и дороже; къ уборкѣ хлѣба цѣны повышаются и въ очень урожайный годъ доходятъ до 5—6 руб. въ день. Отработавъ недѣлю у степняка, пришлые рабочіе посвящаютъ воскресенье совершенному отдыху. На базарахъ тогда—полнѣйшій разгулъ, рабочіе пьютъ, гуляютъ; тамъ вы услышите звуки всевозможныхъ музыкальныхъ народныхъ инструментовъ: и тульскую гормонику, и курскую жулейку или дудку, и малороссійскую бандуру или скрипку, и пѣсни, чуть не со всѣхъ концовъ Россіи.

Замѣчательно, что на базарахъ колонисты-землědѣльцы обыкновенно платятъ рабочимъ дороже, чѣмъ русскіе помѣщики. Это объясняется тѣмъ, что нѣмецъ лучше русскаго землевладѣльца умѣетъ использовать трудъ поденщика. У колониста поденщикъ, во время сѣнокоса или косьбы хлѣба, не будетъ самъ, напр., точить косу, для чего необходимо прерывать работу. Для исполненія этой легкой работы нѣмецъ имѣетъ мальчиковъ, нерѣдко сыновей, а поденщикъ у него цѣлый день долженъ косить. У русскаго же землевладѣльца поденщикъ, наоборотъ, не мало проводитъ времени въ остановкахъ для точенія косы. У нѣмца-землевладѣльца впереди поденщиковъ всегда идетъ косарь-нѣмецъ, остальные же поденщики должны не отставать отъ передоваго косаря. Зато нѣмцы и кормятъ поденщиковъ значительно лучше русскихъ помѣщиковъ.

Заработки въ степи бываютъ иногда очень высокіе. Одинъ рабочій, за лѣто, приноситъ домой иногда до 100 руб., въ одну косовицу заработываетъ до 50 рублей. Но не то бываетъ въ неурожай. Нерѣдко случается, что рабочіе отправляются въ степь въ повозкахъ, на

своихъ лошадяхъ. Но даже и эти рабочіе въ неурожайный годъ не только оставляютъ въ степи и лошадь, и телѣгу, но «подаяніемъ» добираются до дома, а то нерѣдко заболѣваютъ въ степи и ужь вовсе не возвращаются на родину.

Помимо этого страшнаго наплыва временныхъ рабочихъ, въ степи наблюдается хотя и менѣе значительный приливъ другого рода людей, которые, при болѣе удовлетворительныхъ условіяхъ жизни, сдѣлались бы постоянными обитателями степи. У всякаго степняка-землевладѣльца существуетъ сокровенное стремленіе обезпечить себя рабочими, для чего онъ нерѣдко предлагаетъ имъ въ наемъ землю и мѣсто для постройки усадьбы, или даже выстроенные уже дома или прекрасныя землянки, которыя хотя и устраиваются почти вровень съ землей, но въ нихъ тепло, свѣтло и сухо, иногда даже по нѣсколько свѣтлыхъ комнатъ. Обитатель чистаго поля, населеннаго до тѣсноты, всегда стремится на южныя новыя, свободныя, степныя земли, думая тамъ, гдѣ-то вдали, завоевать себѣ то благосостояніе, котораго онъ лишенъ дома у себя. Вотъ интересы, на почвѣ которыхъ можно бы скоро заселить степь, съ полнымъ удовлетвореніемъ для обѣихъ сторонъ. На дѣлѣ же, однако, изъ подобныхъ переселеній никакого полезнаго результата для степи не выходитъ.



Загонъ для скота и изба пастуховъ на цѣлинной степи.

Тотъ особый родъ поселенцевъ, о которыхъ мы говоримъ, извѣстенъ въ степи подъ именемъ «десятинщиковъ». Десятинщики нанимаютъ обыкновенно у частныхъ землевладѣльцевъ или у арендаторовъ казенно-оброчныхъ участковъ землю для посѣвовъ, нерѣдко на нѣсколько лѣтъ, но сравнительно по очень высокимъ цѣнамъ. Десятинщики образовались частію изъ бывшихъ мѣстныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, выпущенныхъ на волю безъ земли еще до крѣпостной реформы и, въ большинствѣ случаевъ, приписавшихся къ мѣщанскимъ обществамъ уѣздныхъ городовъ Новороссіи, особенно Бессарабской губерніи; частію же изъ мѣстныхъ безземельныхъ иностранныхъ колонистовъ, частію изъ заграничныхъ выходцевъ, наконецъ, изъ переселенцевъ (крестьянъ и дворовыхъ) центральныхъ губерній.

Эти десятинщики воздвигаютъ иногда въ голой безводной степи поселки, вырываютъ колодцы, устраиваютъ огороды, словомъ—культивируютъ степь. Хорошо, если два-три года, послѣ ихъ поселенія на новомъ мѣстѣ, будутъ урожаи; десятинщики уживутся въ степи, будутъ платить исправно аренду и у нихъ еще останется что-нибудь про запасъ. Не то бываетъ, если десятинщиковъ посѣтитъ неурожай: они должаютъ владѣльцу земли, который только этого и ждетъ, чтобы закабалить ихъ себѣ въ батраки. Онъ даетъ имъ тогда столько работы, что уже не остается времени для обработки нанятой земли. Тогда одинъ исходъ десятинщикамъ: бросить вновь устроенное поселеніе и бѣжать за нѣсколько сотенъ верстъ къ другому землевладѣльцу. На такіе побѣги десятинщиковъ очень часто жалуются землевладѣльцы степи, хотя обыкновенно сами же и виноваты въ томъ, такъ какъ не поняли, что десятинщикъ потому только и ушелъ со своей родины, что не хотѣлъ быть наймитомъ-ба-

тракомъ, а хотѣлъ быть хозяиномъ. Рѣдко встрѣчаются отрадныя исключенія изъ обычной судьбы піонеровъ степи, десятинщиковъ, но къ счастію они есть, и мы ихъ наблюдали у очень крупныхъ землевладѣльцевъ колонистовъ-менонитовъ, гдѣ десятинщики пользуются благосостояніемъ, платя за землю $1/_9$ часть урожая. Тяжело жить одному въ безпредѣльной степной пустынѣ,—хочется непремѣнно имѣть сосѣда, и его можно всегда имѣть, если предоставить возможность пріобрѣсти благосостояніе въ степи. Въ послѣднее время это начали сознавать, хотя въ видѣ исключенія, и русскіе землевладѣльцы. Поэтому среди степи начинаютъ создаваться такія хозяйства, гдѣ интересы землевладѣльца и рабочаго поселянина не враждебны, но тѣсно связаны. При этомъ только условіи и возможно устроить въ степи выгодное, дающее доходъ, хозяйство землевладѣльца, создавъ при этомъ и благосостояніе земледѣльца-десятинщика.

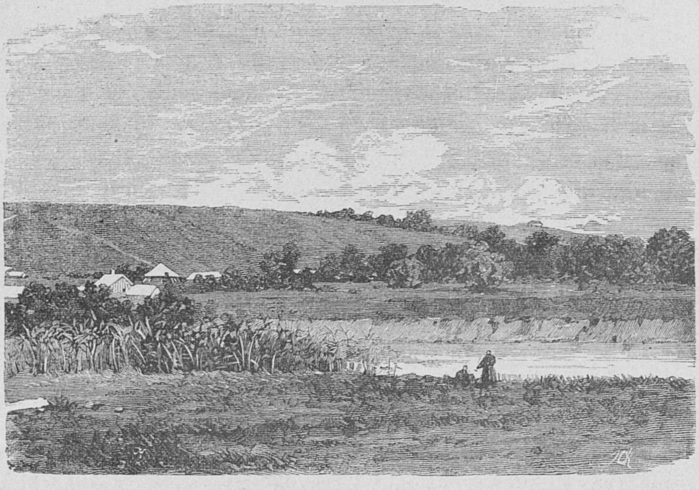
Степь населялась и приводилась въ культурное состояніе не одною какою-нибудь національностью, а множествомъ различныхъ племенъ, такъ что даже и теперь вы найдете въ степи различныя племена и народности. Рядомъ съ православнымъ сектантомъ, великороссомъ живетъ малороссъ, бывшій казакъ; вы найдете въ степи также молдаванина и болгарина, рядомъ съ нѣмцемъ-сектантомъ, менонитомъ—великоросса, или нѣмецкаго колониста-лютеранина. Наконецъ, въ той же степи можно найти весьма рѣдкостнаго земледѣльца-еврея. Еврейскихъ колоній въ новороссійской степи самое незначительное число. Своими заслугами по культурѣ степи особенно выдаются колонисты: нѣмцы-менониты и лютеране. Пріемы культуры степи, обработка почвы, воздѣлываніе хлѣбовъ у тѣхъ и другихъ колонистовъ почти тождественны; поселенія же сектантовъ-менонитовъ и лютеранъ по наружному виду весьма различны.

Селенія колонистовъ-менонитовъ представляютъ рѣзкій контрастъ съ безпредѣльною, ровною степью. Когда подъѣзжаете къ такой колоніи, вы начинаете различать красныя черепичныя крыши и бѣлыя стѣны кирпичныхъ каменныхъ монументальныхъ построекъ, тонущихъ въ зелени фруктовыхъ садовъ и нефруктовыхъ рощъ, и воображеніе переноситъ васъ не въ среднюю Россію съ ея курными полуразрушенными деревянными, если и каменными, то непремѣнно широкими и низкими избами, и не въ Малороссію, съ ея выбѣленными, чистыми мазанками, обвитыми тыквинами, окруженными неизмѣннымъ подсолничникомъ или макомъ, а иногда и вишневыми садочками, что свидѣтельствуетъ значительно о поэзіи въ натурѣ малоросса,—нѣтъ, воображеніе переноситъ васъ въ средневѣковую Германію или Голландію... Въ то время, какъ великорусская деревня навѣваетъ на васъ думы о перешедшемъ въ исторію вліяніи крѣпостнаго права, а бѣленькіе, окруженные зеленью, поселки болѣе поэтической Малороссіи невольно вызываютъ въ вашемъ воображеніи образъ смѣющейся поселянки-хохлушки, выглядывающей изъ-за густой зелени,—колонія мононитовъ, наоборотъ, своими солидными, акуратными, практичными, но однообразно-скучными, высокими постройками приводитъ на память мрачнаго рыцаря, надменно озирающаго свои владѣнія, въ которыхъ царствуетъ машинообразный порядокъ. Это вы чувствуете въ прямыхъ улицахъ, въ симетрично расположенныхъ по бокамъ ихъ и одинаково сооруженныхъ постройкахъ, одинаково окруженныхъ сзади садами и рощами, въ поляхъ, разграниченныхъ прямыми аллеями деревьевъ, и, наконецъ, во внутреннемъ расположеніи комнатъ, въ домашней обстановкѣ и во всѣхъ занятіяхъ поселянъ, однообразныхъ до скуки.

Колоніи лютеранъ-нѣмцевъ значительно отличаются отъ колоній менонитовъ; большія колоніи лютеранъ скорѣе похожи на маленькіе города; въ каждой такой колоніи вы всегда найдете легкой архитектуры лютеранскую церковь, смѣющіеся чистенькіе домики, нерѣдко двухэтажные, чаще крытые соломой, обращенные фосадомъ на улицу, окруженные садами и не соединенные съ сараями и конюшнями, какъ у менонитовъ. Службы расположены обыкновенно въ глубинѣ двора. Вотъ тѣ особенности, которыя отличаютъ лютеранскую колонію отъ менонитской и придаютъ первой видъ чистенькаго городка.

Колонисты-лютеране нерѣдко поселяются и въ голой степи и не особенно заботятся въ первое время объ затѣненіи своихъ поселеній древесною растительностью. Колонисты-лютеране получили при переселеніи въ Россію, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, по 60 десятинъ, а менониты по 65 дес. на душу. Получивши такое громадное пространство земли, освобожденные отъ всевозможныхъ видовъ податей и повинностей, эти колонисты, конечно, могли свободно начать хозяйство на своихъ надѣлахъ и прекрасно вести свои дѣла. Сначала они завоевали въ степи свое благосостояніе, что стоило имъ не мало труда, затѣмъ начали заботиться и объ украшеніи своихъ поселеній разнообразною растительностію. Наконецъ, забота объ облѣсеніи степи дошла до того, что при каждомъ дворѣ развели прекрасный садъ, обсадили поля и дороги различными деревьями, особенно подрѣзанной, въ видѣ живой изгороди, шелковицей, какъ остаткомъ отъ тѣхъ насажденій, которыя каждый колонистъ обязанъ былъ развести, чтобы удовлетворить требованію—представить извѣстную мѣру шелковичныхъ коконовъ.

Представьте себѣ волшебный видъ цѣлаго ряда менонитскихъ колоній, которыя почти непрерывною лентою тянутся вдоль рѣки Молочной, до лютеранской колоніи «Пришибъ», въ чистой степи Таврической губерніи. На протяженіи двадцати пяти верстъ, вы ѣдете по аллеѣ развѣсистыхъ деревьевъ; по бокамъ видите цвѣтущія поля менонитовъ, правильно разграниченныя рядами деревьевъ. Проѣхавъ $^1/_2$ версты, версту, снова въѣзжаете въ колонію, окруженную рощами и садами... И если что производитъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, то это симметрія, особенная правильность и порядокъ въ распланировкѣ селеній, однообразное расположеніе усадебъ, садовъ, рощъ и полей у всѣхъ менонитовъ. Эта искусственность придаетъ нѣсколько казенный характеръ ландшафту, въ общемъ, тѣмъ не менѣе превосходному, заставляющему невольно забыть и бѣдныя русскія деревни, и необозримыя степи...



Зеленый гай по балкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какой рѣзкій контрастъ представляютъ колоніи съ голой безлѣсной русской деревней или селомъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ? Было однако время, когда и эти села и деревни имѣли болѣе оживленный видъ, были обсажены деревьями, имѣли свои плантаціи шелковицы или тутоваго дерева, потому что и русскіе крестьяне, какъ и колонисты, обязаны были разводить шелковичныхъ червей; но это было въ то отдаленное, слава Богу, минувшее уже время, когда эти села и деревни были «военными поселеніями», когда вся жизнь и хозяйство ихъ обитателей подгонялись подъ военный ранжиръ или рамку, обитатели же этихъ поселеній, бывшіе въ одно и то же время и солдатами и земледѣльцами, переносили и терпѣли всѣ эти порядки... Но какъ только были уничтожены военныя поселенія,—прежде всего крестьяне, въ видѣ протеста, принялись за уничтоженіе всего того, что напоминало имъ прежнюю жизнь. Сначала уничтожали всѣ лѣсныя насажденія и всѣ плантаціи, долго жили въ совершенно голой степи, и только въ самое послѣднее время мало-по-малу начали, по доброй волѣ, приниматься за насажденіе деревьевъ около своихъ домовъ и на усадьбахъ.

Мы уже сказали, какъ богато надѣлены землею менониты и другіе нѣмецкіе колонисты. По закону и обычаю полный надѣлъ колониста не дробится, а цѣликомъ переходитъ по наслѣдству къ младшему члену семьи. Все имущество умершаго или продается съ публичнаго торга и дѣти раздѣляютъ наличный капиталъ между собою поровну, или наслѣдники уступаютъ все хозяйство младшему сыну, который долженъ выплатить имъ слѣдуемое. Рѣже хозяйство дѣлится между двумя наслѣдниками; въ послѣднемъ случаѣ образуется два самостоятельныхъ хозяина, въ половинномъ размѣрѣ. Въ это первоначальное установленіе о правахъ наслѣдства допущены были нѣкоторыя измѣненія, и хозяйства еще при жизни отцовъ дѣлились между двумя, тремя и четырьмя сыновьями, такъ что образовались мелкія хозяйства. Кромѣ этихъ мелкихъ хозяевъ, въ колоніяхъ есть еще такъ называемые «припущенники», имѣющіе одинъ домъ съ $^1/_2$ десятиной усадьбы безъ полеваго надѣла, и совершенно безземельные колонисты.

Почти всѣ безземельные—ремесленники; многіе владѣютъ значительными капиталами и занимаются фабричною и заводскою промышленностью. Большинство же безземельныхъ колонистовъ выселяется на земли, покупаемыя ими лично или обществами для нихъ. Съ каждымъ годомъ покупка колонистами земель у частныхъ владѣльцевъ болѣе и болѣе развивается.

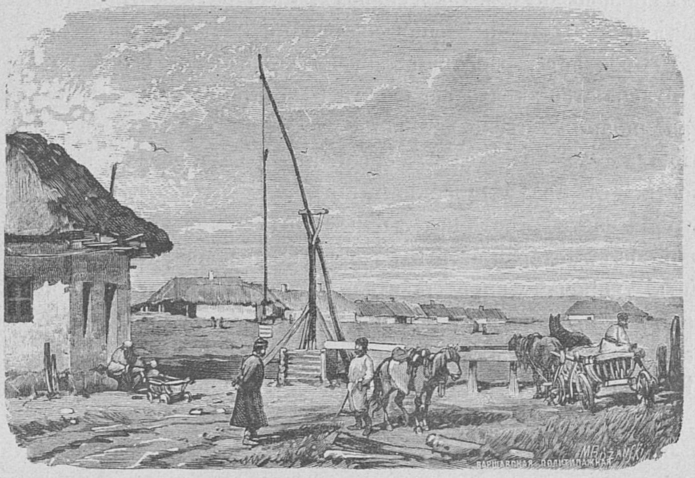
Не мудрено, что при громадномъ надѣлѣ въ степи, при отсутствіи всякихъ податей и повинностей, при совершенно дѣвственной почвѣ, изъ которой они могли извлекать громадные урожаи, благосостояніе колонистовъ скоро достигло высокой степени, и они могли уже затѣмъ улучшить культуру самой степи. Но какъ только была введена такая безобидная мѣра, какъ всесословная воинская повинность, изъ менонитскихъ колоній началось переселеніе въ южную Америку. Замѣчательно, что отъ переселенія удержались крупные землевладѣльцы-менониты. Полныхъ хозяевъ, имѣющихъ въ надѣлѣ 65 дес., переселилось очень мало, если же они и переселялись, то всю свою землю и усадьбу продавали своимъ же собратьямъ-менонитамъ. Главный контингентъ переселенцевъ составили или совсѣмъ безземельные, или малоземельные колонисты, обладающіе четвертнымъ и меньшими надѣлами. Переселеніе это, по всей вѣроятности, подогрѣтое со стороны различными агентами, особенно характерно въ томъ отношеніи, что уже значительная часть колонистовъ, проживъ годъ-два въ Америкѣ, растративъ, что было накоплено въ степи, снова возвращается въ русскія степи.

Прежде у колонистовъ въ степи существовала правильная четырехпольная зерновая система хозяйства, причемъ каждый годъ одно поле засѣвалось яровой пшеницей, другое—ячменемъ, третье—овсомъ, озимой рожью или другими хлѣбами, четвертое-же поле находилось въ пару. Въ настоящее время и колонисты послѣдовали всеобщему стремленію—къ усиленію производства зерновыхъ хлѣбовъ, увеличили число полей до пяти, причемъ, конечно, уменьшилось и пространство, ежегодно находящееся подъ паромъ. При этомъ еще часть пароваго поля засѣваютъ кукурузою и картофелемъ, такъ что въ современномъ хозяйствѣ колонистовъ мы наблюдаемъ переходъ къ улучшенной зерновой системѣ хозяйства. Въ паровомъ полѣ кукурузу и картофель высѣваютъ по навозному удобренію, остальную затѣмъ часть удобренія распредѣляютъ по незанятой части парового поля, которая въ теченіе лѣта подвергается усиленной обработкѣ и находится въ такъ называемомъ черномъ пару.

Черному пару колонисты обязаны тѣмъ, что на ихъ поляхъ рѣдко бываютъ неурожаи. Обработка чернаго пара заключается въ слѣдующемъ. Весной вспахиваютъ поле, на глубину до 5—6 вершковъ, колонистскимъ плугомъ, который есть ни что иное, какъ малороссійскій плугъ, въ которомъ деревянный отвалъ замѣненъ отваломъ изъ желѣзнаго листа. Затѣмъ, какъ только поле порастетъ сорными травами, его начинаютъ пахать такъ называемымъ буккеромъ (Bucker, Pucker), т.-е. нѣмецкимъ, трехлемешнымъ плугомъ на глубину отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ вершковъ. Вспашку этимъ орудіемъ производятъ въ теченіе лѣта нѣсколько разъ, смотря по тому, на сколько зарастаетъ паровое поле сорными травами; какъ только появится на пару сорная рас-

тительность, его сейчасъ же пропахиваютъ буккеромъ, который при двухъ парахъ воловъ или четырехъ лошадяхъ можетъ обработать отъ 1 до 2 десятинъ въ день. Такая производительность нѣмецкаго земледѣльческаго орудія не могла не обратить на себя вниманія и русскихъ степныхъ землевладѣльцевъ, которые и заимствовали его у колонистовъ. Но если нѣмцы колонисты обязаны отчасти этому плугу своимъ благосостояніемъ, то нельзя того же сказать о русскихъ землевладѣльцахъ, которымъ буккеръ на самомъ дѣлѣ принесъ больше вреда, чѣмъ пользы, потому что они заимствовали только орудіе, но совершенно не обратили вниманія на самый способъ обработки земли, тогда какъ именно въ немъ, но не въ орудіи, заключается преимущество колонистской обработки земли передъ русской. Мелко вспаханная буккеромъ одинъ разъ степная почва не могла давать обильнаго урожая, а, напротивъ, поростала сорными травами, которыя нерѣдко заглушали хлѣбъ, посѣянный подъ трехлемешный плугъ.

Уборка и молотьба хлѣба у колонистовъ производится такъ же, какъ и у всѣхъ остальныхъ степныхъ землевладѣльцевъ. Хлѣбъ убирается частію жатвенными машинами, которыя весьма сильно распространились въ послѣднее время, частію косами. Нѣмцы изобрѣли даже особую, мало производительную и неудовлетворительную по конструкціи, жатвенную машину, которая и не пошла вслѣдствіе плохой конструкціи.


Поселокъ въ голой степи.

Молотьба хлѣба въ степи производится весьма разнообразными способами. Начиная отъ цѣпа и кончая паровою молотилкою, вы найдете въ степи всевозможныя орудія и способы молотьбы хлѣба: и конныя молотилки, и телеги, и лошадей, и воловъ и, наконецъ, тяжелые каменные катки.

Катками хлѣбъ молотятъ прямо съ поля. Хлѣбъ подвозится къ току. Съ возовъ набрасываютъ въ видѣ круга слой развязанныхъ сноповъ въ поларшина толщиною. Въ рубчатый, каменный катокъ запрягаютъ, смотря по его величинѣ, одну или двѣ лошади, которыя и влачатъ катокъ по настланному хлѣбу. Хлѣбъ начинаютъ молотить отъ центра къ окружности.

Сначала дѣлаютъ небольшіе круги, но чѣмъ дальше продолжаютъ молотьбу, тѣмъ больше дѣлаютъ круги. Нерѣдко рабочій, обыкновенно мальчикъ, сидитъ верхомъ на лошади и управляетъ ею во все время молотьбы. Другой рабочій двузубыми вилами вскидываетъ хлѣбъ вслѣдъ за проходомъ катка, такъ что вымолоченныя зерна проваливаются внизъ, а колосъ вмѣстѣ съ невымолоченными еще зернами занимаетъ верхнее мѣсто и снова подвергается обмолоту. Послѣ прохода катка по одному и тому же мѣсту и послѣ нѣсколькихъ встряхиваній хлѣба вилами, рабочій тѣми же вилами переворачиваетъ обмолачиваемый пластъ такъ, чтобы верхняя его сторона ложилась на обмолоченныя зерна, а нижняя, въ свою очередь, оборачивалась кверху и подвергалась болѣе непосредственному дѣйствію катка. Въ этомъ положеніи пластъ хлѣба обмолачивается каткомъ еще раза два, столько же разъ встряхивается солома вилами и молотьба оканчивается, лошадь съ каткомъ сводятъ съ пласта хлѣба. Если вмѣсто катка заставить ѣздить по хлѣбу телеги, или гонять нѣсколько лошадей или воловъ,—

выйдетъ молотьба хлѣба телѣгами или скотомъ. Послѣ молотьбы хлѣба приступаютъ къ уборкѣ соломы и зерна. Первая такими же вилами сбрасывается въ кучу и отволакивается въ сторону, для уборки въ скирды; хлѣбъ тутъ же на току сметается въ кучу. Граблями и метлою отдѣляютъ отъ него хоботье, т.-е. куски вымолоченныхъ колосьевъ, остей и соломы. Послѣ этого набрасываютъ новый кругъ хлѣба и молотьба начинается снова. Въ день однимъ каткомъ, при двухъ-трехъ рабочихъ, можно обмолотить очень много хлѣба, отъ 25 до 30 малороссійскихъ копенъ, въ шестьдесятъ сноповъ. Обмолоченный хлѣбъ отвѣваютъ на вѣтру лопатами или очень хорошими по конструкціи колонистскими вѣялками.

Необходимо сказать также и о нѣмецкихъ фургонахъ. Всѣ фургоны у нѣмцевъ парные, на желѣзныхъ осяхъ и имѣютъ видъ продолговатыхъ ящиковъ. Фургоны употребляются и для ѣзды, и для возки картофеля, мѣшковъ хлѣба и для перевозки хлѣба въ снопахъ, сѣна, соломы и т. п. Для ѣзды, къ задней части ящика прикрѣпляется сидѣнье, представляющее собою ни что иное, какъ родъ люльки, положенной на рессору и прикрѣпленной вмѣстѣ съ послѣднею къ ящику. Стоитъ только снять люльку, и у васъ готова телѣга для перевозки мѣшками хлѣба въ зернѣ, картофеля и т. п. Снимите весь ящикъ, поставьте поручни—и у васъ готовъ возъ для перевозки хлѣба въ снопахъ, сѣна и т. п. Наконецъ, снимаете поручни, отдѣляете передокъ отъ задка,—и у васъ биндюгъ для перевозки лѣсу, досокъ и т. п.

Колонисты работаютъ исключительно лошадьми, которыя содержатся у нихъ превосходно и отличаются красотою формъ и неутомимостью. По своимъ формамъ колонистскія лошади напоминаютъ нѣсколько тѣхъ изъ нашихъ полукровныхъ вороныхъ рысаковъ, которые произошли отъ арабскихъ жеребцовъ и голандскихъ вороныхъ матокъ, только они меньшаго роста, съ менѣе широкими статьями, чѣмъ послѣдніе. Рогатый скотъ у колонистовъ краснобурой масти, такъ называемый «нѣмецкій», отличающійся обильною молочностью, выведенный изъ Потераніи, гдѣ колонисты пребывали временно, переселившись туда изъ Голландіи. Есть, впрочемъ, представители чисто фрисландской породы скота. Многіе колонисты воспитываютъ скотъ на племя и пригоняютъ его на ярмарки. Красный скотъ колонистовъ часто бываетъ на ярмаркахъ въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Александровскѣ, Херсонѣ и друг. мѣстахъ. Продажная цѣна хорошей красной нѣмецкой коровы колеблется отъ 50 до 125 руб. сер.

Колонисты обыкновенно вовсе не держатъ овецъ, если же и имѣютъ прекрасныхъ овецъ въ большихъ количествахъ, то только тѣ изъ менонитовъ, которые успѣли пріобрѣсти въ собственность громадныя пространства земли. Колонисты же содержатъ очень много свиней, потому что главное блюдо ихъ стола составляетъ свиное мясо, различнымъ образомъ приготовленное. Рѣдко мясо свиней, содержимыхъ въ колоніяхъ, поступаетъ на рынокъ, большею частію они продовольствуются имъ сами. Нигдѣ въ колоніи нельзя увидѣть пасущихся свиней, вездѣ они содержатся у каждаго хозяина въ особой закутѣ, или въ особыхъ огороженныхъ дворахъ.

Въ общемъ колонисты совершили весьма много въ смыслѣ культуры степи. Они выработали наилучшій степной сѣвооборотъ, показали, какъ надо въ степи обработывать почву, доказали возможность удобренія и облѣсенія степи..., но остались обособленными, не передали своихъ знаній окружающему ихъ степному населенію, т.-е. не совершили той задачи, которую имѣлъ въ виду законодатель, когда разрѣшилъ имъ поселеніе въ степи и далъ имъ обширные надѣлы. И только разъ права этихъ пришельцевъ были нарушены въ интересахъ общей справедливости, какъ началось ихъ переселеніе.., которое однако закончилось обратнымъ возвращеніемъ большинства обѣднѣвшихъ колонистовъ въ ту же новороссійскую степь.

Говоря о хозяйствѣ въ степи, нельзя, конечно, умолчать и о ея производительности. Всего въ среднемъ за пять лѣтъ перваго пятилѣтія семидесятыхъ годовъ въ степи, по оффиціальнымъ даннымъ, ежегодно производилось 13.087,000 четв. различнаго хлѣба и 892,000 четв. картофеля. За исключеніемъ 3,750,000 четв. сѣмянъ, чистая производительность Новороссійской степи должна быть подсчитана въ 9.332,000 четв. различнаго хлѣба и въ 536.000 кар-

тофеля, котораго высѣвалось 256,000 четв. Отсюда видно, что для обсѣмененія степныхъ полей хлѣбомъ и картофелемъ необходимо около $^1/_3$ (29%) части урожая. При подобномъ урожаѣ во всѣхъ четырехъ Новороссійскихъ губерніяхъ на 1 душу приходится около 2 четв. различнаго хлѣба.

Какъ извѣстно, опредѣленіе урожая у насъ исполняется только, какъ оффиціальная обязанность, никого, собственно говоря, не интересующая, а потому оффиціальнымъ цифрамъ и нельзя всегда строго довѣрять.

Если въ степи на душу населенія приходится только по двѣ четверти хлѣба, тогда какъ для одного продовольствія нужно имѣть нѣсколько болѣе, то откуда же берутся тѣ громадныя массы хлѣба, которыя ежегодно вывозятъ изъ степи за границу, чрезъ черноморскіе порты, Николаевъ и Одессу. Вотъ эти то массы вывозимаго хлѣба и должны подтверждать неточность оффиціальнаго исчисленія производительности степи. Если валовыя цифры оффиціальныхъ отчетовъ представляются при ближайшемъ знакомствѣ съ ними недостаточно удовлетворительными, то тѣмъ болѣе окажутся неудовлетворительными частныя цифры; въ самомъ дѣлѣ, по нимъ оказывается, что урожай озимыхъ хлѣбовъ въ степи равняется 7.945,000 четв., что составляетъ



Уборка винограда въ Бессарабіи.

61% всего урожая, тогда какъ урожай яровыхъ хлѣбовъ равняется только 5.132,000 четв. или 39%, т.-е. получаются такія отношенія урожаевъ озимыхъ хлѣбовъ къ яровымъ, какія не могутъ имѣть мѣста не только въ степной, но даже и въ той части Россіи, гдѣ господствуетъ трехпольная система хозяйства. На самомъ же дѣлѣ въ степи, при громадномъ распространеніи и исключительномъ преобладаніи яровыхъ посѣвовъ, послѣдніе въ такой же степени должны бы преобладать и въ урожаѣ. Въ виду того обстоятельства, что оффиціальныя данныя объ урожаѣ хлѣбовъ не могутъ удовлетворить насъ, мы далѣе и не будемъ на нихъ останавливатся, скажемъ только, что въ нихъ, по всей вѣроятности, урожай озимой пшеницы смѣшанъ съ урожаемъ яровой, такъ какъ подъ рубрикой пшеницы, въ ряду озимыхъ хлѣбовъ, показанъ урожай въ 6.010,000 четв., что составляетъ 46% всего урожая.

На самомъ же дѣлѣ, еслибы вы проѣхались по Новороссійскимъ губерніямъ, увидали бы громадное преобладаніе посѣвовъ яровой пшеницы, какъ у крестьянъ, такъ и у помѣщиковъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда степи были менѣе выпаханы, когда они были вслѣдствіе этого плодороднѣе, — наблюдались такіе же посѣвы льна исключительно на сѣмя. Въ настоя-

щее время ленъ воздѣлывается почти въ такихъ размѣрахъ, какъ и просо, только на вновь распахиваемыхъ цѣлинныхъ почвахъ или на очень давнихъ перелогахъ. Кромѣ того, ленъ любятъ сѣять на громадныхъ площадяхъ и наиболѣе мягкихъ земляхъ евреи-арендаторы владѣльческихъ имѣній или казенно-оброчныхъ статей. При помощи посѣва льна, арендаторы-евреи разсчитываютъ сразу выручить громадную сумму денегъ, которая въ одинъ годъ покрыла бы стоимость аренды за весь срокъ найма. Въ благопріятный въ климатическомъ отношеніи въ степи годъ бываютъ такіе урожаи, когда доходъ, получаемый съ земли, превышаетъ ея покупную стоимость; въ неурожайный же годъ при громадныхъ затратахъ на пріобрѣтеніе сѣмянъ льна иногда по 14—15 руб. за четверть,—арендаторъ, конечно, разоряется и не платитъ аренды тому владѣльцу, у котораго онъ снялъ землю. Параллельно съ уменьшеніемъ посѣвовъ льна во всей Новороссійской степи увеличивалось воздѣлываніе яровой пшеницы, которую еще до сихъ поръ сѣятъ нерѣдко два года подрядъ, и каждый годъ она можетъ давать при благопріятныхъ условіяхъ очень хорошіе урожаи. Мы уже выше говорили о томъ мѣстѣ, которое она занимаетъ въ переложной системѣ, точно такъ же какъ и объ обработкѣ земли для ея посѣвовъ. Уборка ея, какъ и всѣхъ остальныхъ хлѣбовъ, производится чаще косою, нежели жатвенными машинами. На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ моментовъ страдной поры. Одинъ изъ малороссовъ усердно молотитъ, другой пріостановился и въ раздумьи чешетъ затылокъ—не пора ли, молъ, отдохнуть, третій, очевидно, только-что помогалъ имъ, но утомился; захотѣлось и ему отдохнуть, онъ отошелъ къ сторонкѣ и, опершись о конецъ цѣпа, поглядываетъ на работу своего товарища. Въ степи нерѣдко косьба, вязка хлѣба въ снопы, постановка копенъ и возка хлѣба совершаются одновременно.

За пшеницей, льномъ и просомъ по своимъ размѣрамъ слѣдуютъ посѣвы озимой ржи и пшеницы: посѣвъ перваго хлѣба предпочитается посѣву второго, потому что рожь лучше переноситъ степную зиму и даетъ больше падалицы, отъ которой на второй годъ получается нерѣдко урожай даже лучше первогодняго. Третье мѣсто въ степи занимаютъ посѣвы ячменя; изъ особенности его культуры, выработанной колонистомъ, надо замѣтить, что онъ отлично удается въ степи и на свѣже-удобренной почвѣ, на которой пшеница почти всегда или полегаетъ, или выгораетъ; въ колонистскомъ сѣвооборотѣ даже принято сѣять первый годъ послѣ пара ячмень, а за нимъ уже пшеницу; въ степныхъ посѣвахъ занимаютъ послѣднее мѣсто посѣвы овса, гречихи, гороху, фасоли и друг. хлѣбовъ.

Среди всѣхъ хлѣбовъ, воздѣлываемыхъ въ степи, нельзя не обратить особеннаго вниманія на хлѣбъ, культурою котораго степь обязана молдаванамъ, воздѣлывающимъ его въ большихъ размѣрахъ: хлѣбъ этотъ—кукуруза. Отъ молдаванъ онъ распространился среди русскихъ обитателей степи и перешелъ къ иностраннымъ колонистамъ, которые улучшили его культуру; воздѣлывая кукурузу въ паровомъ клину, начали сѣять ее рядами, тогда какъ молдаване сѣятъ кукурузу въ разбросъ; колонисты проводятъ плугомъ двѣ борозды, а въ третью руками насыпаютъ сѣмена, затѣмъ, опять три борозды и т. д. Молдаване же разбросаютъ по-полю сѣмена кукурузы и затѣмъ забораниваютъ или запахиваютъ ихъ. Во время произрастанія, колонисты мотыжатъ кукурузу конными мотыками раза два или три въ лѣто, тогда какъ молдаване и русскіе мотыжатъ ее ручными мотыками, отчего подъ культурой кукурузы у колонистовъ земля лучше разрабатывается, меньше затрачивается труда, такъ какъ быстрѣе производится самая работа, и почва, занятая кукурузою, на другой годъ является совершенно готовою подъ воздѣлываніе послѣдующаго хлѣба. Кромѣ мотыженія хорошіе хозяева-колонисты разъ въ лѣто «посынкуютъ» кукурузу, т.-е. выламываютъ излишніе цвѣтовые (мужскіе) стебли, но излишнихъ початковъ не обрываютъ, тогда какъ молдаване и русскіе не употребляютъ послѣдняго пріема культуры. Уборка кукурузы производится двумя способами: или отрѣзываютъ совсѣмъ стебли и потомъ съ нихъ уже обрываютъ початки, которые обмолачиваютъ катками или цѣпами или, оставляя на полѣ стебли, обрываютъ съ нихъ одни початки. Кукуруза щедро вознаграждаетъ

земледѣльца за усиленныя затраты по ея воздѣлыванію, даетъ иногда до 30 четвертей зерна съ десятины, при томъ еще массу корма, такъ какъ, содержащіе сахаръ, кукурузные стебли охотно ѣстъ скотъ въ сухомъ и особенно любитъ въ заквашенномъ видѣ. Заквашиваютъ кукурузу такъ: свѣже-убранные стебли кукурузы разрубаютъ на нѣсколько частей и складываютъ ихъ въ ямы, вырытыя въ землѣ, пересыпаютъ солью или поливаютъ соленою водою и затѣмъ плотно закрываютъ ямы землею. Зимою или къ веснѣ раскрываютъ ямы и получаютъ превосходный кормъ, которымъ и кормятъ скотъ.

Изъ скота, содержимаго въ степи, самое видное и доходное мѣсто занимаютъ овцы. Овцеводство до самаго послѣдняго времени, когда не особенно было развито въ степи воздѣлываніе хлѣбовъ, занимало, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ въ Таврической, и до сихъ поръ еще занимаетъ первое мѣсто среди остальныхъ отраслей хозяйства. По всей вѣроятности, хозяину и остальной части степи еще разъ придется вернуться къ исключительному занятію овцеводствомъ, когда въ степи враги хлѣбовъ изъ царства животныхъ и царства насѣкомыхъ, производящіе и въ настоящее уже время громадный вредъ посѣвамъ, совершенно сдѣлаютъ культуру ихъ невыгодною.



Цѣпная молотьба хлѣба въ степяхъ.

Овцеводство Новороссійской степи можно раздѣлить на двѣ отрасли: первую, большую — *тонкорунное* овцеводство, сосредоточенное преимущественно у землевладѣльцевъ; вторую, меньшую, — *простое* овцеводство, составляющее исключительное занятіе крестьянъ. Голая, безводная степь, за исключеніемъ деревень и селъ, на обширныхъ пространствахъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, изрѣдка оживляется еще разбросанными кошарами для овецъ. Кошары обыкновенно состоятъ изъ одного, двухъ длинныхъ каменныхъ или кирпичныхъ сараевъ и одной, много двухъ хатъ для жилья чабановъ. Кошары непремѣнно устраиваются около воды, вблизи колодцевъ или прудовъ, запруженныхъ балокъ, чтобы для водопоя овецъ всегда подъ руками была вода. Кошары устраиваются въ степи для того, чтобы овцы поближе зимовали къ корму и не приходилось бы производить лишнихъ расходовъ на подвозку имъ сѣна изъ отдаленной степи къ усадьбѣ.

Въ такихъ кошарахъ овцы проводятъ только зиму; ихъ каждый день гоняютъ на водопой, а въ не очень морозный день, особенно когда нѣтъ вьюги, овецъ выпускаютъ изъ кошаръ на нѣсколько часовъ, и они кормятся на чистомъ воздухѣ.

Все лѣто до глубокой осени овцы пасутся въ степи, чаще ночуя въ кошарахъ, а иногда и въ степи, если пастбище далеко лежитъ отъ кошаръ. Заботливые хозяева въ голой степи, чтобы не гонять далеко и не изнурять овецъ, въ жаркое время года подвозятъ даже воду въ бочкахъ къ тому мѣсту, гдѣ овцы пасутся. Воду изъ колодцевъ привозятъ въ бочкахъ, сзади которыхъ прикрѣпленны трехсаженныя водопойныя корыта, покоящіяся на четырехъ маленькихъ чугунныхъ колесахъ. На 400—500 овецъ достаточно бываетъ одной бочки воды въ день. Представьте себѣ безоблачное небо и необозримое море степи, сливающейся съ небомъ.

На горизонтѣ не видно ни кусточка, только тамъ и сямъ возвышается гдѣ-нибудь могила-курганъ или овчарный сарай, да миражъ нарисуетъ передъ вами многоводныя рѣки или громадныя озера воды... И вотъ въ этомъ уединеніи вашимъ взорамъ представляется тысяча, другая маленькихъ существъ съ большими головами, еще болѣе объемистой шеей и болѣе или менѣе густыми складками кожи поперекъ шеи и туловища, покрытыхъ очень короткой (послѣ стрижки) шерстью... Эти существа щиплютъ кое-гдѣ торчащіе стебельки травы, или жмутся другъ къ другу, понуривши голову отъ жары, отыскивая прохладу въ тѣни сосѣда, или, наконецъ, лежатъ на боку, пережевывая жвачку... Впереди отары виднѣются 2 — 3 старыхъ, косматыхъ козла, вожаковъ отары. Около пастуха находятся нѣсколько громадныхъ, косматыхъ, похожихъ на волковъ собакъ, которыя зорко стерегутъ овецъ и нерѣдко пригоняютъ въ отару нѣсколько почему-либо отдѣлившихся или отбитыхъ отъ волковъ овецъ, если волкъ потихоньку подкрадется къ отарѣ изъ какой-нибудь скрытой балочки.

Всей этой громадной массой животныхъ руководятъ два-три пастуха, чабаны: младшій изъ нихъ впереди отары, а старшій сопровождаетъ ее. Своеобразенъ костюмъ чабана съ остроконечною овчинною шапкою, съ мѣдными бляхами на кожаномъ кушакѣ. Въ рукахъ у него длинный посохъ, снабженный на концѣ крюкомъ, которымъ онъ хватаетъ за ногу овцу, чтобы повалить ее и освидѣтельствовать: выдавить личинку, вытащить рѣпейникъ или тырсу, осмотрѣть обмазанное чѣмъ-нибудь больное мѣсто. Чабанская, двухколесная, вся деревянная арба, похожая на кибитку, служащая для перевозки котла и пищи, пара воловъ въ ярмѣ или верблюдовъ,—все это довершаетъ картину и придаетъ ей своеобразный степной колоритъ.

Каждая отара въ степи состоитъ изъ извѣстнаго сорта овецъ; хорошій овечій заводъ долженъ быть разбитъ на 6—7 и болѣе отаръ, такъ какъ ягнята, явившіяся на свѣтъ въ то же лѣто, ягнята—перезимовавшіе однолѣтки, волуха, кастрированные бараны, племенные бараны и барашки, ярки—молодыя матки, племенныя матки и, наконецъ, бракованные бараны, престарѣлыя матки и, вообще, бракъ овецъ долженъ пастись отдѣльно. Теперь мало въ степи такихъ владѣльцевъ овецъ, которые настолько изучили бы свойства овцы и степныхъ пастбищъ, чтобы, только проѣзжая мимо отары своихъ овецъ, могли сознательно и еще издали замѣтить не только, поены-ли овцы или нѣтъ, что очень замѣтно по отливу шерсти, но даже, на какомъ пастбищѣ они гуляли: на жирномъ, низменномъ, на пырьеватомъ, на бурьянистомъ, или на солончаковомъ. Поэтому теперь все дѣло овцеводства и находится въ рукахъ старшихъ чабановъ или отамановъ, отъ которыхъ все зависитъ въ дѣлѣ овцеводства,— и хозяева очень дорожатъ хорошими чабанами. Бывали примѣры, что недобросовѣстные чабаны губили громадные заводы овецъ, переводили лучшій приплодъ къ себѣ, на нанятыя земли, и тѣмъ составляли себѣ громадныя состоянія.

Въ степи существуютъ три главныя породы овецъ: электоральная, инфонтандо и длинношерстная. Послѣдняя извѣстна особенно въ Таврической губерніи, подъ именемъ мозаевскихъ овецъ. Всѣ эти породы овецъ отличаются какъ по наружному виду, такъ и по качествамъ и обилію шерсти. Самую тонкую и крѣпкую, съ наибольшимъ числомъ завитковъ, отъ которыхъ зависитъ крѣпость шерсти, но короткую шерсть даютъ электоральныя овцы. Длина шерсти у нихъ не болѣе 1 вершка; баранъ этой породы даетъ отъ 6 до 12 фунтовъ шерсти. Овцы породы инфантандо имѣютъ болѣе длинную шерсть, отъ 1 до $1^1/_2$ вершка, съ значительно меньшимъ числомъ завитковъ. Руно барановъ этихъ овецъ вѣситъ отъ 10 до 25 фунтовъ. Наконецъ, самую длинную шерсть отъ 2 до 3 вершковъ даютъ овцы мазаевской породы. Руно барановъ этой породы достигаетъ наибольшаго вѣса, отъ 20 до 30 фунтовъ. Но такъ какъ на качество шерсти наши купцы мало обращаютъ вниманія, то выигрываютъ тѣ овцеводы, овцы которыхъ даютъ больше шерсти. Содержаніе одной овцы въ степи, въ теченіе года, обходится въ 1 р. 70 к. Доходность же овцы зависитъ не отъ приплода, такъ какъ ягнята всѣхъ породъ овецъ одинаково оцѣниваются въ 1 р. 25 к., а отъ количества шерсти.

Въ среднемъ отъ одной овцы электоральнаго овечьяго завода получается до $5^1/_2$ фунтовъ шерсти; при средней цѣнѣ шерсти по 22 коп. за фунтъ, съ одной овцы будетъ получено чистаго дохода 72 коп.; отъ овцы породы инфантандо получится, въ среднемъ, $9^1/_2$ фунт. шерсти, а слѣдовательно—чистаго дохода 1 р. 70 коп., отъ длинношерстой же мазаевской овцы, дающей $12^1/$ фунт шерсти получается наибольшій доходъ въ 2 р. 26 к.

Такимъ образомъ доходность трехъ главныхъ породъ тонкорунныхъ степныхъ овецъ можетъ быть выражена слѣдующимъ отношеніемъ: 1 : 2: 3. Несмотря на малую доходность электоральныхъ овецъ, въ степи не перевелись еще любители ея, которые, считая почему то эту породу самой благородной, упорно держатся ея и не хотятъ замѣнять другою породою, хотя и болѣе доходною, но менѣе благородною.

Въ степи обыкновенно стригутъ овецъ въ апрѣлѣ, такъ какъ тогда наступаетъ уже очень теплая погода и необходимо торопиться, чтобы успѣть продать шерсть на никольскихъ ярмаркахъ 9 мая. Искусный работникъ можетъ остричь въ день отъ 40 до 60 овецъ; обыкновенный же рабочій остригаетъ отъ 15 до 20 овецъ. За стрижку овцы платятъ отъ 2 до $2^1/_2$ коп. Стрижка овецъ производится въ сараяхъ, на широкихъ столахъ. Шерсть отъ одной овцы носитъ названіе руна. Руно разныхъ овецъ передъ связкою и упаковкою сортируется, затѣмъ встряхивается на рамахъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ или веревокъ, для отдѣленія грубыхъ нечистотъ, и поступаетъ на вязальный столъ, гдѣ два или три руна свертываются вмѣстѣ, перевязываются крестъ на крестъ бечевкою и упаковываются въ мѣшки изъ рядна. Каждый тюкъ шерсти нумеруется, съ обозначеніемъ вѣса руна и сорта ихъ. Тюки шерсти бываютъ вѣсомъ отъ 8 до 20 пуд.

Въ такомъ видѣ обыкновенно грязная шерсть, рѣже перегонъ, т.-е. мытая на овцахъ передъ стрижкой, скупается купцами на ярмаркахъ или на мѣстѣ въ экономіяхъ, и затѣмъ перепродается грязною же, или предварительно подвергается дальнѣйшей обработкѣ, т.-е. мытью на шерстяныхъ мойкахъ.

Грязная овечья шерсть, привозимая на мойки, устраиваемыя всегда на берегахъ рѣкъ, прежде всего подвергается предварительной самой грубой сортировкѣ, во время которой развертываютъ каждую связку рунъ тюка и отбираютъ большіе комки засохшаго навоза, которые нерѣдко покрываютъ брюхо и заднія ноги овцы. Послѣ первой сортировки, шерсть поступаетъ въ запарные чаны, въ которыхъ она моется въ горячей водѣ. Для испанской мериносовой шерсти воду нагрѣваютъ отъ 50° до 60° R. Чѣмъ жирнѣе шерсть, тѣмъ сильнѣе ее нагрѣваютъ; нагрѣваніе простой шерсти доводятъ до 35° R. Въ чанахъ шерсть остается 10—15 минутъ, при чемъ она постоянно поворачивается въ нихъ палками. Вынутая изъ чановъ шерсть перевозится въ тачкахъ на плоты, устроенные на самой рѣкѣ, гдѣ горячая шерсть промывается поденщицами въ особыхъ продырявленныхъ желѣзныхъ или деревянныхъ ящикахъ. Простую шерсть полощатъ въ менѣе глубокихъ ящикахъ руками, а испанскую шерсть моютъ въ болѣе глубокихъ ящикахъ (до $1^1/_2$ арш. глубины). Въ ящики бросаютъ шерсть и потомъ болтаютъ въ нихъ палками; ими же потомъ собираютъ и вылавливаютъ шерсть. Такъ какъ стѣнки ящиковъ продырявлены, то вслѣдствіе рѣчного теченія въ нихъ постоянно само собою обновляется вода.

Выполосканную шерсть грузятъ въ вагоны и отвозятъ по рельсамъ на дворъ мойки, гдѣ устроена громадная платформа изъ чисто выструганныхъ и плотно сбитыхъ досокъ. Испанская шерсть разстилается по платформѣ слоемъ не болѣе вершка толщиною, а простая шерсть развѣшивается на горизонтально утвержденныхъ шестахъ, или вѣшалкахъ. Жгучіе лучи южнаго солнца и сухіе вѣтры высушиваютъ шерсть въ 6—8 часовъ. Когда шерсть просохнетъ, ее прямо изъ сушильни, при помощи блоковъ, въ корзинахъ поднимаютъ въ сортировочныя отдѣленія, устраиваемыя обыкновенно во второмъ этажѣ. Здѣсь шерсть сортируется на рѣшетчатыхъ столахъ. Подъ рѣшеткой натянута парусина, на которую падаютъ мелкія волокна и

куски шерсти, поступающіе въ особый низкій сортъ. Сортировка шерсти производится опытными въ этомъ дѣлѣ сортировщицами, которыя прежде, чѣмъ стать мастерицами, должны года два-три учиться. Сортировка шерсти бываетъ весьма разнообразна. Почти на каждой мойкѣ существуетъ свое большее или меньшее количество сортовъ, на которые сортируется вымытая овечья шерсть. Чаще всего шерсть распредѣляется на четыре сорта. Болѣе нѣжную шерсть со спины, боковъ и плечъ отбираютъ въ первый сортъ и бросаютъ въ отдѣльный ящикъ; въ четвертый сортъ идетъ шерсть обножекъ, щекъ, брюшины и оставшіеся грязными клочки шерсти. Изъ остальныхъ частей руна образуютъ два сорта, изъ которыхъ во второй идетъ болѣе мягкая, а въ третій—болѣе грубая шерсть. Особенной тщательности, однако, въ сортировкѣ шерсти не наблюдается, несмотря даже на присутствіе при ней особыхъ надсмотрщиковъ.

На нѣкоторыхъ мойкахъ отбираютъ еще такъ называемую глянцевитую шерсть, которая плохо поддается окраскѣ; въ кускѣ, напримѣръ, чернаго сукна такая шерсть даетъ свѣтлыя полосы. На механическихъ шерстяныхъ мойкахъ, гдѣ вся процедура мойки, кромѣ сортировки, производится машинами, къ водѣ прибавляютъ соду, поташъ и мыло, тогда какъ на ручныхъ мойкахъ шерсть моется только водой. Просортированную шерсть прессуютъ, при помощи винтовыхъ или гидравлическихъ прессовъ, въ 10 пудовые тюки, которые обыкновенно бываютъ 2 арш. длины, $1^3/_4$ арш. ширины и $1^1/_2$ арш. вышины. Тюки обшиваются парусиною и скрѣпляются двумя полосами изъ обручнаго желѣза. На каждый тюкъ накладываютъ клеймо мойки и сорта шерсти. Въ такомъ видѣ мытую шерсть отвозятъ на суконныя фабрики въ Москву, Петербургъ, Одессу, откуда она отправляется за границу. Изъ пуда грязной «шпанки» выходитъ 15 фунт. или 37,5% мытой шерсти, а 63,5%, или двѣ трети первоначальнаго вѣса отходитъ въ видѣ грязи, жира и т. п. отбросовъ. При цѣнѣ грязной шерсти отъ 9 до 10 руб. за пудъ, лучшіе сорта мытой шерсти продаются по 25—30 руб. за пудъ, т. е. почти въ три раза дороже грязной.

Въ заключеніе описанія хозяйства степи, мы должны опять перенестись къ берегамъ рѣкъ и нѣсколько ознакомиться съ самыми высокими культурами степи—садовою и виноградною. Въ чистой степи нельзя развести сада, если онъ не будетъ обезпеченъ водой. А потому если въ ней и устраиваются сады, то преимущественно въ балкахъ, гдѣ сначала выкапываютъ колодцы, водою которыхъ и орошаютъ каждое дерево въ саду, проводя къ нему воду изъ колодцевъ, при помощи небольшихъ канавокъ. Въ степи рѣдко прибѣгаютъ къ силѣ вѣтра для накачиванія воды, при помощи приводовъ на подобіе вѣтряныхъ мельницъ, устройство которыхъ хорошо извѣстно каждому обитателю степи, такъ какъ нѣтъ ни одного селенія, гдѣ не было бы вѣтряной мельницы. Часто деревни положительно бываютъ окружены ими. Въ большомъ же селѣ можно насчитать нѣсколько десятковъ вѣтряныхъ мельницъ.

Безъ поливки фруктовыя деревья живутъ въ степи очень недолго, не больше 6—8 лѣтъ; съ поливкой же они достигаютъ глубокой старости. А когда на столько вырастутъ, что закроютъ густою зеленью почву, то и поливка становится излишнею.

Первое мѣсто въ садахъ занимаютъ абрикосовыя деревья, самыхъ различныхъ сортовъ. Этотъ чрезвычайно вкусный плодъ созрѣваетъ первымъ въ степи и продается по очень дешевой цѣнѣ. По расчету одного степного хозяина, большое, старое абрикосовое дерево давало ежегодно такую массу фруктовъ, что доходъ отъ него равнялся 35 руб.

За абрикосовымъ деревомъ въ садахъ по своей многочисленности слѣдуютъ различныя породы скороспѣлыхъ и зимовыхъ грушъ. Подъ южнымъ солнцемъ грушевыя деревья даютъ обильный урожай самыхъ нѣжныхъ и вкусныхъ плодовъ, съ которыми могутъ сравниться развѣ только плоды южной Франціи. Яблочныя деревья здѣсь занимаютъ только третье мѣсто. Культура ягодныхъ кустарниковъ въ степныхъ садахъ очень мало развита, если не считать шелковицы, деревья которой иногда достигаютъ значительныхъ размѣровъ и даютъ очень много ягодъ, употребляемыхъ въ пищу однако только любителями.

Если бы кто-нибудь захотѣлъ познакомиться съ разведеніемъ винограда въ степяхъ и винодѣліемъ, тотъ долженъ посѣтить Бессарабскую губернію, гдѣ особенно развита эта высокая отрасль культуры. Если же и разводятъ виноградъ въ остальныхъ частяхъ степи, то преимущественно для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Съ той же цѣлью, при хорошемъ урожаѣ, приготовляютъ изъ него и вино.

Въ Бессарабской же губерніи разведеніемъ винограда и винодѣліемъ занимаются не одни землевладѣльцы, но и крестьяне и друг. мелкіе собственники земли. Кромѣ Бессарабіи, по берегамъ нижняго теченія Днѣстра и въ Херсонской губерніи, можно наблюдать культуру винограда. Въ виноградникахъ, при помощи соотвѣтственной подрѣзки, кустамъ винограда даютъ форму не особенно большихъ кустовъ, отъ 2 до 3 аршинъ высоты. Уходъ за виноградомъ требуетъ много рабочихъ рукъ, а потому очень большихъ виноградниковъ нѣтъ въ этихъ мѣстахъ. Виноградникъ считается уже большимъ, если онъ разбитъ на 8—10 десятинахъ. Нѣкогда въ этихъ мѣстахъ обиталъ французъ Тарданъ, который и научилъ виноградарей Бессарабской и Херсонской губерній надлежащему уходу и обрѣзыванію винограда: заимствованные отъ него пріемы культуры винограда практикуются и до сихъ поръ. Здѣсь воздѣлывается нѣсколько сортовъ винограда; очень распространено воздѣлываніе съѣдобнаго, крупнаго, зеленаго, очень сладкаго сорта винограда, называемаго чаушъ, который цѣлыми вагонами, приспособленными для его перевозки, въ плетеныхъ ивовыхъ корзинахъ перевозится въ Одессу; приспособленіе для перевозки заключается въ томъ, что въ вагонѣ устраиваютъ четыре полки, на которыя и ставятъ корзины, вслѣдствіе этого содержимое ихъ не мнется. Кромѣ этого сорта разводится и нѣсколько другихъ сортовъ бѣлаго и краснаго винограда, частію для употребленія въ пищу, частію для приготовленія вина.

Поселяне-молдаване начинаютъ давить виноградный сокъ очень рано, какъ только виноградъ дѣлается сладкимъ, и пьютъ этотъ полукислый сокъ все лѣто. По созрѣваніи винограда, изъ него приготовляютъ вино, но потому, что у молдаванъ весьма плохіе и теплые подвалы, устраиваемые чаще всего на поверхности земли, вино выходитъ очень плохимъ и кислымъ. Продажная цѣна такому вину не болѣе 40—50 коп. за ведро, а въ очень урожайный годъ на виноградъ—и еще дешевле. Впрочемъ, большую часть вина молдаване выпиваютъ сами, и продаютъ только остатки его.

Лучшее вино приготовляютъ землевладѣльцы, обладающіе хорошими подвалами для его выдержки. Такое вино продается отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. за ведро. Многіе землевладѣльцы приготовляютъ изъ виноградного вина такъ-называемые вымoрозки. Бочку вина выставляютъ на морозъ, и когда часть жидкости замерзнетъ, то незамерзшую часть сливаютъ. Замораживаніе и сливаніе вина повторяютъ два-три раза. При этомъ получается очень крѣпкое вино, которое продается отъ 4 до 6 руб. за ведро. Въ этихъ же самыхъ мѣстностяхъ болѣе или менѣе развито табаководство, шелководство и пчеловодство.

Мы закончили наше бѣглое описаніе хозяйственныхъ условій Новороссійской степи и видѣли, что въ ней человѣку приходилось бороться съ могущественными силами природы. Эта борьба была тяжела, и не мало силъ погибло въ ней, пока человѣкъ все-таки не побѣдилъ природы. Разъ онъ одерживаетъ верхъ въ этой борьбѣ, подчиняетъ степь своей культурѣ, какъ она начинаетъ въ изобиліи вознаграждать его прекрасными дарами южной природы.

Но стоитъ только возгордиться человѣку, позабыть о могуществѣ силъ природы, какъ онѣ сами напоминаютъ ему о своемъ присутствіи и о неокончательномъ еще подчиненіи. Стоитъ, напримѣръ, чрезмѣрно расширить посѣвы, какъ появляются враги ихъ въ такихъ громадныхъ массахъ, что борьба съ ними становится непосильною для нынѣшняго населенія степи.

Было время, когда степь населяли кочевники. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но традиціи кочевниковъ еще не исчезли у современныхъ степныхъ землевладѣльцевъ. Какъ кочевники скотомъ, такъ послѣдніе при помощи плуга эксплоатируютъ естественную производитель-

ность степной почвы, скопленную въ ней вѣками. Современный кочевникъ-землевладѣлецъ степи совсѣмъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. И если, вслѣдствіе чрезмѣрно усиленной культуры зерновыхъ хлѣбовъ, онъ разоряется, принужденъ продавать за безцѣнокъ свою землю,— онъ не жалуется на свою неосмотрительность, на неумѣнье вести хозяйство въ степи, а только на одинъ недостатокъ въ ней рабочихъ рукъ, а слѣдовательно—и на дороговизну ихъ. Если же изъ другихъ густо населенныхъ мѣстностей Россіи явится въ степь переселенецъ искать въ широкой степи свободы и благосостоянія, то кочевникъ-землевладѣлецъ степи и такого переселенца сумѣетъ разорить, превратить въ безпокойнаго бѣглеца, странствующаго изъ одной экономіи въ другую. А затѣмъ въ степи снова и снова раздаются безконечныя жалобы, на негодность рабочихъ, высылаемыхъ средней Россіей.

Вотъ каково положеніе хозяйства современной степи. Очевидно, что этому уголку Россіи, счастливо одаренному всѣми благами природы, необходимо подождать достиженія такихъ условій, при которыхъ естественныя силы природы дѣйствовали бы на пользу человѣка, а не разрушали то, что онъ создаетъ... Этого же послѣдняго можно будетъ достигнуть только при большемъ заселеніи Новороссійской степи, что можетъ совершится лишь тогда, когда въ степь возможно будетъ свободное переселеніе изъ другихъ, переполненныхъ населеніемъ, мѣстностей Россіи.

В. Борисовъ.



Сборъ табаку въ южной Россіи.

ОЧЕРКЪ IV.

СОЛЯНОЕ БОГАТСТВО.

А) СОЛЯНЫЕ СА́ДЫ.

Евпаторія.—Поѣздка по ея окрестностямъ.—Цибула.—Чабаны.—Поля.—Миражи.—Прѣсса моря.—Значеніе соли въ морской водѣ.—Вымораживаніе соли.—Услуги ея, экономическія и государственныя.—Значеніе морского разсола.—Лагуны и лиманы.—Разные способы добыванія соли.—Соляные бассейны.—Ихъ устройство.—Добываніе озерной соли.—Бугры.—Перевозка.

Въ землѣ родится, въ огнѣ крестится;
на воду падетъ,—весь пропадетъ.

Въ водѣ родится, а воды боится.

Народныя загадки.

Сходимъ съ парохода на Крымскій берегъ, въ Евпаторіи,—собственно не для этого почтеннаго города, а для осмотра его окрестностей, интересныхъ по новому способу добыванія соли—того столь важнаго жизненнаго продукта, безъ котораго, какъ безъ воды и воздуха, не можетъ существовать не только человѣкъ, но и все живое на свѣтѣ.

Обстоятельства благопріятствуютъ намѣренію, какъ рѣдко когда въ другихъ случаяхъ. Бурунъ не помѣшалъ намъ съ открытаго всѣмъ вѣтрамъ евпаторійскаго рейда перебраться на песчаный берегъ. На пыльной набережной небольшого труда стоило натолкнуться на перваго встрѣчнаго татарина, въ круглой бараньей шапкѣ, въ курткѣ и широкихъ шароварахъ, подпоясанныхъ кушачкомъ. Выслушавъ просьбу, онъ предложилъ посидѣть въ кофейной, а самъ вскочилъ на поджарую бойкую лошадку, которая такъ и взвилась подъ ударомъ горячей и круглой нагайки со шлепкомъ, едва ли не здѣсь имѣющей свою родину.

Пока я угощался очень плохимъ черным кофе, по-турецки съ сахаромъ, но съ гущей, знакомый мой вернулся, принялъ угощеніе, при чемъ кофейную гущу съѣлъ, и объявилъ, что самъ хозяинъ, караимъ ѣдетъ на промыселъ и вызвался довезти и показать.

— Денегъ съ тебя не возьметъ,—успокоилъ меня татаринъ въ свою пользу.

Не успѣлъ я надивиться этой разнокалиберной смѣси населенія города въ кофейной и по улицамъ, гдѣ настоящіе хохлы путаются съ орловскими мужиками, французами, греками, нѣмцами, армянами, и турками, но съ очевиднымъ преобладаніемъ татаръ и караимовъ. Не успѣлъ я налюбоваться скуластыми и не скуластыми, но сплошь загорѣлыми черными - пречерными лицами, пузатыми и сытыми сѣдовласыми муллами, какъ сидѣлъ уже въ тарантасикѣ, запряженномъ парой рѣзвыхъ лошадокъ.

Мы проѣхали знаменитую старинную караимскую синагогу, и товарищъ мой началъ входить въ роль проводника, но оказался потомъ не совсѣмъ словоохотливымъ. Про синагогу онъ разсказалъ, что, во время Севастопольской осады, высадившіеся здѣсь непріятели-турки щадили мечети, но въ караимской синагогѣ сдѣлали конюшню. Французы однако отговорили, присовѣтовавъ щадить всякую вѣру.

— Цибула!—давалъ мнѣ проводникъ второй урокъ, когда мы оставили послѣднія груды нагроможденныхъ безъ особаго порядка камней, означавшихъ заборы и отдѣльныя домовыя хозяйства, и когда прекратилась вся эта каменная масса обступившихъ городъ мельницъ, которымъ я и счетъ потерялъ.

Въ самомъ дѣлѣ по степи зеленѣли листія чесноку, изъ которыхъ уже многія выгнали стрѣлку съ сѣменами. Нельзя было не остановить вниманія на этомъ растеніи, доставляющемъ то завѣтное и лакомое блюдо, которымъ съ одинаковымъ наслажденіемъ питается и здѣшній извозчикъ-татаринъ и китайскій богдыханъ. Одуряющимъ запахомъ цибулы пропитана и здѣшняя яркихъ ситцевъ куртка, и синяя китайская курма, пестрые казакины армянъ, солидные



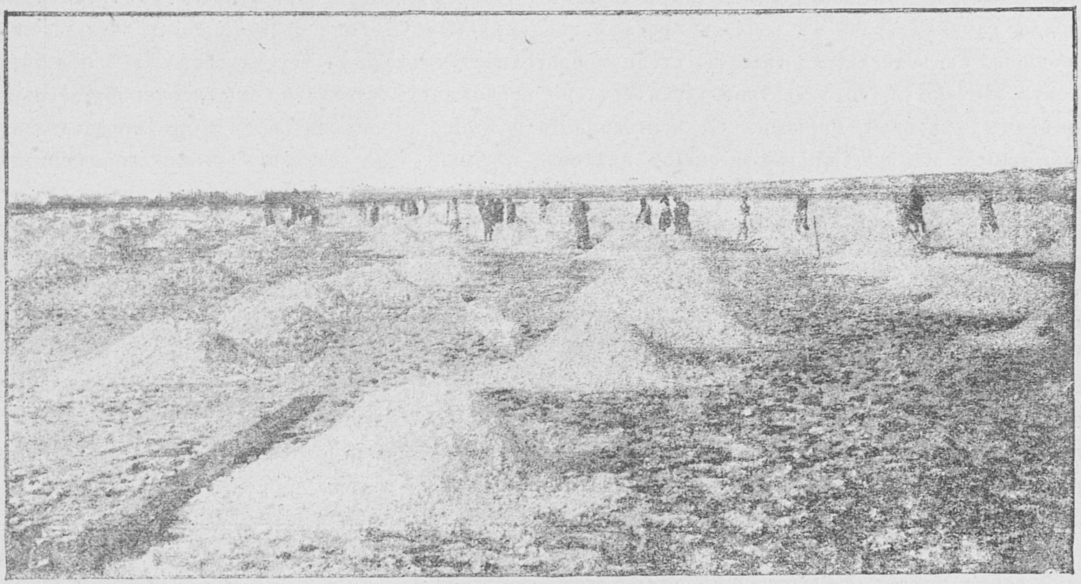
Общій видъ соляного промысла Б. С. Кефели, въ Бессарабской губерніи.

халаты торгующихъ персовъ и рваныя въ клочья попоны персидскихъ и турецкихъ дервишей, накинутыя прямо на голое тѣло. Наибольшая половина стараго свѣта подчинена этому растенію, какъ одному изъ основныхъ суррогатовъ пищи, у котораго мало соперниковъ, но много именъ: отъ дикой черемши и колбы до этого воздѣланнаго луку.

Обработка нехитрая, по словамъ проводника-караима, въ которыхъ слышится однако и ласковый тонъ и примѣтная готовность поговорить о любимомъ и благодѣтельномъ растеніи. Оно родится охотно, но созрѣваетъ для избалованнаго природою степного терпѣнія слишкомъ долго—все лѣто, и бываетъ готово лишь въ августѣ. Его садятъ рѣдкими рядами, потому что сорная трава въ степи лѣзетъ изъ земли неудержимо. Кажется, все изныло подъ жгучими лучами жаркаго солнца (у меня, по неосторожности, обожгло обѣ руки до рѣзкой красноты и рѣжущей боли), кажется, и эти ярко зеленѣющіе кусты бѣлой полыни съ бѣленькими цвѣточками красуются въ степи послѣдній часъ, чтобы сгорѣть къ полудню отъ солнца, а вечеромъ убѣжать далеко въ степь подъ новымъ и краснорѣчивымъ именемъ «перекати-поле». Но лишь вспрыснулъ степь дожикъ, она тотчасъ зазеленѣла свѣжей травой и оживилась. Зашевелились стада, которыя до той поры гдѣ-то прятались. Теперь ихъ оказалось великое множество, и

всѣ на виду: между овцами очень много козъ и козловъ; чабаны-пастухи мальчики и сѣдобородые старики и тѣ неизбѣжно-злыя, щетинистыя, скалозубыя собаки, которыя вяжутся за нами, не отстаютъ, и докучаютъ несноснымъ лаемъ. Попадаются на скрипучихъ и также невыносимыхъ арбахъ татары, и всѣ, какъ одинъ: всѣ на одно лицо, какъ двѣ капли воды.

Проводникъ мой досказываетъ о своей обожаемой цибулѣ, о томъ, что для сбереженія ея отъ докучливой сорной травы принуждены были выдумать особое орудіе. Видимъ мы и его—родъ молотка, съ лопастями по обѣимъ сторонамъ коротенькой рукоятки, которыми выдираютъ съ корнемъ чужеядную траву. Цибулой въ самомъ дѣлѣ засѣяны цѣлыя поля и подлѣ нихъ опять отдѣльныя хозяйства съ палатками хозяевъ, живущихъ здѣсь все лѣто цыганскимъ способомъ. Ближе къ морю расположены бахчи, на которыхъ, вмѣстѣ съ арбузами, сѣютъ и пшонку (кукурузу) и также строятъ отдѣльныя хозяйства. Все это оживляетъ степь подъ Евпаторіей, хотя въ самомъ дѣлѣ эта степь—подлинная, безъ обману. Правда, по ней



Ломка соли въ бассейнѣ соляного промысла Б. С. Кефели.

на склонахъ къ югу сѣютъ хлѣба, которые и вырастаютъ съ очень крупнымъ колосомъ, но безъ всякой защиты загородями, и лишь подъ охраною зоркихъ и совѣстливыхъ глазъ чабановъ. Зато во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ евпаторійская степь представляется въ это время (въ началѣ іюня) въ достаточно-мертвенномъ видѣ, способномъ навести уныніе. На этотъ разъ выручаетъ море и неизбѣжные степные курьезы-миражи. Одинъ—презабавный.

Въ одномъ мѣстѣ небо показалось намъ такъ низко, что—по словамъ проводника—хоть руками доставай. Облака какъ будто валятся и не взрѣзаны, и не размазаны по фону, какъ бываетъ на сѣренькомъ сѣверномъ небѣ, а какъ театральныя декораціи повисли въ воздухѣ одно за другимъ. «Какъ балыки навѣшаны», подтвердилъ мой караимъ. Между облаками сверкающая прозрачность раскаленнаго воздуха кажетъ намъ также очень низко блѣдноватый серпикъ три дня тому назадъ народившейся луны.

Въ глазахъ чувствуешь какое-то безсиліе и, не желая быть обидно обманутымъ, ищешь чего-нибудь знакомаго, на чемъ пріятно было бы остановиться, чтобы начать сравненія и измѣренія. На этотъ разъ нѣтъ ничего, ни палатки, ни деревца, ни козла, по чему можно

было бы заключить объ отдаленіи. Все кажется близкимъ; близко и море, когда мы на него переносимъ глаза, привыкавшіе до сихъ поръ видѣть предметы въ другой атмосферѣ, гдѣ и прозрачность воздуха подчинена совершенно инымъ законамъ. Оттого и въ сторонѣ моря глаза наши впадаютъ въ новый обманъ.

Подвернулась горка и заслонила часть моря. По пригорку этому бѣжитъ небольшой совершенно бѣлый человѣкъ, который то скроется отъ насъ за другимъ пригоркомъ, то опять побѣжитъ на такихъ бойкихъ ногахъ, что мы, ѣдущіе большой рысью, кажется, остановились на одномъ мѣстѣ и тарантасъ нашъ неподвиженъ. Во всякомъ случаѣ человѣка бѣгущаго намъ не догнать и ни за что не встать съ нимъ на одну параллель. Это оказалось, по объясненію нашего товарища,—судномъ, которое спокойно стоитъ на рейдѣ на якорѣ и ждетъ, когда наломаетъ нашъ хозяинъ соли и нагрузитъ на него. Судно, какъ всѣ ему подобныя, небольшое, частное, управляется обычно грекомъ и исключительно занимается транспортировкою соли по этому Черному морю, перевозя ее въ Одессу.

Оно само въ этомъ мѣстѣ кажется намъ не моремъ, а громадныхъ размѣровъ самоцвѣтнымъ камнемъ, точь въ точь сибирскимъ аквамириномъ, высоко поднятымъ въ воздухѣ надъ ровною, какъ доска, плоскостью степи и поверхностью гладкаго берега. Тамъ, гдѣ оба горизонта сливаются, вода морская тускнѣетъ, но продолжаетъ отливать новымъ очаровательнымъ цвѣтомъ красивой бирюзы. Съ мертвеннымъ цвѣтомъ степи контрастъ моря поразителенъ: оно такъ и льетъ нѣжнымъ зеленымъ цвѣтомъ, нѣжнымъ для глазъ и мѣстами сверкающимъ. Море неописанно прелестно и не хочется отрывать отъ него глазъ, соображая лишь то, что всѣ эти явленія зависятъ именно отъ соли, отъ большаго или меньшаго насыщенія ею морской воды. Черное море, какъ южное, гдѣ испареніе отъ силы солнечныхъ лучей сильнѣе, солонѣе знакомыхъ намъ Балтійскаго и Бѣлаго. Черноморская вода гуще, плотнѣе, отчего и плавать въ ней легче, чѣмъ въ рѣкахъ. Нагрѣтая вода южныхъ морей такъ прозрачна, что плавающимъ на судахъ въ Средиземномъ морѣ кажется, что они парятъ на воздухѣ надъ надводнымъ видомъ; на глубинѣ 68 саженъ можно тамъ различать простыя раковины, лежащія на морскомъ днѣ: Чистая и густая вода Чернаго моря, какъ и всѣхъ остальныхъ, отражаетъ преимущественно синіе лучи и оттого кажется синеватой, голубоватой или бирюзовой. Только у береговъ и въ мелкихъ мѣстахъ она является синевато-зеленою и свѣтлозеленою въ видѣ берилла или того же аквамарина. Она не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ мутной, грязной и непрозрачной водой нашего петербургскаго несоленаго моря. А евпаторійскій рейдъ имѣетъ дѣйствительно незначительную глубину 7-ми футовъ и только у карантина она доходитъ до 10-ти футовъ.

Вмѣстѣ съ красотой цвѣтовой игры, съ пріятнымъ для глазъ внѣшнимъ видомъ теплыхъ морей, у настоящей соленой морской воды имѣются, какъ извѣстно, и другія пріятныя и полезныя свойства. Въ крѣпкихъ соляныхъ растворахъ или разсолѣ морей заключаются великія благодѣянія для цѣлыхъ государствъ: морскія суда держатся гораздо дольше рѣчныхъ, сберегая государственныя деньги и сохраняя излишніе народные расходы. Нашъ военный флотъ въ Бѣломъ и Балтійскомъ моряхъ много страдалъ отъ того, что вода въ этихъ моряхъ мало содержитъ соли. Въ Балтійское море посылаетъ свою прѣсную воду такое глубокое озеро, какъ Ладожское, находящееся сверхъ того въ связи съ такимъ многоводнымъ, какъ Онежское, и вливаются такія большія рѣки, какъ Западная Двина, Нѣманъ, Висла и проч. Въ Бѣлое море, точно также потекли изъ глубокихъ непросыхающихъ болотъ и изъ обширныхъ озеръ широкія рѣки, въ родѣ Сѣверной Двины, Мезени и Онеги. Къ тому же соль въ этомъ послѣднемъ морѣ вымерзаетъ.

Полярные льды бродятъ цѣлыми горами и полями прѣснаго льда, среди стимухъ которыхъ журчатъ ручьи и шумятъ водопады прѣсной воды. На лютыхъ морозахъ замерзла лишь одна вода, а соль кусочками своихъ кристалловъ отдѣльно завалилась въ щеляхъ льдинъ, такъ

что отсюда можно легко сгребать ее прямо въ солонки деревянными лопатками или желѣзнымъ ножемъ. Соль упорно и независимо отстаиваетъ себя отъ вліянія морозовъ. Въ то же время она сохраняетъ долгое время отъ замерзанія ту воду, въ которой, какъ въ морской, поваренная соль столь обильно растворена. Тамъ, гдѣ ея больше, какъ на морской глубинѣ, вода вовсе не замерзаетъ: морскую воду, находящуюся подо льдомъ, заковываетъ холодъ не такъ легко, именно потому, что вода тутъ бываетъ солонѣе, чѣмъ была до появленія льда. На этомъ явленіи основана между прочимъ вывозка бѣло-морской соли, преимущественно въ зимнее время, когда разсолъ гуще и солонѣе. Всѣ сѣверныя моря, во всю зиму, открыты и не всѣ бываютъ затянуты сплошнымъ льдомъ. Ледъ на нихъ бродитъ и отъ вѣковъ не моститъ мостовъ, какъ на рѣкахъ и озерахъ. Будь въ морѣ прѣсная вода, которая застываетъ скорѣе соленой, ледъ лежалъ бы на такомъ неизмѣримо большомъ пространствѣ, что и подумать было бы страшно объ этомъ явленіи и его послѣдствіяхъ для нашего отечества и всего бѣлаго свѣта и живого міра. Въ сосѣдствѣ такихъ ледяныхъ массъ, наши зимы были бы еще суровѣе и могли быть совсѣмъ невыносимы.



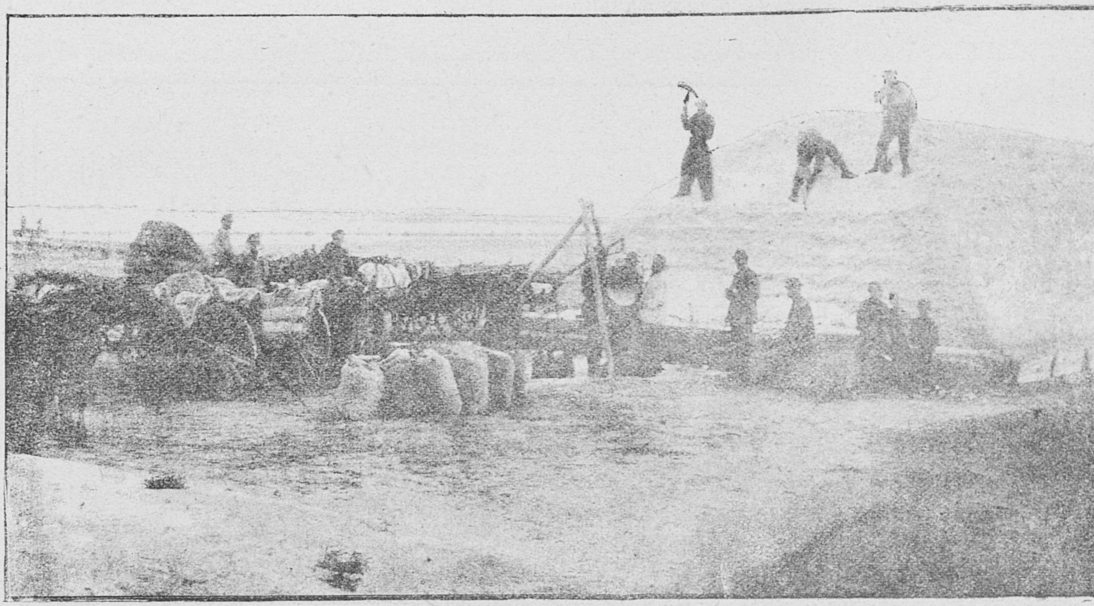
Вывозка соли и складка въ бугры (солян. пром Б. С. Кефели).

Такимъ образомъ очевидна новая великая услуга людямъ отъ соли: содержаніе ея въ морской водѣ способствуетъ тому, что сѣверная зима позволяетъ намъ строить города такъ далеко, какъ Архангельскъ, Обдорскъ и Кола, обогащаться избытками природы, увеличивать богатства человѣческаго рода, заниматься ловлею рыбы и морскихъ сальныхъ звѣрей, съ удобствомъ жить въ такихъ веселыхъ городахъ, какъ Петербургъ и Одесса, и проч.

Нѣкоторые ученые вліянію морской соли приписываютъ слѣдующее явленіе: морскія животныя представляютъ гораздо большее разнообразіе видовъ, чѣмъ живущія въ прѣсныхъ водахъ. Особенно рѣзко бросается это въ глаза относительно класса рыбъ. Стоитъ сравнить акулъ, скатовъ, коньковъ, кузовокъ и друг. съ карпами, щуками, окунями, сомами, форелями и т. д. У первыхъ формы причудливо разнообразны; вторыя, по внѣшней формѣ, похожи другъ на друга.

На морскомъ днѣ открыто лежатъ ярусы каменной соли и эти безчисленныя соляныя копи разъѣдаются моремъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Сверхъ подводныхъ соляныхъ

пластовъ морей всякая ключевая вода, заключающая также въ себѣ нѣкоторое количество соли и въ видѣ рѣкъ вливающаяся въ соленую морскую воду, прибавляетъ въ ней новые соляные запасы. Исходящій изъ моря водяной паръ долженъ снова питать источники, совершенно лишенные соли, и здѣсь продолжать то же вѣчное и неизсякаемое кругообращеніе соли, которое физіологи нашли и опредѣлили въ животномъ и растительномъ царствахъ. Однако море, испаряясь, не теряетъ соли, теряя лишь воду, и чѣмъ больше потеря послѣдней, тѣмъ богаче отстатокъ первой. Въ Мертвомъ морѣ обѣтованной земли, оторвавшемся отъ большого моря и потерявшемъ связь съ обильнымъ водами океаномъ Индѣйскимъ, обнаруживаются по берегамъ и на днѣ его цѣлые утесы каменной соли. Отъ сильнаго испаренія вода его имѣетъ столь большую плотность, что въ ней даже самый неопытный пловецъ можетъ легко плавать и держаться на водѣ, какъ пробка. Въ нашемъ Азовскомъ морѣ испареніе также велико, такъ что еслибы оставить его закрытымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно соединяется Керченскимъ про-



Навѣска и отправка соли на пристань (солян. пром. Б. С. Кефели).

ливомъ съ Чернымъ моремъ, Азовское обратилось бы въ соляную сухую пустыню или по крайней мѣрѣ въ тѣ же лагуны, которыя назызаются «Сивашемъ» или «Гнилымъ моремъ», скорѣе похожимъ на громадное болото, чѣмъ на морской заливъ. Здѣсь у «воротъ» Крыма или Перекопа нагребается издревле знаменитая самосадочная «крымская», или правильнѣе сказать, «перекопская» соль, богатство которой вызвало въ Малороссіи особый родъ промышленности, столь извѣстный всей Россіи—«чумачество».

И въ самомъ дѣлѣ выходя изъ этого Азовскаго и изъ Чернаго моря на берегъ, мы сразу наталкиваемся на обширныя пространства земли, въ видѣ совершенныхъ равнинъ, не глубоко покрытыя застоявшимися остатками морской воды, носящія названія «лагунъ» и «лимановъ». Если богатый эпитетами русскій языкъ и полагаетъ между этими разновидностями различія, то они очень малы, и не имѣютъ рѣшительно никакого значенія въ смыслѣ своего происхожденія и примѣненія на дѣлѣ. «Лагуны»—озера морской воды, или лучше ковши съ узкимъ перешейкомъ, отдѣленныя отъ моря; «лиманы»—длинные морскіе заливы, въ балкахъ или

логахъ, занесенныхъ съ моря тѣми же песчаными перешейками и также отдѣленные отъ него, въ видѣ одинокихъ соляныхъ озеръ. На евпаторійскомъ берегу Чернаго моря тѣ и другіе легко можно принимать за одно и то же, но обязательно считать ихъ, по экономическому значенію, рѣшительно за однородныя. Особенности будутъ заключаться лишь въ томъ, что лагуны и лиманы даютъ «самосадочную» соль, выдѣляемую на такихъ мелкихъ и плоскихъ мѣстахъ солнцемъ, поглощающимъ морскую воду въ видѣ невидимаго пара, и выварную или вареную, т.-е. перелитую изъ этихъ озеръ въ особыя искуственныя вмѣстилища. Здѣсь то же испареніе, окрыленное жгучими лучами того же южнаго жаркаго солнца, осаждаетъ одинаково неизмѣримое количество соли.

Изъ числа евпаторійскихъ лагунъ, только одна — самосадочная (Сакская); изо всѣхъ остальныхъ добывается соль съ помощію нѣкотораго искусства. Но зато, сказавши объ соляныхъ озерахъ этой мѣстности, мы скажемъ обо всѣхъ остальныхъ, каковы соляные промыслы и ломки: Перекопскіе, Аккерманскіе, Одесскіе (Кунамицскіе) и всѣ другіе пребрежные



Пристань (на Черномъ морѣ), устроенная Б. С. Кефели для нагрузки судовъ солью.

Каспійскому, Азовскому и Черному морямъ. Словомъ—разскажемъ о всей той соли, которая называется «морскою» и сама собою выпаривается изъ напущенной въ бассейны или «сáды» морской воды нашихъ южныхъ морей, и той соли, которая носитъ названіе «самосадочной» или «озерной». Эта соль садится сама въ сухое и жаркое лѣто, въ отличіе отъ «рудниковой», вареной или «варничной», и бѣло-морской «морянки и ключевки», вывариваемыхъ огнемъ. Различается озерная соль и отъ «каменной» или «горной», или также «бузы», которая залегаетъ подъ землею готовыми и глубокими пластами. Глубину этихъ пластовъ существующими инструментами даже и приблизительно весьма трудно измѣрить.

Вся евпаторійская масса лагунъ расположена отъ города верстахъ въ 2, 3, 10 и болѣе въ сплошной степи, голой и ровной, какъ доска, и съ такими мелкими балками, которыя не имѣютъ даже и сходства съ оврагами. Въ эти-то мелкія почвенныя углубленія и залилась морская вода, размыла ихъ и слилась въ одинокое степное озеро. Каждое изъ нихъ не вызвало большаго селенія, какъ почти вездѣ въ другихъ мѣстахъ и подобно ближайшему къ нимъ

(въ 19 верстахъ) Сакскому, но зато около каждой лагуны непремѣнно пріютилось отдѣльное хозяйство, въ видѣ хутора или усадьбы. Большая часть принадлежитъ промышленнымъ и честнымъ караимамъ, въ недавнее время выселившимся сюда съ высокой безплодной и безпривѣтной крымской горы Чуфутъ-Кале. Тамъ остался совершенно пустынный, безлюдный городъ, съ развалинами домовъ, по каменнымъ улицамъ котораго, наводя тоску, уныло звонятъ копыта умныхъ и старательныхъ крымскимъ лошадокъ, доставляющихъ туда любознательныхъ путешественниковъ. Еще унылѣе кажется съ высоты этой древней генуезской крѣпости разбросанная въ широкомъ ущельѣ «Іосафатова долина», заросшая густой рощей со множествомъ могильныхъ еврейскихъ памятниковъ. Мрачное мѣсто оставлено потомками для свѣтлой и веселой Евпаторіи, для ломки около нея соли, для торговли табакомъ въ самыхъ отдаленныхъ русскихъ городахъ вплоть до самаго Петербурга.

Около соляныхъ промысловъ, по крымскому степному берегу Чернаго моря караимы выстроили изъ тесанаго камня хатки для рабочихъ, во главѣ которыхъ предпочтительно становятся русскіе, особенно въ распорядительныхъ работахъ, въ кузнечныхъ и плотничьихъ. Вблизи хатокъ видимъ мы дощатые сараи, въ которыхъ хранятся всѣ промысловыя принадлежности: лопаты, бадьи, гвозди, которыхъ очень много требуется для скрѣпленія стѣнокъ бассейновъ, и—самое главное—тачки, безконечныя тачки, составленныя во многихъ мѣстахъ цѣлыми полѣнницами, просоленныя до безсмертія. Въ другихъ сараяхъ хранятся дрова, кизякъ, каменный уголь для машинной водоподъемной топки, такъ какъ многіе промысловые хозяева успѣли замѣнить воротъ машинами. Въ числѣ послѣднихъ поступалъ такимъ же образомъ мой неразговорчивый, но обязательный хозяинъ. У него нашлись около хатъ и цесарки, и наши куры, гуси, утки, сѣно... словомъ, полное сельское хозяйство. У другихъ по пути я замѣтилъ еще первобытные вороты и при нихъ приводы съ бадьями, около которыхъ трудятся слѣпыя лошади, подгоняемыя ребятами и даже дѣвочками.

Все это хозяйство, очень похожее на большую господскую усадьбу, имѣетъ характерную особенность, прежде всего, бросающуюся въ глаза. Это—деревянный срубъ, нѣчто вродѣ эшафота, который, конечно, во всякомъ случаѣ, долженъ быть настолько возвышенъ, чтобы встать выше уровня воды, въ лагунѣ и бассейнахъ: иначе вода не побѣжитъ въ «сады». Паровая машина поднимаетъ воду изъ озера на этотъ эшафотъ и отсюда она свободно бѣжитъ по жолобамъ въ бассейны, которые горизонтомъ своимъ почти всегда выше самаго озера; зато вода въ озерѣ имѣетъ обыкновенную глубину отъ 1—1½ аршина. Самый эшафотъ перетаскивается съ одного мѣста на другое, т.-е. строится тамъ, гдѣ удобнѣе наливать соленою водою новые бассейны. Между ними установлена очередь: одинъ очищается, готовится къ наливу; другой наливаютъ и около него установлена водоподъемная машина; третій зрѣетъ краснотой самой яркой и называется «молодымъ»; четвертый блѣдно краснѣетъ,—стало быть, возмужалъ; пятый совсѣмъ побѣлѣлъ, словно накидали въ него снѣгу, а на шестомъ соль уже выломана и стоятъ ея кучи той же величины и вида, съ краевъ грязныя и черныя, какъ кучи снѣга въ предвесеннюю пору на петербургскихъ улицахъ.

Весь секретъ и все удобство этихъ бассейновъ заключается, какъ извѣстно, именно въ томъ, что осадкой соли можно распоряжаться по произволу. На самосадочныхъ озерахъ соль поспѣваетъ поздно, раньше августа самосадки не ломаютъ ни подъ Феодосіей, ни подъ Перекопомъ, а здѣсь вотъ уже соль выломана и въ концѣ мая. На самосадкахъ начнетъ соль созрѣвать да пойдетъ дождь, все и пропало. Наверху вода—«наточный тузлукъ», обыкновенно называемый «рапой», круто пропитанная солью и означающая, что выволочка ея будетъ плоха. Сверхъ того еще терпѣливо жди яркихъ и жаркихъ дней. Здѣсь, если набѣжитъ вода въ сады, ее можно изъ каждаго отдѣленія съ удобствомъ спустить въ подручныя, нарочно для того приспособленныя, канавы. Вся непріятность въ этомъ случаѣ заключается лишь въ слабой крѣпости нагоняемаго изъ лагуны разсола, который даетъ крѣпости у моего хозяина

20°, въ ближайшихъ къ городу не больше 5—8°, (а въ самомъ морѣ и морской водѣ всего 3°). Градусникъ въ разсолѣ, который нагонялся на нашихъ глазахъ, показалъ 10° — и хозяинъ остался недоволенъ.

Самые сады различныхъ величинъ, но глубиною не больше четверти. Соли насѣдаетъ здѣсь пальца на два, а съ водой глубина всего пальца на четыре, и при томъ эти бассейны самаго простого устройства. Окружены они стѣнкой, или скрѣпленіемъ изъ бревешекъ и камней, но при этомъ такъ, чтобы по бортамъ можно было ходить и пробовать, готова ли соль. Около мѣсяца времени надо на то, чтобы наполнить бассейнъ тузлукомъ; затѣмъ ждать, когда нагрѣется вода и начнетъ бѣлѣть, и появятся кристаллы. Потомъ нагнанный разсолъ покраснѣетъ, появится ярко-красная и очень клейкая жидкость—знакъ, что «садъ» очень скоро будетъ зрѣть. При этомъ онъ снова бѣлѣетъ съ боковъ и съ середины, но если и съ видимыми кристаллами соли, хотя довольно рыхлъ, пропускаетъ сквозь себя руку и, конечно, пачкаетъ при этомъ почти осѣвшею на дно черною грязью (почитаемой цѣлебною) и производитъ на руку пріятное впечатлѣніе нагрѣтой теплой воды,—онъ еще не совсѣмъ поспѣлъ. Въ созрѣвшую соль я уже не въ силахъ былъ просунуть руки, потому что кристаллы оказались очень твердыми. Однако деревяннымъ лопаткамъ они подаются легче, чѣмъ самосадочная соль. Сгребая сначала въ мелкія кучи, соль, на ручныхъ тачкахъ и по дощечкамъ, свозятъ ближе къ берегу. Здѣсь особый искусный и опытный мастеръ сгребаетъ ее и уколачиваетъ въ «бугры», имѣющіе форму и подобіе хлѣбныхъ скирдъ.

Соль, сложенную въ скирды, надо поторапливаться продавать, потому что такой бугоръ можетъ безнаказанно простоять всего года три: соль имѣетъ дурную привычку усыхать и утекать. Да и здѣсь, на евпаторійской степи, солянымъ буграмъ не привольно: неистовая степная пыль ихъ немилосердно засоряетъ. На бокахъ бугровъ соль вывѣтривается: образуются поры, крупныя пустоты; но зато тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, бока тверды, какъ камень, и при ломкѣ лопатами, для продажи, разбиваютъ ихъ съ большимъ усиліемъ. Ссыпаютъ соль прямо въ трюмъ судна, которое останавливается у самаго берега, и отъ нашего знакомаго промысла въ какихъ-нибудь 80—100 шагахъ. Пошлина платится уже въ Одессѣ, а до той поры сложенный въ кучи товаръ хозяйскій—частная, а не казенная, собственность.

Оставляя Евпаторію и направляясь дальше, слышимъ заключительныя слова о ней въ отзывѣ русскаго рабочаго, оставшагося глазъ-на-глазъ съ нами—и недовольнаго здѣшними порядками:

— Соли дадутъ ложку, и считаютъ за великое одолженіе, а сами раструсятъ ее при перевозкахъ на тачкахъ столько, что у насъ, въ Россіи на это цѣлая деревня была бы сыта.

— Не заботливы они и неряшливы?

— Никакихъ запасовъ здѣсь не дѣлаютъ, а что купитъ на рынкѣ, то и съѣстъ. Оттого-то у нихъ и столь велики эти базары. И кто на нихъ заберется, тотъ уже во весь день не сходитъ... А вотъ—и Саки!

Б) САКСКІЯ ГРЯЗИ.

Самосадочное озеро.—Селеніе.—Лѣчебное заведеніе.—Соперники сакскихъ грязей.—Куяльницкая грязь.—Цѣлебное значеніе соли.—Значеніе ея для человѣческаго организма.—Значеніе соли въ международныхъ сношеніяхъ.—Случаи изъ русской исторіи.—Норма потребленія.—Количество добычи изъ крымской соляной группы.—Предѣлы ея распространенія.

In sale salus (*въ соли здоровье*).

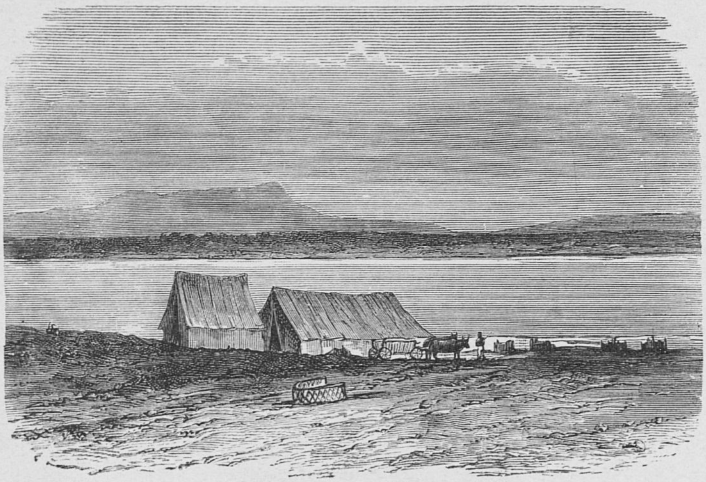
Отъ хлѣба и соли
Алѣютъ ланиты.

Древнѣйшія изреченія.

Очень большое Сакское озеро бѣлѣло снѣгомъ и льдомъ къ краямъ, обращеннымъ къ селенію, и алѣло очень красиво широкой полосой къ противоположному отъ насъ берегу. Жидко растворенная по всей озерной поверхности и здѣсь на озерѣ, какъ и въ бассейнахъ, краснота соли сбивалась къ краямъ и здѣсь осѣдала ярко-красной густотой, равной крѣпости масляной краски. Въ самомъ куту этого самосадочнаго озера, на краю, раскинулось то лѣчебное заведеніе съ казенной красной черепичной кровлей, слава котораго столь увеличилась въ послѣднее время въ смыслѣ удивительной цѣлебности озерной грязи. Къ лѣчебнымъ казармамъ примыкаетъ и то селеніе Саки, которое дало свое имя лѣчебнымъ грязямъ,—маленькое, расположившееся на полномъ солнопекѣ и также прославившееся своими жизненными неудобствами для пріѣзжихъ больныхъ. Чудодѣйственная сила здѣшней черной, липкой и сильной соляной грязи, которая обычно осѣдаетъ надъ соляными слоями и пластами, заслоняетъ житейскія неудобства избалованныхъ людей. Зарываться въ сакскую грязь, обонять ея сильно-пахучій іодистый запахъ, прикладывать эти общіе согрѣвательные компрессы необыкновенной силы и дѣйствія ѣдетъ сюда все большее и большее число страдающихъ застарѣлыми и острыми ревматизмами, безсиліемъ, нервною раздражительностію, скорбутомъ и тому подобными недугами. Про Сакскія грязи разсказываютъ чудеса, и они только въ послѣднее время начали находить себѣ опасныхъ соперниковъ. Первымъ изъ нихъ явились лиманы близъ Одессы и между ними въ особенности Куяльницкій со своими цѣлебнымъ грязями. Въ лиманной водѣ, кромѣ гипса, не найдено другихъ сѣрнокислыхъ соединеній, но въ грязи оказался такъ-называямый «пропиламинъ»—вещество, употребляемое нынѣ при лѣченіи ревматическихъ болѣзней. Исчезли въ лиманной водѣ глауберовая соль и сѣрнокислый магній (горькая соль), потому что въ лиманъ вливается большое количество прѣсныхъ атмосферныхъ водъ, которыя по дорогѣ размываютъ на прилегающихъ къ нему возвышенностяхъ двууглекислую известь, несутъ ее въ лиманъ, гдѣ она соединяется съ сѣрною кислотою и образуетъ гипсъ.

Вторымъ соперникомъ Сакъ оказалось Майнакское озеро, вблизи той же Евпаторіи, грязь котораго, по анализу, имѣетъ много общаго съ этими знаменитыми сакскими грязями. У нихъ давно уже отбиваютъ посѣтителей соляныя ванны въ г. Славянскѣ (Харьковской губ.), отличающемся здоровымъ климатомъ, и вообще пунктомъ, наиболѣе удобнымъ, благодаря положенію его въ центрѣ желѣзнодорожныхъ путей: Морскія купанья удалось въ 1879 г. устроить также на самомъ берегу Чернаго моря, всего въ полуверстѣ отъ Евпаторіи. Также очень большое число больныхъ ѣдетъ теперь въ окрестности Одессы, на тамошніе лиманы, въ Друскеники къ бромо-іодисто-соленымъ водамъ въ Гродненской губ., въ Старую Русу Новгородской губ., въ Липецкъ Тамбовской губ., отчасти въ Сольгаличъ Костромской губ., и т. п.

Въ Сакахъ обыкновенно съ вечера и ночью приготовляется грязное лѣкарство въ видѣ отдѣльныхъ для каждаго больного кучекъ. Къ утру эти кучки липкой, какъ пластырь, грязи раскатываются въ длину и въ двойную ширину человѣческаго тѣла и въ толщину на четверть аршина. До полудня эти толстые изъ грязи войлоки или одѣяла оставляются на солнцѣ. Ко времени прихода больныхъ они успѣваютъ покрыться налетомъ кристалловъ соли, смахнувъ



Видъ озера сакскихъ грязей въ Крыму.

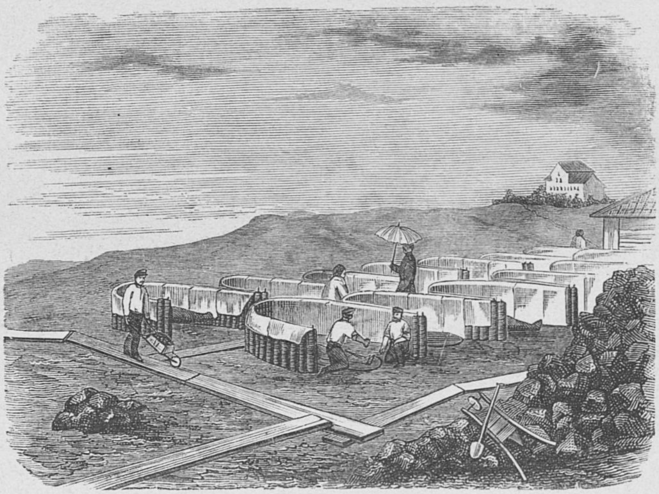
которую, прислужникъ окутываетъ больного въ грязь, какъ бы въ простыню. Грязь успѣетъ къ тому времени на южномъ солнцѣ нагрѣться до такой степени, что больной, лежа въ ней весь срокъ, предписанный врачемъ и дозволяемый организмомъ, теряетъ столько испарины, что одѣяло изъ грязи снимается также легко, какъ и шерстяное. Послѣ того, конечно, паціента, обезсилѣвшаго отъ болѣе чѣмъ обильной испарины, ведутъ подъ руки въ ванну прикрытымъ простынею. Здѣсь его обливаютъ тузлукомъ изъ того же озера и увѣренно, послѣ 16—18 такихъ ваннъ, ждутъ несомнѣннаго излѣченія отъ болѣзни, будетъ ли это ревматикъ, сифилитикъ, или золотушный. Помогаетъ всѣмъ и отъ всего! Въ худую погоду дѣлаютъ ванны изъ тузлука съ разведенною въ немъ грязью.

Въ соляныхъ источникахъ люди съ древнѣйшихъ временъ ищутъ здоровья, и въ самомъ веществѣ соли давно признали цѣлебную силу. Теперь уже и наукой утверждено, что соль не только приправа къ пищѣ, но и самая пища,—питательное вещество, отказаться отъ котораго нельзя безъ вреда здоровью и самой жизни. Это—потребность нашего тѣла: въ соли всего больше нуждаются хрящи и кровь, по крайней мѣрѣ найдено, что въ хрящахъ и крови всего больше соли, хотя находятъ ее довольно и въ печени. При пищевареніи соль разлагаетъ жир-

ныя пищевыя вещества, которыя безъ нея очень трудно было бы варить желудку. Часть принятой соли соединяется съ разными веществами въ тѣлѣ, чтобы образовать жидкія и твердыя части его. Такимъ образомъ соль уже не только питательное вещество, но и строительный матеріалъ живой храмины всего организма. Другая часть соли выносится вонъ изъ нашего организма вмѣстѣ съ веществами, непереваренными и негодными для живого человѣческаго тѣла. Если человѣкъ вѣситъ 150 фунтовъ, то поваренной соли въ немъ, въ видѣ составныхъ частей ея—натра и хлора, усвоенныхъ организмомъ, всего — одна стопятидесятая часть. Ежедневно тѣло наше выдѣляетъ изъ себя негодныхъ и лишнихъ частицъ 25 лотовъ и въ этомъ числѣ одинъ лотъ соли. Чтобы замѣстить этотъ утерянный лотъ, надобится или соленая приправа, въ видѣ раствора въ разныхъ видахъ пищи, или щепоть соли для присолу, т.-е. соль въ сыромъ видѣ. Не даромъ народъ нашъ давно уже выговорилъ правило: «пей горчѣе, ѣшь солонѣе, умрешь—не сгніешь».

Лучше обставленная, по удобствамъ доставки, одесская или куяльницкая соль, добываемая въ 8 верстахъ отъ Одессы, начинаетъ получать славу. Этотъ промыселъ причисляется уже къ важнѣйшимъ въ государствѣ. Эта соль идетъ даже въ бѣлорусскія губерніи, какова бѣдная Минская. Запасъ соли опредѣляется въ 150 милліоновъ пудовъ и на мѣстѣ она продается отъ 36 до 40 коп. за пудъ.

С. В. Максимовъ.



Сакскія минеральныя грязевыя ванны въ Крыму.

ОЧЕРКЪ V.

ЧЕРНОЕ И АЗОВСКОЕ МОРЯ.

Картины, рисующіяся на Черномъ морѣ.—Общій взглядъ на Черноморскій бассейнъ.—Климатъ и морскія теченія.—Бури на Черномъ морѣ.—Буря 2 ноября 1854 г.—Смерчи.—Характеристическія черты Чернаго моря: лиманы и косы.—Разрушающая и созидающая дѣятельность моря: образованіе наносовъ и подрывы береговъ.—Обмелѣніе Азовскаго моря.—Участіе Дона въ его обмелѣніи.—Проектъ осушенія Сиваша (Гнилого моря).—Мысль о соединеніи Чернаго моря съ Каспіемъ.—Удобства и неудобства плаванія по Черному морю.—Сѣверные берега и Кавказъ.—Каботажное судоходство и мореплаваніе.—Подводный міръ: растенія и животныя.—Рыбы и рыболовство.—Птицы.—Богатство и разнообразіе естественныхъ произведеній Черноморскаго побережья.—Сказанія сѣдой древности.—Борьба Россіи съ Турціей за обладаніе Чернымъ моремъ.—Значеніе Чернаго моря для Россіи.

Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая.

Прекрасно Черное море...

Оно прекрасно во всякую пору дня и ночи; во всѣ времена года оно чаруетъ зрителя своими прелестями. Въ тихое лѣтнее утро подъ ясными небесами безмятежно разстилается оно голубою гладью—необозримое, блистающее, залитое горячими лучами южнаго солнца. Въ бурю, когда темныя тучи низко ходятъ надъ моремъ, оно представляетъ собой грозную и мрачную, но величественную картину. Тогда оно, дѣйствительно, становится «чернымъ» моремъ, страшнымъ и непривѣтливымъ; бѣшено крутитъ и плещетъ оно волнами, бросая ихъ туда и сюда, то сталкивая ихъ другъ съ другомъ, то моментально вырывая между ними зіяющую бездну, или вдругъ несетъ ихъ къ берегу и съ дикою яростью разбиваетъ ихъ о скалы, обдавая сѣрые прибрежные камни потоками брызгъ и бѣлой пѣны. Въ прибоѣ крутящихся волнъ слышатся стоны и ревъ расходившихся волнъ. Тогда по истинѣ, какъ говорятъ моряки, вода въ морѣ «кипитъ, какъ въ котлѣ». Безпорядочно мечущіяся волны, сливаясь съ низко нависшими облаками—такими же темными, какъ онѣ сами, производятъ дѣйствительно какой-то странный и страшный хаосъ... Не по цвѣту водъ турки назвали это море *Чернымъ*; они назвали его такъ именно за его бурливость, за его грозный видъ во время бурь. Вѣроятно, при первомъ же знакомствѣ съ этимъ моремъ, туркамъ пришлось испытать на себѣ всю свирѣпость и всю опасность разражающихся на немъ бурь. Очевидно, по тому же и древніе—прежде, чѣмъ назвать его моремъ «гостепріимнымъ», понтомъ Эвксинскимъ—назвали его понтомъ Аксинскимъ, т.-е. «негостепріимнымъ» моремъ.

Кто хоть разъ побывалъ на Черномъ морѣ, тотъ не забудетъ во всю свою жизнь тѣхъ дивно-прекрасныхъ живыхъ картинъ, какія рисовались ему на морѣ. Нельзя забыть все великолѣпіе этихъ южныхъ вечеровъ, съ ихъ морской прохладой, съ ихъ обаятельнымъ полусумракомъ... Берега темнѣютъ, его детали сглаживаются, тускнѣютъ и исчезаютъ въ той волшебной полупрозрачной дымкѣ, которая словно весь міръ задергиваетъ какимъ-то бархатистымъ голубоватымъ флеромъ. Красная полоса зари разливается по краю моря и неба, и на этой красной полосѣ съ чисто художественнымъ совершенствомъ рисуются рѣзко очерченными темными сулуэтами прорѣзныя мачты судовъ, кажущихся издали въ миніатюрныхъ размѣрахъ и утопающихъ въ лучезарной дали. Багровая полоса зари блѣднѣетъ все болѣе и болѣе, переходя въ золотистые, зеленоватые и голубые оттѣнки; она окончательно тускнѣетъ. А изъ моря, тамъ, гдѣ даль уже заволоклась сизымъ туманомъ, показывается блѣдный мѣсяцъ и бросаетъ въ зыбь водъ свой дрожащій, серебристый лучъ,—и этотъ лучъ, свѣтясь и искрясь въ зыби водъ, протягивается далеко-далеко...

Поэтъ такъ изобразилъ эту чудесную пору перехода вечера въ ночь:

Всплываетъ изъ-за тучъ луна...
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ—угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ...

Невозможно забыть эти восхитительныя южныя ночи, когда контуры дальнихъ горъ, окутанныхъ туманомъ, мерещатся, какъ великаны, когда темнѣющіе ближніе склоны полны таинственности, а тамъ и сямъ блистаютъ огни. А яркій мѣсяцъ, выглядывающій изъ-за горъ и серебристымъ свѣтомъ обдающій песчаный берегъ и тихо зыблющееся море, производитъ ту волшебную игру свѣта и тѣней, которая всей этой картинѣ ночи придаетъ прелесть невыразимую...

Прекрасно Черное море. Не даромъ же оно всегда вдохновляло поэтовъ и художниковъ: его воспѣвали Пушкинъ, Мицкевичъ, Лермонтовъ; оно доставляетъ богатый, неистощимый сюжетъ для произведеній такихъ талантливыхъ художниковъ-маринистовъ, какъ Айвазовскій.

Берегъ и море такъ тѣсно связаны во всѣхъ отношеніяхъ, такъ солидарны между собой, что отдѣлять ихъ другъ отъ друга немыслимо. Поэтому, говоря о Черномъ морѣ, не говорить о берегахъ—не возможно... Едва ли не самыя живописныя мѣстности Черноморья находятся на южномъ и юго-западномъ берегу Крыма и на Кавказскомъ побережьи отъ Сухумъ-Кале до Гагръ. На южномъ берегу Крыма, въ видѣ громаднаго монумента, выдвигается въ море Медвѣдь-гора, потатарски Аю-дагъ. Это—лѣсистая, продолговатая гора, образующая мысъ Аю-дагъ. Своею формою,—разумѣется при нѣкоторомъ усиліи фантазіи,—Аю-дагъ наводитъ зрителя на мысль объ исполинскомъ медвѣдѣ, лежащемъ на берегу съ мордою, обращенною къ морю и какъ бы опущенною между передними лапами. Онъ словно сторожитъ крымскій берегъ... Полоса Кавказскаго побережья отъ Сухумъ-Кале до Гагръ представляетъ рядъ самыхъ картинныхъ, величественныхъ панорамъ. Горы здѣсь подходятъ къ морю, надвигаются къ нему высокими, отвѣсными массами. На нихъ мѣстами кустится зелень, но чаще виднѣются обнаженныя отъ всякой растительности ребра скалъ, омываемыхъ пѣнящимися морскими валами. Снѣжная линія прихотливыми извилинами непрерывно вѣнчаетъ эти скалистыя массы, то сливаясь съ синевой неба, то бѣлѣя на ней рядомъ какъ бы сахарныхъ головъ, то ослѣпительно искрясь блестками отраженныхъ солнечныхъ лучей. Мѣстами открываются виды на темныя ущелья, при чемъ у подошвы отвѣсныхъ скалъ замѣтны то песчаная отмель, то зеленая лужайка—признакъ устья какой-нибудь горной рѣчки, сбѣгающей къ морю по ущелью.

Сосѣднiй мингрельскiй берегъ носитъ уже иной характеръ: это берегъ—низменный, и горы отступаютъ отъ него къ сѣверу и востоку. Остальное Черноморское побережье большею частью низменное и ровное, мѣстами представляетъ песчаныя пустынныя отмели, мѣстами покрыто плавнями и заросло камышемъ, дающимъ прiютъ и приволье многочисленнымъ стаямъ всевозможныхъ болотныхъ и морскихъ птицъ.

Черное море, какъ извѣстно, омываетъ южные берега Россiи, т.-е. берега Новороссiйскаго края, Крыма, земли Войска Донского и берега Кавказа, а на югѣ и юго-западѣ—берега Малой Азiи и Европейской Турцiи. Если уже въ старину Черное море называлось «русскимъ», то въ настоящее время оно можетъ называться такъ еще съ большимъ правомъ потому, что теперь большая часть его побережья уже находится въ рукахъ славянскаго племени. Топографическое же очертанiе его береговъ вкратцѣ таково: отъ устья Дуная до сѣверо-западнаго мыса Крыма берега песчаны и низменны, вплоть до Севастополя; далѣе берегъ возвышается и достигаетъ иногда нѣсколько сотъ футовъ; отъ Балаклавы, вдоль морского берега, идетъ цѣпь горъ до Кафы, а отъ Кафскаго залива до Керченскаго пролива берега опять тянутся низкiе и песчаные; берега Тамани до Анапы—низки и болотисты, а отъ Анапы до рѣки Рiона и далѣе берегъ то низкiй, то возвышенный...

Прежде нѣкоторые смотрѣли на Черное море, какъ на заливъ, соединенный посредствомъ проливовъ съ Средиземнымъ моремъ, и въ подтвержденiе справедливости своего взгляда указывали на малосоленость его воды, а также на то, что на немъ не существуетъ приливовъ, т.-е. явленiй, вообще свойственнныхъ морямъ. Эти доводы фактически совершенно вѣрны въ общемъ, но тѣмъ не менѣе Черное море остается моремъ. Оно является намъ моремъ и по пространству, занимаемому имъ, и по глубинѣ, и по богатству, и разнообразiю его подводнаго мiра. Незначительная же соленость его воды, отсутствiе приливовъ и отливовъ, также точно, какъ обилiе въ немъ лимановъ и косъ, представляютъ собой лишь его характеристическiя особенности. Въ географическомъ отношенiи оно дѣйствительно, строго говоря, представляетъ собой какъ бы заливъ Средиземнаго моря, но въ общежитiи оно все-таки считается и называется моремъ, такъ какъ для залива оно слишкомъ обширно и отдѣлено отъ водъ Средиземнаго моря слишкомъ узкимъ Дарданельскимъ проливомъ, да притомъ еще въ немъ встрѣчаются такiя формы морскихъ растенiй и животныхъ, какихъ нигдѣ нѣтъ въ водахъ Средиземнаго бассейна.

Черное море занимаетъ простанство около 8,000 кв. миль. Глубина же его не одинакова: у сѣверныхъ береговъ оно мельче, къ югу глубина его увеличивается и достигаетъ до 60 и и 100 саженъ, самое же глубокое мѣсто его находится въ 50 миляхъ отъ Севастополя къ западу (болѣе 300 саженъ). Обильный притокъ водъ изъ такихъ значительныхъ рѣкъ, какъ Дунай, Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ, Кубань и др., неминуемо долженъ уменьшить соленость воды Чернаго моря и болѣе или менѣе опрѣснять ихъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ то время, какъ въ Средиземномъ морѣ приходится на 1,000 частей отъ 36 до 39 частей соли, въ сѣверныхъ европейскихъ моряхъ—19 частей и болѣе, а въ Черномъ морѣ на 1,000 едва лишь приходится 15 частей соли. Опрѣсняющее влiянiе водъ Днѣпровскаго лимана, напримѣръ, ясно обнаруживается во всей части Чернаго моря, лежащей сѣвернѣе Тендровской косы. Вообще вблизи береговъ вода, вслѣдствiе влiянiя рѣкъ, гораздо прѣснѣе, чѣмъ въ открытомъ морѣ. Прѣсность воды въ особенности замѣтна въ южной части кавказской прибрежной полосы, принимающей болѣе обильныя рѣки. Разсказываютъ, что во время приближенiя къ Потiйскому порту въ штилевую погоду уже въ разстоянiи 15 миль отъ берега ареометръ обнаруживаетъ влiянiе рѣки Рiона. Значительное уменьшенiе солености замѣчается также вблизи Гагринскаго ущелья, гдѣ существуетъ подводный ключъ прѣсной воды, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вообще же maximum плотности воды въ Черномъ морѣ, повидимому, совпадаетъ во времени съ наименьшею высотою уровня воды. А самый низкiй уровень воды

въ Черномъ морѣ, какъ оказывается по наблюденіямъ на футштокахъ черноморскихъ портовъ, бываетъ обыкновенно въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, удѣльный вѣсъ воды на всемъ пространствѣ Чернаго моря къ осени увеличивается—и увеличивается именно вслѣдствіе уменьшенія прибыли рѣчныхъ водъ, впадающихъ въ этотъ бассейнъ. Кромѣ этой главной причины, увеличенію плотности воды въ осенніе мѣсяцы способствуютъ также немало очень свѣжіе вѣтры, производящіе болѣе полное смѣшеніе воды верхнихъ слоевъ съ нижними... Вслѣдствіе обильнаго же притока рѣчной воды и накопленія ея въ избыткѣ, теченіе главнымъ образомъ устремляется по направленію къ Средиземному морю.

Трудно подмѣтить и еще труднѣе передать всѣ тѣ оттѣнки, какіе принимаетъ море въ теченіе дня, а иногда даже и въ продолженіе какого-нибудь часа. То оно у берега кажется синимъ, то кажется темно-зеленымъ, далѣе переходитъ въ голубой или въ свѣтло-розовый, а еще далѣе море иногда, словно, заливается растопленнымъ золотомъ. Поднимется вѣтеръ, набѣгутъ облака—и ликъ моря мигомъ измѣняетъ свое выраженье и свой цвѣтъ. Утромъ море—одно, днемъ оно—другое, а вечеромъ съ нимъ опять происходятъ метаморфозы. То оно все горитъ и багровѣетъ, словно отъ зарева, то мрачно хмурится, является какимъ-то сѣрымъ и безцвѣтнымъ, то вдругъ, какъ будто, заливается золотомъ и засыпается розами. Иногда бываетъ замѣтна очень сильная фосфоричность воды. Въ темный вечеръ гребни волнъ такъ и свѣтятся, такъ и искрятся, точно обдаваемые какимъ-то фантастическимъ сіяньемъ... Проѣдетъ яликъ и оставитъ за сабою какъ бы огненный слѣдъ; всплеснешь воду рукою, и рука живо обольется мерцающимъ свѣтомъ. Въ бурю иногда происходитъ такое же фосфорическое свѣченіе волнъ. Это явленіе происходитъ отъ присутствія въ водѣ микроскопическихъ животныхъ. Причиной этого фосфорическаго сіянія служатъ, повидимому, главнымъ образомъ, мелкія медузы и пелагическія формы низшихъ ракообразныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чернаго моря — преимущественно въ бухтахъ—вода до того прозрачна, что въ тихую, ясную погоду можно различать на днѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, каждую водоросль, почти каждую песчинку. У береговъ, въ мѣстахъ болѣе мелкихъ и на поверхности моря вода, разумѣется, теплѣе, чѣмъ на глубинѣ, но и помимо того колебанія температуры воды въ теченіе очень непродолжительнаго времени бываютъ очень значительны. Такъ же точно бываютъ рѣзки и круты колебанія температуры воздуха. Въ апрѣлѣ иногда поутру бываетъ прелестная весенняя погода, а черезъ нѣсколько часовъ настаетъ такая стужа, что цвѣтущія розы замерзаютъ и чернѣютъ, густая, высокая трава уже едва выглядываетъ изъ-подъ снѣга, а люди, гулявшіе въ лѣтнихъ костюмахъ, не могутъ, какъ говорится, зубъ съ зубомъ свести. Впрочемъ, вообще говоря, черноморскій климатъ весьма благопріятенъ для развитія и жизни животнаго и растительнаго царства.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черноморскаго побережья (какъ, напримѣръ, на южномъ берегу Крыма) зимы почти совсѣмъ не знаютъ. Плаваніе по Черному морю продолжается почти круглый годъ безпрепятственно, за исключеніемъ лишь недѣль шести, когда сѣверные берега его покрываются льдомъ. Впрочемъ, у крымскихъ береговъ море замерзаетъ очень рѣдко. Въ текущемъ столѣтіи черноморскія бухты (Ѳеодосійская, Севастопольская и Керченскій рейдъ) замерзали не болѣе трехъ или четырехъ разъ. Вообще въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей судоходство прекращается, можно сказать, самое долгое, на два зимнихъ мѣсяца, съ конца декабря и до конца февраля, разумѣется, лишь съ незначительными измѣненіями изъ году въ годъ. Въ южныхъ же частяхъ море не замерзаетъ никогда, поэтому и плаваніе тамъ свободно въ продолженіе всего года.

Въ концѣ августа здѣсь, обыкновенно, настаетъ рядъ пасмурныхъ дождливыхъ дней, однако перемежающихся иногда довольно жаркими днями. Это—небо сквозь слезы улыбается на мгновенье землѣ... Въ эту пору въ горахъ свирѣпствуютъ сильные, порывистые вѣтры, случаются частыя грозы, а горы бываютъ покрыты темными, дождевыми тучами. Такъ

длится иногда весь сентябрь. Потомъ, небо снова разъясняется, жгучее солнце снова заливаетъ Черноморье, и въ октябрѣ, ноябрѣ, а часто и въ половинѣ декабря, то есть, именно, въ то темное время года, когда мы, жители сѣверной и средней Россіи, кутаемся въ шубы,—тамъ, на черноморскихъ берегахъ, стоитъ дивная, очаровательная погода. Растительность является въ новомъ блескѣ, освѣженная, позеленѣвшая, и въ Екатерининъ день—24 ноября—расцвѣтаютъ розы. Послѣ такого улыбающагося, сіяющаго времени года иногда разомъ наступаютъ холода, перепадаютъ дожди, которые порою превращаются въ снѣгъ, держащійся, впрочемъ, по большей части недолго, самое большее недѣлю, а чаще исчезающій на другой или на третій день. Самое холодное время здѣсь—февраль и начало марта. Къ концу марта деревья уже снова покрываются зеленью, а иногда и въ концѣ января расцвѣтаютъ цвѣты—крокусы, скороспѣлки, фіалки, кустообразные молочаи, а въ концѣ февраля уже созрѣваютъ плоды этого растенія... Лѣто здѣсь—знойное. Въ это время въ безвѣтренные дни температура сильно повышается, и все живущее ищетъ для себя прохлады въ тѣни. Въ засуху температура не понижается даже и ночью; въ то же время на горныхъ возвышенностяхъ дуютъ холодные сѣверо-западные вѣтры и температура иногда падаетъ здѣсь до 7° по Реомюру, между тѣмъ какъ на берегу она не спускается ниже 17°. Въ продолженіе лѣта близъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря подуваетъ свѣжій, прохладный вѣтерокъ—les brises de mer, какъ называютъ его французы.

Вообще же по преимуществу на Черномъ морѣ дуютъ вѣтры съ сѣвера и съ сѣверовостока; у кавказскихъ береговъ они бываютъ очень сильны и производятъ страшныя бури, продолжающіяся иногда по нѣсколько дней сряду. Такіе вѣтры дуютъ зимою. Очень опасенъ также для моряковъ западный вѣтеръ, наносящій карабли на скалистыя прибрежья, лишенныя удобныхъ гаваней. Лѣтомъ же здѣсь—вѣтры перемѣнные; въ самое жаркое время дуютъ вѣтры береговые и морскіе, доставляющіе прохладу и великое наслажденіе всему живущему и томящемуся отъ зноя. При сѣверномъ вѣтрѣ теченіе морское становится очень быстрымъ, при южномъ—оно умѣряется значительно. Восточное Черноморское побережье, обнимающее собой область рѣки Ріона и сосѣднихъ съ нею странъ, очень обильно дождями и отличается сырымъ климатомъ; зимы здѣсь также почти не знаютъ, не знаютъ и засухъ. Въ ту пору, когда во внутреннихъ областяхъ Закавказья все выжжено горячимъ солнцемъ, долины Ріона и многочисленныхъ горныхъ рѣкъ Черноморья стоятъ въ роскошной зелени и блещутъ всѣми красками роскошной южной природы. Но зато въ этомъ краѣ, самомъ дождливомъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, влажность почвы и атмосферы производитъ изнурительныя и чрезвычайно упорныя лихорадки, хорошо знакомыя и памятныя всѣмъ бывавшимъ и пожившимъ въ той мѣстности.

Морскія волненія бываютъ различнаго характера. Иногда волны—во время такъ-называемой «мертвой зыбы»—идутъ плавно, тяжело, «катятся» одна за другою и мѣрно разбиваются о берегъ. Иногда же—въ бурю—волны безпорядочно кружатся, сталкиваются, плещутся туда и сюда. Иногда же море лишь рябитъ...

Вѣтры, спершись, такъ сказать, въ сравнительно небольшомъ бассейнѣ между высокими берегами, съ трехъ сторонъ окружающими море, обусловливаютъ образованіе высокихъ волнъ. И волны здѣсь подчасъ, дѣйствительно, достигаютъ страшной высоты. Осенью и весною, во время равноденствій, на Черномъ морѣ разражаются сильныя бури. Кто не слыхалъ объ этихъ ужасныхъ, опустошительныхъ буряхъ? Нѣкоторыя изъ нихъ заслужили даже историческую извѣстность, какъ, напримѣръ, знаменитая буря 2 ноября 1854 года. Эта буря почти цѣлыя сутки бушевала съ страшной силой у юго-западныхъ береговъ Крыма и принесла немалый уронъ «союзникамъ», осаждавшимъ въ ту пору Севастополь. Очевидцы такъ передавали о нѣкоторыхъ подробностяхъ этой памятной, роковой бури.

«Херсонеская гавань сильно волновалась и пѣнилась, какъ кипящій котелъ. Корабли, стоявшіе въ глубинѣ бухты, изчезали, какъ въ дымкѣ, посреди этой морской пѣны. Сквозь

тучу былъ виденъ только лѣсъ наклонившихся мачтъ, разорванныя снасти и со свистом разлетающіеся въ воздухѣ лоскутья парусовъ. Въ гавани смятеніе было всеобщее. Корабли сталкивались между собою, сцѣплялись реями и снастями, нанося одинъ другому поврежденія. Нѣкоторые изъ кораблей потонули или опрокинулись, другіе сѣли на мель. Грозный, оглушительный ревъ морскихъ волнъ и изрѣдка одинокіе пушечные выстрѣлы съ погибавшихъ кораблей лишь усиливали уныніе... Въ этотъ день понтъ Эвксинскій, по истинѣ, заслуживалъ названіе *Чернаго моря:* мрачныя волны его, казалось, смѣшивались съ низко нависшими, тяжелыми тучами, изливавшими потоки дождя, смѣшаннаго со снѣгомъ и градомъ. Сквозь этотъ сѣроватый туманъ видны были вдали, на пушечный выстрѣлъ, тѣни четырехъ большихъ винтовыхъ кораблей, извергавшихъ столбы дыма и тяжело качавшихся на волнахъ. Ближе, при входѣ въ заливъ, цѣлая эскадра паровыхъ фрегатовъ съ пылающими печами качалась и ныряла въ безпорядкѣ среди множества другихъ кораблей меньшихъ размѣровъ. Исполинскія волны, покрытыя обломками кораблей, съ ужасающимъ трескомъ разбивались о скалы. Среди кипящей, пѣнящейся воды видны были носящіеся въ безпорядкѣ остовы и части кораблей, прибитыя бочки, нырявшія подобно орѣховой скорлупѣ, и тамъ и сямъ раздробленныя, расщепленныя мачты. На краю этой бездны земля дрожала, издавая какъ бы густой дымъ, происходившій отъ влажныхъ вихрей пѣны и песку, разносившихся вѣтромъ до вершины сосѣднихъ холмовъ и застилавшихъ всю окрестность непроницаемою пеленой. Казалось, адъ сошелъ на землю... Трудно представить себѣ и почти невозможно передать въ точности и образно, что такое это было!.. »

«Всѣ лагери союзной арміи были разрушены. У мыса Качи 17 англійскихъ транспортовъ были выброшены на берегъ. У береговъ Херсонескаго залива погибло 7 кораблей, разбившихся о скалы. На Балаклавскомъ рейдѣ погибло 8 англійскихъ транспортныхъ судовъ съ людьми и съ грузомъ: ихъ раздробило буквально въ щепы объ исполинскія скалы, окружающія рейдъ. Тогда же погибъ англійскій винтовой пароходъ «Принцъ» (въ 2,700 тоннъ), везшій въ Балаклаву 46-й полкъ, зимнюю одежду, различные госпитальные припасы и массу артиллерійскихъ снарядовъ. Спаслось съ него какимъ то чудомъ только 6 человѣкъ. (Судно стоило 3.750,000 франк., а грузъ—до 12.000,000 фр.). Этотъ пароходъ, должно замѣтить, ожидался въ лагерѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ по случаю наступавшихъ холодовъ войска чувствовали нужду въ теплой одеждѣ и процентъ заболѣвающихъ въ союзной арміи съ каждымъ днемъ все увеличивался... Число погибшихъ судовъ у союзниковъ въ эту бурю доходило до 60, изъ нихъ 27 были выброшены на берегъ и 14 сожжены самими англичанами. По донесеніямъ, полученнымъ англійскимъ адмиралтействомъ, въ этотъ день погибло одного британскаго имущества на 2.000.000 фунт. стерлинговъ, и въ довершеніе всего «старая весел Англія» потеряла 1,000 человѣкъ своихъ согражданъ, людей въ полномъ цвѣтѣ силы. Французы въ этотъ день потеряли прекрасный сто-пушечный корабль «Генрихъ IV» и корветъ «Плутонъ», которые разбились о скалы вблизи Евпаторіи; та же участь и въ той же мѣстности постигла и большой турецкій фрегатъ. Тою же ужасною бурей было истреблено еще нѣсколько французскихъ и англійскихъ судовъ въ Варнѣ».

Буря прекратилась лишь утромъ слѣдующаго дня. По отзыву одного стараго французскаго моряка, эта буря 2 ноября для флота союзниковъ была «тѣмъ же, чѣмъ для ихъ арміи былъ день Инкерманскаго сраженія». А императоръ Николай I въ ту пору писалъ князю Менщикову: «Спасибо бурѣ: она намъ услужила хорошо; желательно бы еще такой»...

Вотъ какова была, по описанію очевидцевъ, эта знаменитая въ морскихъ лѣтописяхъ буря 2 ноября 1854 года! Подобныя бури, конечно, случаются рѣдко, но тѣмъ не менѣе не проходитъ почти ни одной осени безъ того, чтобы у черноморскихъ береговъ или въ открытомъ морѣ не погибло нѣсколько кораблей.

Изъ поразительныхъ, грандіозныхъ явленій природы, происходящихъ на Черномъ морѣ,

еще должны быть упомянуты тифоны или смерчи. Смерчъ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что огромный столбъ воды—въ формѣ цилиндрической или въ формѣ обращеннаго конуса—вздымается силою противоположныхъ вѣтровъ и несется по морю по тому или другому направленію, съ неимовѣрной быстротой вращаясь вокругъ своей оси... Ночью, 16 ноября 1857 года, одинъ изъ такихъ смерчей, напримѣръ, разразился у нижнихъ береговъ Крыма. Громадная, мрачная масса воды въ видѣ темнаго столба съ свѣтлыми, блестящими окраинами, отдѣлившись отъ горизонта, съ быстротою молніи неслась по морю и все болѣе и болѣе приближалась къ берегу. Донесшись до берега, она съ силой ударилась въ выдающійся въ море каменный утесъ, какъ разъ противъ подошвы горы Малаго Кастеля, и разсыпалась по берегу



Буря на Черномъ морѣ.—Съ картины Айвазовскаго.

въ серебристыхъ брызгахъ. Вѣтеръ усиливался и дулъ страшными порывами, въ одно и тоже время и съ западной стороны, съ горъ, и съ восточной—съ моря. Едва разбился первый столбъ, какъ за нимъ уже несся второй. Этотъ второй тифонъ былъ гораздо выше и гораздо обширнѣе въ объемѣ, нежели первый, и представлялся мрачнымъ, какъ туча; на вершинѣ его отражался свѣтъ луны и вся его верхушка казалась свѣтлою; бока его также были ярко освѣщены, какъ бы окаймлены свѣтомъ. Этотъ столбъ также точно разбился безчисленными милліонами брызгъ о громадные прибрежные камни и залилъ весь берегъ блестящею, бѣлою пѣной. Третій столбъ пронесся вдоль берега и разбился уже о мысъ въ Карабахѣ (имѣнье П. Кеппена). Вся окружающая обстановка придавала этой картинѣ какой-то чисто фантастиче-

скій оттѣнокъ. По небу въ полномъ блескѣ плыла луна, окруженная черными тучами, громоздившимися одна надъ другой; по темному морю искрилась и дрожала серебристая полоса луннаго свѣта, а на берегу—въ ночномъ сумракѣ—мрачно и величественно высились горы...

Въ высшей степени интересная, характеристическая черта Чернаго моря заключается въ обиліи находящихся у его береговъ лимановъ и косъ. Если, говоря о Черномъ морѣ и объ Азовскомъ, какъ о части его, ничего не сказать объ ихъ лиманахъ и косахъ, то значитъ не сказать многаго объ этихъ моряхъ. Это явленіе на столько характерно, на столько обще что вліяніе его замѣтно сказывается на всемъ и обойти его молчаніемъ не возможно. Устья, рѣкъ, впадающихъ въ Черное и Азовское моря, болѣе или менѣе значительно расширяются и принимаютъ форму или обыкновенныхъ заливовъ, или заливовъ, отдѣленныхъ отъ моря косою, такъ-называемыхъ *лимановъ*, или же, наконецъ, заливовъ текучихъ (эстуарій). Рѣка, обыкновенно, приноситъ къ устью различные осадки... Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ существуетъ приливъ и отливъ, теченіе рѣки во время прилива по временамъ останавливается и даже иногда нѣсколько обращается назадъ; съ наступленіемъ же отлива спертая вода рѣки, какъ бы прорвавъ плотину, устремляется впередъ съ большею противъ прежняго силою, и каждые сутки два раза такимъ образомъ рѣка прочищаетъ свое русло и далѣе обычнаго предѣла даетъ себя чувствовать въ морѣ. Поэтому-то въ моряхъ съ приливомъ и отливомъ заливы являются съ текущей водой. Напротивъ, въ моряхъ, не имѣющихъ прилива и отлива, осадки, отлагающіеся изъ рѣкъ передъ заливами, въ которые онѣ впадаютъ ничѣмъ не прочищаемые, мало-по-малу образуютъ узкую мель, на которой теченіе становится слабѣе, чѣмъ на фарватерѣ русла, и на этой мели является *коса*. Поэтому во внутреннихъ моряхъ (каковы Черное и Азовское) даже такія устья, которыя въ сущности легко могли бы имѣть форму текущаго залива, превращаются въ лиманы. Коса можетъ быть больше или меньше, смотря по количеству и качеству рѣчныхъ наносовъ; коса можетъ образовываться или далѣе отъ устья или ближе къ нему, смотря по силѣ рѣчного теченія и по массѣ рѣчныхъ водъ. Вообще, на образованіе косъ, кромѣ приливовъ и отливовъ, также не мало вліяютъ глубина моря, степень солености его водъ и, наконецъ, количество и свойство рѣчныхъ наносовъ.

Въ морѣ идетъ постоянная, неустанная работа разрушенія и созиданія, идетъ постоянная таинственная борьба между сушей и водой. Въ одномъ мѣстѣ море смѣло наступаетъ на сушу и поглощаетъ ее; въ другомъ мѣстѣ суша заставляетъ море отступать вспять. Въ одномъ мѣстѣ берега обрываются и исчезаютъ безслѣдно со всѣмъ, что ни есть на нихъ; въ другомъ мѣстѣ образуются наносы, отмели, косы. Работа—достойная силы циклоновъ, но между тѣмъ справляютъ ее очень маленькіе герои... Это именно—песчинки, комочки глины, раковинки очень мелкихъ животныхъ и т. под. Впрочемъ, этихъ пигмеевъ-героевъ много—и въ союзѣ съ морскими валами и съ рѣчною волной они становятся могущественной силой, и упорно, систематически, шагъ за шагомъ, ведутъ свою таинственную работу, которая могла бы быть по силамъ только развѣ сказочнымъ великанамъ. Море обрываетъ берега, а песчинки да раковинки созидаютъ ихъ. И куда бы мы ни оглянулись, повсюду мы увидимъ очевидные, явные слѣды этой вѣковѣчной борьбы гигантовъ-волнъ съ песчинками-пигмеями, вездѣ мы увидимъ кипучую дѣятельность разрушенія и созиданія.

Рукава и гирла рѣкъ и лиманы, благодаря вышеупомянутой дѣятельности крохотныхъ песчинокъ и морскихъ волнъ, исчезаютъ почти безслѣдно, на памяти старожиловъ, въ какія-нибудь 20—30 лѣтъ. Такъ, напримѣръ, на пространствѣ одной Кубанской дельты въ самое непродолжительное время исчезло нѣсколько лимановъ и образовалось нѣсколько новыхъ рукавовъ. При этомъ замѣтимъ въ двухъ словахъ, что Кубанская дельта (на юго-восточномъ побережьи Азовскаго моря) представляетъ собой низменность—пространствомъ до 80 квад. миль, — всю наполненную плавнями, орошенную тремя рѣками — Протокою, Кубанью и Переволокою — и перерѣзанную безчисленнымъ множествомъ мелкихъ протоковъ, называемыхъ *ериками* и цѣлою

сѣтью расширеній рѣкъ и ериковъ—расширеній въ видѣ озеръ, называемыхъ лиманами... Въ одномъ изъ кубанскихъ лимановъ—именно въ Рудивскомъ (отъ имени казака Рудь, нѣкогда жившаго здѣсь), довольно глубокомъ и тянувшемся въ длину до 20 верстъ,—еще въ 1833 году производилось значительное рыболовство. Не прошло послѣ того и 20 лѣтъ, а отъ лимана уже и слѣдовъ не осталось, хотя названіе «Рудивскаго» лимана и мѣстность, прежде занимаемая имъ, очень хорошо извѣстны всѣмъ, даже молодымъ казакамъ. На мѣстѣ лимана образовалась плавня, т. е. просто болото, поросшее камышемъ. Сначала эта плавня была очень топкая и вязкая, но мало-по-малу она обсохла. Теперь плавня, образовавшаяся на мѣстѣ бывшаго лимана, уже рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ прочей сосѣдней съ нею низменности, заросшей камышемъ. Еще ранѣе Рудивскаго исчезъ Красногольскій лиманъ. Впрочемъ, только старые казаки помнятъ о его существованіи. Но и старики, помнящіе его, застали уже лиманъ въ послѣднемъ фазисѣ его существованія. Онъ былъ уже мелководенъ. Онъ, напримѣръ, уже не могъ поднимать судовъ съ грузомъ лѣса, и сплавляемый лѣсъ тащили по немъ въ бродъ отдѣльными бревнами. Въ настоящее же время мѣстность, занимавшаяся нѣкогда этимъ лиманомъ, представляетъ собою нѣсколько островковъ, раздѣленныхъ узкими рукавами и занимающихъ въ длину до 10 верстъ, а въ ширину около 2. Чубургольскій лиманъ также значительно уменьшился на памяти нынѣшняго поколѣнія. Работа созиданія и разрушенія идетъ, не останавливаясь.

Всѣ эти превращенія болѣе или менѣе вліяютъ на ходъ рыболовства, а черезъ него, слѣдовательно, вліяютъ такъ или иначе и на благосостояніе мѣстнаго населенія. Должно замѣтить, что всѣ породы рыбъ, составляющихъ предметъ здѣшняго лова, принадлежатъ къ рыбамъ прѣсноводнымъ, которыя хотя и живутъ въ слабо соленой водѣ Азовскаго моря, но для метанія икры все-таки идутъ въ совершенно прѣсную воду. Изъ нихъ осетровыя породы, составляющія предметъ красноловья, ищутъ не только прѣсной воды, но притомъ еще и воды текучей; породы же бѣлой рыбы (судакъ, тарань, лещъ и др.) предпочитаютъ спокойную, теплую воду лимановъ, гдѣ тростники и другія водяныя растенія представляютъ имъ величайшія удобства для выметыванія икры. Поэтому, естественно, гдѣ усиливается теченіе прѣсной воды, тамъ уменьшается ловъ бѣлой рыбы и усиливается, напротивъ, красноловье. Такъ, послѣ прорытія Переволока, когда лиманы обратились въ правильный непрерывный рукавъ съ текучей водой,—въ Темрюцкомъ гирлѣ (въ устьѣ Переволоки) усилился ловъ севрюги и осетра. Между тѣмъ въ Гаврюшинскихъ лиманахъ рыболовство падаетъ, потому что притокъ къ нимъ прѣсной воды ослабѣлъ, и они стали дѣлаться солеными. То же самое произошло и съ лиманомъ Бейсугскимъ (иначе Брынковскій, по имени станицы, лежащей на его берегу). Еще въ недавнее время въ немъ происходилъ такой значительный ловъ бѣлой рыбы, что при раздѣленіи здѣшнихъ рыболовныхъ водъ на семь участковъ — для сбора пошлины въ пользу Войсковой казны—сочли нужнымъ составить изъ этого лимана особый отдѣльный участокъ. Теперь же получается съ лимана не болѣе $^1/_{70}$ доли всей собираемой пошлины (около 600 руб. на 40,000 слишкомъ), такъ что расходы на взиманіе ея стали значительно превышать доставляемый доходъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, еще очень недавно во время весенняго таянія снѣговъ вода въ лиманѣ была прѣсная, а теперь круглый годъ вода здѣсь соленая, по чему и рыба перестала идти сюда.

Уменьшеніе притока прѣсной воды сначала приписывали нѣсколькимъ малоснѣжнымъ зимамъ, слѣдовавшимъ сряду одна за другою. Но оказывается, что на превращеніе прѣсной воды въ соленую дѣйствуютъ въ лиманахъ—какъ, напримѣръ, въ Гаврюшинскихъ и въ Горькихъ—постоянныя причины.

Если притокъ прѣсной воды прекращается, то для того, чтобы лиманы не высохли окончательно, необходимо, конечно, чтобы они сообщались съ моремъ, при помощи котораго недостатокъ прѣсной воды возмѣщался бы притокомъ соленой. Если же этого не будетъ, то

лиманъ обратится въ плавню и живо зарастетъ камышемъ. Если же при недостаткѣ прѣсной воды и соединеніе съ моремъ окажется недостаточно, то лиманъ обращается въ солончакъ или въ соленое озеро. Въ такомъ случаѣ бываетъ, вода уже не въ состояніи покрывать все дно лимана, а смотря по вѣтру—собирается то у одного, то у другого его берега, и этотъ недостатокъ воды можетъ пополняться изъ моря черезъ лабиринтъ гирлъ только при нагонныхъ вѣтрахъ.

То же самое, что на Кубанской дельтѣ, замѣчается и въ другихъ мѣстахъ Чернаго моря. Тѣ же самыя превращенія происходятъ и при устьѣ Днѣпра, гдѣ цѣлые рукава исчезаютъ, а дельты затопляются водою. Тѣ же явленія замѣчаются и при устьѣ Буга. По Очаковскому каналу, напримѣръ, и въ Днѣпровскомъ лиманѣ еще въ 1858 г. свободно проходили 130-ти пушечные корабли съ углубленіемъ не менѣе 22 футовъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время, вслѣдствіе наносовъ въ каналѣ, отходящіе изъ Николаева коммерческіе пароходы не грузятся болѣе, чѣмъ на 16 фут. А Донъ—Донъ Ивановичъ, какъ зовутъ его въ народѣ—производитъ у своего устья цѣлыя превращенія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Берега Азовскаго моря постоянно разрушаются морскими прибоями и вымываются волнами. Разительнымъ примѣромъ тому можетъ служить Таганрогъ. Восточная и юго-восточная оконечности плоскогорья, на которомъ стоитъ этотъ городъ, защищены отъ морскаго прибоя стѣною мѣла и рядомъ свай. Съ этой стороны Таганрогъ является укрѣпленнымъ и находится въ безопасности, будучи гарантированъ отъ буйства и своеволія морскихъ прибоевъ. При этомъ должно замѣтить, что самые значительные морскіе прибои въ Таганрогѣ происходятъ въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда Донъ разливается и становится очень многоводнымъ—и когда въ то же время западныя или юго-западныя бури сильно повышаютъ уровень водъ въ его устьѣ, нагоняя къ нему воды Азовскаго моря... Южная же подошва таганрогскаго крутобережья, лишенная всякой искусственной и естественной защиты, постоянно подмывается волнами. Можно воочію легко убѣдиться, насколько сильны разрушенія, производимыя у береговъ сильнымъ прибоемъ волнъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ сильный прибой бури подмылъ здѣсь берегъ и обвалилъ его вмѣстѣ съ находившимся на немъ рядомъ хижинъ. Лѣтъ 20 тому назадъ произошла здѣсь подобная же исторія: часть берега со стоявшими на ней хижинами сползла въ море. Въ 1864 г. академикъ Гельмерсенъ видѣлъ здѣсь покинутый хозяевами домикъ, котораго основаніе было совершенно обнажено на обрывѣ. Домикъ кое-какъ держался на уцѣлѣвшемъ отъ разрушенія выдавшемся береговомъ утесѣ, который скоро долженъ былъ сдѣлаться въ свою очередь добычею волнъ. Тутъ море уже дѣйствуетъ строго систематически, словно по программѣ, разъ навсегда намѣченной... Батарея, сооруженная Петромъ I въ Таганрогѣ для защиты гавани, нынѣ уже разрушена волнами, а самая гавань, устроенная передъ этой батареей, до того обмелѣла, что въ нее не могутъ входить даже суда, мелкосидящія въ водѣ. Еще и до сего времени сохранилось преданіе о томъ, какъ въ февралѣ въ 1786 году на южномъ берегу Крыма цѣлая татарская деревня, Кучукъ-кой, была подмыта, разрушена и сброшена въ море.

Кромѣ прибоя волнъ, берега еще разрушаются снѣжными и дождевыми водами, хотя не столь эффектно, не столь быстро, но такъ же вѣрно и постоянно. Близъ Таганрога одинъ береговой обрывъ прорѣзывается множествомъ овраговъ, которые ежегодно вносятъ въ море новые наносы, что заодно съ наносами Дона быстро уменьшаетъ длину таганрогскаго залива. Такихъ овраговъ много на сѣверномъ и южномъ берегахъ Азовскаго моря. Но тутъ же есть и крѣпкіе береговые обрывы, защищенные широкимъ полого поднимающимся «припаемъ», которые уже въ теченіе вѣковъ не подвергаются болѣе разрушительному дѣйствію морскихъ волнъ. Тутъ ужъ вода оказывается безсильною... Впрочемъ, вдоль и этихъ береговъ нерѣдко происходятъ «оползни». Конечно, можно предполагать, что оползни случаются также вслѣдствіе подмыва береговъ морскимъ прибоемъ, но можно еще объяснить это явленіе и тѣмъ об-

стоятельствомъ, что берегъ, состоящій изъ рыхлыхъ веществъ и притомъ падающій вертикально или подъ значительнымъ угломъ, имѣетъ и безъ того стремленіе къ разрушенію. Дѣйствіе морскихъ волнъ только ускоряетъ и доканчиваетъ разрушеніе тѣмъ, что сползающія массы постепенно механически растворяются волнами и въ этомъ видѣ сносятся въ море. До тѣхъ же поръ, пока прибой волнъ не разрушилъ такой массы, она грудью своей защищаетъ береговой обрывъ отъ подмыва и въ то же время, дѣйствуя, какъ контрфорсъ, препятствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣленію и сползанію новыхъ массъ. Процессы разрушенія бываютъ различны: иногда берега обрушиваются параллельно береговой линіи, а иногда вдаются большими полукругами въ глубь страны, оставляя полукруглыя воронкообразныя котловины съ круто-падающими стѣнами. Прямолинейныя разрушенія встрѣчаются на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря, а также у Таганрога и Бердянска; дугообразныя же разрушенія встрѣчаются на крутыхъ берегахъ Таманскаго полуострова и въ окрестностяхъ Еникале.

Въ то же время море восточными теченіями постоянно образуетъ новыя дюны и косы, т.-е. какъ бы взамѣнъ разрушенныхъ, созидаетъ новыя части суши. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ уже сказано, берега отрываются и исчезаютъ подъ напоромъ морскихъ прибоевъ. Зато въ другихъ мѣстахъ берега приростаютъ, увеличиваются, какъ бы на зло бушующимъ волнамъ. Напримѣръ, по показаніямъ смотрителя маяка на Бердянской косѣ, этотъ маякъ въ прежнее время стоялъ ближе къ южному берегу. Море, слѣдовательно, въ этомъ мѣстѣ отступило. Въ весьма интересной запискѣ, составленной однимъ старымъ помѣщикомъ Мартыновымъ, профессоръ Борисякъ нашелъ свѣдѣнія о томъ, что съ 1796 года, т.-е. со времени основанія принадлежавшей Мартынову деревни Недвиговки до той поры, когда Мартыновъ составлялъ свою записку (1864 г.), таганрогскій заливъ Азовскаго моря удалился на шесть верстъ и все это пространство покрылось наносною землею, лѣсомъ камышей и прорѣзалось рукавами, озерами и зыбучими болотами. Старики разсказываютъ еще болѣе поразительный фактъ, а именно, что на ихъ памяти донская дельта выросла на цѣлыя версты, что батареи, воздвигнутыя во время Крымской войны, слѣдовательно, въ 1855—1856 г., на западномъ краю дельты близъ самого моря—теперь уже значительно отдѣлились отъ него, вслѣдствіе приростанья земли со стороны моря. Тутъ ужъ, очевидно, суша беретъ перевѣсъ и море вынуждено отступать вспять...

Самая ожесточенная борьба между моремъ и сушей происходитъ, повидимому, въ Азовскомъ морѣ, особенно у береговъ его, гдѣ ощутительнѣе сказывается вліяніе наносовъ и обрывовъ. Къ этимъ естественнымъ причинамъ, могущимъ содѣйствовать обмелѣнію Азовскаго моря, присоединилось еще искусственное засариваніе морского дна. Толки объ обмелѣніи Азовскаго моря поднялись уже давно. Еще въ царствованіе Александра I херсонскій губернаторъ, графъ Ланжеронъ, хлопоталъ передъ правительствомъ о закрытіи Азовскаго моря для плаванія по немъ иностраннымъ судамъ, и главнымъ аргументомъ его ходатайства было обмелѣніе Азовскаго моря. Однако въ то время ходатайство его не было уважено, а напротивъ Высочайшимъ указомъ отъ 31 мая 1818 г. графъ Ланжеронъ получилъ выговоръ за такое недоброжелательство къ Азовскому морю... Съ того времени и до сего дня много было писано и говорено по поводу обмелѣнія этого моря. Явилась масса газетныхъ статей, брошюръ и книжекъ, такъ что по этому вопросу составилась съ теченіемъ времени цѣлая литература. Одни утверждали и доказывали, что Азовское море должно неминуемо быстро обмелѣть. Другіе говорили совершенно противное и, находясь подъ впечатлѣніемъ мѣстной злобы дня, готовы были подозрѣвать первыхъ чуть ли не въ зависти къ азовскимъ портамъ. По крайней мѣрѣ не разъ высказывалось такое мнѣніе, что одесситы говорятъ «дурно» объ Азовскомъ морѣ единственно лишь въ интересахъ своихъ новороссійскихъ портовъ. Люди, мрачно смотрѣвшіе на будущее Азовскаго моря, особенно упирали на засореніе его дна нецѣннымъ баластомъ, т. е., по просту сказать, кучами камней, сбрасываемыхъ въ море съ приходящихъ сюда кораблей.

Толки сдѣлались такъ оживленны, споры такъ горячи, что, наконецъ, въ 1861 году Академіей Наукъ и Русскимъ Географическимъ Обществомъ были избраны комиссіи для обсужденія вопроса объ обмелѣніи Азовскаго моря. Тогда оказалось, что со времени существованія самыхъ древнихъ свѣдѣній о Palus Maeotis—о Меотійскомъ болотѣ (такъ называлось въ древности море Азовское), въ бассейнѣ его ощутительнаго обмелѣнія указать невозможно. «Наибольшее ощутительное измѣненіе произошло въ той части моря, которая образуетъ переходъ отъ таганрогской бухты къ главному бассейну Азовскаго моря»,—говорилъ, напримѣръ, К. М. Бэръ. «Здѣсь произошли уменьшенія глубины отъ 1 до 10 фут. въ самомъ фарватерѣ, судя по промѣрамъ, сдѣланнымъ во времена Петра I. Такое наростаніе дна могло только быть нанесено изъ Таганрогскаго залива, который въ свою очередь получилъ его почти исключительно изъ Дона». Обѣ комиссіи сошлись въ томъ, что ошибочно приписываютъ обмелѣніе Таганрогскаго залива балласту, который иностранные корабли выбрасываютъ въ море, вмѣсто того, чтобы выгружать его на берегъ. Академическая комиссія сверхъ того еще пришла къ тому заключенію, что въ главномъ фарватерѣ Азовскаго бассейна глубина нисколько не уменьшилась со времени Полибія (150 лѣтъ до Р. Х.). А по мнѣнію комиссіи Географическаго общества, Донъ играетъ весьма видную роль въ произведеніи наносовъ.

Кромѣ тѣхъ наносовъ, которые отрываются Дономъ и его притоками отъ береговъ во время весеннихъ разливовъ, существуютъ еще болѣе объемистые наносы, сносимые снѣжными и дождевыми водами въ Донъ и въ его притоки изъ впадающихъ въ нихъ долинъ и овраговъ. Вслѣдствіе того фарватеръ рѣкъ быстро мѣняется. Почти каждый весенній разливъ стоитъ нашей торговлѣ новыхъ жертвъ. «Африканскія и азіатскія пустыни,—какъ остроумно замѣчаетъ Гельмерсенъ,—обозначаются нерѣдко скелетами падшихъ верблюдовъ—этихъ кораблей пустыни, а теченія нашихъ большихъ рѣкъ обозначены выставляющимися съ рѣчного дна скелетами погибшихъ судовъ...» Хотя Донъ, разумѣется, и осаждаетъ большую часть попадающихъ въ него глины и песку на своихъ берегахъ, въ своихъ бухтахъ и въ своемъ ложѣ, но все-таки несомнѣнно, что остатокъ этихъ наносовъ увлекается имъ ко впаденію въ Азовское море, такъ что этотъ небольшой и мелководный бассейнъ предназначенъ въ теченіе тысячелѣтій къ совершенному засоренію разными осадками. Азовское море, дѣйствительно, мелководно. Его наибольшая глубина въ фарватерѣ между Бердянскомъ и Керченскимъ проливомъ и прежде уже давно не превосходила 48 футовъ, а въ сѣверо-восточномъ углу моря передъ самою Донскою дельтою глубина его простирается отъ 3 до 9 фут. Отсутствіе приливовъ и отливовъ также способствуетъ мелководью моря, образованію наносовъ и развитію дельты. Постоянными наносами объясняется и мутность воды Азовскаго моря. Что Донъ, дѣйствительно, вліяетъ на обмелѣніе прибрежной морской полосы, доказывается тѣмъ, что когда въ 1812 году, однажды подъ вліяніемъ дувшей съ востока бури, уровень водъ въ Таганрогскомъ заливѣ упалъ чрезвычайно низко и дно морское обнажилось на много верстъ, то при этомъ случаѣ удобно можно было видѣть, что дно состоитъ преимущественно изъ мягкой глины (ила) и только лишь мѣстами изъ песку. Это—тотъ же самый глинистый илъ, что отлагается въ бухтахъ и на днѣ Дона. Такъ какъ Таганрогскій заливъ отдѣляется отъ моря пересыпью—косою Долгою, то большая часть донского песку, вѣроятно, остается въ лиманѣ. Глина, какъ извѣстно, легко переносится морскими теченіями, а песокъ остается или на береговомъ прибоѣ или, просто, вблизи берега и смѣшивается съ морскими раковинами, сначала въ весьма рыхлый, а затѣмъ иногда отвердѣвающій раковистый конгломератъ. Приращенію береговъ способствуютъ также глубокіе овраги, производящіе наносы. При этомъ должно замѣтить, что весь сѣверный, или точнѣе сѣверо-западный берегъ Азовскаго моря, отъ Геническаго пролива, соединяющаго Сивашъ съ Азовскимъ моремъ до устьевъ Дона, состоитъ изъ глинистыхъ и песчаныхъ обрывовъ, или крутыхъ скатовъ, возвышающихся мѣстами до 30 саж. и болѣе высоты. Но вообще эти наносы преимущественно размѣщаются у береговъ, не достигая средняго глу-

бокаго фарватера Азовскаго моря. (Въ фарватерѣ теченіе какъ до Азовскаго моря, такъ и въ проливѣ достигаетъ наибольшей силы). Таганрогскій же заливъ за послѣднее время сталъ до того мелководенъ, что восточныя бури, сгоняя воды на западъ, нерѣдко обнажаютъ пространство отъ устья Дона до Таганрога.

Такимъ образомъ, по изслѣдованіямъ двухъ ученыхъ комиссій оказывается, что Азовскому морю не угрожаетъ быстрое обмелѣніе. При этомъ приводятся и научныя доказательства и мнѣнія лицъ, весьма компетентныхъ... А противники, возражая на доводы коммиссій, говорятъ, что прежде, чѣмъ пользоваться изысканіями временъ Полибія, нужно подвергнуть эти изысканія строгой критической оцѣнкѣ, что для того, чтобы опираться на промѣры петровскихъ временъ, нужно еще доказать, что эти промѣры сдѣланы не приблизительно лишь вѣрно, но съ полною научной точностью. Критерія для провѣрки данныхъ въ томъ и другомъ случаѣ не существуетъ, а поэтому и невозможно «ничто же сумняшеся» что бы то ни было доказывать съ подобными фактами въ рукахъ... Противники доказываютъ, что немыслимо игнорировать совершенно выбрасываніе балласта при обсужденіи вопроса объ обмелѣніи моря.

Хотя ученыя экспедиціи и находятъ,—говорятъ они,—что Азовское море мелѣетъ медленно, постепенно, начиная отъ береговъ, что будто бы выбрасываемый балластъ не оказываетъ вліянія на обмелѣніе Азовскаго моря, но есть основаніе думать, что выбрасываніе балласта должно въ нѣкоторой степени участвовать въ обмелѣніи этого моря. Высчитываютъ, что иностранныя суда, приходившія за хлѣбомъ къ Азовскимъ портамъ, привозили каждый разъ до 3.000,000 пудовъ балласта и почти все это количество выбрасывалось въ море. Теченіе въ Азовскомъ морѣ не настолько сильно, чтобы выносить балластъ въ Черное море черезъ Керчь-Еникальскій проливъ. Слѣдовательно, онъ весь или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе значительная часть его остается въ этомъ бассейнѣ. Милліоны пудовъ камня, ежегодно нагружаемые въ море, конечно, должны рано или поздно воздѣйствовать надлежащимъ образомъ, если только они какимъ-нибудь сказочнымъ путемъ «не провалятся сквозь землю...» Не даромъ же Петръ I такъ строго грозилъ за каждый камень, брошенный въ Неву и въ каналы. И законодатель въ этомъ отношеніи сдѣлалъ свое дѣло. За выбрасываніе балласта въ недозволенныхъ мѣстахъ, законъ грозитъ денежнымъ штрафомъ (отъ 100 до 300 руб.), тюремнымъ заключеніемъ (отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года) и, наконецъ, запрещеніемъ впредь заниматься мореплаваніемъ. Но такъ какъ надлежащаго надзора не существуетъ, то законъ и осужденъ на бездѣйствіе, а между тѣмъ выбрасываніе балласта иностранными судами практикуется вотъ уже полвѣка, несмотря на громкія жалобы и сѣтованія прибрежнаго населенія. Такимъ же наказаніямъ подвергаются и тѣ, кто выбрасываетъ балластъ хотя и въ дозволенныхъ мѣстахъ, но безъ вѣдома таможни, а также въ ночную пору. Ясно, что законъ имѣлъ въ виду установить строгій надзоръ и контроль надъ выгрузкой балласта, чтобы ни одинъ камень не легъ на дно фарватера или рейда.

Въ то же время шкиперу выгоднѣе иногда заплатить штрафъ, чѣмъ терять время, когда ему дорогъ каждый часъ стоянки въ ожиданіи какой-нибудь лодки, чтобы сдать ей балластъ. Спеціально же предназначенныхъ лодокъ съ баржъ для принятія съ иностранныхъ судовъ балласта и доставки его на берегъ въ Азовскомъ морѣ до послѣдняго времени еще не существовало А въ Архангельскомъ портѣ, между тѣмъ, еще съ 1845 г. была организована однимъ частнымъ лицомъ правильная выгрузка балласта.

Доказательствомъ того, что не отъ однихъ наносовъ ила мелѣетъ Азовское море, приводятъ наблюденія надъ свойствомъ его дна. Въ 1863 г. около гавани въ Таганрогѣ, глубина фарватера была 11—12 фут. при мягкомъ грунтѣ, а въ настоящее время она не превышаетъ 7—8 фут. при твердомъ грунтѣ. Впрочемъ, теперь суда подходить близко уже не могутъ со своимъ балластомъ, такъ что Азовское море теперь станетъ уже мелѣть лишь отъ рѣчныхъ наносовъ,—добавляютъ противники двухъ вышеупомянутыхъ комиссій. До сихъ поръ таган-

рогскій портъ каждыя десять лѣтъ мелѣлъ на 1 футъ и, наконецъ, онъ до того обмелѣлъ, что суда, грузящіяся здѣсь, стоятъ ближе къ Маріуполю, чѣмъ къ Таганрогу. Петровская гавань, напримѣръ, основанная Петромъ I, и имѣвшая болѣе 8 футовъ глубины, не поддерживалась болѣе столѣтія, отчего стѣны ея совершенно разрушились, и сама она засорилась отъ наносовъ ила и песку, а большею частью засыпалась обвалами съ прилегающихъ къ ней береговъ.

Выслушавъ обѣ стороны и pro и contra, приходится придти къ тому заключенію, что никакой, такъ сказать, скоропостижной катастрофы для Азовскаго моря еще не предвидится, но тѣмъ не менѣе—фактъ безспорный и несомнѣнный, что Азовское море въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ мелѣетъ все болѣе и болѣе изъ году въ годъ. Нельзя также думать, чтобы балластъ, ежегодно выбрасываемый съ судовъ куда ни попало въ это и безъ того мелководное море, не содѣйствовалъ съ своей стороны до нѣкоторой степени обмелѣнію. Мѣсто для выбрасыванія балласта во всякомъ случаѣ должно быть точно указано портовымъ начальствомъ разъ и навсегда. Къ естественнымъ причинамъ обмелѣнія излишне присоединять еще искусственныя... Человѣкъ, смотря по требованіямъ культуры, долженъ или помогать силамъ природы, или же бороться съ ними и ихъ напору противопоставлять искусственныя преграды. Такъ и въ этомъ случаѣ человѣку слѣдовало бы не засаривать, а напротивъ расчищать дно такого мелководнаго бассейна, какъ Азовское море съ его заливами и проливами. Иногда человѣкъ именно такъ и поступаетъ...

Керченскій проливъ, напримѣръ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ и имѣющій 60 верстъ въ длину и отъ 12 до 14 в. въ ширину, съ нѣкотораго времени сталъ сильно мелѣть. При началѣ его (въ Черномъ морѣ) глубина его оказывалась свыше 60 фут., а при Азовскомъ морѣ—не болѣе 30. Въ самой же серединѣ проливъ раздѣляется какъ бы на двѣ части: сѣверную и южную. Первая изъ нихъ соотвѣтствуетъ характеру Азовскаго моря и имѣетъ глубину отъ 14 до 30 фут., а вторая нѣсколько сохраняетъ характеръ Чернаго моря и глубина ея отъ 22 до 60 фут. Наименьшая глубина фарватера на такъ называемомъ Еникальскомъ барѣ; тамъ въ 12 верстахъ отъ берега, близъ городка Еникале глубина равняется 14 фут., а въ другихъ мѣстахъ пролива—отъ 5 до 9 фут. И вотъ задумали углубить этотъ фарватеръ.

Такъ какъ здѣсь сильно теченіе по направленію къ Черному морю, то поэтому предполагали съузить фарватеръ бара посредствомъ насыпи, вслѣдствіе чего воды въ барѣ должны были бы подняться. Первый опытъ въ этомъ родѣ сдѣланъ былъ на Тузловской косѣ, противъ Павловской батареи, но затѣмъ его не повторяли, хотя опытъ и оказался удачнымъ. Затѣмъ пришли къ мысли устроить каналъ съ помощью землечерпателя, но впослѣдствіи всѣ толки замолкли. Наконецъ, въ 1875—1876 г., по распоряженію министерства путей сообщенія начали углублять проливъ посредствомъ землечерпанія. Глубина фарватера или канала по Еникальскому бару, гдѣ имѣлось прежде менѣе 18 фут., доведена была до 13 фут. при ширинѣ въ 30 саж. Навигація по каналу открылась въ сентябрѣ 1876 г., и мореходныя суда, имѣющія осадку не болѣе 18 фут., проходили проливъ безъ перегрузки. Впрочемъ, глубина легко можетъ быть доведена и до 20 фут., если расчистить незначительные наносы, образовавшіеся въ проливѣ.

Если относительно Азовскаго моря могутъ еще существовать pro и contra, то на счетъ Сиваша или Гнилого моря никакихъ сомнѣній уже возбуждаться не можетъ. Этотъ заливъ Азовскаго моря окончательно обмелѣлъ и превращается въ болото. Сивашъ, какъ извѣстно, отдѣляется отъ Азовскаго моря узкою и длинною, песчано-ракушечною полосою—Арабатскою косою или стрѣлкою, (отъ 1 до 3 вер. въ ширину и длиною въ 120 в.). Въ началѣ косы, въ 35 верстахъ отъ Ѳеодосіи, стоитъ упраздненная, еще турецкой постройки, крѣпость Арабатъ, какъ послѣднее воспоминаніе о минувшемъ мусульманскомъ владычествѣ, на берегу же пролива, соединяющаго Сивашъ съ Азовскимъ моремъ, раскинулось торговое мѣстечко Геническъ съ удобнымъ рейдомъ для стоянки каботажныхъ судовъ. Процессъ образованія и расширенія Арабат-

ской стрѣлки продолжается непрерывно и донынѣ: съ одной стороны ложатся наносы съ береговъ, окружающихъ Сивашъ, съ другой стороны—илъ и песокъ, выбрасываемые волненіемъ Азовскаго моря. Во время сильныхъ бурь при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Арабатской стрѣлки образуются «водороины» и даже случаются прорывы этой косы, не глубокіе, но довольно широкіе, которые затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ засыпаетъ пескомъ. Съ зимы 1848 года существуетъ 8 такихъ мѣстъ, ясно видимыхъ и понынѣ.

Геническій проливъ, соединяющій Сивашъ съ Азовскимъ моремъ,—узкій, извилистый, длиною около 2 верстъ, глубиною отъ 15 до 16 фут., при ширинѣ отъ 43 до 150 саж. Впрочемъ, глубина его мало-по-малу уменьшается вслѣдствіи наносовъ со стороны Азовскаго моря. Теченіе, направляющееся изъ Азовскаго моря въ Сивашъ, пополняетъ убыль, происходящую отъ испаренія съ его мелководной поверхности, изрѣзанной островами и косами. Испареніе же бываетъ здѣсь лѣтомъ такъ велико, что, несмотря на сильное теченіе изъ Азовскаго моря, убыль водъ Сиваша не успѣваетъ наполняться водами Азовскаго моря. Горизонтъ Сиваша при этомъ опускается фута на 2 и даже болѣе, причемъ осыхаетъ до $^1/_3$ всей его поверхности и обозначается множество косъ и островковъ, прежде скрывавшихся подъ водою. Отъ города Перекопа, стоящаго въ 4 верстахъ отъ Сиваша, вода въ это время отходитъ верстъ на 40; отъ Арабата, стоящаго при самомъ Сивашѣ, отходитъ она верстъ на 10 и т. д. Сивашъ, очевидно, долженъ превратиться въ громадное озеро, а затѣмъ совсѣмъ осохнуть. Всѣ безъ исключенія соляныя озера, лежащія по берегамъ Сиваша, Чернаго и Азовскаго морей, образовались именно такимъ образомъ: и тутъ и тамъ процессъ одинъ и тотъ же, то есть, сначала является коса, подобная Арабатской стрѣлкѣ, а затѣмъ она соединяется съ противолежащимъ берегомъ и замыкаетъ собой водное пространство, обращая его въ солеводное озеро. Шейхъ-Элинское озеро, напримѣръ, создано искусственно изъ залива Сивашъ: для этого только замкнули плотинами проливъ, соединявшій его съ Сивашемъ. Соляныя озера съ теченіемъ времени превращаются въ низменныя долины, такъ называемые «поды». Многія изъ нынѣ существующихъ озеръ, какъ, напримѣръ, Чокракское, Кермутское и другія, еще на памяти старожиловъ соединялись съ Сивашемъ и съ Азовскимъ моремъ, а нынѣ уже совершенно отдѣлены отъ нихъ и уменьшаются въ объемѣ. Долго ждать, когда Сивашъ высохнетъ окончательно самъ. Предлагаютъ воспользоваться указаніями на этотъ счетъ самой природы и ускорить искусственно осушеніе Сиваша. Стоитъ лишь замкнуть Геническій проливъ плотиной и укрѣпить въ нѣсколькихъ мѣстахъ Арабатскую стрѣлку въ предупрежденіе прорывовъ,—и Сивашъ быстро обратится въ соляное озеро, а впослѣдствіи въ массу болѣе мелкихъ озеръ и дастъ большое количество плодородной земли. Какъ только притокъ воды изъ Азовскаго моря прекратится, такъ тотчасъ же и убыль воды въ Сивашѣ отъ испаренія не будетъ пополняться и уровень воды въ немъ быстро понизится, причемъ сначала, разумѣется, обсохнутъ мелководные заливы, косы и островки, а болѣе глубокія мѣста образуютъ солеродныя озера.

Нѣкоторые возстаютъ противъ осушенія Сиваша. Они говорятъ: Сивашъ, соединяясь съ Азовскимъ бассейномъ, при сильныхъ восточныхъ вѣтрахъ, способствуетъ поглощенію водъ Азовскаго моря и, такимъ образомъ, существуя какъ бы на его счетъ, уменьшаетъ его глубину. Утверждаютъ даже, что нужно осушить Сивашъ. Но когда крымскія соляныя озера истощатся, а это время должно наступить (при существованіи желѣзной дороги въ Крымъ—выволочка соли усилится повсемѣстно), тогда Сивашъ, насыщенный солью до 8° по по ареометру Боме (т. е. не менѣе нѣкоторыхъ соляныхъ озеръ), послужитъ для тысячи промышленниковъ неистощимымъ резервуаромъ для добыванія соли. Дѣйствительность этого уже доказана въ 1820 г. землевладѣльцемъ Рыковымъ, который отводомъ изъ Сиваша воды получилъ въ достаточномъ количествѣ и прекраснаго качества соль. Естественно, что чѣмъ дольше Сивашъ останется неприкосновеннымъ, тѣмъ больше въ немъ окажется соляныхъ частей, какъ из-

вѣстно, осаждающихся послѣ испареній тѣхъ водъ, которыя вносятся въ бассейнъ его изъ Азовскаго моря и дождевыми потоками.

Но дѣло въ томъ, что Сивашъ и безъ того высохнетъ и, конечно, высохнетъ. Поддерживать же его искусственно нѣтъ достаточнаго резона, потому что громадныя затраты, употребленныя, напримѣръ, на его углубленіе, не окупились бы въ этомъ случаѣ.

Коль скоро рѣчь зашла о проектахъ, такъ или иначе касающихся Чернаго или Азовскаго моря, то мы должны, хотя вкратцѣ, упомянуть объ одномъ довольно грандіозномъ и старинномъ проектѣ, вновь предложенномъ въ недавнее время. Мы говоримъ о проектѣ соединенія Чернаго моря съ Каспіемъ. Эта мысль—не новая; она уже живетъ три вѣка. Даже и проектъ уже не разъ начинали приводить въ исполненіе, но... неудачно. Первый рѣшился осуществить этотъ заманчивый проектъ султанъ Селимъ, когда еще турки владѣли Дономъ. Онъ началъ было строить каналъ между Волгой и Дономъ, слѣды котораго сохранились и понынѣ. Но каналъ проводился безъ нивеллировки, на авось—и неудачно. Петръ I, овладѣвъ Азовомъ, также принялся было строить каналъ, сначала параллельный Селимовскому, а затѣмъ, когда этотъ каналъ опять-таки оказался неудачнымъ, принялся за другой каналъ, но войны съ Швеціей отвлекли вниманіе Петра отъ этого уголка его обширнаго царства, и Петръ послѣ того уже сосредоточилъ все свое стараніе, всю свою желѣзную энергію на томъ, чтобы укрѣпиться на балтійскихъ берегахъ... Въ концѣ прошлаго столѣтія академикъ Палласъ обратилъ вниманіе на Манычскую низменность—громадный оврагъ, идущій отъ Каспія къ Азовскому морю. Тутъ онъ напалъ на мысль о возможности соединенія этихъ морей черезъ Манычъ. Послѣ него Манычъ изучали Парротъ, Деволайтъ, Бэръ и другіе.

Должно замѣтить, что отъ лимана Маныча къ Дону течетъ западный Манычъ, а къ сторонѣ Каспійскаго моря—восточный Манычъ. Такимъ образомъ, собственно говоря, каналъ между Каспіемъ и Азовскимъ моремъ уже почти совсѣмъ готовъ: стоитъ лишь его расчистить и регулировать. Только горе въ томъ, что въ Манычѣ мало воды: весной онъ, правда, многоводенъ, но лѣтомъ зато пересыхаетъ, особенно восточный Манычъ. Въ Манычъ впадаетъ лишь маловодная рѣчка Калаусъ, текущая съ сѣверныхъ отроговъ Кавказскихъ горъ. По сосѣдству, нѣсколько южнѣе и выше Маныча, течетъ Кума, но водъ ея также недостаточно. Въ шестидесятыхъ годахъ комиссія изъ профессоровъ Барботъ де-Марни, Костенко и другихъ нашла большія трудности для устройства канала по Манычу. Въ недавнее время г. Даниловъ снова выступилъ съ этимъ проектомъ. Онъ предложилъ отвести воды Терека и Кубани къ Манычу. Воду придется вести издалека, каналъ будетъ простираться верстъ на триста, но за то при помощи его, по указаніямъ г. Данилова, можно будетъ обходить мелководныя устья Волги—истинное бѣдствіе для судоходства, а также миновать и донскія гирла, страдающія отъ наносовъ. Не трудно доказать, что осуществленіе подобныхъ проектовъ—еще далеко въ будущемъ...

Изъ всего сказаннаго читатель уже самъ видитъ, что судоходство на Черномъ морѣ встрѣчаетъ вмѣстѣ съ большими удобствами и большія затрудненія. Оно находитъ удобства въ томъ, что море—глубоко, что нѣтъ въ немъ подводныхъ камней, нѣтъ отмелей въ открытомъ морѣ; не говоримъ уже о томъ, что положеніе, занимаемое этимъ моремъ между двумя частями свѣта Европой и Азіей, представляетъ большія выгоды и удобства для судоходства. Должно къ этому еще прибавить и то, что море не замерзаетъ, за исключеніемъ лишь сѣверныхъ береговъ, и поэтому почти круглый годъ открыто для плаванія. Все это, конечно, такія достоинства, что ихъ нельзя не цѣнить и съ мореходной и вообще съ культурной точки зрѣнія. Если Финскій заливъ служитъ окномъ въ Европу, то Черное море служитъ окномъ разомъ и въ Европу и въ Азію...

Но Черное море представляетъ для судоходства и крупныя неудобства. Во первыхъ, не мало стѣсняютъ судоходство тѣ страшныя бури, какія періодически разражаются надъ этимъ моремъ, особенно въ восточной его части. Во вторыхъ, для судоходства крайне

неудобны тѣ измѣненія, которыя производитъ обмелѣніе устьевъ рѣкъ, заливовъ и даже цѣлыхъ частей моря, — какъ мы уже видѣли отчасти на примѣрѣ Азовскаго моря и Сиваша. Въ третьихъ, у черноморскихъ береговъ—низкихъ на сѣверѣ и гористыхъ на востокѣ —очень мало удобныхъ гаваней для морскихъ судовъ. О силѣ и свирѣпости бурь уже сказано достаточно для того, чтобы читатель имѣлъ о нихъ приблизительно вѣрное понятіе. Объ обмелѣніи устьевъ рѣкъ и заливовъ также мы уже говорили—и теперь намъ остается дать въ этомъ отношеніи лишь нѣсколько живыхъ описаній.

Таганрогскій заливъ, напримѣръ, какъ уже сказано, сильно обмелѣлъ. Вслѣдствіе этого глубоко сидящія суда становятся на якорь въ 15 или даже въ 25 верстахъ къ юго-западу отъ Таганрога и принуждены получать свои хлѣбные грузы черезъ посредство каботажныхъ судовъ. Такой способъ нагрузки, разумѣется, имѣетъ большія невыгоды... По Очаковскому каналу въ Днѣпровскомъ лиманѣ, гдѣ двадцать лѣтъ тому назадъ проходили сто-пушечные линейные корабли, нынѣ, вслѣдствіе засоренія канала, отходящіе изъ Николаева коммерческіе пароходы не грузятся болѣе, какъ на 16 фут. Это обстоятельство, понятно, составляетъ новый налогъ на наши произведенія, новую трату денегъ и потерю времени, такъ какъ глубоко сидящія паровыя суда, для прохода черезъ баръ, вынуждены брать съ собою дорогія подгрузки. При этомъ нерѣдко подмачиваютъ грузы при дождливой погодѣ и теряютъ въ разсыпкѣ значительное количество зерна. Такъ, напримѣръ, въ навигацію 1879 г. изъ 434 приходившихъ въ Николаевъ, пароходовъ, 189 перегружали на Очаковскомъ барѣ до 467,000, четвертей; считая трату $1/2$% и всѣ расходы по перегрузкѣ по 70 коп. за четверть - составится сумма въ 327,000 руб. Къ этому еще надо прибавить потерю времени—по два дня на каждый пароходъ (по 30 фунт. стерлинговъ въ сутки), что составитъ до 418,000 руб. И всѣ эти деньги платятся напрасно за неисправное содержаніе корабельнаго канала, вслѣдствіе чего фрахтъ отъ Николаева до Лондона увеличивается иногда противъ Одессы до 7 шиллинговъ съ тонны. Нерѣдко бываетъ, что пароходъ платитъ за одну перегрузку до 7,000 руб. Увеличеніе фрахта происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что ни одинъ капитанъ судна не можетъ расчитать впередъ того расхода, который потребуется на перегрузку, и того количества дней, которое придется непроизводительно потерять въ Очаковѣ.

Главнымъ виновникомъ здѣсь, слѣдовательно, оказывается Очаковскій баръ. А этотъ баръ между тѣмъ одинъ изъ самыхъ жидкихъ и — вслѣдствіе того весьма удобный для очистки и поддерживанія его на извѣстной глубинѣ. Пароходы, чтобы не брать лишнюю перегрузку, грузятся на футъ и даже на $1\frac{1}{2}$ болѣе, чѣмъ позволяетъ глубина воды въ каналѣ, и проходятъ каналъ, *углубляясь* на футъ или на $1\frac{1}{2}$ въ *илъ*. По-просту сказать, суда идутъ по грязи... При этомъ только стараются—при входѣ въ каналъ—принимать направленіе наиболѣе правильное, т.-е. параллельно оси канала, потому что въ мелководіи, а тѣмъ болѣе врѣзавшись въ грунтъ, судно «не слушается руля» и подвигается впередъ по разъ принятому направленію. Судамъ ходить по грязи оказывается очень неудобно, потому что, плавя по грязи, они уже не въ состояніи поворачиваться или, какъ выражаются моряки, «слушаться руля»...

Недостатокъ удобныхъ безопасныхъ гаваней также неблагопріятно отражается на нашемъ судоходствѣ.

На восточномъ побережьи Чернаго моря, напримѣръ, даже трудно указать на такую гавань изъ числа существующихъ, которую можно было бы назвать вполнѣ удобною гаванью во всѣхъ отношеніяхъ. Новороссійская бухта защищена отъ морскихъ вѣтровъ, но подвержена сильному сѣверо-восточному вѣтру, который дуетъ здѣсь періодически круглый годъ. Зимою, а иногда осенью и весною, онъ разражается здѣсь съ такою силою, что пароходы не могутъ войти въ бухту. Иногда эта «бора» разражается съ быстротой и силой урагана. Во время большой «боры» судамъ не мыслимо стоять въ бухтѣ. Судно, затѣтивъ наступленіе

вѣтра, или спѣшитъ скорѣе выбраться въ открытое море или, захваченное въ бухтѣ, только съ трудомъ держится, подходя возможно ближе къ подвѣтренному берегу, бросая два якоря и давая машинѣ полный ходъ противъ вѣтра. Но иногда и это не помогаетъ: бывали случаи, что суда все таки выбрасывало на берегъ. Вѣтеръ, начавшись въ степяхъ южной Россіи, а можетъ быть даже и въ Сибири или на Ледовитомъ океанѣ, проходитъ на Кубанскую низменность и оттуда уже, переваливъ черезъ небольшое предгоріе Кавказскаго хребта, направляется на Новороссійскую бухту. Тогда бухта начинаетъ вся волноваться и представляется въ видѣ громаднаго кипящаго котла. Возникаетъ какой-то хаосъ, въ которомъ не возможно оріентироваться, не возможно различить ни неба, ни воды,—видны только пѣна, брызги и клубы пара. Брызги летятъ на громадное разстояніе и покрываютъ Новороссійскъ «ожеледью». Вѣтеръ иногда достигаетъ такой силы, что срываетъ крыши, выламываетъ двери и рамы, несетъ большіе камни и т. д. Кромѣ того, сѣверо-восточный вѣтеръ сильно понижаетъ температуру. Когда снасти и борты судна обдаются брызгами и покрываются ожеледью, когда экипажъ, раздѣленный на нѣсколько смѣнъ, не успѣваетъ обрубать ледъ, тогда судну грозитъ опасность затонуть. Такимъ образомъ, сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій иногда долѣе мѣсяца, дѣлаетъ Новороссійскую бухту неудобною для порта. Конечно, это—дурная гавань, если суда во время бури не всегда могутъ войти въ нее, а вошедшія суда иногда должны уходить изъ нея въ открытое море, чтобы спастись отъ крушенія...

Много составлялось проектовъ для устраненія этого неудобства: предлагалось, напримѣръ, сдѣлать по берегу стѣну или насыпь, предлагалось развести лѣсъ по склону горъ, (такъ какъ на склонахъ горъ здѣсь растетъ лишь низменный кустарникъ, ибо сѣверо-восточный вѣтеръ —сухой и холодный—неблагопріятствуетъ растительности); наконецъ, предлагали срыть перевалъ (слишкомъ 2,000 футовъ), изъ-за котораго наносится этотъ гибельный, невыносимый вѣтеръ. На все это, разумѣется, предвидятся значительные расходы, а польза отъ всего этого—очень сомнительна...

Посмотримъ далѣе... Геленджикская бухта, на 40 верстъ южнѣе Новороссійской, съ такими же недостатками, но меньше и вообще не имѣетъ удобствъ Новороссійской бухты. Анапская бухта—на 60 верстъ сѣвернѣе, открыта морскимъ вѣтрамъ и притомъ еще мелководна. Туапсинская бухта оказывается наиболѣе удобною. Отъ западныхъ вѣтровъ, дующихъ здѣсь, бухта можетъ быть легко защищена. Знающіе люди говорятъ, что достаточно близъ нея насыпать небольшой молъ, а вдоль мола—въ силу наносовъ, происходящихъ на восточномъ берегу Чернаго моря—отъ сѣвера къ югу уже сама собой быстро образуется коса, которая и будетъ защищать рейдъ отъ западныхъ вѣтровъ. Сухумская бухта также сильно страдаетъ отъ южныхъ и западныхъ вѣтровъ, и для защиты ея потребуются капитальныя затраты. Наконецъ, Потійскій рейдъ, положительно, мелководенъ. Въ этомъ случаѣ пріобрѣтеніе Россіею прекрасной батумской бухты является пріобрѣтеніемъ очень цѣннымъ. Дважды Россія завоевывала эту мѣстность и, наконецъ, завоевала окончательно. Русскіе завоевали Батумъ еще въ 1829 г. Онъ не отошелъ тогда къ Россіи, лишь благодаря недоразумѣнію, вкравшемуся въ трактатъ, причемъ смѣшали двѣ рѣчки—Чорокъ и Чолокъ, одна изъ которыхъ протекаетъ по сю сторону, а другая—по ту сторону Батума.

Понятно послѣ всего этого, что наше судоходство на Черномъ морѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ встрѣчаемыхъ имъ затрудненій, развивается медленно и туго. А отсюда же и происходятъ, между прочимъ, такого рода явленія. На Кавказѣ растутъ, напримѣръ, всѣ сорта винограда, а винодѣліе тамъ между тѣмъ не развивается или, по крайней мѣрѣ, развивается далеко не въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ должно и могло бы развиваться; на Кавказѣ глыбы каменнаго угля, можно сказать, сами лѣзутъ изъ земли,—въ тквибульскихъ копяхъ, близъ Кутаиса, залежь угля простирается до 64.000,000 пудовъ, а мы его выписываемъ изъ Англіи; на Кавказѣ хорошо родится хлопокъ, удачно идетъ шелководство, знакомое тамъ еще со временъ глубокой

древности, а мы получаемъ ткани изъ-за границы; на Кавказѣ отлично растутъ фруктовыя деревья всевозможныхъ породъ и сортовъ, а мы получаемъ сухiе фрукты изъ Персiи и Турцiи; кавказскiя горы и долины представляютъ чудесныя пастбища, а скотоводство не развивается... Кавказъ—одна изъ богатѣйшихъ и лучшихъ нашихъ провинцiй—только ждетъ прихода къ себѣ людей сильныхъ, энергичныхъ, предпрiимчивыхъ, которые вызвали бы этотъ край, эти берега къ жизни и къ кипучей, плодотворной дѣятельности.

Сообщенiе по Черному морю производится близъ кавказскихъ береговъ при помощи филюгъ (такъ называются здѣсь парусныя лодки), при помощи военныхъ шкунъ, а вообще же и повсюду, главнымъ образомъ, на коммерческихъ пароходахъ «Русскаго общества пароходства и торговли». Военныя шкуны не отличаются особенною правильностью и опредѣленностью рейсовъ: ихъ иногда приходится ждать очень подолгу. Будучи вѣстовыми судами въ военное время и предназначенныя въ мирное время для нуждъ прибрежнаго населенiя, эти шкуны находятся въ вѣдѣнiи мѣстной администрацiи. Администрацiя можетъ предписать шкунѣ идти сюда или туда, но не можетъ требовать немедленнаго исполненiя своего приказанiя, потому что, еслибы шкуна пострадала отъ непогоды, вся отвѣтственность легла бы на администрацiю. А администрацiи, понятно, вовсе не желательно принимать на свой счетъ отвѣтственность за судно, которое и безъ того по большей части отличается какимъ-то инвалиднымъ характеромъ и «крайнею преклонностью лѣтъ». Поэтому нерѣдко бываетъ и такъ, что въ то время, какъ иностранныя суда и наши коммерческiе пароходы благополучно ходятъ по морю, шкуны непоколебимо стоятъ на якорѣ, при чемъ капитаны, обыкновенно, ссылаются въ свое оправданiе на показанiя барометра, на неисправность машины, на ветхость судна и тому подобные совершенно уважительные мотивы. Шкуны, слѣдовательно, являются средствомъ сообщенiя совершенно случайнымъ. Да притомъ же для того, чтобы ѣхать на шкунѣ или везти какой-нибудь грузъ, нужно представить формальное дозволенiе отъ кого слѣдуетъ.

Филюги и баркасы, развозящiе провiантъ по постамъ и предназначенные въ остальное время, между прочимъ, и для нуждъ поселенцевъ, также не всегда безъ большого труда добываютси жителями у завѣдывающаго ими лица. Къ тому же, филюги и баркасы ходятъ не во всякую погоду, не всякiй грузъ берутъ на себя и вообще представляютъ нѣкоторый рискъ для отправителя.

Пароходы же «Русскаго общества пароходства и торговли» совершали до сего времени зимою только одинъ рейсъ въ недѣлю, а затѣмъ обязанные заходить по пути въ каждый портъ, они пользуются всякимъ удобнымъ и неудобнымъ предлогомъ и, случается иногда, по цѣлымъ мѣсяцамъ не заходятъ въ нѣкоторые незначительные порты. А въ этихъ портахъ и въ окрестности ихъ также живутъ люди, нуждающiеся въ сообщенiяхъ съ остальнымъ живымъ мiромъ... Но у пароходовъ на этотъ счетъ «бываетъ свой умыселъ» или, вѣрнѣе сказать, свой расчетъ. Пароходамъ выгоднѣе проходить мимо небольшихъ городовъ, давать грузу накопляться все болѣе и болѣе, а затѣмъ уже впослѣдствiи времени брать его разомъ, когда груза уже будетъ достаточно для полной нагрузки парохода. Вслѣдствiе такихъ-то комбинацiй и глубокомысленныхъ расчетовъ и происходитъ то, что грузы, вывезенные на пристань, часто не принимаются по недостатку мѣстъ на пароходѣ. Значитъ, расчетливость тутъ уже хватила черезъ край... А на пристаняхъ, между тѣмъ, куда вывезенъ и сваленъ грузъ, нѣтъ не только надлежащимъ образомъ устроенныхъ пакгаузовъ, но нѣтъ нигдѣ даже самыхъ простыхъ, патрiархальныхъ сараевъ, а поэтому товары, принужденные подолгу лежать подъ открытымъ небомъ, иногда усердно поливаются дождемъ, обдуваются вѣтрами и вообще сильно портятся, въ особенности такiе товары, какъ, напримѣръ, табакъ, кукуруза, хлѣбное зерно и прочее.

«Русское общество пароходства и торговли», какъ уже извѣстно, общество-привиллегированное, взысканное «великими и богатыми милостями», которыя выражаются правительственной

субсидіею, въ видѣ помильной платы. Это общество легко успѣло подавить всякую конкуренцію и сдѣлаться монопольнымъ, а отсюда и произошли капитальныя неудобства для нашей черноморской промышленности и торговли. Отсюда произошла и дороговизна тарифа. Лѣтъ семь тому назадъ одесскій комитетъ торговли и мануфактуръ сообщалъ, что за отправку 1 пуда товара отъ Одессы до Николаева «Русское общество» беретъ 9 коп., а иностранныя суда до Лондона взимаютъ только 14 коп. Товары при этомъ до послѣдняго времени перевозились довольно небрежно, иногда на палубахъ и почти никогда не приходили во время. Почта, доставка которой лежитъ на обязанности общества, доставлялась несвоевременно, и восточный берегъ Чернаго моря иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вслѣдствіе того являлся какъ бы отрѣзаннымъ отъ остального міра. Все это, разумѣется, не въ состояніи способствовать развитію промышленности и торговли края.

Вообще не мало слышалось до послѣдняго времени жалобъ на «Русское общество пароходства и торговли». Такъ, напримѣръ, указывали на то, что на пароходахъ общества для палубныхъ пассажировъ не имѣется крытыхъ помѣщеній, не имѣется даже опредѣленныхъ мѣстъ; служащіе помыкаютъ ими, какъ вздумается, перегоняютъ отъ одного борта къ другому, съ носа на корму, заваливаютъ ихъ тюками товаровъ или сажаютъ въ трюмъ...

Въ Азовскомъ морѣ, вслѣдствіе мелководья, развился каботажъ (прибрежное плаваніе), но наши каботажныя суда, не отказываются и отъ дальнаго плаванія. Русскій шкиперъ при этомъ идетъ на глазъ, пренебрегая заморскими хитростями—въ родѣ компаса. Въ попутныхъ портахъ онъ объясняется на самомъ международномъ языкѣ—знаками, такъ какъ знаетъ только одинъ родной языкъ. Сдать по адресу грузъ и вообще выполнить всю процедуру съ иностранными таможнями онъ можетъ легко, ибо безъ всякаго затрудненія вездѣ, гдѣ надо, ставитъ свой крестъ, замѣняющій подпись. Отваженъ русскій человѣкъ... Какъ уже сказано, по мелководью Азовскаго моря, большія суда не могутъ подходить къ самымъ портамъ и должны останавливаться иногда въ верстахъ 12 отъ берега. Вотъ тутъ-то, главнымъ образомъ, каботажныя суда и проявляютъ свою дѣятельность, подвозя къ большимъ судамъ зерновой хлѣбъ и вообще всякій грузъ, предназначающійся для нихъ. Нѣкоторые грузоотправители заводятъ свои собственныя суда и къ иностраннымъ шкиперамъ не обращаются, но работы все-таки достаточно, и цѣны за каботажъ, обыкновенно, довольно высоки, только въ случаѣ неурожаевъ нашъ каботажъ остается въ проигрышѣ.

Въ обычное время заработокъ каботажнаго судна въ теченіе одной навигаціи, т.-е. въ 7 мѣсяцевъ, покрываетъ большею частію всѣ расходы по постройкѣ судна. Вотъ приблизительный расчетъ: судно въ 350 четвертей вмѣстимостью обходится въ 750—1,500 руб. безъ такелажа, а съ такелажемъ въ 1,500 и 3,000 руб. Въ 7 мѣсяцевъ судно можетъ сдѣлать отъ 8 до 12 рейсовъ отъ пристани къ кораблю и, слѣдовательно, перевезетъ отъ 2,800 до 4,200 четвертей. За провозъ изъ Ростова на рейдъ платится, напримѣръ, отъ 20 до 80 коп. и даже иногда до 1 руб. 25 коп., а изъ Таганрога—отъ 15 до 60 коп. Значитъ, по этому расчету, каботажное судно можетъ получить въ 8 рейсовъ отъ 600 до 2,800 руб., а при 12 рейсахъ—отъ 1,000 до 4,200 руб. Но все-таки каботажъ на Черномъ морѣ далеко не такъ развитъ, какъ можно было бы желать и ожидать. Если мы поглубже вникнемъ въ это дѣло, то увидимъ безъ труда, вслѣдствіе какихъ неотразимыхъ—естественныхъ и экономическихъ условій—не можетъ развиваться вполнѣ удовлетворительно каботажъ на Черномъ морѣ.

Мореходный промыселъ, обыкновенно, начинается съ каботажа, то-есть съ берегового и вообще недальняго плаванія и съ рыболовства. Эти два промысла прежде всего образуютъ матроса—человѣка, съ юныхъ лѣтъ привыкающаго къ водѣ, къ морю. А между тѣмъ, въ виду уже очерченнаго нами положенія береговъ Чернаго моря и современнаго состоянія его гаваней, ни рыболовство, ни каботажъ не въ состояніи развиваться во всю ширь и во всю мощь. Каботажныя суда на Черномъ морѣ не могутъ совершать правильныхъ рейсовъ, ен

могутъ во всякое время грузиться и разгружаться, не могутъ даже стоять передъ городомъ, когда это бываетъ нужно, но вполнѣ зависятъ отъ состоянія погоды—отъ вѣтра, отъ тучъ и отъ морского волненія. Словомъ, они лишены возможности правильно работать и опредѣлять впередъ выгоды и риски. На открытомъ побережьи Чернаго моря, безъ устройства безопасныхъ портовъ, каботажъ не могъ создаться вполнѣ успѣшно. Затѣмъ для того, чтобы перевозка была дешева, нужно, чтобы судно въ оба конца ходило непремѣнно съ грузомъ, а не было бы вынуждено въ одинъ конецъ идти пустымъ, съ балластомъ. Необходимо, слѣдовательно, чтобы плаваніе совершалось между такими пунктами, которые имѣютъ различную производительность и которые поэтому могли бы мѣняться своими произведеніями. Только въ такомъ случаѣ судно въ оба пути ходило бы съ грузомъ, брало бы дешевле за перевозку и плаваніе, доставляло бы несомнѣнныя и очевидныя выгоды. Но этого-то именно и нѣтъ на Черномъ морѣ. Все сѣверное Черноморское побережье торгуетъ одними и тѣми же произведеніями и на иностранныхъ корабляхъ сбываетъ ихъ за границу. Нашимъ же каботажнымъ судамъ между портами сѣвернаго берега Чернаго моря очень затруднительно находить обратные грузы и потому имъ представляется менѣе выгодъ, чѣмъ могло бы быть при иномъ порядкѣ вещей. Вся дѣятельность нашихъ каботажныхъ судовъ, какъ извѣстно, до послѣдняго времени была направлена главнымъ образомъ къ нагрузкѣ иностранныхъ кораблей, которые по мелководью не могутъ подходить близко къ нашимъ портамъ, какъ особенно, напримѣръ, въ Азовскомъ морѣ. Но съ увеличеніемъ числа буксирныхъ пароходовъ и паровыхъ баржъ и этотъ послѣдній заработокъ для нихъ значительно сократился, а новыхъ грузовъ экономическое развитіе нашего юга между-тѣмъ еще не создало для каботажа.

Существуютъ, напримѣръ, у насъ въ донецкомъ бассейнѣ богатыя залежи каменнаго угля, но не ближе 100 верстъ отъ берега, и перевозка его на этомъ протяженіи на столько затруднительна, что и до сихъ поръ англійскій уголь, доставляемый въ Одессу, легко конкуррируетъ съ русскимъ углемъ, доставляемымъ изъ Азовскихъ портовъ на нашихъ судахъ... Въ то же время, если присмотрѣться поближе, естественныя богатства и производительность восточнаго побережья Чернаго моря совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, какія представляютъ намъ сѣверныя берега этого моря. На восточномъ побережьи именно есть то, чего нѣтъ на сѣверномъ и наоборотъ. На сѣверномъ побережьи, напримѣръ, много хлѣбныхъ продуктовъ и соли, а нѣтъ лѣсу и многаго другого. На восточномъ нѣтъ соли и культура хлѣба не совѣмъ удобна мѣстами, но зато здѣсь есть лѣсъ, фрукты, табакъ, можетъ успѣшно развиваться винодѣліе и шелководство и т. п. Такимъ образомъ, оба эти берега какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга и обмѣнъ произведеній между ними составляетъ условіе, одинаково необходимое для ихъ взаимнаго благосостоянія. Вотъ это-то обстоятельство и даетъ возможность надѣяться на блестящее будущее для Чернаго моря, надѣяться на то, что судоходство на немъ достигнетъ со временемъ большого развитія...

И теперь южный нашъ край обязанъ развивающимся въ немъ благосостояніемъ сосѣдству морей Чернаго и Азовскаго, которыя открываютъ ему широкое поприще для торговыхъ сношеній съ южною Европой, съ Азіей и съ Африкой. Правда, вліяніе этихъ морей на природу страны, т.-е. на ея орошеніе и климатъ, весьма незначительно, такъ какъ по ограниченности своихъ размѣровъ эти моря доставляютъ странѣ очень небольшое количество осадковъ, не вполнѣ достаточное какъ для орошенія почвы, такъ и для пополненія рѣкъ, заимствующихъ запасы воды изъ странъ, лежащихъ далѣе къ сѣверу. Но доступъ къ этимъ морямъ не затруднителенъ по близости ихъ, и это-то обстоятельство чрезвычайно важно, потому что оно обезпечиваетъ жителямъ вѣрный сбытъ произведеній этого, по истинѣ, богато-одареннаго края. Удобство сбыта воднымъ путемъ, даже при всѣхъ существующихъ нынѣ затрудненіяхъ, все-таки развиваетъ и поддерживаетъ дѣятельность и предпріимчивость въ народонаселеніи южной Россіи, и народонаселеніе вслѣдствіе того пользуется (сравнительно) значительнымъ

достаткомъ. Торголя этого края принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры и производится черезъ черноморскіе и азовскіе порты, черезъ Одессу, Ѳеодосію, Керчь, Бердянскъ и Таганрогъ. Главный предметъ сбыта составляетъ пшеница, а затѣмъ—шерсть, сало, кожи, льняное и конопляное сѣмя и другія произведенія сельско-хозяйственной культуры. Привозъ же главнымъ образомъ исчерпывается колоніальными товарами, красками, хлопкомъ и проч. Близость моря и главныхъ пунктовъ внѣшней торговли облегчаютъ даставку къ нимъ мѣстныхъ продуктовъ; даставка производится или, просто, на подводахъ, или по желѣзнымъ дорогамъ: Одесско-Балтской и Одесско-Тераспольской, Харьково-Таганрогской, Воронежско-Ростовской,—или же, какъ уже сказано, при помощи каботажнаго судоходства.

Теперь, читатель, мы спустимся мысленно въ подводный міръ Черноморскаго бассейна—для того, чтобы познакомиться со всѣмъ разнообразіемъ его естественныхъ богатствъ.

Долго думали, что подводная растительность Чернаго моря очень однообразна, ничтожна и бѣдна. Долго существовало такое заблужденіе. Въ прошломъ столѣтіи и до 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка учеными (Dumont-D'Urville, Agardh и др.), было описано лишь до 70 видовъ и разновидностей водорослей Чернаго моря. Въ настоящее время черноморскихъ водорослей уже насчитываютъ до 200 видовъ и разновидностей. Наши молодые ученые своими изслѣдованіями доказали, что черноморская флора вовсе не такъ бѣдна и незначительна, какъ думали о ней во дни оны. Съ каждымъ новымъ научнымъ изслѣдованіемъ черноморская флора оказывается все богаче и богаче. Хотя въ то же время подтверждается тотъ фактъ, что высшихъ формъ нѣкоторыхъ порядковъ въ Черномъ морѣ, дѣйствительно, не существуетъ, но причину этого явленія едва ли возможно объяснить малосольностью воды, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые. Вѣдь условія существованія всякаго рода органическихъ формъ слагаются изъ такого множества разнообразныхъ явленій, что приписывать одному изъ нихъ, болѣе другихъ бросающему въ глаза, роль главнаго фактора—можетъ быть ошибочно, а главное—преждевременно.

На глубинѣ отъ 2 до 4 футовъ—на значительныхъ пространствахъ—камни, какъ густымъ ковромъ, покрываются подводною растительностью. Тутъ встрѣчаются и Cystoseira Hoppii, и Padina pavonia и Dictyota fasciculata и мн. др. Почти главную массу растительности составляютъ Cystoseir'ы, покрывающіе камни то на значительной глубинѣ, то выставляющіеся надъ поверхностью воды, причемъ прибой волнъ сильно треплетъ ихъ и даже часто отрываетъ ихъ отъ камня. Также точно вездѣ встрѣчаются Ectocarpidium Pitrianum, Streblonema sphaerica, Leataesia umbellata вмѣстѣ съ Ectocarpus repens,—послѣднія, впрочемъ, встрѣчаются только на днѣ моря и притомъ чѣмъ глубже, тѣмъ въ большемъ количествѣ и лучше развитыя. На неглубокихъ мѣстахъ появляется Dictyota.—Ceramium bresiarticulatum покрываетъ камни въ огромномъ количествѣ—въ видѣ мягкаго, густого ковра зеленаго или зеленовато-бураго цвѣта; онъ ползетъ на поверхностяхъ камней и пристаетъ къ нимъ очень плотно. Melolesia покрываютъ сплошнымъ налетомъ почти всѣ камни на днѣ моря. На глубинѣ попадается красивая Polysiphonia gracilis. Вообще дно Чернаго моря мѣстами очень изящно устилается красными и темноцвѣтными водорослями. По богатству семействъ водорослей Черное море занимаетъ среднее мѣсто между Нѣмецкимъ и Адріатическимъ морями. По составу же флоры Черное море должно быть скорѣе отнесено къ южнымъ, чѣмъ къ сѣвернымъ бассейнамъ, такъ какъ здѣсь встрѣчаются водоросли изъ семей, характеризующихъ южныя моря (какъ, напримѣръ, Dictyotae, Cystoseirae и др.) и напротивъ—нѣтъ растеній, принадлежащихъ сѣвернымъ морямъ (въ родѣ Laminaria, Iridaea и нѣкот. др.).

Относительно черноморской фауны—также какъ и относительно царства растительнаго—долго жило предубѣжденіе, которое основывалось на незнаніи этого моря. Между тѣмъ но-

вѣйшія научныя изслѣдованія доказали, что эта фауна не только не бѣдна, какъ думали прежде нѣкоторые, но она даже богаче фауны многихъ другихъ морей, что, напримѣръ, фауна ракообразныхъ цѣлаго бельгійскаго берега бѣднѣе фауны одного нашего Ялтинскаго залива, а между тѣмъ прибрежье бельгійское, какъ извѣстно, славится богатствомъ и разнообразіемъ своего животнаго царства. Богатство прибрежной черноморской фауны среди густой растительности скалъ—разнообразно до чрезвычайности.

Здѣсь Medusa aurita носится у берега массами и встрѣчается обыкновенно на мокрыхъ камешкахъ, оставляемыхъ на время отхлынувшимъ прибоемъ. Большія вѣтвистыя Cystoseira, столь распространенныя въ Черномъ морѣ, несутъ нерѣдко на себѣ гвоздеобразно сидящихъ небольшихъ Mytilus. Лѣтомъ, въ жаркую пору, медузы уходятъ отъ берега далѣе въ море, а утромъ и вечеромъ, когда температура моря становится прохладнѣе, онѣ снова появляются у береговъ въ большомъ изобиліи. Прыгающіе рачки (Orchestia) встрѣчаются между камнями у самаго берега въ громадномъ количествѣ. Здѣсь попадаются проворные краббы (Pachygrapsus mormoratus), рыбки - собачки, нереиды, губка (Reniera), Rhizostoma, Eriphia spinifrons величиною съ тарелку и мн. др. Дно заливовъ у береговъ выстлано нерѣдко довольно крупными камнями. Тутъ живутъ всевозможныхъ видовъ моллюски, громадныя Idotea tricuspidata, Orchestia Mediterranea. Подводные камни и скалы покрыты иногда сплошь мелкими морскими животными (офіуры, аппелиды и др.). При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что нѣкоторые виды животныхъ, встрѣчающіеся въ Черномъ морѣ, живутъ въ Остъ-Индскомъ морѣ Сулу, какъ, напримѣръ, Cerapus. Кромѣ того здѣсь водятся морскія звѣзды, иглокожіе (Echinodermata), существованіе которыхъ въ Черномъ морѣ такъ долго и такъ упорно отрицалось, немертины, асцидіи (изъ рода Phallusia). Здѣсь же живутъ кольчатые черви, копеноды, дафниды, Appendicularia cophocerca, весьма часто попадающаяся въ своихъ оригинальныхъ боченкахъ и т. д. При этомъ должно еще замѣтить, что Черное море по своимъ ракообразнымъ животнымъ болѣе сходно съ сѣверными морями, чѣмъ съ Средиземнымъ моремъ. Формы этихъ животныхъ Чернаго моря ближе подходятъ къ формамъ животныхъ, водящихся въ Зундѣ, Каттегатѣ, у береговъ Швеціи, Шотландіи и Гренландіи, нежели къ формамъ Средиземнаго бассейна.

Черное и Азовское моря очень богаты рыбами. Достаточно сказать, что Азовское море при всемъ своемъ ограниченномъ пространствѣ (около 600 кв. миль) и при незначительной глубинѣ (не болѣе 44 футовъ) доставляетъ ежегодно рыбы и рыбныхъ продуктовъ (икры, жира и т. под.) на сумму отъ 3,500,000 до 4,000,000 руб., то-есть, значитъ, около $1/5$ улова, доставляемаго какъ внѣшними, такъ и внутренними водами Европейской Россіи и Кавказа. Въ Черномъ морѣ кромѣ такой красной рыбы, какъ осетръ, бѣлуга, севрюга и др., встрѣчающейся и въ иныхъ мѣстахъ, водится рыба, исключительно принадлежащая этому морю, такъ сказать, характеризующая его, какъ, напримѣръ, кефаль, скомбрія, шемая, тарань и другія. Нѣкоторыя (немногія) изъ нихъ живутъ въ открытомъ морѣ; большая же часть нхъ пребываетъ въ лиманахъ, при устьяхъ рѣкъ и вообще придерживается береговъ, гдѣ вода не такъ солена, какъ въ открытомъ морѣ. Иныя рыбы живутъ вразбродъ, иныя ходятъ табунами; однѣ ведутъ жизнь, такъ сказать, болѣе или менѣе осѣдлую, то есть придерживаются одной и той же части моря, другія же напротивъ, какъ бы кочуютъ, совершая отъ поры до времени болѣе или менѣе отдаленныя странствованія, а иногда даже и надолго исчезая изъ однихъ мѣстъ и переселяясь въ другія стороны. Такъ, напримѣръ, въ 1882 году, къ искреннему сожалѣнію рыбаковъ, кефаль отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря вдругъ перекочевала къ берегамъ Малой Азіи. У каждой рыбы, какъ извѣстно, свой характеръ, свои нравы и обычаи, а поэтому и способы ловли ея чрезвычайно различны и рыболовныя снасти отличаются большимъ разнообразіемъ. Такъ какъ въ Черномъ морѣ живутъ рыбы, лишь ему принадлежащія, то и способы ловли ихъ и рыболовные снаряды очень своеобразны, характерны и крайне

интересны, какъ продуктъ вѣковыхъ наблюденій и тщательнаго психологическаго изученія нравовъ и образа жизни рыбьяго царства. Но прежде, чѣмъ посвящать читателя во всѣ таинства черноморскаго рыболовства, мы должны отрекомендовать ему черноморскихъ рыбъ...

Вотъ—скомбрія или *баламутъ*, или, какъ часто зовутъ ее, «кинбурнская сельдь». Это—знаменитая рыба, составляющая важный предметъ рыбной промышленности почти по всему побережью Западной Европы и извѣстная тамъ подъ названіемъ макрели. Она встрѣчается въ Черномъ морѣ въ теченіе цѣлаго лѣта. Ходитъ она почти всегда большими табунами, подъ самою поверхностью воды, такъ что море отъ ея появленія мутится, какъ бы чернѣетъ; оттого произошло и молдаво-русское названіе рыбы—баламутъ. Черноморская скомбрія, или баламутъ, не бываетъ большого роста (не болѣе 7 вершковъ), но мясо ея очень нѣжное. Ловля ея производится неводами, но она довольно легко берется и на удочку. Молодую скомбрію, которая, обыкновенно, держится отдѣльными табунами, называютъ чибрикъ, (греки зовутъ ее—Чирусъ). — *Кефаль* бываетъ ростомъ отъ $1/4$ до 1 арш. и вѣсомъ отъ $1/2$ фун. до 10 ф. Это—рыба круглая, крупночешуйчатая, крѣпкая; у нея вовсе нѣтъ зубовъ, способныхъ для схватыванья и раскусыванья добычи, а потому она питается веществами мягкими, растительными или червяками и мелкими насѣкомыми. Она также ходитъ табунами близъ черноморскихъ береговъ въ продолженіе всего лѣта, проникая нерѣдко и въ соленыя озера, соединяющіяся съ моремъ. Ловятъ ее неводами, хотя этотъ способъ ловли относительно ея очень неудобенъ. Кефаль умѣетъ дѣлать такія большія и искусныя антраша, что легко перепрыгиваетъ черезъ край невода, такъ что если и удается захватить неводомъ большой табунъ кефали, то можно навѣрное сказать, что значительная часть ея успѣваетъ изъ него выскочить, въ особенности днемъ. Изъ 100 штукъ кефали, попавшейся въ сѣти, иногда достается въ руки рыбаковъ не болѣе 20. По вкусу кефаль ставится выше скомбріи. За десятокъ средней кефали еще недавно, напримѣръ, на Одесскомъ базарѣ платили отъ 50 к. до 1 р., (а шемая между тѣмъ, также пользующаяся здѣсь хорошей репутаціей, стоила отъ 15 до 30 коп.).— Черноморская *камбала* бываетъ очень велика—до 2 фут. въ длину и $1^1/_3$ фута въ вышину, а вѣсомъ доходитъ до 1 пуда. Цвѣтъ ея лѣваго бока, на которомъ находятся оба глаза, значительно мѣняется, смотря по возрасту и по мѣсту жительства, а правый безглазый бокъ иногда совсѣмъ бѣлый, а иногда покрытъ большими черноватыми пятнами. Крупная камбала большею частью держится на значительной глубинѣ. Эта рыба до нѣкоторой степени осѣдлая. Конечно, она переходитъ изъ одного мѣста въ другое, но дальнихъ путешествій не предпринимаетъ. Крупная камбала ловится мережами, мелкая—неводами и на удочки.

Прибрежную полосу Чернаго моря, лиманы и соленыя озера, смежныя съ моремъ, въ несмѣтномъ количествѣ населяютъ *бычки*. Одни изъ нихъ держатся между каменьями, другіе охотнѣе живутъ между подводными травами, но всѣ вообще избѣгаютъ голаго, песчанаго дна. Они отличаются необыкновенною заботливостью о сохраненіи своихъ яицъ и поэтому выбираютъ для метанія икры безопасныя и узкія пещеры подъ камнями или даже строятъ искусственныя гнѣзда, куда ее и помѣщаютъ. Бычки очень хищны, прожорливы и поѣдаютъ другъ друга: крупные мелкихъ, даже не щадя своего собственнаго потомства. Бычки носятъ различныя названія: бычокъ-кнутъ, бычокъ-песочникъ, бычокъ-кузнецъ, бланкетъ и т. д. Ловля ихъ производится удочками.—*Барбуля* или *барбунъ*—рыба, прославленная еще древними римлянами за ея отличный вкусъ: усики и печенки ея считались у римлянъ однимъ изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ. Въ Черномъ морѣ она водится довольно обильно и ходитъ большими табунами. Глосса принадлежитъ къ семейству камбаловидныхъ, съ глазами на правой сторонѣ тѣла. — *Морской пѣтухъ* — тупомордая рыба, одна изъ самыхъ красивыхъ. Спина у нея — сѣровато-бурая съ зеленоватымъ отливомъ, бока туловища блѣдно-оранжевые съ золотистымъ отливомъ, брюхо бѣлое. Огромные грудные плавники съ верхней стороны зеленовато-синяго цвѣта съ широкою темно-голубою каймою, съ нижней—оранжево-бураго цвѣта съ свѣтло-оранжевыми полосками.

Изъ другихъ плавниковъ, которые всѣ болѣе или менѣе красноваты, особенною пестротой отличается одинъ (второй спинной)—зеленовато-фіолетовый съ двумя рядами красныхъ пятенъ и красною полосою. Морской пѣтухъ принадлежитъ къ числу летучихъ рыбъ, то есть такихъ, которымъ сильно развитые грудные плавники даютъ возможность подниматься на воздухъ и пролетать по немъ нѣкоторое пространство. Мясо его—нѣжное и вкусное. — *Морской языкъ*—рыба въ видѣ продолговатой, сплющенной лепешки, съ выдающимся носомъ, съ кривымъ ртомъ и съ глазами на правой сторонѣ тѣла. — *Морской бекасъ* — своимъ длиннымъ, тонкимъ и гибкимъ тѣломъ нѣсколько походитъ на змѣю, ростомъ до 1 арш., при преслѣдованіи добычи дѣлаетъ иногда огромные прыжки надъ водою.—Съ *морскимъ скорпіономъ,* пока онъ живъ, рыбаки обращаются крайне осторожно, опасаясь быть уколотыми крѣпкими колючками его плавника или острыми зубцами жаберной крышки. Иные даже считаютъ ее ядовитою.—*Луфарь*—изъ семейства скомбріовидныхъ, ростомъ до 1 фута; мясо его здѣсь очень уважается.—*Атеринка* или *феринка*—небольшая рыбка, сушится для борща и также употребляется для наживки на удочку.—*Морская лисица*—изъ семейства скатовъ — хотя несетъ яица, а не рождаетъ живыхъ дѣтенышей, подобно другимъ скатамъ и акуламъ, въ народѣ все-таки считаютъ ее поганою. Она попадается въ мережи и на крючки. Ее десятками выкидываютъ обратно въ море. —*Морской котъ*—рыба съ кинжаловиднымъ, зазубреннымъ съ боковъ, роговымъ отросткомъ, который выставляется изъ основной части хвоста. Рыбаки относятся къ этому коту съ большимъ отвращеньемъ--потому что онъ производитъ на свѣтъ живыхъ дѣтенышей, и также боятся быть уколотыми его хвостовымъ кинжаломъ. Когда морской котъ попадается въ мережи или на крючекъ, то рыбаки стараются поскорѣе отъ него отдѣлаться и тотчасъ бросаютъ его обратно въ море, не вывозя даже на берегъ. — Мясо *морской собаки* (изъ семейства акулъ) также считается поганымъ, но морскую собаку все-таки вывозятъ на берегъ, такъ какъ ея шероховатая шкура употребляется столярами для полировки мебели.

Затѣмъ идутъ уже болѣе или менѣе извѣстныя рыбы—мечъ-рыба, шаранъ, рыбецъ, морскія иглы, вьюны, тюлька, зеленая и бѣлая (трехъ-иглая) колюшка, сарделька, хамса, форель, черноморскія сельди различныхъ видовъ и наименованій. Такія рыбы, какъ осетръ, севрюга, стерлядь, бѣлуга—не могутъ быть названы настоящими морскими рыбами. Нашъ народъ очень мѣтко называетъ ихъ *проходными.* Дѣйствительно, весною для метанія икры, соединившись въ табуны, онѣ вступаютъ въ рѣки, а лѣтомъ опять возвращаются назадъ въ море. Въ самомъ морѣ, впрочемъ, онѣ не живутъ повсемѣстно, а придерживаются почти исключительно тѣхъ заливовъ, куда вливаются большія рѣки. При устьяхъ Днѣпра и Днѣстра много ловится осетровыхъ рыбъ—севрюга и стерляди въ особенности.

Ловля рыбы по берегамъ Чернаго моря производится неводами, мережами, подъемными сѣтями, самоловами и удочками. Это—самыя общеупотребительныя снасти.

Неводы бываютъ различной величины, отъ 200 до 1,500 саж. въ длину, и отъ 2 до 4 саж. въ вышину. Ими ловится почти всякая рыба, но при этомъ они могутъ употребляться въ дѣло только тамъ, гдѣ берегъ отлогій и песчаный. Въ такихъ рыболовныхъ мѣстахъ устраивается, обыкновенно, цѣлый рядъ неводныхъ рыбныхъ заводовъ, то есть — куреней, служащихъ для жительства рыбакамъ и снабженныхъ всѣми принадлежностями для ловли рыбы неводами. При каждомъ заводѣ устроена *вышка,* то есть врытъ въ землю, въ нѣсколько наклонномъ положеніи, высокій деревянный столбъ, съ поперечными ступеньками и съ сидѣніемъ на верху. На этихъ вышкахъ днемъ почти постоянно сидятъ сторожевые рыбаки и зорко посматриваютъ на разстилающееся передъ ними море; какъ скоро они замѣтятъ подходящее къ берегу стадо рыбы, то тотчасъ подаютъ товарищамъ условный знакъ, чтобы тѣ успѣли заблаговременно набрать и закинуть неводъ. Кстати замѣтимъ, что подобныя сторожевыя вышки находились уже въ употребленіи у древнихъ грековъ и назывались ихтіоскопами или тиноскопами (Thynoscopus). Крутой, скалистый берегъ не допускаетъ употребленія неводовъ.

Мережа представляетъ собою сѣть, состоящую изъ крупныхъ петель (содержащихъ въ поперечникѣ до ¼ арш.). Она дѣлается изъ крѣпкихъ бечевокъ и бываетъ въ длину болѣе 100 саж., а въ ширину до 1 саж. Посредствомъ привязанныхъ къ ней грузилъ эта сѣть разставляется по морскому дну и оставляется тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней или даже цѣлой недѣли. Попадаются въ нее скаты, крупныя камбалы и т. под. рыбы.

Подъемныя сѣти служатъ для ловли разной мелкой рыбы (атеринокъ, тюлекъ, сарделекъ, барбулекъ и бланкетовъ), дѣлаются изъ очень частой ткани и представляютъ собой какъ бы исполинскіе саки или хватки. Онѣ бываютъ четыреугольныя или круглыя и, помощью блоковъ или воротовъ, утвержденныхъ на берегу, погружаются на дно въ горизонтальномъ положеніи, но оставляются тамъ недолго, обыкновенно, не болѣе 10—15 минутъ, и потомъ быстро вытягиваются или вѣрнѣе приподымаются изъ воды.

Самоловами называются большіе желѣзные крючки, крѣпкими поводками привязанные къ толстой веревкѣ—*хребтинѣ*. Подобные крючки называются самоловами потому, что употребляются въ дѣло безъ всякой насадки. Крупныя рыбы, въ особенности осетры и севрюги, подходятъ къ крючкамъ, вѣроятно, изъ любопытства, трутся около нихъ и такимъ образомъ зацѣпляются за нихъ различными частями тѣла. Этотъ способъ ловли нельзя одобрить, и онъ, говоря по справедливости, долженъ строго преслѣдоваться, такъ какъ многія рыбы повреждаются крючками, получаютъ болѣе или менѣе глубокія раны, но при этомъ все-таки срываются съ крючковъ и, искалѣченныя, уходятъ умирать въ водяную глубь. Рыбные заводы, на которыхъ главною снастью служатъ самоловы, называются *крючковыми*.

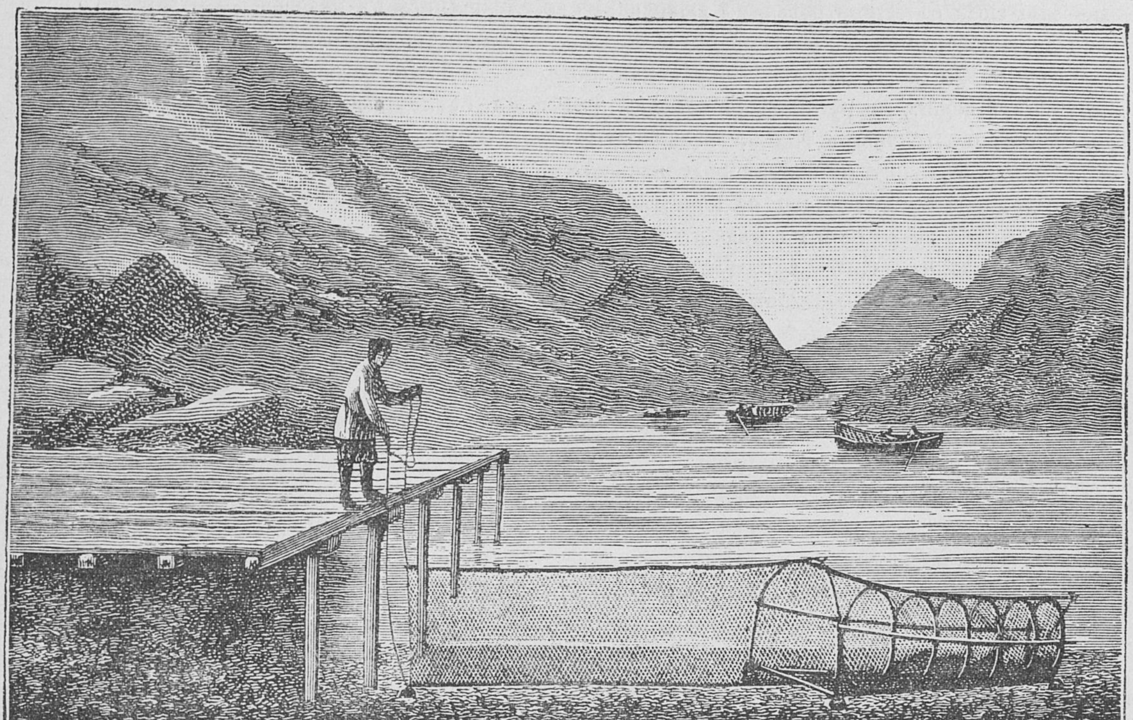
Удочками ловятся, главнымъ образомъ, разныхъ видовъ бычки, а также шемая, глосса и др. Наживкою или насадкою на удочки служатъ морскіе рачки и мелкая рыбка—въ родѣ сардельки.

Кромѣ этихъ общеупотребительныхъ рыболовныхъ снастей, существуютъ еще снасти, имѣющія мѣстный характеръ и приноровленныя къ мѣстнымъ особенностямъ и къ нравамъ рыбъ. При этомъ должно отмѣтить то, что всѣ эти снасти почти не совершенствуются вовсе, но передаются по преданію отъ отцовъ дѣтямъ... Такъ, въ Днѣстровскомъ лиманѣ ловятъ рыбу и удочками, и волоками (бреднями), и распорными и грядовыми неводами (т. е. вытягиваемыми на берегъ), но помимо того еще употребляются — орви, тербучки и котцы. *Орви*, это, просто, сѣтяные мѣшки, которые бросаютъ съ лодокъ и тянутъ по дну. *Тербучки*—сѣтяной, полукруглый мѣшокъ, насаженный на шестъ или на рукоятку... Подъѣхавъ въ лодкѣ къ такому берегу, гдѣ есть подмывъ или близъ котораго растутъ кусты, одинъ рыбакъ упираетъ тербучекъ въ дно, а двое другихъ поддерживаютъ лодку на мѣстѣ и шестомъ пугаютъ рыбу, которая съ испуга и бросается въ разставленную ей ловушку. *Котцы* представляютъ родъ вентерей изъ камышу или дранокъ, на подобіе кубанскихъ вентерей. Этими снастями прибрежные жители большею частью ловятъ рыбу лишь для собственнаго употребленія и рѣдко на продажу. Главнымъ же способомъ ловли все-таки остается и здѣсь неводъ—до 600 саж., и сѣти—ставныя или плавныя, т. е. такія, одинъ конецъ которыхъ плыветъ вмѣстѣ съ лодкою, а другой тянутъ съ берега.

Совершенно особымъ характеромъ отличается ловъ, производимый въ такъ-называемыхъ шабскихъ водахъ, въ юго-западномъ углу Днѣстровскаго лимана, на косѣ, отдѣляющей лиманъ отъ Шаболотскаго озера. Въ давнія времена это озеро, безъ сомнѣнія, составляло одно цѣлое съ лиманомъ. Въ настоящее время это—уже отдѣльное озеро, около 15 верстъ въ длину и до 3 верстъ въ ширину. Оно тянется параллельно морскому берегу, отъ котораго отдѣляется узкою косою. Эта коса, въ 1 версту ширинной, во время бурь прорывается, и по этимъ прорывамъ сюда заходитъ разная морская рыба, болѣе же всего кефаль. Но эти случайныя сообщенія быстро засыпаются, и зашедшая въ озеро рыба непремѣнно погибала бы отъ слишкомъ соленой воды, еслибы не были прокопаны между озеромъ и лиманомъ

каналы (ерики) числомъ до 200, въ $1^1/_2$ или 2 саж. шириною и около 1 саж. глубины. Кефаль, анчоусы, камбала заходятъ сюда и живутъ здѣсь все лѣто, находя себѣ обильную пищу въ мелкой и теплой водѣ. Ерики весной и осенью прочищаются, но число ихъ все-таки быстро уменьшается, ихъ заноситъ иломъ, да и самое озеро быстро мелѣетъ, — такъ, напримѣръ, сѣверо-восточный уголъ уже въ 1868 году былъ почти совсѣмъ занесенъ иломъ и поросъ тростникомъ. Вслѣдствіе морскихъ вѣтровъ черезъ ерики изъ лимана проникаетъ въ озеро муть и тамъ осаживается на дно.

Осенью рыба идетъ черезъ ерики въ море, (если бы она осталась здѣсь, то погибла бы, такъ какъ озеро очень мелко и замерзаетъ). Въ это время, т. е. осенью, ерики обращаются какъ бы въ своего рода западни, и въ нихъ вылавливаютъ дочиста всю возвращающуюся въ море кефаль. Ловъ въ ерикахъ начинается не ранѣе сентября. Устраиваютъ двое воротъ,



Ловъ мережками въ Балаклавской бухтѣ.

одни за другими, съ озерной стороны канавокъ. Каждыя ворота состоятъ изъ двухъ камышевыхъ стѣнокъ, сходящихся между собою подъ тупымъ угломъ, обращеннымъ вершиною къ лиману. Рыба можетъ протѣсниться въ ворота, но обратно уйти не можетъ. Ближе къ лиманному концу канавки дѣлаютъ еще третьи ворота, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ совершенно перегораживаютъ ерики камышевою стѣнкою. Между воротами и стѣнкою рыбѣ уже нѣтъ никакого выхода. Ее отсюда вылавливаютъ сачками и бросаютъ въ небольшіе садки, вырытые тутъ же между ериками. Эти камышевыя ворота и стѣнки извѣстны подъ именемъ *чардъ*. Иногда также сюда заходитъ не черезъ ерики, а черезъ прорывы, прямо изъ моря, довольно крупная кефаль, извѣстная подъ именемъ чабы или чавы.

На днѣпровскихъ плавняхъ, кромѣ неводовъ, самоловныхъ крючковыхъ снастей, употребляются еще коты, ботвильная сѣть, грабли и хватки — и самодеры. Послѣднія снасти

считаются,—впрочемъ, болѣе или менѣе неосновательно,—опасными и зловредными... Днѣпровскіе *коты* дѣлаются изъ тростника такимъ образомъ, что къ прямолинейной стѣнкѣ, называемой чардою, различной длины, но не свыше 30 саж., прикрѣпляется различной формы клѣтка, въ которую рыба можетъ попадать черезъ узкія отверстія, называемыя *устинками*. Эти устинки открываются съ обѣихъ сторонъ чарды такъ, что въ клѣтку можетъ войти рыба, идущая и по теченію и противъ него. Клѣтки суживаются въ устинку—къ одному изъ концовъ, и этотъ конецъ окружается такъ называемою *котою*, сдѣланною изъ дранокъ, откуда уже нѣтъ иного выхода, какъ черезъ ту же устинку, черезъ которую рыба входитъ изъ клѣтки. Но устинки при этомъ устроены такъ, что онѣ раздаются при напорѣ рыбы извнѣ, но не пропускаютъ уже крупной рыбы обратно. Уходитъ только мелкая рыба черезъ промежутки между дранками коты, между камышинками клѣтки, которыя по своей гибкости въ состояніи раздаваться, и черезъ самыя устинки. По словамъ старыхъ рыбаковъ, коты занесены сюда съ Дуная русскими выходцами, поселившимися въ низовьяхъ Днѣпра со времени турецкой войны 1828—1829 г.

Ботвильная сѣть—двухстѣнная ставная сѣть отъ 30 до 50 саж. длины. Ячейки одной ея стѣны въ 1 верш., а другой—вершковъ въ 5. Въ эти сѣти, разставленныя между кустами высокорослыхъ водяныхъ травъ, загоняютъ рыбу крикомъ и шумомъ; стучатъ объ лодку веслами или стябломъ (нѣчто въ родѣ корыта, въ которое складывается сѣть) и ударяютъ объ воду шестомъ, имѣющимъ на концѣ металлическую воронку. Шестъ называется *ботнею*.

Гребли и *хватки* почти исключительно придуманы для лова рыбца. Рыбецъ мечетъ икру по каменистымъ грядамъ, а гребли и есть ничто иное, какъ именно такія искусственно устроенныя гряды. Дѣлается это такъ: у крутого берега, куда прибиваетъ теченіе, наваливаютъ груду камней въ видѣ маленькаго мыса. Дабы эту кучу не размыло теченіемъ, по концамъ ея вбиваютъ нѣсколько тонкихъ свай и переплетаютъ ихъ хворостомъ. Устройство гребли на глубокомъ мѣстѣ, само собой, разумѣется, довольно затруднительно и стоитъ очень не дешево... На греблю разстилаютъ сѣть—*хватку*. Рыбакъ караулитъ ее, и когда рыбецъ соберется на каменную кучу, чтобы метать на ней икру, онъ приподнимаетъ сѣтку, и рыба остается въ ней. Гребли болѣе употребительны на правой (херсонской) сторонѣ Днѣпра и оттуда уже занесены на таврическій берегъ. Въ половодье одною греблею налавливаютъ, случается, отъ 2 до 5 тысячъ штукъ.

Наблюденіе надъ нравами рыбъ привело на Днѣпрѣ къ устройству еще одного видоизмѣненія крючковой снасти—для ловли короповъ и сомовъ. Эта снасть называется *самодерами*. Рыбаки знаютъ, что близъ крутыхъ мѣстъ, гдѣ берегъ подмытъ, а также въ глубокихъ ямахъ коропы и сомы собираются зимовать. Къ такимъ мѣстамъ передъ морозками подплываютъ на лодкахъ или подходятъ уже по тонкому льду и опускаютъ въ воду веревку съ грузиломъ, называемую самодеромъ, причемъ къ веревкѣ прикрѣплены три большія уды безъ наживки. Рыба, скопившаяся въ густую стаю, поддѣвается этими удами, какъ багромъ. Такимъ образомъ, налавливаютъ иногда по нѣсколько сотенъ штукъ самой крупной рыбы, доходящей до 2 пуд. вѣсомъ. Но съ этими рыбами бываетъ немало возни прежде, чѣмъ ихъ успѣютъ вытащить въ лодку: приходится то подтягивать, то опускать уду, чтобы утомить рыбу, а то иначе она перерветъ веревку и уйдетъ.

Крайне интересна ловля короповъ... Весною коропы ищутъ мелкихъ и закрытыхъ мѣстъ. Этою привычкой ихъ особенно пользуются жители таврическаго берега, гдѣ находятся небольшія озерки, соединенныя съ главнымъ бассейномъ узкими ериками. Во время хода короповъ стараются елико возможно охранять такіе ерики и самыя озера отъ всякаго шума, а чтобы имѣть возможность слѣдить за появленіемъ короповъ, предварительно вбиваютъ въ дно ерика нѣсколько тростинокъ, располагая ихъ рядомъ поперекъ ерика, вершка на два одинъ отъ другого. Одинъ изъ рыбаковъ постоянно наблюдаетъ здѣсь и по движенію тростинокъ узнаетъ, когда коропъ пройдетъ по

ерику въ озеро. Говорятъ, что сначала всегда приходитъ одинъ коропъ и не болѣе трехъ, какъ будто съ цѣлью развѣдать объ удобствахъ, представляемыхъ озеромъ и убѣдиться въ безопасности мѣста. Когда замѣтятъ появленіе такихъ соглядатаевъ, то всего больше заботятся о соблюденіи тишины, такъ какъ коропъ, по мнѣнію рыбаковъ, осторожнѣе и смышленнѣе всѣхъ рыбъ. Если соглядатаи, спокойно осмотрѣвъ озеро, снова возвратятся и выйдутъ изъ озера, тогда ждутъ цѣлаго стада и приготовляются запереть ерикъ. Вскорѣ послѣ того дѣйствительно является множество короповъ, которые внезапно опрокидываютъ тростинки и наполняютъ собою ерикъ, стремясь въ озеро. Давъ имъ время пройти въ него, перегораживаютъ ерикъ прочною стѣной и потомъ вылавливаютъ всѣхъ зашедшихъ туда короповъ.

Чрезвычайно важное значеніе для черноморскаго рыболовства въ промышленномъ отношеніи имѣетъ *баламутъ*, и поэтому должно поподробнѣе ознакомиться съ этою отраслью черноморскаго рыболовства.

Главнѣйшие баламутные заводы расположены здѣсь вдоль южнаго берега Кинбурнской косы и на островѣ Тендрѣ. Неводы, употребляемые для ловли баламута, въ длину около 360 саж., а въ вышину отъ $3^1/_2$ до 4 косыхъ саженей. Они непремѣнно должны хватать до уровня воды, потому что иначе баламутъ, всегда идущій подъ самою поверхностью воды, можетъ весь выйти изъ нихъ. Каждый неводъ состоитъ изъ мотни и шести пришивокъ (по три—съ каждой стороны). Пришивки, ближайшія къ мотнѣ, называются аперсовыми, за ними слѣдуютъ среднія и потомъ уже крѣпкія или клешняковыя, къ которымъ прикрѣпляются деревянные davчки или клешняки. Отдѣльныя веревки называются кадолами, и ихъ бываетъ шесть, соотвѣтственно числу пришивокъ; каждая кадола бываетъ длиной въ 60 саж. Мѣсто, занимаемое рыбнымъ заводомъ, называется *ставкою* и берется, обыкновенно, на откупъ у владѣльца земли. При каждомъ заводѣ находятся холодникъ, хухня и нѣсколько хижинъ (отъ 5 и болѣе), для помѣщенія рыбаковъ.

Артель или *тафа* въ каждомъ баламутномъ заводѣ состоитъ всего чаще изъ 16 человѣкъ: ата́мана, двухъ крылашей или кадольщиковъ, кухаря, бондаря, залсольщика и десяти лямщиковъ (простыхъ рыбаковъ). Ата́манъ набираетъ тафу и пользуется въ ней большою властью; онъ ведетъ и всѣ переговоры съ хозяиномъ завода. Условія между хозяиномъ и тафою, обыкновенно, заключаются въ слѣдующемъ: одна половина чистаго дохода, послѣ вычета издержекъ на харчи, боченки, соль и т. под., достается хозяину, а другая половина—тафѣ. Потомъ артель дѣлитъ свою половину на 16 равныхъ долей, причемъ и ата́ману приходится только одна доля, но зато онъ получаетъ другую долю, равную первой, изъ половины хозяина. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, смотря по мѣстности, въ уставахъ артелей существуютъ варіаціи: такъ, напримѣръ, атаманъ, отличающійся ловкостью и особеннымъ знаніемъ своего дѣла, получаетъ иногда отъ хозяина вмѣсто одной двѣ доли. Вообще же эти варіаціи не касаются коренныхъ основаній артели, и артель, описываемая здѣсь, можетъ быть принята за типъ обыкновенной черноморской рыболовной артели. Наемъ ставки, а также содержаніе строеній и рыболовныхъ снастей лежитъ на обязанности хозяина. Всѣ же риспоряженія касательно ловли и соленія рыбы зависятъ вполнѣ отъ ата́мана, а потому расторопность его и знаніе дѣла оказываютъ большое вліяніе на ходъ ловли. Ловкій атаманъ скоро пріобрѣтаетъ славу между рыбаками и всегда можетъ собрать въ короткое время хорошую тафу. Первое мѣсто послѣ атамана занимаютъ крылаши; это—кандидаты на открывающіяся атаманскія мѣста. Артель, обыкновенно, нанимается отъ Николина дня до Покрова (съ начала мая до октября мѣсяца). Рабочіе сами потребляютъ не мало баламута на харчи. Пока ловля идетъ плохо, рыбаки довольствуются борщомъ изъ кваса, приправленнымъ мелкими кусочками баламута, и такой борщъ у нихъ называется *заминайкою*; при удачномъ же ходѣ ловли рыбаки густо набиваютъ котелъ цѣльнымъ баламутомъ,—это значитъ—варить борщъ *подъ дужку*.

На Кинбурнской косѣ и на островѣ Тендрѣ вышки не употребительны. О приближеніи

большихъ табуновъ баламута извѣщаютъ рыбаковъ *крячки* и *рыболовы*. Баламутъ питается мелкими рыбками—анчоусами и сарделькой, а поэтому табуны баламута всегда слѣдуютъ за табунами анчоусовъ и сарделекъ. Но тѣ же анчоусы и сардельки составляютъ также любимую пищу крячковъ, которые и вьются постоянно въ несмѣтномъ числѣ надъ табунами этихъ маленькихъ рыбокъ. Рыболовы же въ свою очередь ищутъ болѣе крупной добычи и потому охотятся за баламутомъ. Такимъ образомъ, когда подходитъ къ берегу табунъ анчоусовъ или сарделекъ и за ними табунъ баламута, то крячки и рыболовы съ крикомъ летаютъ надъ ними, безпрестанно окунаясь въ море за добычей. Нерѣдко также табуны баламутовъ преслѣдуются въ свою очередь болѣе крупнымъ непріятелемъ—дельфинами и морскими медвѣдями (тюленями). Табуны баламута еще недавно бывали такъ огромны, то въ одну тоню случалось захватывать ихъ отъ 10 до 50 тысячъ штукъ.

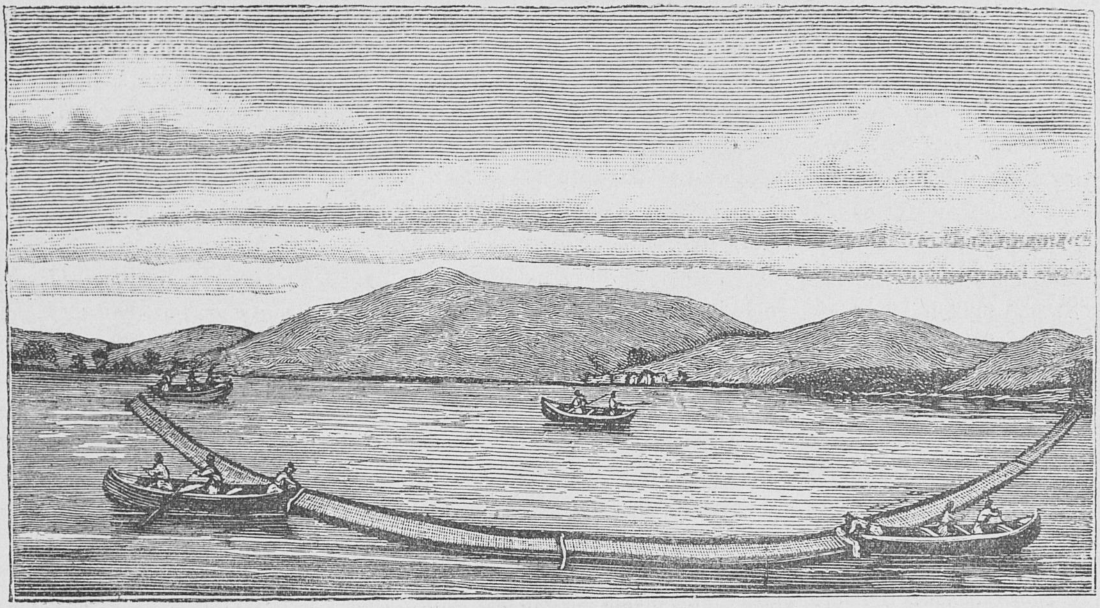
Лѣтъ 20 тому назадъ, какъ гласитъ преданіе, на заводѣ Л. И. Соловьева (на Кинбурнской косѣ) былъ такого рода случай...

Ата́манъ Щербина (или «беззубый Щербина», какъ называлъ его народъ) отличался необыкновенной ловкостью и расторопностью. Однажды утромъ, именно 20 сентября, вышелъ онъ на песчаную губу, находившуюся вблизи завода и далеко вдававшуюся въ море. Тутъ онъ скоро догадался по тучамъ птицъ, приближавшихся къ губѣ, что идетъ баламутъ—и поспѣшилъ возвратится на заводъ. Должно замѣтить что между губою и заводомъ Соловьева стояли два чужіе рыбные завода. Проходя мимо этихъ заводовъ, Щербина не показалъ ни малѣйшей торопливости, а напротивъ, принявъ на себя равнодушный видъ, подшучивалъ съ знакомыми ему рыбаками, потолковалъ съ тѣмъ, съ другимъ, съ третьимъ и пошелъ домой, не выдавъ ни однимъ взглядомъ, ни однимъ жестомъ своей тревоги. Дѣло въ томъ, что его очень легко могли предупредить... Придя на заводъ, Щербина самымъ хладнокровнымъ образомъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія, такъ что неводъ былъ набранъ и все готово, какъ разъ къ тому времени, когда голова огромнаго табуна баламута вышла изъ-за губы и стала приближаться къ заводу. Но и тутъ атаманъ не далъ нетерпѣливымъ рыбакамъ выѣхать на встрѣчу рыбѣ, но заставилъ ихъ ждать, пока голова табуна не прошла мимо—и тогда уже скомандовалъ *заходъ*. Такимъ образомъ, его неводомъ былъ захвачена самая середина табуна и вышла въ то утро атаману Щербинѣ «удача неслыханная». Рыбаки двухъ сосѣднихъ заводовъ, застигнутые врасплохъ появленіемъ баламута, успѣли только попользоваться хвостомъ табуна. Въ ту пору на заводѣ Соловьева, гдѣ атаманствовалъ Щербина, изловлено было до 150,000 штукъ баламута. Рыбаки не могли сами справиться съ огромнымъ количествомъ рыбы и вызвали себѣ на помощь жителей сосѣдняго села Покровки, съ которыми, разумѣется, и подѣлились своей богатой добычей.

Кефалевыхъ заводовъ разсѣяно много по берегамъ Крыма, (какъ напримѣръ, въ окрестностяхъ Евпаторіи, въ Ѳеодосійской бухтѣ и т. д.) Сѣти, употребляемыя для ловли кефали, отличаются отъ баламутныхъ сѣтей ячеями большихъ размѣровъ. Кефаль ловится особенною рыболовною снастью—лежачимъ неводомъ. Подобный неводъ состоитъ изъ рогожъ, которыя сшиваются между собою концами и у которыхъ боковые края веревки вершка на три отгибаются вверхъ, такъ что онѣ образуютъ какъ бы гибкій, плоскодонный жолобъ. Весь рогоженый неводъ бываетъ, обыкновенно, длиною отъ 50 до 55 саж. и разстилается горизонтально по поверхности воды, причемъ одинъ конецъ его находится на берегу, а другой—на лодкѣ, или же оба конца его примыкаютъ къ двумъ параллельно плывущимъ лодкамъ. Ловля производится только въ темныя безлунныя ночи и въ тихую погоду. Неводъ нагружается на двѣ лодки, которыя, близко придерживаясь берега, плывутъ въ томъ направленіи, откуда ожидается приходъ рыбы. Опытные рыбаки, несмотря на темноту ночи, тотчасъ замѣчаютъ табунъ подпрыгивающей кафали и тогда стараются перенять его, растягивая свой рогожный неводъ, какъ уже сказано, то между берегомъ и одною изъ лодокъ, то между двумя лодками, смотря по тому, на накомъ разстоя-

ніи находится табунъ. Кефаль, завидя черную полосу, подходящую къ ней, считаетъ ее, вѣроятно, верхнимъ выдающимся краемъ обыкновеннаго отвѣснаго невода и, думая черезъ него перепрыгнуть, вскакиваетъ какъ-разъ въ упругій, рогожный жолобъ, который по самой упругости своей лишаетъ ее всякой возможности сдѣлать новый прыжокъ. Въ такой рагожный неводъ иногда разомъ заскакиваетъ нѣсколько тысячъ штукъ кефали, такъ что съ трудомъ успѣваютъ выбирать ее и весь неводъ начинаетъ тонуть. Кромѣ кефали, сюда иной разъ заскакиваютъ и нѣкоторыя другія рыбы, какъ, напримѣръ, сарчаны. Ловля кефали рогожными неводами производится только весною и осенью, когда эта рыба, соединившись въ табуны, совершаетъ свои періодическіе переходы съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ. Путешествующіе табуны близко придерживаются берега, заходя по пути въ бухты и заливы,—и вотъ этимъ-то обычаемъ ихъ и пользуются рыбаки, чтобы захватить ихъ своими снастями.

Для ловли кафали употребляются еще другого рода сѣти—накидныя, или *наметъ*, что, напримѣръ, можно видѣть на Шейхлиревомъ кафалевомъ заводѣ въ Крыму. Наметомъ назы-



Ловъ кефали рогожными неводами въ Ѳеодосійской бухтѣ.

вается круглая мелкая сѣть, діаметромъ отъ 1 до $1^1/_2$ саж., къ центру которой прикрѣплена длинная веревка и по окружности которой привязаны кусочки свинца или свинцовыя кольца. Когда эта сѣть бросается въ воду, то опущенная часть ея погружается на дно гораздо быстрѣе, нежели середина, и такимъ образомъ запирается выходъ накрытой ею рыбѣ. Когда сѣть поднимается, то свинцовыя кольца сходятся къ срединѣ и вся сѣть постепенно принимаетъ форму длиннаго мѣшка, котораго устье зажато сошедшимися свинцовыми грузилками. Подобнымъ наметомъ ловится рыба или прямо съ берега или съ лодки.

Для ловли той же кафали иногда еще употребляется большая четыреугольная сѣть, имѣющая въ длину и ширину отъ 20 до 25 саж. Эта сѣть, при помощи свинцовыхъ грузилъ, разстилается по дну моря, въ близкомъ разстояніи отъ берега и въ такомъ положеніи, чтобы двѣ стороны ея были параллельны берегу, а двѣ другія—перпендикулярны къ нему. Края сѣти съ трехъ сторонъ— на двухъ сторонахъ продольныхъ и на одной поперечной—приподнимаются и прикрѣпляются къ шестамъ, вбитымъ въ грунтъ, такъ, чтобы эти края, приблизительно

на 1 аршинъ, выставлялись изъ воды; только съ одной стороны край сѣти остается погруженнымъ на дно. Вся снасть, такимъ образомъ, принимаетъ видъ четыреугольной сѣтяной загородки, съ одной стороны открытой. Какъ скоро рыба съ открытой стороны проникаетъ въ загородку, то обратный выходъ ей преграждается тѣмъ, что и съ этой стороны край сѣти быстро выдвигается изъ воды. Насупротивъ двухъ поперечныхъ сторонъ сѣти, между ею и берегомъ, строятся два высокихъ бревенчатыхъ козла и на нихъ утверждаются системы блоковъ. Отъ этихъ блоковъ проходятъ веревки къ краямъ сѣти, такъ что посредствомъ ихъ можно приподнять всю сѣть и въ особенности можно быстро повысить опущенную ея сторону. На тѣхъ же козлахъ устроены будки, въ которыхъ постоянно днемъ и ночью сидятъ сторожевые рыбаки. Въ будкѣ, находящейся при открытомъ концѣ сѣти, сидятъ четыре рыбака, а въ другой будкѣ—одинъ рыбакъ. Какъ скоро послѣдній замѣтитъ, что табунъ кефали вступилъ въ сѣть и дошелъ до ея задняго конца, то онъ даетъ условный знакъ,—и тогда тотчасъ рыбаки, сидящіе въ первой будкѣ, быстро поднимаютъ опущенную сторону сѣти и отрѣзываютъ рыбѣ путь отступленія.

Здѣсь кстати должно упомянуть, что на сѣверной сторонѣ Тарханкута находится рыбный заводъ Чаротайскій, а на южной сторонѣ—Отлешскій. Вообще эти заводы называются Тарханкутскими. Губою, на которой стоитъ Отлешскій заводъ, образуется маленькій заливъ, служащій удобнымъ мѣстомъ для поставки сѣти. Около сотни неправильныхъ, узкихъ ступеней, высѣченныхъ на внутреннемъ боку губы, образуютъ извилистую лѣстницу, ведущую внизъ къ водѣ. На половинѣ вышины, гдѣ находится довольно широкій уступъ, составляющій какъ бы естественную каменную галерею, выдолбленъ рядъ небольшихъ пещеръ, въ которыхъ рыбаки, вмѣсто вышекъ, устроили свои койки.

Въ 60 верстахъ отъ Евпаторіи, въ имѣньи князя Воронцова въ Акмечети, нѣкогда, въ давнее время, на заливѣ была устроена каменная пристань: сюда была вызвана изъ Мальты артель рыбаковъ, выписаны отличныя рыболовныя снасти, заведены ялики, но все это пошло прахомъ, какъ вообще идутъ прахомъ разныя выдумки и фантазіи, не имѣющія подъ собой твердой практической почвы. Сѣти сгнили въ амбарахъ, пристань разрушилась, лодки лежали на сушѣ до тѣхъ поръ, пока не развалилась,—вообще воцарилась мерзость запустѣнія, а рыбаки «съ Мальты» опять уѣхали на Мальту.

Особенно богата и разнообразна фауна нѣкоторыхъ бухтъ, какъ-то севастопольской, балаклавской, ѳеодосійской. Дно севастопольской бухты покрыто густыми морскими травами. На травахъ и между ними живетъ множество разныхъ мелкихъ животныхъ, полиповъ, улитокъ, червей, раковъ и насѣкомыхъ. Маленькія рыбки въ чащѣ травъ находятъ для себя довольно безопасное пристанище и обильную пищу, а за малыми рыбками приходятъ охотиться и большія. Рыбною ловлею здѣсь занимаются, попреимуществу, отставные матросы, посредствомъ мережъ, плавныхъ сѣтей, бредниковъ, наметовъ, разнаго рода саковъ и удочекъ. Настоящіе рыбаки—греки, живущіе въ такъ-называемой Паніотовой балкѣ; они ловятъ неводами и рогожами... Составъ артелей встрѣчается разноплеменный: атаманъ, напримѣръ, армянинъ, а между рыбаками находятся и греки и татары, и великороссы, и малороссы, и нѣмцы. Матеріальныя выгоды соединили всѣхъ этихъ людей въ одну семью—въ артель... И невольно тутъ воскликнешь, глядя на такое собраніе,

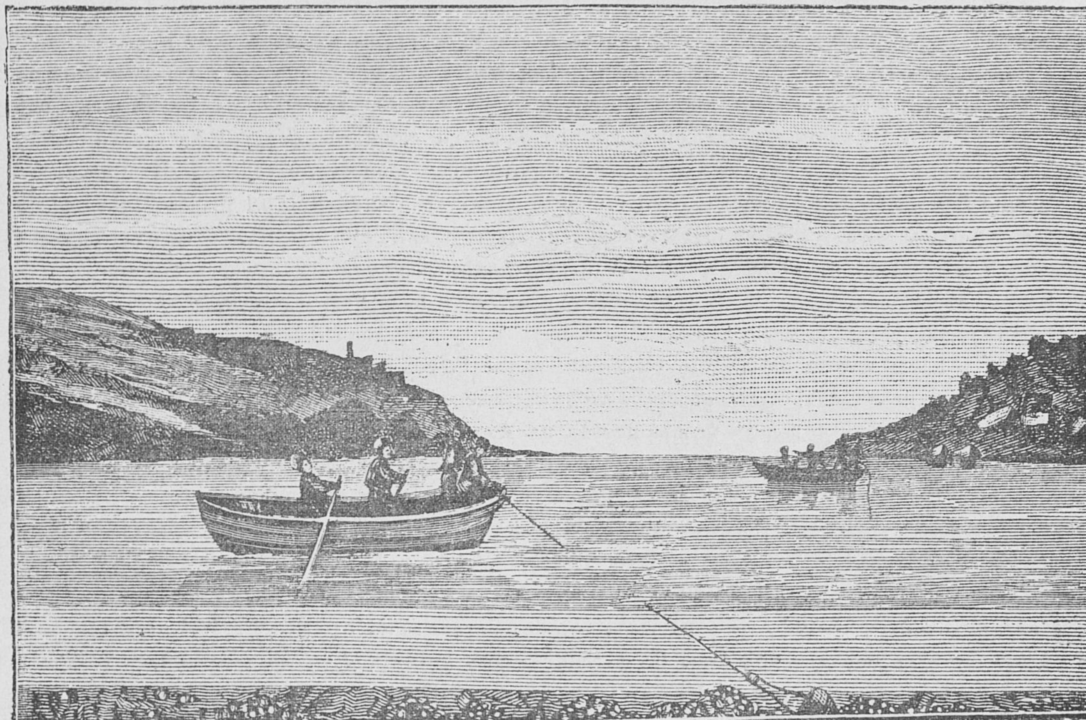
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!..

Балаклавская бухта также славится обиліемъ рыбы. Скомбрія, селедки, хамса періодически заходятъ сюда, а огромные табуны кефали и сарчановъ являются сюда зимовать. Въ зиму съ 1857 на 1868 г. въ бухту, напримѣръ, набилось столько кефали, что цѣна 1,000 штукъ понизилась до 6 руб. Рыбные заводы здѣсь расположены частью въ самомъ проходѣ, ведущемъ

изъ бухты въ море, частью при устьѣ этого прохода. Ловля кефали здѣсь производится посредствомъ рогожи.

При ловлѣ бредниками всегда также вытаскиваютъ множество маленькихъ раковъ; попадаются, впрочемъ, и краббы. Кромѣ того у южныхъ береговъ Крыма ловятся устрицы. Они достаются или просто руками, если держатся не на большой глубинѣ, или же посредствомъ особенной снасти, называемой ловушкой, которая разомъ загребаетъ груды устрицъ.

Въ Ѳеодосійской бухтѣ производится значительный сельдяной ловъ. Онъ начинается въ концѣ ноября и длится до марта и долѣе. Правильно устроенныхъ рыбныхъ заводовъ здѣсь нѣтъ. Сельдей, напримѣръ, ловятъ ручными неводами, на лодкахъ, отправляясь для ловли въ море, преимущественно въ темную ночь и при южномъ или юго-западномъ вѣтрѣ. Цѣлыя



Ловъ устрицъ ловушками у южнаго берега Крыма.

горы сельдей насыпаютъ прямо у пристани, во всѣхъ переулкахъ, идущихъ къ берегу и передъ каждымъ погребомъ, гдѣ занимаются соленьемъ сельдей... Такъ, по крайней мѣрѣ, было еще не особенно давно.

Въ бухтахъ кавказскаго берега рыбная ловля производится зимой и производится особенно дѣятельно у Сухума; здѣсь ловится кефаль, камбала, сельдь, хамса и другія рыбы. Сельдь ловятъ небольшими распорными неводами при помощи двухъ лодокъ, которыя, выметавъ неводъ, съѣзжаются, окруживъ ими извѣстное пространство моря, и затѣмъ, ставъ на якорь, вытягиваютъ сельдь въ кочерму (судно). Употребляется здѣсь также и наметная сѣть. Впрочемъ, наметомъ здѣсь болѣе ловятъ только хамсу и кефаль. Здѣсь сельдь также солятъ и—для мѣстнаго потребленія—коптятъ въ мелкихъ коптильняхъ или, просто, въ трубахъ духановъ. До послѣдняго времени въ этой части Чернаго моря рыболовствомъ занимались главнымъ образомъ турки, пріѣзжавшіе съ береговъ Анатоліи на своихъ кочермахъ, русское населеніе здѣсь—

очень рѣдкое и не привыкшее къ рыболовству. Удовлетворивъ мѣстныхъ солельщиковъ, турки принимались сами солить свои заловы прямо въ кочермахъ, нерѣдко наполняя весь трюмъ (до 1 саж. глубины) боченками съ рыбой. Эта-то рыба—также, какъ и батумская—до послѣдняго времени расходилась по Малой Азіи.

Красная рыба (осетръ, бѣлуга, севрюга), какъ уже сказано, не удаляется далеко въ море отъ устьевъ рѣкъ или ихъ лимановъ, такъ какъ въ лиманахъ нормальная соленость моря уменьшается массой прѣсной воды, вливаемой въ нихъ рѣками. Поэтому, ловлю красной рыбы причислять къ морскому рыболовству, въ строгомъ смыслѣ, невозможно. Всего болѣе красной рыбы у устьевъ Дуная, потомъ въ сосѣдствѣ Днѣпровскаго лимана и уже гораздо менѣе ея вблизи Днѣстра, Ріона и мало-азіатскихъ рѣкъ.

Сельдяной промыселъ болѣе или менѣе значителенъ по всему Черноморскому побережью, но всего болѣе видную роль онъ играетъ въ Керченскомъ проливѣ, въ Азовскомъ морѣ и въ нѣкоторыхъ его заливахъ и лиманахъ. Теперь мы и переходимъ къ Азовскому морю.

Рыбные промыслы на югѣ Азовскаго моря за послѣднее время (съ 1877 г.) значительно развились. До 1873 г. главнымъ пунктомъ ловли красной рыбы здѣсь бѣть Казантинъ, гдѣ насчитывалось до 10 рыбныхъ заводовъ. Съ 1873 г. на южномъ берегу Азовскаго моря, противуположномъ Казантинскому мысу, арендаторомъ береговой земли деревни Чечине были выстроены 5 новыхъ заводовъ; въ 1875 г. число заводовъ въ той мѣстности удвоилось и рыба ловилась съ большимъ успѣхомъ. Здѣсь ловится преимущественно осетръ, севрюга, изрѣдка попадается и бѣлуга, а въ первыхъ числахъ августа здѣсь встрѣчается много кефали.

Сельдь въ половинѣ сентября, вслѣдствіе охлажденія воды въ Азовскомъ морѣ, уходитъ въ Черноморскія воды, гоняясь за пищей—за мелкой рыбкой. Выйдя изъ Керченскаго пролива, сельдь идетъ вдоль берега Крыма до Ѳеодосіи, далѣе почти не заходитъ, и на южныхъ берегахъ Крыма ея не видали; часть ея идетъ вдоль кавказскаго берега вплоть до Батумской бухты. Весною въ мартѣ мѣсяцѣ сельдь возвращается въ Азовское море и идетъ метать икру въ Донъ и въ лиманы. Въ различныхъ мѣстахъ она ловится въ разное время. По лиманамъ Таганрогскаго залива, напримѣръ, она ловится въ мартѣ, у устьевъ Дона не ранѣе мая и д. д. Въ иномъ мѣстѣ она ловится долго, въ другомъ—не болѣе мѣсяца. Главный ловъ сельдей производится въ Керченскомъ проливѣ. При этомъ должно замѣтить, что въ этомъ проливѣ довольно часты катастрофы. Дѣло происходитъ такъ: выѣдутъ рыбаки на ловлю, слишкомъ перегрузятъ баркасъ сѣтями съ рыбой,—налетитъ шквалъ, зальетъ баркасъ, и люди тонутъ, а пустой баркасъ по нѣскольку дней носится волнами. Въ Полицейскомъ листкѣ, Керчь-Еникальскаго градоначальства, подъ рубрикой «происшествій», часто можно встрѣтить извѣстія о погибели рыбацкой лодки... Должно помнить, что здѣсь тысячи народа снискиваютъ себѣ пропитаніе отъ улова рыбы.

Говорятъ, сельди боятся льду. Въ подтвержденіе справедливости этого слуха, рыбаки разсказываютъ очень странный случай: однажды шерехъ (густая масса несмерзшихся ледяныхъ кристалловъ) внезапно появился у Камышъ-Буруна, гдѣ тогда было много сельдей—и вся стая ихъ тотчасъ бросилась къ берегу и до 2 милліоновъ штукъ осталось на сушѣ. Рыбаки опасались брать ихъ и солить, думая, что на рыбу напала какая-нибудь повальная болѣзнь.

Здѣсь сельдей исключительно ловятъ неводомъ. Только у самой крѣпости Еникале ловятъ и ставными сѣтями, связанными изъ очень тонкой пряжи, съ камнями на нижней подборѣ и съ балберами на верхней. Въ такую сѣтку, не болѣе 3 арш. въ вышину, съ ячеями, въ 1 верш., попадаетъ отъ 200 до 300 штукъ сельдей. Сельдяные же невода — отъ 120 до 500 саж. въ длину и отъ $5^1/_2$ до 6 с. въ ширину. Въ Камышъ-Бурунѣ бываютъ невода, доходящіе до 650 саж. въ длину, и менѣе, чѣмъ въ 500 саж., не употребляются вовсе. На верхнюю подбору надѣты поддерживающія неводъ балберки, а на нижней или вовсе нѣтъ грузилъ, или только рѣдкія свинцовыя таши. Къ каждому крылу привязываютъ посредствомъ клячей, то есть—распорныхъ

кольевъ, длинныя веревки, связанныя изъ частей, называемыхъ концами, по 75 саж. каждый. Конецъ къ концу привязывается петлею, такъ что каждый изъ нихъ легко отвязать—въ случаѣ нужды. Такихъ концовъ навязываютъ, смотря по величинѣ невода, къ пятному крылу (остающемуся на берегу) отъ 2 до 4, а къ бѣжному не менѣе 9 и до 12. У каждаго невода—своя артель рабочихъ, отъ 10 до 25 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана. Выметываетъ неводъ всегда самъ ата́манъ, но онъ невода не тянетъ, а только наблюдаетъ за правильностью тяги. Неводные заловы доходятъ иногда до 300,000 шт. сельдей, какъ, напримѣръ, случалось въ Камышъ-Бурунѣ, гдѣ въ такомъ случаѣ выборка сельдей изъ невода продолжалась отъ утренней зари почти въ теченіе цѣлаго дня. Мѣста, удобныя для тяги, то есть—очищенныя отъ всего, что могло бы мѣшать неводу, называются здѣсь *салами*.

Условія найма артели—обыкновенныя. Хозяинъ поставляетъ лодку и неводъ и пріискиваетъ опытнаго рыбака-атамана, а тотъ подряжаетъ рабочихъ, распоряжается всѣмъ ходомъ ловли и соленьемъ рыбы. Половина улова идетъ артели, по равному паю на каждаго человѣка, а атаманъ, кромѣ этого пая, получаетъ еще пай изъ хозяйской половины, а иногда и два или три пая, если хозяинъ особенно дорожитъ атаманомъ. Шестая доля, идущая въ пользу откупщика, выдѣляется изъ улова еще до раздѣла между хозяиномъ и артелью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (какъ, напримѣръ, въ Камышъ-Бурунскомъ заливѣ) устроены постоянныя жилища для рабочихъ—для забродчиковъ (какъ ихъ здѣсь называютъ) и строенія для посола сельдей; въ иныхъ же мѣстностяхъ (какъ, непримѣръ, у Еникале, вдоль Опасной косы) строятся большею частью только временные шалаши для пристанища забродчиковъ во время лова, прикрытыя камышемъ или землею, а иногда только—старыми парусами. У каждой неводной артели—свой шалашъ и къ каждому шалашу придѣлана четыреугольная загородка изъ камыша, въ родѣ дворика, въ которомъ забродчики варятъ себѣ пищу.

Для посола сельдей здѣсь употребляютъ четыреугольные лари. Въ большіе лари входитъ до 70,000 сельдей; небольшія количества солятъ въ бочкахъ. Въ чаны или въ бочки наливаютъ тузлукъ, въ который и бросаютъ сельдей безъ всякаго порядка, только разсортировавъ ихъ на *мѣрныхъ* и *немѣрныхъ*, причисляя къ немѣрнымъ всѣхъ сельдей, не имѣющихъ 4 вершковъ длины отъ глаза до хвостового плавника. Отъ времени до времени пересыпаютъ эти неправильные слои солью, полагая отъ 2 до 3 пудовъ соли на 1,000 мѣрныхъ сельдей. Дорожа мѣстомъ, рыбѣ не даютъ достаточно просолѣть и дней черезъ 12 уже вынимаютъ ее и сваливаютъ на покрытые рогожами возы скупщиковъ. Въ возы укладываютъ сельдь рядами, брюшками кверху, всегда въ одномъ и томъ же направленіи. Но такъ какъ головы толще хвостовъ, то на хвосты каждаго слоя накладываютъ еще по одному поперечному ряду сельдей, чтобы сравнять вышину головъ. Каждый слой пересыпаютъ солью, чтобы сельди досолѣли дорогой. Соленая сельдь идетъ отсюда въ Новороссійскій край, въ Малороссію и въ нѣкоторыя великорусскія губерніи. Въ уловистые годы въ одномъ Камышъ-Бурунскомъ заливѣ налавливаютъ отъ 5 до 7 милліоновъ штукъ, въ Еникале—до $2^1/_2$ милліоновъ, въ Ѳеодоссіи—до $1^1/_2$ милл., да въ Эльтыгенѣ до 500 тысячъ шт.

При этомъ еще должно замѣтить, что соль здѣсь не отличается иногда хорошими качествами, да и самый посолъ бываетъ не особенно аккуратенъ и искусенъ, отчего здѣшнія сельди далеко и уступаютъ голландскимъ. Между тѣмъ, голландецъ Вей, приглашенный сюда въ 1833 году, нашелъ, что наши сельди не уступаютъ голландскимъ по доброкачественности, (хотя онѣ и принадлежатъ къ другой породѣ). Затѣмъ, графомъ Воронцовымъ приглашались сюда два корнваллійскихъ рыбака для указанія болѣе легкаго и простого способа соленія сельдей, такъ какъ голландскій способъ требовалъ особенной тщательности и показался довольно сложнымъ.

Кромѣ свѣжей и соленой рыбы, отсюда много еще идетъ рыбы въ сушеномъ, въ вяленомъ и копченомъ видѣ. Кромѣ рыбы, много идетъ и различныхъ рыбныхъ продуктовъ. Такъ, по

нѣкоторымъ мѣстностямъ Азовскаго прибрежья приготовляется очень хорошій балыкъ, (на балыкъ идутъ осетръ и бѣлуга). Кефальная икра считается лакомымъ кушаньемъ. Судачья икра издавна приготовляется на Азовскомъ морѣ. Мѣшечки, въ которыхъ она заключается и которые довольно плотны и не такъ легко разрываются, какъ у осетровыхъ породъ, кладутъ слоями въ бочки и пересыпаютъ солью. На промыслахъ восточнаго берега Азовскаго моря добывается одного рыбьяго жиру болѣе 10,000 пудовъ и т. д.

Два условія—мелководіе и малосоленость воды—представляютъ въ Азовскомъ морѣ большія невыгоды для судоходства и въ то же время большія удобства для рыбной ловли. Есть еще одна невыгодная для судоходства особенность, заключающаяся въ образованіи береговъ этого моря, эта особенность составляетъ опять-таки преимущество для производства рыбнаго промысла. Именно всѣ берега Азовскаго моря удлиняются въ песчаныя или ракушечныя, далеко вдающіяся въ море, косы, которыя еще продолжаются въ болѣе или менѣе обширныя песчаныя отмели. Судамъ надо далеко объѣзжать эти косы, почему и устроены на тѣхъ изъ нихъ, которыя лежатъ на пути торговаго мореплаванія, маяки или, по крайней мѣрѣ, знаки. Но эти же самыя косы составляютъ въ высшей степени удобныя мѣста для рыболовства вообще, а въ особенности для тяги неводовъ. Море у этихъ косъ довольно мелко для того, чтобы неводъ, длиною съ версту или болѣе, могъ хватать до дна, а между тѣмъ все еще достаточно воды, чтобы вытягивать неводъ на берегъ; къ тому же и дно у такихъ косъ песчаное или ракушечное, такъ что нижняя подбора не загрузаетъ въ тину и рыбакамъ удобно входить въ воду для тяги. Почва косъ, обыкновенно, твердая и представляетъ большею частью полóго поднимающійся валъ, по которому и удобно тянуть, и можно раскидывать снасти для сушки, не опасаясь, чтобы ихъ залило или снесло водою. Этотъ же возвышенный валъ даетъ возможность устраивать необходимыя заведенія для приготовленія рыбы и временныя жилища рабочимъ, не опасаясь подмочки товара.

Косы Азовскаго моря представляютъ удобства не для одного только неводнаго лова, но и для крючнаго — тѣмъ, что занимающіеся имъ могутъ располагать свою снасть недалеко отъ мѣста, гдѣ устраиваютъ свои временныя жилища и солильныя заведенія. Они могутъ каждый день по два раза выѣзжать на переборку и выставку крючьевъ, привозить рыбу только-что пойманную домой и затѣмъ или вытаскивать свои лодки на песчаные берега, или оставлять ихъ въ небольшихъ бухточкахъ, которыми во многихъ мѣстахъ изобилуютъ косы.

Косы по отношенію къ рыболовству раздѣляются на двѣ группы. Однѣ изъ нихъ вдаются въ море въ видѣ узкихъ полосъ, оба края которыхъ могутъ служить мѣстомъ жительства для промышленниковъ и для производства рыбной ловли. Такихъ косъ насчитывается 14, а именно: Ѳедотова, Обиточная, Бердянская, Бѣлосарайская, Кривая, Бѣглицкая—по сѣверному берегу моря и Таганрогскаго залива; Очаковская, Чембурская, Сазальницкая, Ейская, Долгая — на южномъ берегу Таганрогскаго залива: Камышеватая—на восточномъ берегу моря и косы, Чушка и Тузла, вдающіяся изъ Таманскаго полуострова въ Керченскій проливъ. Общая длина ихъ равняется приблизительно 190 верстамъ, а такъ какъ оба берега ихъ болѣе или менѣе удобны для лова, то это составитъ 380 верстъ рыболовнаго протяженія. Другія косы отгораживаютъ собою лиманы, въ которыхъ хотя и производится ловъ, но не морской, или же отдѣляютъ такія вмѣстилища горько-соленой воды, какъ Сивашъ, гдѣ рыба вовсе не можетъ жить. Арабатская стрѣлка, какъ извѣстно, имѣетъ въ длину до 120 верстъ. Почти непрерывная коса, отдѣляющая отъ моря Кубанскую дельту съ ея лиманами, занимаетъ до 144 верстъ. Къ того же рода косамъ надо еще причислить небольшія выпуклины низменнаго прибрежья. Такія косы, а также и пересыпи, преграждающія входы въ существующіе или уже отдѣленные отъ моря лиманы, занимаютъ до 122 верстъ, такъ что протяженіе косъ этого разряда составитъ около 370, а вмѣстѣ съ прежними до 750 верстъ. Между тѣмъ, вся окружность Азовскаго моря, не

слѣдуя изгибамъ вдающихся заливовъ (какъ-то: Ейскаго, Бейсугскаго и т. под.) и выдающихся косъ, составляетъ только съ небольшимъ 1,000 верстъ.

Даже обрывистые и крутые берега рѣдко прямо спускаются въ море, обыкновенно же между ними и поверхностью воды есть еще болѣе или менѣе широкій песчаный или песчано ракушечный припай, который такъ же удобенъ для рыбнаго лова, какъ и настоящая коса.

Такимъ развитіемъ береговой линіи объясняется отчасти и успѣхъ азовскаго рыболовства. Въ Азовскомъ морѣ, кромѣ красной, иногда ловится огромное количество бѣлой рыбы, лѣтомъ —неводами, а зимою—сѣтками, причемъ особенно много ловится судакъ, лещъ, тарань. Напримѣръ, на Бѣлосарайской косѣ однажды (въ 1863 г.), въ половинѣ іюня былъ такой ловъ бѣлой рыбы, что въ одинъ неводъ затягивали отъ 20 до 30 возовъ, по 30 пудовъ кругомъ, леща и судака, т.-е. отъ 600 до 900 пуд. На Бѣлосарайской косѣ находится болѣе 30 неводныхъ заводовъ. Неводъ закидывается по нѣсколько разъ въ день, а ходъ рыбы въ это время продолжается недѣли двѣ. Поэтому, можно полагать, что въ одной этой мѣстности и даже не въ уловистое время было поймано не менѣе милліона штукъ рыбы... Но, кромѣ изобилія рыбы, условія азовскаго лова выгодны для рыбаковъ еще и въ другихъ отношеніяхъ. Промышленникамъ нѣтъ надобности заводить большія, дорого стоящія суда; для нихъ достаточно такихъ лодокъ, каковы каспійскія черневыя. Проживаютъ они если не дома, то во всякомъ случаѣ вблизи жилыхъ мѣстъ и не нуждаются въ заготовленіи большого количества провіанта. Притомъ же азовская рыба—жирная и хорошо цѣнится въ торговлѣ; наконецъ, самые берега Азовскаго моря представляютъ очень выгодный сбытъ, такъ какъ они хорошо заселены, обставлены такими значительными городами, какъ Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ, Ейскъ, Бердянскъ, Маріуполь, находятся въ постоянномъ морскомъ сообщеніи съ Одессой и отстоятъ не болѣе 400 верстъ отъ Харькова.

Теперь посмотримъ на главныя мѣста лова въ Азовскомъ морѣ и отмѣтимъ наиболѣе характерныя черты ихъ...

На Ейской косѣ ловится осетръ, икрянная севрюга и бѣлуга. Ловъ производится и зимнею порой ставными сѣтями и крючьями. Сазальницкая коса очень низменна и при низовыхъ вѣтрахъ вся затопляется водою, а поэтому неводный ловъ на ней неудобенъ. Послѣ такихъ наводненій здѣсь хорошо ловится сомъ и сазанъ: они заходятъ сюда вмѣстѣ съ водою и по слитіи ея остаются на мели по колдобинамъ и вообще низменнымъ мѣстамъ, долѣе остающимся подъ водою. Дѣятельность здѣсь происходитъ круглый годъ и ловъ вообще раздѣляется на 4 періода: весенній—до Николина дня, лѣтній или меженный—до Успенья, прасолъ или осенній —до замерзанія моря, и зимній или подледный. Здѣсь много ловится икрянной севрюги и икрянной бѣлуги и икрянаго осетра. Такъ какъ на Сазальникѣ не употребляютъ неводовъ, то бѣлая рыба ловится въ большомъ количествѣ только зимою. Лѣтомъ ловятъ крючьями, а зимой сѣтками. Первыя ставятся преимущественно по мелкимъ мѣстамъ недалеко отъ берега; сѣти же, обыкновенно, бываютъ трехстѣнныя, что называютъ здѣсь «съ порѣжью», т.-е. двѣ наружныя стѣны крупно-ячейныя. По сѣверному берегу Таганрогскаго залива на зимній ловъ собираются и жители деревень, довольно далеко лежащихъ отъ берега. Такъ, напримѣръ, съ деревень, лежащихъ по Міусу, почти всѣ крестьяне отправляются «на ледъ» и выручаютъ отъ 100 до 150 руб. на сани. Тѣ, которые не имѣютъ своихъ лошадей, саней и снастей, идутъ въ работники, въ прокормъ и изъ пятой части улова. Въ кутѣ залива отъ Чубурской и Бѣглицкой косы средній уловъ считается въ 50,000 пуд. красной рыбы, 6,000 пуд. икры и 100 пуд. клею. Цѣнность же всего улова не менѣе 160 тыс. руб. Вдоль прибрежья Міусскаго округа земли Войска Донского считается семь главныхъ заводовъ, да кромѣ того здѣсь подвизается множество мелкихъ ловцовъ. О значительности здѣшнихъ уловъ можно судить по тому, что въ теченіе двухъ уловистыхъ недѣль здѣсь добываютъ иногда до 5,000 пуд. икры.

Вдоль берега къ западу отъ рѣки Калліуса, до границъ Таврической губерніи, гдѣ ле

житъ очень уловистая Бѣлосарайская коса, (морской берегъ которой извѣстенъ подъ именемъ Виноградной косы),—находится 30 крючныхъ заводовъ, въ томъ числѣ 6 большихъ балычныхъ, нѣкоторые изъ этихъ заводовъ употребляютъ до 150,000 крючьевъ; на всѣхъ же заводахъ ихъ болѣе милліона. Здѣшній уловъ (красной и бѣлой рыбы), доставляетъ до 250 тыс. р., изъ которыхъ 104 тыс. приходится на Бѣлосарайскую косу (съ Виноградной), 90—на Бердянскую и 56—на прочія сосѣднія мѣстности. На косахъ Обиточной и Ѳедотовой—ловъ сравнительно незначительный. На Арабатской косѣ выдаются по своей уловистости слѣдующіе пункты: Еникале, гдѣ, кромѣ сельдяного лова, производится и крючный ловъ красной рыбы мелкими промышленниками, имѣющими отъ 5 до 10 тысячъ крючьевъ; Чайгуне—гдѣ до 20,000 крючьевъ; Китень—съ довольно большимъ заводомъ, и Казантинъ—одинъ изъ самыхъ значительныхъ заводовъ для лова красной рыбы на всемъ Азовскомъ морѣ; здѣсь налавливается свыше 15 тыс. пудовъ рыбы, здѣсь же добывается и скупается громадное количество икры и чуть ли не весь клей, какой доставляетъ уловъ всего Азовскаго моря. Въ 50-хъ годахъ хозяинъ Казантина, харьковскій купецъ Сѣриковъ, продавалъ иной разъ рыбы и рыбныхъ продуктовъ въ годъ на 400 и на 500 тыс. руб.

Сѣверный берегъ Керченскаго полуострова и южная часть Арабатской косы славятся приготовленіемъ самаго лучшаго балыка, безъ сомнѣнія, потому, что къ здѣшнимъ берегамъ рыба подходитъ очень рано, и уже въ мартѣ, когда еще довольно холодно, можно заняться приготовленіемъ балыка. Ловъ на Арабатской косѣ отличается нѣкоторыми особенностями, о которыхъ мы должны упомянуть здѣсь... На Арабатской косѣ и по Азовскому берегу Керченскаго полуострова весенній ловъ начинается, какъ уже сказано, съ очищеніемъ береговъ отъ льда, что въ разные годы случается въ различное время, чаще же всего съ начала марта. Чтобы не пропустить самаго начала весенняго лова, нанимаютъ на него работниковъ и приготовляются къ промыслу съ самаго Рождества. Весенняя путина продолжается до Троицынаго дня. Лѣтомъ здѣсь почти не ловятъ; осенній же ловъ начинается съ половины сентября и продолжается до начала декабря. Здѣсь употребляютъ два сорта крючной снасти, извѣстные подъ именемъ балберочной, или грузовой, и астраханки, или шматовой. Разница между ними заключается въ томъ, что на балберочную навязываютъ, черезъ каждые три или четыре крючка, по парѣ балберокъ, а черезъ сто крючьевъ, вмѣсто грузила, камень. На шматовой же навязываютъ, черезъ каждые 14 или 15 крючьевъ, по цѣлому пучку балберокъ отъ 7 до 10 штукъ, нанизанныхъ на веревочное кольцо; грузила же вовсе не употребляютъ. Выгоды этого устройства заключаются въ томъ, что если поймается рыба, то она огружаетъ шматъ и поэтому видно, есть ли рыба на снасти и нужно ли ее перебирать,—чего на балберочной снасти нельзя замѣтить, пока не вытянутъ снасти, которая вся загружена, хотя бы и не было въ ней рыбы. Четыре тысячи крючьевъ здѣсь называютъ *ставкою*. Первую ставку выставляютъ, отъѣхавъ отъ берега версты двѣ, и располагаютъ ее непрерывною линіей; отъѣхавъ еще версты двѣ вглубь, ставятъ вторую ставку и т. д. Работниковъ здѣсь нанимаютъ «изъ-полу». Если хозяинъ самъ за кормщика, то онъ также получаетъ пай изъ половины, причитающейся на долю забродчиковъ.

Должно еще замѣтить, что кромѣ рыбъ, поднимающихся въ рѣки для метанія икры и возвращающихся обратно въ море, заходятъ еще въ Азовское море и чисто морскія породы изъ Чернаго моря и также составляютъ предметъ промысловъ, хотя и незначительныхъ. Таковы нѣкоторые виды кефали, морской котъ, а изъ морскихъ млекопитающихъ—двѣ породы дельфина, извѣстныя подъ именемъ морскихъ свиней, отъ издаваемаго ими звука, похожаго на свиное хрюканье. Эти морскія породы держатся только близъ Керченскаго пролива и въ западной болѣе соленой части моря—до Геническа. Дельфины попадаются отчасти въ невода вмѣстѣ съ сельдями, отчасти нарочно ловятся сдѣланными изъ бечевокъ ставными сѣтями. Съ дельфиновъ снимаютъ лишь сало. Его до послѣдняго времени возили въ Одессу, гдѣ очи-

щали для горѣнія въ лампахъ, болѣе же для маяковъ. Ловъ дельфиновъ, впрочемъ, незначителенъ—и не только въ Азовскомъ морѣ, куда дельфины заходятъ случайно, гоняясь за рыбою, но даже и въ Черномъ, гдѣ ихъ очень много. Ловъ морскихъ котовъ производится лѣтомъ, преимущественно съ косы Тузлы, и болѣе съ черноморскаго, чѣмъ съ азовскаго берега ея. Изъ этихъ котовъ, достигающихъ 15 ф. вѣса, берутъ только одну печенку для вытапливанія изъ нея жира, точно такимъ же образомъ, какъ онъ вытапливается изъ тресковой печенки на мурманскомъ берегу. Этотъ жиръ до послѣдняго времени также шелъ на освѣщеніе. Въ неводъ коты попадаютъ вмѣстѣ съ другою рыбою до самой Долгой косы, гдѣ ихъ вытягиваютъ по нѣсколько десятковъ въ каждую тоню. Говорятъ, что нельзя ихъ затянуть очень много разомъ, потому что тогда они ложатся на дно, опускаютъ неводъ и уходятъ черезъ верхнюю подбору. Когда ихъ скопляется много, они колютъ другъ друга своими огромными хвостовыми шипами, такъ что вода окрашивается въ этомъ мѣстѣ ихъ кровью. Кефаль ловится около Геническа и потребляется мѣстнымъ населеніемъ...

Въ заключеніе—краткій итогъ. Въ Азовскомъ морѣ рыболовствомъ занято до 500 лодокъ и болѣе 150 неводовъ, и тысяча рабочаго народа находятъ на немъ себѣ пропитаніе и содержаніе для своихъ семей.

Изъ млекопитающихъ животныхъ въ Черноморскомъ бассейнѣ встрѣчаются, какъ уже сказано, нѣкоторые виды дельфиновъ и тюленей. Тюлени, впрочемъ, очень малочисленны и лишь изрѣдка въ одиночку подходятъ къ сѣверному берегу; напротивъ того дельфины, которые носятъ здѣсь вовсе не поэтическое названіе морскихъ свиней, подплываютъ иногда къ берегу цѣлыми стадами. Дельфины бываютъ двухъ видовъ: тупомордые и остромордые; тѣ и другіе питаются почти исключительно рыбою, и потому сопутствуютъ обыкновенно, какъ было уже упомянуто, табунамъ кефали и скомбріи, во всѣхъ ихъ переходахъ, врѣзываясь безпрерывно въ густые ихъ ряды за легкой добычей. Появленіе въ какомъ-нибудь мѣстѣ стаи дельфиновъ почти всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что по близости гдѣ нибудь находится большой табунъ кефали или баламута. Это же самое явленіе замѣтили еще древніе...

По Черноморскому прибрежью, поросшему камышемъ и кустарниками, покрытому озерами и плавнями, ютятся цѣлыя стада всевозможныхъ птицъ. Разнообразно и многочисленно здѣшнее птичье царство, хотя, разумѣется, оно не имѣетъ такого значенія, какъ черноморскій подводный міръ. Въ болотахъ живутъ кулики, каравайки, летающія длинными стаями, цапли, стада бѣлыхъ бабъ (пеликановъ), аисты, ручныя красныя утки и утки другихъ породъ. Когда днемъ закидывается тоня, то крячки слетаются къ ней со всѣхъ сторонъ, съ громкимъ крикомъ вьются надъ пространствомъ воды, захваченнымъ неводомъ, и даже безбоязненно садятся на верхнюю веревку невода, чтобы схватывать рыбокъ, которыя норовятъ выскочить изъ невода. Рыболовы цѣлыми шумными стаями носятся надъ поверхностью моря, преслѣдуя скомбрію, кефаль и другихъ рыбъ. Это—горячіе соперники черноморскимъ рыбакамъ, ибо охотятся съ ними за одной и той же добычей. Эти птицы иногда посѣщаютъ и соленыя озера, находящіяся по близости моря и даже порой залетаютъ въ степи. Утки, говорятъ, нерѣдко заплываютъ *въ коты*, не могутъ изъ нихъ высвободится и погибаютъ. (Коты, какъ извѣстно, состоятъ изъ тростниковыхъ перегородокъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что рыба, пробирающаяся между ними, доходитъ, наконецъ, до глухой камеры, изъ которой уже никакъ не можетъ выйти обратно. Такими котами загораживаются проливы (ерики) между приморскими озерами, а также небольшія рѣчки. Коты устраиваются весною, во время нереста рыбы, но потомъ иногда не снимаются и въ продолженіе всего лѣта).

Изъ птицъ—на плавняхъ еще водятся массами зимородки и красные кобчики. Въ приморскихъ пещерахъ ютятся сѣрые нетопыри. Орлы важно сидятъ на вершинахъ утесовъ, и коршуны плавно носятся въ воздухѣ, зоркимъ окомъ высматривая себѣ добычу. Приморскія мѣстности изобилуютъ также куропатками, дрохвами, стрепетами, а осенью кроншнепами. Изъ

водяныхъ птицъ обращаютъ еще на себя вниманіе нырцы, лысухи, лебеди, гуси, бакланы... Забавно видѣть, какъ бакланы—эти широколапыя птицы—карабкаются по утесамъ, то соскакивая въ воду, то снова взлѣзая на утесъ. Лебеди лѣтомъ находятъ себѣ любимое пристанище на Сарабулатскихъ островахъ. Вообще относительно черноморскихъ птицъ должно замѣтить, что многія изъ нихъ прилетаютъ сюда только на зиму и поэтому считаться мѣстными, въ полномъ смыслѣ слова, не могутъ.

Богаты прибрежья Чернаго моря, и богатства ихъ разнообразны и до сего времени еще не вполнѣ изслѣдованы. Царство растительное здѣсь, по истинѣ, роскошно. Спрашивайте не о томъ, что здѣсь есть, а спрашивайте о томъ, чего здѣсь нѣтъ?... Кедръ, кипарисъ, оливковое дерево, груши, яблони, персиковыя и абрикосовыя деревья, черешня, сливы, каштаны, грецкіе орѣхи, виноградъ и цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ ягодныхъ кустарниковъ растутъ здѣсь на полномъ привольи. Здѣсь произрастаютъ всевозможнаго рода хлѣба: пшеница-арнаутка, гречиха, кукуруза, просо, рожь... Въ Бессарабіи, въ Крыму и на Кавказѣ разводятся табачныя плантаціи. Притомъ еще и значительныя минеральныя богатства. На островѣ Тамани добывается нефть. Изъ черноморскихъ лимановъ и соленыхъ озеръ, отдѣляющихся отъ моря лишь небольшими узкими пересыпями, а также изъ озеръ Крымскихъ добывается самосадочная соль, составляющая треть всего количества ея, потребляемаго въ Россіи. По сосѣдству съ Черноморскимъ бассейномъ (въ Донецкомъ кряжѣ, въ губ. Екатеринославской и въ области Войска Донского) уже и теперь происходитъ разработка каменнаго угля, а въ будущемъ обѣщаетъ еще болѣе.

Нѣкоторые виды промышленности (какъ, напримѣръ, винодѣліе) были уже извѣстны и достигли значительнаго развитія еще во времена глубокой древности. Находимая повсемѣстно въ горной части Крыма одичалая виноградная лоза служитъ доказательствомъ, что виноградарство и винодѣліе процвѣтали въ Тавридѣ съ древнѣйшихъ временъ. На это указываютъ и глиняныя амфоры, вырываемыя изъ-подъ древне-греческихъ развалинъ во многихъ мѣстностяхъ крымскаго берега и встрѣчаемыя и понынѣ (особенно въ окрестностяхъ древняго Херсонеса), высѣченныя прямо въ скалахъ *тарапаны*, то-есть—давильные ящики и каменные чаны, служившіе древнимъ грекамъ для давки воноградa и для сбора винограднаго сока. На бѣломъ мраморномъ камнѣ, найденномъ въ Херсонесѣ въ 1794 году, на одной сторонѣ, изсѣчено «народъ Агазиклектею», и тутъ же въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ листьевъ, при вычисленіи заслугъ, оказанныхъ республикѣ этимъ государственнымъ мужемъ, указывается на то, что онъ «привелъ въ цвѣтущее состояніе воздѣлываніе виноградной лозы въ деревняхъ». Генуэзцы наслѣдовали отъ грековъ и развили еще болѣе въ широкихъ размѣрахъ воздѣлываніе виноградниковъ въ Крыму. Русскіе купцы въ древности пріѣзжали сюда за виномъ въ Солдайю (нынѣ Судакъ).

Хлопчато-бумажный кустарникъ и тутовыя деревья въ изобиліи разводились въ Арменіи, а равно и шелковичные черви. Шелковыя и бумажныя издѣлія съ глубокой древности служили однимъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли Арменіи. Здѣсь также были развиты виноградарство и винодѣліе... Слѣды серебряныхъ рудниковъ, разрабатывавшихся генуэзцами на Кавказѣ, замѣтны и понынѣ. Колхида (нынѣшнія Имеретія и Мингрелія) издревне славилась своимъ золотомъ. Нѣкоторыя изъ рѣкъ смывали съ горъ Сванетіи золотоносный песокъ, и еще въ XVIII столѣтіи жители собирали его... Весьма вѣроятно, что и нынѣ въ нѣдрахъ горъ Кавказскихъ залегаютъ большія металлическія богатства...

Говоря о богатствахъ Черноморскаго побережья, нельзя не упомянуть о цѣлебныхъ минеральныхъ источникахъ и грязяхъ, которыя уже издавна пользовались въ народѣ громкою славою. Таковы—Сакскія и Чокракскія грязи въ Крыму.

Сакскія грязи находятся при татарской деревнѣ Сакъ, довольно населенной, лежащей на большомъ почтовомъ трактѣ въ 19 верстахъ отъ Евпаторіи и въ 43 отъ Симферополя. Грязи

расположены въ окрестности большого соленаго озера, въ $^1/_2$ версты отъ деревни и въ 2 верстахъ отъ берега моря. Сакское соленое озеро довольно обширно, неправильной формы и отдѣлено отъ моря песчаной косой. Юго-западная часть его, прилегающая къ морю, мелководна, а южная и сѣверная—шире и глубже, нежели восточная. Окрестности очень однообразны; почва песчаная, солончаковая и глинистая. Береговая почва пропитана поваренною солью и кое-гдѣ покрыта растительностью. Цвѣтъ воды озера—мутный, изъ сѣра-желтоватый, съ розоватымъ оттѣнкомъ; она густа и горько-соленаго вкуса. Степень густоты «роны» (воды) зависитъ, впрочемъ, отъ состоянія погоды: если стоятъ жары, то рона гуще, а послѣ дождя—жиже. Иногда поверхность озера принимаетъ темно-розовый цвѣтъ, что приписываютъ живущимъ въ немъ низшимъ организмамъ изъ рода monas.

Грунтъ Сакскаго озера, подъ водой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песчаный или илистый; гдѣ онъ—песчаный, тамъ вскорѣ за пескомъ слѣдуетъ слой ила—черная и блестящая, мягкая, жирная масса, густая и липнущая къ кожѣ, трудно отмываемая, особенно въ прѣсной водѣ. Если же грязь оставить на воздухѣ, то она въ высохшемъ видѣ становится сѣрою, хрупкою и легко стирается въ порошокъ. Толщина ила, лежащаго на сѣрой глинѣ, въ различныхъ мѣстахъ различна—отъ нѣсколькихъ четвертей до аршина и даже до сажени. Для грязевыхъ ваннъ берутъ грязь со дна обнажающагося отъ воды озера и тачками свозятъ ее на назначенное для пріема ваннъ мѣсто. Самая мѣстность Сакъ въ климатическомъ отношеніи очень здоровая: воздухъ всегда чистый, свѣжій; только при западныхъ вѣтрахъ здѣсь пахнетъ сѣрнистымъ водородомъ отъ лежащихъ въ окрестности соленыхъ озеръ. Такъ какъ мѣстность совершенно ровная и открытая, то здѣсь почти постоянно дуютъ вѣтры; къ вечеру, впрочемъ, вѣтеръ стихаетъ. Температура воды въ Сакскомъ озерѣ лѣтомъ калеблется отъ +18 до +25° Р.

Грязевыя ванны употребляются: грунтовыя, т.-е. въ естественномъ видѣ, разводныя, ропныя и мѣстныя (ручныя, ножныя и т. д.). Естественныя ванны принимаются на открытомъ воздухѣ, для чего на площадку свозятъ на тачкахъ минеральный илъ. Илъ долженъ быть влаженъ, мягокъ и безъ всякихъ постороннихъ примѣсей; свозятъ его наканунѣ вечеромъ или рано утромъ, чтобы излишекъ влаги стекъ. Сложивъ илъ, разминаютъ его ногами до тѣхъ поръ, пока онъ не обратится въ мягкую массу; тогда его разстилаютъ въ овальной формы пластъ—въ 3 или 4 вершка толщиной—длиной въ ростъ человѣка и оставляютъ нагрѣваться отъ солнечныхъ лучей. Площадка, на которой принимаются грязевыя ванны, защищена досчатымъ заборомъ отъ вѣтра.

Самый первобытный способъ лѣченія ваннами былъ заимствованъ у татаръ и состоялъ въ томъ, что вырывали яму въ обнаженной отъ верхняго слоя грязи и оставляли ее нагрѣваться, а когда грязь достаточно нагрѣвалась, тогда больного сажали въ полусидячемъ положеніи и обкладывали по шею горячей грязью на болѣе или менѣе продолжительное время. Затѣмъ вынимали его, очищали отъ грязи и одѣтаго вели въ ближайшее помѣщеніе, гдѣ снова раздѣвали, обливали нагрѣтою ропой и отправляли домой потѣть. Нынѣ измѣнились только подробности. Съ утра приготовленный пластъ грязи попрежнему нагрѣвается солнечными лучами, пока температура грязи не достигнетъ 36—39°Р., (хотя это нагрѣваніе давно бы уже слѣдовало замѣнить искусственнымъ, посредствомъ паровика, для того, чтобы больные не находились въ зависимости отъ состоянія погоды).

Самая же процедура лѣченія происходитъ такъ: по возможности быстро, сразу, при помощи служителя, раздѣвшійся больной ложится въ ванну на спину, подложивъ подъ бедра кисти рукъ, причемъ подъ голову подкладывается туго набитая сѣномъ подушка, а надъ головой больного для защиты отъ солнечныхъ лучей ставится большой плоскій холщевой зонтъ, и все тѣло больного вплоть до подбородка закрывается грязью. По прошествіи назначеннаго времени, больного поднимаютъ, быстро снимаютъ съ него грязь и, надѣвъ плащъ, ведутъ въ помѣщеніе, гдѣ окачиваютъ теплою ропою и, одѣвъ на него теплое платье, отправляютъ въ

его комнату. Дома больной долженъ немедленно раздѣться, лечь въ согрѣтую постель, тепло укрыться и потѣть въ теченіе двухъ часовъ. Разводныя ванны принимаются не на открытомъ воздухѣ, но въ зданіи лѣчебницы: въ мраморную или деревянную ванну кладутъ нѣсколько ведеръ грязи, разминаютъ ее, подливая постепенно нагрѣтой ропы, и доводятъ до надлежащей температуры (30—34° Р.). Хотя цѣлебное дѣйствіе тѣхъ и другихъ ваннъ одинаково, но естественныя ванны предпочитаются. Для людей слабыхъ, истощенныхъ и нервныхъ, а также для дѣтей—разводныя ванны вовсе не полагаются. Удобство разводныхъ ваннъ состоитъ въ томъ, что онѣ во всякую погоду могутъ быть приготовленны. Ропныя ванны состоятъ просто изъ нагрѣтой озерной ропы и служатъ уже какъ бы финаломъ для лѣченія грязями. Отъ нихъ уже переходятъ къ купальнямъ въ морѣ. Мѣстныя ванны—ручныя, ножныя и т. д., также, какъ и втиранія теплой грязи и грязевые компрессы, употребляются при мѣстныхъ страданіяхъ, отдѣльно или въ соединеніи съ общими ваннами. При пріемѣ ваннъ непремѣнно присутствуетъ врачъ.

Грязевыя ванны очень полезны при лѣченіи ревматизмовъ, періостита, золотушныхъ страданій и малокровія, меркуріализма, опухолей разнаго рода, параличей и невральгіи. Лѣчебный сезонъ здѣсь длится съ первыхъ чиселъ іюня и до половины августа. При грязелѣчебницѣ существуетъ библіотека, въ которую выписываются журналы, русскія и иностранныя газеты; есть билліардъ и фортепіано. Насколько благотворно дѣйствуютъ Сакскія грязи— можно видѣть изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ цифръ: въ сезонъ 1880 всѣхъ больныхъ (мужчинъ и женщинъ) здѣсь было 286 человѣкъ; изъ нихъ 212 получили значительное облегченіе, 61—облегченіе незначительное, 13 остались безъ перемѣнъ.

Вотъ уже цѣлое столѣтіе прошло послѣ того, какъ Сакскія грязи сдѣлались извѣстны русскому обществу своею чудодѣйственною силою. При присоединеніи Крыма къ Россіи Сумароковъ въ своихъ письмахъ въ 1783 г., впервые упоминаетъ о Сакскихъ грязяхъ. Слава о цѣлебномъ свойствѣ ихъ была такъ велика среди туземнаго населенія, что Сумароковъ самъ лѣчился ими по совѣту татаръ. Въ 1807 г. д-ръ Лангъ обратилъ на нихъ серьезное вниманіе и сталъ лѣчить больныхъ подъ своимъ наблюденіемъ. Оффиціально значеніе грязей было признано лишь въ 1827 г. и тогда онѣ были подчинены вѣдѣнію уѣзднаго врача. Лѣченіе грязями въ ту пору велось самымъ первобытнымъ способомъ; больные помѣщались въ хатахъ у татаръ и брали ванны на открытомъ мѣстѣ, около озера, садясь въ яму, заранѣе вырытую и нагрѣтую солнечными лучами, и обкладываясь грязью по самый подбородокъ. Только въ 40-хъ годахъ, благодаря дѣятельности князя Воронцова, обращено было вниманіе на обстановку лѣченія. Для пріѣзжихъ невоенныхъ была выстроена гостиница съ нумерами, а для военныхъ— каменный корпусъ. Оба эти зданія разрушены во время крымской войны. Въ 1814 г. Сакскія грязи были отданы въ аренду частному лицу, а отъ него въ самомъ жалкомъ видѣ поступили въ 1880 г. въ вѣдѣніе Таврическаго земства, и съ тѣхъ поръ грязелѣчебница, по словамъ д-ра Корсакова, стала понемногу «заштопываться»...

Всѣ въ этомъ очеркѣ перечисленныя нами богатства, естественно, должны были обратить на Черноморье вниманіе древняго образованнаго міра. И дѣйствительно, какъ оказывается, греки уже въ раннiй періодъ своего историческаго существованія проторили дорогу въ Черное море къ берегамъ Колхиды и въ Меотидское озеро черезъ Киммерійскій босфоръ (Керченскій проливъ). Путешествія за золотомъ въ Колхиду послужили даже темой для созданія цѣлаго цикла миѳовъ, изъ числа которыхъ сказаніе о походѣ Аргонавтовъ играло такую видную роль. Греки первые воспользовались Чернымъ моремъ. Сначала, какъ извѣстно, они назвали его «негостепріимнымъ моремъ»—Аксинскимъ, считая его недоступнымъ по причинѣ

сильныхъ бурь и дикости прибрежныхъ народовъ, въ особенности скиѳовъ, которые будто бы приносили въ жертву чужестранцевъ, питались ихъ мясомъ и употребляли черепа вмѣсто чашъ. Но затѣмъ, когда были основаны греческія колоніи, море стало уже называться Евксинскимъ—«гостепріимнымъ», а страхи и ужасы странъ Киммерійскихъ понемногу разсѣялись...

Изъ греческихъ колоній особенно выдавались своимъ богатствомъ: Фазисъ (неподалеку отъ нашего города Поти), Гераклея (близъ устьевъ рѣки Ингура, въ нынѣшней Абхазіи), Діоскуріада (также на абхазскомъ берегу). «Богатый торговый городъ былъ Діоскуріада, говоритъ Страбонъ. Этотъ городъ служилъ общимъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для народовъ, сосѣднихъ съ Чернымъ и Каспійскимъ морями. По словамъ однихъ, въ этомъ городѣ встрѣчается до 70 различныхъ народностей, а по словамъ другихъ, которые не заботятся нимало объ истинѣ,—триста». Греки вывозили крымскую соль изъ своихъ таврическихъ колоній, особенно изъ Пантикапеи (Керчь) и обмѣнивали ее кавказскимъ народамъ на просо, кукурузу, льняныя полотна, воскъ, медъ, вино, шелкъ и т. д. Греками же былъ основанъ здѣсь цвѣтущій, торговый городъ Танаисъ на рѣкѣ того же имени (нынѣшній «Донъ Ивановичъ»). Этотъ городъ служилъ общимъ мѣстомъ торговли для азіатскихъ и европейскихъ кочевниковъ съ одной стороны, и для народовъ, прибывающихъ на судахъ въ Меотійское озеро изъ Босфора—съ другой стороны. Первые доставляютъ рабовъ, кожи и т. под. предметы, а вторые привозятъ для обмѣна платье, вино и проч. «Танаисъ извѣстенъ намъ только въ своихъ устьяхъ,—далѣе говоритъ Страбонъ; выше устьевъ лишь небольшая часть рѣки извѣстна, причиною чего *холодъ* и *бѣдность* лежащихъ тамъ странъ. Такія неудобства могутъ быть переносимы туземцами (автохѳонами), которые по обычаю номадовъ питаются мясомъ и молокомъ, но они невыносимы для иностранцевъ... Въ 800 стадіяхъ отъ Танаиса лежитъ на берегу большой Ромбитъ, въ которомъ сосредоточена большею частью ловля рыбы, годной для соленія. Далѣе лежитъ меньшій Ромбитъ и мысъ, имѣющій также меньшія рыболовни». Очевидно, что черноморское рыболовство и тогда уже достигало значительнаго развитія. Жители нѣкоторыхъ мѣстностей Черноморья, по словамъ древняго географа, «получали прибыль отъ моря въ видѣ тунцовъ... ловили также пеламидовъ и дельфиновъ. Дельфины, преслѣдуя стада рыбъ, молодыхъ тунцовъ и самокъ и самихъ пеламидовъ, тучнѣютъ, дѣлаются удоболовимыми, потому что въ поискахъ за лакомою пищей они подходятъ близко къ берегу... ихъ убиваютъ и большое количество ихъ жира употребляется на разныя нужды».

Вообще Страбонъ, какъ человѣкъ родившійся и жившій на Черномъ морѣ, очевидно, хорошо зналъ его, и сообщаетъ не мало интересныхъ свѣдѣній, ходившихъ объ этомъ морѣ въ средѣ его современиковъ. Такъ, напримѣръ, восточный берегъ Чернаго моря онъ описываетъ, какъ страну, богато одаренную природой. «Страна по Фазису, говоритъ онъ, изобилуетъ плодами, (за исключеніемъ меда, который большею частью горекъ на вкусъ) и всѣмъ необходимымъ для кораблестроенія. Такъ, почва здѣсь производитъ лѣсъ, который отвозится внизъ по рѣкамъ; въ большомъ количествѣ здѣсь производится ленъ, пенька, воскъ и смола. Обработка льна даже славится; часть льняныхъ продуктовъ вывозится за предѣлы страны... Какою славою пользовалась въ древности эта область (Колхида), показываютъ миѳы, повѣствующіе о походѣ Язона... Здѣсь весенніе потоки, дѣйствительно, несутъ золото, и варвары собираютъ его въ просверленныя корыта и въ косматыя кожи, откуда и сложилась басня *о золотомъ рунѣ*... Этотъ (восточный) берегъ большею частью безъ гаваней и гористый. Обитатели этого берега живутъ морскимъ разбоемъ, для чего у нихъ есть тонкія, узкія и мелкія лодки, вмѣщающія около 25 человѣкъ. Снаряжая флоты изъ такихъ лодокъ и нападая то на транспортныя суда, то на какую-нибудь область или городъ, они господствуютъ на морѣ. Возвращаясь на родину, будучи не въ состояніи поставить свои корабли на якоря, они кладутъ свои лодки (камары) на плечи, несутъ ихъ въ лѣса, въ которыхъ и живутъ, обрабатывая скудную почву; потомъ снова несутъ лодки къ водѣ, когда придетъ время плаванія...

Торговля древнихъ грековъ съ Колхидой и съ народами прикавказскими была очень обширна. Въ ту пору путь въ Индію шелъ по Черному морю, далѣе рѣкою Фазисомъ (нынѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, рѣка Квирилла, притокъ Ріона), затѣмъ сухимъ путемъ до р. Куры, Каспійскимъ моремъ, сухимъ путемъ черезъ страну парфянъ и, наконецъ, Индомъ. Греки вывозили изъ Азіи пряности, благовонія, слоновую кость, шелковыя ткани, жемчугъ и т. под. Впослѣдствіи также успѣшно торговала на Черномъ морѣ Арменія; торговля ея шла съ Колхидой и съ другими пунктами Черноморскаго побережья, съ Персіей. Армяне ѣздили со своими товарами на островъ Тамань и въ Крымъ, гдѣ даже и завели свои колоніи.

Послѣ грековъ на Черномъ морѣ явились римляне, и римскій флотъ, изъ 40 судовъ, постоянно ходилъ по Черному морю для защиты торговыхъ судовъ отъ пиратовъ и отъ разбойничества воинственныхъ племенъ Кавказскаго прибрежья. Лучшая рыба въ ту пору отправлялась отсюда въ Римъ—въ угоду «всемірнымъ повелителямъ и сластолюбамъ». Послѣ римлянъ византійскіе греки пытались было утвердить свое господство на Черномъ морѣ, но безуспѣшно. Послѣ нихъ на Черномъ морѣ явились итальянцы, впрочемъ, черезъ значительный промежутокъ времени. Mare Majorum—«Великимъ моремъ»—назвали его итальянцы. Послѣ пизанцевъ и венеціянцевъ, основавшихъ въ Азовскомъ морѣ г. Тану (Азовъ), явились генуэзцы, основали свои богатыя колоніи и далѣе прочихъ итальянцевъ держались здѣсь. 200 лѣтъ вели они обширную торговлю по берегамъ Чернаго моря, съ Арменіей, съ Азіатской Турціей, съ Кавказомъ и съ дальнимъ Востокомъ. Варвары сокрушили генуэзскую торговлю. Исчезъ цвѣтущій міръ греческихъ и генуэзскихъ колоній, орды кочевниковъ прошли по Черноморскому побережью, и вся эта страна покрылась на время шатрами и стадами двигавшихся по ней туда и сюда воинственныхъ пришельцевъ... И съ тѣхъ поръ—только около 100 лѣтъ тому назадъ—въ этомъ краѣ опять стала созидаться осѣдлость, стала востановляться торговая дѣятельность и развиваться культура.

Для Россіи нужно было это южное море, и Россія выдержала изъ-за обладанія имъ жестокую, упорную, вѣковую борьбу. Это море было необходимо для Россіи, для защиты ея южныхъ береговъ и береговъ Кавказа, а также для развитія ея торговли и морскихъ силъ. Почти въ теченіе двухъ столѣтій русскіе вели кровавыя войны изъ-за этого моря, и въ эти войны пали сотни тысячъ людей и потрачены милліоны народныхъ денегъ... Русскимъ уже давно знакомо это море. Еще въ XII столѣтіи, одновременно съ появленіемъ венеціянцевъ, на сѣверо-востосточнмъ берегу Чернаго моря пріютилось маленькое русское княжество Тмутараканское. Но въ XIII вѣкѣ явились татары и оттѣснили русскихъ изъ Тмутаракани. Въ теченіе почти двухъ столѣтій турки и крымскіе татары держали въ страхѣ всю южную Русь, въ то же время окончательно отрѣзавъ ее отъ Чернаго моря.

Петръ I постигнулъ всѣ выгоды, какія могутъ произойти отъ владычества надъ Чернымъ моремъ; онъ понялъ, что съ этимъ владычествомъ неразрывно соединено развитіе русской промышленности, а вмѣстѣ съ ними и развитіе народнаго благосостояніе и государственнаго могущества. И Петръ рѣшился завоевать Азовъ, чего бы то ни стоило, и завести на Черномъ морѣ флотъ. Первая осада Азова была неудачна. Во второй разъ Азовъ послѣ двухмѣсячной осады сдался рускимъ въ 1696 году. Въ 1698 г. на пустынномъ мысу, выдвинутомъ далеко въ Азовское море, Петръ построилъ гавань и городъ Таганрогъ. Постройка судовъ производилась на Воронежской верфи. Такимъ образомъ, было положено начало военному флоту на Черномъ морѣ. Петръ вынудилъ у турокъ и право свободнаго плаванія по морю, но послѣ неудачнаго Прутскаго похода (въ 1711 г.), принуждены были снова уступить Турціи Азовъ.

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны русскіе вели войну съ турками не совсѣмъ неудачно, но все-таки по бѣлградскому мирному договору въ 1739 г. русскимъ подданнымъ была предоставлена свободная торговля на Черномъ морѣ и дозволено строить крѣпость вблизи Азова. При Екатеринѣ II послѣ продолжительной и упорной войны, по Кучукъ-

Кайнарджійскому миру, въ 1774 г. было предоставлено для пользы Турціи и Россіи «вольное и безпрепятственное плаваніе купеческимъ кораблямъ сихъ державъ во всѣхъ моряхъ, ихъ земли омывающихъ». Русскимъ судамъ—наравнѣ съ французскими и англійскими—былъ, наконецъ, предоставленъ проходъ въ Средиземное море. Съ тѣхъ поръ русская торговля на Черномъ морѣ начала пріобрѣтать все большее и большее значеніе. По присоединеніи къ Россіи Крыма въ 1783 г., торговая дѣятельность еще болѣе усилилась... Геній Потемкина провидѣлъ блестящее будущее для этого благодатнаго края. Потемкинъ упорно стремился сюда, въ этотъ Новороссійскій край. По иниціативѣ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка былъ основанъ въ Крыму въ 1784 г. военный портъ Севастополь и возникли города—Херсонъ, Екатеринославъ и Николаевъ. Послѣ войны 1787 г., по яcскому договору (1791 г.), Россія пріобрѣла пространство между Бугомъ и Днѣстромъ... Вотъ какого рода цѣнныя пріобрѣтенія сдѣлалъ для своего отечества русскій солдатъ подъ предводительствомъ такихъ вождей, какъ Суворовъ и Румянцевъ! Черезъ пріобрѣтеніе Чернаго моря Россія выиграла, по меньшей мѣрѣ, столько же, сколько черезъ пріобрѣтенія на Сѣверѣ—присоединеніемъ къ русскому государству Балтійскаго прибрежья...

Въ 1794 г. основанъ «золотой городъ»—Одесса, прежде незначительная деревушка Хаджибей, присоединенная къ русскимъ владѣніямъ послѣ войны съ Турціей въ 1787—1791 г. г. Чтобы дать понять о значеніи и быстромъ развитіи этого города, достаточно указать на то, что торговые обороты съ его возникновенія до 1872 г., т.-е. въ теченіе 78 лѣтъ, возросли болѣе, чѣмъ въ 622 раза...

Въ царствованіе Александра I, послѣ войны 1806 г., Турція уступила Россіи Бессарабію и подтвердила всѣ прежніе договоры, клонившіеся къ выгодамъ Россіи. При Николаѣ I, послѣ войны 1827—29 г., по Адріанопольскому миру Турція уступила Россіи восточный берегъ Чернаго моря и признала протекторатъ Россіи надъ всѣмъ православнымъ населеніемъ Оттоманской имперіи. Тогда-то на Черномъ морѣ появилось торговое пароходство. Обществу торговаго пароходства назначена была отъ правительства помильная плата—по 5 руб. за каждую пройденную милю. Пароходы съ того времени стали содержать болѣе или менѣе правильное сообщеніе между Константинополемъ и Одессой, между Кавказомъ и Крымомъ и вообще между всѣми мѣстностями Черноморскаго прибрежья. Въ 50-хъ годахъ Россія содержала на Черномъ морѣ уже довольно сильный флотъ, какъ вдругъ въ 1853 г. началась, такъ называемая, Крымская кампанія, война Россіи съ европейской коалиціей, то-есть—съ Англіей, Франціей и Сардиніей. То была тяжкая година. Послѣ отчаянной, геройской защиты Севастополь палъ... Тогда по Парижскому трактату Черное море было объявлено нейтральнымъ для купеческихъ судовъ всѣхъ націй и по XIV статьѣ этого трактата, какъ извѣстно, ни одна держава не имѣла права содержать на Черномъ морѣ военный флотъ. Кромѣ того, въ приложеніи къ трактату было постановлено, чтобы Россія ограничила свои морскія силы до minimum'а. Но въ 1870 г. императоръ Александръ II повелѣть соизволилъ государственному канцлеру князю Горчакову «объявить всѣмъ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1856 г., что Онъ въ виду неоднократныхъ нарушеній этого трактата Турціей, Англіей и Франціей, не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами этого трактата и возстановляетъ свои верховныя права на Черномъ морѣ, предоставляя то же самое и Турецкому султану, и уничтожаетъ условіе, изложенное въ XIV статьѣ трактата, которымъ стѣснялись размѣры нашего военнаго Черноморскаго флота». 2 марта 1871 г. уполномоченные державъ подписали трактатъ, уничтожающій ограниченіе правъ Россіи на Черномъ морѣ. Съ этого времени было приступлено къ устройству Черноморскаго флота, причемъ городъ Николаевъ былъ избранъ военнымъ портомъ для судовъ. И Севастополь сталъ мало-по-малу возникать изъ пепла...

Въ числѣ мотивовъ для начатія послѣдней Турецкой войны Черное море, какъ извѣстно, не играло никакой роли, а поэтому успѣшною дипломатическою кампаніей 1871 г. мы закончи-

ваемъ свой бѣглый историческій очеркъ борьбы—борьбы упорной и жестокой, которую вела Россія съ Турціей за обладаніе Чернымъ моремъ...

Вѣковая борьба съ Турціей и съ Кавказскими народами выработала на окраинахъ Россіи болѣе или менѣе своеобразные типы военнаго человѣка. Одинъ изъ такихъ характерныхъ типовъ представляетъ намъ «черноморскій пластунъ», о которомъ кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Названіе «пластунъ» произошло отъ выраженія «лежать пластомъ», то есть это значитъ,—лежа ничкомъ въ камышахъ, съ ружьемъ въ рукахъ и съ патрономъ въ зубахъ, наблюдать за непріятелемъ, не сводя съ него глазъ и подмѣчая вокругъ себя все, что только можетъ подмѣтить самое острое, тонкое зрѣніе... Послѣ уничтоженія Сѣчи Запорожской, значительная часть войска была поселена по Кубани для защиты русскихъ предѣловъ отъ горцевъ и получила названіе *черноморскаго* войска. Эта сторожевая служба продолжалась болѣе полувѣка, не одно поколѣніе взросло и воспиталось на этой службѣ, и она-то выработала изъ черноморскаго казака нашего знаменитаго *пластуна*, послѣ восточной войны (1855 года) получившаго европейскую извѣстность.

Пластуны привыкли слѣдить за непріятелемъ, извиваясь подобно змѣѣ въ густой травѣ и камышахъ. Черноморская кордонная линія тянулась по правому, высокому и обрывистому берегу Кубани, въ то время, какъ лѣвый берегъ со своими озерами и лужами, покрытыми плавнями, представлялъ низменность. На пространствѣ 300 верстъ устроено было до 150 постовъ батареекъ и пикетовъ. Всѣ они имѣли видъ четыреугольныхъ земляныхъ окоповъ съ неглубокими рвами, причемъ вершина насыпи всегда укладывалась колючимъ терновниковъ. Надъ каждымъ укрѣпленьемъ поднималась вышка для наблюденій, устроенная на четырехъ невысокихъ столбахъ, съ небольшимъ наверху помостомъ подъ камышевой крышей. Надъ крышей высовывался деревянный шестъ, на которомъ въ видѣ сигнала поднимались шары, сплетенные изъ ивовыхъ прутьевъ, обтянутыхъ иногда холстомъ. Ночью же для поданія сигнала зажигались вѣхи, обмотанныя соломою или пенькою... Всего больше дѣлъ бывало зимой, когда Кубань покрывалась льдомъ и давала возможность непріятелю нападать массами на наши линіи. Ни темень, ни вьюга, ни стужа не ослабляли тогда бдительности казака; всю ночь въ кустарникахъ и камышахъ сновали разъѣзды, и особенно сильны бывали эти разъѣзды въ туманную погоду, которою, обыкновенно, горцы пользовались для неожиданныхъ нападеній. Весною, когда Кубань разливалась и когда смѣльчаки-горцы отваживались переплывать рѣку въ челнокахъ или на хворостяныхъ или камышевыхъ плотинахъ, тогда пѣшіе казаки залегали въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ... Если замѣнить слово «чеченецъ»—«кавказцемъ», то именно къ пластуну всего болѣе подойдетъ извѣстное предостереженіе:

«Не спи, казакъ! Во тьмѣ ночной
Кавказецъ ходитъ за рѣкой»...

Постоянно — въ опасности, постоянно — на-готовѣ!...

Такой образъ жизни выработалъ изъ черноморскихъ казаковъ людей мужественныхъ, смѣтливыхъ и отличныхъ стрѣлковъ. И пластунъ, дѣйствительно, можетъ лежать пластомъ, подстерегая непріятеля, подвергаясь голоду, стужѣ, непогодѣ, мученіямъ отъ мошекъ и комаровъ, носящихся цѣлою тучей надъ болотами, и вообще подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ. Все онъ выноситъ стоически, какъ спартанецъ—на свой казацкій образецъ. Бороться вѣдь приходилось не съ шуточнымъ врагомъ, съ врагомъ храбрымъ и хитрымъ... И вотъ въ такой суровой полувѣковой школѣ пластунъ, предоставленный самому себѣ, выработалъ навыкъ къ труду, къ опасностямъ, къ самоотверженію и желѣзную силу воли.

Въ камышахъ пластуны, по истинѣ, неуловимы: перебираясь черезъ топи и камыши, они оставляютъ для себя свои особыя примѣты и съ необыкновенной ловкостью уничтожаютъ

слѣды, могущіе ихъ выдать непріятелю... Пластуны—рослы, отличаются медленной походкой и все такіе же казаки, какъ и были прежде, въ старину, казаки стариннаго закала. Они тяжелы на подъемъ, но зато если расходятся, то ужь неутомимы и не знаютъ удержу. Загорѣлое лицо, окуренное порохомъ, выглядитъ добродушно, но въ глазахъ сказывается воля и рѣшимость... На пластунѣ—отрепанная черкеска, покрытая разноцвѣтными, иногда даже кожаными заплатами; папаха старая, вытертая едва держится на затылкѣ; чевяки—изъ толстой кожи дикаго кабана, щетиною вверхъ; въ зубахъ дымится люлька... Таковъ пластунъ въ будни, когда онъ шныряетъ по своимъ трущобамъ. Въ походъ онъ принаряжается «по своему», по казацки: тогда онъ носитъ за плечами сухарную суму, въ рукахъ—штуцеръ, за поясомъ кинжалъ и привѣшенныя къ поясу такъ-называемыя «причандолья»: пороховницу, пулечницу, отвертку, ножъ, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, люльку, ложку, иногда котелокъ и даже, смотря по службѣ, подчасъ и балалайку... словомъ, почти все свое немудрое хозяйство. «Omnia mea mecum porto!» — по справедливости можетъ сказать о себѣ въ такихъ случаяхъ нашъ пластунъ.

Вотъ какого рода люди выработались въ Черноморьи! Прекрасною, живою иллюстраціей могутъ они служить къ нашему очерку!

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ настоящее время трудно—даже невозможно опредѣлить во всемъ объемѣ, во всей полнотѣ ту важную, культурную роль, которую предназначено играть Черному морю въ судьбахъ будущаго развитія Россіи. Черное море, со своимъ заливомъ—Азовскимъ моремъ, омывающее самыя плодоносные, благодатные края южной Россіи, на востокѣ омывающее области Кавказа, едва ли еще не болѣе замѣчательныя по богатству естественыхъ произведеній, уже и теперь съ прорытіемъ Суэзскаго канала пріобрѣло для Россіи громадное общегосударственное значеніе. Горизонтъ раздвинулся...

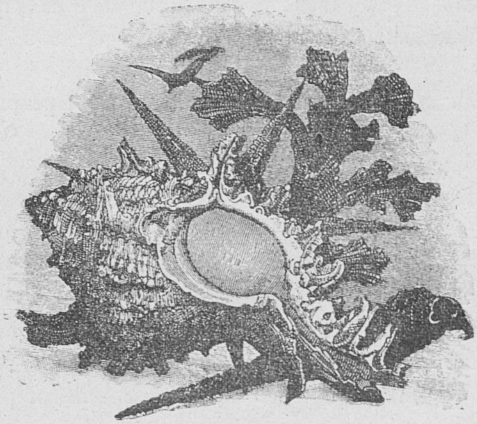
Теперь длина морского пути изъ Индіи черезъ Суэзскій каналъ до Севастополя—5,020 миль, до Одессы—5,080 м., до Марсели—5,490 м., до Гавра—7,090 м., до Лондона—7,300, до Гамбурга—7,610 и до Петербурга—8,630 м. Очевидно, что ближайшій путь для полученія всякаго рода товаровъ съ дальняго Востока лежитъ именно здѣсь—по Черному морю, и поэтому, слѣдовательно, доставка ихъ сюда—при нормальныхъ условіяхъ мореплаванія и торговли—должна обходиться дешевле, чѣмъ во всѣ другіе порты, куда въ настоящее время доставляются эти товары для отправки въ Россію. Такъ какъ въ числѣ этихъ товаровъ, кромѣ такихъ, какъ, напримѣръ, чай, кофе, сахаръ, пряности и проч., находится и сырье для нашихъ фабрикъ (какъ-то: красильныя вещества, хлопокъ, шелкъ и т. под.), то, совершенно понятно, удешевленіе этихъ товаровъ даетъ нашимъ возможность удобрѣе конкурировать съ иностранными производителями, что́ при покупкѣ этого сырья черезъ посредство иностранцевъ, по дорогой цѣнѣ, нынѣ для нашихъ фабрикъ—не мыслимо. Отсюда видно, что организація прямыхъ сношеній съ Востокомъ, то есть развитіе мореходства дальняго плаванія на Черномъ морѣ, можетъ дать Россіи въ экономической области ту самостоятельность, въ которой она до сего времени нуждалась.

Съ проведеніемъ же желѣзной дороги въ Индію, Черное море очутится прямо на пересѣченіи двухъ великихъ путей: одного—морского, черезъ Суэзскій каналъ,—и другого—сухопутнаго, черезъ Кавказскій перешеекъ, перерѣзанный желѣзными дорогами. Такимъ образомъ, Черное море уже пріобрѣтаетъ громадное міровое значеніе, выгоды котораго могутъ быть обращены на пользу Россіи... Владѣя обоими берегами Чернаго моря (сѣвернымъ и восточнымъ),

владѣя такою прекрасною гаванью, какъ Батумъ, Россія имѣетъ самыя благопріятныя условія для широкаго развитія Черноморскаго судоходства.

Благоденствіе южныхъ областей, прилегающихъ къ Черному морю, такъ же, какъ и всѣ неизбѣжныя будущія требованія міровой международной торговли—ставятъ уже и въ настоящее время значеніе *Чернаго моря* выше значенія всѣхъ другихъ морей, омывающихъ на сѣверѣ, западѣ и востокѣ русскія владѣнія, въ которыхъ—по поэтическому выраженію—«никогда не заходитъ солнце».

П. Засодимскій.



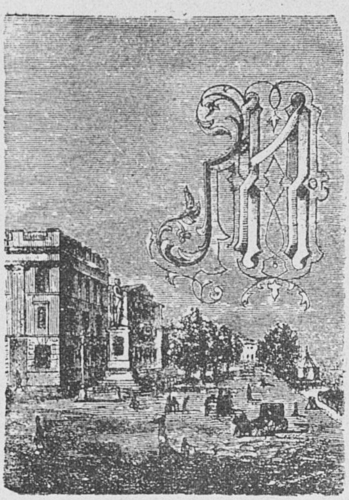
ОЧЕРКЪ VI.

ОДЕССА.

Прошлое Одессы. — Ея торговля и промышленность

«...Торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтетъ... и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени».

Изъ рескрипта Екатерины II
(отъ 27 мая 1794 г.).



Мы не можемъ указать другого русскаго города, который могъ бы сравниться съ Одессою по быстротѣ развитія и роста. Просуществовавъ всего лишь 100 лѣтъ, Одесса заняла положеніе, соотвѣтствующее столичнымъ городамъ. Вотъ какъ именно возникъ этотъ замѣчательный городъ.

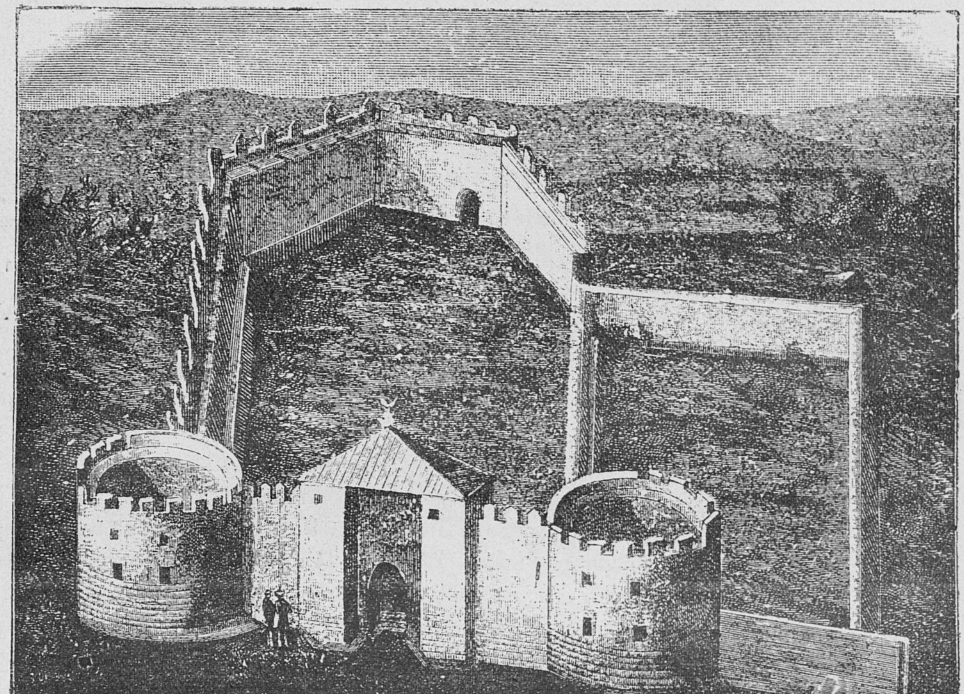
Императрица Екатерина II, рескриптомъ на имя генералъ-маіора Де-Рибаса (27 мая 1794 г.), повелѣвая устроить военную гавань и купеческую пристань на мѣстѣ стараго Хаджибея, заложила вмѣстѣ съ тѣмъ фундаментъ города Одессы. Въ основаніе новаго города полагались твердые устои—«процвѣтающая торговля, благоденствіе народное, обогащеніе государства», какъ это видно изъ того же рескрипта. «Мы надѣемся,—говорится, напримѣръ, въ немъ,—что вы не токмо приведете въ исполненіе сіе благое предположеніе наше, но что вѣдая, колико процвѣтающая торговля споспѣшествуетъ благоденствію народному и обогащенію государства, потщитеся, дабы созидаемый вами городъ представлялъ торгующимъ не токмо безопасное отъ непогоды пристанище, но защиту, ободреніе, покровительство и, словомъ, все зависящія отъ васъ въ дѣлахъ ихъ пособія, чрезъ что безъ сомнѣнія какъ торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтетъ, такъ и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени».

Столѣтняя исторія Одессы, вполнѣ оправдала мысли и предположенія императрицы Екатерины. Благоустроенный портъ, обширныя торговыя сношенія, разнообразныя учрежденія для защиты, покровительства и успѣшнаго веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, наконецъ, безпримѣрный для Россіи ростъ населенія,—все это въ высшей степени замѣтныя и безспорно отличительныя черты нынѣшней Одессы. Въ глубокой древности на мѣстѣ ны-

нѣшней Одессы было греческое селеніе, мнѣнія ученыхъ о которомъ расходятся: одни удостовѣряютъ, что это была «гавань истріянъ», другіе утверждаютъ, что гавань принадлежала «исіакамъ». Въ концѣ III, или въ началѣ IV вѣка, гавань эта была разрушена варварскими народами и исчезла со страницъ лѣтописей. Колонія эта была очень незначительна и не имѣетъ никакой исторической связи съ нынѣшнею Одессою.

Колыбелью Одессы должно считаться поселеніе Кацюбей или Хаджибей, основанное татарами и въ XIV вѣкѣ перешедшее къ литовцамъ, владѣвшимъ имъ два вѣка, и снова подпавшее подъ власть татаръ въ первой половинѣ XVI вѣка.

Въ 1764 году въ Хаджибеѣ была построена незначительная турецкая крѣпость Ени-Дуня, вокругъ которой разрослось поселеніе, гдѣ жили татары, турки, греки, молдаване, евреи и евреи-караимы. Они занимались скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ, чему доказатель-



Гаджибейскій замокъ.

ствомъ служитъ то, что запорожскіе казаки, напавшіе на Хаджибей въ 1769 году, захватили въ его окрестностяхъ 20.000 лошадей, 1.000 головъ рогатаго скота, 4,000 овецъ и 180 верблюдовъ. Вблизи Хаджибея проживали и русскіе поселенцы — бѣглые и бродяги изъ Великороссіи, Малороссіи и Польши. Въ 1775 году у подошвы самой крѣпости поселились запорожскіе казаки. Русскіе поселенцы занимались хлѣбопашествомъ, вся же торговля находилась въ рукахъ грековъ.

Русскими Хаджибей завоеванъ былъ при императрицѣ Екатеринѣ II во вторую турецкую войну. Послѣ взятія Очакова и Измаила Потемкинъ обратилъ вниманіе на Хаджибей, гдѣ была стоянка значительнаго числа судовъ турецкаго флота. 3 сентября 1789 года отрядъ русскихъ войскъ, предводимый генералъ-поручикомъ Гудовичемъ, выступилъ изъ Очакова и на 12 число авангардъ его, подъ командою генералъмаіора де-Рибаса, достигъ Куяльницкой

балки въ пяти верстахъ отъ крѣпости. Вечеромъ 13 сентября начался приступъ, а раннимъ утромъ 14 сентября на крѣпости уже развѣвался русскій флагъ.

Генералъ-маіоръ де-Рибасъ, знатный испанскій дворянинъ, прибылъ въ Россію въ 1772 г. и поступилъ волонтеромъ въ черноморскій флотъ, но съ 1780 года онъ уже числился въ спискахъ арміи и командовалъ маріупольскимъ кавалерійскимъ полкомъ.

Взятіе незначительнаго Хаджибея не принесло ему славы и прошло незамѣченнымъ въ рядѣ тогдашнихъ выдающихся побѣдъ России надъ турками и только по заключеніи Ясскаго мира, по которому за Россіей навсегда осталась вся береговая полоса Чернаго моря, правительствомъ было обращено вниманіе на Хаджибей, обширная бухта котораго, очень не надолго замерзающая, представляла значительныя выгоды.

Въ 1793 году было рѣшено построить здѣсь крѣпость съ 2.000 гарнизона и со 120 орудіями. Къ постройкѣ приступлено было немедленно и уже къ слѣдующему году крѣпость была вчернѣ готова, гарнизонъ поселенъ; устроена первая православная церковь, открытъ лазаретъ и учреждена почтовая экспедиція. Строителями были вице-адмиралъ де Рибасъ и инженеръ-полковникъ де-Воланъ. Въ то-же время въ судьбѣ этой крѣпости произошелъ крутой поворотъ. На Черномъ морѣ необходима была хорошая гавань: было предположеніе устроить военный портъ въ Очаковѣ или Кинбурнѣ, но де-Рибасъ и де-Воланъ выступили съ предложеніемъ за Хаджибей.



Адмиралъ І. М. Де-Рибасъ.

Императрица Екатерина склонилась къ ихъ мнѣнію и 27 мая 1794 года состоялись два высочайшіе рескрипта объ устройствѣ города и порта въ Хаджибеѣ («военной гавани купно съ купеческою»); одинъ (о которомъ сказано уже выше) на имя де-Рибаса, а другой на имя таврическаго и херсонскаго генералъ-губернатора Зубова. Постройка города началась. Жители, привлекаемые разными льготами и десятилѣтнимъ освобожденіемъ отъ податей, мало-по-малу стали селиться на отводимыхъ безвозмездно участкахъ.

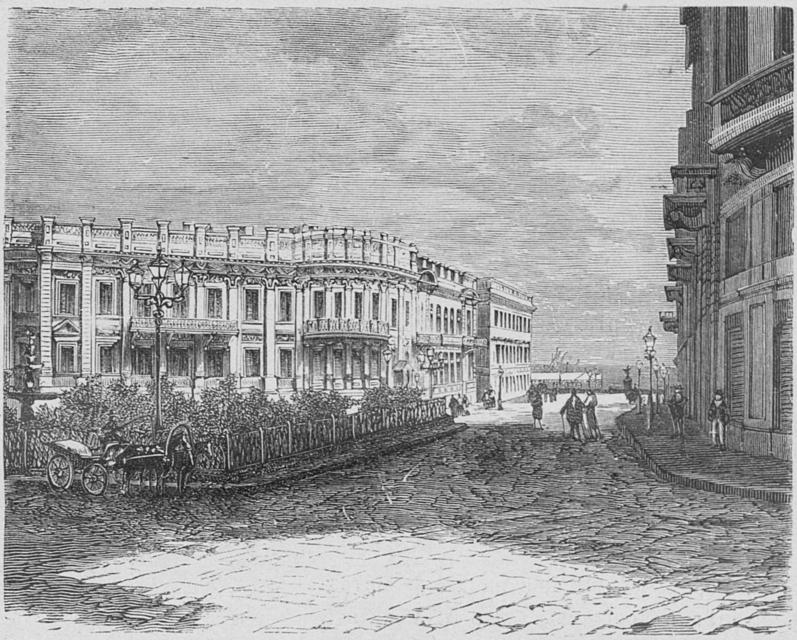
Въ 1794 году городъ раздѣлился на два форштадта: военный и греческій; въ первомъ было 52 квартала и 560 участковъ, а во второмъ — 65 кварталовъ и 720 участковъ. Два участка де-Рибасъ отвелъ для себя и построилъ на одномъ изъ нихъ первый новый домъ. Его примѣру послѣдовали и другіе.

Но вольныхъ поселенцевъ все-таки сравнительно было немного, а потому по мысли де-Рибаса рѣшили сдѣлать изъ Хаджибея, который съ января мѣсяца сталъ называться Одессою, пріютъ «для единовѣрныхъ намъ народовъ, страдающихъ подъ турецкимъ игомъ, преимущественно для грековъ». Названіе Одессы заимствовано отъ древняго селенія Одиссоса, лежавшаго при устьѣ Тилигула. Съ указанною цѣлію, послѣдовали три высочайшіе указа: 1) о поселеніи въ окрестностяхъ Одессы грековъ и албанцевъ, служившихъ Россіи въ послѣднюю войну въ Архипелагѣ; 2) о вызовѣ въ Одессу изъ Архипелага и изъ другихъ заграничныхъ мѣстъ городскихъ переселенцевъ и 3) объ учрежденіи изъ албанцевъ и грековъ трехротнаго дивизіона изъ 330 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Переселенцамъ были дарованы всѣ возможныя льготы и была учреждена должность попечителя для защиты ихъ правъ и интересовъ и привлеченія новыхъ колонистовъ. Попечителемъ былъ назначенъ грекъ Афонасій Кесоглу. Для поддержанія порядка была организована город-

ская полиція и первымъ полиціймейстеромъ города Одессы былъ секундъ-маіоръ Кирьяковъ. Въ 1796 году въ Одессѣ были открыты магистратъ, городская дума и купеческая биржа и совершена закладка третьей православной церкви: первыя двѣ были заложены въ 1794 и 1795 годахъ. Населеніе, впрочемъ, увеличивалось, несмотря на всѣ старанія де-Рибаса и его помощниковъ, медленно: къ концу 1795 года жителей насчитывалось лишь 2,349 человѣкъ.

Въ царствованіе императора Павла I въ Одессѣ были пріостановлены всякія работы и постройки, уничтожена верфь и распущенъ греческій легіонъ, а въ 1798 г., по просьбѣ нѣкоторыхъ нерусскихъ одесситовъ, закрытъ русскій магистратъ и введены шведскіе и остзейскіе законы. Въ слѣдующемъ году Одесса положительно бѣдствовала, вслѣдствіе открытія порто-франко въ Крыму и запрещенія вывоза хлѣба. Въ 1800 году одесситы посылаютъ въ Петербургъ ходоковъ съ подаркомъ государю—300 апельсиновъ. Императоръ милостиво принимаетъ посланниковъ, но прошеніе имъ возвращаетъ «съ надраніемъ, яко недѣльное». Одес-



Екатерининская площадь въ прежнее время.

ситы, однако, не пали духомъ и своими настойчивыми ходатайствами добились того, что именно въ царствованіе Павла I Одессѣ былъ дарованъ гербъ, освященный 1 сентября 1798 года, оказано крупное матеріальное вспомоществованіе городу и продлены льготы населенія на 14 лѣтъ. Но это развитіе достигло своего апогея въ царствованіе Александра Благословеннаго.

Августѣйшій благодѣтель Одессы продлилъ дарованныя льготы еще на двадцать пять лѣтъ, освободилъ ее навсегда отъ воинскаго постоя, позволилъ отдавать городу изъ таможенныхъ пошлинъ десятую часть на улучшеніе гавани, преобразовалъ магистратъ «по общимъ законамъ и образу мѣстъ управленія по учрежденіямъ и губерніямъ».

Довершеніемъ милостей императора Александра I было назначеніе 27 января 1803 года сперва одесскимъ градоначальникомъ, а затѣмъ съ 13 марта 1805 года и намѣстникомъ юга Россіи, герцога Армана дю-Плесси де-Ришелье, искуснаго, высокоталантливаго администратора. Имя этого начальника останется незабвеннымъ для Одессы. Ришелье вступилъ въ должность

27-го января 1803 г. Къ этому году Одесса походила на большую часть нашихъ уѣздныхъ городовъ, только названіемъ отличающихся отъ деревень. Нѣсколько домовъ, худо выстроенныхъ, полуразвалившіяся казармы и молъ нынѣшней Платоновской пристани, вотъ что представлялось тогда глазамъ путешественника, посѣщавшаго мѣста Хаджибейскаго замка; въ это время населеніе Одессы состояло изъ 8,000 жителей обоего пола.

Ришелье ревностно занялся благоустройствомъ города. Первыми его заботами было привести въ порядокъ городскіе доходы и оживить торговлю; вскорѣ онъ выстроилъ прочную пристань, которая защитила одесскій портъ отъ юго-западныхъ вѣтровъ.

Въ то же время начата была постройка карантина, городской больницы, собора, католической церкви и театра. Рядомъ съ публичными зданіями явились и многіе частные дома кра-



Екатерининская улица въ настоящее время.

сивой архитектуры. Окружавшія Хаджибей степи также приняли другой видъ, онѣ покрылись садами, виноградниками; къ числу замѣчательныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ тогда Одессою, слѣдуетъ отнести пространное водохранилище, находящееся близъ старой Херсонской заставы; оно уничтожило неудобства, какія, по неимѣнію водопоя для скота, терпѣли поставщики хлѣбныхъ обозовъ.

При герцогѣ Ришелье особенно сильно поднялась въ Одессѣ торговля хлѣбомъ; такъ въ 1804 году, 449 судовъ остановились въ одесскомъ рейдѣ и отплыли съ грузомъ, стоящимъ около 3,367,500 рублей; въ этотъ годъ негоціанты Одессы получили съ капиталовъ своихъ огромные проценты—по 80 коп. съ рубля; 1805 годъ былъ еще лучше для торговли, послѣдующіе два года не были уже такъ счастливы, зато въ 1808 году русскихъ товаровъ въ Одессѣ было продано за границу на 6 миліоновъ рублей. Въ 1812 году Одесса имѣла уже 25,000 жи-

телей и на мѣстѣ бѣднаго татарскаго селенія возникъ красивый городъ; этотъ годъ, впрочемъ, былъ омраченъ страшнымъ бѣдствіемъ, появленіемъ въ городѣ чумы.

Въ іюлѣ одесскіе врачи стали замѣчать, что многіе стали хворать гнилой горячкой, въ августѣ смертность увеличилась; умирали преимущественно больные съ опухолями железъ; первые семь человѣкъ, умершіе скоропостижно, были артисты театральной труппы. 28-го



Гербъ Одессы.

августа герцогъ собралъ комиссію, которая и признала, что больные умирали съ явными признаками чумы. Ришелье немедленно приступилъ къ устройству карантиновъ; по его приказанію, церкви, театры и всѣ мѣста публичныхъ собраній были закрыты. Одессу раздѣлили на части и обнесли предохранительною цѣпью; жителямъ позволено было выходить изъ домовъ не иначе, какъ съ особыми билетами, которые раздавались полиціею. Никто не смѣлъ показываться на улицахъ въ то время, когда провозили больныхъ зачумленныхъ или умершихъ. Стража, сопровождавшая карантинныя повозки, снабжена была знаками трехъ родовъ: бѣлыми, красными и черными; первые употреблялись при перевозкѣ больныхъ, вторые—при перевозкѣ зачумленныхъ и съ послѣдними отвозили уже мертвыя тѣла. Когда бѣдствіе, постигшее Одессу, еще болѣе усилилось, тогда учрежденъ былъ общій карантинъ въ домахъ. Въ это время въ городѣ царила всеобщая паника, улицы запустѣли, лавки закрылись; карантинныя цѣпи пресѣкали всѣ связи знакомства; только въ декабрѣ чума стала уменьшаться. По запискамъ одесскаго доктора Греббе, чума была наблюдаема на 3,331 человѣкѣ, изъ нихъ выздоровѣло 675 и умерло 2,656.



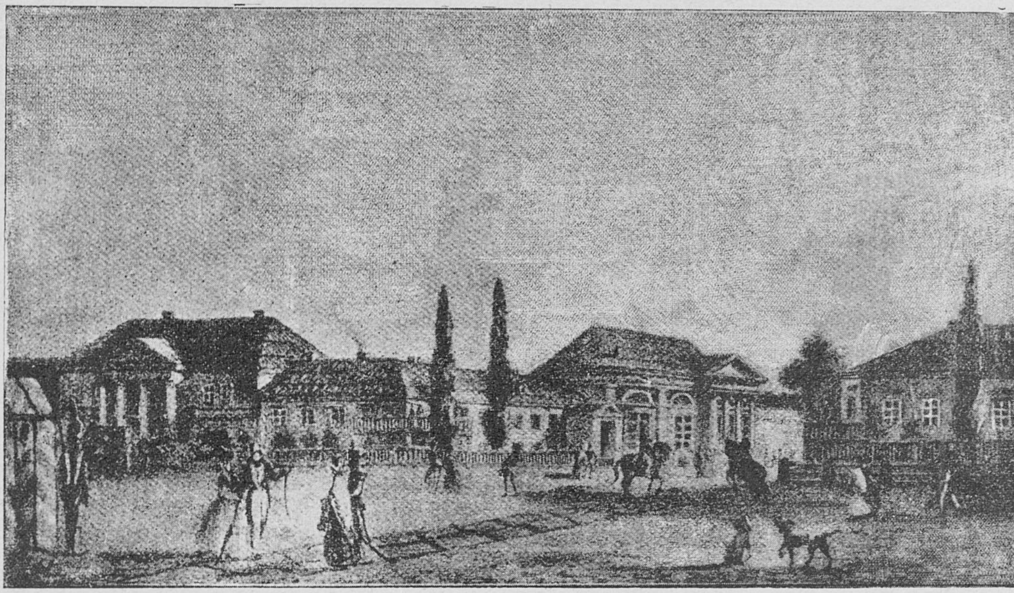
Герцогъ Ришелье.

Во время чумы энергія герцога Ришелье не ослабѣвала, онъ ежечасно выказывалъ примѣры самоотверженія и любви къ ближнему; когда въ одномъ селеніи жители не хотѣли хоронить умершихъ отъ чумы, онъ самъ явился туда, взялъ заступъ и сталъ рыть могилу; видя такой примѣръ, послѣ того никто уже не сталъ противиться. Одиннадцать лѣтъ управленія Ришелье были самыми благодѣтельными для этого города; когда въ 1814 году, по волѣ императора, Ришелье отправился въ Вѣну, то болѣе 10 тысячъ человѣкъ провожали своего «дюка» за нѣсколько верстъ отъ города, со слезами и воплями.

Позднѣе дюкъ Ришелье былъ отозванъ въ свое отечество и былъ возведенъ Людовикомъ XVIII въ предсѣдатели совѣта министровъ и сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ французскаго двора. На мѣстѣ Ришелье исправлялъ должность одесскаго градоначальника по 18-ое ноября 1815 г. генералъ-маіоръ Кобле. Послѣ него управленіе было передано генералу-отъ-инфантеріи графу Ланжерону. Замѣчательно для исторіи Одессы, что трое французскихъ эмигрантовъ, де-Рибасъ, Ришелье и Ланжеронъ, участвовавшіе при штурмѣ Измаила, были начальниками Одессы.

1-го января 1816 года Ланжеронъ вступилъ въ должность градоначальника и въ тотъ же день циркуляромъ пригласилъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ присоединиться къ нему для исполненія строгой волѣ и намѣреній великаго монарха. Большой другъ и поклонникъ Ришелье, Ланжеронъ пошелъ по стопамъ своего предшественника. Подобно ему, онъ поощрялъ тор-

говлю, земледѣліе и промышленность, старался охранять имперію отъ опасности со стороны чумы. По его представленіямъ учрежденъ былъ въ 1817 году порто-франко въ Одессѣ, осно-



Одесса въ 20-хъ годахъ.

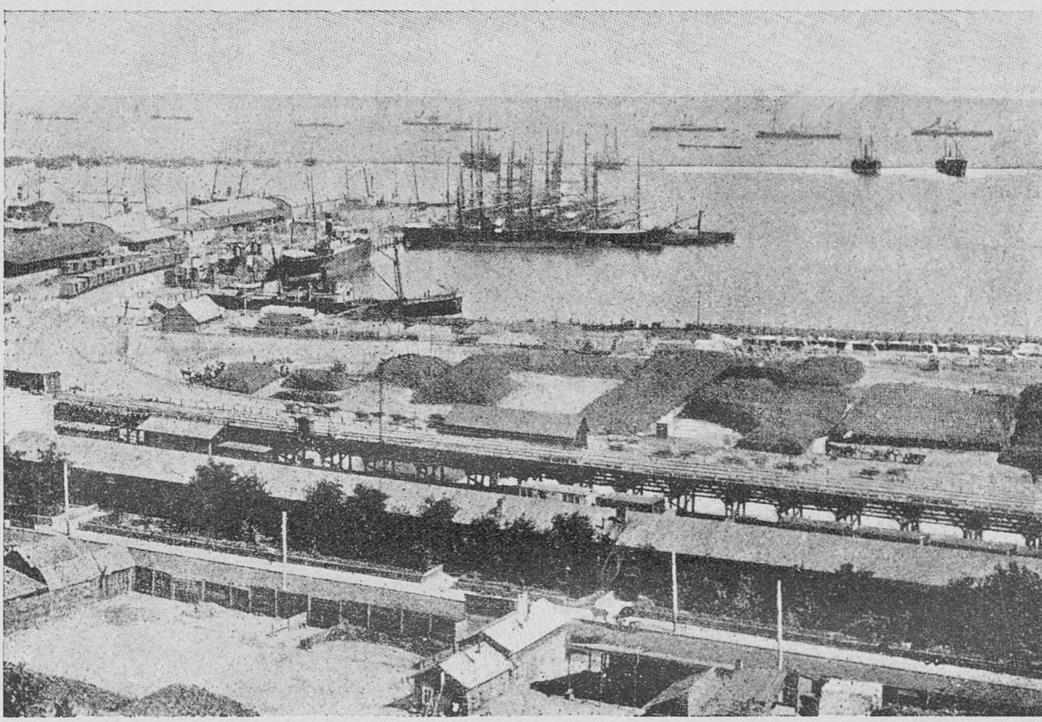


Одесса съ моря

ваны въ городѣ: Ришельевскій лицей, Ботаническій садъ ученымъ французскимъ натуралистомъ Десметомъ, контора Коммерческаго банка для пособія купечеству, затруднявшемуся въ

своихъ оборотахъ отъ недостатка денегъ. При Ланжеронѣ Одесса значительно распространилась къ западу и сѣверо-западу посредствомъ Херсонской улицы, новаго базара и хуторовъ, наполняющихъ предмѣстье Молдаванку. Онъ покровительствовалъ несчастнымъ грекамъ, въ то время во множествѣ прибывавшимъ въ Россію изъ турецкихъ владѣній, онъ испрашивалъ для нихъ огромныя суммы у императора; въ его время въ Одессу было привезено тѣло замученнаго константинопольскаго патріарха Григорія и торжественно погребено въ греческой церкви. При Ланжеронѣ образовалось въ Одессѣ тайное общество «Гетерія», игравшее такую важную роль въ исторіи освобожденія греческаго народа; основателемъ его былъ одесскій приказчикъ Николай Скуфасъ. При Ланжеронѣ заведена была первая въ Одессѣ типографія.

Графъ Ланжеронъ былъ умный и вообще очень дѣятельный человѣкъ, но какъ настоящій военный не любилъ заниматься канцелярскими бумагами, притомъ онъ былъ ужасно разсѣянъ.



Одесскій портъ.

Про него существуетъ множество анекдотовъ. Такъ, когда къ нему являлись съ бумагами канцелярскіе чиновники, то онъ отъ нихъ прятался, выходилъ изъ дому какими-нибудь задними дверями и пропадалъ по нѣсколько часовъ. При своей разсѣянности онъ часто мыслилъ вслухъ въ присутствіи другихъ, что подавало поводъ къ разнымъ комическимъ сценамъ. Разъ онъ обѣдалъ у себя съ многими иностранными негоціантами, за обѣдомъ онъ выхвалялъ удовольствія одесской жизни и, указывая на негоціантовъ, сказалъ, что съ такими образованными людьми можно пріятно провести время. На бѣду его, въ то время былъ онъ особенно озабоченъ просьбою о прибавкѣ ему столовыхъ денегъ. «А не дадутъ мнѣ прибавки, я этимъ господамъ,—сталъ онъ мыслить въ слухъ,—и этого не дамъ»! (и схватилъ съ тарелки косточку, оставшуюся отъ котлетки). Вотъ еще другой случай разсѣянности Ланжерона. Въ пріѣздъ императора Александра I въ Одессу, государь остановился у него. Встрѣтивъ государя и проводивъ его до кабинета, послѣ разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, онъ откланялся, вышелъ



Видъ Одессы съ Александровскаго парка.

изъ кабинета и, по привычкѣ своей, заперъ дверь на ключъ. Государь оставался нѣсколько времени взаперти, но, наконецъ, постучался и его освободили отъ заточенія.

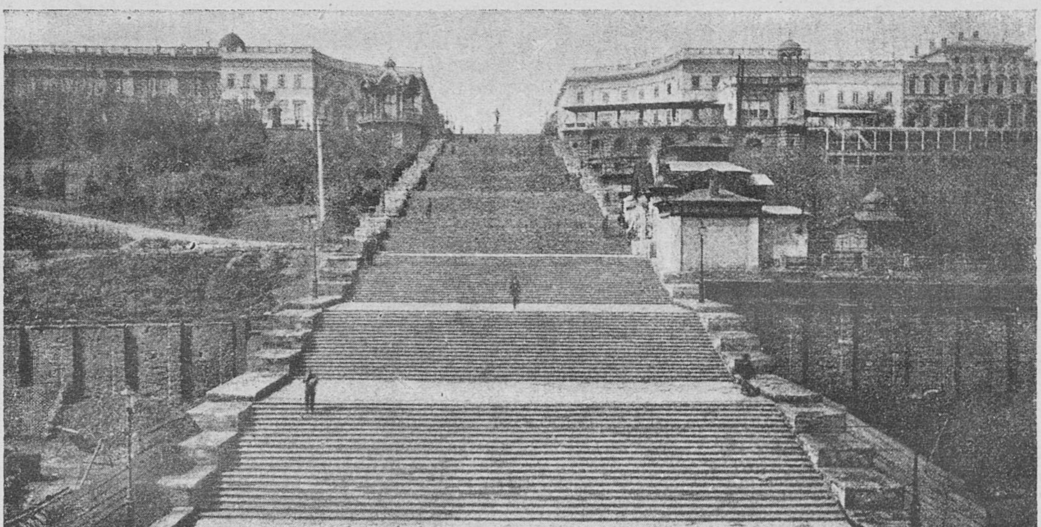


Графъ Ланжеронъ.



Графъ М. С Воронцовъ.

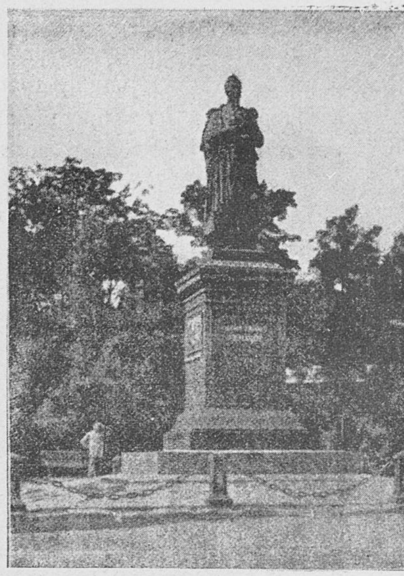
Разумѣется, всѣ эти выходки не вредили Ланжерону, а только забавляли и смѣшили зрителей и слушателей, которые уважали въ немъ хорошаго, честнаго и храбраго генерала.

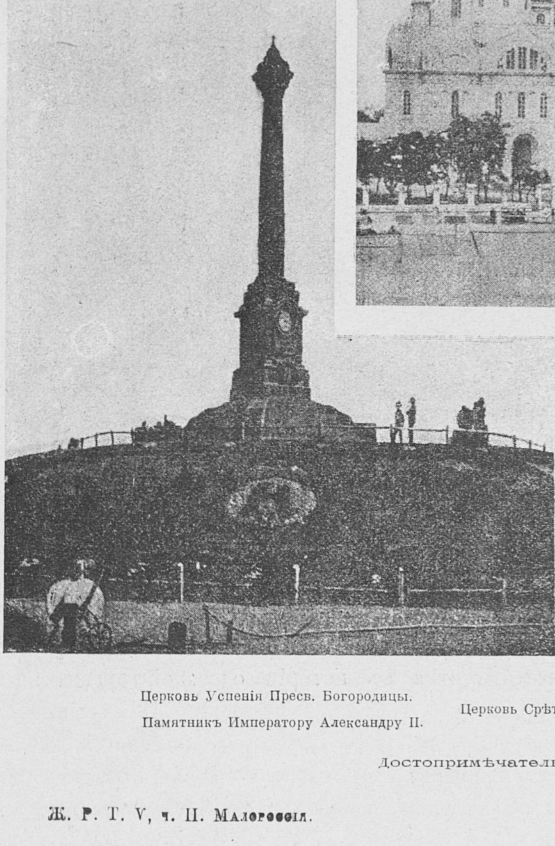


Гранитная лѣстница къ морю съ памятникомъ Ришелье.

Въ арміи извѣстно слово, сказанное имъ во время сраженія подчиненному, который неловко исполнилъ приказаніе, ему данное: «вы пороху не боитесь, но зато вы его не выдумали».











Церковь Успенія Пресв. Богородицы.
Памятникъ Императору Александру II.

Церковь Срѣтенія Господня.

Памятникъ князю М. С. Воронцову.
Церковь Покрова Пресв. Богородицы.

Достопримѣчательности г. Одессы.

Въ молодости своей Ланжеронъ писалъ трагедіи; у французовъ тогда была мода на трагедіи, какъ у насъ въ то же время на торжественныя оды. Въ Одессѣ, какъ говоритъ князь Вяземскій, онъ далъ Пушкину трагедіи свои на прочтеніе. Пушкинъ ихъ не прочелъ и, спустя нѣсколько времени, на вопросъ Ланжерона, которая изъ трагедій болѣе ему нравится, отвѣчалъ ему на угадъ, именуя заглавіе одной изъ нихъ. Въ ней выведенъ былъ распубликанецъ. Ланжеронъ покинулъ Одессу въ іюлѣ 1822 года, выйдя въ отставку по разстроенному здоровью. Во время полученія его отставки, въ Одессѣ получена была печальная вѣсть о другой невозвратимой потерѣ—смерти Ришелье. Ланжеронъ присутствовалъ въ то время въ послѣдній разъ въ одесскомъ комитетѣ. Ланжеронъ, вставъ, произнесъ похвальное слово своему предшественнику и, въ заключеніе, предложилъ соорудить дюку де-Ришелье памятникъ, «достойный сего рѣдкаго друга человѣчества». Памятникъ герцогу Ришелье воздвигнутъ въ 1828 году на



Приморскій бульваръ въ Одессѣ.

приморскомъ бульварѣ. Ланжеронъ передалъ начальство генералу Инзову и умеръ отъ холеры въ Петербургѣ въ 1831 году. Замѣчательно, что этотъ генералъ, столько разъ видавшій смерть предъ собою во многихъ сраженіяхъ, не оставался равнодушнымъ предъ холерою. Онъ такъ былъ пораженъ мыслью, что умретъ отъ нея, что, еще пользуясь полнымъ здоровьемъ, написалъ духовное завѣщаніе, такъ начинавшееся: «умирая отъ холеры и проч.»...

При Ланжеронѣ состоялось 2 мая 1817 года открытіе Ришельевскаго лицея. Время управленія графа Ланжерона было однимъ изъ выдающихся въ исторіи одесской торговли: въ 1816 году вывозъ за границу возросъ до 38.700.000 руб., въ 1817 году достигъ 40 милліоновъ.

Съ назначеніемъ въ 1823 году начальникомъ Одессы графа Воронцова начинается русскій періодъ въ исторіи этого города. По словамъ старожиловъ, городъ въ то время страдалъ или отъ пыли, или отъ невылазной грязи. Онъ не имѣлъ также воды, населеніе его отличалось



Новороссійскій университетъ.

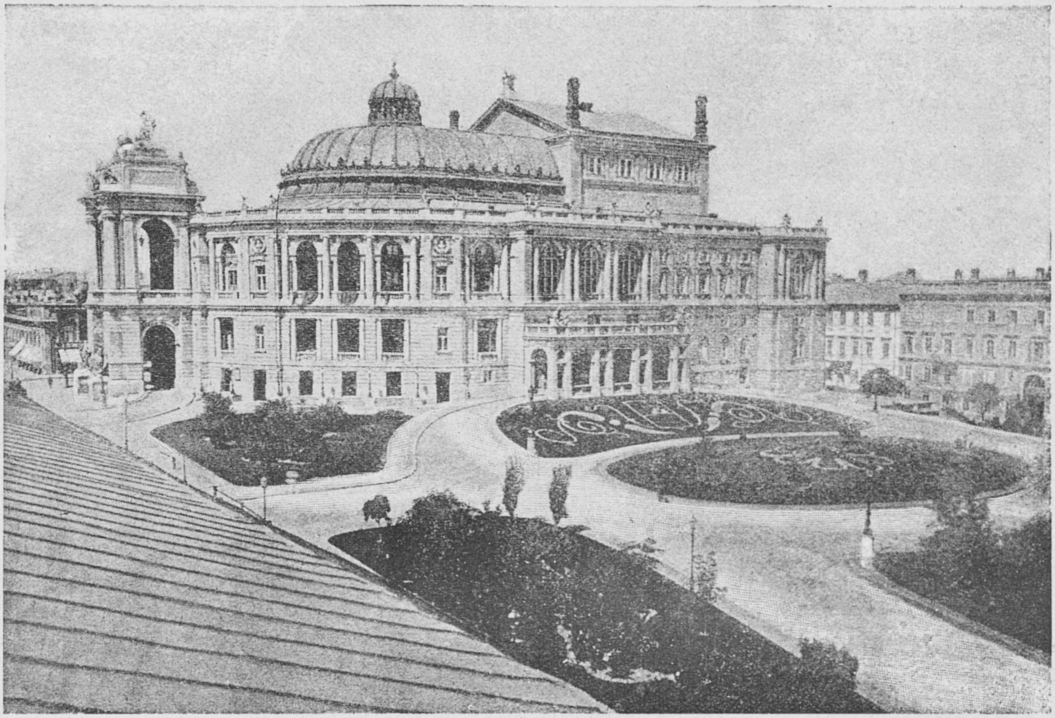
Институтъ благородныхъ дѣвицъ.
Городская народная читальня.
Городская публичная библіотека.

Городская народная аудиторія.

Виды и достопримѣчательности г. Одессы.

неимоверной пестротой, на улицахъ и площадяхъ слышался говоръ всѣхъ націй. Рядомъ съ роскошью богачей была и поразительная нищета. Но въ общемъ простой народъ чувствовалъ себя здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, какъ вслѣдствіе хорошаго заработка, такъ и относительно льготъ и свободы. Правительство еще съ екатерининскихъ временъ старалось привлечь сюда жителей; здѣсь позволяли раскольникамъ строить свои церкви, здѣсь легко смотрѣли на безпаспортныхъ и даже на бѣглыхъ крѣпостныхъ.

Графъ Воронцовъ былъ русскій вельможа и русскій государственный человѣкъ. При немъ въ Одессѣ учредились одесское общество Исторіи и Древностей, общество сельскаго хозяйства южной Россіи, главный статистическій комитетъ, городская публичная библіотека; Ришельевскій лицей съ 1873 года сталъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. По ходатайству Воронцова, издававшаяся въ Одессѣ съ начала 20-хъ годовъ французская газета «Messager de la Russie

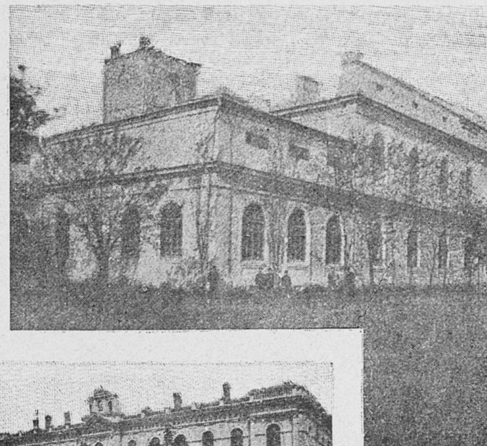


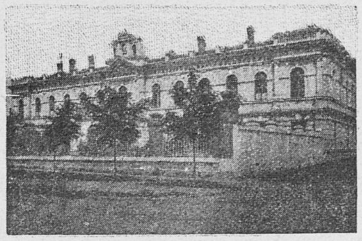
Городской театръ въ Одессѣ

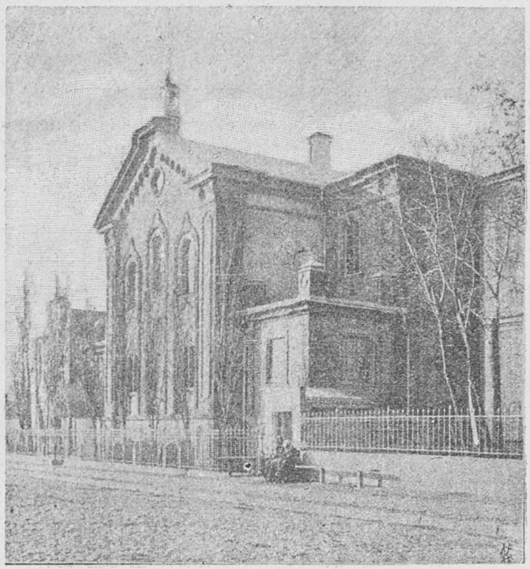
meridionale» получила разрѣшеніе выходить на русскомъ и французкомъ языкахъ и помѣщать политическія извѣстія. Къ концу 1828 года у «Одесскаго Вѣстника» было 2.000 подписчиковъ, между тѣмъ, какъ «Messager» при новой программѣ набралъ лишь семь подписчиковъ.

Графъ и графиня Воронцовы издержали изъ собственныхъ средствъ на благотворительныя учрежденія города три милліона. Ими основаны Женское общество призрѣнія нищихъ, домъ призрѣнія нищихъ, сиротскій домъ для малолѣтнихъ дѣтей, заведеніе для воспитанія глухонѣмыхъ, Александровскій дѣтскій пріютъ, богадѣльня для сердобольныхъ сестеръ, лѣчебница для приходящихъ и увѣчныхъ и друг. При графѣ же Воронцовѣ окончено устройство ботаническаго сада и приморскаго бульвара; построена гранитная лѣстница отъ бульвара къ морю, стоившая 800.000 руб.; проведена вода изъ Большого Фонтана, на которомъ былъ сооруженъ маякъ, что спасло не одну сотню судовъ отъ крушенія, и въ 1829 г. было открыто

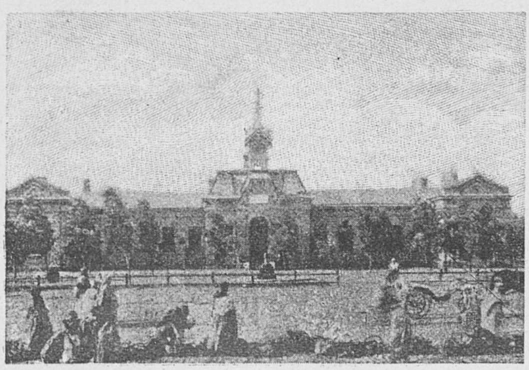


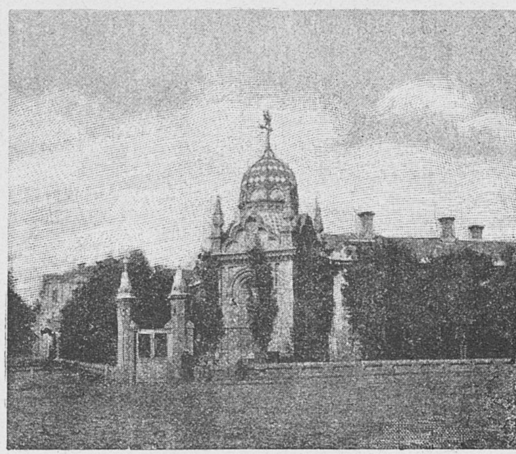












Видъ на храмъ Христа Спасителя, на домъ инвалидовъ и убѣжище.
Стурдзовская богадѣльня.
Городской ночлежный пріютъ.

Михаило-Семеновскій сиротскій домъ.
Пріютъ имени Маріи Ѳеодоровны.
Павловское зданіе дешевыхъ квартиръ.
Убѣжище въ память 17 октября 1888 г.

Достопримѣчательности г. Одессы.

искусственное производство лѣчебныхъ минеральныхъ водъ при Хаджибейскомъ и Куяльницкомъ лиманахъ, на которыхъ затѣмъ появились и лѣчебныя заведенія. Назначенный въ 1844 году намѣстникомъ Кавказа, графъ Воронцовъ продолжалъ руководить дѣйствіями генералъ-лейтенанта Θедорова по управленію послѣднимъ Одессою и Новороссіей. Послѣдніе дни жизни Воронцовъ прожилъ въ Одессѣ, которая оплакала его кончину и увѣковѣчила его заслуги сооруженіемъ памятника на Соборной площади. Это былъ второй памятникъ, поставленный одесситами созидателямъ ихъ города: первый, открытый при графѣ Воронцовѣ 22 апрѣля 1828 г., воздвигнутъ на бульварѣ «дюку» Ришелье.

Въ 1865 году Ришельевскій лицей преобразованъ въ новороссійскій университетъ и этимъ событіемъ начинается послѣдній современный намъ періодъ жизни Одессы, какъ университетскаго города.

Короче говоря, Одесса съ полнымъ правомъ можетъ сказать о себѣ: «Я—счастливый городъ!» Даже городское общественное управленіе, во все время его существованія, оказывается отнюдь не мачихою какъ въ большинствѣ другихъ русскихъ городовъ, а родною матерью. Во главѣ его стояли люди, какъ бы вдохновленные попечительнымъ духомъ безсмертнаго «дюка» Ришелье. При ихъ управленіи городомъ, онъ былъ замощенъ гранитомъ, освѣщенъ газомъ, получилъ мягкую и вкусную воду изъ Днѣстра. За послѣднее время выстроенъ милліонный крытый рынокъ и полумилліонный театръ, великолѣпныя зданія для школъ профессіональныхъ и ремесленныхъ, которыя открылись въ значительномъ числѣ, и зданія городской аудиторіи для народныхъ чтеній и городской читальни. Таковы въ общихъ чертахъ результаты плодотворной дѣятельности одесскаго городского управленія за послѣднее тридцатилѣтіе.

Такимъ образомъ, безвѣстный Хаджибей въ какія нибудь сто лѣтъ обратился въ одинъ изъ первыхъ городовъ Россіи. Населеніе его увеличилось съ 1795 года въ сто сорокъ разъ и достигло 400.000 душъ. Городъ занимаетъ пространство въ 414 квадратныхъ верстъ. Со времени отъѣзда Ришелье, когда было лишь 2.600 домовъ, число ихъ возросло до 10,700. Болѣе 12.000 недвижимыхъ имуществъ города оцѣниваются въ 60 милліоновъ рублей.

Въ Одессѣ имѣется 50 православныхъ храмовъ, десятки благотворительныхъ и ученыхъ обществъ, 276 учебныхъ заведеній, 20 типо-литографій и 20 фотографій, 9.786 торгово-промышленныхъ заведеній. Въ городскую кассу ежегодно собирается 3.400.000 рублей. Отпускъ за границу простирается до 150 милліоновъ. Въ одесскомъ портѣ ежегодно бываетъ до 2.500 судовъ разныхъ государствъ.

Примѣръ поучительный для многихъ городовъ земли русской, краснорѣчиво доказывающій, какое значеніе имѣетъ самодѣятельность, вѣрное пониманіе своихъ интересовъ и неуклонное служеніе благу общему, наряду съ благомъ личнымъ.

ОЧЕРКЪ VII.

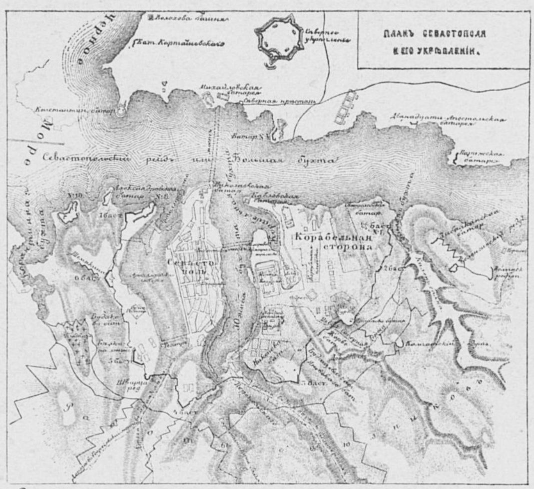
ПОРТОВЫЕ И ДРУГІЕ ГОРОДА НА ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬИ.

Севастополь и Николаевъ — военные порты.—Нахичевань.—Бердянскъ —Евпаторія.—Ростовъ на-Дону.—Маріуполь.—Таганрогъ.—Херсонъ

Все живо тамъ, все тамъ — очей отрада:
Въ тѣни оливъ уснувшія стада.
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

ПУШКИНЪ.

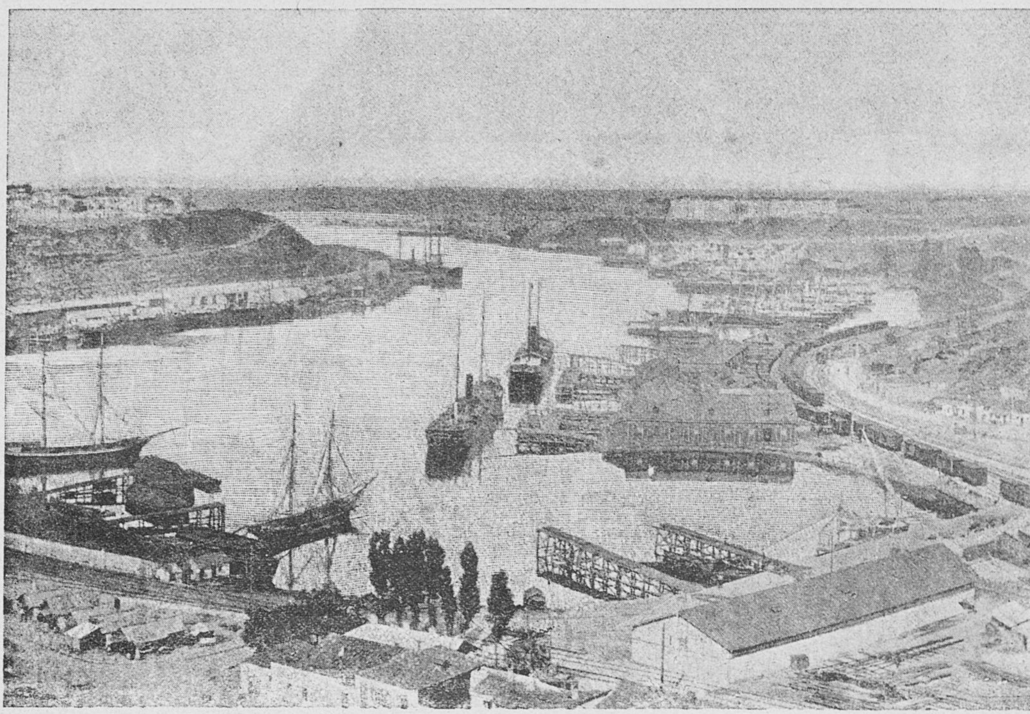
Немного наберется городовъ, которые бы такъ удачно оправдывали свое названіе, какъ Севастополь. Въ переводѣ на русскій языкъ съ греческаго, «Севастополь» означаетъ «знаменитый городъ». И, несомнѣнно, этотъ городъ извѣстенъ не только русскимъ людямъ, но и всему образованному міру, такъ какъ именемъ этого города называется война Россіи 1853—56 года съ Турціею и союзниками ея, Англіею и Франціею.



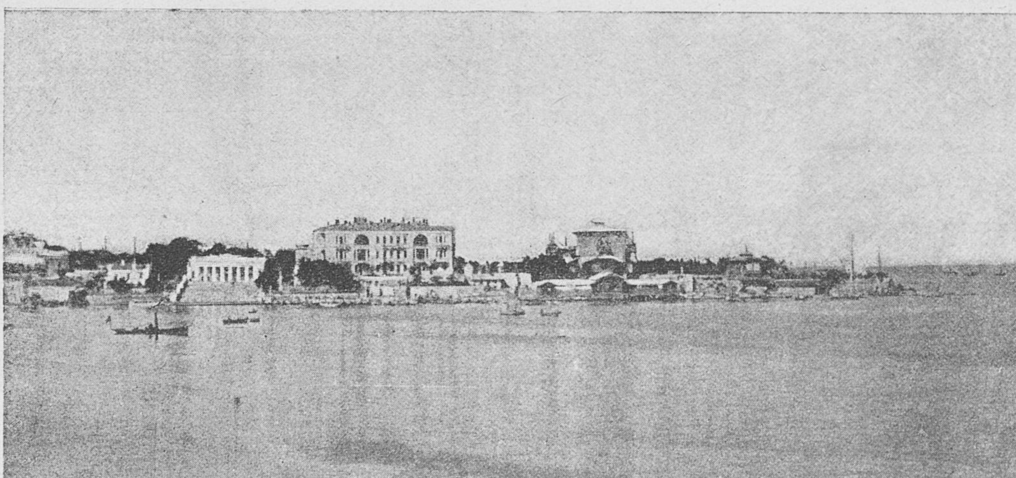
Севастополь — военно-портовой городъ въ предѣлахъ Симферопольскаго у., Таврической губерніи, на юго-западной оконечности Таврическаго полуострова, у береговъ Севастопольской бухты Чернаго моря, въ 2,025 в. отъ Петербурга, въ 1,429 в. отъ Москвы и въ 72 в. отъ Симферополя.

Мѣстность, гдѣ находится Севастополь, была заселена издревле. По греческимъ преданіямъ, на полуостровѣ, образуемомъ Севастопольскою бухтою и Чернымъ моремъ и называвшемся Херсонесомъ таврическимъ (по имени древнѣйшихъ обитателей здѣшней страны, тавровъ), находится храмъ Діаны. Лѣтъ за 500 до Р. Х, на этомъ полуостровѣ была основана греческая колонія, названная Херсонесомъ; до

половины II в. до Р. Х., городъ этотъ былъ независимымъ государствомъ; затѣмъ вошелъ въ составъ Понтійско-Боспорскаго царства, и по покореніи послѣдняго римлянами, сдѣлался



Южная бухта въ Севастополѣ.



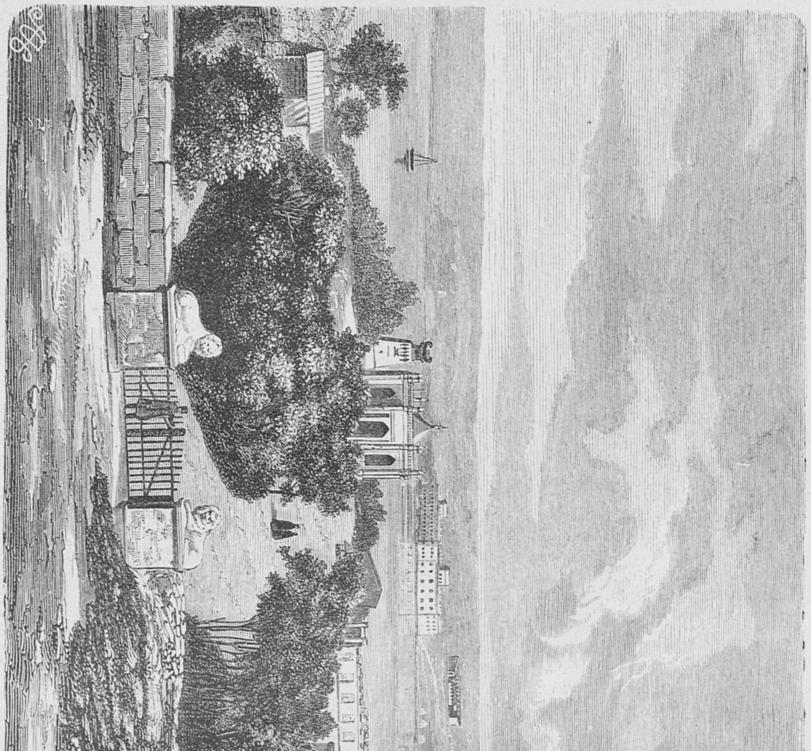
Графская пристань въ Севастополѣ.

данникомъ Рима. Уже въ концѣ I в. по Р. Х. здѣсь проповѣдывалось христіанское ученіе. По раздѣленіи Римской имперіи на Западную и Восточную, Херсонесъ вошелъ въ составъ послѣдней



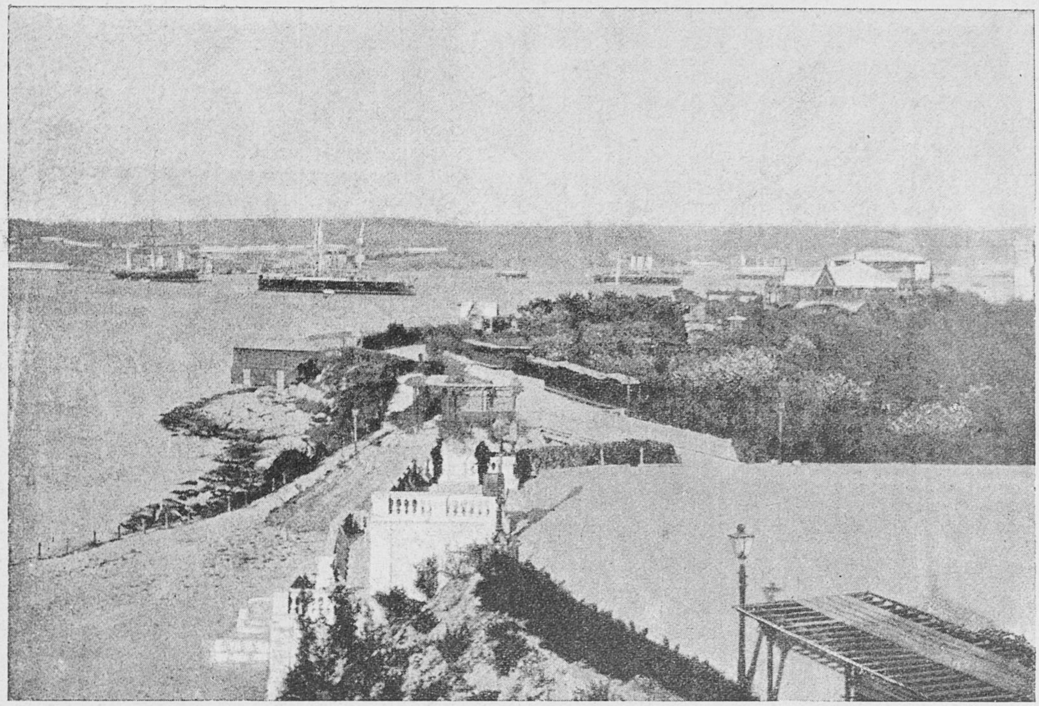
Видъ города Севастополя.

и, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, служилъ центромъ для управленія византійскими владѣніями въ Тавридѣ. Какъ городъ промышленный и торговый, Херсонесъ былъ издревле извѣстенъ и русскимъ подъ именемъ Корсуня. Въ 988 в. кн. Владиміръ, задумавъ принять хри-

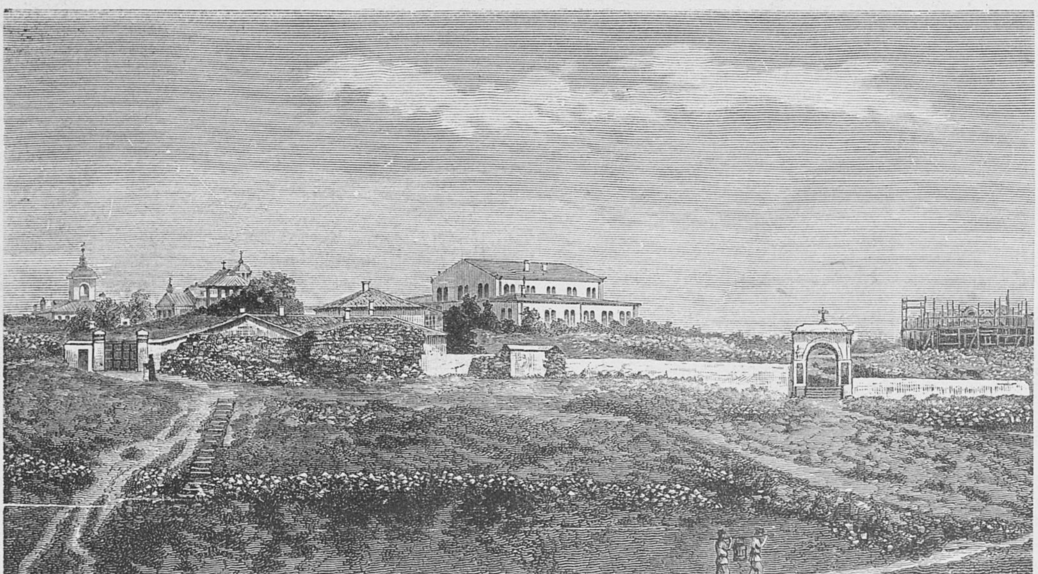


Южная сторона Севастополя, бульваръ и памятникъ Казарскому.

стіанство, вознамѣрился прежде того завоевать Херсонесъ. Достигнувъ этого хитростію, Владиміръ принялъ въ Херсонесѣ св. крещеніе и, вступивъ въ бракъ съ греческою царевною Анною, возвратилъ за то городъ прежнимъ его обладателямъ.



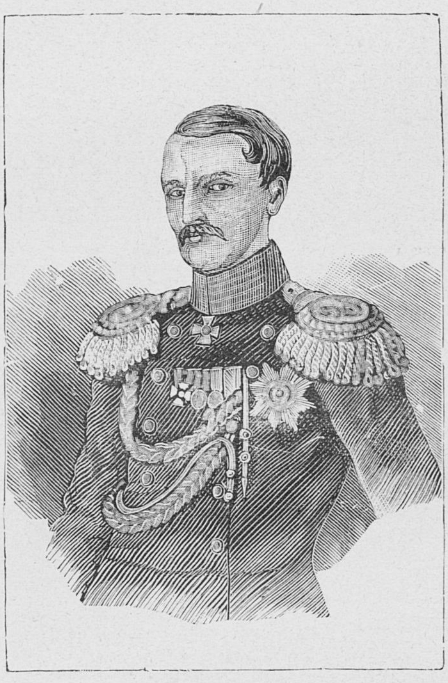
Бульваръ и садъ въ Севастополѣ.



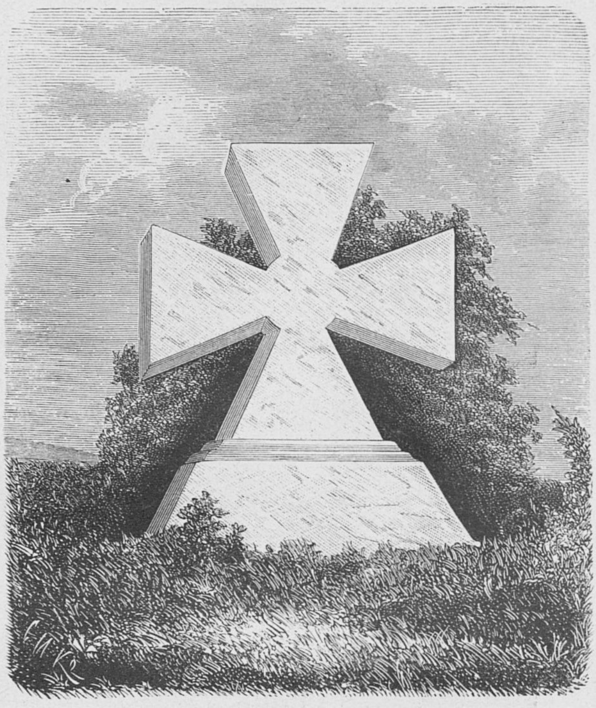
Херсонесскій монастырь.

Нашествіе монголовъ прекратило сношенія Руси съ черноморскими греческими городами, а въ томъ числѣ и съ Херсонесомъ, котораго торговля вообще стала съ тѣхъ поръ приходить въ упадокъ. Въ 1363 г. в. кн. литовскій Ольгердъ разграбилъ городъ, и съ тѣхъ поръ онъ совершенно запустѣлъ. Въ XVI в. здѣсь были только развалины древняго города. Въ настоящее же время, на мѣстѣ прежняго Херсонеса, верстахъ въ двухъ отъ Севастополя существуетъ монастырь, со вновь сооруженнымъ тамъ храмомъ св. Владиміра. Утвердившіеся въ Крыму татары основали на берегу Севастопольской бухты деревеньку, подъ названіемъ Ахтіари.

Когда Крымское ханство было присоединено къ Россіи, въ 1783 г., мѣстность Ахтіари, благодаря сосѣдству превосходной бухты была избрана для основанія военнаго порта, который въ 1784 г. получилъ названіе Севастополя. Въ 1783 же году здѣсь начата постройка укрѣпленій. Въ 1804 г. Севастополь былъ назначенъ главнымъ портомъ Черноморскаго флота, а въ 1826 году сооруженная тамъ крѣпость возведена на степень первоклассной.

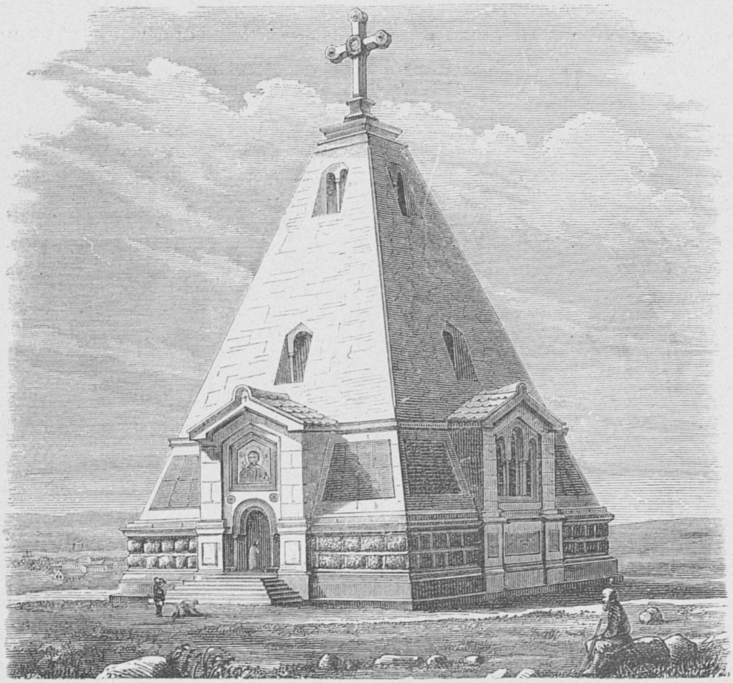


Генералъ адъютантъ Корниловъ.



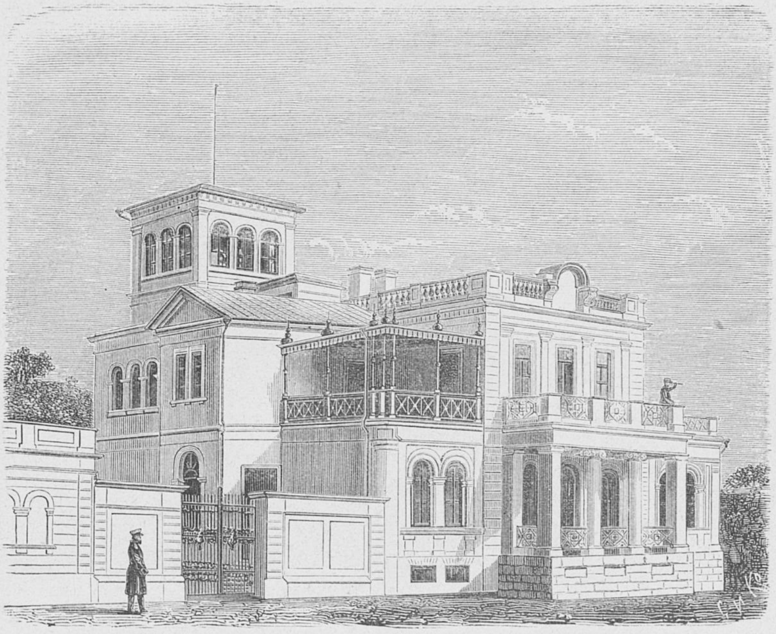
Памятникъ на могилѣ генерала Хрулева.

Такъ какъ здѣсь находились главныя морскія силы Черноморскаго флота, то городъ быстро обстроился и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ на берегу Чернаго моря. Въ такомъ состояніи Севастополь находился при наступленіи Восточной войны. Въ сентябрѣ 1854 г. союзная армія французовъ, англичанъ и турокъ, произведя высадку въ Евпаторіи и давъ сраженіе при р. Альмѣ, обложила южную часть Севастополя и съ 5-го сентября начала его бомбардированіе. Слабо укрѣпленный съ сухого пути, Севастополь въ теченіе 11 мѣсяцевъ героически выдерживалъ осаду, благодаря искусной системѣ оборонительныхъ земляныхъ работъ и храбрости русскихъ войскъ. Наконецъ, 27-го августа 1855 года, горнизонъ Севастопольскій, отбивъ шесть приступовъ соединенныхъ армій союзниковъ, принужденъ былъ покинуть южную часть укрѣпленій и отступить на сѣверный берегъ бухты, оставивъ непріятелю однѣ окровавленныя развалины.



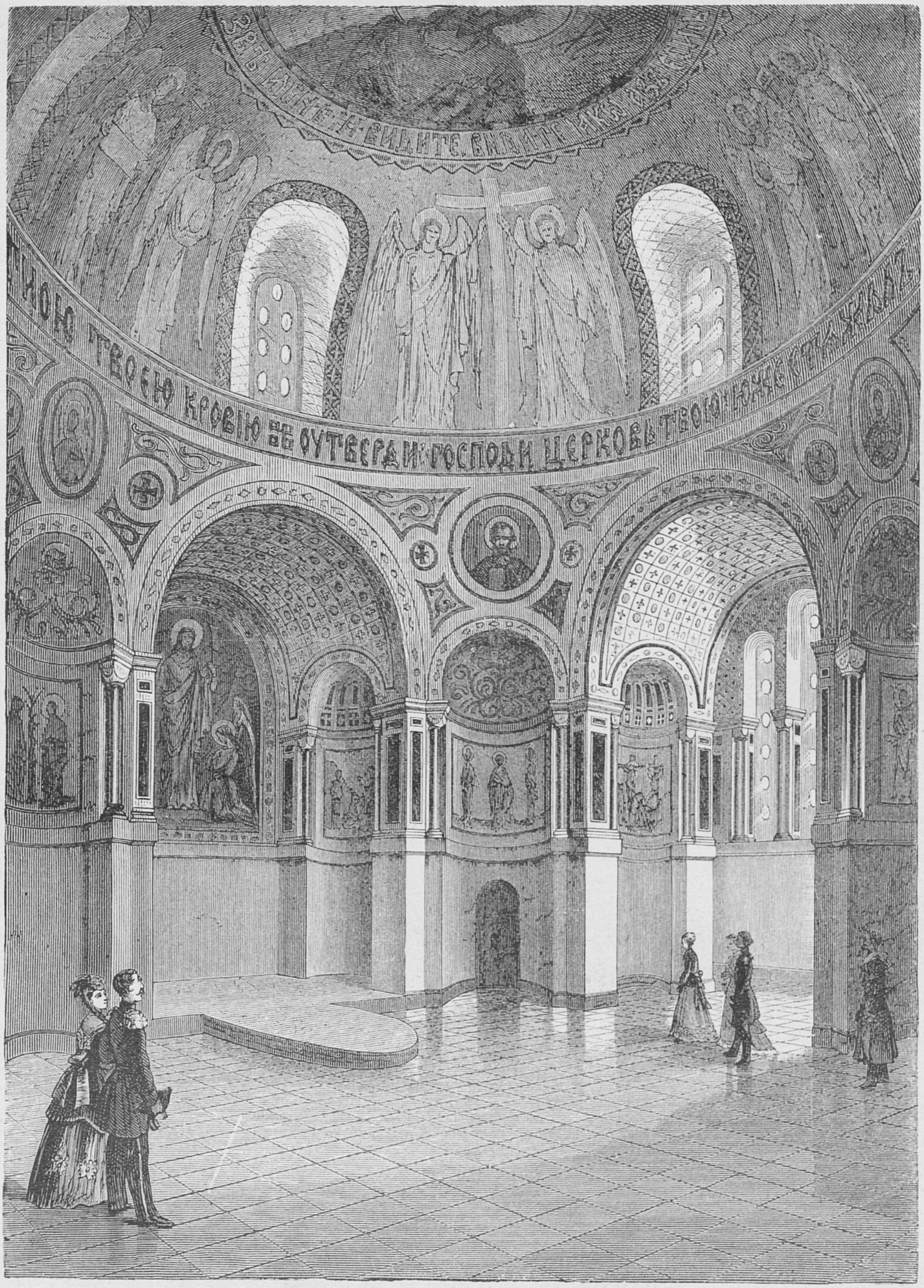
Памятникъ на могилѣ русскихъ воиновъ въ Севастополѣ.

Въ 1856 г., по заключеніи Парижскаго договора, Севастополь, занятый дотолѣ однимъ французскимъ полкомъ, былъ возвращенъ русскимъ властямъ, которыя нашли въ немъ только 14 зданій мало поврежденныхъ; все остальное было разрушено. Согласно условіямъ договора,



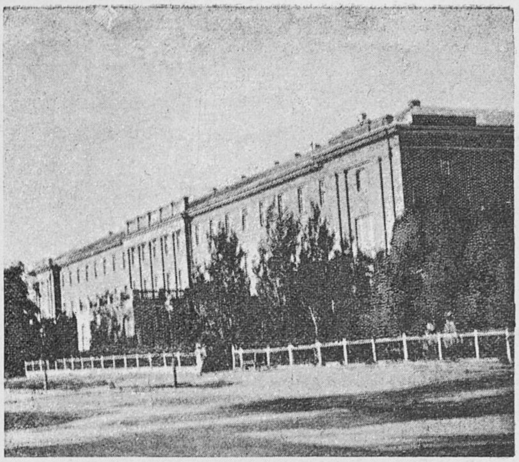
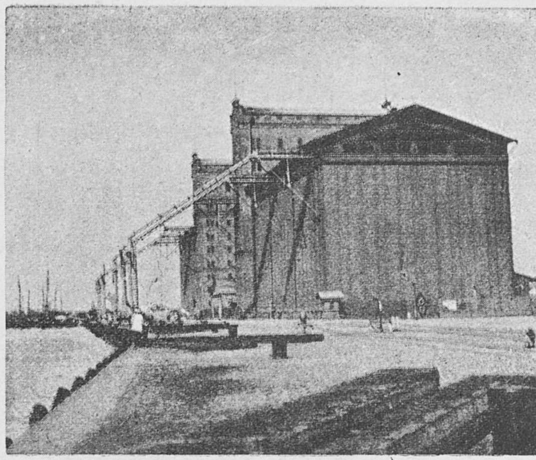
Музей Тотлебена въ Севастополѣ.

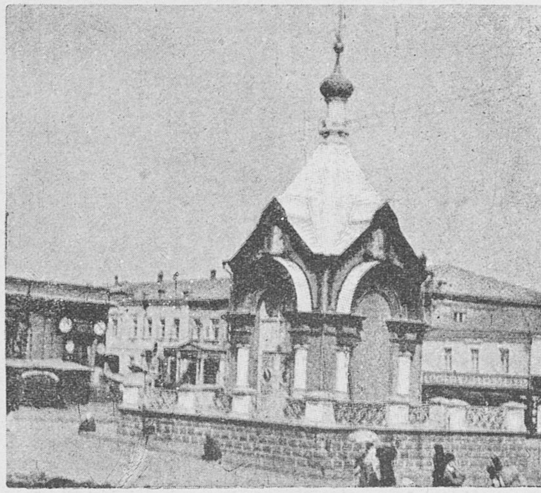
укрѣпленія Севастополя не могли быть возстановлены. Но городъ съ тѣхъ поръ началъ мало-по-малу обстроиваться, и хотя далеко не достигъ прежняго благосостоянія, но ему открылась

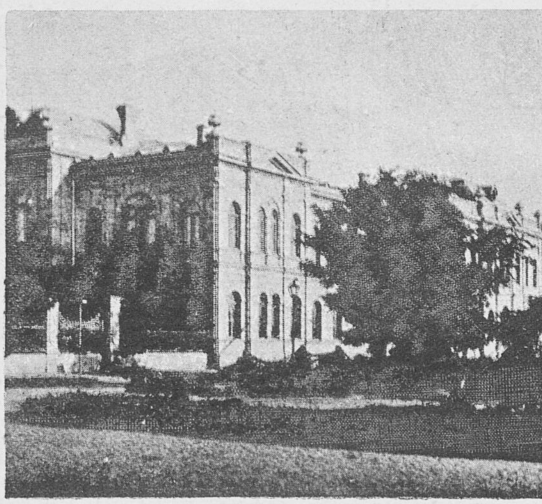


Внутренность церкви близъ Севастополя.

возможность торговаго развитія, вслѣдствіе чего въ Севастополѣ и была учреждена въ 1863 г. первоклассная томожня.



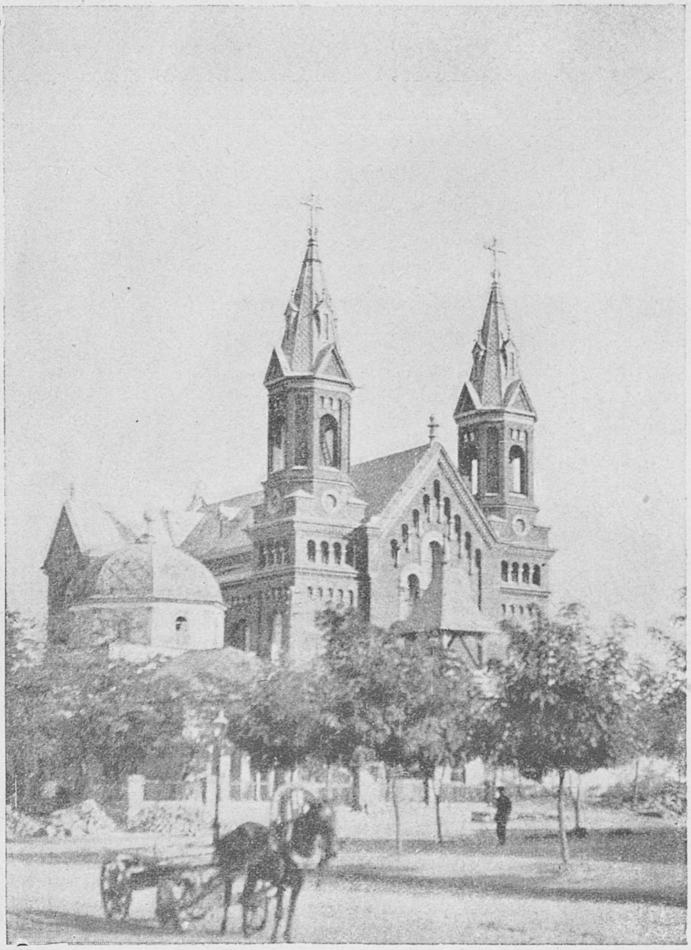


Зданіе мужской гимназіи.
Каѳедральный соборъ.
Видъ съ юга.

Элеваторъ.
Часовня въ память Императора Александра II.
Зданіе женской гимназіи.

Виды и достопримѣчательности города Николаева.

Проведеніе до Севастополя желѣзной дороги несомнѣнно обезпечило возможность значительнаго дальнѣйшаго преуспѣянія въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Такъ какъ главная Севастопольская бухта отдѣляетъ отъ себя нѣсколько развѣтвленій меньшаго размѣра, именно бухты Артиллерійскую, Южную, Корабельную и Килебалочную, то и городъ раздѣляется ими на три части: Южную, Корабельную и Сѣверную; мѣстность Севастополя поката къ бухтамъ, такъ что всѣ окрестности, болѣе возвышенныя, какъ бы командуютъ городомъ. Всѣ севастопольскія бухты образуютъ одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ рейдовъ. Длина его, отъ входа въ до устья рѣчки Черной, достигаетъ 5 в., ширина при входѣ—400 саж., глубина—отъ 6 до 10 саж.



Католическая церковь въ Николаевѣ.

Слѣдующимъ послѣ Севастополя военно-морскимъ портомъ является Николаевъ, Херсонской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Ингула, недалеко отъ впаденія его въ р. Бугъ, въ 62 верстахъ отъ губернскаго города.

Окрестности Николаева были заселены еще въ древности: на Бугскомъ лиманѣ находилась знаменитая греческая колонія Ольвія, а при устьѣ Ингула начинались поселенія скиѳовъ-земледѣльцевъ. Въ періодъ среднихъ вѣковъ мѣстность здѣшняя опустѣла; впрочемъ литовскіе князья причисляли ее къ своимъ владѣніямъ и здѣсь находился ихъ поселокъ Витовтова баня.

Послѣ уничтоженія Новой Сѣчи, въ 1775 г., окрестности Николаева стали заселяться раз-

ными поселенцами; одинъ изъ числа ихъ, иностранецъ Фабри, основалъ хуторъ на мѣстѣ нынѣшняго Николаева, но въ 1787 г. хуторъ этотъ былъ разрушенъ турками, въ слѣдующемъ же году здѣсь явилось новое поселеніе и, по приказанію Потемкина, устроена верфь на Ингулѣ. Въ 1787 г. это поселеніе получило названіе города Николаева, въ память того, что Очаковъ взятъ 6 декабря.

Съ самого основанія Николаевъ былъ предназначенъ служить адмиралтейскимъ городомъ Черноморскаго флота, такъ какъ прежде основанные Херсонъ и Севастополь не вполнѣ удовлетворяли этой цѣли. Къ работамъ по сооруженію Николаева приступлено, подъ руководствомъ полковника Фалѣева, во время самой войны съ турками, и уже 27 августа 1790 съ Николаевской верфи спущенъ былъ первый фрегатъ.

Въ 1794 г. сюда было переведено изъ Херсони главное управленіе черноморскаго флота. Въ 1795 г. Николаевскій уѣздъ былъ упраздненъ, а городъ приписанъ къ Херсонскому уѣзду, который причисленъ ко вновь образованной Вознесенской губерніи. Въ 1796 г. городъ вошелъ въ составъ Новороссійской губерніи, но въ 1802 г. самъ сталъ губернскимъ во вновь образованной Николаевской губерніи. Однако въ Николаевѣ не оказалось помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ, и потому губернія была открыта въ Херсони, а въ Николаевѣ осталось главное управленіе черноморскаго флота. Нынѣ Николаевъ, сохраняя это значеніе, состоитъ въ управленіи особаго военнаго губернатора. Николаевъ—лучшій послѣ Одессы городъ въ Новой Россіи: онъ имѣетъ 3 верфи (2 военныя и одна купеческая) и 3 пристани—2 военныя и 1 куческую.



Памятникъ адмиралу Грейгу въ Николаевѣ.

Очень характеренъ, какъ типичный армянскій городъ, Нахичевань или Начевань, окружный городъ Нахичеванскаго армянскаго округа въ Ростовскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи.

Городъ находится на правомъ берегу р. Дона, при урочищѣ Полуденкѣ, въ 477 в. отъ Екатеринослава и въ 4 в. отъ Ростова. Основанъ въ 1780 г., когда сюда пришло армянское поселеніе изъ Крыма и стало водворяться, по примѣру крымскихъ грековъ, выселившихся тогда же въ близъ-лежащій Маріупольскій округъ. Армянскимъ поселенцамъ были предоставлены разныя льготы и отведены земли между Азовомъ и крѣпостью св. Димитрія (нынѣ Ростовъ-на-Дону), вокругъ урочища Полуденки, по теченію р. Чамлырь, до р. Дона.

Съ самого основанія Нахичевань сдѣлался центромъ управленія здѣшними армянскими поселеніями и остается имъ понынѣ. Здѣсь находится армянскій магистратъ.

Продолжая нашъ обзоръ городовъ черноморско-азовскаго побережья, необходимо еще остановиться на слѣдующихъ городахъ, представляющихъ болѣе или менѣе существенныя особенности. Бердянскъ, уѣздный и портовый городъ Таврической губерніи, находится на сѣверо-западномъ берегу Азовскаго моря, при Бердянскомъ лиманѣ, въ началѣ Бердянской косы, у подошвы берегового обрыва, близъ впаденія въ море рѣчки Бердянки. Бердянскъ возникъ въ 1827 году, стараніями князя М. С. Воронцова. Въ 1828 году онъ былъ уже поря-

лочнымъ селеніемъ, въ 1836 году сталъ городомъ, а въ 1842 году назначенъ уѣзднымъ городомъ.

Рейдъ города, заключенный между сѣвернымъ берегомъ моря и косою, совершенно чистъ отъ мелей и банокъ и не представляетъ никакихъ препятствій для входа судовъ. Грунтъ рейда также удобенъ для стоянія на якорѣ, глубина достаточная. Рейдъ закрытъ берегомъ и косою отъ вѣтровъ, кромѣ южныхъ, которые много препятствуютъ нагрузкѣ товаровъ. Особенно же юго западные вѣтры нагоняютъ огромную зыбь, подвергающую суда сильной и неправильной качкѣ. Другое неудобство порта — постепенное обмеленіе его у пристани.

Привозъ вообще незначителенъ въ сравненіи съ вывозомъ. Главныя статьи привоза: кофе,



Нахичеванская женская гимназія

масло деревянное, маслины, перецъ, сухіе и свѣжіе фрукты и пр. Иностранныхъ судовъ ежегодно приходитъ до 360, русскихъ каботажныхъ — около 500.

Евпаторія—также уѣздный и портовый городъ Таврической губерніи, въ6 вэр. къ сѣверо-западу отъ Симферополя, на западномъ берегу Крымскаго полуострова, расположенъ на большой песчаной косѣ.

Утверждаютъ, что еще во времена Геродота, т.-е. въ V в. до Р. Х., въ районѣ нынѣшней Евпаторіи существовалъ городъ Коронитисъ, а въ началѣ I вѣка до Р. Х. здѣсь была основана Діофантомъ, полководцемъ Митридата Евпатора, крѣпость Евпаторія.

Въ концѣ XV в. на мѣстѣ Евпаторіи существовала турецкая крѣпость Гезлеве, переименованная впослѣдствіи русскими въ Козлово. Городъ Гезлеве былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ въ Крыму.

Въ 1736 году городъ былъ занятъ въ репвый разъ русскими войсками подъ начальствомъ

фельдмаршала князя В. М. Долгорукаго. Въ 1783 году городъ окончательно присоединенъ къ Россіи, а въ 1784 году сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Таврической губерніи.

Въ 1854 году (2-го сентября) въ Евпаторіи произошла высадка союзныхъ англо-французскихъ войскъ, и городъ до конца кампаніи оставался во власти союзниковъ.

Очень большою извѣстностью пользуется Ростовъ на-Дону, уѣздный и портовый городъ Екатеринославской губ., въ 452 вер. отъ Екатеринослава, на значительно возвышенномъ правомъ берегу Дона, при устьѣ впадающаго въ него Темерника, въ 20 вер. отъ Донскихъ гирлъ, изъ которыхъ одно, называемое Мертвымъ Донцомъ, начинается въ 8 вер. отъ города.



Памятникъ Екатеринѣ II въ Нахичевани.

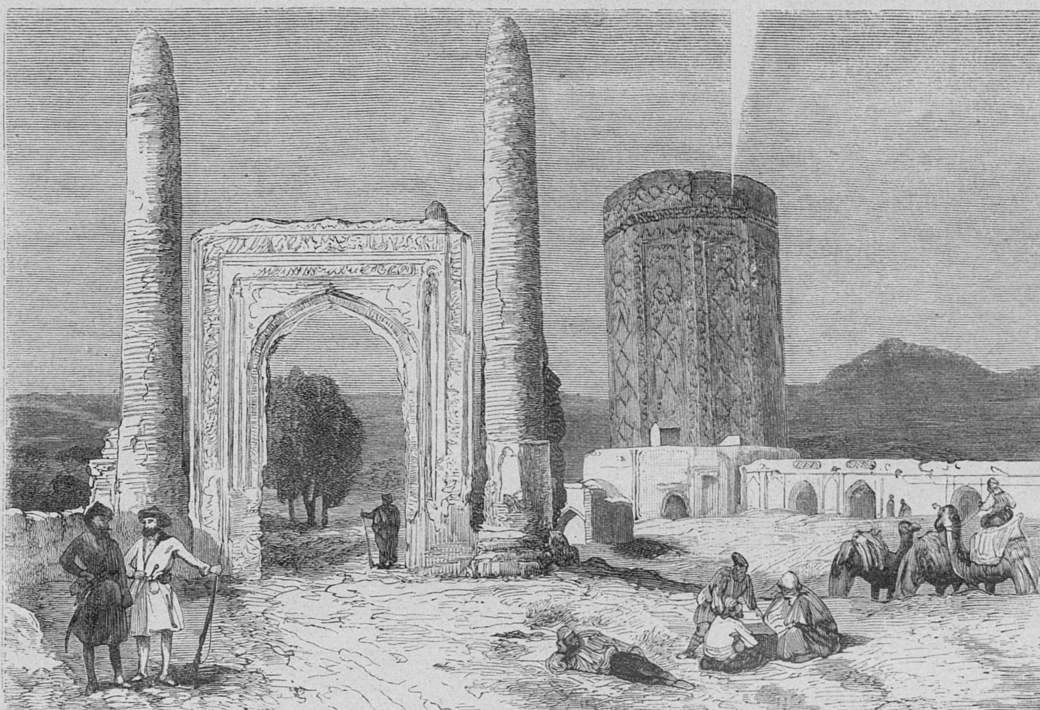
Ростовъ основанъ на мѣстѣ какого-то весьма древняго поселенія, въ XVII вѣкѣ. Еще въ 1731 г., для огражденія входа въ Донъ, со стороны турецкихъ владѣній положено было основаніе крѣпости св. Анны на одномъ низменномъ островѣ, образуемомъ Дономъ и притокомъ Аксаемъ. Въ 1761 г. крѣпость была перенесена на мѣсто нынѣшняго Ростова и получила названіе крѣпости св. Димитрія Ростовскаго. Съ теченіемъ времени, при крѣпости образовалось поселеніе, подъ нынѣшнимъ названіемъ города.

Въ концѣ 1796 г., при образованіи Новороссійской губерніи, Ростовъ былъ зачисленъ уѣзднымъ городомъ ея, а въ 1802 г. съ тѣмъ же значеніемъ былъ включенъ во вновь обра-

зованную Екатеринославскую губернію. Въ 1807 г. онъ былъ присоединенъ къ вѣдомству Таганрогскаго градоначальства, но въ 1834 г. снова получилъ значеніе уѣзднаго города.

Городъ хорошо обстроенъ со стороны Дона, но окраины его, обращенныя къ Тагонрогской дорогѣ, имѣютъ видъ деревни. Въ городѣ устроенъ водопроводъ. Въ отличіе отъ другихъ городовъ Новороссійскаго края, Ростовъ на-Дону бѣденъ садами.

Значеніе Ростова опредѣляется его положеніемъ близъ устья Дона, который омываетъ его и его предмѣстья на протяженіи почти 4 в., образуя превосходную природную пристань. Скорость теченія Дона у Ростова весьма незначительна, такъ что движеніе судовъ по рѣкѣ зависитъ преимущественно отъ вѣтровъ. Нормальная ширина Дона у Ростова достигаетъ 100 саж., а при такой ея незначительности, стоянка судовъ спокойна и безопасна.



Окрестности Нахичевани.

Высокая вода Дона происходитъ отъ таянія снѣговъ вверхъ по Дону, Донцу и ихъ притокамъ. Вода начинаетъ прибывать около 15-го апрѣля, достигаетъ наибольшаго уровня къ 9-му мая, доходя до 13 ф.; окончательно же спадаетъ вода въ началѣ іюня. Рѣка замерзаетъ при сѣверныхъ верховыхъ вѣтрахъ, вскрывается—при южныхъ низовыхъ. Сѣверные вѣтры сгоняютъ воду въ море и затрудняютъ судоходство, а низовые—благопріятны ему.

Кромѣ удобства сообщеній съ моря и по теченію Дона, Ростовъ служитъ еще центромъ сухопутныхъ сообщеній Новороссійскаго края. Благодаря такому выгодному положенію, Ростовъ развилъ весьма значительную торговлю. Начало его торговаго процвѣтанія относится къ 1834—1836 г.г., съ 1835 г. при Ростовской пристани была учреждена таможенная застава и началась отпускная торговля.

Весьма скромное мѣсто въ ряду другихъ городовъ разсматриваемой категоріи занимаетъ *Маріуполь*, портовый городъ Екатеринославской губерніи, на сѣверномъ берегу Азовскаго

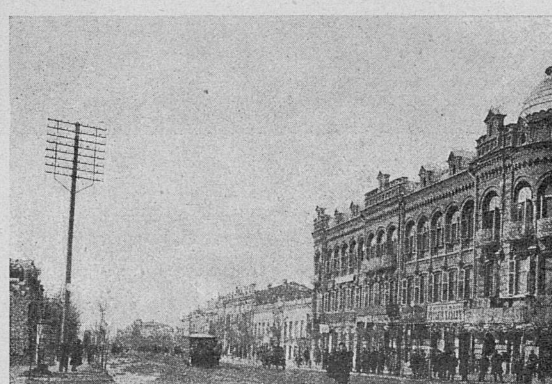












Садовая улица.
Реальное училище.
Зданіе «Краснаго Креста» и больницы.

Московская улица.
Таганрогскій проспектъ.
Большой проспектъ

Виды города Ростова на-Дону.

моря, близъ устья р. Кальміуса, въ 400 в. отъ Екатеринослава на почтовомъ трактѣ изъ Крыма въ Бахмутъ и Таганрогъ, вслѣдствіе чего у Маріуполя находится переправа черезъ Кальміусъ.

Есть мнѣніе, что мѣстность нынѣшняго города была заселена еще въ древности и что здѣсь находился городъ Адамаха. Затѣмъ въ средніе вѣка неизвѣстно никакихъ поселеній у устья Кальміуса; тѣмъ не менѣ мѣстность эта исторически замѣчательна. Немного выше Маріуполя впадаетъ въ Кальміусъ р. Калецъ или Кальчикъ, прославленная первымъ пораженіемъ русскихъ монголами въ 1224 г. (битва при Калкѣ).

Основаніе нынѣшнему городу положено только въ XVIII вѣкѣ. При учрежденіи Екатеринославскаго намѣстничества, Маріуполь былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ, каковымъ и оставался до 1807 г., когда онъ присоединенъ къ вѣдомству Таганрогскаго градоначальства.



Общій видъ Ростова на-Дону.

Серіознаго вниманія заслуживаетъ г. *Таганрогъ*, портовый городъ на сѣверо восточномъ берегу Азовскаго моря. Вмѣстѣ съ нѣсколькими прилегающими къ нему поселками онъ обра зуетъ особый административный округъ, подъ вѣдомствомъ градоначальника. Городъ находитс въ 476 в. отъ Екатеринослава и расположенъ на мысѣ, значительно вдавшемся въ заливъ, которымъ и оканчивается на сѣверо-востокѣ Азовскаго моря.

Вообще эта часть береговъ Азовскаго моря—мѣстность историческая еще со временъ классической древности, но собственно окрестности Таганрога были заселены только въ XIII в., когда жители итальянскаго города Пизы основали здѣсь свою торговую колонію—«Portus Pisanus». Она впрочемъ существовала не долго и была подавлена сосѣдствомъ Таны или Азова. Въ XVII в. на мѣстѣ Таганрога стояла башня турецкой постройки, служившая маякомъ для кораблей, шедшихъ въ Азовъ.

Въ 1696 г., по взятіи этого города, Петръ I заложилъ здѣсь острогъ, которому дано было

названіе Троицкаго что на Таганъ-Рогѣ. Это укрѣпленіе просуществовало до 1712 г., когда было срыто въ силу Прутскаго договора. Въ 1737 г. здѣсь снова заложено было русское укрѣпленіе, но по Бѣлградскому миру 1741 г. опять уничтожено. Въ 1769 г. мѣстность Таганрога была снова занята русскими войсками, и тогда же повелѣно возстановить его укрѣпленіе и выслать сюда поселенцевъ изъ Воронежской, Бѣлгородской и Новороссійской губерній.

Въ 1775 г. городъ былъ причисленъ къ Азовской провинціи, а въ 1784 г. вошелъ въ составъ Екатеринославскаго намѣстничества; въ томъ же году повелѣно Таганрогъ не считать крѣпостью. Въ 1802 г. образовано особое градоначальство, въ составъ котораго входилъ, кромѣ земель, нынѣ составляющихъ этотъ административный округъ, и весь Ростовскій уѣздъ Екатеринославской губерніи, съ округами Маріупольскимъ и Нахичеванскимъ. Въ 1834 г., Ростовъ съ уѣздомъ былъ изъятъ изъ вѣдомства градоначальника, а въ 1860 г. градоначальство ограничено нынѣшними своими предѣлами. Прекрасное положеніе города на Азовскомъ



Городскія общественныя учрежденія въ Ростовѣ на-Дону.

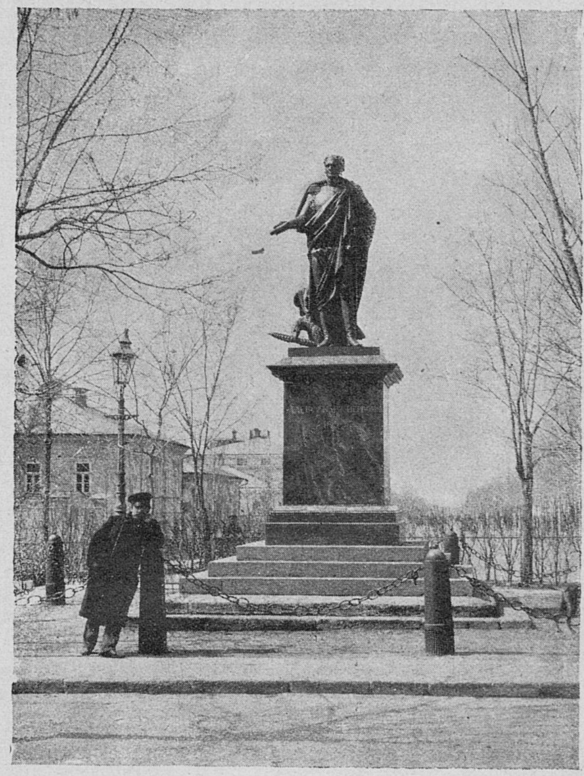
морѣ, въ сосѣдствѣ съ хлѣбороднѣйшими землями юго-восточной Россіи, сдѣлало его однимъ изъ важнѣйшихъ портовъ и вообще торговыхъ центровъ на югѣ и много содѣйствовало его благосостоянію.

Довольно значительный интересъ представляетъ *Херсонъ* какъ одинъ изъ наиболѣе новыхъ губернскихъ городовъ.

Городъ расположенъ на правомъ берегу Днѣпра, который, имѣя до 16 верстъ ширины, дробится здѣсь на многіе рукава и наполненъ множествомъ низменныхъ островов, затопляемыхъ высокими водами и поросшихъ камышемъ, вслѣдствіе чего лѣтомъ отъ испаренія появляются лихорадки; множество же комаровъ и мошекъ причиняютъ сильное безпокойство. Городъ лежитъ въ 26 верстахъ выше Днѣпровскаго лимана, съ которымъ сообщеніе затрудняется мелководіемъ рукавовъ, впадающихъ въ него, почему суда не могутъ проходить съ полнымъ грузомъ.

Известняковая набережная на Днѣпрѣ и рукавѣ его Кошевомъ предохраняетъ городъ отъ наводненія и дозволяетъ судамъ подходить къ самому берегу. Мѣстоположеніе города, раскинувшагося амфитеатромъ на скатѣ степи, высота которой въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 82 фут., со стороны Днѣпра—живописно, со стороны же степи—видъ на него закрытъ, такъ что онъ появляется лишь съ приближеніемъ къ самому городу.

Городъ состоитъ изъ военнаго форштадта; за нимъ лежитъ крѣпость, далѣе къ ю.-з. отъ нея раскинутъ собственно городъ, къ которому прилегаетъ предмѣстье. Внутри крѣпости, упраздненной въ 1835 г., помѣщаются церковь Спасителя и разныя казенныя зданія (казармы,



Памятникъ Александру I въ Таганрогѣ.



Дворецъ Александра I въ Таганрогѣ.



Видъ Херсона съ Воронцовской улицы.

арсеналъ, пороховые погреба и пр.), а также ветхій домъ, въ которомъ жила 5 дней императрица Екатерина II-я, во время путешествія своего въ Тавриду, и возлѣ него посаженное ею абрикосовое дерево.

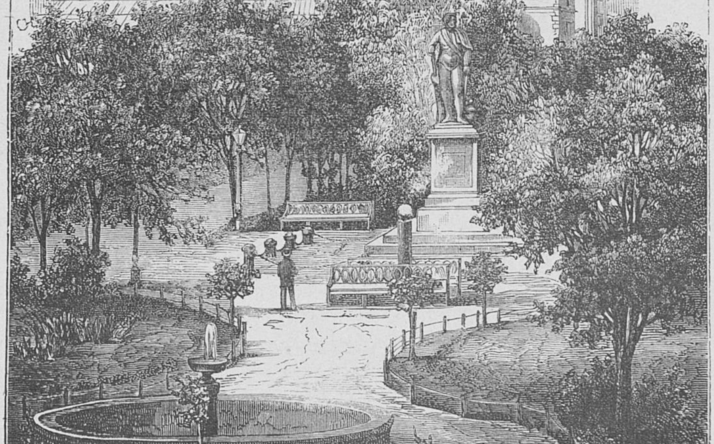
Собственно городъ имѣетъ такой видъ, что трудно опредѣлить, гдѣ его центръ, гдѣ его лучшая часть. Вездѣ, рядомъ съ жилыми домами встрѣчаются никѣмъ незанятыя, полуразрушившіяся строенія, а возлѣ большихъ домовъ—лачуги. Къ тому же всѣ каменные дома попостроены изъ известняка, придающаго неопрятный и мрачный видъ городу, если ремонтировка не производится во время.

Вдоль берега тянется городской бульваръ; есть также бульваръ, ведущій изъ города въ крѣпость. На пригоркѣ раскинутъ городской садъ, любимое мѣсто прогулокъ жителей. Возлѣ сада небольшой театръ.



Греческій Іерусалимскій монастырь въ Таганрогѣ.

Вообще, Херсонъ не отличается красивою архитектурою домовъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ. Городъ существуетъ всего лишь 100 лѣтъ съ небольшимъ. Онъ заложенъ при императрицѣ Екатеринѣ II, кн. Потемкинымъ, въ 1778 г. на мѣстѣ бывшаго Александровскаго



Памятникъ Потемкину въ Херсонѣ.

шанца, воздвигнутаго въ 1737 г. русскими войсками во время Турецкой войны и разрушеннаго по минованіи надобности. Строителемъ города былъ крестникъ Петра I, генералъ-поручикъ Ганнибалъ.

Цѣль возведенія города заключалась въ укрѣпленіи этого мѣста съ тѣмъ, чтобы потомъ соорудить флотъ и установить торговыя сношенія Чернаго моря съ внутренними губерніями. Названіе получилъ въ память знаменитаго нѣкогда Херсонеса таврическаго.

Благодаря неусыпнымъ стараніямъ Потемкина и Ганнибала, постройка крѣпости самаго города и верфей на столько ушла впередъ, что посѣтившая черезъ 8 лѣтъ Херсонъ, въ 1787 г., императрица Екатерина II осталась довольна всѣмъ здѣсь найденнымъ. Послѣ 8 лѣтъ опыта верфь въ Херсонѣ оказалась неудобною и переведена въ 1787 г. во вновь построенный г. Николаевъ. Съ пріобрѣтеніемъ въ 1791 г. Очаковской области и возникновеніемъ г. Одессы (Гаджибей) Херсонъ потерялъ значеніе внѣшняго порта.



Снѣговые заносы на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ.

ОЧЕРКЪ VIII.

ГОРОДА ВЪ БЕССАРАБІИ И НОВОРОССІЙСКОМЪ КРАѢ ВООБЩЕ.

Кишиневъ.—Аккерманъ.—Бендеры.—Хотинъ.—Екатеринославъ.—Никополь.—Елисаветградъ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?...

ПУШКИНЪ.

Почти всѣ города Бессарабіи, несмотря на то, что находятся на главныхъ трактахъ губерніи или при Днѣстрѣ, не пользуются ни особыми выгодами торговли, ни удобствами европейской жизни. Причина этого въ томъ, что они населены преимущественно евреями, которые, захвативъ въ свои руки всю мѣстную торговлю и промышленность, но не обладая значительными капиталами, не могутъ дать дѣлу надлежащего развитія. Преобладаніе еврейскаго населенія сообщаетъ бессарабскимъ городамъ крайне неэстетическій неопрятный видъ, вслѣдствіе чего они мало привлекаютъ къ себѣ богатый классъ населенія, который предпочитаетъ жить въ своихъ деревенскихъ усадьбахъ или за границею. Такимъ образомъ города Бессарабіи имѣютъ главнымъ образомъ значеніе административныхъ центровъ. Исключеніе до нѣкоторой степени составляютъ Кишиневъ и Аккерманъ, изъ которыхъ первый развивается довольно быстро, благодаря своему центральному положенію въ губерніи; Аккерманъ же обязанъ своимъ относительнымъ процвѣтаніемъ винодѣлію. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что какъ Аккерманъ, такъ и другіе города Бессарабіи, Бендеры, Хотинъ не имѣютъ и десятой доли того значенія, какимъ они пользовались при турецкомъ и еще раньше—при генуезскомъ владычествѣ.

Всѣхъ городовъ въ Бессарабіи считается восемь. По числу народонаселенія они располагаются такъ: Кишиневъ (115,000 жит.), Аккерманъ (до 50 тыс.), Бендеры (30 тыс.), Измаилъ (30 тыс.), Хотинъ (18 тыс.), Бѣльцы (10 тыс.), Сороки (9 тыс.) и Оргѣевъ (до 10 тыс.), не считая нѣсколькихъ городовъ южной Бессарабіи (Килія, Рени, Кагулъ, Леово), ото-

шедшихъ къ Россіи по Берлинскому трактату, такъ какъ города эти предположено преобразовать въ селенія и мѣстечки.

Во главѣ губерніи стоитъ Кишиневъ, одинъ изъ молодыхъ губернскихъ городовъ, но развивающійся необыкновенно быстро. Въ 1812 году, по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи, Кишиневъ, или Кишла-Ноу (т.-е. «новый загонъ для скота»), былъ мѣстечкомъ съ 7,000 жителей. Въ 1828 году, когда онъ былъ объявленъ губернскимъ городомъ, въ немъ было около 18 тыс. жителей. Съ того времени народонаселеніе его увеличилось болѣе, чѣмъ въ шесть разъ, хотя въ послѣдніе годы ростъ города нѣсколько пріостановился и статистика показываетъ не увеличеніе, а скорѣе даже уменьшеніе числа жителей. Это явленіе объясняется, вѣроятно, проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, которыя обыкновенно приводятъ къ ослабленію искусственно-созданныхъ и къ возникновенію новыхъ центровъ. Кишиневъ же, занимая въ губерніи центральное мѣсто, стоя на перепутьи торговаго пути изъ Одессы въ Каменецъ-Подольскъ, Новоселицу и Могилевъ, все-таки въ значительной мѣрѣ живетъ искуственною жизнью. Отнимите у него званіе губернскаго города, и онъ сократится до величины и значенія средняго уѣзднаго городишка.



Бессарабская женщина.

Кишиневъ въ нынѣшнемъ его состояніи — большой городъ, но не особенно красивый. Онъ расположенъ на правомъ берегу ничтожной рѣчки и ручья — Быка (притока Днѣстра), на покатости песчаного его берега. Берега Быка, низменные и болотистые при самой рѣкѣ, по мѣрѣ отдаленія становятся возвышенными, песчаными и теряются въ зелени садовъ и виноградниковъ, окружающихъ городъ. Съ этихъ высотъ особенно же съ лѣваго пустыннаго берега, городъ, расположенный амфитеатромъ по склону огромнаго холма, представляетъ очень красивую панораму. Но впечатлѣніе это, по мѣрѣ ознакомленія съ городомъ, быстро разсѣевается.

О большинствѣ губернскихъ городовъ обыкновенно говорятъ, что въ нихъ 3—4 улицы «напоминаютъ городъ», всѣ остальныя улицы представляютъ деревню. О Кишиневѣ можно сказать, что 3 — 4 его улицы напоминаютъ Европу, весь же остальной городъ — Азію. Именно, чисто азіатскій характеръ имѣетъ часть города, лежащая ближе къ рѣчкѣ, такъ называемый старый или нижній городъ. Улицы такъ узки, кривы, немощены и до такой сте-

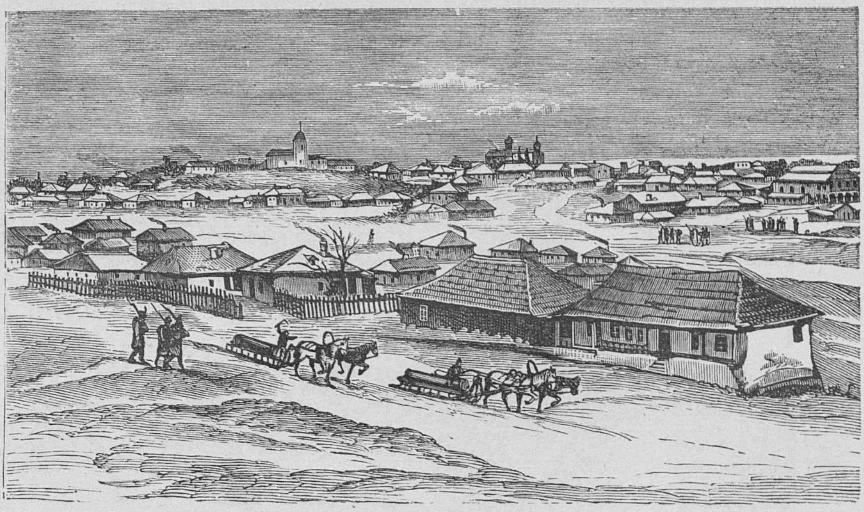
пени перепутаны, что человѣкъ, мало знакомый съ мѣстностью, не скоро выберется изъ этого лабиринта. Дома большею частью маленькіе, одноэтажные, съ небольшими окнами, забранными, по восточному обычаю, желѣзными рѣшетками, съ каменными выходящими на улицу оградами. Населеніе этой части города, главнымъ образомъ—евреи, слѣдовательно, грязь и неопрятность здѣсь неизбѣжны. Одна изъ улицъ такъ и называется «Грязною», такъ какъ вонючія лужи почти никогда не просыхаютъ на ней. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этого лабиринта лежитъ пустынная «Инзова Гора» съ остатками развалинъ дома бывшаго генералъ-губернатора Бес-



Караимы Бессарабской губерніи.

сарабской области—Инзова. Въ этомъ домѣ съ 1820 по 1823 годъ жилъ нашъ великій поэтъ—Пушкинъ, состоявшій при Инзовѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Домъ этотъ нѣсколько разъ повреждали довольно частыя въ Бессарабіи землятрясенія, но онъ довольно хорошо сохранился до начала шестидесятыхъ годовъ, когда его развалины сдѣлались притономъ разныхъ воришекъ. Вслѣдствіе этого, по распоряженію полиціи, уцѣлѣвшія его стѣны и подвалы были разобраны. Квартира Пушкина помѣщалась въ нижнемъ этажѣ и состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ, выходившихъ окнами въ садъ, откуда открывался великолѣпный видъ

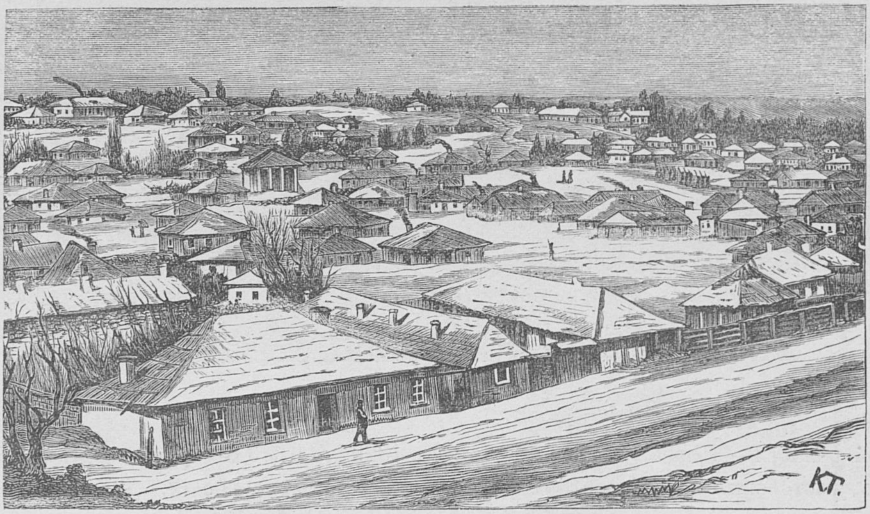
на долину Быка. Теперь отъ сада не осталось и слѣдовъ; а отъ дома осталась лишь куча загаженнаго мусора, вслѣдствіе близости казармъ. Скоро исчезнутъ и послѣдніе слѣды жилища великаго поэта. Но Пушкинъ и до сихъ поръ живетъ въ памяти кишиневцевъ. Еще живы



Видъ Кишинева съ восточной стороны.

нѣкоторые изъ его современниковъ. Про его проказы и амурныя похожденія разсказываютъ множество анекдотовъ, и не одинъ кишиневецъ и теперь съ сочувствіемъ повторяетъ стихи Пушкина:

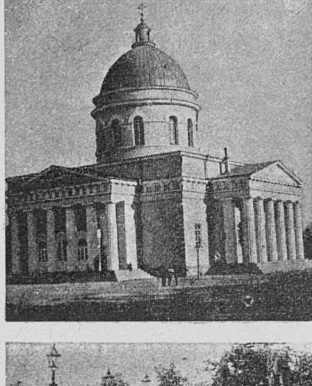
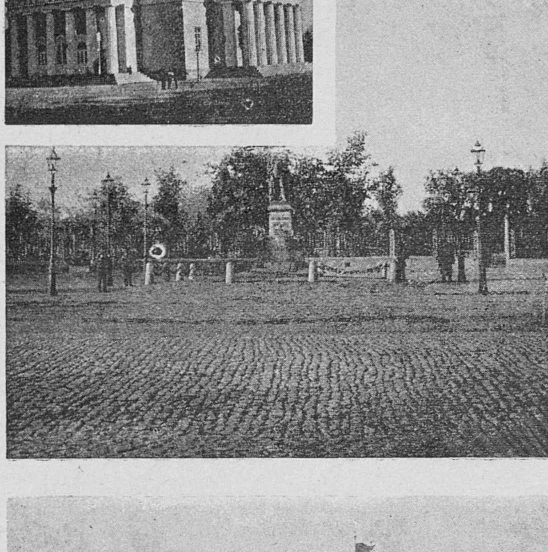
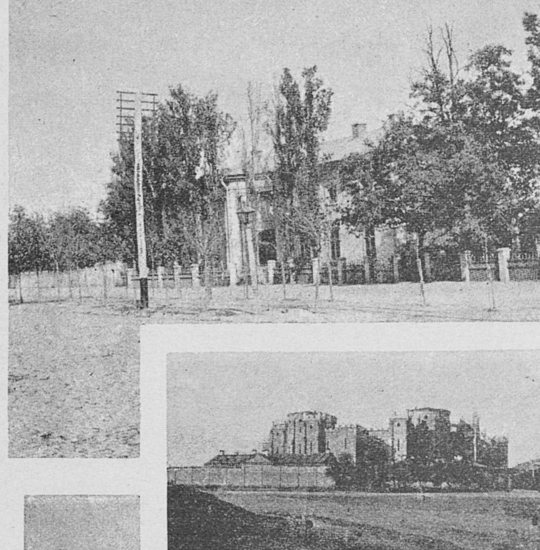
Проклятый городъ Кишиневъ!
Бранить тебя языкъ устанетъ...

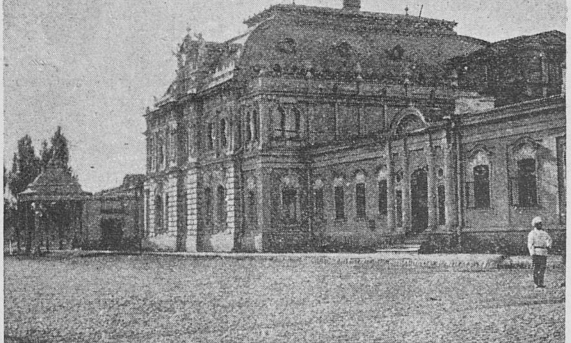
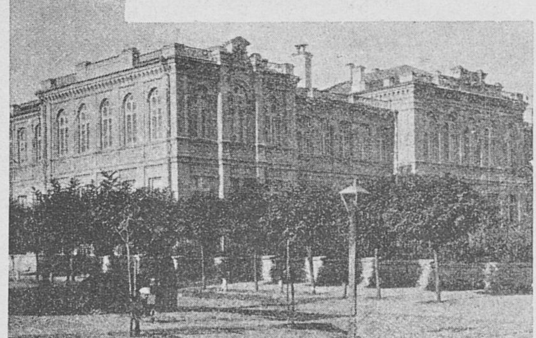


Видъ дальнѣйшей части города Кишинева.

Словомъ, «старый городъ» представляетъ весьма непривлекательную смѣсь жидовско-турецкаго характера. Верхній «новый городъ», застроившійся лишь въ послѣдніе тридцать лѣтъ, имѣетъ почти европейскую физіономію. Улицы широкія и прямыя, но не вездѣ мощены.



Видъ на Багонежскую улицу.
Соборъ каѳедральный.
Памятникъ императору Александру
Городское общественное собраніе.

Зданіе Второй гимназіи.
Губернаторскій домъ.
Тюремный замокъ.
Зданіе реальнаго училища.

Виды г Кишинева

Дома по большей части новой архитектуры; нѣкоторые изъ нихъ построены съ большимъ вкусомъ и роскошью. Таковы, напр., улицы Александровская, Николаевская, Семинарская и Губернская, съ четырехъ сторонъ окружающія квадратную Соборную площадь. Это—лучшая площадь въ городѣ, вообще изобилующемъ площадями, или, правильнѣе сказать пустырями, и любимое мѣстого рожанъ для прогулокъ. Въ окружности она имѣетъ до полуторы версты, обсажена въ нѣсколько рядовъ бѣлыми акаціями. Въ центрѣ же ея возвышается городской соборъ—весьма красивое, величественное зданіе, выстроенное въ итальянскомъ стилѣ. Близъ соборной площади находится городской садъ, иначе называемый «казеннымъ», съ прекрасными, тѣнистыми аллеями бѣлыхъ акацій, липы и клена. Самая старая и тѣнистая изъ этихъ аллей называется «Пушкинскою», въ память Пушкина, который проводилъ въ ней цѣлые дни, спасаясь отъ городской духоты и пыли. Въ этомъ саду помѣщаются благородное собраніе, лѣтній театръ, буфетъ минеральныхъ водъ и павильонъ, въ которомъ по вечерамъ играетъ оркестръ цыганской мызыки. Въ прекрасные лѣтніе вечера этотъ садъ является сборнымъ мѣстомъ для кишиневской публики, которая засиживается здѣсь почти до разсвѣта. Дѣйствительно, тихія,



Инзова гора близъ Кишинева, мѣсто, гдѣ стоялъ домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ.

теплыя ночи, воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтущихъ акацій, это—лучшія стороны кишиневской жизни, такъ что ими онъ можетъ гордиться. Но больше ему гордиться нечѣмъ.

Кореспондентъ одной газеты «Daily News», посѣтившій Кишиневъ въ 1876 году, во время мобилизаціи арміи, рѣшительно не хотѣлъ вѣрить, что Кишиневъ—городъ, да притомъ еще губернскій. Онъ считалъ его деревней. Дѣйствительно, пустынныя улицы Кишинева, его огромныя площади, пустыри и безконечные заборы, окна съ желѣзными рѣшетками, по ночамъ наглухо запираемыя ставнями, наконецъ, отсутствіе удобствъ цивилизованной жизни не даютъ ему права на званіе города въ европейскомъ смыслѣ. Даже лучшія улицы вымощены лишь въ немногихъ мѣстахъ. И если лѣтомъ песчаный грунтъ и страшная пыль дѣлаютъ городъ похожимъ на песочницу, то въ остальныя времена года, онъ уподобляется чернилицѣ. Грязь въ немъ классическая, пользующаяся извѣстностью. Освѣщеніе улицъ керосиновое, и освѣщаются только лучшія улицы, о водопроводѣ нѣтъ и помину.

Не можетъ городъ похвалиться также обиліемъ развлеченій и бойкимъ теченіемъ общественной жизни. Его разноязычное населеніе, состоящее изъ молдаванъ (около 50%), евреевъ

(20%), русскихъ (10%), затѣмъ армянъ, грековъ и другихъ «восточныхъ человѣковъ», имѣетъ слишкомъ мало общаго между собою. Мѣстная, молдавская «интеллигенція», это, конечно, пародія на интеллигенцію. Плохо образованная, но любящая поѣздки за границу, алчная до наживы, тщеславная и лѣнивая, она отстала отъ массы населенія, изъ которыой вышла только вчера, и стыдится своего происхожденія, не приставъ, однако, къ цилилизованной жизни, отъ которой заимствовала лишь страсть къ внѣшнему блеску. Въ ея рукахъ земское и городское самоуправленіе не могло принять правильной формы, чуждой эксплуататорскихъ замашекъ.

Окрестности города очень живописны. Высокіе холмы съ крутыми склонами окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. Склоны эти покрыты фруктовыми садами, табачными плантаціями,



Бессарабскіе цыгане.

главнымъ же образомъ виноградниками, которыхъ считается на городской землѣ до 1,400 садовъ. Долины заняты городами. Кое-гдѣ по склонамъ бѣлѣютъ чистенькія молдаванскія хатки. Вершины холмовъ заняты вѣтряными мельницами. Вся мѣстность прекрасно обработана. Если чего и недостаетъ этому прелестному пейзажу, такъ это—воды, въ которой ощущаетъ недостатокъ какъ городъ, такъ и окрестности. Орошеніе садовъ и виноградниковъ производится при помощи колодцевъ, «журавли» которыхъ виднѣются почти въ каждомъ дворѣ, на каждой плантаціи.

Съ восточной и сѣверной стороны городъ ограниченъ долиною р. Быка, за которою поверхность тоже холмиста и спускается къ рѣкѣ то отлогими, то крутыми, обрывистыми скатами. Холмы эти каменисты, пустынны и заняты главнымъ образомъ выгономъ. Долина

Быка—самое нездоровое мѣсто, источникъ лихорадокъ для всего «нижняго» города. Нѣкогда Быкъ былъ значительною рѣкою, но теперь долина его имѣетъ видъ широкаго болота, по которому струится узкій ручеекъ, совершенно пересыхающій въ жаркое лѣто. Изъ Быка онъ сдѣлался Бычкомъ и извѣстенъ теперь подъ этимъ именемъ (молдаване называютъ его «Быкулуй»).

Вообще Кишиневъ не можетъ быть названъ здоровымъ городомъ. Независимо отъ лихорадокъ и тифовъ, обусловливаемыхъ близостью болотъ и несоблюденімъ санитарныхъ требованій, вредное вліяніе на здоровье имѣетъ крайнее непостоянство погоды. Удушливо жаркіе дни и холодныя ночи; засухи и дожди; быстые переходы отъ оттепелей къ сильнымъ морозамъ и обратно; наконецъ, вѣтры, то холодные и сухіе, то влажные и удушливые, дующіе по цѣлымъ днямъ и утихающіе только ночью,—таковы особенности Кишиневскаго климата. Но



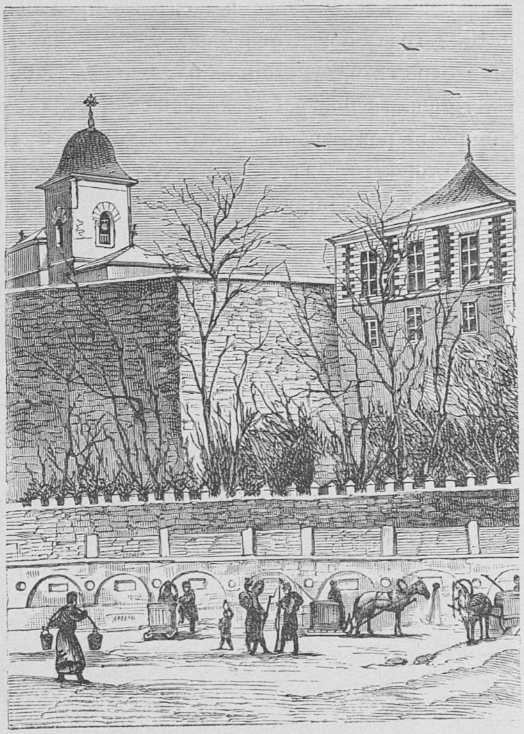
Мастерская цыганъ.

вообще климатъ Кишинева умѣренно-теплый. Зимы обыкновенно малоснѣжны и весна начинается однако съ половины февраля. Лучшее время года—осень съ ея ясной, теплой погодой и обиліемъ всякихъ фруктовъ, особенно винограда. Самое тяжелое время—лѣто, знойное, сухое, когда жара доходитъ до 40% (на солнцѣ), пыль облаками носится по улицамъ города и недостатокъ зелени и отсутствіе купанія дѣлаютъ жизнь въ Кишиневѣ положительно невыносимою. Между тѣмъ здѣсь вовсе не принято выѣзжать лѣтомъ на дачи, да и дачъ вовсе не существуетъ. Помѣщики, проводящіе зиму въ городѣ, на лѣто уѣзжаютъ въ деревню; остальные же обыватели круглый годъ проводятъ въ городѣ, и ничего—не жалуются. Привычка—вторая натура.

Торговля Кишинева незначительна и вся находится въ рукахъ евреевъ. Ярмарокъ не бываетъ. Добывающая промышленность ограничивается въ сущности виноградарствомъ, садо-

водствомъ и табаководствомъ. Обработывающая промышленность въ Кишиневѣ стала развиваться только въ послѣднее время; большую же часть необходимыхъ въ домашнемъ быту издѣлій городъ получаетъ изъ другихъ мѣстъ.

Памятниковъ старины въ Кишиневѣ и его окрестностяхъ не сохранилось никакихъ. Изъ общественныхъ зданій города, кромѣ собора, обращаетъ на себя вниманіе зданіе тюрьмы, выстроенной въ мавританскомъ стилѣ. Внутри она тѣсна и грязна, какъ большинство нашихъ тюремъ, но внѣшній видъ ея очень внушителенъ, напоминая рыцарскій замокъ.



Фонтанъ, снабжающій Кишиневъ водою.

Къ довершенію характеристики Кишинева нужно сказать, что если жизнь въ немъ не отличается особыми удобствами, за то она не дешева, такъ что, напримѣръ, цѣны на квартиры немного уступаютъ столичнымъ.

Второй по важности городъ въ губерніи— Аккерманъ, лежащій на возвышенномъ правомъ берегу Днѣстровскаго лимана, въ 167 верстахъ отъ Кишинева. Положеніе его близъ устья судоходной рѣки, протекающей по мѣстностямъ, богатымъ разными произведеніями, сдѣлало этотъ городъ важнымъ торговымъ пунктомъ еще въ отдаленное время. Вслѣдствіе этого Аккерманъ имѣетъ чрезвычайно длинный «формулярный списокъ», и немногіе города столько разъ перемѣняли свое названіе. По словамъ Геродота, городъ основанъ за VI вѣковъ до Р. Х. финикіянами, которые назвали его «Тирасомъ». Затѣмъ городъ перешелъ къ грекамъ, потомъ— къ римлянамъ, которые переименовали его въ «Альба-Юлія». Въ IV вѣкѣ по Р. Х городъ былъ завоеванъ гуннами, потомъ, подъ именемъ «Аклиба», переходитъ въ руки кумановъ и половцевъ. Сосѣдніе тиверцы и угличи называли его «Бѣлгородомъ», вся южная Бессарабія долгое время называлась на Руси «Бѣлогородчиной». Въ началѣ XV вѣка на развалинахъ Аклиба генуэзцы построили свою колонію, назвавъ ее Монъ-Кастро, потомъ тамъ пытались укрѣпиться поляки, но въ концѣ указаннаго вѣка городъ перешелъ въ руки турокъ, распространившихъ власть на Крымъ и большую часть Бессарабіи. Обративъ Монъ-Кастро въ грозную крѣпость, турки назвали его Аккерманомъ (то-есть бѣлымъ камнемъ). Крѣпость эта, въ теченіе около трехъ вѣковъ, на ряду съ Бендерами и Хотиномъ, составляла оборонительную линію



Кишиневская городская дума

турокъ въ ихъ непрерывныхъ войнахъ съ Россіею, Польшею и Запорожьемъ. Во время войнъ Россіи съ Оттоманскою портою, Аккерманъ трижды былъ взятъ русскими войсками (въ 1770 г. 1789 и 1806 годахъ). Наконецъ, по Бухарестскому трактату, въ 1812 году, онъ вмѣстѣ съ остальною Бессарабіею, вошелъ въ предѣлы Россіи. Аккерманъ сохранилъ значеніе крѣпости до 1832 года, когда она была упразднена. Но она и до сихъ поръ хорошо сохранилась и служитъ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ древнихъ турецкихъ укрѣпленій.

Крѣпость построена на высокой скалѣ, съ двухъ сторонъ омываемой лиманомъ. Глубокій и широкій ровъ, выложенный камнями, а мѣстами вырубленный въ скалѣ, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, а за нимъ слѣдуютъ высокія стѣны. Двадцать шесть круглыхъ башенъ, расположенныхъ по окружности крѣпости, придаютъ ей чрезвычайно грозный, величественный



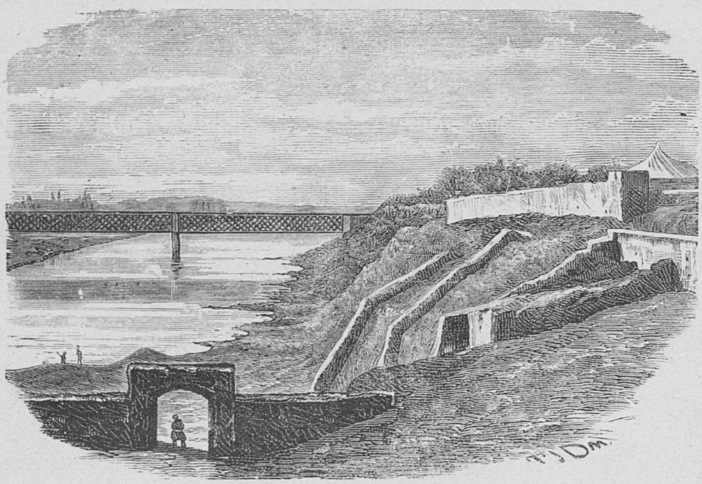
Сельско-хозяйственныя работы въ большомъ помѣстьѣ Бессарабской губерніи

видъ. Нельзя безъ особеннаго чувства глядѣть на эти мрачныя стѣны, узкія бойницы, чернѣющія башни, покрытыя мхомъ столѣтій, покинутыя жизнью, но внушительно говорящія о давно-минувшихъ дѣлахъ.

У подножія крѣпости, къ югу отъ нея вытянулся городъ; за нимъ виноградные и фруктовые сады, разведенные еще турками; далѣе, по берегу лимана—предмѣстье и богатая, цвѣтущая, утонувшая въ зелени швейцарская колонія Шаба. На западъ, по другую сторону крѣпости, тянутся посады съ ихъ мельницами и обширными садами и болотистые берега лимана, гдѣ разбросаны небольшія хатки и шалаши рыбаковъ. Наконецъ, позади всего этого, желтѣетъ необозримая степь.

Вблизи крѣпости находится пароходная пристань, а отъ нея, по берегу лимана, тянется длинный городской бульваръ съ довольно скудною растительностью, но съ прекраснымъ видомъ

на лиманъ и на лѣвый пустынный берегъ, на которомъ виднѣется крошечное мѣстечко — Овидіополь, гдѣ, по преданію, жилъ въ ссылкѣ и умеръ великій римскій поэтъ Овидій. Лиманъ имѣетъ въ этомъ мѣстѣ около девяти верстъ ширины, но на гладкой водяной поверхности глазъ удивительно обманывается, такъ что лиманъ кажется не шире двухъ-трехъ верстъ. По берегу настроено множество купаленъ, и купанье въ лиманѣ, съ его твердымъ песчанымъ дномъ и полуморскою, солоноватою водою—превосходно. Бульваръ оканчивается красивымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ военныхъ казармъ. Около нихъ находится источникъ съ прекрасною водою, такъ называемая «Свято-Прасковьевская криница». Съ этой криницей (ключъ) связано поэтическое преданіе. Разсказываютъ, что татары, въ одинъ изъ своихъ набѣговъ, похитили красавицу Прасковью и продали ее въ гаремъ аккерманскаго паши. Послѣдній влюбился въ свою плѣнницу, но та, конечно, не отвѣтила ему взаимностью. Однажды ночью паша вошелъ въ спальню Прасковьи и хотѣлъ достигнуть своей цѣли силою; но для защиты бѣдной дѣвушки явился ангелъ, и паша оцѣпенѣлъ въ ужасѣ. Прасковья, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, черезъ незапертую дверь выбѣжала изъ гарема и бросилась къ берегу, чтобы переправиться



Видъ Бендерской крѣпости со стороны Днѣстра и желѣзнодорожный мостъ.

въ лодкѣ на другой берегъ. Но бѣгство ея было замѣчено и стража настигла ее. Когда же солдаты схватили дѣвушку,—она обратилась въ источникъ.

Городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Застроенъ онъ довольно правильно, имѣетъ много хорошенькихъ домиковъ, клубъ, театръ, библіотеку для чтенія, нѣсколько садиковъ для гулянья, гдѣ лѣтомъ по вечерамъ играетъ музыка. Городъ окруженъ предмѣстьями, такъ называемыми посадами (Папуша, Турлаки, Чатры и друг.), которые славятся своими виноградниками. Виноградники содержатся тамъ въ большомъ порядкѣ, окопаны рвами, обсажены аллеями акацій и фруктовыми деревьями. Аккерманскія вина славятся во всей южной Россіи, въ особенности изъ колоніи Шаба, гдѣ фабрикуются даже шампанскія вина. Въ Аккерманѣ замѣчательно разноязычное населеніе, состоящее изъ малороссовъ, молдаванъ, болгаръ, армянъ, грековъ, цыганъ, великороссовъ и колонистовъ: швейцарцевъ, нѣмцевъ и французовъ. Это населеніе собралось сюда со всѣхъ концовъ свѣта, привлекаемое разнообразными льготами.

Аккерманъ расположенъ на ровномъ, песчаномъ берегу лимана, изъ котораго суда могутъ проходить прямо въ море, вблизи Одессы (въ 30 верстахъ), съ которою сообщеніе произво-

дится черезъ Овидіополь, имѣющій съ Аккерманомъ постоянное пароходное сообщеніе. Близость нѣмецкихъ колоній, лучшихъ виноградныхъ садовъ и рыбныхъ ловель служитъ источникомъ значительной торговли, благодаря которой Аккерманъ довольно быстро развивается. Но его заграничная торговля, которую онъ велъ нѣкогда въ значительныхъ размѣрахъ, въ настоящее время совершенно упала. Это вызвано обмеленіемъ лимана, близостью Одессы, и главнымъ образомъ недостаткомъ капиталовъ и предпріимчивости у мѣстныхъ жителей. Между тѣмъ Аккерманъ имѣетъ всѣ задатки, чтобы быть однимъ изъ лучшихъ городовъ Южной Россіи. Гербъ Аккермана—виноградная лоза на красномъ фонѣ.

Верстахъ въ семидесяти отъ Аккермана, вверхъ по теченію Днѣстра, лежитъ уѣздный городъ и крѣпость *Бендеры* (по-турецки: «*я хочу*»). Бендеры находятся на главномъ сообщеніи важнѣйшихъ пунктовъ Бессарабіи съ Одессой, служа предпослѣднею пристанью для галеръ, отправляемыхъ по Днѣстру съ грузомъ пшеницы, гдѣ большая часть этихъ судовъ останавливается для перегрузки товара, съ цѣлью отправки его по желѣзной дорогѣ въ Одессу.

Проведеніе бендеро-галацкой жел. дороги усилило торговое значеніе Бендеръ, которые съ

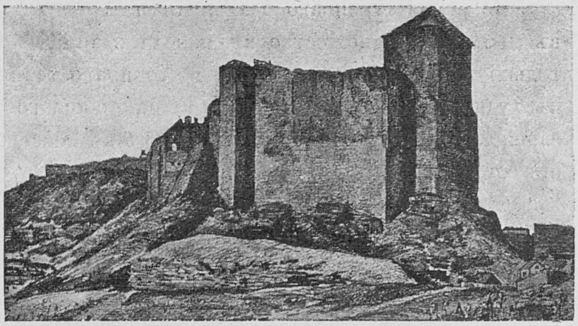


Желѣзнодорожный мостъ на Днѣстрѣ близъ г. Бендеръ.

каждымъ годомъ расширяются и богатѣютъ, хотя внѣшній видъ города и до сихъ поръ представляетъ мало привлекательнаго. Хорошихъ построекъ въ немъ мало, а ровное мѣстоположеніе и мягкая черноземная почва въ ненастное время года обращаютъ Бендеры въ сплошное море грязи. Достопримѣчательностью города является крѣпость, не потерявшая и до сихъ поръ своего военнаго значенія. Построена она въ одной верстѣ отъ города, на высокомъ берегу Днѣстра, вблизи желѣзной дороги, съ которой хорошо видна.

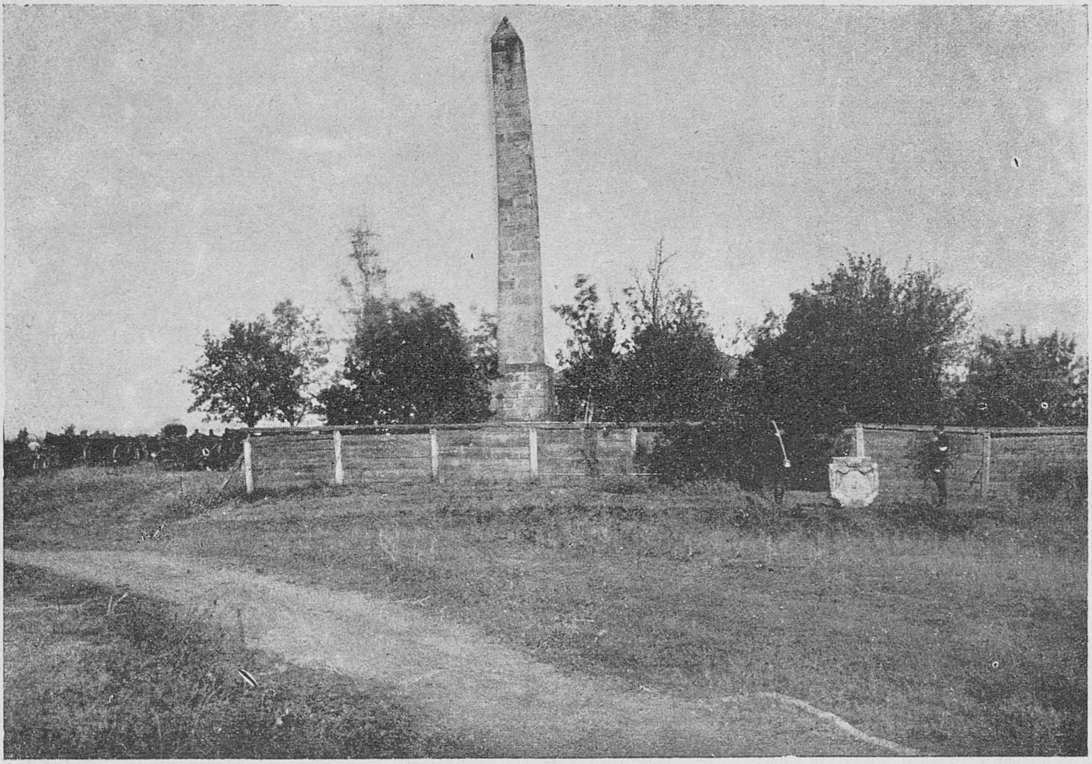
Изъ окрестностей Бендеръ нельзя не упомянуть о сел. Варницѣ, лежащемъ на берегу Днѣстра въ двухъ верстахъ отъ крѣпости. Здѣсь въ 1709 году стоялъ укрѣпленнымъ лагеремъ шведскій король Карлъ XII, успѣвшій уйти послѣ Полтавской битвы съ горстью оставшихся войскъ сперва въ Очаковъ, а оттуда въ Бендеры. Слѣды этого лагеря сохранились и до сихъ поръ. Онъ былъ расположенъ на крутомъ скатѣ, покрытомъ въ настоящее время хорошими фруктовыми садами, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на крѣпость, зеленѣющіе сады городскихъ предмѣстій, окрестныя горы и берега рѣки. Здѣсь былъ второй лагерь Карла XII послѣ того, какъ первый, расположенный близъ крѣпости, былъ затопленъ разливомъ Днѣстра; въ этомъ лагерѣ умеръ Мазепа и встрѣтился съ Карломъ развѣнчанный король Польши,

Станиславъ Лещинскій, который прожилъ въ Бендерахъ около года, откуда онъ въ 1714 году отправился во Францію. На этомъ мѣстѣ долго искали кладовъ, зарытыхъ будто бы шведами въ землю. Въ Варницѣ устроена довольно хорошая пристань, соединенная съ Бендерами желѣзной дорогой.



Крѣпостной замокъ въ Хотинѣ.

На сѣверной оконечности Бессарабіи лежитъ третья крѣпость по Днѣстру, нынѣ довольно жалкій уѣздный городишко — *Хотинъ*. Хотинъ, какъ пограничная крѣпость Молдавіи со стороны Польши, потомъ какъ оплотъ Турціи противъ Россіи, наконецъ, какъ значительный когда-то по своей торговлѣ городъ, занимаетъ довольно видное мѣсто въ лѣтописяхъ Бессарабіи. Какъ и другія крѣпости Бессарабіи, онъ переходилъ изъ рукъ въ руки—отъ генуэзцевъ къ молдаванамъ, потомъ къ полякамъ, туркамъ и т. д. Русскіе нѣсколько разъ брали его, возвращали туркамъ, пока, по Бухарестскому трактату, онъ не вошелъ окончательно въ пре



Памятникъ въ 16-ти верстахъ отъ ст. Терлицы Бессарабск. губ., гдѣ умеръ князь Потемкинъ, по пути изъ Яссъ въ Николаевъ.— Въ сторонѣ — камень на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ Потемкинъ.

дѣлы Россіи. Хотинскія укрѣпленія сохраняли значеніе крѣпости до 1856 года, когда крѣпость по ея расположенію въ котловинѣ, окруженной высотами, была признана неудовлетворяющей

своему назначенію и упразднена. Развалины Хотинской крѣпости не особенно живописны и сохранились хуже Аккерманской. Внутри крѣпости замѣчательна по древности постройки бывшая цитадель крѣпости съ генуэзской башней и глубокимъ колодцемъ, который теперь безъ воды.

Во время турецкаго владычества, Хотинъ былъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Бессарабіи: въ немъ было множество красивыхъ зданій, фонтаны и бани, хорошія мостовыя. Теперь же только живописныя окрестности Хотина остались прежнія; внутри же города все измѣнилось къ худшему. Военныя событія конца прошлаго вѣка истребили турецкія зданія, а наплывъ еврейскаго населенія, съ водвореніемъ въ Бессарабіи русскаго владычества, загрязнилъ когда-то щеголеватую наружность Хотина. Впрочемъ въ послѣдніе годы городъ замѣтно улучшился: кое-гдѣ построены мостовыя, есть много хорошенькихъ домиковъ, населенныхъ большею частью отставными чиновниками, которыхъ привлекаетъ дешевизна хотинской жизни. Но



Группа военной депутаціи, снятой у памятника князю Потемкину, въ день столѣтняго юбилея со дня его смерти.

еврейскіе кварталы, съ ихъ лабиринтомъ переулковъ, грязью и вонью, и теперь представляютъ нѣчто отвратительное.

Положеніе города на судоходной рѣкѣ даетъ ему важное торговое значеніе. Промышленность его заключается главнымъ образомъ въ перепродажѣ лѣса и лѣсныхъ произведеній, привозимыхъ изъ Австріи, а также въ торговлѣ спиртомъ, хлѣбомъ и скотомъ. Кромѣ того хотинскіе евреи ведутъ обширную торговлю контрабандными товарами (галантерейные товары, чай, шелковые товары), получаемыми изъ Австріи.

Хотиномъ мы и заканчиваемъ обзоръ важнѣйшихъ городовъ Бессарабіи. Остальные же города не имѣютъ серьезнаго значенія, такъ что говорить о нихъ было бы совершенно излишне.

Изъ остальныхъ городовъ Новороссійскаго края слѣдуетъ упомянуть про губернскій

городъ Екатеринославъ, мѣстечко Никополь и уѣздный городъ Херсонской губерніи—Елисаветградъ.

Основаніе нынѣшняго губернскаго города *Екатеринослава* было положено въ 1776 году княземъ Потемкинымъ. Городъ былъ заложенъ вмѣсто Екатеринослава І-го, бывшаго въ Новомосковскомъ уѣздѣ, который, находясь въ самомъ невыгодномъ мѣстоположеніи, вдали отъ судоходнаго Днѣпра и въ болотистой мѣстности, не обѣщалъ дальнѣйшаго развитія. Мѣсто для сооруженія нынѣшняго Екатеринослава выбрано гораздо удачнѣе. Городъ со своимъ предмѣстьемъ Новымъ Майданомъ вытянулся по рѣкѣ Днѣпру на покатости его праваго нагорнаго берега. Длина его простирается до семи слишкомъ верстъ, ширина—отъ одной до двухъ верстъ. Со стороны рѣки городъ представляетъ очень красивую панораму.



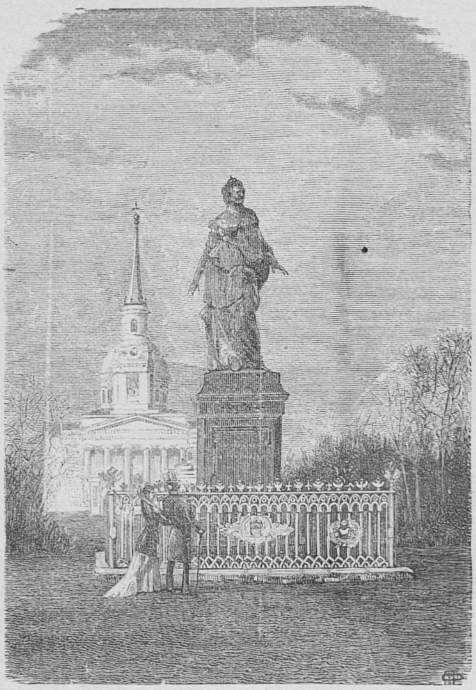
Екатеринославъ.

Въ ряду губернскихъ городовъ Россіи Екатеринославъ занимаетъ теперь видное мѣсто по величинѣ и по красотѣ построекъ. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ въ немъ не было болѣе двухъ-трехъ порядочныхъ улицъ, на которыхъ притомъ довольно безалаберно были перемѣшаны хорошіе дома съ безобразными лачужками. За послѣдніе же годы, сдѣлавшись центромъ частнаго промышленнаго раіона, Екатеринославъ украсился многими выдающимися постройками. Лучшая изъ улицъ это — Широкій проспектъ, протянувшійся параллельно Днѣпру версты на двѣ. Проспектъ по серединѣ шоссированъ, по сторонамъ же его проведены довольно тѣнистыя аллеи. На этой улицѣ находятся лучшіе дома и лучшіе магазины.

Изъ общественныхъ зданій Екатеринослава слѣдуетъ упомянуть о зданіи богоугодныхъ заведеній, тюремномъ замкѣ и домѣ дворянскаго собранія, бывшемъ дворцѣ Потемкина. Дворецъ построенъ на самомъ возвышенномъ пунктѣ города. Къ нему примыкаетъ большой

тѣнистый садъ, спускающійся къ самому берегу. Съ дворца открывается необыкновенно живописный видъ на голубую ленту Днѣпра и большую часть города.

Изъ церквей особенно замѣчателенъ Преображенскій кафедральный соборъ, построенный по Высочайшему повелѣнію, въ 1835 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ заложена была церковь императрицею Екатериною II, въ присутствіи императора Іосифа II, въ 1787 году. Передъ соборомъ возвышается чугунный памятникъ Екатерины II весьма изящной работы. Остальныя церкви не замѣчательны ни въ архитектурномъ, ни въ историческомъ отношеніяхъ. Городъ имѣетъ нѣсколько общественныхъ садовъ. Лучшій и наиболѣе любимый изъ нихъ живописный Потемкинскій или Дворянскій садъ. Хорошъ также казенный городской садъ, засаженный еще при императрицѣ Екатеринѣ, при которомъ было устроено образцовое училище садоводства, нынѣ упраздненное.



Памятникъ Екатеринѣ II въ Екатеринославѣ.

Торговля Екатеринослава и, еще больше, фабричная и мануфактурная дѣятельность сильно развивается. Заводовъ—чугунно-плавильныхъ, салотопенныхъ, мыльныхъ и др.—считается болѣе 30; обороты ихъ значительны и доходятъ до десятковъ милліоновъ рублей. Внутренняя торговля города поддерживается ярмарками, которыя бываютъ два раза въ годъ: 29 іюня (Петропавловская) и 26 сентября (Ивановская); кромѣ того еженедѣльно бываетъ два базара. Главные предметы торговли, которые отпускаются отчасти и заграницу—рогатый скотъ, хлѣбъ, шерсть, сало. Кромѣ того Екатеринославъ ведетъ значительную торговлю лѣсомъ, который сплавляется по Днѣпру изъ губерній: Витебской, Смоленской, Минской, Могилевской, Черниговской и Кіевской. Цѣны на жизненные припасы и вообще предметы первой необходимости въ Екатеринославѣ весьма разнообразны и находятся отчасти въ зависимости отъ состоянія дорогъ; во-время распутицы или разлива Днѣпра подвозъ сильно сокращается и цѣны значительно возвышаются.

Въ Екатеринославѣ считается около 50,000 жителей. Городъ развивается быстро, и ему можно предсказать блестящую будущность, вопреки мнѣніямъ, высказываемымъ лѣтъ тридцать назадъ, будто Екатеринославъ, вслѣдствіе невыгоднаго его географическаго положенія, никогда не можетъ пріобрѣсти большого торговаго значенія.

Недалеко отъ Екатеринослава находится небольшое (около 10,000 жителей) мѣстечко того же уѣзда — *Никополь*, расположенное на покатости праваго нагорнаго берега р. Днѣпра. По преданію, основаніе этого мѣстечка положено запорожцемъ Никитою, который занимался перевозомъ людей на противоположный берегъ, въ Тавриду. Какъ удобнѣйшее мѣсто для переправы, этотъ пунктъ началъ привлекать къ себѣ поселенцевъ, которые мало по малу образовали слободу, названную по имени основателя Никополемъ. Благодаря выгодному географическому положенію, Никополь быстро развивается: въ послѣдніе 20 лѣтъ населеніе его болѣе чѣмъ удвоилось. Онъ ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ, шпанскою шерстью и саломъ. Уѣзды Верхнеднѣпровскій и Екатеринославскій отправляютъ свои произведенія для сбыта въ Никополь, откуда ихъ по Днѣпру сплавляютъ въ Одессу. Въ Никополѣ

бываетъ три ярмарки: Вознесенская, Успенская и Димитріевская, на которыя пріѣзжаютъ московскіе купцы для закупки рогатаго скота. По своему выгодному положенію, Никополь составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ въ губерніи, и въ недалекомъ будущемъ станетъ замѣчательнымъ городомъ.

Обратимся теперь къ Елисаветграду. Это уѣздный городъ Херсонской губерніи, лежитъ въ долинѣ рѣки Ингула на отлогихъ степныхъ скатахъ. Исторія Елисаветграда начинается съ 1752 года, когда начальникъ сербской колоніи полковникъ Хорватъ получилъ приказаніе, для охраненія поселившихся сербовъ, построить въ степи крѣпость св. Елисаветы. Крѣпость была заложена, однако, только 18 Іюня 1754 года. Въ то время здѣсь было небольшое великорусское раскольничье поселеніе, занятое пришлыми сербами; прогнанные съ насиженныхъ мѣстъ раскольники большею частью выселились въ Турцію и польскую Украину, но въ слѣдующемъ 1755 году имъ было разрѣшено вернуться въ Россію съ сохраненіемъ свободы вѣроисповѣданія и политическихъ правъ. Возвратившіеся раскольники поселились близъ Елисаветинской крѣпости, и изъ нихъ немедленно было образовано военное поселеніе Ново-Казачьинъ, съ возложеніемъ на него обязанности охранять сербскую колонію отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Тяжелая аванпостная служба и притѣсненія сербскаго начальства заставили бѣдныхъ казаковъ просить императрицу объ освобожденіи ихъ отъ тяжелой обузы—охраненія чуждыхъ пришельцевъ. Просьба ихъ была уважена; на смѣну раскольниковъ были присланы регулярныя войска, а ново-казачій полкъ переписанъ въ мѣщане. Въ 1769 году, вслѣдствіе разрыва съ Турціею, крымскій ханъ Керимъ-Гирей хотѣлъ уничтожить всѣ попытки къ заселенію степного края. Совершенно неожиданно онъ явился передъ окопами Елисаветинской крѣпости и расположился на Ингулѣ. На штурмъ, или осаду, онъ не рѣшился, и вскорѣ отступилъ, разоривъ окрестныя поселенія. Указомъ 14 февраля 1775 года, при образованіи Новороссійской губерніи, учрежденъ Елисаветградскій уѣздъ, и крѣпость св. Елисаветы съ прилежащими къ ней слободами была переименована въ уѣздный городъ Елисаветградъ. Въ 1834 году уѣздъ былъ перенесенъ въ гор. Бобринецъ, а Елисаветградъ перешелъ въ вѣдѣніе управленія военныхъ поселеній Херсонкой губ., а въ 1857 году въ немъ учреждено главное управленіе этихъ поселеній. Съ упраздненіемъ же военныхъ поселеній, Елисаветградъ вновь сталъ уѣзднымъ городомъ, каковымъ остается и понынѣ.

Какъ сказано уже, Елисаветградъ лежитъ въ долинѣ рѣки Ингула на пересѣченіи почтовыхъ дорогъ и торговыхъ трактовъ изъ Кіева и Кременчуга въ Одессу, Кишиневъ, Балту, Николаевъ, Херсонъ и Крымъ. Съ этими городами онъ соединенъ также и желѣзною дорогою, которая значительно подняла его торговое значеніе и подвинула его развитіе. Елисаветградъ—лучшій изъ уѣздныхъ городовъ губерніи; по величинѣ же и количеству населенія (въ немъ до 40 тысячъ жителей), превосходитъ даже и многіе губернскіе города.

Съ версту отъ города, гдѣ начинается степь, на степной возвышенности находится упраздненная Елисаветинская крѣпость съ шестью бастіонами, равелинами и прикрытымъ путемъ. Укрѣпленія эти не поддерживаются. Внутри крѣпости находится городская больница, съ довольно большимъ садомъ.

Большая Перспективная улица пересѣкаетъ Елисаветградъ поперекъ, всѣ же остальныя улицы идутъ или въ перпендикулярномъ или въ параллельномъ къ ней направленіи. Первыхъ улицъ девять, и послѣднихъ—двѣнадцать. Остальныя же части города, находящіяся за кварталами, образуемыми этими улицами, называются предмѣстьями. Такъ, по лѣвую сторону Ингула, выше города, лежитъ Ковалевка; по балкѣ Криничеватой, впадающей въ Ингулъ ниже города,—Балка; Пермскіе лагери и Быково находятся по правую сторону Ингула.

Въ городѣ преобладаютъ каменные, крытые желѣзомъ, дома; но, по мѣрѣ удаленія отъ Большой Перспективной улицы, часто встрѣчаются ветхіе домики, крытые тесомъ и даже соломою.

Недостатокъ воды составляютъ больное мѣсто города. Ингулъ такъ мелководенъ, что едва не высыхаетъ и имѣетъ лѣтомъ въ глубину лишь нѣсколько вершковъ. Здѣсь же моется бѣлье всего простого народа, вслѣдствіе чего вода такъ загрязнена, то несчастныя животныя съ трудомъ пьютъ ее. Между тѣмъ количество воды, проходящей чрезъ Ингулъ въ теченіе года, весьма значительно. Лѣтомъ, отъ дождей, почти ежегодно, вода нерѣдко поднимается на нѣсколько аршинъ и затѣмъ въ нѣсколько часовъ совершенно спадаетъ. Безусловно необходимо взять рѣку въ искусственные берега и поднять ея уровень рядомъ шлюзовъ. Но здѣсь объ этомъ, видно, и не думаютъ. Точно также здѣсь нѣтъ общественныхъ, устроенныхъ городомъ, колодцевъ, которыми бы за извѣстную плату желающіе могли пользоваться. Частныхъ колодцевъ хотя и много, но они расположены во дворахъ, такъ что для большинства пользованіе ими не доступно даже и за деньги.

Промышленность Елисаветграда въ общемъ весьма значительна. Хлѣбопашество, собственно въ чертѣ городской земли, не имѣетъ особаго значенія; но баштановодство, огородничество и частью садоводство годъ отъ году увеличиваются и приносятъ порядочный доходъ. Кромѣ того, многіе изъ мѣщанъ арендуютъ землю для хлѣбопашества, и еще больше — для выпаски рогатаго скота, которымъ ведется значительная торговля на мѣстныхъ ярмаркахъ. Внутренняя торговля находится главнымъ образомъ въ рукахъ русскаго купечества; евреи не выдерживаютъ съ нимъ конкуренціи и вынуждены довольствоваться мелочною торговлею, такъ называемымъ «бердичевскимъ товаромъ» и ростовщичествомъ.

Заводская промышленность Елисаветграда также довольно значительна. Заводы вообще не велики по размѣрамъ, но число ихъ значительно. Больше всего заводовъ кожевенныхъ, салотопенныхъ, свѣчносальныхъ, мыльныхъ. Но самая значительная торговля Елисаветграда, въ которой заинтересована масса его жителей, заключается въ тѣхъ предметахъ, которые сюда являются лишь временно, для отправленія отсюда къ мѣстамъ потребленія. Ее можно раздѣлить на періодическую или ярмарочную и постоянную, совершающуюся въ теченіе всего года. Въ Елисаветградѣ ежегодно бываетъ четыре ярмарки, на которыя привозятся разнаго рода товаровъ, преимущественно же скота и лошадей, на сумму до 4—5 милліоновъ. Жители извлекаютъ доходъ отъ этой торговли отдачею домовъ, хозяйственныхъ и торговыхъ помѣщеній въ наемъ пріѣзжающимъ сюда торговцамъ и покупщикамъ. Точно также всѣ мелкіе капиталы города имѣютъ въ это время самый усиленный оборотъ, потому что, если кто не занятъ самъ торговлею, то отдаетъ свои деньги подъ залогъ товаровъ, до окончанія ярмарки, иногда даже на сутки. Къ этому времени всѣ капиталисты стараются обыкновенно освободить свои капиталы, потому что проценты, получаемые ими за ссуды подъ залоги, во время ярмарокъ, составляютъ въ общей годовой сложности не рѣдко отъ 50 до 100% всего капитала. Вообщея прямыя и косвенныя выгоды, приносимыя ярмарками городу, весьма значительны. Постоянна, торговля Елисаветграда заключается главнымъ образомъ въ отправкѣ зернового хлѣба въ Одессу.

С. Давидовичъ.

ОЧЕРКЪ IX.

ВОЗСОЕДИНЕННАЯ БЕССАРАБІЯ.

Возвращеніе Россіи Измаильскаго уѣзда, и его особенности. — Рени. — Измаилъ. — Вилково. — Болградъ.

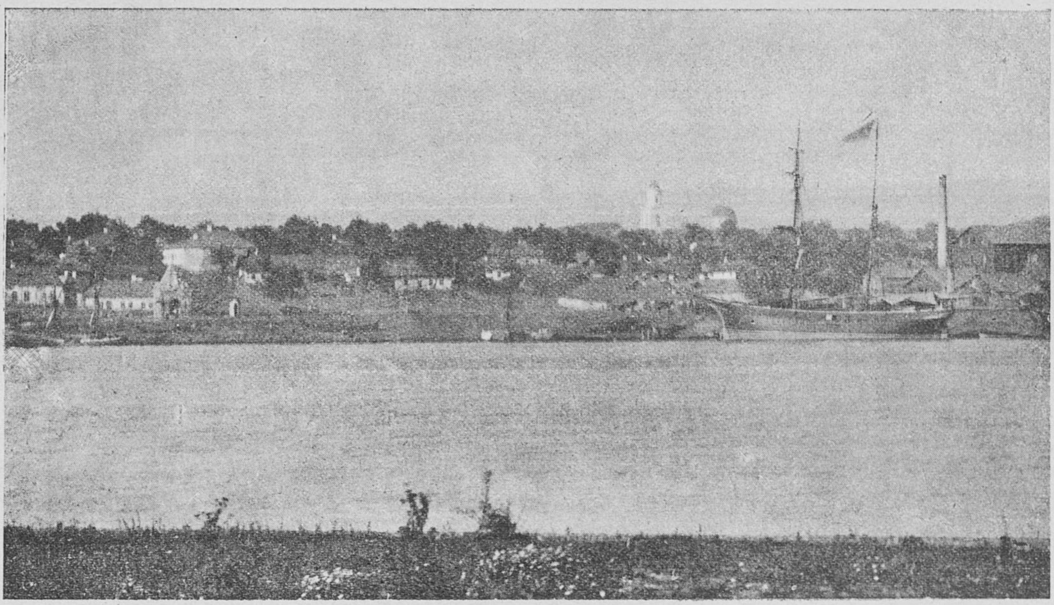
Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась спитъ блестящій жукъ;
А изъ камней вытекая,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

ГРАФЪ А. ТОЛСТОЙ.

На основаніи одной изъ статей Парижскаго трактата 1856 года, южная часть Бессарабіи, вмѣстѣ съ устьями Дуная, была отторгнута отъ Россіи и присоединена къ Румыніи. Берлинскій же трактатъ 1878 года возстановилъ естественныя границы Россіи и южная часть Бессарабіи, но уже безъ дунайскихъ устьевъ, вновь вошла въ предѣлы Россіи, образовавъ новый уѣздъ Бессарабіи—Измаильскій. Двадцати-двухлѣтнее владычество Румыніи, нельзя сказать, чтобы было очень благодѣтельно для этой части Бессарабіи. Румынское правительство понимало, что край этотъ, отторгнутый отъ Россіи въ силу политическихъ соображеній, но добытый русскою кровью, населенный и устроенный усиліями русскаго правительства и составляющій притомъ по своему географическому положенію и этнографическому составу населенія естественную часть русской Бессарабіи, всегда будетъ тяготѣть къ Россіи и раньше или позже возвратится въ ея предѣлы. Поэтому на обладаніе южною Бессарабіею румыны всегда смотрѣли, какъ на временное владѣніе, какъ бы на аренду, и дѣйствовали, придерживаясь правила: «брать—какъ можно больше, давать—какъ можно меньше». Къ интересамъ края относились исключительно съ точки зрѣнія фиска и чиновничьихъ интересовъ. Права населенія нарушались самымъ безцеремоннымъ образомъ, несмотря на конституціонную форму правленія.

Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить исторія такъ называемаго «болгарскаго усмиренія», сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ. Болгарскіе колонисты, составляющіе значительную часть населенія Измаильскаго уѣзда, въ силу привиллегій, дарованныхъ имъ при водвореніи въ Россіи, были освобождены отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, въ томъ числѣ и отъ воинской. По переходѣ южной Бессарабіи къ Румыніи,

послѣдняя, желая привлечь населеніе на свою сторону и удержать колонистовъ отъ переселенія въ Россію, на что тѣ по конвенціи имѣли право, подтвердила, всѣ права дарованныя имъ



1-я часть общаго вида Измаила со стороны румынскаго берега.

русскимъ правительствомъ, и даже выдала имъ въ этомъ грамату за подписью князя и министровъ. Болгары успокоились. Но въ 1860 году, отъ нихъ потребовали рекрутъ. Болгары



2-я часть общаго вида Измаила со стороны румынскаго берега.

взволновались и, выбравъ депутатовъ отъ всѣхъ колоній, отправили ихъ въ городъ Болградъ, для переговоровъ съ управляющимъ колоніями Тинко. Послѣдній принялъ ихъ ласково, но

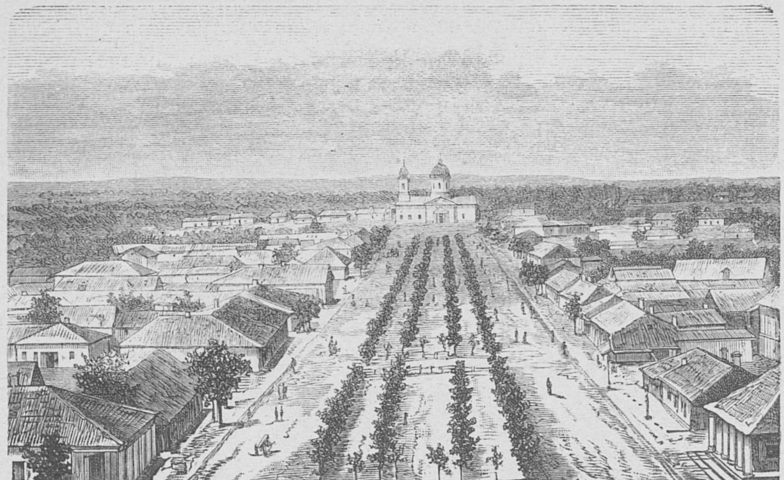
рѣшилъ при этомъ удобномъ случаѣ дать болгарамъ кровавый урокъ, чтобы научить ихъ покорности.

Онъ донесъ правительству, что колонисты бунтуютъ и, получивъ разрѣшеніе употре-



Болгарская колонія Курчи, въ Измаильскомъ уѣздѣ.

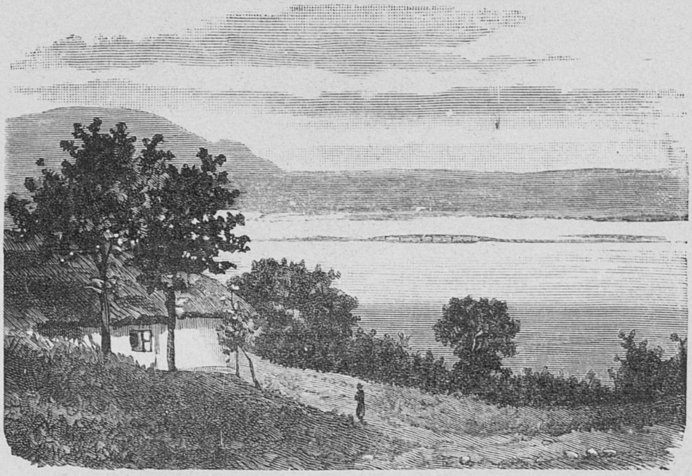
бить въ дѣло военную силу, немедленно собралъ войска и окружилъ зданіе болградскаго лицея, въ которомъ около 500 болгарскихъ представителей мирно совѣщались о своихъ дѣлахъ. Сол-



Главная улица въ Болградѣ.

даты дали залпъ по окнамъ лицея, а затѣмъ ударили въ штыки. Захваченные врасплохъ, безоружные и вовсе не думавшіе сопротивляться, колонисты десятками падали подъ выстрѣлами

и весь дворъ устлали трупами. Затѣмъ былъ предоставленъ полный просторъ неистовству солдатъ, которые занялись грабежомъ и насиліями надъ мирными жителями. Такъ продолжалось цѣлые сутки. Наконецъ, прибылъ военный министръ, разобралъ дѣло и остался очень доволенъ дѣйствіями войска, такъ что каждому солдату, участвовавшему въ «усмиреніи» болгаръ, велѣлъ выдать по червонцу. Тѣмъ дѣло и кончилось. Послѣ этого болгары начали массами выселяться въ Россію, такъ что опустѣли цѣлыя деревни.



Прутскіе плавни.

При подданствѣ Румыніи, уѣздъ не пользовался даже безопасностью отъ организованныхъ разбойничьихъ шаекъ, которые никогда не переводились тамъ и дѣйствовали съ неслыханною наглостью. Въ доказательство достаточно указать на шайку Ивана Грозеско, совершившую въ теченіе 1877 и 1878 годовъ длинный рядъ преступленій и наведшую ужасъ на весь уѣздъ. О подвигахъ этой шайки ходятъ цѣлыя легенды. Для поимки разбойниковъ была организована румынскимъ правительствомъ особая жандармская команда, но всѣ усилія ея оставались безъ успѣха: шайка благополучно ускользала, дерзость ея возрастала съ каждымъ днемъ. Такъ продолжалось дѣло до перехода къ Россіи. Затѣмъ не прошло и мѣсяца, какъ всѣ члены шайки, не исключая и самаго атамана, были переловлены. Разсказываютъ, что, при задержаніи атамана, у него оказалось очень мало денегъ, не смотря на то, что онъ ужасно грабилъ. На вопросъ: «гдѣ спрятаны деньги?» – Грозеско отвѣчалъ: «помилуйте, какія же у насъ деньги? Вѣдь мы всѣмъ платили! Прокурору — дай, префекту — дай, супрефекту и примарямъ тоже дай... Много ли намъ то самимъ останется?!...»



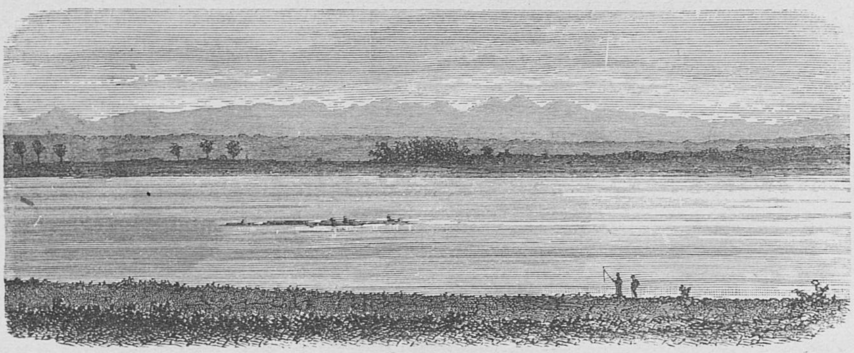
Дунайскіе плавни.

Теперь — о нынѣшнемъ состояніи Измаильскаго уѣзда, и прежде всего — о топографіи и характерѣ мѣстности.

Измаильскій уѣздъ занимаетъ обширный (въ 8,149 кв. верстъ), юго-западный уголъ Бессарабіи и имѣетъ форму прямоугольнаго треугольника, каждая сторона котораго составляетъ около 150 верстъ. Западную границу уѣзда составляетъ рѣка Прутъ, съ ея болотистыми берегами или *плавнями*. На югѣ—Дунай, съ такой же широкой, нескончаемой полосой плавней— и Черное море. Съ сѣвера и востока къ нему примыкаютъ Аккерманскій и Бендерскій уѣзды. Южная часть уѣзда занята цѣлою системою длинныхъ и узкихъ озеръ, изъ коихъ нѣкоторыя

примыкаютъ къ Дунаю и замѣчательны сильнымъ развитіемъ рыбныхъ промысловъ, какъ напримѣръ: Кагулъ, Ялпухъ, Кугурлуй, Катлабухъ, Китай. Другія озера примыкаютъ къ морю, отдѣляясь отъ него только узкими песчаными «пересыпями» или «кучугурами», каковы: Сасыкъ или Кундукъ, Шаганы, Алибей, Бурнасъ. Озера эти представляютъ богатые соляные источники. Озера Измаильскаго уѣзда занимаютъ огромную площадь и по своимъ рыбнымъ и соленымъ промысламъ представляютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду естественныхъ богатствъ Бессарабіи.

Измаильскій уѣздъ, составляющій часть Новороссійскихъ степей, извѣстныхъ подъ именемъ Буджака (Буджакъ по-турецки зрачитъ уголъ; Буджацкая степь тянется отъ низовьевъ Днѣпра до Дуная), имѣетъ по преимуществу степной характеръ. Холмистая степь, перерѣзанная глубокими балками и небольшими степными рѣчками тянется изъ одного конца уѣзда въ другой. Почва вездѣ почти—черноземъ, но запашки рѣдки, а жилища и села—еще рѣже. Все степь да степь, въ началѣ лѣта покрытая роскошною высокою травою, а потомъ—почти обнаженная, выжженная горячимъ солнцемъ. Унылая, однообразная картина! Она оживляется только стадами овецъ, которыя зиму и лѣто кочуютъ по степи въ сопровожденіи косматыхъ собакъ и почти такихъ же дикихъ и косматыхъ пастуховъ. Иногда попадаются небольшіе

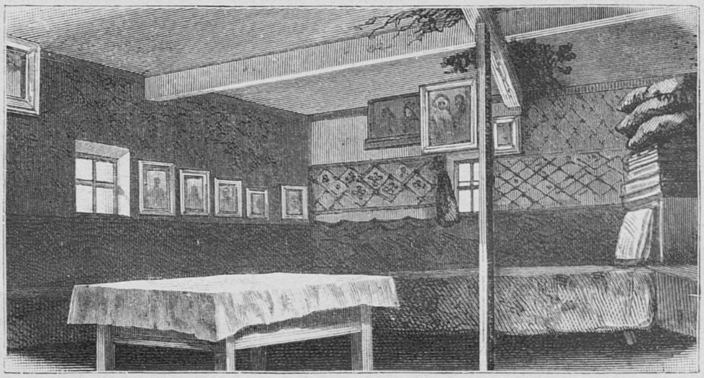


Видъ Дуная.

кусты или перелѣски—большею частью малорослый дубнякъ, какъ-то сиротливо выглядывающій среди степного простора. Но вотъ потянулись обширные посѣвы кукурузы, указывающіе на близость жилья. Ея высокіе, похожіе на камышъ, стебли съ обоихъ сторонъ обступили дорогу и вы ѣдете среди нихъ, какъ въ лѣсу. Вскорѣ затѣмъ на горѣ показываются ряды вѣтряныхъ мельницъ, а въ глубинѣ балки или на косогорѣ, на берегу небольшого пруда, вы увидите или разбросанныя въ безпорядкѣ или же вытянутыя въ струнку бѣлыя хатки села. Въ первомъ случаѣ это—молдаванское село; въ послѣднемъ навѣрное—болгарская колонія, которая строилась всегда по казеннымъ планамъ, или въ видѣ одной длинной улицы или въ видѣ шахматной доски. Молдаванскія села нерѣдко выглядятъ бѣдно: хатки миньятюрныя, крытыя камышомъ или соломой, плохая ограда вокругъ, не видно скирдъ хлѣба. Но болгарское село всегда дышитъ довольствомъ и порядкомъ. Просторныя и прочныя постройки, обиліе хлѣба, здоровый скотъ производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: вездѣ видѣнъ хозяйскій глазъ, всюду образцовая чистота. Но если вы войдете внутрь болгарской или молдаванской хаты, то чистота эта еще больше поразитъ васъ,—въ особенности, если вы русскій человѣкъ, знакомый съ порядками русской курной избы. Трудно сказать, кто больше заботится о чистотѣ внутренней обстановки дома, болгаринъ или румынъ: каждый изъ нихъ какъ будто старается перещеголять другого своей опрятностью. Вообще устройство жилищъ у бол-

гаръ и молдаванъ имѣетъ много общаго. Дома обыкновенно строятся изъ чамура, т.-е. изъ кирпичей, сдѣланныхъ изъ земли, смѣшанной съ навозомъ и соломой. Какъ внутри такъ и снаружи домъ чисто вымазанъ бѣлой глиной или гипсомъ. Домъ дѣлится сѣнями на двѣ неравныя части, изъ коихъ большая составляетъ парадную комнату, назначенную только для пріема гостей, а меньшая—для помѣщенія хозяевъ. Парадную комнату болгары устраиваютъ даже вовсе безъ печи, отчего зимою въ ней царствуетъ нестерпимый холодъ, такъ что гости всегда сидятъ въ ней въ шубахъ. Мебелью служатъ стоящіе вдоль стѣнъ низенькія диванчики, покрытые коврами домашней работы, столъ, нѣсколько стульевъ. На полкахъ стоитъ разставленная въ порядкѣ посуда. Если въ домѣ есть взрослая дѣвушка, то въ углу на лавкѣ всегда можно видѣть ея приданое: ковры ея работы и куча всякаго платья, возвышающаяся чуть не до самаго потолка. Въ болѣе богатыхъ домахъ можно встрѣтить и обстановку на европейскій ладъ.

Зелень въ селахъ вообще довольно скудна, особенно же въ болгарскихъ колоніяхъ, такъ какъ болгары хотя и отличные хлѣбопашцы, но огородничествомъ и садоводствомъ мало занимаются, притомъ сады и огороды они разводятъ не вблизи домовъ, а за селомъ. Но зато почти всякая болгарская колонія имѣетъ искусственно разведенную рощу изъ акацій. Это—

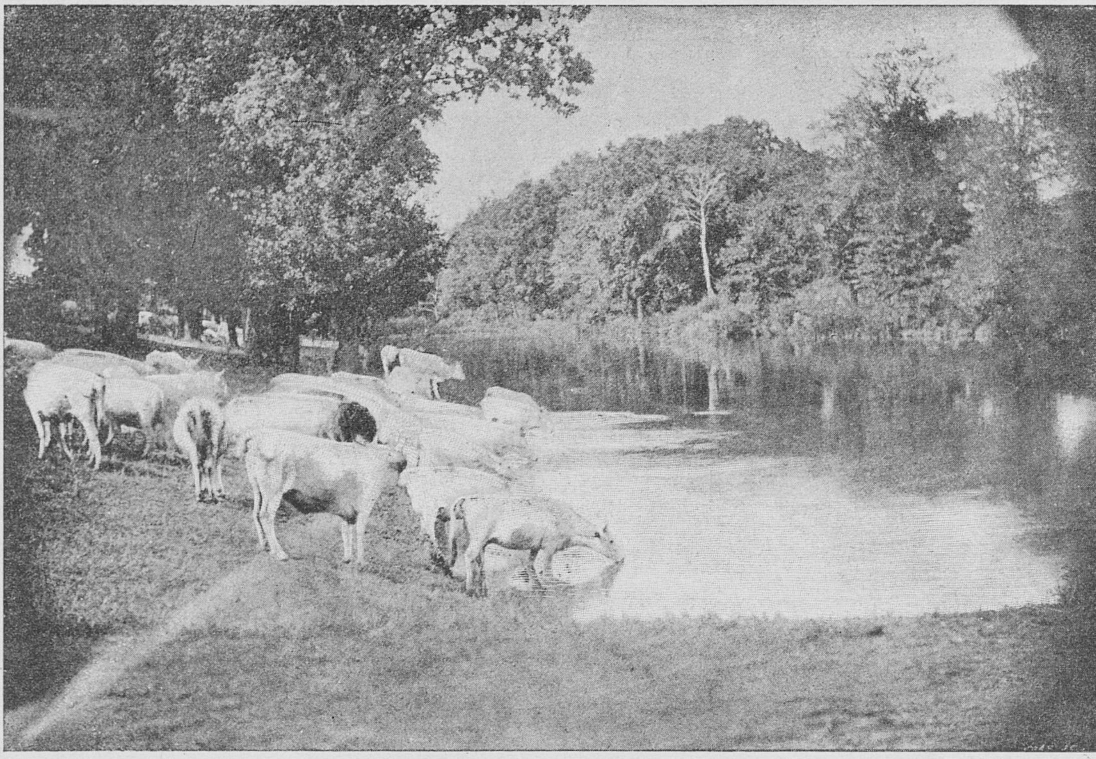


Внутренній видъ молдаванской хаты.

слѣды заботливости бывшаго колоніальнаго управленія, которое положило много трудовъ и издержекъ на разведеніе въ этой степной мѣстности лѣсныхъ плантацій. Молдаванскія же села всегда окружены кудрявой зеленью виноградниковъ. Нѣкоторыя села имѣютъ весьма красивое мѣстоположеніе. Таково, напр., молдаванское село Ларгуца, находящееся въ сѣверной части уѣзда, а равно—и нѣкоторыя села на р. Прутѣ (Слободзея, Валени, Токило-Радюканы и друг.).

Сдѣланная нами характеристика мѣстности и населенія не обнимаетъ всего Измаильскаго уѣзда. Она относится главнымъ образомъ къ сѣверной его части, занятой румынами и къ юго-западной, гдѣ групируются болгарскія колоніи. Юго-восточная часть уѣзда, расположенная между озеромъ Ялпухомъ, Дунаемъ и моремъ, имѣетъ совершенно другой характеръ. Если сѣверную часть уѣзда можно характеризовать словомъ «степь», то южная по всей справедливости должна быть названа «страною озеръ и болотъ». Трудно найти гдѣ-нибудь въ Россіи другую мѣстность, которая бы на такомъ небольшомъ протяженіи имѣла такое множество озеръ, болотъ, ручьевъ, рѣчекъ и плавней: девять большихъ озеръ и множество мелкихъ, окруженныхъ болотами или плавнями; также болотисты берега и устья Прута и Дуная. Все это придаетъ мѣстности особый отпечатокъ и не остается, конечно, безъ вліянія на нравы и занятія жителей. На ряду съ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, здѣсь является уже рыбо-

ловство и добываніе соли; во многихъ же мѣстахъ эти занятія получаютъ даже и преобладающее значеніе. Населеніе, главнымъ образомъ, русское: малороссіяне и великороссы-старообрядцы. Это по большей части бывшіе бѣглецы, люди, скрывавшіеся отъ разнаго рода преслѣдованій и крѣпостной неволи. Въ уѣздѣ вообще преобладаютъ турецко-татарскія названія селъ. Это объясняется тѣмъ, что до начала нынѣшняго столѣтія Буджакъ былъ занятъ татарами Ногайской орды, которые затѣмъ были переведы въ Крымъ, а ихъ урочища заняты переселенцами-молдаванами и богларами. Но вмѣстѣ съ татарскими названіями селъ—попадаются и русскія названія, напримѣръ, Троицкое, Васильевка и Покровка, или малороссійскіе, напримѣръ: Фурманка, Нерушай, и т. д. Населеніе здѣсь еще рѣже, чѣмъ въ сѣверной части уѣзда, но села довольно велики, а физіономія ихъ не отличается отъ обще-бессарабскаго или



Стадо коровъ на водопоѣ.

малороссійскаго типа. Но и русскіе-старообрядцы и малороссы сохранили здѣсь во всей чистотѣ своей національный типъ, языкъ, нравы и обычаи. Большинство, не взирая на многолѣтнее румынское владычество, ни слова не знаетъ по-румынски.

Села въ этой мѣстности ютятся на болѣе возвышенныхъ пунктахъ озеръ и рѣкъ. Но такія возвышенія довольно рѣдки. Въ особенности низки, безлюдны и пустынны берега Дуная, постоянно заливаемые водой, всегда покрытые высокимъ густымъ камышомъ, въ которомъ ютятся небольшіе рыбачьи поселки. Болота эти или «плавни» занимаютъ сотни квадратныхъ верстъ. Устье Дуная, имѣщее видъ громаднаго треугольника, состоитъ изъ такихъ плавней, покрытыхъ дремучимъ камышомъ, прорѣзанныхъ безчисленнытъ множествомъ рѣчекъ, ручьевъ и ручейковъ, испещренныхъ сотнями озеръ всякой величины и глубины.

Какъ сказано уже, Дунай прин длежитъ намъ только однимъ лѣвымъ берегомъ на протяженіи отъ города Рени до устья, что составляетъ около 150 ти верстъ. Рени лежитъ на линіи бендеро-галацкой желѣзной дороги.



Ногайская женщина.

Наружность города не особенно привлекательна. Въ немъ около 7 тыс. жителей. Неширокія улицы съ бѣлыми каменными домами и деревянными амбарами для склада хлѣба тянутся параллельно Дунаю. Въ центрѣ города довольно красивая площадь съ небольшимъ садомъ для гулянья и зданіемъ «казино»— такъ называютъ здѣсь коммерческіе клубы или кофейни, которые есть во всѣхъ румынскихъ городахъ. Населеніе города смѣшанное: румыны, болгары, греки, русскіе, малороссы. Съ восоединеніетъ этой части Бессарабіи большая часть румынъ выселилась въ Румынію. Тѣмъ не менѣе господствующимъ языкомъ остался румынскій.

Важнѣйшій городъ въ этой мѣстности—Измаилъ. Со стороны рѣки видна только небольшая часть его, такъ какъ онъ почти весь скрывается за выступомъ высокаго берега. Измаилъ выстроенъ не столько въ длину, по рѣкѣ, сколько въ ширину, въ глубь, подальше отъ рѣки съ ея комарами и нездоровыми болотными испареніями. По пространству и народонаселенію, а равно—и по своей довольно приличной внѣшности, онъ долженъ быть отнесенъ къ числу нашихъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ. Изъ зданій обращаетъ на себя вниманіе прекрасный городской соборъ и высокая, старинной архитектуры, раскольничья церковь. Тутъ же около нихъ виднѣется обширное и красивое зданіе городского «казино», всегда наполненное суетящимся торговымъ людомъ.

Изо всѣхъ городовъ возсоединенной Бессарабіи Измаилъ имѣетъ наиболѣе русскій характеръ. Не говоря о многочисленномъ классѣ русскихъ чиновниковъ, войска и прочаго пришлаго люда, въ городѣ почти съ самаго основанія его живетъ нѣсколько тысячъ кореннаго русскаго населенія; а пригороды Измаила — Некрасовка, Матроска — населены исключительно русскими.



Ногайскія дѣти.

Изъ неудобствъ жизни въ Измаилѣ нужно указать на страшную пыль лѣтомъ и грязь почти во всѣ остальныя времена года, кромѣ того, на нездоровый климатъ, свойственный впрочемъ всему Дунайскому побережью: дунайскія лихорадки весною и лѣтомъ свирѣпствуютъ здѣсь ужасно и имѣютъ очень злокачественный характеръ.

Въ окрестностяхъ города обращаютъ на себя вниманіе развалины бывшей Измаильской крѣпости, разрушенной согласно условіямъ Парижскаго мира. Массивныя стѣны и бастіоны крѣпости взрывали порохомъ. Обломки башенъ и бойницъ и огромные куски стѣнъ виднѣются и до сихъ поръ, поверженные въ прахъ и обросшіе травой. Развалины эти занимаютъ очень обширное пространство, такъ какъ крѣпость была велика и внутри ея помѣщался нѣкогда весь городъ, извѣстный тогда подъ именемъ «Тучкова Посада». Валы крѣпости мѣстами уцѣлѣли и съ высоты ихъ открывается прелестный видъ на городъ,

рѣку и противоположный низменный берегъ съ его камышами. При впаденіи Дуная въ море лежитъ русскій посадъ — Вилково, главный центръ дунайскаго рыболовства. Подъѣзжая къ Вилкову по узкой береговой дорогѣ или по Дунаю, вы еще издали видите среди камышей высокую колокольню старообрядческой церкви, но самаго посада, расположеннаго почти на уровнѣ воды и заросшаго со всѣхъ сторонъ вербою и камышемъ не видно до тѣхъ поръ, пока не въѣдешь внутрь посада.

Внѣшность Вилкова довольно оригинальна. Это въ нѣкоторомъ родѣ маленькая Венеція. Вездѣ проведены каналы, мостки. Дома построены на сваяхъ. По всѣмъ направленіямъ скользятъ лодки. Сразу видно, что рыболовство составляетъ главное занятіе вилковцевъ: вездѣ рыба и рыбный запахъ. Къ рыбнымъ заводамъ (по здѣшнему—«кирганамъ») то и дѣло подвозятъ въ лодкахъ саженныхъ бѣлугъ и сомовъ, или массу мелкой рыбы, которую тутъ же потрошатъ, солятъ, вялятъ, сушатъ. Цѣлые пуды великолѣпной икры накладываютъ въ бочки и отсылаютъ немедленно въ Румынію и Одессу. Въ Вилковѣ считается около двухъ тысячъ населенія—и всѣ русскіе, всѣ рыболовы. Рыбы по Дунаю и на взморьи ловится много, ловъ свободенъ для каждаго. Тѣмъ не менѣе все рыболовство Вилкова находится въ рукахъ нѣсколькихъ кулаковъ и вотъ почему именно. Рыболовство требуетъ орудій и снастей, требуетъ извѣстнаго капитала. Кромѣ того, промыселъ этотъ подверженъ многочисленнымъ случайностямъ: рыболовъ зарабатываетъ иногда по нѣсколько десятковъ рублей въ день, а въ другой разъ не можетъ заработать даже на харчи Наконецъ, случается, что буря обрываетъ и уноситъ дорогія, стоящія сотни рублей снасти, и рыболовъ остается безъ всякихъ средствъ къ существованію. Прибавьте къ этому безпечную натуру русскаго человѣка, пьянство, неумѣнье дѣлать сбереженіе,—и будетъ понятно, почему вилковцы являются жертвами безпощадной эксплоатаціи. Огромное, напримѣръ, большинство ихъ — не болѣе, какъ батраки, холопы нѣсколькихъ кулаковъ. Эксплоатація доведена до тонкости, возведена въ систему. Стоитъ рыболову сдѣлать у кулака заемъ на покупку снастей или взять ихъ у него натурой, — и онъ навсегда закабаленъ. Весь уловъ онъ обязанъ полностію представлять своему кредитору, который принимаетъ его по цѣнѣ, имъ самимъ установленной, всегда въ нѣсколько разъ ниже противъ базарной цѣны. Но и при томъ рыбакъ почти никогда не получаетъ наличныхъ денегъ. У кулака есть лавка со всѣми припасами для ежедневнаго обихода рыбака. «Бери, молъ, плату товаромъ! Пошто тебѣ деньги?—увѣщеваетъ его кулакъ.—Поди—пьянствовать хочешь?»—«Какое пьянство,—возражаетъ рыбакъ.—Видишь—обносился весь. Хочу въ Измаилъ ѣхать, одежу справить».—«Такъ чего тебѣ въ Измаилъ? Рази-же не знаешь, что у насъ въ лавкѣ только птичьяго молока нѣтъ. Иди, бери, что хочешь...»—и всегда заставитъ рыбака взять не только то, что нужно ему, но даже и то, что вовсе не нужно, и притомъ по цѣнамъ безсовѣстно высокимъ. Положеніе рабочаго безвыходное, кулаки крѣпко поддерживаютъ другъ друга; въ случаѣ, еслибы рыбакъ пожелалъ продать свою рыбу не кредитору, а другому кулаку, то онъ не нашелъ бы покупателя. Изрѣдка только, украдкой удается закабаленному рыбаку продать товаръ въ постороннія руки. Въ случаѣ, напримѣръ, особенно удачнаго лова, вродѣ поимки крупной бѣлуги, которая стоитъ рублей 50 и больше, рыбакъ отправляется на лодкѣ въ Одессу и тамъ продаетъ добычу. Но для этого нужно сдѣлать болѣе 200 верстъ моремъ, нужно рисковать жизнью и опасностью навлечь на себя гнѣвъ кулака, который всегда имѣетъ возможность уничтожить непокорнаго раба.

Въ такомъ положеніи находится большинство вилковцевъ. Меньшинство—независимые рыбаки, достигшіе значительнаго матеріальнаго благосостоянія. Несомнѣнно, что, при нѣкоторой помощи отъ земства, и вообще при лучшей организаціи рыбнаго промысла, такого же благосостоянія достигли бы всѣ вилковцы.

Трудно сказать, какое именно количество рыбы ловится въ настоящее время въ Дунаѣ, но во всякомъ случаѣ оно весьма значительно. По даннымъ оффиціальной статистики, уже въ

1813 году количество это доходило до полумилліона пудовъ. Но тогда дунайскія рыбныя ловли составляли казенную монополію. Теперь же ловъ свободенъ, и несомнѣнно, что количество улова удвоилось или даже утроилось. Въ Дунаѣ ловятся бѣлуги, осетры, сомы, севрюги, стерляди и разная мелкая рыба. Цѣлые тысячи людей кормятся рыболовствомъ. Обиліе рыбы заставляетъ рыбаковъ селиться даже въ плавняхъ, на островахъ дунайскаго устья, несмотря на непрерывныя наводненія, убійственный климатъ и тучи комаровъ—истинный бичъ этой мѣстности.

Отъ Вилкова начинается Черное море, составляющее юго-восточную границу Измаильскаго уѣзда. Береговая полоса моря, на разстояніи болѣе семидесяти верстъ въ длину, вся усѣяна соляными озерами, которыя только узкими песчаными косами или «пересыпями» отдѣляются отъ моря.

Западную границу Измаильскаго уѣзда составляетъ рѣка Прутъ, притокъ Дуная. Прутъ орошаетъ западную границу уѣзда на протяженіи болѣе 150 верстъ, (т.-е. больше, чѣмъ Дунай). Подобно Дунаю, Прутъ принадлежитъ намъ только лѣвымъ берегомъ. Населеніе по Пруту довольно густо, такъ что каждыя 5—6 верстъ встрѣчаются большія молдаванскія села, живописно-раскинувшіяся по косогору. Верстахъ въ 50-ти отъ Рени, на высокомъ берегу Прута, лежитъ Кагулъ,—нѣкогда бѣдное молдаванское село Формоза (т.-е. красивая), впослѣдствіи—уѣздный городъ, въ настоящее же время—незначительное владѣльческое мѣстечко. Издали Кагулъ представляетъ очень красивый видъ, но много теряетъ при ближайшемъ знакомствѣ, сильно напоминая еврейскія мѣстечки юго-западнаго края.

Верстахъ въ 60-ти отъ Кагула, вверхъ по теченію Прута, лежитъ Леово—городъ, или правильнѣе, самое жалкое еврейское мѣстечко. Какъ и во всѣхъ еврейскихъ мѣстечкахъ, лавокъ и лавочекъ тамъ почти столько же, сколько и домовъ. Невольно является вопросъ: кто же потребитель всѣхъ этихъ товаровъ? Правда, въ нѣкоторыхъ лавочкахъ не наберется его и на десять рублей. Но очевидно, еврей, не мыслимъ безъ торговли. Обыкновенно отецъ семейства шныряетъ по селамъ, занимаясь маклачествомъ или скупкою хлѣба; дома же оставляетъ жену, которая и ведетъ «гандель» по части мелочной торговли (бакалейной и галантерейной).

Остается еще сказать о Болградѣ, нѣкогда болгарской колоніи и административномъ центрѣ болгарскихъ поселеній на югѣ Россіи.

Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія (съ 1750 по 1856 годъ), болгары массами и въ одиночку бѣжали изъ своей родины и искали спасенія на чужбинѣ. Переселеніе болгаръ достигло наибольшей степени во время русско-турецкихъ войнъ, когда турки вымѣщали на нихъ свои военныя неудачи и ненависть къ русскимъ. Бѣглецы селились главнымъ образомъ въ южной Бессарабіи, которая хотя и вошла въ русскіе предѣлы только въ 1812 году, но еще за долго до этого фактически находилась во власти Россіи. До 1818 года положеніе болгаръ въ Бессарабіи было бѣдственное: они влачили жизнь пролетаріевъ, многіе изъ нихъ попали даже въ крѣпостное состояніе, котораго они не знали и въ Турціи. Но въ 1818 году, когда численность болгаръ въ Бессарабіи достигла уже 40,000 человѣкъ, правительство рѣшилось заняться прочнымъ устройствомъ ихъ быта.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ генералу Инзову, тогдашнему попечителю колоніи, а впослѣдствіи Новороссійскому генералъ-губернатору. По его ходатайству болгары были щедро надѣлены землею (по 50—60 десятинъ на душу), на всегда освобождены отъ всякихъ натуральныхъ повинностей и на извѣстное число лѣтъ отъ податей и налоговъ. Благодаря этому, болгары и до сихъ поръ пользуются такимъ благосостояніемъ, какое рѣдко встрѣчается среди русскаго населенія. Болгарскія колоніи расположены въ юго-западной части Измаильскаго уѣзда, гдѣ ихъ считается до сорока. Во многихъ изъ нихъ живутъ впрочемъ довольно много молдаванъ.

Изъ болгарскихъ колоній важнѣйшія: Волканешты (населеніе до 4 тыс.), Чишме-Кіой (1,800 душъ), Курчи (1,300 душъ), но первое мѣсто между ними занимаетъ Болградъ, который долгое время былъ административнымъ центромъ управленія болгарскими колоніями въ Россіи.

Болградъ расположенъ на возвышенномъ берегу огромнаго озера Ялпуха. Красивымъ мѣстоположеніемъ и чистою внѣшностью Болградъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Улицы въ немъ широкія и прямыя, постройки каменныя или чамурныя (т.-е. изъ смѣси земли съ навозомъ); много зелени, хорошій бульваръ. Все это дѣлаетъ Болградъ лучше многихъ уѣздныхъ городовъ. Во всякомъ же случаѣ, послѣ Измаила, онъ занимаетъ въ уѣздѣ первое мѣсто. Населеніе свыше восьми тысячъ; огромное большинство болгары.

Лучшее украшеніе города соборъ, который по размѣрамъ и красотѣ постройки занимаетъ первое мѣсто среди церквей Бессарабіи. Онъ построенъ въ тридцатыхъ годахъ на средства всѣхъ болгарскихъ колоній, въ память избавленія колонистовъ отъ турецкой неволи. Постройка собора поглотила большія суммы: говорятъ, что одна чугунная рѣшетка, окружающая соборъ, стоитъ около 20 тысячъ руб. Кромѣ собора, въ Болградѣ есть еще одна церковь, также очень красивая.

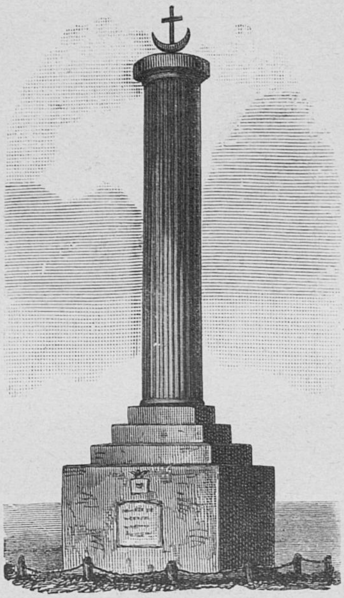
Другую достопримѣчательность города составляетъ обширный городской садъ, расположенный по склону озера Ялпуха. Онъ былъ разведенъ стараніями генерала Инзова, который много заботился объ облѣсеніи Новороссійскаго края и разведеніи фруктовыхъ питомниковъ. Болградскій паркъ былъ первоначально образцовымъ питомникомъ. Въ немъ разведено множество породъ деревьевъ,—почти всѣ, которыя могутъ расти въ этомъ климатѣ. Но преобладаетъ бѣлая акація, которой обсажены почти всѣ аллеи и которая во время цвѣтенія наполняетъ воздухъ такимъ сильнымъ ароматомъ, что у непривычнаго закружится голова. Въ настоящее время садъ сильно разросся, и нѣкоторыя деревья просто поражаютъ своими размѣрами. Таковы, напр., нѣсколько серебристыхъ тополей, растущихъ въ нижней части сада, которыхъ съ трудомъ могутъ обхватить три взрослыхъ человѣка. Разные надписи, годы и иниціалы, вырѣзанные на нихъ еще въ тридцатыхъ годахъ на уровнѣ человѣческаго роста, въ настоящее время саженей на десять поднялись надъ землею, но все еще отчетливо видны на потрескавшейся корѣ дерева. Въ саду было до десяти водоемовъ и фонтановъ. Теперь всѣ они уже высохли, а дѣйствуетъ только одинъ.

Болградъ замѣчателенъ обиліемъ учебныхъ заведеній, чѣмъ превосходитъ иные губернскіе города. Въ немъ находится семиклассная гимназія—прежде лицей или «болгарское центральное училище», женская прогимназія, городское четырехклассное училище и два начальныя училища. Всѣ эти учебныя заведенія содержатся почти исключительно на средства города. Гимназія имѣетъ свой собственный фондъ, состоящій изъ богатыхъ рыбныхъ ловель озера Ялпуха и значительнаго участка земли, на доходы съ которыхъ она и содержится. Фондъ этотъ добровольно пожертвованъ въ пользу гимназіи болгарскими колоніями. Вообще нужно отдать справедливость болгарамъ въ томъ, что они понимаютъ пользу образованія и не жалѣютъ на него денегъ. Прекрасно устроенныя мужскія и женскія училища есть въ каждой болгарской колоніи.

Жители Болграда занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, торговлей, винодѣліемъ и разными ремеслами. Всѣ эти отрасли развиты довольно сильно. Но общественной жизни въ городѣ нѣтъ, потому что болгары мало склонны къ ней.

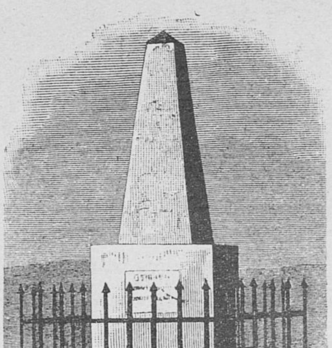
Около Болграда есть нѣсколько историческихъ папятниковъ, о которыхъ стоитъ упомянуть. Къ числу этихъ памятниковъ нужно отнести небольшую, но очень красивую церковь, построенную на могилѣ попечителя колонистовъ, генерала Инзова, который умеръ въ Одессѣ, но похороненъ по желанію колонистовъ въ Болградѣ. Надпись, вырѣзанная на его могилѣ, лучше всего характеризуетъ дѣятельность покойнаго и отношеніе къ нему болгарскаго населенія. Она

гласитъ слѣдующее: «Здѣсь покоится прахъ раба Божія Іоанна Никитича Инзова, генерала отъ инфантеріи, главнаго попечителя и предсѣдателя попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи. Родился 23 Декабря 1777 года, скончался въ Одессѣ 27 мая 1845 года. Онъ далъ поселенцамъ новую жизнь въ новомъ ихъ отечествѣ. Благодарные болгарскіе колонисты пожелали перенести въ нѣдра своего поселенія прахъ виновника ихъ благоденствія, для сохраненія имени его въ памяти народной. По Высочайшему соизволенію, усердіемъ и иждивеніемъ болгарскихъ колонистовъ бренные остатки генерала И. Н. Инзова перевезены изъ Одессы и преданы землѣ въ церкви во имя святителя Митрофана, въ колоніи Болградѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года».



Памятникъ Кагульской битвы

Верстахъ въ 15-ти отъ Болграда, близъ села Волканешты воздвигнутъ великолѣпный памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила знаменитая Кагульская битва, названная такъ по имени протекавшей здѣсь рѣчки. Въ честь этой битвы и уѣздъ назывался нѣкогда Кагульскимъ. На небольшомъ холмѣ возвышается колонна изъ дикаго камня, увѣнчанная крестомъ на полумѣсяцѣ. Высота памятника около 18-ти саженей. Кругомъ проведена чугунная рѣшетка и посажены акаціи. Тутъ же будка сторожа. На памятникѣ надпись — съ одной стороны: «1770 г. іюля 21 дня графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ на семъ мѣстѣ съ семнадцатью тысячъ русскихъ воиновъ разбилъ сто-пятьдесятъ-тысячную армію турецкую подъ начальствомъ верховнаго визиря Халимъ-Паши». Съ другой стороны памятника: «Памятникъ сей незабвенной битвы, въ которой пали навсегда свирѣпые янычары, нѣсколько столѣтій страшившіе Европу Азію и Африку, поставленъ по велѣнію императора Николая, Самодержца всея Россіи, при новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ и при бессарабскомъ военномъ губернаторѣ Федоровѣ». Вблизи этого памятника поставленъ каменный обелискъ въ нѣсколько саженей высоты съ слѣдующей надписью: «Вблизи сего мѣста 21 іюля 1770 года въ день Кагульской битвы графъ Семенъ Воронцовъ, ведя сводный гренадерскій баталіонъ, изъ полковъ 1 и 3 гренадерскихъ составленный, первый вступилъ въ турецкій ретраншементъ. Памятникъ сей обожаемому родителю поставилъ благодарный сынъ, новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, графъ Михаилъ Воронцовъ, 1845 года».



Памятникъ графу Воронцову.

Печальная пустынная мѣстность, на которой стоитъ памятникъ, вполнѣ гармонируетъ съ воспоминаніями объ этой кровавой битвѣ, которая покрыла славой русскія войска и помрачила блескъ Оттоманской порты. Побѣда была дѣйствительно блестящая: 17 тысячъ русскихъ неожиданно попали между 150 тысячами янычаръ и 100-тысячною ордою татаръ. Въ результатѣ турки были разбиты на голову, потеряли 40 тысячъ человѣкъ, весь лагерь, 140 орудій и 60 знаменъ. Наша потеря не превосходила тысячи человѣкъ. Результатъ почти чудесный.

Памятники охраняются дряхлымъ старикомъ—современникомъ завоеванія Бессарабіи рус-

скими. Если вы вступите съ нимъ въ разговоръ, онъ разскажетъ вамъ много интереснаго о томъ, какъ «нечистая сила шалитъ» на мѣстѣ бывшей битвы, и какъ болгары боятся этого мѣста. У него же можете достать обломки оружія и снарядовъ, которые до сихъ поръ находятъ на поляхъ Кагульской битвы.

Близъ Болграда проходитъ памятникъ несравненно болѣе древній, чѣмъ всѣ предъидущіе, а именно Нижній Траяновъ валъ, названный такъ въ отличіе отъ Верхняго вала, который проходитъ черезъ среднюю Бессарабію. Нижній Траяновъ валъ пересѣкаетъ нѣсколько изогнутой линіей весь Измаильскій уѣздъ, начиная отъ р. Прута до соленаго озера Кундука, т. е. на протяженіи около ста верстъ. Мѣстами этотъ валъ почти совершенно разрушился, мѣстами же онъ очень замѣтенъ, достигая 2—3 аршинъ вышины. Какое назначеніе этого вала, съ точностью не опредѣлено и до сихъ поръ. Сомнительно, чтобы онъ когда-либо имѣлъ значеніе укрѣпленія или защиты, въ родѣ извѣстной китайской стѣны; скорѣе можно допустить, что онъ служилъ для точнаго опредѣленія границъ.

Кромѣ Траянова вала по степямъ южной Бессарабіи разсѣяно еще много отдѣльныхъ кургановъ и насыпей. Какъ показали раскопки, все это—могилы вождей кочевавшихъ здѣсь народовъ.

Въ заключеніе этого очерка необходимо остановиться нѣсколько на *моканахъ* — отрасли молдаванскаго племени, проживающей въ горахъ Трансильваніи. Мокане составляютъ замѣтный, хотя пришлый и непостоянный элементъ населенія Измаильскаго уѣзда. При владычествѣ Румыніи мокане были здѣсь очень многочисленны. По возсоединеніи южной Бессарабіи большая часть ихъ возвратилась на родину, но все-таки нѣсколько тысячъ моканъ и теперь проживаетъ въ степяхъ Буджака и въ ихъ рукахъ находится почти все скотоводство уѣзда, въ особенности овцеводство. Нѣкоторые изъ моканъ приняли русское подданство, но большинство ихъ—австрійско-подданные, проживающіе въ Россіи по своимъ національнымъ паспортамъ.



Группа моканъ

Моканъ привлекаетъ въ Бессарабію обиліе и дешевизна пастбищъ. Почти всѣ они—овцеводы, и многіе имѣютъ по нѣсколько тысячъ овецъ. Нравы и бытъ моканъ совершенно патріархальные, переносящіе насъ ко временамъ Авраама, Исаака и Якова. Это настоящіе кочевники. Зиму и лѣто проводитъ моканъ въ степи въ сообществѣ лишь глупыхъ овецъ да мохнатыхъ овчарокъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ не бываетъ въ селѣ. Ему тамъ нечего дѣлать: стадо удовлетворяетъ почти всѣ его потребности. Овцы даютъ ему молоко и брынзу (сыръ), они же даютъ ему и платье. Хозяинъ стада или работникъ привозятъ ему изъ села кукурузу. Такимъ образомъ у него есть «мамалыга», а больше ему ничего и не нужно. Фигура мокана, когда онъ въ шляпѣ съ широкими полями, съ длинной клюкой въ рукахъ, пѣшкомъ или чаще верхомъ на ослѣ гонитъ своихъ овецъ, — чрезвычайно живописна. Нужно замѣтить, что мокане, въ особенности ихъ женщины, очень красивый народъ. Высокій стройный ростъ,

густые курчавые волосы, черные глаза и римскій профиль мокана такъ и просятся на полотно.

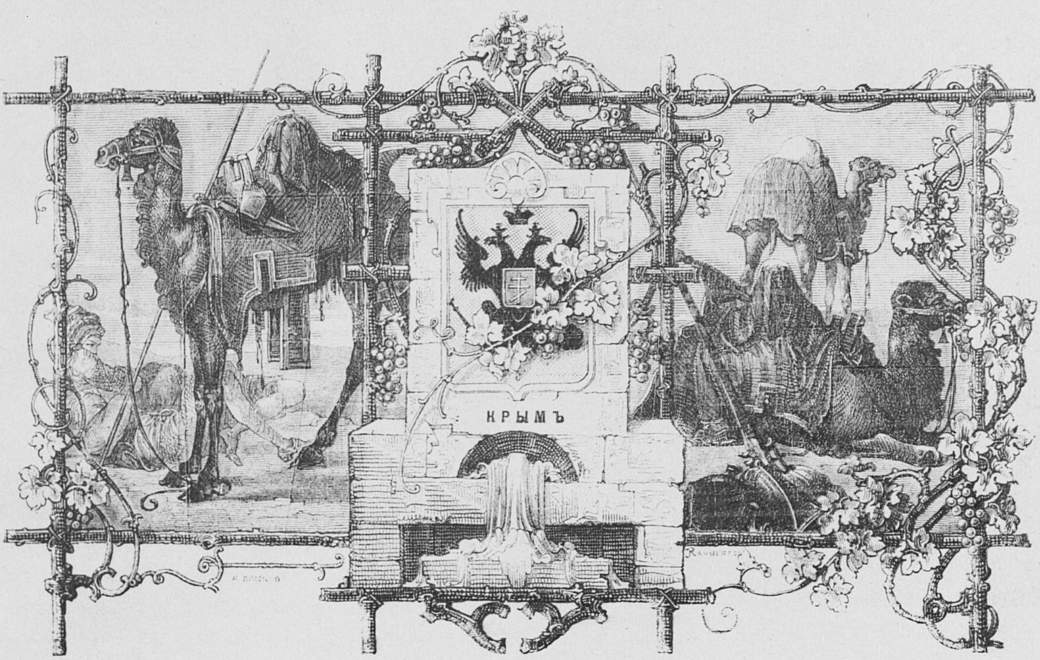
Костюмъ ихъ также очень красивъ. Лѣтомъ они носятъ куртки изъ толстаго сукна, вышитыя разноцвѣтными шнурками. На ногахъ узкіе войлочные штиблеты и сапоги или лапти. Широчайшій кожаный поясъ или «чересъ», твердый какъ дерево, со всевозможными блестками и украшеніями и нѣсколькими карманами, въ которыхъ онъ прячетъ ножъ, табакъ и деньги — служитъ предметомъ особаго вниманія мокана. Зимою моканъ носитъ широкіе шаровары изъ овчины, такую же куртку и огромную баранью шапку. Поверхъ они надѣваютъ еще широкій плащъ или накидку изъ овчины. Фигура мокана въ такомъ костюмѣ, особенно же если онъ надѣнетъ свой плащъ шерстью вверхъ, весьма внушительна и при встрѣчѣ, въ глухой степи, несомнѣнно производитъ впечатлѣніе. Не менѣе оригиналенъ и костюмъ моканки. Чистая бѣлая рубаха, расшитая на груди и плечахъ чорнымъ шолкомъ, черная шеретяная юпка, состоящая изъ двухъ полотнищъ, которыя соединяются только у пояса и расходятся по бокамъ, на ногахъ щегольскія ботинки—таково убранство моканки. Высокая стройная фигура и классически правильныя черты лица довершаютъ впечатлѣніе. Зимою моканки носятъ нѣчто въ родѣ безрукавки или жилета изъ нагольной овчины, украшенной разноцвѣтными кожаными нашивками.



Моканъ съ овцами въ степи у памятника.

Моканы представляютъ смѣсь достоинствъ и недостатковъ народа, еще не вышедшаго изъ первобытнаго состоянія. Они крѣпко держатъ данное слово, гостепріимны и высоко честны между собою, но не отличаются уваженіемъ къ чужой, не моканской собственности. Кража составляетъ заурядное явленіе, и разбойничьи шайки состоятъ почти исключительно изъ мокан.

С. Давидовичъ.



ГЕРБЪ КРЫМА.

ОЧЕРКЪ X.

КРЫМЪ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ.

Самобытност физiономiи Крыма.—Крымская степь весною и зимою.—Разнообразiе и интересъ горнаго Крыма.—Слѣды древняго крымскаго хозяйства.—Торговсе и политическое значенiе Крыма.—Крымъ, какъ станцiя здоровья.—Страна горъ.—Южный берегъ Крыма.—Памятники древнихъ грековъ, генуэзпевъ и готовъ.—Евпаторiя и Керчь.

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ прiютная краса,
И струй, и тополей прохлада;
Все чувство путника манитъ,
Когда въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

ПУШКИНЪ.

Крымъ—часть Таврической губернiи, кромѣ того, что онъ—одна изъ Новороссiйскихъ областей, и одинъ изъ множества угловъ необъятной Россiи,—кромѣ всего этого и прежде всего этого, онъ—Крымъ, т. е. вполнѣ самостоятельный, ни на что другое непохожiй край, имѣющiй свою специальную и чрезвычайно оригинальную исторiю, свою совершенно отдѣльную отъ Россiи географiю и этнографiю, свои достопримѣчательности такого характера, о которомъ не знаетъ ни остальная Новороссiя, ни остальная Россiя.

Крымъ географически почти не связанъ съ Россiею. Одна тонкая жилка перекопскаго перешейка (имѣющаго меньше 7 верстъ въ ширину) соединяетъ съ широко раскинувшимся на западъ и востокъ южнымъ берегомъ русскаго материка. И эта утлая связь была постоянно, въ теченiе исторiи, пересѣкаема глубокимъ рвомъ, въ который напускалась вода моря, и который долженъ былъ прекращать послѣднiя сношенiя маленькаго уединеннаго полуострова съ безпредѣльными степями материка. Начиная отъ доисторическихъ временъ Тавроскифiи до послѣднихъ походовъ Миниха, Ласси, Суворова, въ 18 столѣтiи, постоянно существовалъ этотъ искусственный барьеръ между Крымомъ н Россiею, въ помошь тѣмъ естественнымъ барьерамъ, которые кругомъ оцѣпляли Крымъ, въ видѣ волнъ Чернаго, Азовскаго и Гнилого морей...

И по существу, нѣтъ ничего противуположнѣе между собою, какъ очертанье Россіи и Крыма.

Россія—это громадный сплошной материкъ на многія тысячи верстъ въ глубину и ширину, цѣльный и простой какъ обрубокъ дерева, почти безъ заливовъ и мысовъ. Крымъ—это капризно изрѣзанный полуостровами, бухтами, мысами, стрѣлками, заливами маленькій обрывокъ земли, почти совсѣмъ отгрызенный морями отъ материка, почти кругомъ, какъ островъ, охваченный ихъ волнами.

Богато развитая береговая линія Крыма гораздо болѣе напоминаетъ собою счастливые приморскіе уголки Юга, въ родѣ Греціи, Малой Азіи и Италіи, чѣмъ суровыя сухопутныя равнины Сѣвера.

Оттого то Крымъ такъ же, какъ малоазіатскіе берега, Кипръ, Критъ, Эллада, Пелопонесъ, Южная Италія и Сицилія, сталъ еще на зарѣ исторіи гнѣздомъ европейской культуры.

Все звало, все манило сюда предпріимчивость первыхъ цивилизаторовъ: и безопасныя глубокія пристани для судовъ, и неприступность скалистыхъ мысовъ, съ которыхъ такъ удобно



Арабатская коса и перешеекъ, соединяющій Крымскій полуостровъ съ материкомъ.

было сторожить море, на которыхъ такъ легко было укрываться и защищаться отъ врага и зажигать сигнальные огни товарищамъ морскихъ странствій; тепло солнца, красота моря и горъ, благодарное обиліе почвы...

Еще люди, которые своими устами разсказываютъ воспоминанія, помнятъ то время, когда крымскій татаринъ бросалъ сѣмена на непаханную землю и получалъ богатые урожаи, когда изъ косточки персика, случайно упавшей на землю, безъ всякаго ухода человѣка, выростало въ три-четыре года цѣлое сильное дерево и давало душистые плоды.

Древность переполнена разсказами о крымскомъ изобиліи. Босфорскій царь Левконъ, въ IV вѣкѣ до Рождества Христова, доставилъ въ Аѳины изъ Ѳеодосіи 375,000 четвертей пшеницы, и тѣмъ спасъ отъ голода аѳинянъ, которые наградили его въ благодарность за это почетнымъ званіемъ аѳинскаго гражданина. Митридатъ точно также получалъ изъ Крыма множество хлѣба.

Немудрено, что уже первые поселенцы Европы заглянули на берега Крыма, проплывъ тогда еще «негостепріимный понтъ» (понтъ Аксеносъ) и оставили на его берегахъ свои легенды и свои развалины.

«Ифигенія въ Тавридѣ» оставила Крыму теперешній Партенитъ подъ Аюдагомъ и мысъ

Партеніумъ (т.-е. мысъ дѣвы) около Георгіевскаго монастыря. Тамъ еще не очень давно путешественники видѣли пещеру, въ которой скрывались Орестъ и Пиладъ, храмъ дѣвственной богини, въ которомъ совершались кровавыя жертвы надъ чужеземцами, приносимыми волною «негостепріимнаго понта», и древнія бронзовыя доски, на которыхъ была изображена трагическая исторія Агамемноновыхъ дѣтей...



Скалистый берегъ Крыма.

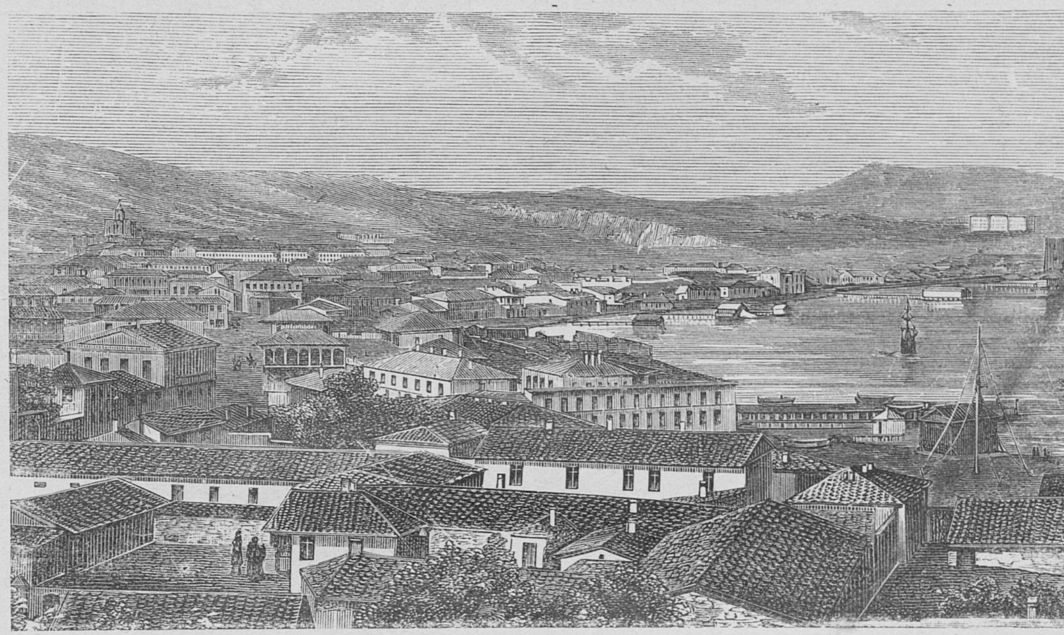
Серьезные ученые не сомнѣваются, что Улиссъ побывалъ прежде всего на скалистыхъ берегахъ Крыма, что въ его каменныхъ пещерахъ, уцѣлѣвшихъ доселѣ, жили собратья Полифема— циклопы, пастыри овецъ, поѣдавшіе живыхъ людей, что на его берегу стоялъ городъ Лестригонскихъ людоѣдовъ, что судно Улисса входило въ «узкоустую» бухту нѣнѣшней Балаклавы.

Все благопріятствовало исторіи и цивилизаціи на этихъ теплыхъ берегахъ. Непочатая чаща лѣсовъ для кораблей; несокрушимый камень для домовъ вездѣ подъ рукою; тучныя долины, защищенныя отъ вѣтровъ, открытыя солнцу; обиліе горныхъ водъ; сзади недоступные хребты горъ, образующіе естественную крѣпость противъ набѣга кочевниковъ; спереди— всюду открытое море, за которымъ Колхида и Троя, Гераклея и Милетъ, Аѳинскій Пирей и Финикійскія пристани...

Гераклейцы (жители той самой теперешней Пендераксіи, передъ которою наши герои моряки захватилили вооруженную Мерсину) основываютъ еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова знаменитый впослѣдствіи Херсонесъ близъ Севастополя, ставшій сильною и самостоятельною республикою.

Почти въ то же самое время милетцы въ честь своего бога Пана, олицетворявшаго сытое обиліе земли, воздвигли почти на мѣстѣ нынѣшней Керчи городъ Пантикапею.

Пантикапея сдѣлалась потомъ такимъ же средоточіемъ восточнаго Крыма, какимъ Херсонесъ былъ для западнаго. Вокругъ нея собирается Босфорское царство, поглощающее древнюю Ѳеодосію, воздвигающее противъ дикихъ туземцевъ степи длинную стѣну по всей границѣ своей отъ береговъ Сиваша до береговъ Чернаго моря. Точно также и херсонесцы отдѣлили стѣною свое царство отъ Черной рѣчки до моря значительно позже и византійскій



Видъ Ѳеодосіи съ моря.

императоръ Юстиніанъ оградилъ стѣнами и башнями отъ номадовъ трудолюбивыхъ поселенцевъ всего горнаго Крыма, признавшихъ его власть...

Очень долго въ Крыму дѣйствовали только пребрежныя мѣстности, цивилицованныя колоніи эллиновъ, которыя затѣмъ перешли въ римское и византійское владѣніе, а въ среднихъ вѣкахъ перешли къ генуэзцамъ и венеціанцамъ съ ихъ Каѳою, Сугдайею и пр. Только въ концѣ крымской исторіи степное татарское царство, а потомъ материковое русское съ его обычаями централизаціи и единства заслоняютъ собою дѣятельную исторію множества маленькихъ, другъ отъ друга независимыхъ, портовыхъ городковъ...

Степной Крымъ и горный, въ сущности, двѣ отдѣльныя, несовмѣстныя другъ съ другомъ страны, только прихотью природы связанныя въ одинъ нераздѣльный полуостровъ. Крымская степь безотрадная, глазомъ необъятная гладь, лѣтомъ высыхающая и трескающаяся, какъ битые черепки глиняной посуды, бурая отъ глины, сѣдая отъ солончаковъ, покрытая бурыми пыльными бурьянами, колючимъ «кураемъ», татарками, ворсильною шишкою, петровымъ батогомъ, вся сѣдѣющая жидкимъ бородатымъ ковылемъ... Осенью и зимою—не-

вылазная сплошная грязь, распускающаяся на глубину нѣсколькихъ аршинъ, въ которой безнадежно вязнетъ и тонетъ самая привычная и выносливая скотина... Только весною эта степь

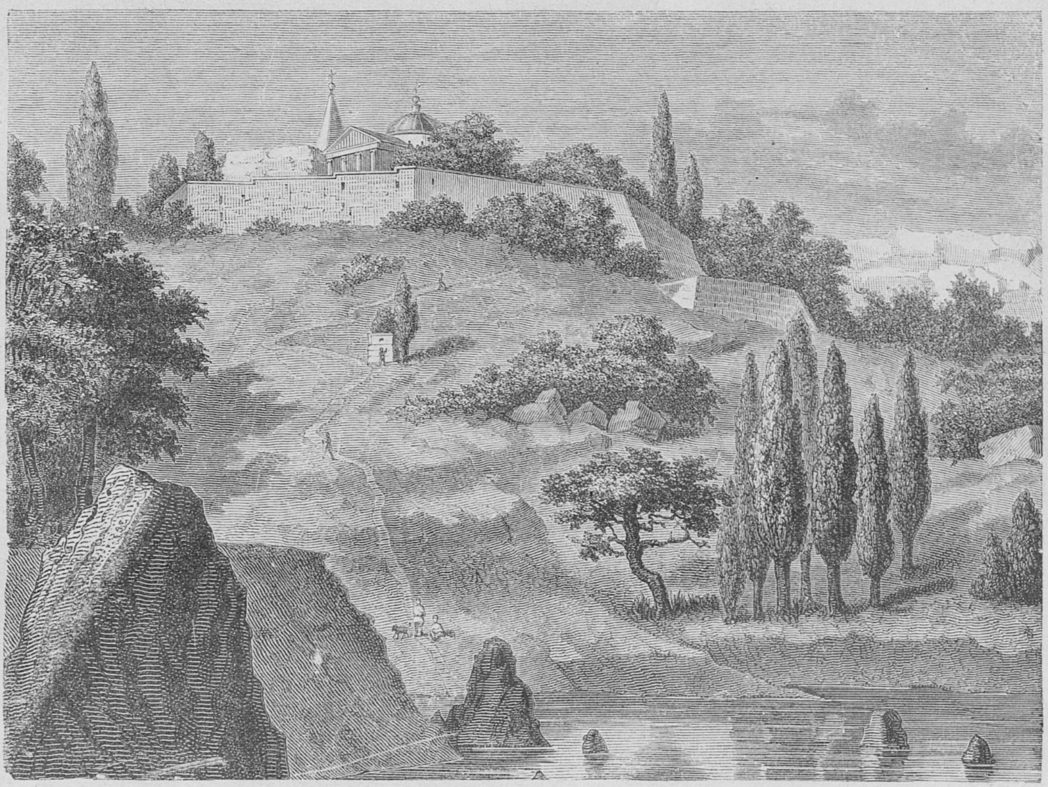


Крымскій пейзажъ.

бываетъ прекрасна въ дѣвственно зеленомъ пуху своихъ молодыхъ травъ, испещренная яркими южными цвѣтами, оттѣненная стадами бѣлыхъ овецъ и сѣрыхъ журавлей, вся перепол-

пенная весенними звуками... Тогда даже и самый просторъ ея кажется красотою и счастіемъ; тогда никуда бы, кажется, не вышелъ изъ нея, никогда бы не разстался съ нею. Но коротка эта молодость крымской степи.

Въ обычное же время все гонитъ отсюда человѣка цивилизованной мысли и цивилизованнаго обычая. Только желтому, какъ пергаментъ, косоглазому, скуластому нагайцу, съ его терпѣливостью и выносливостью степного звѣря, съ его вкусами кочующаго волка, кажется возможнымъ и даже отраднымъ жариться шесть мѣсяцевъ на голомъ припекѣ солнца, да слушать завыванье степныхъ осеннихъ бурь, которыя врываются сюда изъ дальнихъ азіятскихъ пустынь... Онъ лежитъ себѣ, словно звѣрь въ берлогѣ, въ своей низенькой саклѣ, затерянной въ бурьянахъ, землею покрытой, изъ земли сдѣланной, землею вымощенной, къ землѣ прилегшей.



Георгіевскій монастырь близъ Севастополя.

Ему даже печки не нужно. Онъ безхитростно печетъ свою лепешку прямо въ золѣ открытаго очага; дуетъ цѣлыми кубанами кобылій кумысъ, да гложетъ, когда случится, лошадиную кость... Табуны его пасутся по степнымъ балкамъ и онъ только изрѣдка заглядываетъ къ нимъ.

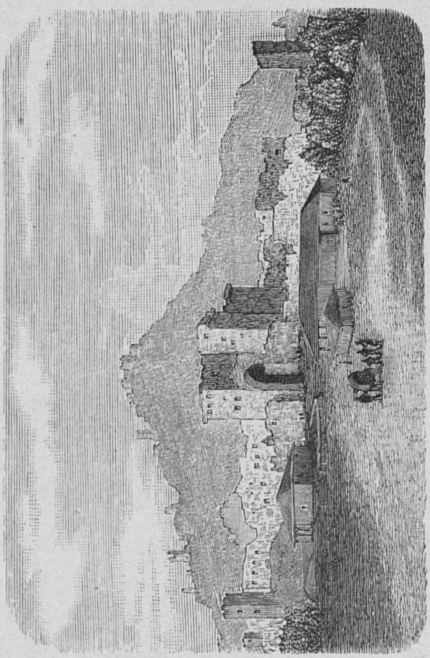
Эти истыя татарскія деревушки прячутся тоже по балкамъ, чуть примѣтныя даже вблизи своими земляными трубами, а издали ихъ никто не увидитъ... Ни деревца, ни веселаго свѣтлаго домика съ яркою крышею, привѣтливо смотрящаго на свѣтъ божій. Это скорѣе гнѣздо земляныхъ норъ въ родѣ тѣхъ, которыя устраиваютъ себѣ сурки, овражки, хомяки, чѣмъ дѣйствительныя сельбища человѣка. Развѣ изрѣдка торчитъ надъ этими вкопавшимися въ землю берлогами старая сѣрая башенка минарета, теряющаяся на фонѣ сѣраго поля.

Татарину, исконному кочевнику, не страшна ни эта безводица, ни эта пустынность. Не

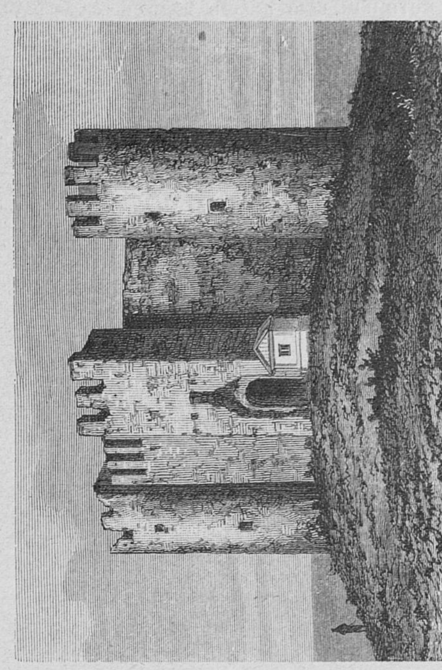


Монастырь св. Георгія близъ Севастополя, въ нынѣшномъ видѣ.

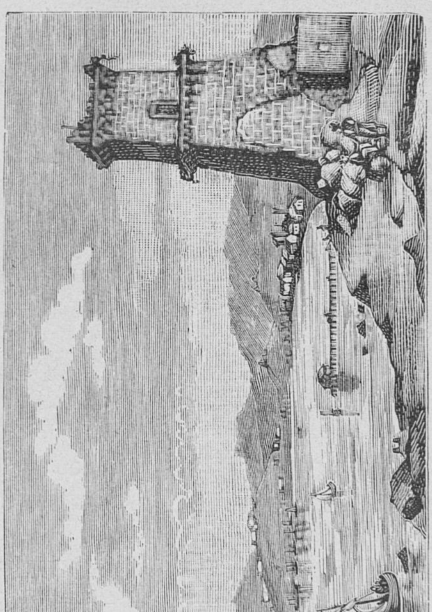
привыкать стать ему къ нимъ послѣ тѣхъ выжженныхъ степей Азіи, изъ которыхъ онъ вышелъ когда-то, гдѣ воспитались долгими вѣками его вкусы пастуха и разбойника... Татаринъ



Сугдайя.



Развалины Генуэзской башни.



Остатки прежней Каффы.

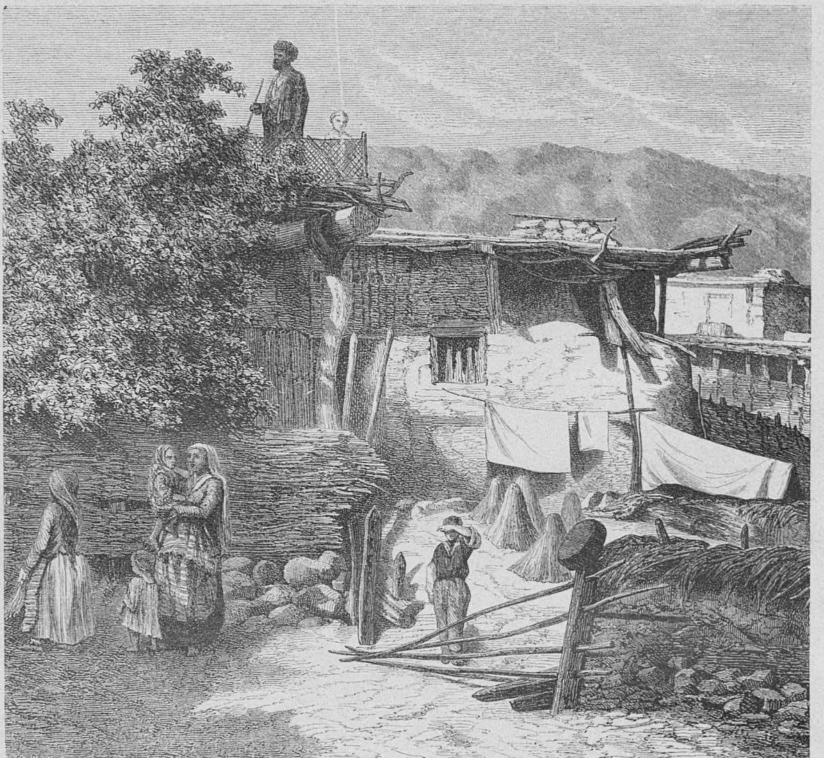


Входъ въ Балаклавскую бухту.

умѣетъ разыскать воду тамъ, гдѣ никто не подозрѣваетъ ея, и умѣетъ обойтись такимъ малымъ, какимъ никто кромѣ него не обойдется. Живутъ теперь и кромѣ татарина люди въ

степи. Стоятъ теперь въ ней кое-гдѣ и помѣщичьи овечьи экономіи, колоніи болгаръ и нѣмцевъ. Но не уживаются ни тѣ, ни другія съ тяжкими условіями этого полудикаго быта. Чабанъ, который всю жизнь ходитъ за отарами овецъ, чувствуетъ и мыслитъ немного болѣе овцы, которую онъ гонитъ. Онъ также дома въ этой степи, какъ и стаи птицъ, кочующія въ ней весною и осенью. Но человѣку иныхъ привычекъ не подъ силу это зоологическое существованіе...

Къ окраинамъ своимъ степь разнообразится только цѣпями соляныхъ озеръ. Озера эти— памятники тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, когда гладь Крымской степи была еще ровнымъ дномъ солянаго моря... Ничто не идетъ такъ къ безотрадной обнаженности степи, какъ эти безотрадно обнаженные бассейны водъ, въ которыхъ вмѣсто воды неподвижный тяжелый разсолъ, берега



Внѣшняя сторона татарскаго дома.

которыхъ покрыты не зелеными рощами и не яркими дачами, а унылыми сплошными скирдами чернаго, какъ грязь, бузуна. Дальше море, ближайшее къ степи, и то словно несетъ на себѣ отпечатокъ ея непріютности и безжизненности.

«Гнилое море», или «Сивашъ», какъ называютъ его жители Крыма, омываетъ своими мертвенными водами почти весь сѣверный и западный берегъ полуострова. Въ этихъ водахъ, насыщенныхъ іодистыми солями, не можетъ жить ни одинъ животный организмъ; но это море мертво не по одному отсутствію въ немъ всякой жизни; оно мертво и для торговаго движенья, потому что Арабатская коса отрѣзываетъ его отъ сообщенія съ Азовскимъ моремъ торговыми портами, и оставляетъ его лежать заключеннымъ и безплоднымъ... Сильный запахъ іода проникаетъ атмосферу береговъ этаго страннаго моря и растущія въ немъ водоросли, и дано ему

совершенно ошибочное названіе «Гнилого моря». Въ сущности же здѣсь ничто не можетъ гнить, потому что ничто не можетъ жить; напротивъ, на берегахъ этого поистинѣ «негнію-



Балаклава.

щаго моря» почти никогда не бываетъ заразы, даже во время сильнѣйшихъ эпидемій, потому что не откуда взяться міазмамъ въ этомъ аптекарскомъ воздухѣ.

Большую оригинальность степного Крыма представляетъ Арабатская стрѣлка. На 104 версты въ длину тянется узкая, иногда не болѣе четверти версты, иногда версты три шириною, эта природная каменная плотина, этотъ удивительно смѣлый и удивительно прочный брекватеръ, вотъ уже нѣсколько столѣтій отдѣляющій бурныя воды Азовскаго моря отъ тихихъ заводей Сиваша...

Ѣдешь по этой на видъ столь утлой стрѣлкѣ сопровождаемый справа грохотомъ штурмующихъ волнъ, и все ждешь, что вотъ-вотъ она порвется на-двое подъ неистовымъ напоромъ моря. Среди необозримой шири воды на-право и на-лѣво она кажется впереди только протянутой ниточкою. А на ней безопасно стоятъ почтовыя станціи, хутора и деревеньки. Она— не изъ земли, даже не изъ камня; она вся сплошь изъ мелкихъ раковинъ молюсковъ, которыя



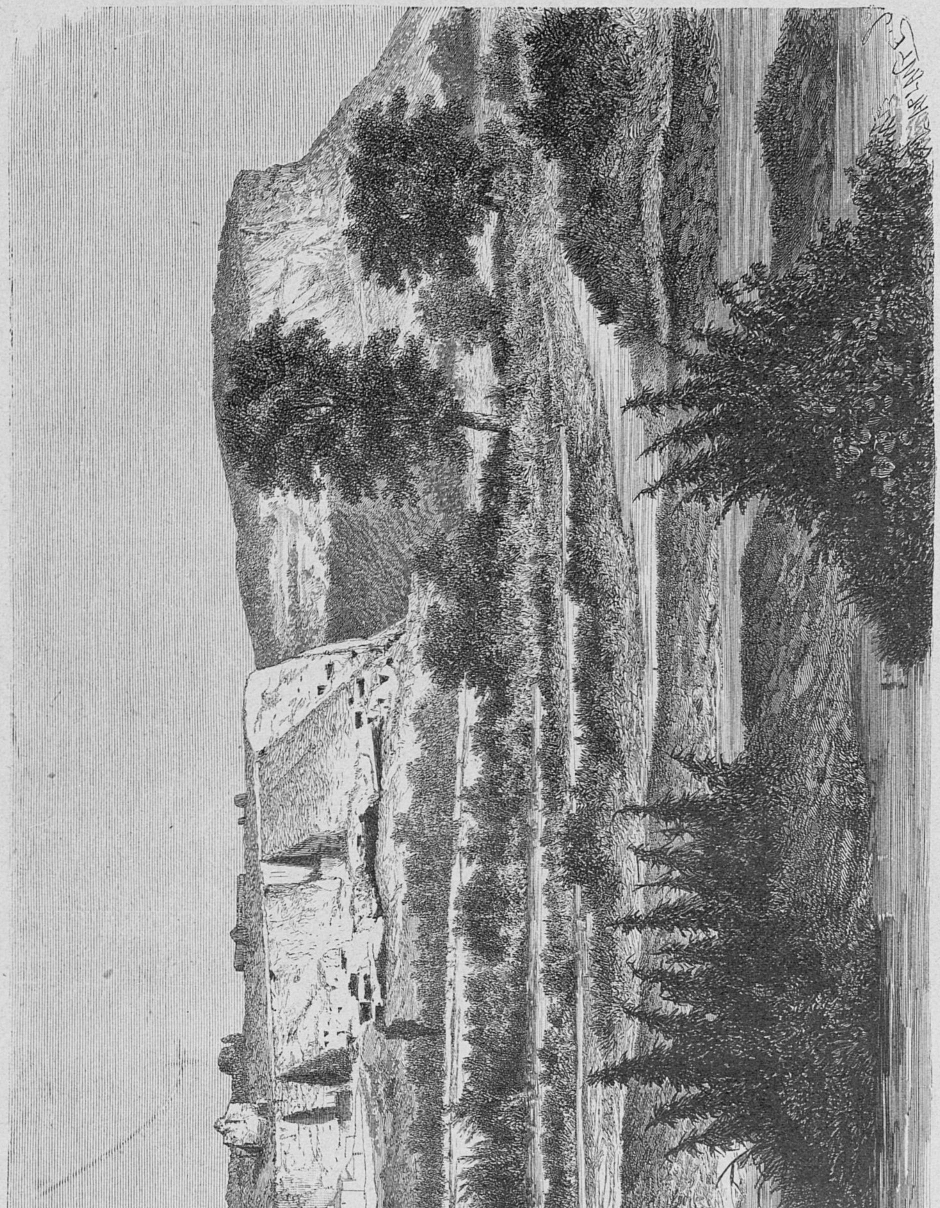
Спускъ съ горы въ Крыму.

скипѣлись подъ давленіемъ воды и времени въ одну непроницаемую толщу на нѣсколько саженей въ глубину, на сотню верстъ въ длину...

Весною и это пустынное шоссе черезъ морскія глубины полно жизни. Темно-синюю поверхность Сиваша покрываютъ тогда тысячи водяныхъ птицъ: пеликановъ, утокъ, чаекъ и всякой всячины. Они пользуются спокойствіемъ и уединеніемъ его, чтобы истребить всю ту рыбу, которую захватили они въ Азовскомъ морѣ, и безопасно отдохнуть...

Ни исторіи, ни этнографіи, ни экономической жизни нѣтъ въ голой степи Крыма. Она еще всецѣло проникнута первобытнымъ характеромъ тѣхъ временъ, когда служила полемъ дикихъ сшибокъ, однихъ варваровъ съ другими и временно стоянкою кочевника-побѣдителя... То же безлюдье, то же безводье, то же бездорожье, то же грубое овечье и табунье хозяйство номадовъ...

Селенія, тысячами выжженныя Минихомъ и Ласси, словно не возобновлялись послѣ нихъ, а старыхъ колодцевъ больше засыпалось и пересохло съ тѣхъ поръ, чѣмъ выкопано новыхъ.



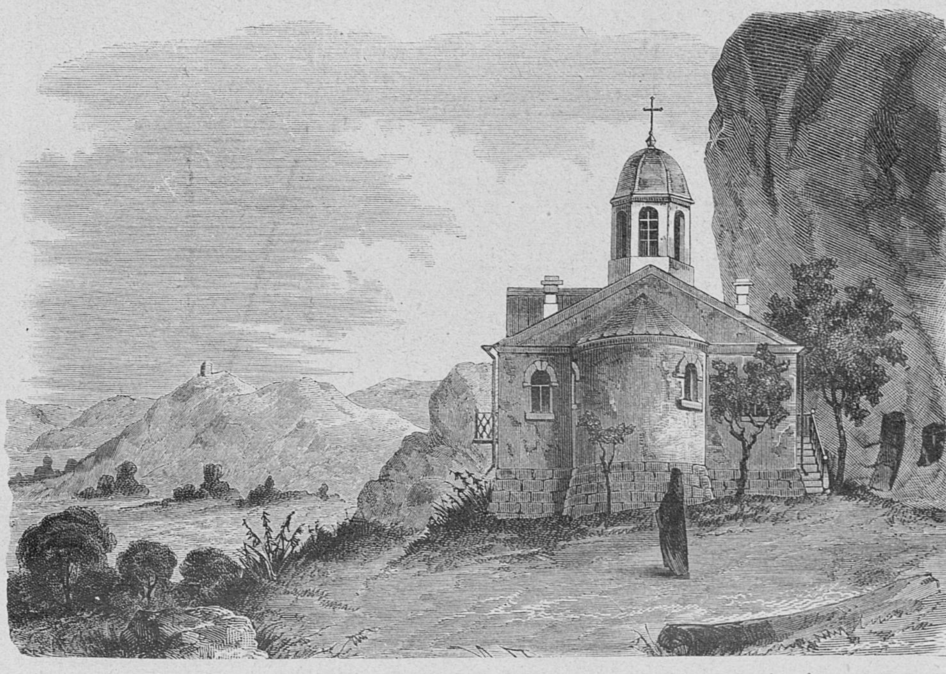
Инкерманская возвышенность.

Артезіанскій колодезь безмѣрной глубины и безмѣрной стоимости, надъ которымъ безплодно хлопотало столько лѣтъ множество ученыхъ коммисій, стоитъ праздно въ самой

центральной котловинѣ степи, оказавшись не въ силахъ напоить эту отъ вѣка безводную почву... Онъ служитъ живымъ доказательствомъ безсилія цивилизаціи противъ укоренившагося степного варварства, которое заставило гордую европейскую затѣю спустить передъ собою флагъ... Правда, желѣзная дорога забралась изъ Россіи черезъ Сивашъ по Чонгарскому мосту и перебѣжала безпріютную степь; но она не внесла въ нее жизни и движенія; она, не оглядываясь на нее, не задѣвая ничѣмъ ея соннаго покоя, пронеслась прямо въ счастливыя предгорья, къ цвѣтущимъ берегамъ моря, гдѣ пріютились многолюдство и обиліе...

Сама же степь отвѣчаетъ на давленіе цивилизаціи, всюду охватывающей ее кругомъ, только бѣгствомъ отъ нея старыхъ кочевниковъ, выселеніями туземцевъ степи—татаръ и ногайцевъ въ родную имъ Азію...

Степняки уходятъ, на степь черезъ это не перестаетъ быть степью, только становится скуднѣе и унылѣе... Еще въ концѣ 18 вѣка можно было купить для нашей арміи болѣе



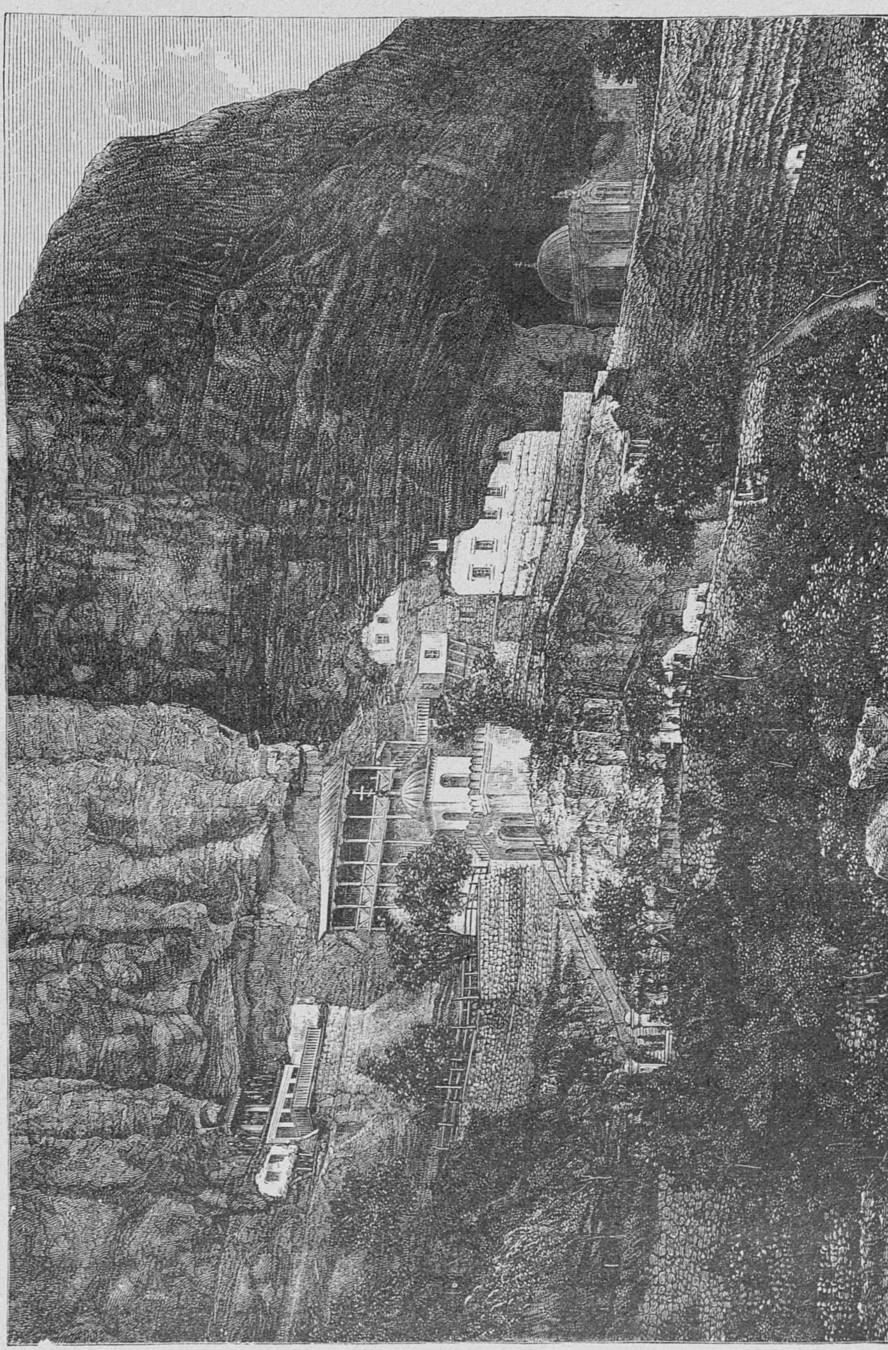
Монастырь въ долинѣ Чорной рѣчки (Инкерманъ).

1000 верблюдовъ такъ легко, что это было рѣшительно не замѣтно для степного хозяйства, хотя цѣна верблюда уже достигала 150 рублей. Косяки мурзаковъ были очень многочисленны, и, по словамъ Палласа, въ его время «всякая степная деревня владѣла многочисленными стадами рогатаго и мелкаго скота». А теперь верблюда уже встрѣчаешь какъ рѣдкость, и можно прожить въ Крыму довольно долго, ни разу не видѣвъ его.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ, цѣна степной земли въ Крыму доходитъ до самаго низкаго уровня; что десятину можно еще купить за 5—6 рублей; что почти всѣ степныя имѣнія Крыма заложены и перезаложены, и безнадежно просрочены, такъ что нужно бываетъ особое вмѣшательство высшей власти, чтобы удерживать отъ немедленной продажи съ молотка большинство такихъ имѣній.

Только въ долинахъ, поближе къ горамъ, есть доходныя имѣнія, урожайные сады, табачные огороды. Но это уже не степь, это—уже предвѣріе горнаго Крыма, это—ужъ не

царство кочевника-ногайца, когда-то завоевавшаго страну своею плетью и колчаномъ стрѣлъ, а царство древняго поселянина Крыма—грека, итальянца, гота, которые сохранили подъ му-



Успенскій скитъ въ скалѣ (въ Крыму).

сульманскою шапкою и при татарскомъ языкѣ свои родные вкусы садовника, рыбака и винодѣла...

Истиный Крымъ—не Крымъ степной орды, а Крымъ горныхъ долинъ и южныхъ мор-

скихъ береговъ. Тамъ уже не общій характеръ Новороссійской или Прикаспійской степи, а разнообразный живописный пейзажъ итальянскаго или малоазіатскаго горнаго приморскаго юга. Тамъ тѣснота, красота, своеобразность, неожиданность. Тамъ рѣки, лѣса, моря и скалы, глубокія долины и заоблачныя пастбища. Тамъ многолюдныя богатыя селенія и развалины древностей, виноградъ и кипарисъ, олива и смоковница, грушевые сады и табачныя плантаціи. Тамъ домашній буйволъ и дикій олень, форель ручьевъ и устрица моря. Тамъ всѣ языки, всѣ религіи, всѣ племена и промыслы, обломки всевозможныхъ вѣковъ и народовъ собраны въ тѣсныхъ предѣлахъ одного крымскаго края, словно въ своего рода драгоцѣнный музей историческихъ этнографическихъ и естественно-научныхъ рѣдкостей.

Оттого то Крымъ такъ привлекателенъ и намъ русскимъ, и иностранцамъ. Рѣдко въ какомъ другомъ мѣстѣ на такомъ ограниченномъ пространствѣ можно изучать исторію нѣсколькихъ царствъ, археологію нѣсколькихъ цивилизацій, этнографію самыхъ разнообразныхъ племенъ. Генуэская крѣпость Цимбало въ какихъ-нибудь 15 верстахъ отъ древняго эллинскаго и греческаго Херсонеса, а столица готовъ Манкопія всего въ 5—6 верстахъ и отъ Бахчи-Сарая, «дворца садовъ» Менгли Гирея, и отъ ветхозавѣтнаго Киркора караимовъ.

Въ какомъ-нибудь Эски-Керменѣ—пещеры доисторическихъ троглодитовъ, а рядомъ, въ Инкерманѣ, въ Успенскомъ скитѣ—памятники перваго христіанства, первыхъ проповѣдниковъ и первыхъ мучениковъ. Татарская мечеть, еврейская синогога, караимская синагога, армянская церковь, католическій храмъ, лютеранская кирка, молельня менонита и молокана,—все это въ Крыму существуетъ вмѣстѣ, подобно тому какъ въ его гаваняхъ перемѣшиваются между собою звуки русскаго языка съ турецкимъ, греческимъ, еврейскимъ, армянскимъ, итальянскимъ и проч.

Въ Крыму нерѣдкость видѣть даже простонародье, которое говоритъ на трехъ языкахъ. Съ другой стороны, отправтесь отъ моря, съ его дельфинами, кефалью, устрицами, крабами и полипами, черезъ теребинты и кипарисы берега, черезъ лѣса шелковицъ и орѣховъ, одѣвающіе южные скаты, черезъ сосновый высокоствольный боръ, пріютившійся еще выше, въ буковые и грабовые лѣса Яйлы и потомъ въ низкорослую поросль можжевельника, одѣвающую вершины, въ ихъ заоблачныя пастбища, съ снѣговыми пещерами, не тающими круглое лѣто,—и вы воочію познакомитесь почти со всѣми поясами земной растительности, съ фауной моря, лѣса и горъ, не сворачивая съ какого-нибудь одного Узеньбашскаго перевала...

Проѣзжая внимательнымъ наблюдателемъ по дорогамъ южнаго берега, вы, не слѣзая съ коня, читаете цѣлый практическій курсъ геологіи, потому что у васъ на глазахъ вся жизнь и исторія горнаго хребта, поднявшаго изъ нѣдръ земныхъ свои куполы діорита и порфира, перевернувшаго мимоходомъ нептуническіе пласты, гдѣ совсѣмъ вертикально, гдѣ угломъ, гдѣ самыми капризными изгибами, прокалившаго также мимоходомъ слои глины въ хрупкій и звонкій грифель огнемъ своей расплавленной массы...

Вы можете нѣсколько лѣтъ изучать по книгамъ геологію въ черноземной равнинѣ Россіи и не получить дисятой доли того яснаго и наглядваго представленія о ней, какое дается вамъ нѣсколькими часами ѣзды по природному геологическому музею горнаго Крыма.

Русскому Крымъ вдвое интереснѣе, чѣмъ всякому другому. Кромѣ того, что онъ «свой», кромѣ того, что жителю однообразной и голой равнины особенно вдиковинку все это крымское разнообразіе и вся эта крымская живописность,—русскому Крымъ еще интересенъ исторически. Въ Крыму совершались подвиги его первыхъ князей, подвиги его удалого казачества, первые смѣлые шаги ея торговли. Въ Крыму началось русское христіанство, въ Крыму нѣсколько вѣковъ гнѣздился грозный врагъ Россіи, сосавшій ея кровь, обращавшій южныя области Россіи въ безлюдную пустыню и такъ долго не дававшій необходимаго ей доступа къ южнымъ морямъ... Словомъ, почти все тысячелѣтіе своей исторіи Россія была тѣсно связана съ Крымомъ въ своихъ судьбахъ,—связана славою и страданіями, торговлею и войною...



Симферополь и перевалъ черезъ Яйлу.

Когда грубые французскіе воины 15 вѣка впервые «открыли» утонченную роскошную Италію, съ ея райскимъ климатомъ и чудными памятниками искусства, они, конечно, не почувствовали такъ сильно разницы между тѣмъ, что они знали прежде и что открылось вдругъ передъ ними, какъ чувствуетъ это житель русскаго поля, русскаго лѣса, попадая въ горный Крымъ черезъ волшебные перевалы Чатырдага или Байдара.

Сзади его, въ его воспоминаніяхъ, гладкая сплошная равнина расплывающагося чернозема, на которомъ не остается никакихъ слѣдовъ прошлаго, ни каменнаго замка, ни твердаго очертанія скалъ и обрывовъ, ни прочной исторической формы; навозное и соломенное царство, изъ году въ годъ выгорающее, сегодня вырастающее, сегодня и гніющее, какъ вырастаетъ и гніетъ все выносливая ракита, это самое русское изъ всѣхъ русскихъ деревьевъ.

Впереди его, кругомъ его—совсѣмъ не то.

Здѣсь негніющій, пропитанный бальзамическою смолою кипарисъ, живущій столѣтія, сохраняющій въ теченіе столѣтій даже муміи мертвыхъ, сосредоточенный, сжатый во кругъ самого себя въ ощетинившійся зонтикъ, вѣчно зеленый и вмѣстѣ вѣчно траурный, вѣчно неподвижный сторожъ восточныхъ кладбищъ... Коренной житель сухого Афганистана, онъ перебрался сюда, на раскаленные камни береговыхъ скалъ, такъ напоминающіе ему родную Азію, еще въ то далекое время, когда первые финикійскіе мореплаватели и легендарные аргонавты, не зная ни пара, ни компаса, смѣло отдавались суровымъ божествамъ моря, отыскивая новыя земли и новыя богатства.

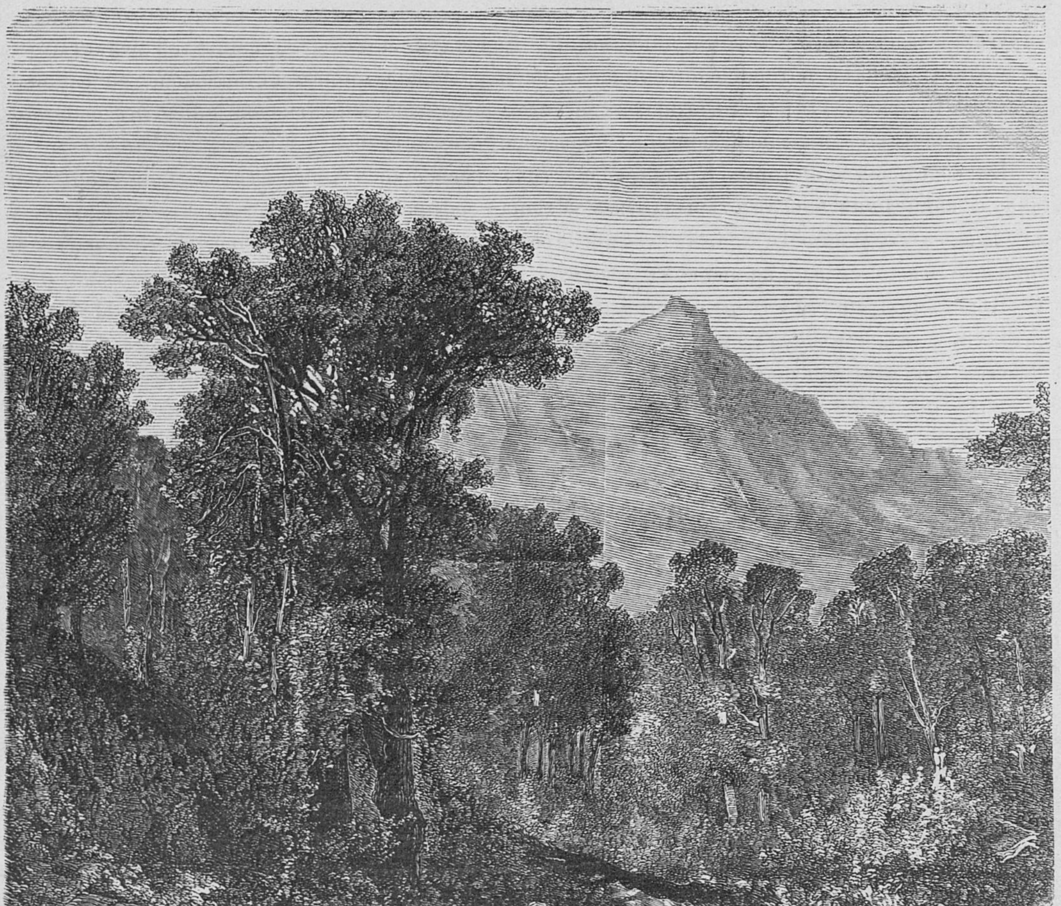
Можетъ быть и здѣсь эти темные, печальные монахи растительнаго міра сторожатъ великое историческое кладбище погибшихъ царствъ, изчезнувшихъ народовъ...

Здѣсь не одинъ кипарисъ, здѣсь все негніюче, вѣковѣчно. Теребинтъ съ своею вязкою душистою струею терпентина, желѣзное дерево тисса, бѣлая и непроницаемая, какъ кость, древесина самшита, этой мнимой «пальмы» кавказцевъ, красное какъ кровь, голое, словно изъ мрамора выточенное, дерево арбутуса.

Все здѣсь разрастается роскошно и живетъ вѣка. Орѣховыя деревья—три сажени въ обхватъ—помнятъ первыхъ гиреевъ, грековъ и генуэзцевъ—это орѣхи Массандры, Алупки, Сюреня, знаменитый орѣхъ Уркусты, дававшій при Палласѣ до 100,000 орѣховъ ежегодно. Подъ вѣтвями такихъ орѣховъ цѣлыя селенія собираются на домашній судъ, на мѣстный праздникъ. Цѣлое семейство живетъ доходомъ съ одного такого дерева. Встрѣчаются такіе же многовѣковые дубы, въ томъ числѣ и чернильные, и драгоцѣнные пробковые; такіе же древніе и громадные каштаны, смоковницы, шелковицы, лавры и масличныя деревья...

Маслина не даромъ стала любимымъ деревомъ всего Черноморскаго и Средиземнаго побережья; не даромъ она для грека, итальянца, провансальца—то же, что кормилица-рожь, что матушка-капустка для русскаго человѣка. Ея вѣчная зелень и несокрушимый многовѣковой стволъ противятся всякимъ морскимъ бурямъ и не боятся никакой засухи. Еще сѣкиры гомеровскихъ героевъ насаживались на молодые стволы маслины. Изъ узловатаго сука маслины и палица страшнаго циклопа. А Ѳеокритъ даже Геркулесову дубину дѣлаетъ изъ масличнаго дерева. Вѣтвями маслины вѣнчались побѣдители Олимпійскихъ игръ, и эта награда мирныхъ состязаній сдѣлалась у всѣхъ народовъ эмблемою мира и гражданскихъ доблестей. Маслины древности, знакомыя и Крыму, такъ громадны, считаются символомъ такой несокрушимости, что Одиссей даже свое брачное ложе устраиваетъ на пнѣ старой маслины...

Но, конечно, душистый и сытный сокъ масличной ягоды привлекаетъ къ себѣ южнаго человѣка еще болѣе, чѣмъ твердость ея дерева. Французы называютъ провансальцевъ «mangeurs des olives». Грека, итальянца вы на всякомъ шагу увидите глотающаго съ апетитомъ черныя оливки и прихлебывающаго изъ стаканчика золотистое прованское масло. Оно не даромъ и у насъ считается самымъ чистымъ, почти священнымъ, такъ что худшій сортъ его горитъ въ нашихъ лампадкахъ передъ образами, наравнѣ съ чистымъ воскомъ пчелы.



Видъ близъ Алупки

Еще верховная богиня грековъ — Гера, жена Зевса, для соблазна своего божественнаго супруга, развлекаемаго разными Данаями, Іо, Европами, Ледами, — услаждается душистымъ масломъ оливы, запахъ котораго «проникаетъ небо и землю». Монотеисты евреи, на самой зарѣ своихъ историческихъ и религіозныхъ легендъ, возжигаютъ оливковое масло въ своихъ лампадахъ, наливаютъ имъ жертвенники, смазываютъ имъ тѣло и ѣдятъ его за столомъ.

Въ собственной исторіи Крыма, извѣстная гражданка Херсонеса, Гликія, дочь богача Ламаха, вышедшая впослѣдствіи замужъ за сына босфорскаго царя Ассандра, ежегодно устраивала роскошное угощенье херсонесскому народу въ день смерти своего отца, причемъ вино и оливковое масло стояли на первомъ мѣстѣ.

Вѣковѣчная прочность отличаетъ не одну растительность Крыма. Каменный остовъ крымскихъ горъ, въ противуположность вѣчно измѣнчивой наплывной почвѣ русской равнины, состоитъ изъ известняковъ, болѣе крѣпкихъ, чѣмъ мраморъ, изъ діорита, серпентина, порфира, которыхъ не въ силахъ сглодать даже море, даже время. Каждая капризная складка скалъ, повидимому, сквозная и воздушная, въ такомъ же видѣ стояла и была описана вѣка назадъ. Даже утлое жилище человѣка здѣсь уже не утлое, а переживаетъ цѣлое тысячелѣтіе и стоитъ такимъ же неизмѣннымъ памятникомъ прошлаго, какъ и утесъ, на которомъ торчитъ оно. Генуэзскіе замки, древніе греческіе храмы, готскія башни вѣнчаютъ каждый мысъ морского берега, охраняютъ перевалы и входы долинъ. Загадочные городки караимовъ съ ихъ могильными памятниками, поставленными еще до Р. Х., прячутся на недоступныхъ столовыхъ горахъ. Даже доисторическій человѣкъ каменнаго и пещернаго періода оставилъ въ Крыму до сихъ поръ сохранившіяся груды череповъ на недосягаемыхъ вершинахъ...

Но, конечно, было бы очень мало причинъ придавать такую цѣну Крыму, еслибы все значенье его ограничивалось оригинальностью, разнообразіемъ и многочисленностью памятниковъ прошлаго.

Въ нашъ вѣкъ суровыхъ экономическихъ вопросовъ и отъ страны, какъ отъ человѣка, прежде всего требуются практическія силы, способности къ работѣ, источники дохода. Какъ бы ни былъ привлекателенъ эстетическій или археологическій обликъ края, все-таки трезвая правда жизни заставила бы предпочесть ему менѣе поэтическія, но болѣе обильныя мѣстности.

Но Крымъ одаренъ природою на столько роскошно, что и въ отношеніи экономическомъ является одною изъ выгоднѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ Россіи. Мы только что указали на его древнее обиліе, какъ на главную причину его ранняго заселенія и продолжительности его исторіи. Путешественники разныхъ вѣковъ постоянно отзываются о немъ съ величайшею похвалою въ этомъ смыслѣ. Но намъ особенно интересно убѣдиться, что и въ послѣднее время нашъ Крымъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ и плодородіемъ.

Вотъ что говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ описателей его въ 1787 году, т. е. спустя всего четыре года послѣ присоединенія его къ Россіи: «я видѣлъ татарина, засѣвающаго невспаханное и неунавоженное поле. Какъ скоро дождь смягчилъ землю, то онъ запрягъ лошадь въ борону, сѣлъ на нее и, повѣсивъ черезъ плечо корзинку съ сѣменами, сѣялъ ихъ проѣзжая. Черезъ два мѣсяца онъ сжалъ хлѣбъ, прогналъ скотину свою по снопамъ, вывѣялъ его на томъ же полѣ, отвезъ ночью въ ближайшій портъ и на другой день возвратился въ нѣдра своего семейства съ горстью піастровъ».

Знаменитый ученый изслѣдователь Крыма и Кавказа, Дюбуа де Монпере, оставившій намъ многотомную классическую книгу свою Voyage autour du Caucase et en Crimée и при ней драгоцѣнный атласъ, подробно описываетъ въ 6-мъ томѣ своего замѣчательнаго труда слѣды сельско-хозяйственной дѣятельности древнихъ жителей Крыма, которые онъ видѣлъ даже въ первой половинѣ XIX столѣтія.

На пространствѣ одного небольшого совершенно пустыннаго теперь полуострова, который тянется отъ Севастополя до Балаклавы, отдѣляясь отъ остального Крыма Черною рѣчкою и

двумя бухтами, Балаклавской и Севастопольской, и который въ древности назывался Трахейскимъ по каменистости почвы своей, и Гераклейскимъ по имени гераклейцевъ, основавшихъ на немъ когда-то славный Херсонесъ,—Дюбуа нашелъ явственные слѣды 12 отдѣльныхъ деревень и 300 загородныхъ домовъ херсонесцевъ. Земля же, оставшаяся отъ поселенія, обнаруживала признаки высокой садовой обработки. Поэтому Дюбуа убѣжденъ, что виноградъ и фрукты производились здѣсь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Во многихъ мѣстахъ этого полуострова еще въ 40-хъ годахъ встрѣчались основанія большихъ четырехъ-угольныхъ оградъ, паралельныхъ стѣнъ, и даже цѣлыхъ искусственныхъ террасъ, среди которыхъ была насыпана мягкая садовая земля, и еще оставались одичалыя «смоковницы» и изсохшіе виноградные корни огромной толщины. На одномъ только хуторѣ близъ Севастополя найдено 7 древнихъ колодцевъ, изъ которыхъ и до сихъ поръ можно доставать воду.

Въ другомъ сосѣднемъ хуторѣ, на курганѣ, открыто большое строеніе, сложенное изъ циклопическихъ камней, и въ немъ—древній колодезь съ прекрасною водою. Огромное множество колодцевъ и цистернъ открывается и въ другихъ развалинахъ и оградахъ древнихъ херсонскихъ жилищъ, иногда даже до 60 аршинъ глубиною.

Ближе къ Севастополю найдены даже остатки цѣлаго древняго водопровода, который признаютъ за пресловутый водопроводъ Корсуня, перекопанный во время осады великимъ княземъ Владиміромъ, крестителемъ Руси. Огромный бассейнъ, около 300 квадратныхъ саженей пространствомъ, и гончарныя водопроводныя трубы, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ на покатостяхъ въ направленіи къ древнему Корсуню, не оставляютъ сомнѣнія въ значеніи этой важной гидротехнической работы.

Точно также находятъ слѣды прекрасныхъ шоссированныхъ дорогъ, каменныхъ пристаней на морскомъ берегу, даже вполнѣ уцѣлѣвшіе «тарапаны», т. е. долбленныя каменныя вмѣстилища съ отверстіями, въ которыхъ давилось вино каменными прессами, и зарытые въ землю громадные сосуды изъ превосходно выжженной глины въ формѣ гиганскихъ кубановъ, иногда въ ростъ человѣка. Въ такихъ сосудахъ сохранялось древними греками вино и оливковое масло. И не въ однихъ окрестностяхъ Херсонеса сдѣланы подобныя открытія. Можно сказать, нѣтъ уголка на южномъ берегу и даже въ самыхъ глубокихъ горныхъ долинахъ, въ которыхъ бы не было поразительныхъ слѣдовъ трудолюбиваго и широко распространеннаго хозяйства древнихъ, въ видѣ тѣхъ же амфоръ, цистернъ, оградъ и пр., особенно же въ видѣ одичавшихъ садовыхъ деревьевъ всякаго рода. «Цѣлые лавровые сады» извѣстный академикъ Палласъ засталъ въ Алупкѣ, у Кара-Тепе и въ другихъ мѣстахъ, посѣтивъ Крымъ въ концѣ 18 столѣтія. «Прелестная долина Симеиза,—по его словамъ,—была покрыта старыми оливковыми и гранатными деревьями и прекрасными фруктовыми садами. Въ Кикилеизѣ даже на горахъ по срединѣ лѣса растутъ въ изобиліи въ дикомъ состояніи терпентинное дерево и всѣ сорты фруктовыхъ деревьевъ. На каждомъ шагу встрѣчаются фиговыя, гранатовыя и масличныя деревья, растущія между скалъ въ дикомъ состояніи, безъ всякой культуры». Такіе же несомнѣнные слѣды садовъ, между прочимъ шелковичныхъ деревьевъ, находили путешественники 18 вѣка около стараго Крыма, близъ Сюрени и проч. И теперь еще путешественникъ встрѣчаетъ множество одичавшихъ виноградныхъ лозъ, грушъ, шелковицъ и другихъ культурныхъ деревьевъ въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ порosляхъ, вдали отъ теперешнихъ дорогъ и жилищъ. Весною, когда лѣса еще голы, бѣлый цвѣтъ одичавшихъ плодовыхъ деревьевъ ярко выдѣляется даже издали.

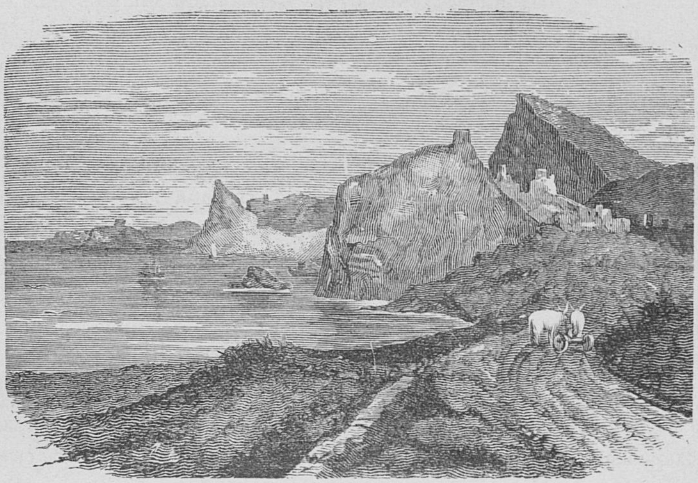
Не даромъ Палласъ говоритъ, что крымскіе лѣса зачастую ни что иное какъ фруктовые сады, оставленные на произволъ судьбы древними жителями. Около татарской деревни Ташъ-Баксанъ-Сюрени недавно даже найдено среди густой лѣсной растительности, не сохранившей никакихъ наружныхъ слѣдовъ жилищъ, пять винныхъ тарапановъ, высѣченныхъ прямо въ природной скалѣ.

Очевидно, что въ древности хозяйственная дѣятельность Крыма была несравненно шире и энергичнѣе, чѣмъ теперь въ рукахъ полусоннаго татарина и неумѣлыхъ русскихъ поселенцевъ.

Еще Мартинъ Броневскій, посолъ польскаго короля, писалъ въ 16 столѣтіи о мѣстности между Белобекомъ и Севастополемъ: «на этомъ перешейкѣ видны многочисленные и превосходные фруктовые сады и виноградники, насаженные нѣкогда греками». Въ настоящее же время это—голая и безотрадная мѣстность, нисколько не напоминающая цвѣтущаго сада.

Вообще вездѣ, гдѣ жили древніе греки, готы и генуэзцы, садоводство и винодѣліе составляли главный промыселъ. Въ Сугдаѣ, древнемъ русскомъ Сурожѣ, т. е. нынѣшнемъ Судакѣ, генуэзцы ужъ застали изстари укоренившееся винодѣліе. Судакскіе виноградники простирались болѣе, чѣмъ на двѣ мили кругомъ городка, и судакское вино считалось лучшимъ виномъ. Въ Москву постоянно отправлялось вино изъ Сурожа, за которымъ нарочно пріѣзжали русскіе купцы. По словамъ Пейсонеля, еще въ XVIII столѣтіи одни украинскіе казаки вывозили изъ Крыма до 100,000 ведеръ прекраснаго крымскаго вина.

Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что винодѣліе развилось въ Крыму въ глубокой древности, служитъ замѣчательный археологическій памятникъ, относящійся ко вре-



Судакская бухта.

менамъ херсонесской республики и открытый среди развалинъ Херсонеса. На лицевой сторонѣ бѣлаго мраморнаго памятника изсѣчена по-гречески надпись: «Народъ—Агазиклектею». И тутъ же, въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ листьевъ, при перечисленіи достоинствъ этого Агазиклектеса и заслугъ, оказанныхъ имъ республикѣ, прибавлено: «ему, который привелъ въ цвѣтущее состояніе воздѣлыванье виноградной лозы въ деревняхъ».

Понятно послѣ этого, почему одичавшая виноградная лоза въ крымскихъ лѣсахъ достигаетъ такихъ громадныхъ размѣровъ. М. Кастельно въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія встрѣчалъ лозы до 3 футовъ (т. е. почти $1\frac{1}{2}$ аршина) толщины. Могучіе стволы такой виноградины поднимаются на высоту самыхъ огромныхъ деревьевъ и, задушивъ ихъ своими объятіями змѣи-удава, нерѣдко обламываютъ или изсушаютъ ихъ, а сами снова ниспадаютъ до земли и снова перебрасываются на сосѣднія деревья, переплетая ихъ капризными извивами своими, словно канатами.

Первые администраторы, ученые и путешественники, познакомившіеся съ Крымомъ, около временъ присоединенія его, застали у татаръ многія такія страсли хозяйства, которыя сулили

блестящую будущность, но къ сожалѣнію, однако, вовсе исчезли съ теченіемъ времени. Такъ французскій консулъ Пейсонель пишетъ, что въ половинѣ XVIII столѣтія около Бахчисарая разводился съ большимъ успѣхомъ рисъ. «Главный муфтій Крыма посѣялъ въ 1775 г. на сырой и болотистой землѣ, въ устьяхъ р. Качи, много рису и такъ усовершенствовалъ его производство, что теперь получаетъ отъ рисовыхъ полей своихъ 10,000 экю чистаго дохода». Пейсонель прибавляетъ при этомъ: «если и прочіе землевладѣльцы послѣдуютъ примѣру муфтія, то Крымъ станетъ скоро производить столько рису, что будетъ не только снабжать имъ всѣхъ своихъ жителей, но и вывозить его за границу».

А вотъ что говоритъ о прежнихъ сельскохозяйственныхъ опытахъ и сельскохозяйственной будущности Крыма такой здравомыслящій и проницательный человѣкъ, какъ знаменитый натуралистъ академикъ Палласъ, самъ бывшій, въ концѣ 18 столѣтія, землевладѣльцемъ Крыма. Въ прежнее время, пишетъ онъ, культивировали въ Крыму съ большимъ успѣхомъ кунжутъ;



Бахчисарай.

культуру его было бы чрезвычайно полезно возстановить снова, равно какъ и культуру хлопчатника. Старшій хирургъ Синчельскій, ревностный ботаникъ, ввелъ очень успѣшно разведеніе сибирскаго ревеню въ Акъ-Мечети. Но никто еще до настоящаго времени не дѣлалъ опытовъ къ разведенію, въ большихъ размѣрахъ, хлопчатника, шафрана и марены, тогда какъ воздѣлываніе этихъ растеній въ Крыму могло бы принести большія выгоды. Можетъ быть, было бы возможно также воздѣлывать и сахарный тростникъ въ южныхъ долинахъ отъ Алупки до Ялты».

Вообще, по мнѣнію Палласа, «полуостровъ Крымъ по своему географическому положенію, по климату и по натурѣ своей почвы, *единственная страна въ Россіи, въ которой могутъ быть съ большею легкостью водворены всѣ произведенія Греціи и Италіи.* Въ ней легко водворить воспитаніе шелковичнаго червя, культуру винограда, кунжута, оливы, хлопчатника, марены и другихъ полезныхъ растеній для многихъ родовъ производства».

Шелководство еще изстари процвѣтало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма, напр. въ Алупкѣ, въ Б. Ламбатѣ; вокругъ заштатнаго теперь городка Эски-Крыма, между Симферополемъ и Ѳеодосіей, который до основанія Бахчи-Сарая въ 15 вѣкѣ, былъ многолюдною и богатою столицею татаръ, находились въ прежнее время обширные тутовые сады, истребленные потомъ почти до основанія татарами.

Князь Потемкинъ обратилъ вниманіе на это прошлое стараго Крыма, приказалъ устроить въ немъ особое заведеніе для воспитанія шелковичныхъ червей и вновь развести повсюду тутовыя плантаціи. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ былъ даже вызванъ изъ Милана, въ качествѣ директора шелковичнаго заведенія, графъ Парма.

Палласъ считаетъ горныя долины южнаго берега, отъ Фороса до Козъ и Отузъ, самою драгоцѣнною частью не только Тавриды, но и всей имперіи; климатъ ихъ, по его мнѣнію, тотъ же, что въ Анатоліи и Малой Азіи. Онъ думаетъ, что даже апельсины, лимоны и особенно померанцы могли бы переносить зиму этихъ укрытыхъ долинъ, только подъ самымъ небольшимъ покровомъ; а фиги, оливы, гранаты могли бы достигнуть самаго высокаго качества. «Многія превосходнѣйшія аптекарскія и красильныя растенія, которыя теперь еще получаются изъ Архипелажскихъ островoвъ, изъ Греціи, изъ Малой Азіи и Персіи, могутъ быть разводимы очень успѣшно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ уже растутъ въ Крыму въ дикомъ состояніи».

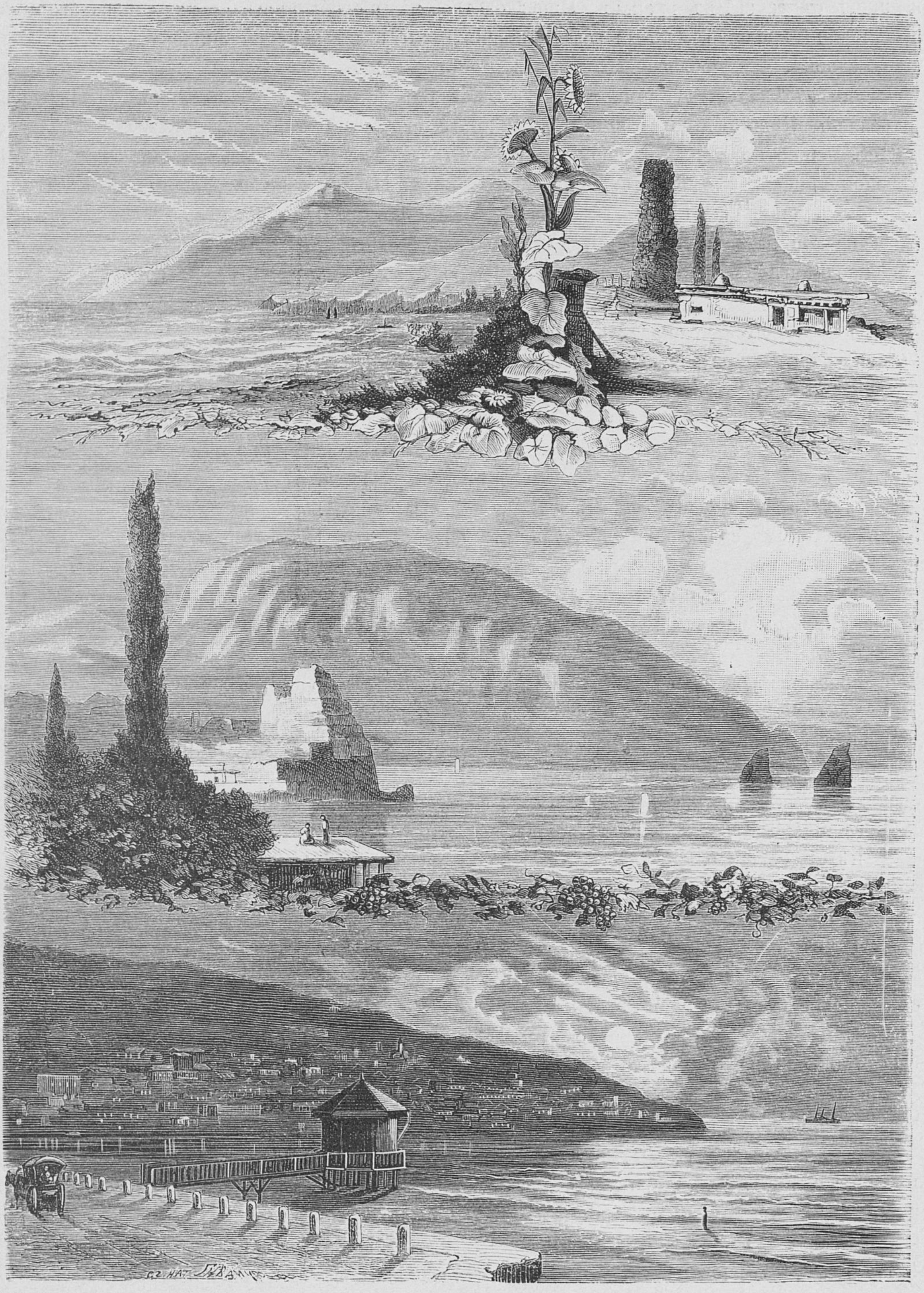
Извѣстный русскій патріотъ адмиралъ Мордвиновъ, потомству котораго доселѣ принадлежатъ богатѣйшія многочисленныя мѣстности Крыма, перешедшія къ нему, насколько извѣстно, отъ Потемкина Таврическаго, подалъ въ 1802 году императору Александру Благословенному замѣчательное «мнѣніе» свое о Крымѣ, въ которомъ онъ приписываетъ упадокъ крымскаго садоводства неблагоразумному выселенію изъ горнаго Крыма при императрицѣ Екатеринѣ II-й грековъ и армянъ, поселенныхъ правительствомъ, изъ политическихъ видовъ въ Маріуполѣ и Нахичивани.

«Крымъ пришелъ въ упадокъ съ тѣхъ поръ, когда вывели изъ горной части христіанъ, и татары вошли въ ихъ сады и мѣста,—говоритъ Мордвиновъ.—Какова есть польза раздавать земли садовые незнающимъ ихъ обработывать?

«Тавриду нѣкогда узрѣть вожделенно было изобилующую виноградомъ, маслиною, померанцами и прочими богатѣйшими для имперіи Россійской произведеніями; ненаселенный же Крымъ, не просвѣщенный, не оживленный трудомъ и искусствомъ, но скудный, дикій, унылый, ускоряющійся къ своему ничтожеству,—пребывать уже на вѣки долженствуетъ во убыточенье и бремя державной Россіи»,—заканчиваетъ патріотъ-адмиралъ, словно онъ еще тогда провидѣлъ то печальное состояніе, въ которое впадетъ Крымъ черезъ 80 лѣтъ.

Желанія и усилія немногихъ благоразумныхъ людей не привели однако Крымъ ни къ какому доброму результату. Невѣжественное чиновничество и невѣжественные русскіе землевладѣльцы пошли скорѣе по стопамъ татаръ, вырубившихъ шелковицы и забросившихъ оливковые сады и виноградники, чѣмъ по слѣдамъ тѣхъ просвѣщенныхъ древнихъ жителей, отъ которыхъ уцѣлѣли тысячелѣтнія маслины, которые сумѣли при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ пересадить въ долины Крыма самыя полезныя и рѣдкія произведенія Востока и Юга.

Однако нѣкоторыя важныя отрасли садоводства укоренились прочнымъ образомъ въ Крыму, хотя и далеко не достигли той степени развитія, на которое можно было расчитывать по природнымъ условіямъ Крыма. Такъ, винодѣліе усиліями правительства и нѣкоторыхъ образованныхъ владѣльцевъ въ управленіе князя Воронцова вновь возродилось на всемъ южномъ берегу Крыма, а изъ Судакской, Качинской и другихъ долинъ, гдѣ оно уцѣлѣло изстари, проникло даже въ полустепныя мѣстности Крыма, въ его сѣверныя предгорья. Точно также табаководство и фруктовые сады, хотя медленно и не особенно успѣшно, но все-таки распро-



Алуштинскій заливъ. Аю-дагъ со стороны Гурзуфа. Алушта.
Ялтинскій заливъ.

Виды Крыма.

странились съ теченіемъ времени. Производство же шелковичнаго червя, оливковаго масла, сухихъ южныхъ плодовъ для вывоза и прочія отрасли садовой промышленности, частію уже существовавшія, частью легко возможныя,—остановились совершенно.

Одною изъ главныхъ причинъ такого застоя нужно считать узкій канцелярскій взглядъ на управленіе Крымомъ со стороны ближайшихъ его правителей послѣднихъ десятилѣтій; они оказались далеко не по плечу своей высокой задачѣ, и не могли слѣдовать по пути тѣхъ мудрыхъ экономическихъ мѣръ, которыми Мордвиновъ, Палласъ, князь Воронцовъ и подобные имъ просвѣщенные умы стремились возродить благосостояніе Крыма. Крымъ, можно сказать, застылъ на той ступени, на которую его подняли благотворныя усилія замѣчательнаго государственнаго человѣка и патріота въ лучшемъ смыслѣ слова,—покойнаго князя М. С. Воронцова.

Князь Воронцовъ положительно создалъ южно-бережное винодѣліе, какъ собственнымъ примѣромъ, такъ и раздачею небогатымъ хозяевамъ мелкихъ казенныхъ участковъ въ Магарачской дачѣ, подъ условіемъ разведенія въ нихъ винограда. Онъ даже снабжалъ хозяевъ лозами изъ своихъ собственныхъ садовъ и перенесъ на почву Крыма много новыхъ дорогихъ сортовъ винограда изъ разныхъ мѣстностей Европы, не говоря уже о вызовѣ знающихъ спеціалистовъ и всякихъ другихъ поощреніяхъ этого промысла.

Въ 1812 году основанъ въ Никитѣ императорскій ботаническій садъ съ цѣлью акклиматизировать въ Крыму свойственныя его почвѣ растенія и снабжать ими мѣстныхъ владѣльцевъ. При садѣ было впослѣдствіи открыто Магарачское училище образцоваго винодѣлія. Всѣми этими мѣрами мѣстность отъ Аю-Дага до Ялты сдѣлалась главнымъ центромъ южно-бережнаго винодѣлія; извѣстныя вина Гурзуфа, Ай-Даниля, Магарача и Массандры добываются именно здѣсь.

Осуществившіяся до сихъ поръ скудныя попытки садоводства даютъ только приблизительный намекъ на то, какимъ сокровищемъ могъ бы стать Крымъ въ экономической жизни Россіи, еслибы и управители Крыма, и его хозяева, по энергіи и просвѣщенности своей, сдѣлались вполнѣ достойными своей задачи. Крымъ безъ труда могъ бы отбить у Греціи, Турціи, Леванта, Италіи, Южной Франціи, Испаніи торговлю многими драгоцѣнными продуктами, поглощающими теперь милліоны русскаго золота. Крымъ легко могъ бы стать поставщикомъ цѣлой Россіи оливковаго масла, табаку, вина, сухихъ и свѣжихъ фруктовъ, которыхъ расходится въ Россіи такое невѣроятное количество. Каперсовый кустарникъ растетъ въ дикомъ состояніи по всему южному берегу Крыма, особенно между Судакомъ и Алуштою, и плоды его ни въ чемъ не уступаютъ заграничнымъ каперсамъ, хотя почти никѣмъ не собираются. Ворсильная шишка, необходимая для суконныхъ фабрикъ и дорого покупаемая нашими фабрикантами во Франціи, заполоняетъ въ Крыму пустыри наравнѣ съ бурьянами и крапивою. Марена, шафранъ, ревень, множество цѣнныхъ душистыхъ травъ тоже растутъ повсемѣстно въ Крыму въ дикомъ состояніи.

Словомъ, каждый клочекъ южнаго Крыма, при разумной эксплоатаціи его, могъ бы сдѣлаться чрезвычайно доходнымъ. Незьзя забывать, что какой-нибудь одинъ фунтъ тѣхъ тонкихъ и рѣдкихъ продуктовъ, которые способны родить благословенная почва Крыма и благословенное солнце Крыма, бываетъ иногда дороже цѣлыхъ пудовъ грубаго сырья, доставляемаго нашими сѣверными равнинами. Какая-нибудь одна бутылка крымскаго муската стоитъ больше, чѣмъ цѣлая четверть русской ржи. Оттого и земля южнаго Крыма цѣнится уже не въ 10, не въ 20 и даже не въ 100 руб. десятина, какъ въ степяхъ и поляхъ России. Одна десятина виноградника стоитъ нѣсколько тысячъ, и даже голые пустыри и скалистые бугры нерѣдко продаются теперь по 1000 руб., по 500 руб. за десятину. Не говоримъ уже о дачной землѣ Ялты и ея окрестностей, цѣны которой доходятъ до 10, 24, и 36,000 руб. за одну десятину.

Удивляться этимъ цѣнамъ нельзя потому, что средняя доходность одной десятины виноградника бываетъ въ 400—500 руб. въ годъ. Грушевыя и яблочныя сады приносятъ въ Крыму доходу по нѣсколько тысячъ въ годъ; такъ, извѣстный садъ г. Алексіано на Бельбекѣ даетъ въ годъ 10, 12 и болѣе тысячъ.

Клочекъ табачной плантаціи, 3—4 орѣховыхъ дерева дѣлаютъ татарина зажиточнымъ. Правда почва горнаго Крыма, при всей благодарности своей, требуетъ необыкновенно тщательнаго ухода и затраты капитала. Этимъ объясняется, почему при такой поразительной выгодности крымскаго хозяйства только не болѣе 10 % всей способной къ обработкѣ земли обработаны до сихъ поръ въ горной части Крыма, и почему множество крымскихъ хозяевъ кончаютъ разореніемъ. Но это же служитъ еще лучшимъ доказательствомъ блестящей будущности Крыма. При высшемъ развитіи народной культуры, мыслимо только интенсивное хозяйство, а Крымъ—это именно страна, требующая самой интенсивной, сосредоточенной, глубокой разработки. Только очень дорогое хозяйство окупается въ Крыму; съ Крымомъ нельзя поступать по нашей излюбленной отечественной системѣ хозяйничанья на-авось, да на дурничку, рѣдко-рѣдко на расколотый грошъ... Если крымская десятина требуетъ тысячи для хозяйственнаго оборота, а наша русская только 5 руб., то за то же она и производитъ 300 ведеръ дорогого вина, а не 10 четвертей овса по 1 р. 50 к. за четверть.

Крымъ стоитъ хлопотъ, затратъ, ухода! Крымъ на столько же дороже всякаго другого края Россіи, на сколько драгоцѣнный камень дороже булыжника. Не даромъ Екатерина II назвала его, тотчасъ послѣ присоединенія, лучшею жемчужиною своей короны.

Крымъ не только великій кладъ производства, но и самое удобное поле сбыта. Онъ весь окруженъ морями, до такой степени, что только семиверстная ниточка Перекопскаго перешейка соединяетъ его съ материкомъ. Его глубокія и тихія бухты никогда не замерзаютъ. Въ обширномъ Севастопольскомъ рейдѣ, на 6 верстъ вдавшемся въ гористые берега, могутъ помѣститься флоты цѣлой Европы. Крымъ прилежитъ всѣми берегами и гаванями своими къ общей водной чашѣ, вокругъ которой лежатъ богатѣйшія страны свѣта, издревле бывшія полемъ торговли и источниками обилія. Онъ ближайшій сосѣдъ Анатоліи, Кавказа, Турціи и Греціи. Онъ—природный сторожъ со стороны Россіи, Дарданелъ и Суецкаго канала; онъ—природный торговецъ со Смирною, Трапезунтомъ, Кипромъ и Аѳинами. Не даромъ мимо его береговъ, со временъ глубокой древности, аргонавты ходили за золотомъ и новыми землями, ахеяне—за властью и славою. Не даромъ смѣлые торговцы древняго и средневѣковаго міра тѣснились на уютныхъ мысахъ и заливчикахъ этого крошечнаго полуострова, бились и спорили за него, покидая свою родину; не даромъ разрослась на весь міръ торговая слава Суража и Каѳы, и всесвѣтные торговцы—евреи, караимы, армяне, греки, итальянцы издревле явились сюда на промыселъ и сдѣлались туземцами Крыма еще на зарѣ нашей русской исторіи.

Только новый вѣкъ забылъ Крымъ и его богатства. Призрачная слава Севастополя,—этого «знаменитаго города» по переводу съ греческаго,—какъ всякая военная слава, какъ всякая выставка грубой и внѣшней силы, безслѣдно исчезла вмѣстѣ съ его бойницами, неподдержанная глубокими внутренними силами экономической жизни народа. Все созданное искусственно не имѣетъ корней, не имѣетъ плодотворнаго будущаго. Севастополь можетъ быть тогда только могучимъ и грознымъ защитникомъ русскихъ береговъ, когда его бухты будутъ кишѣть безчисленнымъ торговымъ флотомъ, а его окрестности зацвѣтутъ обиліемъ и многолюдствомъ главнаго греческаго предка его—Херсонеса таврическаго. Всѣ силы и помыслы Россіи должны быть устремлены теперь въ Крымъ. Крымъ оплотъ и владыка Чернаго моря, то есть всей торговой и политической будущности Россіи.

Только Крымъ разрѣшитъ вопросъ проливовъ. Здѣсь долженъ быть развитъ до громадныхъ размѣровъ нашъ торговый, а вмѣстѣ съ нимъ нашъ военный флотъ. Это будетъ вѣнецъ радужной политики. Изъ Крыма Россія будетъ владѣть всѣмъ сосѣднимъ Югомъ, Кавказомъ,

Арменіей, Балканскимъ полуостровомъ. Здѣсь ей удобнѣе всего встрѣтить Европу успѣхами своей промышленной жизни и своими торговыми силами, которыя вѣрнѣе одержатъ побѣду, чѣмъ неповоротливыя поповки. Отсюда она завалитъ Европу хлѣбомъ, рыбою, солью, шерстью; отсюда она отобьетъ отъ русскаго рынка Бургундію, Провансъ и Мессину. Это во всѣхъ смыслахъ нашъ «фронтъ» Европѣ и Азіи. Отсюда наши пути въ Индію и Китай, въ Египетъ и Америку.

Къ нимъ можемъ мы пробиться на свободу только черезъ Дарданелы, только изъ Крыма.

Безплодная сѣрая Балтика, полгода окованная льдомъ, отдана судьбами исторіи подъ охрану такихъ сосѣдей, съ которыми никогда не справиться намъ, которые всегда будутъ держать насъ въ торговомъ рабствѣ.

Дарданелы уже на половину пройдены нами; ихъ открываютъ намъ, въ нихъ толкаетъ насъ вся наша прошлая и настоящая исторія.

Не касаясь общихъ предметовъ русскаго сбыта, который могъ бы двинуться путемъ всегда доступныхъ крымскихъ портовъ, не касаясь громаднаго соляного производства Крыма, которое словно по заранѣе обдуманному плану соединяется съ такими же обширными добычами по берегамъ Крыма красной и мелкой рыбы, осетровъ, сельдей, кефали, не касаясь, наконецъ, широко развитаго тонкоруннаго и простого степного овцеводства и коневодства Крыма,—остановимся для примѣра только на той, повидимому, мелочной промышленности, которая составляетъ спеціальность собственно горнаго Крыма, на продуктахъ его разнороднаго садоводства.

До какой степени серьезные убытки несетъ ежегодно Россія вслѣдствіе дремоты и апатіи нашего южнаго садоводства, видно изъ слѣдующихъ данныхъ торговой статистики. Въ 1873 г. черезъ одинъ только Одесскій портъ, стало быть, въ ближайшій районъ сухопутной торговли Крыма, провезено было по вѣдомостямъ таможни: оливковаго масла около 242,000 пудовъ, на сумму до 2 милліоновъ рублей; оливокъ, изюму, миндалю, каштановъ, орѣховъ, винныхъ ягодъ, черносливу и др. сухихъ плодовъ и лакомствъ около 435,000 пудовъ, на сумму около 1.615,000 рублей, а всего—около 700,000 пудовъ, на сумму почти въ 4 милліона рублей. При томъ нужно замѣтить, что ввозъ этихъ продуктовъ въ настоящее время не уменьшился, а значительно увеличился; цѣнность же его, то есть размѣръ нашей потери, увеличилась еще болѣе.

Наша, повидимому, бѣдная Русь проѣдаетъ ежегодно десятки милліоновъ рублей на такъ называемыхъ «гостинцахъ» и «лакомствахъ», и потребность въ этихъ лакомствахъ разрастается съ поразительною быстротою. Беремъ на выдержку нѣсколько цифръ изъ IV тома сочиненія г. Бліоха («Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи», 1878 г.). Общій привозъ сухихъ фруктовъ изъ-за границы въ Россію, простиравшійся въ періодъ 1860—1862 г. до 261,000 пудовъ (что составляло по 4,6 пудовъ на 1,000 жителей) разрослось въ 1876 г. до 849,000 пудовъ (т. е. 11,1 пудовъ на 1,000 жителей). Въ этомъ числѣ не значится турецкихъ рожиковъ, ежегодный привозъ которыхъ самъ по себѣ равнялся въ 1850—59 г. 195,000 пудамъ, на сумму 203,000 рублей (3,24 пуда на 1,000 человѣкъ), а въ 1876 году—уже 919,000 пудамъ, на сумму 933,000 руб. (12,04 п. на 1,000). Миндалю и орѣховъ въ свою очередь привозилось ежегодно въ 1851—52 г.—195,000 пуд. (3,2 п. на 1,000) а въ 1876 г. 641,000 пуд. (8,4). Апельсиновъ, лимоновъ и померанцевъ привозилось въ 1869—71 г. 773,000 пуд. на сумму 1.588,000 руб. (10,7 пуд. на 1,000) а въ 1876 году дошло до 1.125,000 пуд. на сумму 3.504,000 рублей (51,1 п.).—Еще болѣе знаменательны данныя о ввозѣ къ намъ иностраннаго вина, табаку и пр. Въ 1857 г. разнаго винограднаго вина ввозилось въ Европейскую Россію 486,000 пудовъ; въ 1876 г. его уже ввозится 1.664,000 пудовъ или 2.217,000 ведеръ, т. е. вчетверо болѣе. За это вино одна только Франція, поставляющая менѣе $^1/_3$ всего количества, беретъ съ насъ 5 милліоновъ рублей. Съ этими цифрами возрастающаго ввоза къ намъ иностранныхъ винъ поучительно сравнить другія, приведенныя г. Бліохомъ, цифры о количествѣ внутренняго производства нашихъ винъ. Въ 1869 году, по исчисленіямъ Вильсона, до-

бывалось въ Россіи винограднаго вина болѣе 8 милліоновъ ведеръ; въ 1874 г. по исчисленіямъ Де-Ливрона, только отъ $4^1/_2$ до 5 милліоновъ.

Всякій пойметъ, какую роль въ измѣненіи этихъ цифръ можетъ играть хозяйственная энергія Крыма. Если не всѣ эти милліоны, переплачиваемые нами иностранцамъ, то во всякомъ случаѣ значительная часть ихъ могла бы, безъ всякаго сомнѣнія, остаться въ нашихъ собственныхъ рукахъ, еслибы разумныя правительственныя мѣры поощрили и поддержали предпріимчивость крымскихъ хозяевъ. Но для этого необходимо, чтобы Крымъ пересталъ считаться губерніей заурядъ. Крымъ необходимо поручить самымъ просвѣщеннымъ силамъ администраціи, которымъ бы были вполнѣ знакомы высшіе экономическіе и государственные вопросы, а не только обычная канцелярская рутина. Въ Крыму должно какъ можно шире развить способность частныхъ торговыхъ союзовъ и общихъ промышленныхъ предпріятій всякаго рода, освободивъ ихъ отъ бюрократическихъ стѣсненій и поддержавъ ихъ твердою системою кредита.

Крымскіе порты, крымскія дороги должны стать предметомъ особенной заботливости. Крымскому земству должны быть развязаны руки во всѣхъ его хозяйственныхъ мѣропріятіяхъ. При этихъ условіяхъ Крымъ сдѣлался бы дѣйствительнымъ средоточіемъ приморской жизни русскаго юга. Тутъ бы должна была явиться и лучшая школа моряковъ и богатѣйшія верфи. Тутъ самой природою должны бы были устроиться и великолѣпная академія садоводства съ образцовыми плантаціями и фермами, и академія художествъ, и академія натуралистовъ,—изслѣдователей флоры, фауны и пластовъ земныхъ, и институтъ восточныхъ языковъ...

При этомъ естественно поднимается вопросъ, можетъ ли нашъ сухой скалистый Крымъ возстановить свое древнее плодородіе и свое древнее торговое значеніе! Не истощилъ ли онъ всю свою силу живучести и роста въ теченіе своей долгой, болѣе 2,000 лѣтъ продожавшейся исторіи, какъ истощила свои внутренніе источники старая Греція, старая Азія? Не осужденъ ли онъ, какъ всѣ вообще изжившія свою жизнь страны, на постепенное, ничѣмъ не отвратимое, разрушенье отъ старческой болѣзни своего рода, отъ того историческаго «marasmus senilis», которому, какъ многіе думаютъ, подвержены не только народы, но и сама физическая природа?

Кто думаетъ такъ, тому лучше всего обратиться къ замѣчательному труду нашего замѣчательнаго ученаго, Виктора Гена, подъ заглавіемъ «Kulturpflanzen und Hausthiere». Талантливый авторъ посвящаетъ всю свою книгу блестящему фактическому опроверженію фаталистической теоріи изживанія странъ. Съ помощью своей глубокой филологической и исторической эрудиціи, онъ доказываетъ несомнѣнно, что человѣкъ, а не природа играетъ главную роль въ судьбахъ страны. Гордая вѣра автора въ могущество ума и цивилизацію человѣчества радуетъ и бодритъ сердце читателя, который отходитъ отъ книги Гена съ твердымъ убѣжденіемъ, что человѣкъ дѣйствительно самъ куетъ свое счастье, что роковой «loci Senium» Сенеки не существуетъ на дѣлѣ.

Не только «пластика и тихая прелесть растительности, характерныя формы ландшафта и животной жизни» составляютъ, по выводамъ Гена, продуктъ человѣческой цивилизаціи, но даже «само геологическое строеніе земли, на сколько оно вызвано измѣненіями органическаго покрова ея и зависящими отъ нихъ вліяніями свѣта и атмосферныхъ дѣятелей».

Каждая страна, по убѣжденію автора, въ своемъ настоящемъ состояніи есть результатъ долгаго и разнообразнаго культурнаго развитія. «Природа даетъ странѣ опредѣленное разстояніе отъ полюса, формацію почвы, географическое положеніе: все остальное есть дѣло обработывающей, сѣящей, распространяющей, искореняющей, направляющей, облагораживающей культуры».

«Почва сама по себѣ ничего не утеряла изъ своей творческой силы; она требуетъ только охраненія и помощи. Нужно только измѣнить людей, которые обитаютъ на ней». Этотъ мужественный взглядъ на значеніе собственныхъ усилій человѣка и на безконечную производи-

тельность природы долженъ ободрять и насъ русскихъ, въ неминуемо предстоящей намъ борьбѣ за возрожденіе древней культуры Крыма...

Но Крымъ не достаточно разсмотрѣть какъ любопытную богатую и торговую страну. Крымъ имѣетъ еще одно специальное достоинство, котораго одного достаточно бы было для его значенія. Крымъ—одна изъ рѣдкихъ въ цѣлой Европѣ, а у насъ положительно единственная «станція здоровья». Крымскіе старожилы недаромъ называютъ его «страною долголѣтія». Крымъ—природный цѣлитель недуговъ.

Воздухъ его на берегу моря необыкновенно мягокъ. Средняя годовая температура его 10, 11 и 12° тепла; а есть мѣстности южнаго берега, гдѣ морозы не бываютъ выше 2, 3° въ самый развалъ зимы. Рощи олеандровъ и магнолій растутъ круглую зиму безъ всякой покрышки въ Алупкѣ и др. мѣстностяхъ южнаго берега. Розы, фіалки, крокусы, шафранъ цвѣтутъ тоже круглую зиму. Зимой вы не перестаете видѣть зеленую траву, и вѣчно зеленые листья лавровъ, лавровишней, магнолій, маслинъ, миртовъ, фотиній, кипарисовъ, туній и множество другухъ растеній нерѣдко заставляетъ васъ забыть о времени года. Полукруглыя береговыя долины, загороженныя, какъ ширмами, отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокими хребтами Яйлы, доступныя теплому дыханію моря, къ которому прилегли онѣ, и широко открытыя лучамъ южнаго солнца, представляютъ своего рода природныя теплицы для нѣжныхъ растеній и для нѣжнаго здоровья. Въ долинахъ этихъ можно встрѣтить людей, которые 30 лѣтъ тому назадъ пріѣхали сюда умирать отъ безнадежныхъ грудныхъ болѣзней, а теперь бѣгаютъ по горамъ и не знаютъ простуды. Множество прелестныхъ дачъ возникло вокругъ Ялты, Алушты и другихъ мѣстностей берега не только потому, что ихъ вызвала очаровательная красота горъ и моря, но еще гораздо болѣе потому, что интересы здоровья издавна манятъ жителей непріютнаго русскаго сѣвера «на теплыя воды» крымскаго берега. Черезъ это разнообразіе населенія южнаго берега превосходитъ всякое вѣроятіе. Люди богатые воздвигаютъ дворцы, чтобы насладиться здѣсь дорогимъ отдыхомъ и обновить силы, надорванныя столичною роскошью и суетою; люди бѣдные кладутъ послѣдній грошъ, чтобы прожить въ этомъ цѣлебномъ воздухѣ, среди этой волшебной красоты, остатки своихъ трудовыхъ дней и поддержать надорванныя трудомъ силы. Въ Крыму лѣчитъ не одно морское купанье, не одинъ воздухъ моря съ его мягкостью и іодистыми испареніями; въ Крыму течетъ еще обильная цѣлебная струя винограда, душистаго и сочнаго, какого нѣтъ ни въ Швейцаріи, ни на Рейнѣ. Въ Крыму горные луга съ смолистыми травами и дикія кобылицы съ несокрушимымъ здоровьемъ даютъ обильный кумысъ, возстановляющій самый разстроенный организмъ. Въ Крыму соляныя грязи, излѣчивающія самыя застарѣлыя простуды. Но и кумысъ, и виноградъ, и море, все это еще не такъ важно само по себѣ, взятое въ отдѣльности. Главную цѣлебную силу составляетъ совокупность всѣхъ благопріятныхъ условій, которыя представляетъ жизнь на южномъ берегу. Ежедневно открытыя окна освѣжаютъ вѣяніемъ моря затхлую атмосферу жилья, ежедневно обстоящая кругомъ чудная картина горъ и моря, ласковое чарующее небо, охватывающее васъ мягкимъ голубымъ куполомъ, какъ объятіе доброй матери, проникающее насквозь своимъ тепломъ, своимъ спокойствіемъ душу и тѣло ваше; чудныя формы и краски на каждомъ шагу, сельская простота и откровенность жизни, простые люди кругомъ, здоровое движеніе, просторъ и свобода, свобода отъ шубы, отъ печки, отъ замуравленныхъ дверей и оконъ, отъ свѣтскаго и канцелярскаго рабства,—все это поневолѣ успокоитъ разслабленные нервы, убаюкаетъ какъ нянька на рукахъ капризную мечту, сладко напоитъ душу чувствомъ довольства и мира...

Тихая радость и тихая поэзія жизни незамѣтно, какъ весенніе цвѣты, взойдутъ въ сердце человѣка и помогутъ возрожденію его тѣла не меньше, чѣмъ возстановленное питаніе и прекратившійся кашель... Крымская жизнь зоветъ въ природу, даетъ природу, роднитъ съ природой всѣхъ отверженцевъ ея по необходимости и по невѣжеству.

Она заставитъ радостно двигаться того, кто привыкъ цѣлые дни корпѣть на стулѣ съ согнутой надъ бумагой спиною, она заставитъ широко дышать ту грудь, которая коптѣла, перхая и съеживаясь надъ чернильными испареніями... Въ Крымскомъ воздухѣ не можетъ быть хандры, не можетъ быть затворничества...

Не даромъ же Крымъ и дѣлается съ каждымъ днемъ все болѣе драгоцѣнною, все болѣе желанною дачею для цѣлой нашей имперіи. Все на перебой стемится сюда, припасть губами къ этой чашѣ красоты и здоровья. Цѣны дачъ, земель—растутъ съ баснословною быстротою. Что стоило 15 лѣтъ назадъ 300 рублей, то теперь стоитъ 10,000. Земля въ Ялтѣ, Алупкѣ, Массандрѣ, даже Алуштѣ, продается на аршины и сажени, на вѣсъ золота, какъ въ центрѣ Парижа и Лондона. Нельзя не сыпать тысячъ тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ кускомъ земли покупаешь красоту, поэзію, здоровье. Но и это стремленіе капиталовъ на южный берегъ ничтожно сравнительно съ тѣмъ, какое должно обнаружиться впослѣдствіи, когда мы, русскіе, поймемъ вполнѣ всѣ дорогія преимущества и особенности Крыма, когда возродившаяся экономическая жизнь края сдѣлаетъ доступными и удобными для жизни тѣ безчисленныя мѣстности южнаго берега, которыя еще не вышли изъ первобытной дичи своей. Пока еще $^{9}/_{10}$ южнаго берега—великолѣпная пустыня, которую подъ силу сносить только немногимъ, въ которой обычный типъ общественнаго человѣка не можетъ прожить даже короткое время. Далеко не всякому поэзія пустыни вознаградитъ ея лишенія.

Мы набросали общій портретъ Крыма, его физическихъ, историческихъ, экономическихъ, художественныхъ особенностей. Теперь намъ остается ближе познакомиться съ рельефными частностями горнаго Крыма, съ тѣми отдѣльными мѣстностями его, въ которыхъ эти особенности выражаются наиболѣе наглядно...

Если ѣхать со степи, изъ Россіи, по желѣзной или грунтовой дорогѣ, то только съ Симферополя начинается сколько нибудь горный Крымъ. Симферополь, губернскій городъ, Таврической губерніи, былъ созданъ изъ селенія Ахъ-Мечети съ административными цѣлями тотчасъ по присоединіи Крыма. Необходимо было подорвать значеніе старой татарской столицы Бахчи-Сарая перенесеньемъ изъ нея центра Крымской жизни и Крымскаго управленія.

Центральность Симферополя, его положеніе на распутьи между Перекопомъ, Евпаторіей, Бахчи-Сараемъ, Феодосіею и Керчью, и притомъ на рабежѣ степи и горъ, дѣлали выборъ его удачнымъ. Къ тому же горная мѣстность Бахчи-Сарая, густо населенная татарами, трудно доступная войскамъ, въ первое время русскаго владычества должна была казаться болѣе опасною, и потому ей предпочли почти степное положеніе Ахъ-Мечети. Но, собственно говоря, городъ Симферополь не представлялъ собою ни промышленнаго, ни торговаго, ни стратегическаго центра. Промышленность ютилась по горнымъ долинамъ, торговля—по берегамъ морей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Феодосія или Севастополь имѣли бы несравненно болѣе будущности и смысла въ качествѣ столицы Крыма. Нѣтъ также сомнѣнія, что при правильномъ устройствѣ Крыма, съ развитіемъ его торговли и промысловъ, съ господствомъ нашего флота на Черномъ морѣ, Севастополь неминуемо станетъ столицею Крыма, какъ онъ и былъ при грекахъ, какъ онъ былъ на дѣлѣ даже въ быстро-пролетѣвшее цвѣтущее время нашего Черноморскаго флота, въ эпоху Лазаревыхъ и Нахимовыхъ, пока не наступила роковая для него катастрофа. Поэтъ-сатирикъ заклеймилъ довольно зло это событіе извѣстными стихами:

Гдѣ изъ ботика сталъ флотикъ,
А изъ флотика сталъ флотъ,
— Только выпалъ черный годъ,
И остался только—ботикъ!...

Тѣмъ не менѣе мы твердо вѣримъ, что если можно было создать изъ ботика флотъ даже на Переяславскомъ озерѣ, даже на Воронежской верфи, то мы сумѣемъ создать его въ великолѣпныхъ гаваняхъ Севастополя.

Теперь Симферополь только приличный и милый губернскій городокъ, имѣющій исключительно административное значеніе. Онъ производитъ прекрасное впечатлѣніе своими опрятными каменными домиками подъ красною черепицей и своими рощами тополей, стоящими будто на чистенькомъ блюдцѣ, на зеленой степи, среди мягкихъ круглыхъ холмовъ; сейчасъ за нимъ заманчиво синѣютъ горы и вырѣзается характерный шатеръ Палатъ-Горы (Чатыре-Дага), до котораго однако 30 верстъ и который тѣмъ не менѣе виденъ въ ясную погоду еще изъ-за Перекопа, даже съ Молочной рѣчки... Съ Симферополя, вмѣстѣ съ холмами и утесистыми обрывами, начинается также область яблочныхъ, грушевыхъ и черешневыхъ садовъ и табачныхъ плантацій, которыми полны всѣ долины сѣверныхъ предгорій. Виноградъ также начинаетъ распространяться въ окрестностяхъ Симферополя все больше и больше.

Степная рѣчка Салгирь, обросшая садами, вырвавшись изъ живописной котловины въ окрестностяхъ Чатыре-Дага, пробѣжавъ Симферополь, течетъ уже настоящею степью до самаго Сиваша, куда впадаетъ она. Лѣтомъ вы почти не видите этой главной рѣки полуострова, такъ что во многихъ мѣстахъ ее можно переходить по-суху, черезъ груды голышей, сквозь которые она пропадаетъ какъ сквозь сито. Но за то при первомъ горномъ дождѣ она заливаетъ селенія, размываетъ плантаціи, прекращаетъ сообщенія. Таковы всѣ вообще горныя рѣчки, изъ которыхъ иныхъ даже вовсе не сыщешь лѣтомъ... Въ Салгирь съ правой стороны впадаетъ рѣчка Кара-су (черная вода), по русски—Карасовка, которая также течетъ съ сѣверныхъ предгорій, и по долинѣ которой также много селеній и садовъ. На Кара-су стоитъ, какъ разъ на границѣ Симферопольскаго и Ѳеодосійскаго уѣздовъ, мало интересный Карасубазаръ, еще во времена татаръ бывшій однимъ изъ главныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ. Онъ сплошь населенъ армянскими купцами, караимами и оригинальными евреями-крымчаками, древними выходцами изъ Турціи, которые не знаютъ обычнаго полунѣмецкаго жаргона нашихъ евреевъ, а говорятъ по-татарски, хотя и посѣщаютъ еврейскія синагоги.

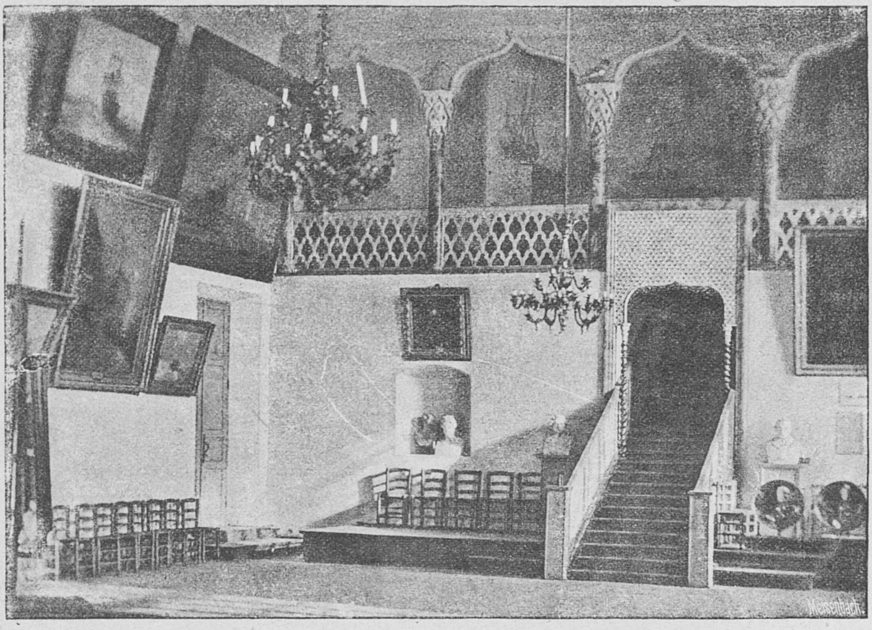
Карасубазаръ обширный складъ товаровъ мѣстнаго производства, сафьяна, бурокъ, восточныхъ одеждъ, металическихъ издѣлій. Онъ, кажется, весь состоитъ изъ лавокъ (караванъ-сераевъ), кофеенъ, постоялыхъ дворовъ, («хановъ») и пр. Кромѣ того, довольно сырая почва его долины, вредная для здоровья, дѣлаетъ окрестности Карасубазара главнымъ поставщикомъ капусты, картофеля, и всякой другой огородной овощи, въ которой такъ нуждается селеніе Симферополь и которой у него такъ мало, что даже картофель продается торговками на счетъ, не хуже апельсиновъ. Карасубазаръ стоитъ на почтовой дорогѣ, на полпути между Симферополемъ и Ѳеодосіей.

Но Ѳеодосія уже имѣетъ не степной, а совершенно горный и приморскій характеръ. Горы вокругъ нея далеко не такъ высоки, какъ около Ялты или Алушты, но все-таки представляютъ собою величественную панораму, обступая почти амфитеатромъ обширный полукруглый заливъ, на берегу котораго пріютился городъ. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще старинныхъ генуэзскихъ башенъ, обрывки когда-то грозныхъ стѣнъ по скатамъ горы и отдыхающіе въ гавани корабли сообщаютъ Ѳеодосіи живописный и поэтическій характеръ, обычный южнымъ городкамъ.

Впрочемъ восточнаго осталось уже мало въ жилищахъ и быту Ѳеодосіи; теперь это вполнѣ русскій городъ, съ обычными удобствами нашихъ среднихъ городовъ, съ обычною бѣдностью ихъ. Нельзя себѣ вообразить, чтобы этотъ скромный уѣздный городишко Таврической губерніи—та самая знаменитая Каффа, царица Черноморской торговли, блиставшая дворцами, полная кораблей и товаровъ со всего свѣта, которой торговая слава гремѣла по міру въ средніе вѣка, та Каффа, которую даже турки, послѣ плѣненія ея, украшали великолѣп-

ными мечетями, минаретами, мраморными банями и фонтанами, которую они съ гордостью величали своимъ «Крымъ-Стамбуломъ». Еще въ концѣ XVII вѣка, т.-е. 200 лѣтъ спустя послѣ завоеванія Каффы турками, путешественники видѣли въ ея портѣ по 400 торговыхъ судовъ и насчитывали въ ней 80,000 жителей (теперь около 10,000). Каффа была основана отважными генуэзскими искателями приключеній въ эпоху 4-го крестоваго похода, въ XIII вѣкѣ, и съ тѣхъ поръ постепенно разросталась въ могущественную торговую колонію, покоренную въ 1475 г. турками. Но еще въ глубокой древности на этомъ мѣстѣ уже была греческая колонія Ѳеодосія, т.-е. «даръ Божій», у туземцевъ тавровъ называвшаяся «Ардавдою—городомъ семи боговъ», основанная милетскими переселенцами за 500 лѣтъ до Рождества Христова и также извѣстная въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ своею торговлею.

Обширная безопасная гавань для судовъ и необыкновенное плодородіе страны издревле манили человѣка въ этотъ счастливый уголокъ. Остатки древностей теперь немногочисленны

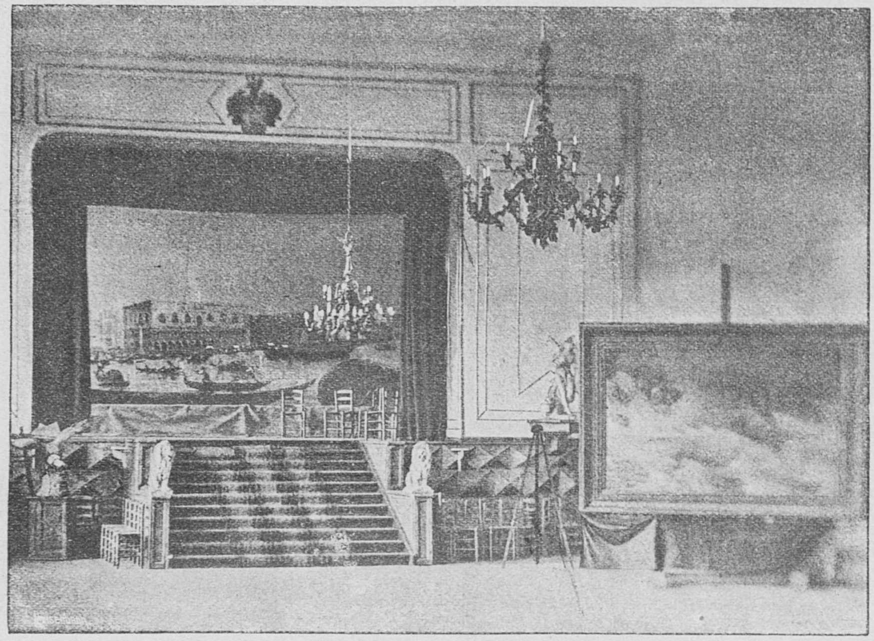


Рабочій кабинетъ въ виллѣ Айвазовскаго, въ Ѳеодосіи.

въ Ѳеодосіи, хотя при занятіи ея русскими она была еще полна хорошо сохранившимися памятниками ея древняго могущества и великолѣпія. Если нѣкоторые генуэзскіе фонтаны еще и уцѣлѣли до нашего времени, то вода въ нихъ давно изсякла, вслѣдствіе разрушенія водопроводовъ и обводнаго канала, обильно снабжавшихъ водою старую Ѳеодосію. Только древніе итальянскіе храмы, обращенные турками въ мечети, а изъ мечетей вновь сдѣлавшіеся христіанскимъ церквами, сохранились кое-гдѣ, вмѣстѣ съ развалинами крѣпости, остатками мостовыхъ, надписями и гербами на камняхъ и пр. Замѣчательныя своимъ богатствомъ турецкія бани и главная мечеть были рузрушены во второй уже половинѣ нынѣшняго столѣтія мѣстною администраціею.

Старожилы Ѳеодосіи передавали мнѣ разсказъ, быть можетъ, апокрифическій, будто бы своимъ теперешнимъ ничтожествомъ городъ ихъ отчасти обязанъ покойному князю Воронцову. Увѣряютъ, что этотъ просвѣщенный и проницательный государственный человѣкъ воз-

намѣрился возродить прежнее значеніе Өеодосіи устройствомъ хорошей пристани, разными торговыми льготами и перенесеніемъ въ нее нѣкоторыхъ центровъ крымской жизни. Но когда обрадовавшіеся өеодосійцы задали посѣтившему ихъ князю роскошный обѣдъ и князь потомъ узналъ, что расходы по этому обѣду были обращены на общіе городскіе сборы, то онъ чрезвычайно разсердился на өеодосійцевъ и далъ слово совершенно забыть объ ихъ интересахъ. Увѣряютъ также, что искусственное созданіе новаго южно-бережнаго центра города Ялты, не имѣющаго ни хорошей гавани, ни промышленности и торговли, ни свободнаго мѣста для своего распространенія, совпало именно съ этимъ настроеніемъ новороссійскаго правителя. Во всякомъ же случаѣ трудно понять, какимъ образомъ такой высоко-проницательный умъ могъ оставить въ пренебреженіи столь важный центръ торговли, какъ Өеодосія. Послѣ же князя Воронцова Крымъ только прозябалъ рутинною жизнью провинцій, изъятый изъ подъ вліянія всякой государственной мысли.



Рабочій кабинетъ въ виллѣ Айвазовскаго, въ Өеодосіи.

Өеодосія и до сихъ поръ еще не потеряла своего значенія, какъ станція морского купанія и винограднаго лѣченія. Во всемъ Крымскомъ побережьи нѣтъ такого плотнаго и вмѣстѣ бархатистаго дна, какъ въ Өеодосійскомъ заливѣ, по которому даже неумѣющій плавать можетъ безопасно уходить въ море на цѣлую версту. Виноградъ Өеодосіи, если не имѣетъ такого аромата, какъ ялтинскій, за то гораздо обильнѣе и дешевле. Зима въ Өеодосіи очень мягкая, и ртуть чрезвычайно рѣдко падаетъ ниже 0. Средняя же температура зимы $+2^\circ$ Р. Эпидимическихъ болѣзней почти никогда не слышно на этихъ хорошо освѣжающихся берегахъ, пропитанныхъ легкимъ запахомъ іода, а грудные больные здѣсь возрождаются къ новой жизни...

Однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Өеодосіи нужно признать домъ извѣстнаго художника Айвазовскаго, уроженца и старожила Өеодосіи, въ окрестностяхъ которой онъ имѣетъ прекрасное имѣніе Шахъ-Мамай, съ историческимъ курганомъ—*Мамаевой могилой,* въ которой,

по преданію, лежатъ кости знаменитаго татарскаго вождя, вѣроломно умерщвленнаго каффянами.

Недалеко отъ Мамаевской могилы, немного южнѣе почтовой дороги изъ Карасубазара въ Ѳеодосіи, есть и другая историческая примѣчательность—заштатный теперь городокъ Эски-Крымъ («старый Крымъ»), бывшій долгое время столицею крымскаго ханства, пока въ концѣ XV столѣтія не возникъ Бахчисарай.

Онъ существовалъ еще задолго до татаръ и назывался Солкатъ. Развалины его до сихъ поръ видны на пространствѣ многихъ верстъ. Золотомъ и мраморомъ были наполнены его дворцы, мечети и бани. Богатые караваны тянулись въ него изъ глубины Азіи, съ которою Солкатъ велъ значительную торговлю, а стѣны и башни его занимали такое пространство, что всадникъ на хорошемъ конѣ не могъ объѣхать его въ полдня. Городъ былъ окруженъ



Торговцы въ Крыму.

цѣлыми рощами тутовыхъ деревъ, отчасти видныхъ донынѣ, и вся окрестная мѣстность отличалась необыкновеннымъ плодородіемъ, богатствомъ и здоровьемъ. Теперь нѣкогда знаменитый Солкатъ жалкое заброшенное мѣстечко, въ которомъ ведутъ свой грошевый промыселъ нѣсколько сотенъ крымскихъ армянъ.

Чтобы объѣхать всѣ сѣверныя предгорія южнаго Крыма, намъ остается еще изъ Симферополя отправиться по желѣзной дорогѣ черезъ Бахчисарай въ Севастополь. Въ дугѣ, начинающейся у Ѳеодосіи и кончающейся въ Севастопольской бухтѣ, заключается вся страна крымскихъ горъ, къ которой мы и перейдемъ потомъ, окончивъ обзоръ городовъ, служившихъ въ древности привратниками и охранителями горъ со стороны степи.

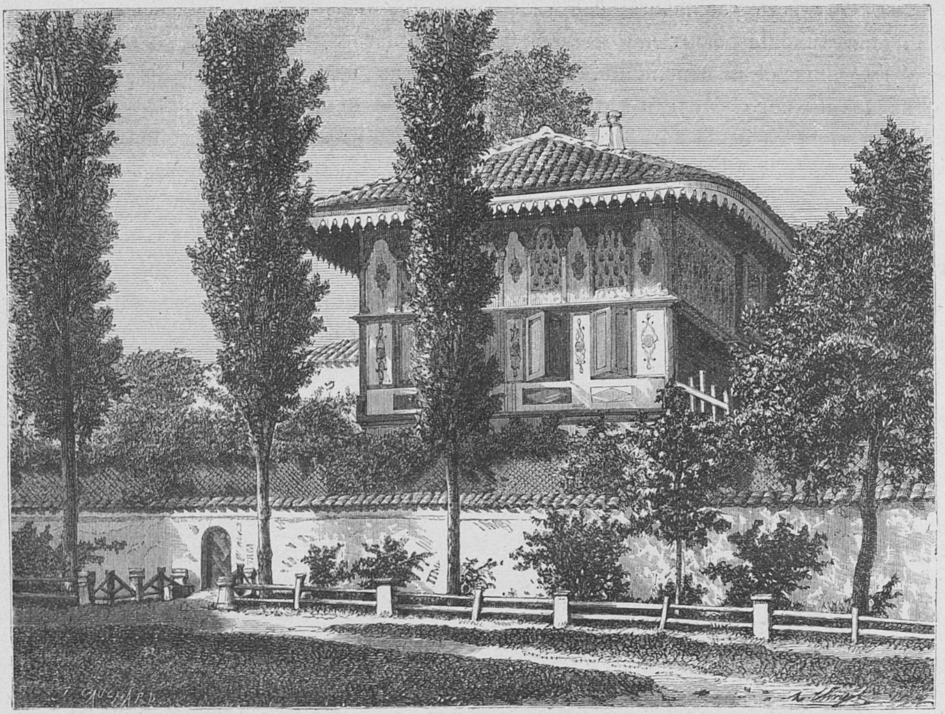
Бахчисарай—Менгли-Гиреевъ «дворецъ садовъ»—лежитъ уже въ узкой и глубокой тѣснинѣ скалъ по берегамъ ручья Чурукъ-су (Гнилая вода). Теперь онъ значительно меньше размѣромъ, чѣмъ былъ въ старину, когда еще не выжигали Крымъ Минихи, Ласси, Долгору-

кіе и Суворовы. Обширныя предмѣстія Бахчисарая Асакъ и Эски-юртъ теперь почти совсѣмъ пусты, и только древніе полуразрушенные мавзолеи да мечеть напоминаютъ о прежнихъ размѣрахъ Бахчисарая. Впрочемъ собственно городъ Бахчисарай почти одинъ во всемъ Крыму всецѣло сохранилъ свою татарскую физіономію и свое татарское населеніе, въ немъ до сихъ поръ болѣе 10,000 мусульманъ и 35 мечетей. Когда вы ѣдете по его узенькимъ извилистымъ улицамъ, вы забываете, что вы въ Россіи, воображенье само собою переноситъ васъ въ какой-нибудь Каиръ или Алеппо. Вся незатѣйливая торговая и домашняя жизнь восточнаго городка у васъ на глазахъ: всѣ лавки, харчевни, кафейни, открытые на улицу навѣсы, здѣсь бреютъ головы, тамъ жарятъ шашлыкъ, обѣдаютъ, пьютъ кофе, нисколько не стѣсняясь прохожихъ. Тутъ же и кузнецъ, и мѣдникъ стучатъ своими молотками, тутъ же сидитъ на при-



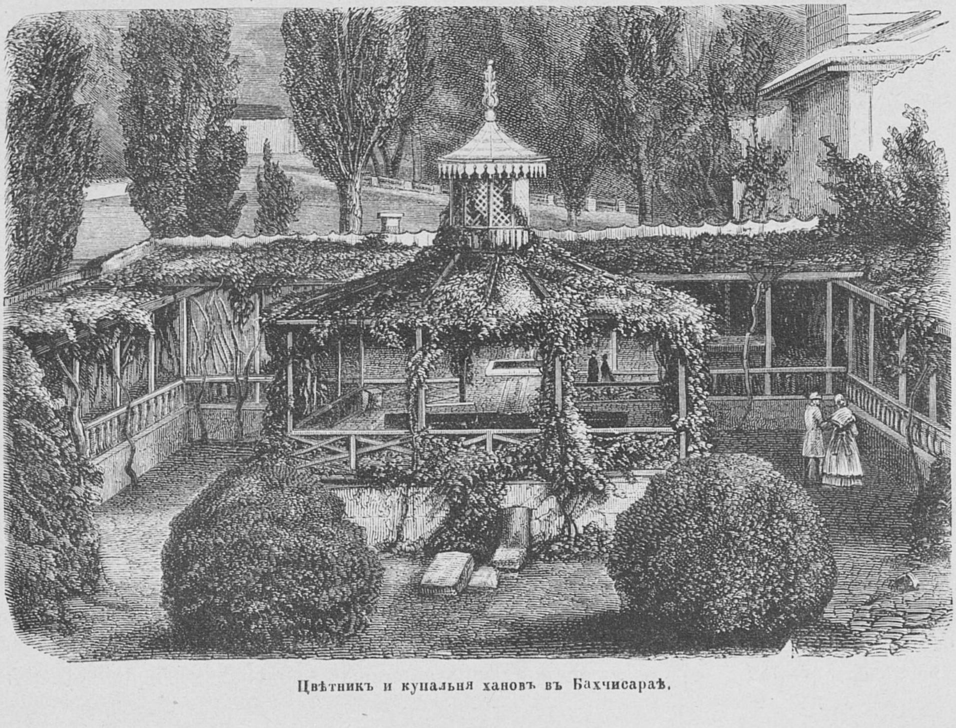
Кейфъ въ татарской кофейнѣ.

лавкѣ, поджавъ ноги, весь у васъ на виду, какъ на ладони, жирный торговецъ, окруженный скромнымъ запасомъ своего краснаго товару, или овощникъ, среди аккуратно разложенныхъ пирамидокъ картофеля, яблокъ и арбузовъ. Домики Бахчисарая живописны издали и безцѣнны для рисователя, но вблизи это плетушки изъ глины и мусора, мазанки, подпертыя столбиками съ сквозными черепичными крышами, съ балкончиками, галлерейками, пристройками и надстройками, висящими Богъ знаетъ на чемъ въ воздушномъ пространствѣ; одно, два, рѣдко три окна, и всѣ на разныхъ высотахъ, разной величины; чаще всего вмѣсто стекла рѣшетка. Такіе домишки буквально наполняютъ длинное ущелье Чурукъ-Су, такъ что одинъ домъ кажется стоитъ на крышѣ другого, а этотъ на крышѣ третьяго, кажется даже, что и сами вы ѣдете по плоскимъ крышамъ домовъ. Стройныя стрѣлы минаретовъ и такіе же стройные тополи выдираются на свѣтъ Божій изъ этой пропасти, залитой домами...



Старый ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ.

Ханскій дворецъ лежитъ на дальнемъ краю города, ближе къ горамъ. Хотя онъ далеко не сохранилъ древняго великолѣпія, но все-таки еще поддерживается въ духѣ мусульманства



Цвѣтникъ и купальня хановъ въ Бахчисараѣ.

и татарства. Онъ весь расписанъ, снаружи и снутри, пестротою персидскаго ковра. Его многочисленные мраморные фонтаны, тихо журчащіе въ зелени, и таинственные цвѣтущіе садики, полные розъ, миндаля и персиковъ, еще производятъ прежніе очарованіе. Подъ окнами затѣйливо изукрашеннаго Менгли-Гиреева кабинета, роскошная, отъ всѣхъ другихъ взоровъ скрытая купальня его одалисокъ, съ обширнымъ бѣломраморнымъ бассейномъ и бѣломраморными фонтанами, вся сплошь укрытая сверху виноградными гроздями, внизу окаймленная сплошными цвѣтниками бѣлыхъ ландышей. Гаремъ высится одиноко среди пустыннаго зеленаго дворика, обнесеннаго высокой стѣной. Въ большихъ непріютныхъ сѣняхъ дворца печально урчитъ воспѣтый Пушкинымъ «фонтанъ слезъ». Большая ханская мечеть еще служитъ главною молельнею бахчисарайцевъ, и путешественникъ можетъ еще слышать въ ней завываніе кружащихся дервишей и фанатическое моленье мусульманъ. Только что зайдетъ



Татары въ семейной жизни.

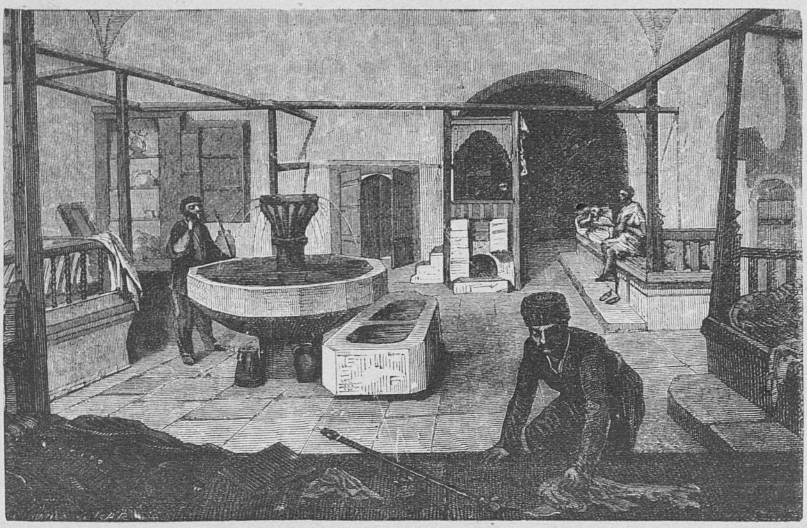
солнце и синія тѣни ночи начнутъ надвигаться съ востока, тощая бѣлая фигура муэдзина появляется на круглой галлерейкѣ минарета, и заунывный протяжный звукъ мусульманской молитвы привѣтствуетъ наступающую ночь, поочередно обращаясь къ четыремъ сторонамъ свѣта. Другіе, далекіе, такіе же протяжные голоса подхватываютъ эти звуки и перебрасываютъ ихъ отъ минарета къ минарету, все удаляясь и замирая надъ засыпающими переулками татарскаго города. Старики татары высыпаютъ на свои плоскія кровли и, глядя съ вѣрою на востокъ, въ благоговѣйной тишинѣ повторяютъ священную молитву муэдзиновъ.

Хотя Бахчисарай уже цѣлое столѣтіе перестлалъ быть столицею Крыма, но въ глазахъ татарина, для потребностей татарина, онъ и до сихъ поръ служитъ столицею. Тутъ центръ мелкой татарской промышленности, сафьянныхъ издѣлій всякаго рода, желтыхъ и красныхъ «мештъ», сѣделъ, бурокъ, бараньихъ шапокъ, чеканенныхъ поясовъ мѣдной посуды и проч.

Тутъ одинъ изъ главныхъ конскихъ рынковъ и средоточіе фруктовой торговли. Тутъ религіозный и національный центръ мусульманскаго Крыма, его маленькій Стамбулъ и его маленькая Мекка.

Изъ Бахчисарая, пересѣкая историческую долину Бельбека, провожаемый слѣва живописными скалистыми входами въ тѣснины горъ, путешественникъ и по желѣзной дорогѣ, и по старому шоссе, незамѣтно достигаетъ до Севастопольской бухты.

Глубокій тихій заливъ, врѣзавшійся на шесть верстъ въ глубину земли, въ рамкѣ бѣлыхъ гористыхъ береговъ, усѣянный кораблями, производитъ какое-то радующее впечатлѣніе. Болотистая долина Черной рѣчки, полная развалинъ древнихъ жилищъ, мостовъ и водопроводовъ, полная недавнихъ кровавыхъ воспоминаній, впадаетъ въ заливъ почти сейчасъ же подъ скалами знаменитаго Инкермана. Полуразрушенныя башни старинной крѣпости еще высятся на плоскомъ темени скалы, откуда они оберегали военные проходы на Гераклейскій полуостровъ въ цвѣтущую область херсонесцевъ. Тутъ жили когда-то греки, готы, и можетъ быть генуэзцы; по всей вѣроятности Инкерманъ есть *Каламита* древнихъ, и Севастопольскій рейдъ



Татарскія бани.

есть ни что иное, какъ Каламитскій заливъ; но прежніе ученые считали его *Ктеносомъ* Страбона (почему самъ Севастопольскій заливъ называли Ктенутскимъ), а также городомъ *Өеодора*, извѣстнымъ своимъ богатствомъ въ средніе вѣка. Турки называли его Инъ-Керманомъ, т.-е. «крѣпостью пещеръ». Дѣйствительно, всѣ скалы Инкермана изрыты криптами. Въ прежнія времена ихъ было несравненно болѣе, и были замѣтны лѣсенки и переходы между ними, теперь же большая часть ихъ обрушилась. Инкерманскій монастырь живописно пріютился на уступѣ скалы нѣсколько ниже древнихъ развалинъ; одна изъ церквей монастыря помѣщается въ полукруглой сводистой пещерѣ, вырубленной въ скалѣ, по преданію руками папы Климента 1-го, котораго императоръ Траянъ сослалъ въ Инкерманскія каменоломни. Поэтому Инкерманскій скитъ и устроенъ во имя св. папъ Климента и Мартина, который также находился здѣсь въ изгнаніи въ VII вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. Инкерманъ не только въ древности, но и до сихъ поръ славится своими каменоломнями, изъ которыхъ извлекается весьма плотный и красивый бѣлый известнякъ. Каменоломни эти были главною могилою русскихъ героевъ, павшихъ въ несчастной кровавой битвѣ 24 октября 1854 года.

Севастополь до сихъ поръ еще не высвободился изъ подъ праха развалинъ своего былого блеска. До сихъ поръ это еще мертвый городъ. Жизнь пристраивается въ немъ подъ сѣнью безчисленныхъ труповъ. Цѣлыя полчища разрушенныхъ палатъ цѣлыми пустынными улицами стоятъ на славномъ пепелищѣ. Жутко проходить мимо ихъ ночью. Пустыя окна, какъ ослѣпшіе глаза, глядятъ своими черными дырами, у многихъ, кромѣ оконъ другія, еще болѣе частыя дырья, продѣлан-



Кладбище хановъ въ Бахчисараѣ.

ныя ядрами; есть просто рѣшето—рѣшетомъ. У нѣкоторыхъ ядра еще висятъ въ стѣнѣ, впившись глубоко, какъ клещи въ живое тѣло. Немногіе дома возобновлены вполнѣ; большеючастью, одинъ этажъ, одинъ уголъ приспособлены къ жилью, или къ огромной голой стѣнѣ прилѣпленъ маленькій временный домишко. Конечно, жизнь пробивается сквозь этотъ прахъ мертвечины все больше и больше, но пробивается слишкомъ медленно. Только сильное развитіе торговаго движенія и перенос

въ Севастополь главнаго центра нашихъ черноморскихъ силъ могло бы разомъ пробудить это спящее царство, еще недавно сверкавшее и шумѣвшее. Впрочемъ желѣзная дорога придала Севастополю много жизни. Великолѣпный новый храмъ надъ могилами четырехъ адмираловъ-героевъ, Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина, на самомъ видномъ мѣстѣ горной стороны, почти рядомъ съ разрушенными греческими портиками церкви св. Петра и Павла, сильно скрашиваетъ мѣстность. Отсюда открывается чудный видъ на Севастополь и окружающее его море. Громадные бѣлые остовы адмиралтейства, госпиталей, казармъ, со многими рядами сквозныхъ теперь оконъ, торчащіе за бухтою, лучше всего говорятъ о размѣрахъ и красотѣ прежнихъ построекъ Севастополя. Черная бронзовая статуя Лазарева, одна изъ величайшихъ по вышинѣ всѣхъ статуй Европы, воздвигнута около этихъ много-этажныхъ остововъ, поднимаясь выше ихъ цѣлою головою, и изъ-далека замѣтна подходящимъ въ море кораблямъ... Вправо мрачно хмурится упитанный кровью холмъ Малахова кургана, и за нимъ, чуть поднимая свои головы, другіе дальніе курганы, изрытые траншеями, когда то щетинившіеся жерлами пушекъ, на которыхъ были уставлены главныя батареи англичанъ.

Влѣво, внизу, новый эллингъ черноморскаго общества пароходства, рядомъ съ драгоцѣнными доками, безжалостно разрушенными нашимъ врагомъ, рядъ низкихъ, словно къ водѣ прилегшихъ каменныхъ батарей, уцѣлѣвшихъ по сѣверному берегу, съ Константиновткою батареею впереди, выдвинувшейся далеко въ море, будто сторожевой песъ Севастополя.

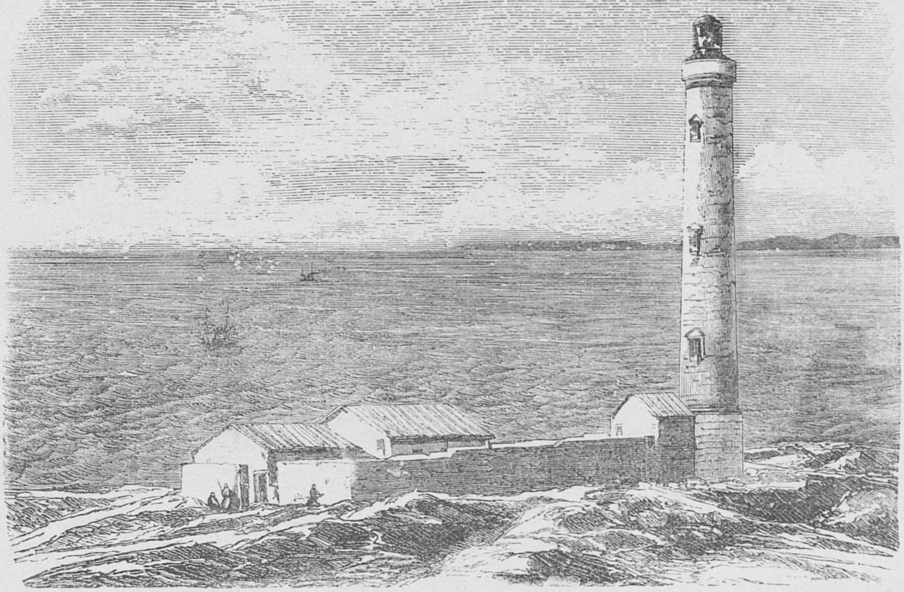
А еще дальше и выше, за домиками сѣверной стороны, вѣнчая собою весь пейзажъ Севастополя, высится пирамидальная, громаднымъ крестомъ осѣненная, церковь надъ костями многострадальныхъ защитниковъ Севастополя; она сложена изъ большихъ тесаныхъ глыбъ несокрушимаго порфира, какъ подобаетъ памятнику несокрушимаго русскаго духа... Есть и еще въ Севастополѣ памятникъ его прежнихъ военныхъ доблестей. На хорошенькомъ бульварчикѣ, надъ графскою пристанью, любимой прогулкѣ севастопольцевъ даже во время осады,— стоитъ на высокомъ пьедесталѣ чугунная римская трирема, «потомству въ примѣръ», въ память геройскаго подвига Казарскаго, который въ 1828 году отбился съ 18 пушками отъ 184 пушекъ турецкихъ линейныхъ кораблей и ушелъ къ Севастополю въ виду цѣлаго непріятельскаго флота.

Но всего лучше смотрѣть на Севастополь съ моря, когда можно охватить однимъ общимъ взглядомъ и тѣсно застроенные каменными зданіями холмы его южной стороны, скрывающей свою мертвенность туманами дали, и веселое голубое полотно его бухтъ, и грозныя бойницы его сѣвернаго берега, и всю цѣпь прославленныхъ кургановъ, опоясывающихъ сзади Севастополь, защищавшихъ одиннадцать мѣсяцевъ одинъ городъ противъ цѣлой Европы...

Кто попадетъ въ Севастополь, тому не возможно не посѣтить послѣ слѣдовъ славныхъ битвъ развалины древняго Херсонеса. Они находятся на двѣ версты западнѣе Севастополя, на самомъ берегу моря, изрѣзанномъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ удобныхъ бухтъ. Нѣкоторыми изъ этихъ бухтъ, какъ напримѣръ, Камышевой и другими пользовались въ Севастопольскую войну корабли нашихъ враговъ. Въ Херсонесѣ уцѣлѣли отъ прежнихъ его мраморныхъ храмовъ и дворцовъ только нѣкоторыя нижнія основанія, со ступенями, колоннами, алтарями и сидѣніями, все же остальное давно обращено въ куски. Впрочемъ французы, стоявшіе въ 1854 году здѣсь, вывезли отсюда много интересныхъ находокъ. Множество череповъ, костей, обломковъ мраморныхъ крестовъ, капителей, плитъ и до сихъ поръ покрываетъ глубоко историческую эпоху Херсонеса, нашего русскаго Корсуня. Основаніе древняго храма, въ которомъ, по преданію, крестился св. Владиміръ, послужило началомъ великолѣпнаго мраморнаго собора, воздвигавшагося въ теченіе многихъ лѣтъ и стоившаго огромныхъ суммъ. Неподалеку стояли другія скромныя церкви и обширныя помѣщенія монаховъ Херсонесскаго монастыря, возобновленнаго на этомъ древнемъ мѣстѣ извѣстнымъ нашимъ проповѣдникомъ архіепископомъ Иннокентіемъ...

Въ прежнее время зданія церкви, дачи и сады Херсонеса занимали весь Трахейскій полуостровъ, котораго одна морская граница равняется почти 50 верстамъ, а поперечникъ, отдѣляющій его отъ остального Крыма—8 верстамъ. Броневскій въ XVI столѣтіи еще видѣлъ его стѣны и башни изъ огромныхъ тесаныхъ камней, его великолѣпный княжескій дворецъ, обширный какъ городъ, и развалины богатѣйшихъ церквей и домовъ. Даже русскіе, присоединивъ Крымъ, застали еще много зданій въ Херсонесѣ, но растаскали весь мраморъ и камни на сооруженіе Севастополя.

Южнѣе Херсонескаго монастыря, на самомъ выдающемся юго-западномъ мысѣ Крыма, стоитъ далеко видный всѣмъ морякамъ Херсонескій маякъ, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ основанъ гераклейцами за 500 лѣтъ до Рождества Христова первый, древнѣйшій Херсонесъ. Мысъ этотъ и у древнихъ грековъ служилъ постояннымъ маякомъ для кораблей, чѣмъ и объясняется его старинное названіе: «мысъ Фонари».



Фанагорійскій маякъ.

Теперь мы дошли до крайней точки тѣхъ предѣловъ, которыми охватывается горная страна Крыма, и можемъ смѣло вступить въ нее.

Начиная отъ самыхъ буруновъ моря, верстахъ въ 12 отъ Севастополя, каменный кряжъ горъ идетъ разнообразно извиваясь и развѣтляясь на цѣлые 175 верстъ въ длину, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, отъ обрывистыхъ, какъ стѣна, утесовъ Георгіевскаго монастыря и мыса Партеніума, торчащихъ прямо изъ волнъ, до горъ, окружающихъ Ѳеодосію.

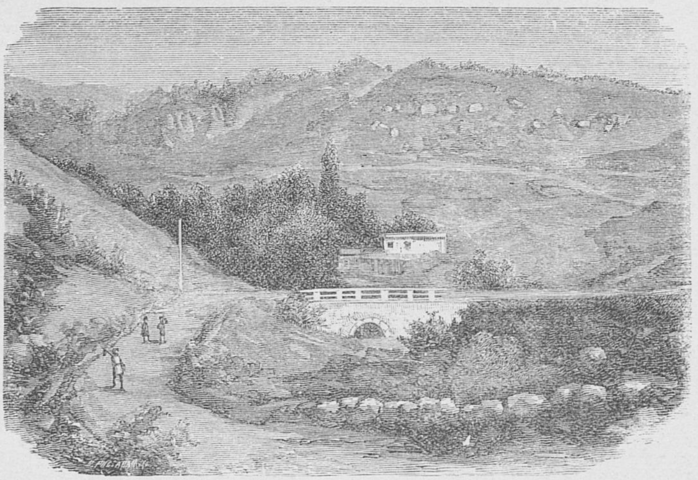
На этомъ пространствѣ Крымскія горы имѣютъ самый разнообразный характеръ. Отъ мыса Партеніума (т.-е. мыса дѣвы) до мыса Айя («святой мысъ»)—это сплошная отвѣсная стѣна, которая не оставляетъ у своего подножія даже пѣшей тропинки и принимаетъ прямо въ свою грудь удары морскихъ бурь. Начиная отъ мыса Айя это поразительно живописная и вмѣстѣ грозная стѣна скалъ, которая, оставаясь такою же сплошною и обрывистою, отступаетъ нѣсколько отъ моря и образуетъ между собою и моремъ знаменитый «южный берегъ

Крыма. Двигаясь къ востоку, горный кряжъ постепенно отодвигается все далѣе и далѣе внутрь полуострова. У Ласпи онъ оставляетъ только узкую береговую полосу, у Фороса отъ моря до вершины всего только 800 саж, около Симеиза уже 4 версты, близъ Ялты и далѣе за Ялтою еще шире, въ 5 и болѣе верстъ. Изъ Ласпи счастливая русская царица, овладѣвшая Крымомъ, черезъ 4 года по присоединеніи его, восторгалась невиданною картиною роскошной южной природы и великолѣпною панорамою южнаго берега и южнаго моря. Ея роскошное путешествіе черезъ степи Новороссіи и Крыма должно было остановиться у входа въ горный рай, потому что тогда еще не было возможности путешествовать по южному берегу иначе, какъ карабкаясь съ опасностью жизни по скаламъ и черезъ пропасти, верхомъ на татарской лошадкѣ. Даже нашъ Пушкинъ еще испыталъ подобное средневѣковое странствованіе и долженъ былъ спуститься на южный берегъ черезъ знаменитую Мердвень, «чортову лѣсницу», устроенную, можетъ быть, еще пещерными троглодитами или тавроскиѳами. Эта «Мердвень» немного восточнѣе Байдарскихъ воротъ, недалеко отъ д. Мухолатки, ведетъ черезъ очаровательную лѣсную мѣстность, въ которой слышится несомнѣнное названіе этой самой лѣстницы, т.-е. Scala, и которая своими памятниками первобытнаго человѣчества, долменами и могильными камнями въ 16 аршинъ вышины, лучше всего свидѣтельствуетъ о глубочайшей, быть можетъ, циклопической древности Мердвеня. Но теперь путешественникъ спокойно въѣзжаетъ на южный берегъ со стороны Балаклавы даже въ тяжеломъ дормезѣ черезъ Байдарскія ворота, давно уже замѣнившія славу Мердвеня.



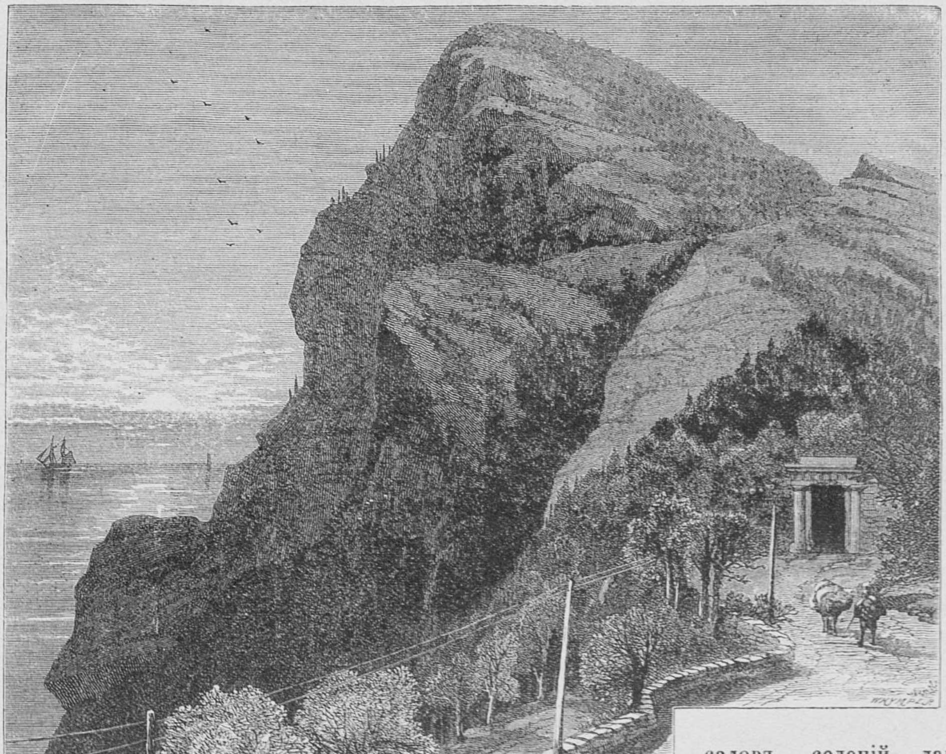
Байдарскія ворота.

Эффектъ перваго взгляда на южный берегъ здѣсь такъ поразителенъ, что никто не захочетъ упустить случая въѣхать на южный берегъ черезъ Байдарскія ворота. Путешественники обыкновенно дожидаются на Байдарской почтовой станціи утренней зари и стараются поспѣть къ воротамъ при самомъ восходѣ солнца. Послѣ тяжкаго и однообразнаго подъема въ гору, послѣ тѣсноты горизонта, задвинутаго до половины небеснаго свода высокими каменными толщами, вы незамѣтно въѣзжаете въ массивныя гранитныя ворота, словно втиснутыя въ разсѣлину скалъ... И только что вы сдѣлали шагъ изъ воротъ, вдругъ все прежнее исчезаетъ изъ вашихъ глазъ, словно унесенное волшебнымъ вихремъ и подъ ногами вашими, на



Въ Байдарской долинѣ.

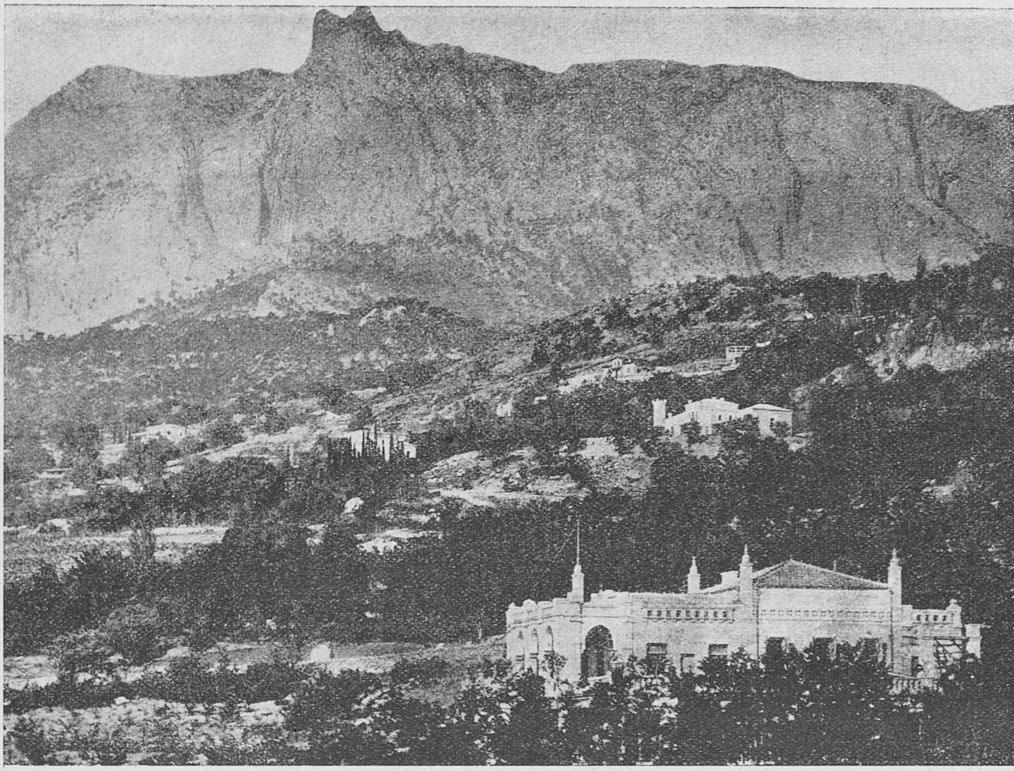
страшной глубинѣ, необъятнымъ обхватомъ въ ширь, въ даль и въ высь, распахивается ликующая панорама моря, неба, горныхъ скалъ и цвѣтущаго у подножья ихъ берега, полнаго зеленыхъ садовъ, селеній, дачныхъ домиковъ, прилегшихъ у тихихъ голубыхъ заливчиковъ, въ складкахъ береговыхъ скатовъ, среди разсѣянныхъ повсюду обваловъ и уступовъ... Первые лучи восходящаго солнца играютъ всевозможными переливами тѣней и красокъ на ближайшихъ къ вамъ титаническихъ утесахъ, ступившихъ пятою въ море и составляющихъ великолѣпный первый планъ картины. Прекрасное мастерское шоссе, устроенное при князѣ Воронцовѣ, улиткою вьется въ глубину открывшейся подъ вами крутизны, и вы чувствуете легкое и радостное головокруженіе, словно катаясь съ англійской горки, когда привычныя лошади увѣренно и быстро уносятъ вашъ экипажъ все глубже и глубже въ эту очаровательную пропасть...



Байдарская долина въ Крыму.

Собственно «южнымъ берегомъ» называется пространство отъ Байдарскихъ воротъ до Алушты, задвинутое отъ сѣвера сплошнымъ хребтомъ Яйлы, всего около 90 верстъ въ длину.

Яйла обрывается скалистою стѣною къ берегу моря, но наверху она представляетъ плоскую равнину, иногда шириною въ нѣсколько верстъ, покрытую роскошными заоблачными пастбищами даже и тогда, когда выгораетъ послѣдняя былинка на камняхъ южнаго берега, на солонцоватой почвѣ степи. Яйла значитъ у татаръ совершенно то же, что Альпы у швейцарцевъ. Главный хребетъ Яйлы, въ окрестностяхъ Алупки, Мисхора и Гаспры, поднимаетъ высочайшую вершину свою Ай-Петри (гора «св. Петра»), которая снизу и издали кажется какимъ-то причудливо-вырѣзаннымъ волшебнымъ замкомъ... Такимъ же горнымъ великаномъ, котораго татары прозвали «дѣдушкой горой», Бабуганъ-яйлой, оканчивается хребетъ и подъ долиною Алушты. Долина Алушты составляетъ естественный проходъ изъ степей къ морю и на южный берегъ. «Палатъ-гора», или Чатырдагъ, стоитъ одинокимъ характернымъ бастіо-



Ай-Петри. Имѣніе Е. И. В. Вел. Князя. Михаила Николаевича.

номъ у входа въ эту долину, словно защищая ее отъ набѣга степняковъ. За долиною Алушты, далѣе къ востоку, горы принимаютъ уже другой харктеръ и имѣютъ видъ отдѣльныхъ группъ, отдѣльныхъ вершинъ, разбросанныхъ на широкомъ пространствѣ и соединенныхъ между собою во всѣхъ направленіяхъ отрогами; множество небольшихъ отдѣльныхъ долинъ и котловинъ образуется среди этихъ горъ, и чѣмъ шире распространяются они, по мѣрѣ приближенія къ Ѳеодосіи, тѣмъ ниже становятся вершины ихъ, тѣмъ болѣе теряется ихъ грандіозность и живописность.

Прямо у Алуштинской долины, окаймляя ее съ востока, стоитъ оригинальная и красивая гора Демерджи, соперникъ и сосѣдъ Чатырдага; подальше къ востоку, широкое плоскогорье Караби-Яйлы, еще далѣе узкій хребетъ Построфилъ и Воронъ-Кая и т. д.

Хотя отрывочно и неправильно, но все-таки общее направленіе горъ остается то же, что и въ ялтинской Яйлѣ, т. е. отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Но главныя вершины горы въ этой части отступаютъ такъ далеко отъ моря, что долины Алушты, Кучукъ-Узеня, Ускюта, Судака, Коза, Отуза, покрытыя обильнѣйшими виноградниками, вдвое, втрое и вчетверо длиннѣе короткихъ и крупныхъ южно-бережскихъ долинъ.

Впрочемъ и западная Яйла не составляетъ только одного кряжа. За утесистымъ главнымъ кряжемъ, который придаетъ южному берегу его характерную красоту, идутъ со стороны степи нѣсколько другихъ, далеко не такихъ правильныхъ и не такихъ высокихъ хребтовъ, перепутанныхъ между собою, также образующихъ множество продольныхъ и поперечныхъ долинъ. Эти долины служатъ извилистыми руслами быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, которыя потомъ орошаютъ предгорья и южные предѣлы степи.

Разсматривая общимъ взглядомъ картину горной страны Крыма, сразу убѣждаешься, что центръ подъема ихъ въ Алуштинской долинѣ. Чатырдагъ не даромъ самая завѣтная и самая знаменитая гора Крыма, не даромъ она занимаетъ такое особенное центральное мѣсто. Горы идутъ на западъ и на востокъ отъ него, понижаясь въ обѣ стороны, какъ будто цѣпь ихъ, выпиравшая изъ нѣдръ земли, разорвалась какъ разъ около него и образовала по обѣ стороны его сквозной проходъ изъ степей къ морю. Это дѣлается особенно нагляднымъ, когда слѣдимъ за теченіемъ рѣкъ сѣверныхъ скатовъ. Въ западной половинѣ горъ всѣ онѣ текутъ на сѣверозападъ, и притомъ тѣмъ западнѣе, чѣмъ дальше отъ Чатырдага; такова «Черная рѣчка» (Чергунъ), съ притокомъ своимъ Байдаромъ, Бельбекъ съ Біюкъ-Узенью, Кача съ Стилею, Мартою и другою Біюкъ-Узенью, Алма съ Бадракомъ и Улу-Узенью, Булганакъ. Всѣ они нижнимъ теченіемъ своимъ рѣзко поворачиваютъ на западъ и впадаютъ въ Черное море между Севастополемъ и Евпаторіею. Салгирь, зачинающаяся близъ Чатырдага, составляетъ рѣзкую границу между двумя половинами горнаго Крыма; она тоже сначала течетъ на сѣверозападъ, вмѣстѣ со своими притоками Бештерекомъ и Зуею, слѣдуя покатости, потомъ круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ Сивашъ, недалеко отъ начала Арабатской стрѣлки. За Салгирью, съ правой стороны Алуштинской долины, уже всѣ рѣки текутъ на сѣверъ, потомъ на сѣверо-востокъ: сначала впадающія въ Салгирь Бурулча, Біюкъ-Карасу и Кучукъ-Карасу, потомъ Булганакъ, Мокрый Энзолъ и цѣлый рядъ рѣчекъ, которыхъ только одно русло видно лѣтомъ, такъ какъ они не добираются устьемъ до Сиваша, а вода ихъ просачивается подъ рыхлую известковую землю, таковы: Сухой Эндолъ, Субашъ, Чурюкъ-Су... Наконецъ, послѣдняя рѣчка сѣверо-восточнаго склона горъ, ближайшая къ Ѳеодосіи, Бай-Бугазъ, течетъ уже прямо на востокъ и впадаетъ въ Ѳеодосійскій заливъ.

Такимъ, образомъ всѣ рѣки сѣверныхъ скатовъ крымскихъ горъ текутъ вѣеромъ отъ центральной горной точки—Чатырдага. Рѣчки же южныхъ скатовъ въ восточной половинѣ имѣютъ большею частью юго-восточное теченіе, точно также соотвѣтствующее центральному подъему Чатырдага. Что же касается до западной половины, то тамъ вовсе нѣтъ рѣкъ, а есть только небольшіе ручьи, стекающіе съ ближайшихъ возвышенностей.

Теперь когда намъ понятно общее очертаніе и характеръ расположенія горнаго Крыма, намъ остается пробѣжать по наиболѣе интереснымъ мѣстностямъ его.

Слѣдуя по морскому берегу изъ Севастополя, путешественникъ въ первый разъ встрѣчаетъ настоящія горы у Георгіевскаго монастыря; для непривычнаго глаза они тутъ кажутся какою-то волшебною декораціею: точно голые остроконечные утесы всѣхъ переливовъ яшмы стоятъ здѣсь среди бѣшенаго буруна волнъ, какъ сказочные богатыри въ грозномъ безмолвіи этой великолѣпной пустыни. Скалы эти—мысъ Партеніумъ, прославленный легендами объ Ифигеніи, Орестѣ и Пиладѣ. Сюда «негостепріимное» море прибивало въ древности разбитыя суда, и здѣсь тавроскифы приносили кровавыя человѣческія жертвы своей дѣвственной богинѣ. Долго еще сохранились на недоступномъ утесѣ развалины языческаго храма, а внизу, у моря, до сихъ поръ

показывается пещера, въ которой скрывались Орестъ и Пиладъ. Христіанство такъ же рано нашло здѣсь пріютъ, и преданія монастыря связываются съ его первыми вѣками. Самъ монастырь виситъ надъ моремъ, какъ гнѣздо ласточки на карнизѣ стѣны, и его огни до сихъ поръ служатъ маякомъ для мореходцевъ.

Когда вы сойдете съ крутизны къ морю, то налѣво передъ вами откроется сплошная отвѣсная стѣна скалистаго берега, идущая до самой Балаклавы. Въ этихъ высокихъ стѣнахъ море прорѣзало себѣ тѣсныя ворота и заняло глубокую, но довольно узкую, балаклавскую бухту, которая спрятана въ горахъ, какъ на днѣ глубокаго ящика. Это превосходная стоянка кораблей и обильный рыбный садокъ.

Нѣкоторые производятъ имя Балаклавы отъ слова «балыкъ» (рыба). Греческій грязноватый городишко лѣпится по берегамъ исторической бухты, которую знали еще Гомеръ и Страбонъ, и цѣлое населеніе черномазаго, носатаго, какъ птицы, народа гомозится на берегу. На крутой горѣ надъ бухтою еще тянутся порядочно уцѣлѣвшіе, поэтически глядящіе сверху, остатки стѣнъ, башенъ и воротъ генуэзскаго цембало, которые были окончательно обобраны итальянцами Ламарморы, въ 1855 году. Скалистый берегъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ отъ Балаклавы на югъ до м. Айя, гдѣ опять дѣлаетъ рѣзкое колѣно и съ разными извивами, выступами и углубленіями идетъ съ запада на востокъ до мыса Ай-Таборъ, открываясь лучамъ настоящаго южнаго солнца. Это самая теплая часть всего южнаго берега. Въ то же время это самая красивая его часть, потому что здѣсь стѣна горъ уже удаляется отъ моря на столько, чтобы дать мѣсто почтовому шоссе, но вмѣстѣ съ тѣмъ она еще на столько близка къ нему, чтобы раскрыть пораженному взгляду путешественника всю висящую надъ его головою громаду свою и всю свою оригинальную и грозную красоту. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ южнаго берега нѣтъ такого живописнаго сочетанія широкой морской перспективы и горныхъ утесовъ...

Подъ сѣнью этой сплошной горной ширмы, продолжающейся безъ прерыва отъ Байдаръ до Оріанды, пріютились въ теплыхъ и укрытыхъ домикахъ, по берегу моря, Ласпи, Форосъ, Мшатна, Мухолатка, Кикинеизъ, Лимель, и, наконецъ, знаменитая Алупка князя Воронцова съ своими ближайшими сосѣдями, Симеизомъ, Мисхоромъ, Гаспрою и Куреизомъ. Множество заливчиковъ, спрятанныхъ въ нижнихъ береговыхъ скалахъ, изрѣзываютъ здѣсь гористый берегъ, кишащій садами, виноградниками, живописными дачами, и вмѣстѣ съ тѣмъ словно заваленный повсюду огромными камнями, осыпавшимися въ теченіе вѣковъ съ карнизовъ титанической стѣны, его пріосѣнившей. Но какъ ни очаровательна красота берега, все-таки еще чувствуется на немъ печать пустыни. Рѣдко, рѣдко видится гдѣ движеніе и многолюдство. По крутымъ долинамъ, ныряющимъ въ зеленыхъ лѣсахъ, среди сѣрыхъ обваловъ, рѣдко появится какой-нибудь верховой татаринъ, лѣниво постегивающій своего конька, или проскрипитъ неуклюжая мажара, запряженная парою черныхъ буйволовъ. И на морѣ тотъ же сонъ и молчаніе пустыни... Тихо, тихо подуваетъ вѣтеръ трехъугольный парусъ кочермы, которая медленно пробирается изъ Севастополя въ Ялту... Два, три другія бѣлыя паруса, какъ воздушныя крылья бабочекъ, вырѣзаются вдали на синемъ горизонтѣ моря. Только иногда это неподвижное томленіе пустыни нарушится вдругъ шумомъ колесъ и торопливымъ пыхтѣньемъ срочнаго парохода, пробѣгающаго въ Ялту, скользящаго по гладкой поверхности моря быстро и поворотливо, какъ водяной паукъ...

Къ Алупкѣ соединяется все прекрасное и все характерное этой самой прекрасной и самой характерной части крымскаго берега.

Алупку могъ выдумать только поэтъ и художникъ. Она выростила свои безконечные парки, полные всѣхъ драгоцѣнностей растительнаго міра, прямо среди хаоса трахитовыхъ и діоритовыхъ осыпей, низвергнутыхъ стихіями съ Ай-Петри, чуть не отъ подошвы его до послѣднихъ камней берега, обгрызанныхъ моремъ. Она заполонила и роскошныя водообильныя долины, въ которыхъ уже болѣе тысячелѣтія ютилось хозяйство старыхъ поселенцевъ, съ ихъ

многовѣковыми шелковицами, орѣхами, смоковницами, кипарисами, лѣсами и травяными полянками.

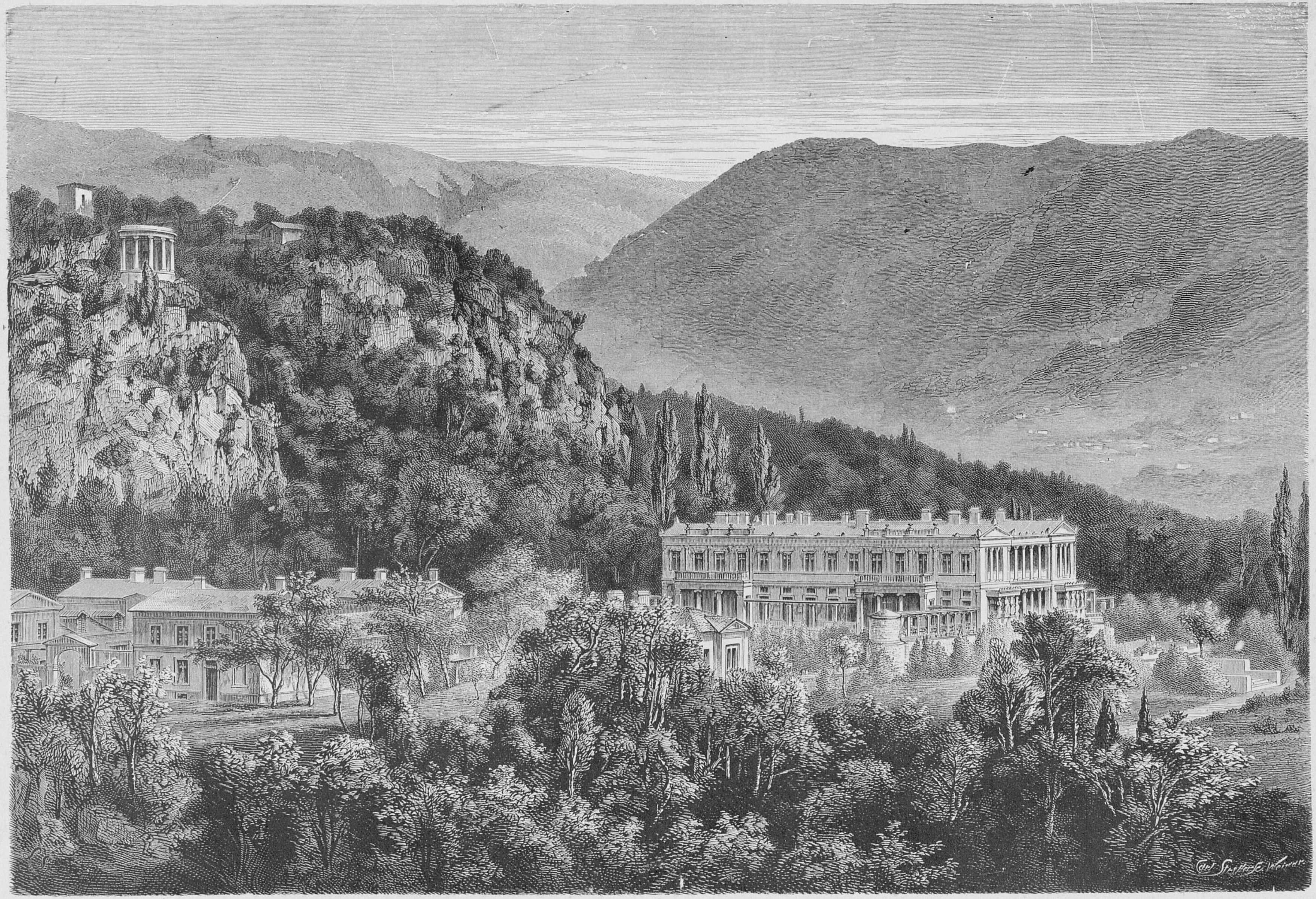
Лучшаго мѣста нѣтъ во всемъ Крыму. Этотъ сухой скалистый берегъ здѣсь звенитъ отъ пѣнья безчисленныхъ ручьевъ. Каждый вершокъ можно купить цѣною золота. Ни съ одной стороны не проникаетъ черезъ гигантскую ширму скалъ леденящее дыханье сѣвера или изсушающіе вѣтры восточныхъ степей.

Вся Алупка—одна природная теплица, такая же знойная, такая же влажная. Она, какъ грудь матери, пьетъ южное солнце, на которомъ прилегли всѣ ея скалы. И оттого въ ней цѣлый новый растительный міръ. Рощи олеандровъ, всѣ въ бѣло-розовомъ цвѣту, какъ дѣвушки, убранныя на балъ, тѣснятся на нижнихъ скатахъ, прямо въ грунту. Старыя магноліи широко распростираютъ свои вѣтви, на которыхъ, словно огромныя бѣлыя чаши, налитыя ароматомъ, сверкаютъ ихъ изумительные цвѣты. Кипарисы здѣсь и безконечными аллеями, и сплошными лѣсочками, и художественно разбросанными группами. Лавра, лавровишней, фотиній, миртовъ, всякаго вообще вѣчно зеленаго дерева столько, что даже зима въ Алупкѣ кажется лѣтомъ. Ландшафтная живопись Алупкинскихъ парковъ полна высокой художественности: чудное сочетаніе камня съ зеленью, прелестнаго съ дикимъ, искусства съ природою, околдовываетъ воображенье. Струя горныхъ ключей тутъ бьетъ то изъ срубленнаго ствола дерева, то изъ пасти мраморнаго льва, то тихо урчитъ изъ опрокинутой урны, то растекается прозрачною скатертью по всей ширинѣ дикаго утеса, незримо выпускающаго ее изъ своей толщи, то перескакиваетъ съ веселымъ бульканьемъ по каменнымъ ступенькамъ водопровода. Фонтаны прямо населяютъ парки.

Греческіе портики, затканные виноградомъ и розами, крытые коридоры, яркія травяныя лужайки, змѣйкою убѣгающія дорожки, утесистые обрывы, таинственныя пещеры съ статуями и нишами, пустынные прудки съ лебедями, дикія чащи лѣса и самые утонченные цвѣтники,—все это перемѣшано другъ съ другомъ такъ разумно и искусно, что человѣкъ на каждомъ шагу наталкивается на новую неожиданную красоту и можетъ проводить недѣли въ этихъ паркахъ, не утомляясь, не ослабляя своего наслажденія...

Но главное волшебство картины сосредоточено на княжескомъ замкѣ. Его строилъ не столько архитектурный, сколько поэтическій геній. Этотъ рѣзной и зубчатый замокъ мавританскаго стиля, весь полный архитектурныхъ неожиданностей, оригинальный и разнообразный въ каждомъ уголкѣ своемъ, смѣло изломанными линіями, капризными поворотами, выступами, углубленіями, своимъ искуснымъ чередованіемъ шпилей и остроконечностей всякаго рода, съ плоскими низкими террасами,—придаетъ этой тяжелой массѣ огромныхъ діоритовыхъ камней, прочныхъ какъ скала, видъ воздушности, видъ какой-то сквозной рѣзной игрушки, легко стремящейся вверхъ. Обширныя бѣломраморныя террасы и лѣстницы царской роскоши, царскаго величія, украшенныя рѣзьбою бѣломраморныхъ фонтановъ, бѣломраморными статуями львовъ,тоненькими бѣломраморными рѣшетками и рѣдкими растеніями въ бѣломраморныхъ цвѣтникахъ и корзинахъ, составляютъ чудный пьедесталъ этого чуднаго замка. Всего поразительнѣе видъ на него, когда поднимаешься по этой почвѣ мраморовъ, въ этой атмосферѣ художественной красоты, снизу отъ моря, въ мавританскую нишу замка. Тогда постигаешь вполнѣ идею художника, его создавшаго. Сѣрый зубчатый замокъ кажется только отпрыскомъ и подобіемъ другого титаническаго замка,—также зубчатаго, изъ такого же несокрушимаго камня,—который осѣняетъ тамъ сзади и сверху, загораживая полнеба, не только княжескій замокъ, но и все окрестное прибрежье...

Ай-Петри, со своими рѣзными утесами, изглоданными временемъ, со своими отъ вѣка стоящими нерукотворными башнями, также кажется мавританскимъ замкомъ своего рода, и царитъ здѣсь надъ всѣмъ, купая высоко въ знойной синевѣ свои живописные зубцы, въ которые цѣпляются, пролетая, клочья бѣлыхъ облаковъ... Вся страна Алупки и ея окрестностей кажется только первою ступенью и предверіемъ этого гигантскаго замка. До такой степени



Видъ на дворецъ въ имѣніи «Оріанда».

архитектура и мѣстоположеніе алупкинскаго дворца примѣнены къ господствующему характеру горъ.

Въ замкѣ князя есть одно мѣстечко, которое мнѣ кажется особенно очаровательнымъ, въ



Имѣніе Оріанда.

которомъ поэтъ и философъ могли бы прожить свои дни, какъ въ божьемъ раю. Въ самой тѣни парка, спустившись на одну ступень ниже главнаго корпуса, но соединяясь съ нимъ кор-

ридоромъ, находится рѣдкая библіотека и ученый кабинетъ покойнаго князя М. С: Воронцова. Много французскихъ рукописей и малодоступныхъ издѣлій находится въ этихъ залахъ, сплошь наполненныхъ книгами. Широкіе столы и покойныя старинныя кресла такъ и манятъ въ это пустынное безмолвное убѣжище ученаго труда, обставленнаго всѣми пособіями науки. Изъ библіотеки есть особый ходъ и въ паркъ, въ его самую темную и уединенную часть... Скрытый отъ всѣхъ взоровъ просторный мраморный балконъ, пріосѣненный сверху и съ боковъ цѣлымъ широкимъ пологомъ рдѣющихъ кистей винограда, то цвѣта янтаря и опала, то цвѣта аметиста, цѣлыми колыхающимися шпалерами яркихъ листьевъ, сквозящихъ золотомъ и зеленью, укроетъ въ своей тишинѣ мечту поэта и думу мыслителя. Тамъ слышится только щебетанье лѣсныхъ птицъ да тихое урчанье мелкихъ струй въ мраморномъ «фонтанѣ слезъ», устроенномъ на подобіе Бахчисарайскаго и орошающемъ своими брызгами великолѣпныя клумбы лиловыхъ гортензій...

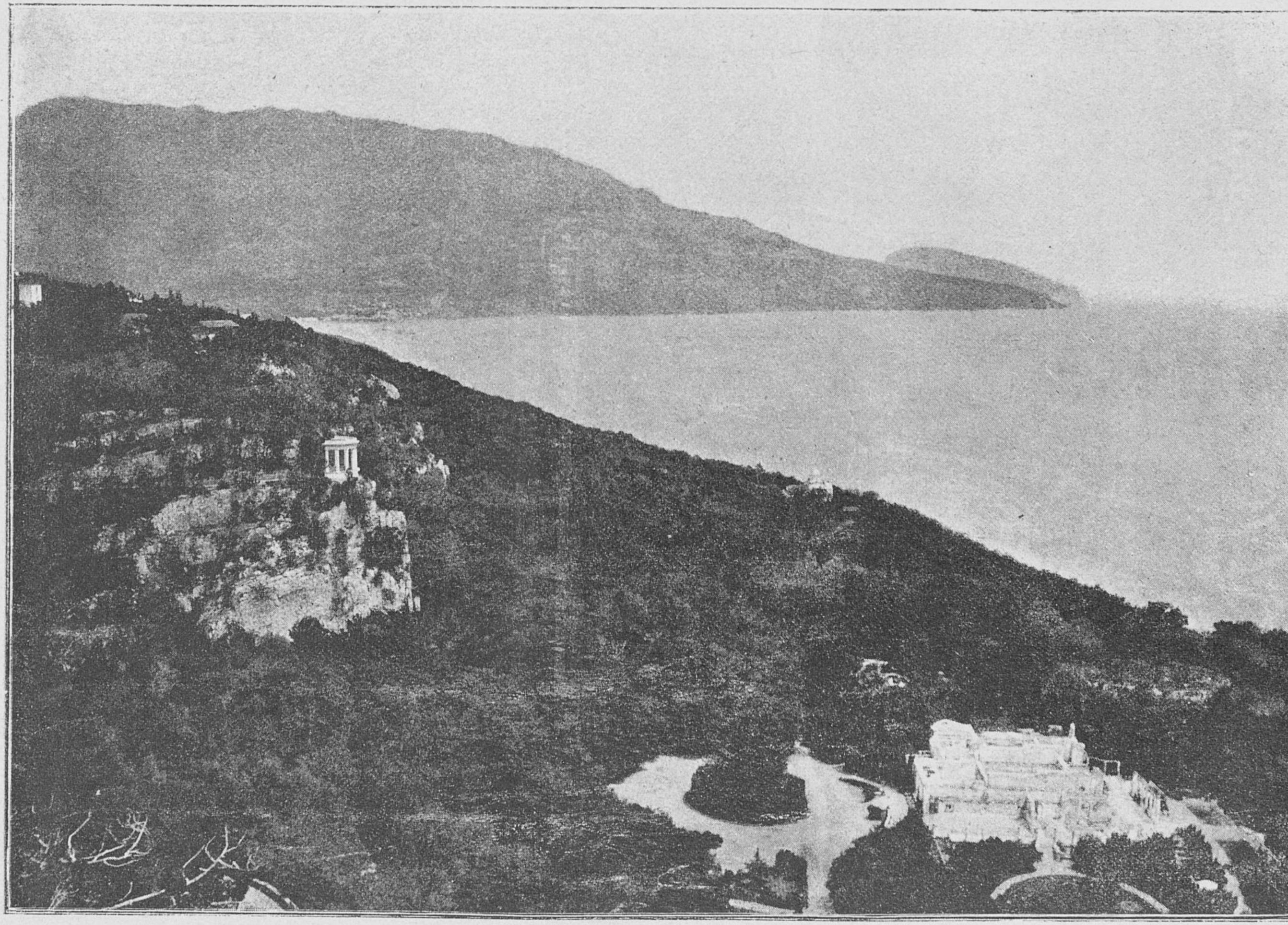


Загородный дворецъ въ Оріандѣ.

Между Алупкой и царскими дачами Оріанды и Ливадіи сгруппировались самыя многочисленныя и аристократическія дачи южнаго берега, нѣкоторыхъ великихъ князей, Нарышкиныхъ, Голициныхъ и проч., наполняющія собою роскошные сады Синехора, Гаспры и Кореиза.

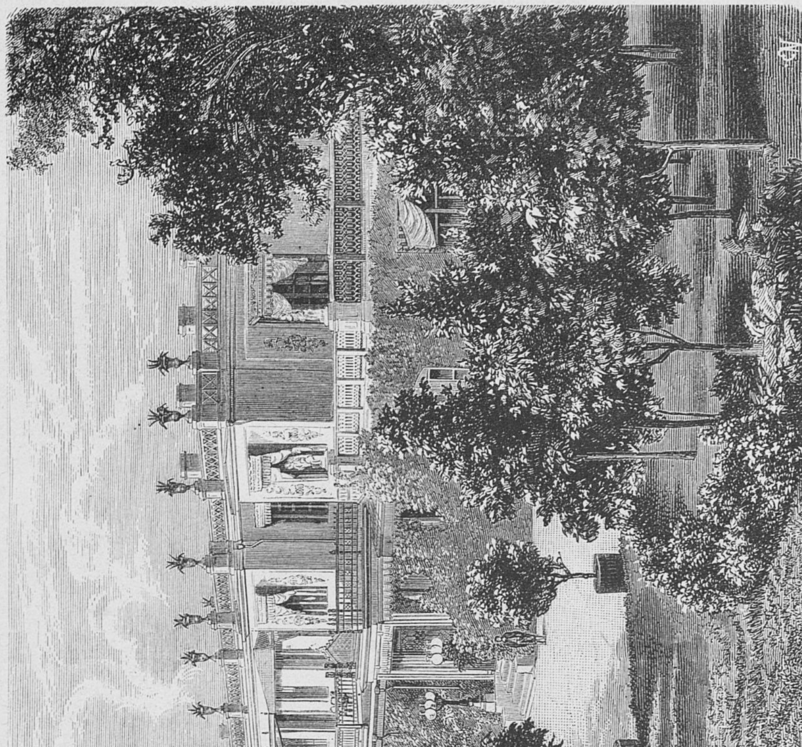
Но кромѣ этихъ садовъ и дворцовъ путешественнику стоитъ свернуть и на пустынный скалистый мысъ Ай-Тоборъ (св. Ѳеодора), которымъ заканчивается строго южный берегъ и начинается уже юго-восточный, т. е. берегъ Ливадіи и Ялты. Ай-Тоборскій маякъ виденъ не только издалека съ моря, но даже почти со всѣхъ уголковъ южнаго крымскаго берега. Онъ окруженъ развалинами богатаго древняго поселенія и даже слѣдами циклопическихъ построекъ, и по всему видно, что во всѣ времена исторіи, это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ и замѣтнѣйшихъ пунктовъ берега.

Лѣса и скалы Оріанды начинаются сейчасъ же за Ай-Тоборомъ. Скалы тутъ придвига-



Общій видъ Оріанды.

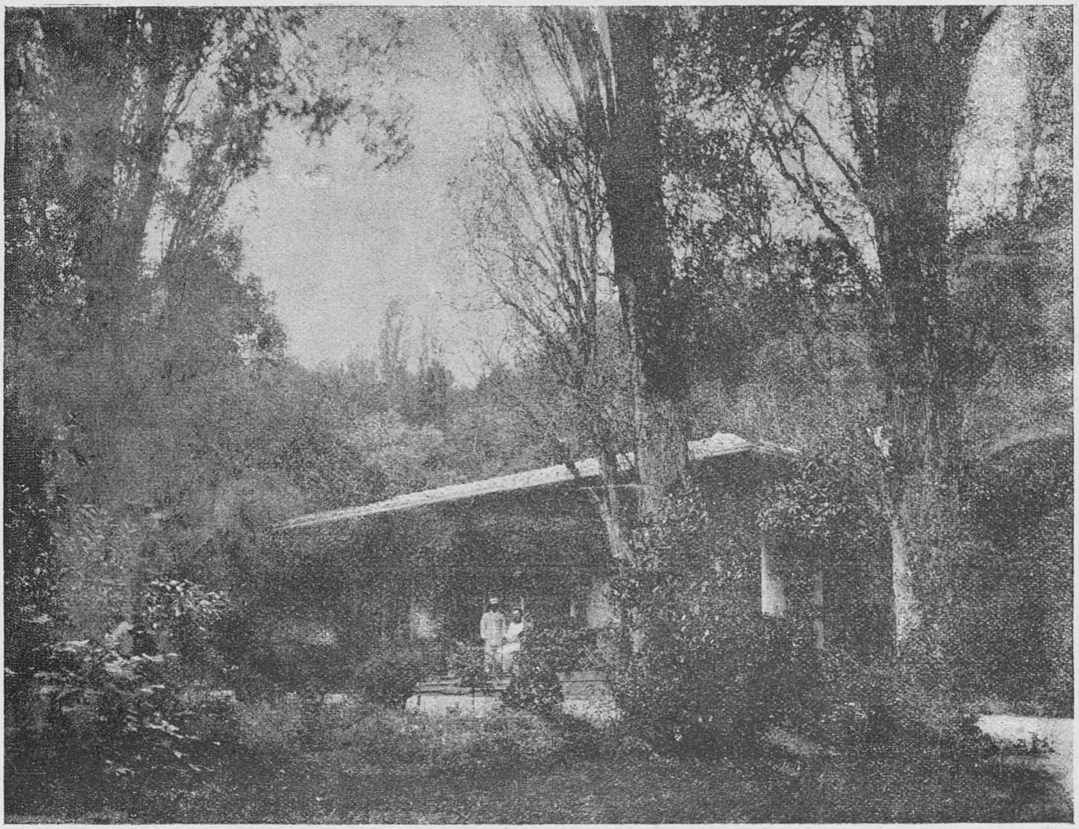
ются къ почтовой дорогѣ и сообщаютъ ей видъ великолѣпной, но грозной тѣснины. Мѣстность нижней Оріанды, принадлежащей теперь великому князю Константину Николаевичу,



Императорскій дворецъ въ Ливадіи.

вмѣстѣ съ мѣстностью Алупки, составляетъ главную красоту южнаго берега. Здѣсь отдѣльные утесы, поросшіе курчавымъ лѣсомъ, сходятъ будто по ступенямъ, до самаго моря, живописно группируясь и оставляя между собою густо заросшія котловины, которыми устроитель Оріанды

воспользовался съ неподражаемымъ вкусомъ и умѣньемъ... Каждая оголенная стѣна надвинувшихся скалъ, каждый утесъ, шагнувшій въ море, каждая впадинка и бугорокъ долины послужили для цѣлей ландшафта, единственнаго въ мірѣ по своей оригинальности и грандіозности... Бѣлый греческій портикъ вырѣзается на голубомъ фонѣ неба или на темной зелени лѣса высоко на вершинѣ скалы, съ которой вся Оріанда видна какъ на ладони... Огромный крестъ вѣнчаетъ другую недоступную вершину, стоящую напротивъ... Среди хаоса громадныхъ камней моря, на голомъ утесѣ водружена мачта съ флагомъ генералъ-адмирала, надъ пристанью берега... А внизу, среди этихъ скалъ, потонулъ въ зелени роскошнаго парка дворецъ строгаго итальянскаго стиля, построенный по чертежамъ знаменитаго Шинкеля съ колонадою вы-

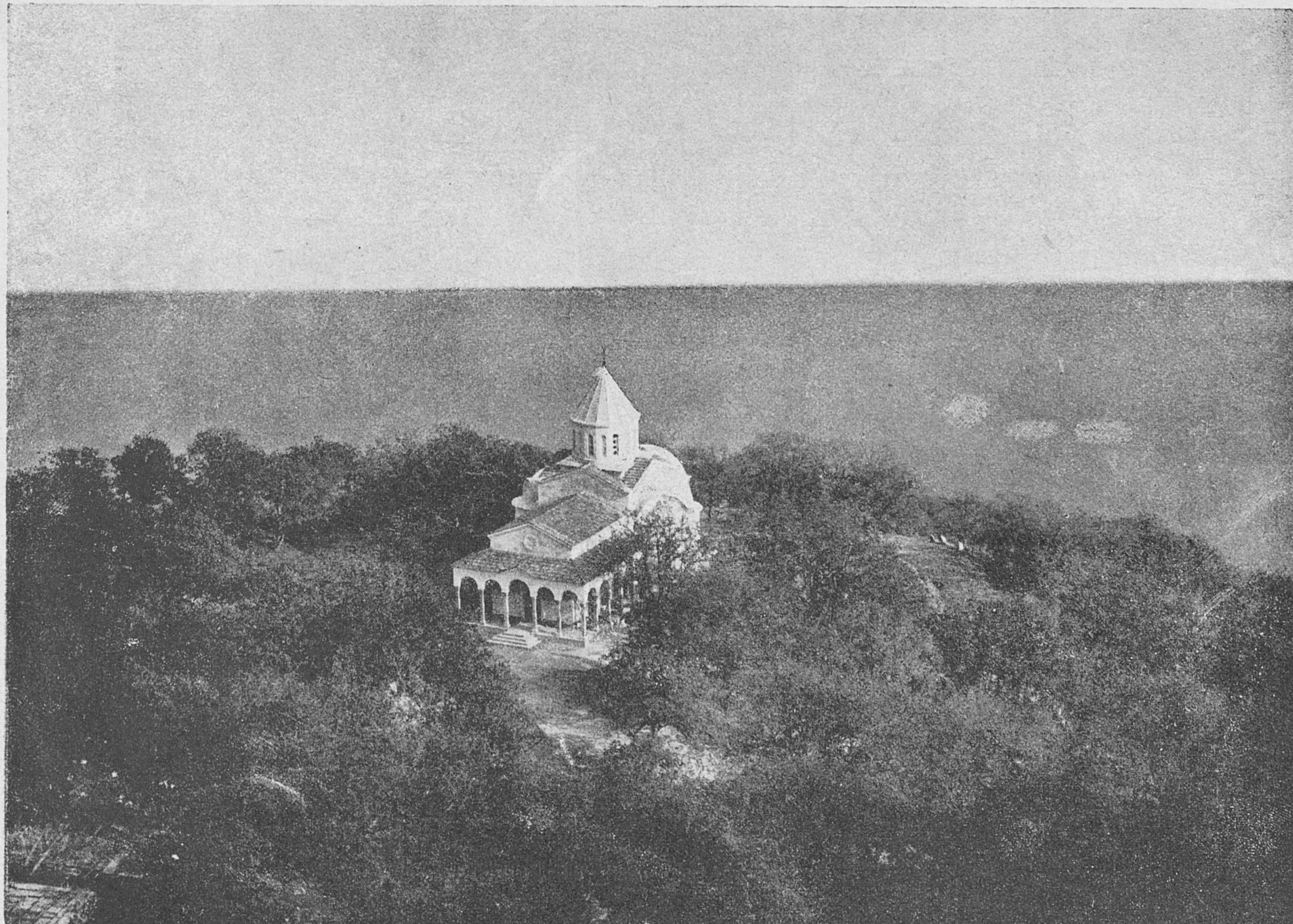


Адмиральскій домикъ въ Оріандѣ.

сокаго благородства и простоты, со множествомъ террасъ, галлерей, крытыхъ двориковъ, затканныхъ виноградомъ, полныхъ цвѣтниками и фонтанами.

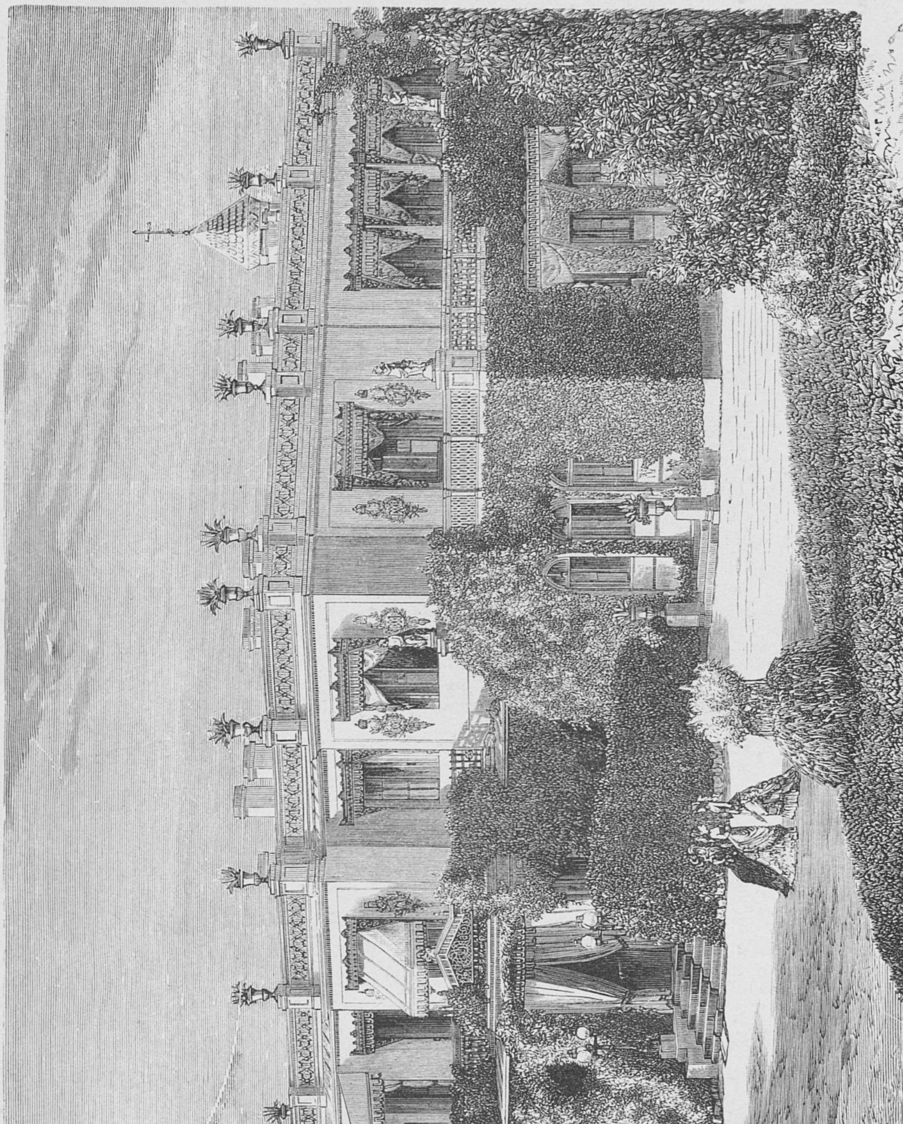
Тихій прудокъ, обставленной плакучими ивами, качаетъ бѣлыхъ лебедей на самой глади своихъ водъ, а тѣнистыя очаровательныя аллеи ведутъ въ темные гроты, въ дикое ущелье, гдѣ шумитъ водопадъ, во всѣ далекіе уголки этаго полудикаго парка...

Ливадія, имѣніе великолѣпно обстроенное и устроенное, уже далеко не представляетъ такой живописной мѣстности, какъ Оріанда. Это—довольно открытый скатъ къ морю безъ всякихъ утесовъ и другихъ эффектовъ пейзажа. Множество милыхъ построекъ, поддержанныхъ въ необыкновенной свѣжести и чистотѣ, перемѣшанныхъ со всевозможными плантаціями, при-



Церковь въ Оріандѣ.

даютъ Ливадіи видъ какого-то дачнаго мѣстечка, полнаго хозяйственности и порядка... Тутъ почти все деревянное, легкаго стиля, легкихъ и веселыхъ красокъ.



Дворецъ въ Ливадіи.

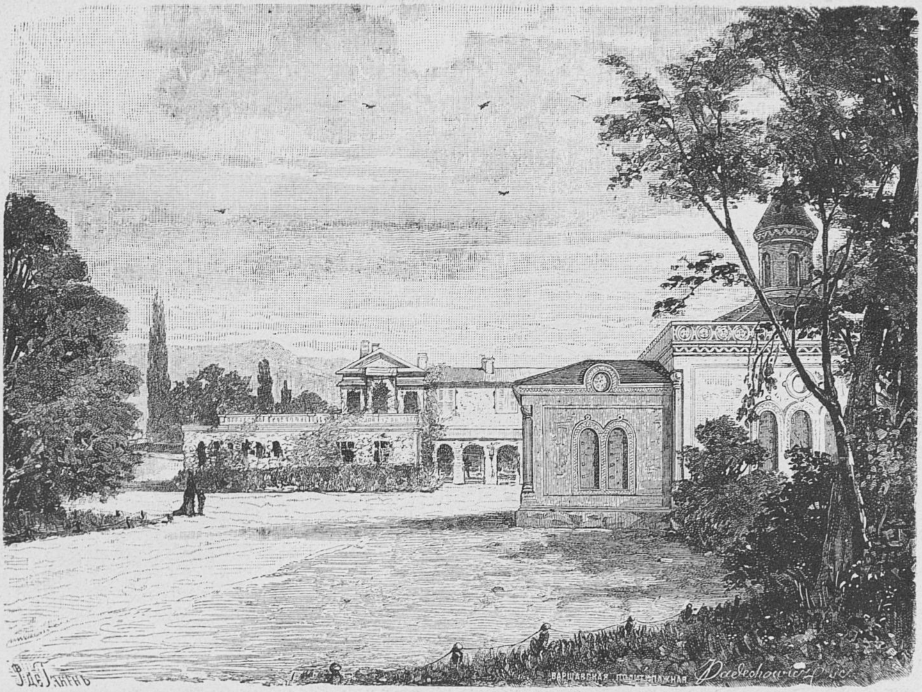
Съ другой стороны почтовой дороги, гораздо выше въ горахъ, прячется среди лѣсу, въ сосѣдствѣ съ роскошными горными пастбищами, молочная ферма Ливадіи со стадомъ образ-

цовыхъ коровъ, и центральный бассейнъ, вода котораго обильно орошаетъ лужайки Ливадіи и поитъ всю Ялту. Еще много выше фермы, на самой вершинѣ горы, уже въ царствѣ облаковъ, недавно построенный дворецъ Эрикликъ, въ которомъ Государыня пользуется иногда цѣлебнымъ воздухомъ горъ, и изъ котораго открывается на Ялту, Оріанду и на весь берегъ, лежащій подъ его ногами, поразительный видъ. Великолѣпное шоссе, дѣлающее безконечное число изгибовъ и поворотовъ, незамѣтно, будто по пологимъ ступенямъ лѣстницы какого-нибудь аристократическаго дома, поднимаетъ на верхъ самыя тяжелыя кареты и коляски, избирая для своего пути самыя эффектныя мѣстности и на каждомъ шагу поражая глаза новыми чудными видами на море и окрестности берега. Такое же шоссе идетъ и къ грозному ущелью «Учанъ-Су»

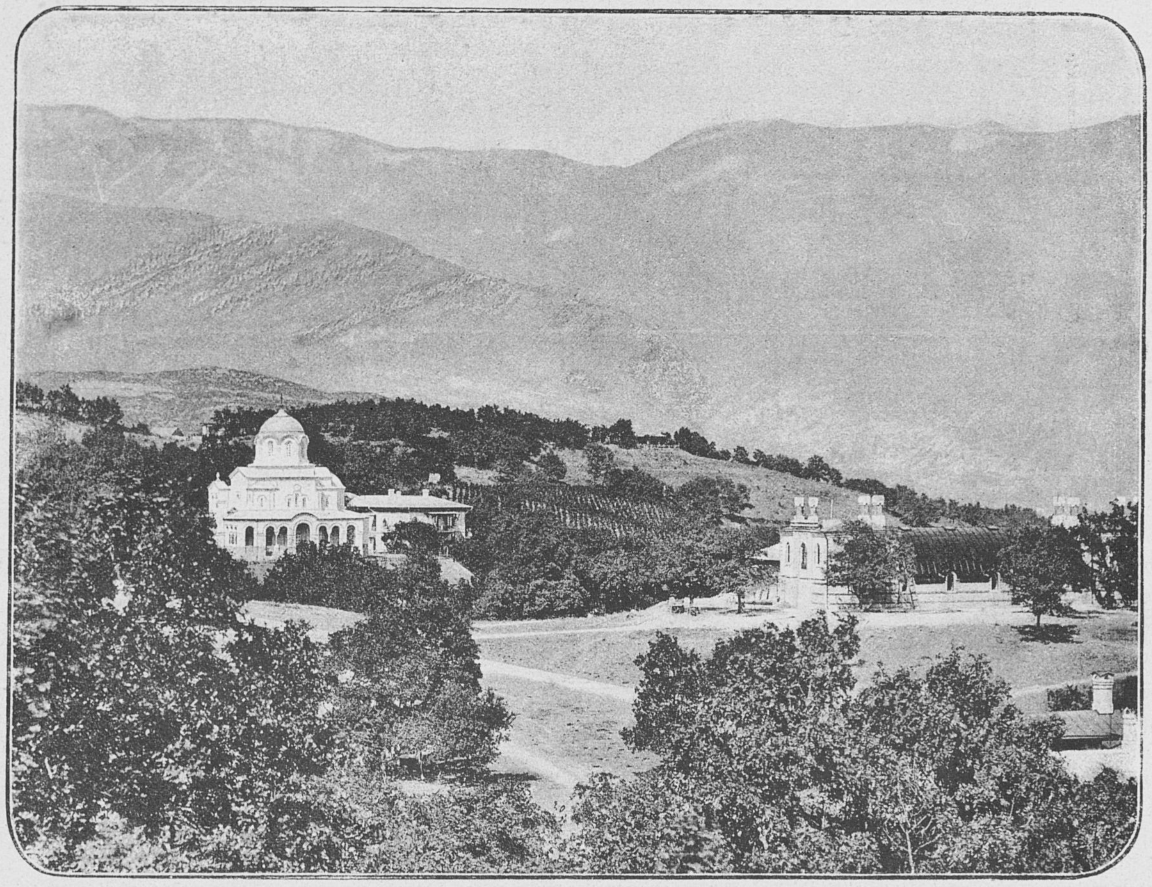


Водопадъ въ Крымскихъ горахъ.

(летучая вода), въ которое срывается со скалъ Яйлы одинъ изъ громаднѣйшихъ крымскихъ водопадовъ. Дѣвственный сосновый боръ, цѣлыми полчищами древесныхъ великановъ толпящійся вокругъ этого живописнаго ущелья, сообщаетъ ему еще болѣе дикій и таинственный характеръ, который такъ и просится подъ кисть Сальватора-Розы. Черезъ «Учанъ-Су», мимо развалинъ древней крѣпости «Учанъ-Су-Исаръ», шоссе поднимается такими же величественными лѣсами на самое темя тѣхъ плоскихъ заоблачныхъ равнинъ, которыя татары называютъ Яйлою и которыми вѣнчается скалистый хребетъ южнаго берега... Отсюда уже рукою подать и до утесистой вершины Ай-Петри, на которую непремѣнно съѣздитъ всякій любопытный путешественникъ.

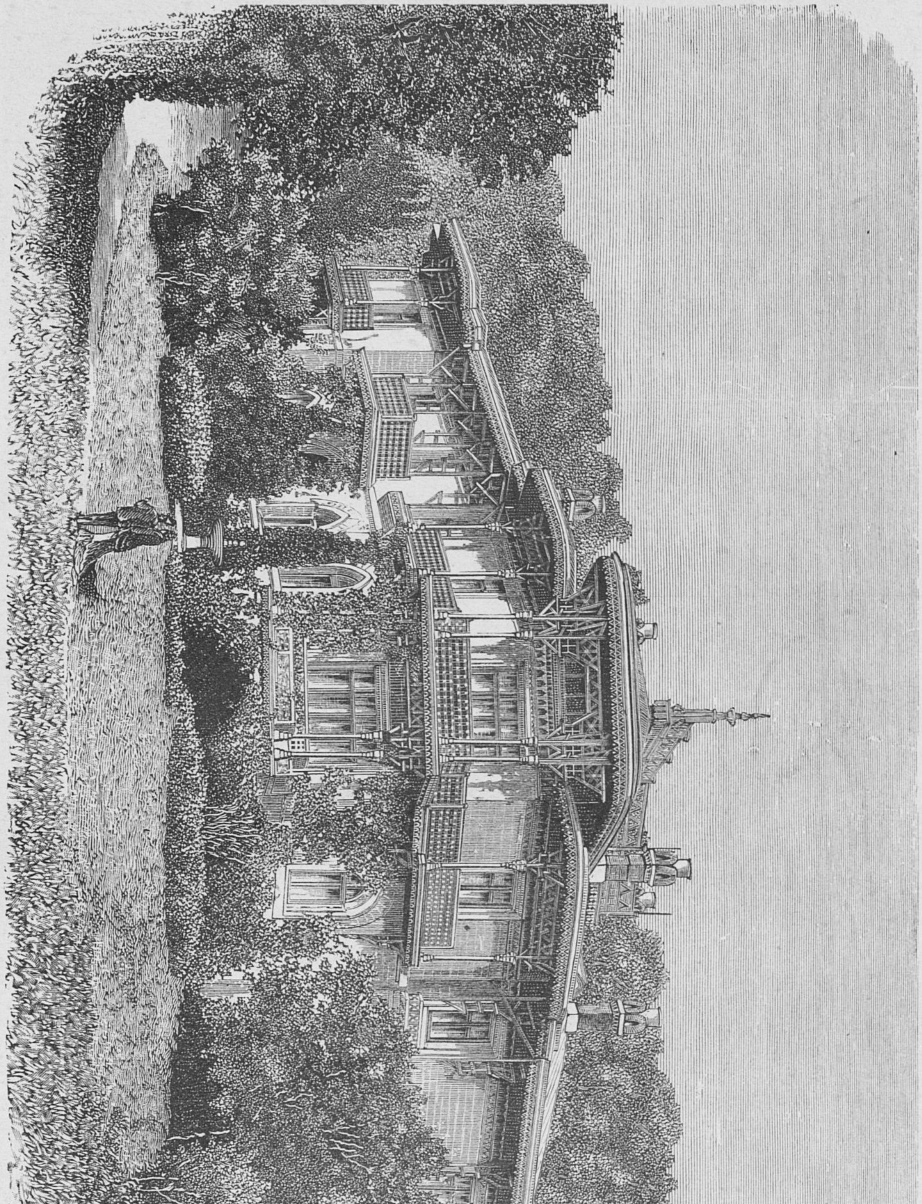


Видъ дворца и церкви въ Ливадіи.



Церковь въ Ливадіи.

Ялта—это нашъ крошечный Неаполь. Она точно также тѣснится амфитеатромъ около своего полукруглаго залива, сама охваченная кругомъ широкимъ объятіемъ горныхъ громадъ,



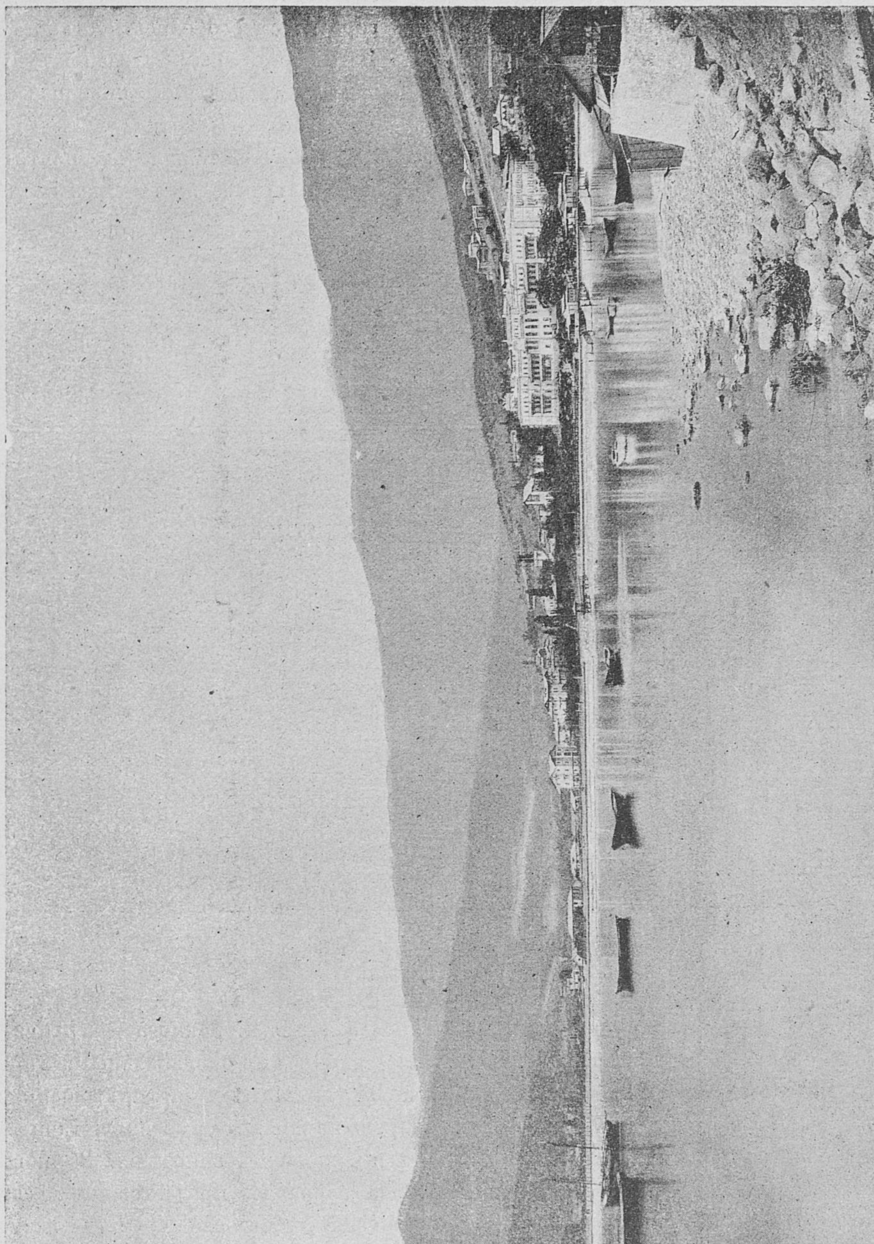
Эрикликъ.

живописно синѣющихъ надъ ея цвѣтущею и многолюдною долиною... Веселая яркая пестрота я изящныхъ дачъ и домиковъ, перемѣшанныхъ съ хорошенькими садиками,



Общій видъ Ялты.

ея пристань, постоянно оживленная пароходами и судами, составляютъ восхитительный контрастъ съ тяжкою хмуристою массою Яйлы, тѣсно прижавшею къ морю этотъ прелестный молодой городокъ... Ялта—центръ крымскихъ туристовъ, крымскихъ дачниковъ, крым-



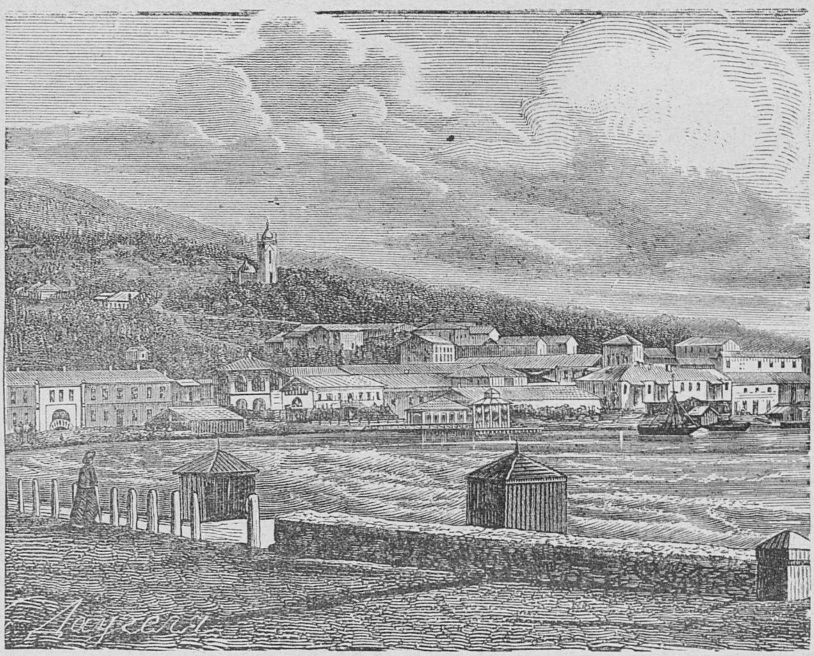
Набережная и гостиница «Россія» въ Ялтѣ.

скихъ больныхъ. Это самая людная и самая дорогая станція здоровья. Здѣсь даже очень слабые больные грудью проводятъ зиму и находятъ облегченіе; здѣсь лѣчатся моремъ, виноградомъ, кумысомъ, воздухомъ. Великая приманка Ялты, — это ея теплота и ея сравнительное

благоустройство. Здѣсь нѣсколько большихъ и хорошихъ гостиницъ, здѣсь газъ, водопроводъ, тротуары, извозчики и прислуга. Здѣсь всевозможные магазины и товары, здѣсь доктора, здѣсь пароходное и телеграфное сообщеніе, вообще многое, чего нѣтъ въ другихъ мѣстностяхъ южнаго берега, иногда даже болѣе привлекательныхъ, чѣмъ Ялта. Но все-таки широкая жизнь Ялты вызвана искусственно, сначала усиліями князя Воронцова, создателя Ялты, потомъ пребываніемъ Двора въ Ливадіи. Дворъ болѣе всего обусловливаетъ собою и наплывъ товаровъ, и наплывъ посѣтителей, и внѣшнее благоустройство городка съ его окрестностями.

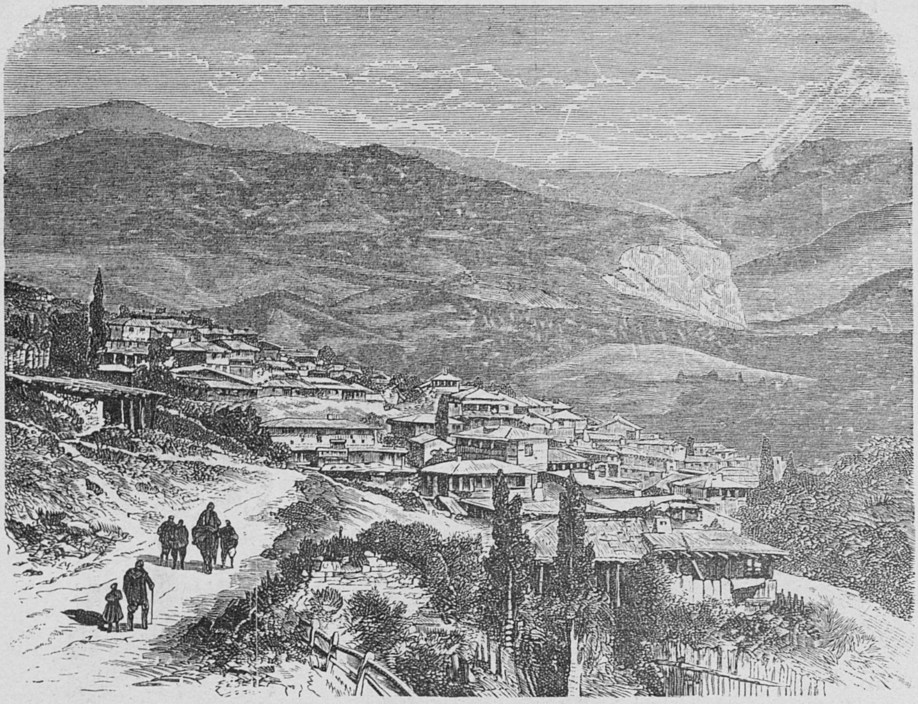
Какъ бы то ни было, но въ настоящее время Ялта, среди очаровательныхъ пустынныхъ уголковъ южнаго берега, пока представляется единственнымъ центромъ цивилизованной европейской жизни.

Живописныя татарскія деревни Аутка, Дерекой, Ай-Василь теперь уже почти слились съ Ялтою въ одинъ городъ дачъ. Какъ съ запада тѣснятъ Ялту мѣстности Ливадіи, такъ съ во-



Ялта — по дорогѣ изъ Ливадіи.

стока ей не даютъ двинуться ни на шагъ мѣстности князя Воронцова,—верхняя и нижняя Массандры. Верхняя Массандра со своимъ лѣтнимъ домикомъ, оригинальными горными проулками и церковью глубокой древности, окруженный тысячелѣтними орѣховыми деревьями, стоитъ того, чтобы заглянуть въ нее. За Массандрою начинаются казенныя дачи Магарача и Никиты, съ образцовымъ императорскимъ садомъ и училищемъ винодѣлія. Въ погребѣ Магарача найдете самое лучшее въ Крыму вино, которое впрочемъ продается въ весьма малыхъ количествахъ и очень не дешево. Никитскій ботаническій садъ въ свое время, особенно во время директорства извѣстнаго ботаника Стевена, снабдилъ дачи цѣлаго южнаго берега множествомъ рѣдкихъ акклиматизированныхъ растеній, которыя теперь сдѣлались совершенно мѣстными. Весь этотъ берегъ полонъ мелкихъ дачъ и виноградниковъ. Громадные виноградники князя Воронцова охватываютъ его съ обѣихъ сторонъ, отъ Массандры и отъ Ай-Даниля, которыхъ



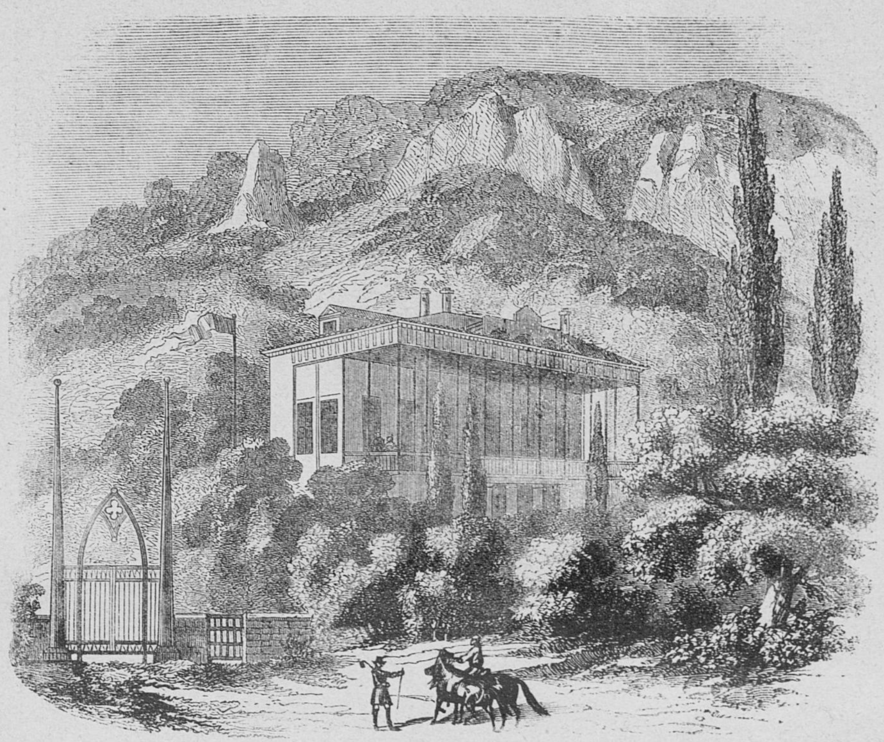
Дерекой, деревня близъ Ялты.

имена такъ извѣстны любителямъ крымскаго вина. Рядомъ съ Ай-Данилемъ другое знаменитое крымское винодѣліе и одно изъ живописнѣйшихъ и богатѣйшихъ имѣній южнаго берега—



Часть Ялты.

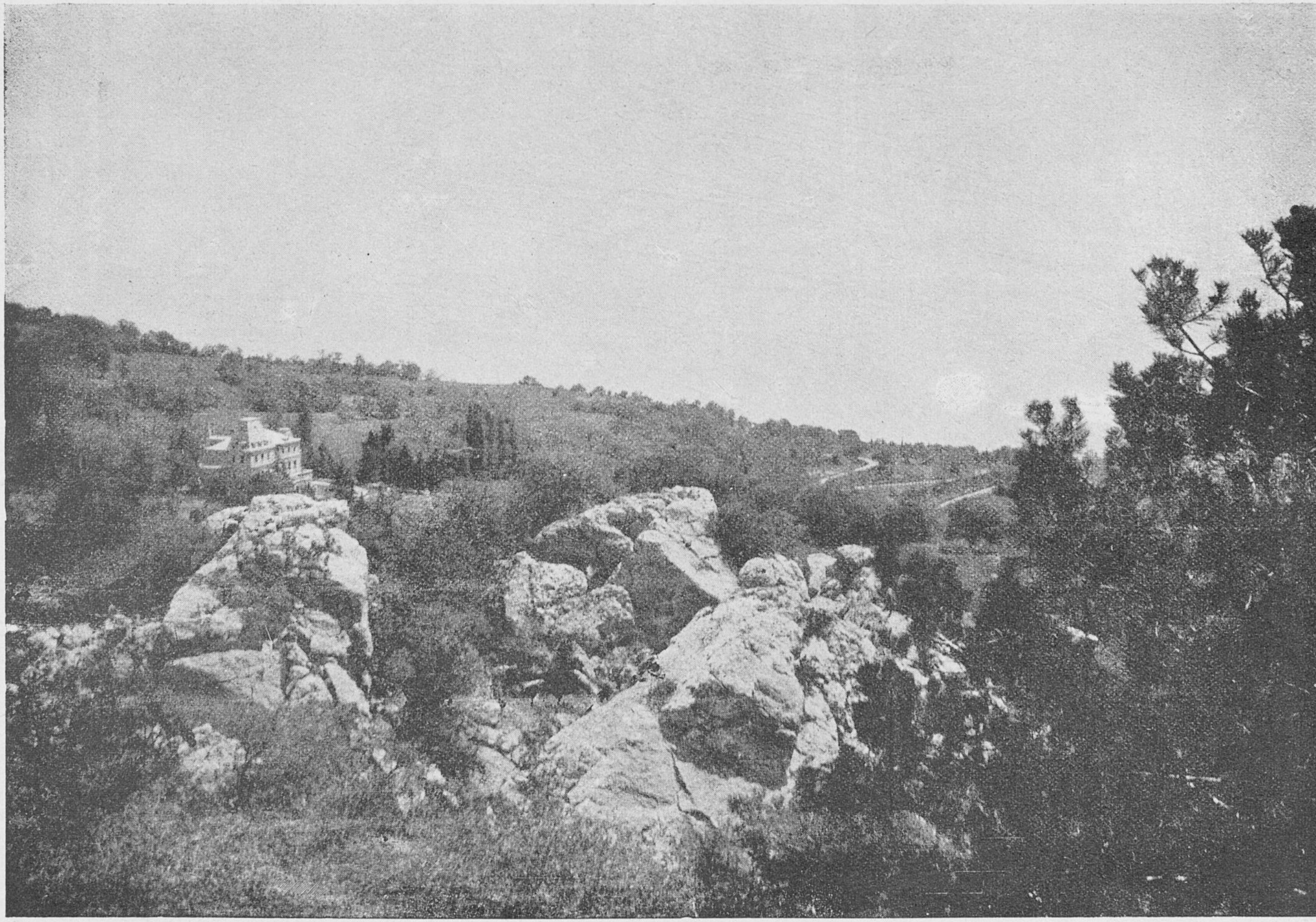
Гурзуфъ г. Фундуклея, прежнее владѣніе знаменитаго устроителя Одессы, герцога Ришелье; собственно Гурзуфъ—старое татарское селеніе, которое лѣпится по необыкновенно оригинальнымъ и красивымъ скаламъ, сохранившимъ еще развалины древней Горзувиты, вокругъ прелестныхъ рыбныхъ заливчиковъ. Паркъ же и дворецъ г. Фундуклея, такъ же какъ его прекрасные виноградники, находятся съ этой стороны залива, напротивъ селенія, какъ разъ внизу Ай-Данильской почтовой станціи. Изъ Гурзуфа уже видна, какъ на ладони, и составляетъ характерный элементъ его пейзажа гора Аю-Дагъ, воспѣтая Пушкинымъ. Аю-Дагъ (святая гора) татары называютъ Медвѣдь-горою, потому что ея тяжелая горбатая масса, прилегшая къ водамъ моря и далекимъ мысомъ выдавшаяся въ него, имѣетъ форму отдыхающаго медвѣдя. Аю-Дагъ образуетъ съ прилежащими къ нему берегами нѣсколько, издревле люби-



Массандра, помѣстье князя Воронцова въ Крыму.

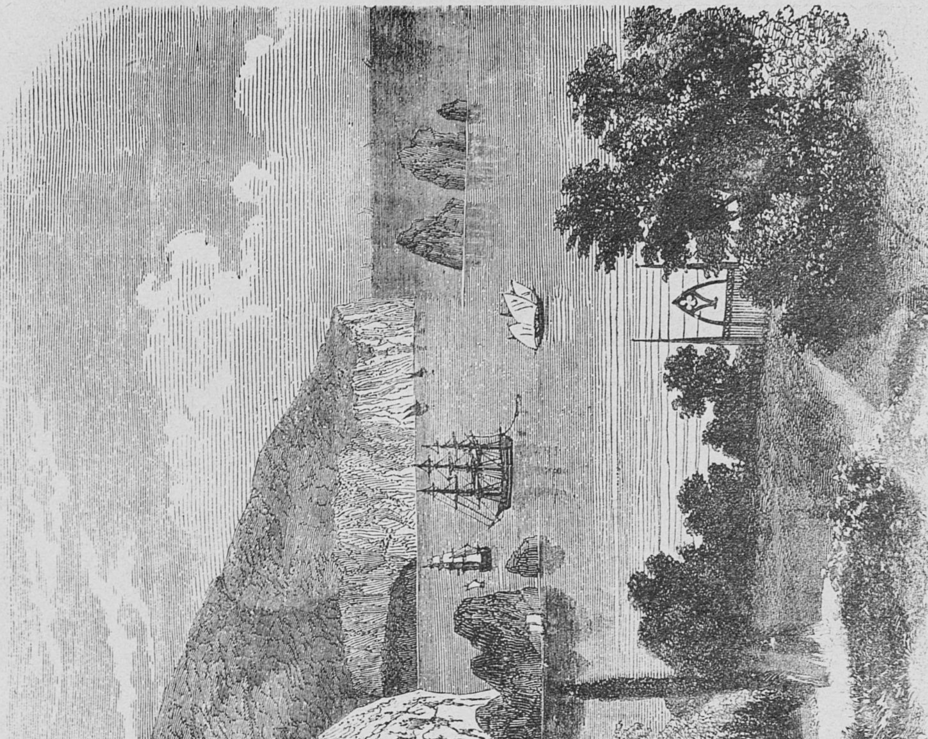
мыхъ рыбаками, уютныхъ бухтъ, при которыхъ прячутся уединенныя дачи Суксу и Артека. Вообше въ этой мѣстности, начиная отъ Ай-Табора, берегъ представляетъ цѣлый рядъ полукруглыхъ открытыхъ заливчиковъ, раздѣленныхъ мысами; таковъ заливъ Ялтинскій, разъединенный мысомъ св. Іоанна отъ Никитскаго залива, который тоже въ свою очередь отдѣляется мысомъ Никита отъ залива Гурзуфскаго.

Трахитовый куполъ Аю-Дага образуетъ собою довольно рѣзкую грань, къ сѣверу отъ него растительность берега уже нѣсколько видоизмѣняется, хотя еще сохраняетъ общій южнобережный характеръ... Партенитъ г. Раевскаго лежитъ въ самой пазухѣ Аю-Дага съ другой его стороны; его тихій заливчикъ еще въ глубокой древности служилъ пристанищемъ поселенцевъ. Нѣкоторые ученые даже думаютъ, что названіе Партенита заставляетъ считать мысомъ Партеніумомъ, на которомъ стояло капище Ифигеніи, не м. Фіолентъ, а гору Аю-Дагъ. Интерес-



Замокъ и гроты въ верхней Массандрѣ.

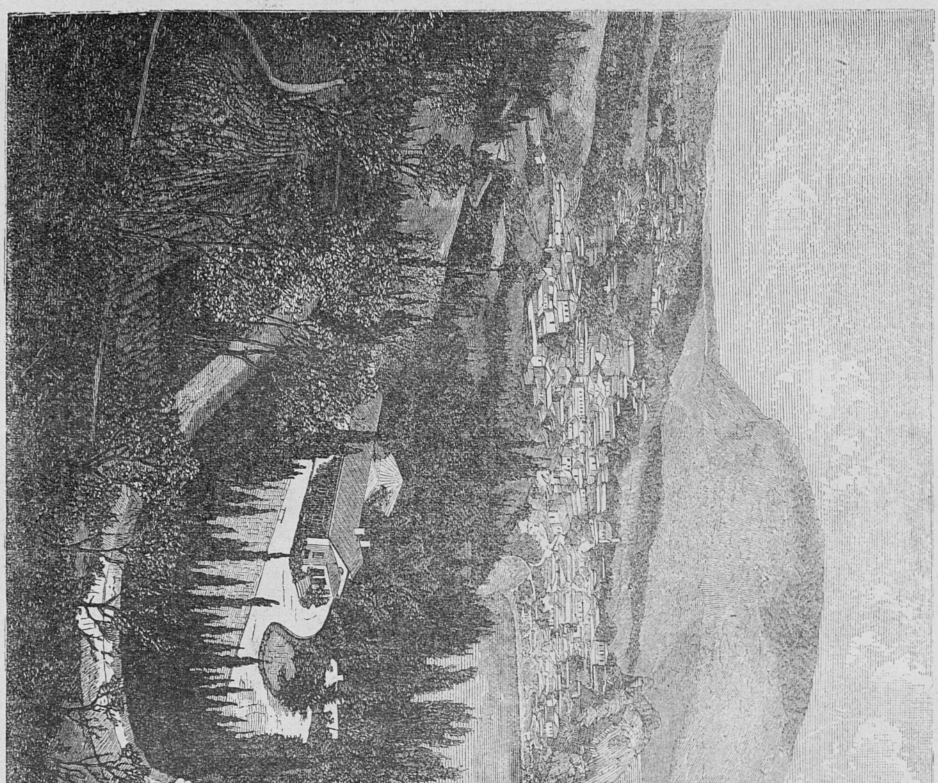
ныя развалины древняго греческаго храма открыты въ 1871 году, и развалины другого еще болѣе богатаго храма, во имя св. Константина и Елены, найденныя на самой вершинѣ Аю-Дага, изъ которыхъ еще Потемкинъ вывозилъ въ Херсонъ колонны зеленаго мрамора,—убѣж-



Татарская деревня Гурзуфъ въ прежнее время.

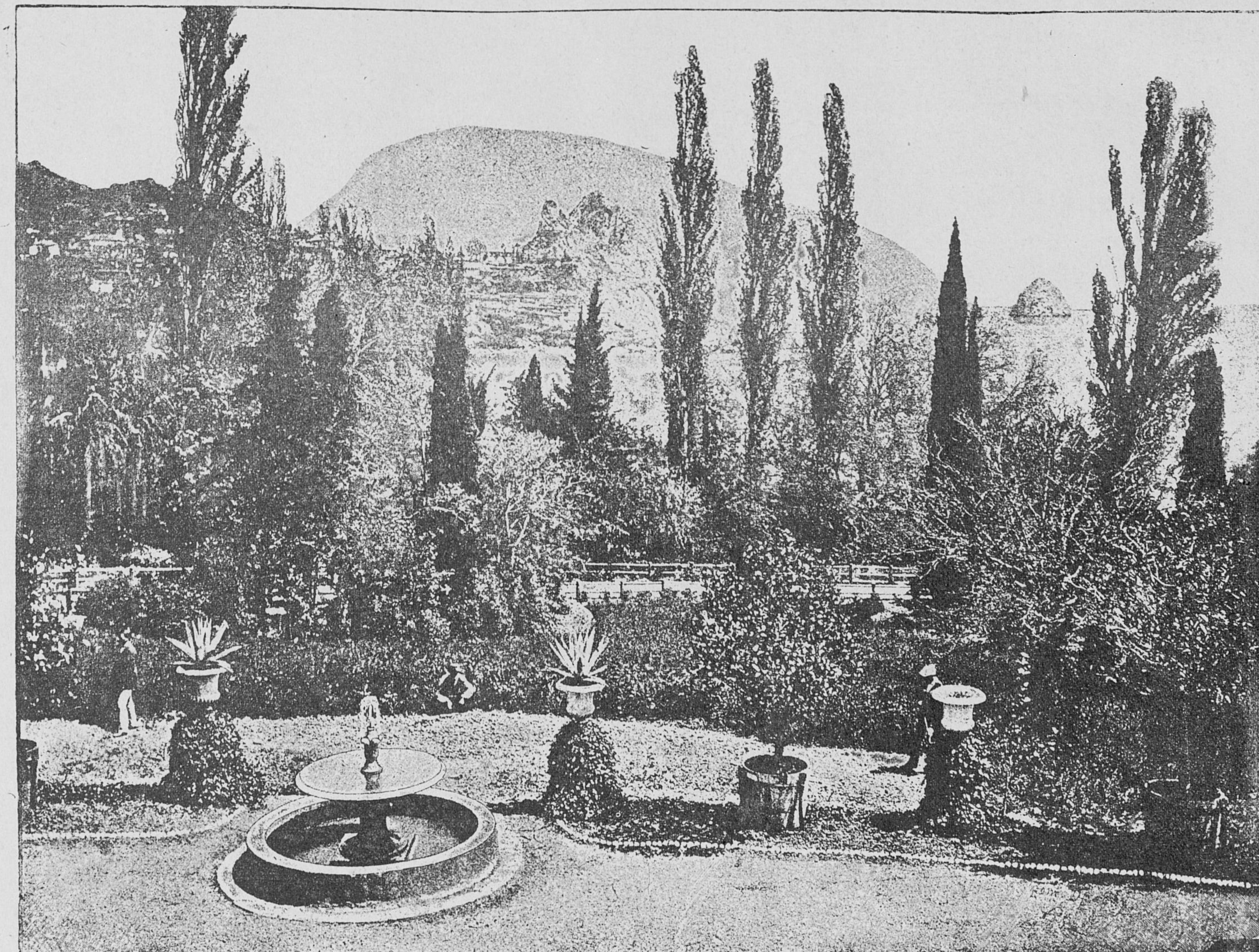
даютъ несомнѣнно, что во всякомъ случаѣ во времена византійцевъ на Аю-Дагѣ были значительныя греческія поселенія; а уцѣлѣвшие остатки циклопической стѣны говорятъ и за гораздо большую ихъ древность.

Вообще всѣ имена мѣстностей между Аю-Дагомъ и Алуптою носятъ на себѣ ясные слѣды старой греческой жизни. Партенитъ упоминается въ греческихъ лѣтописяхъ, какъ многолюдное



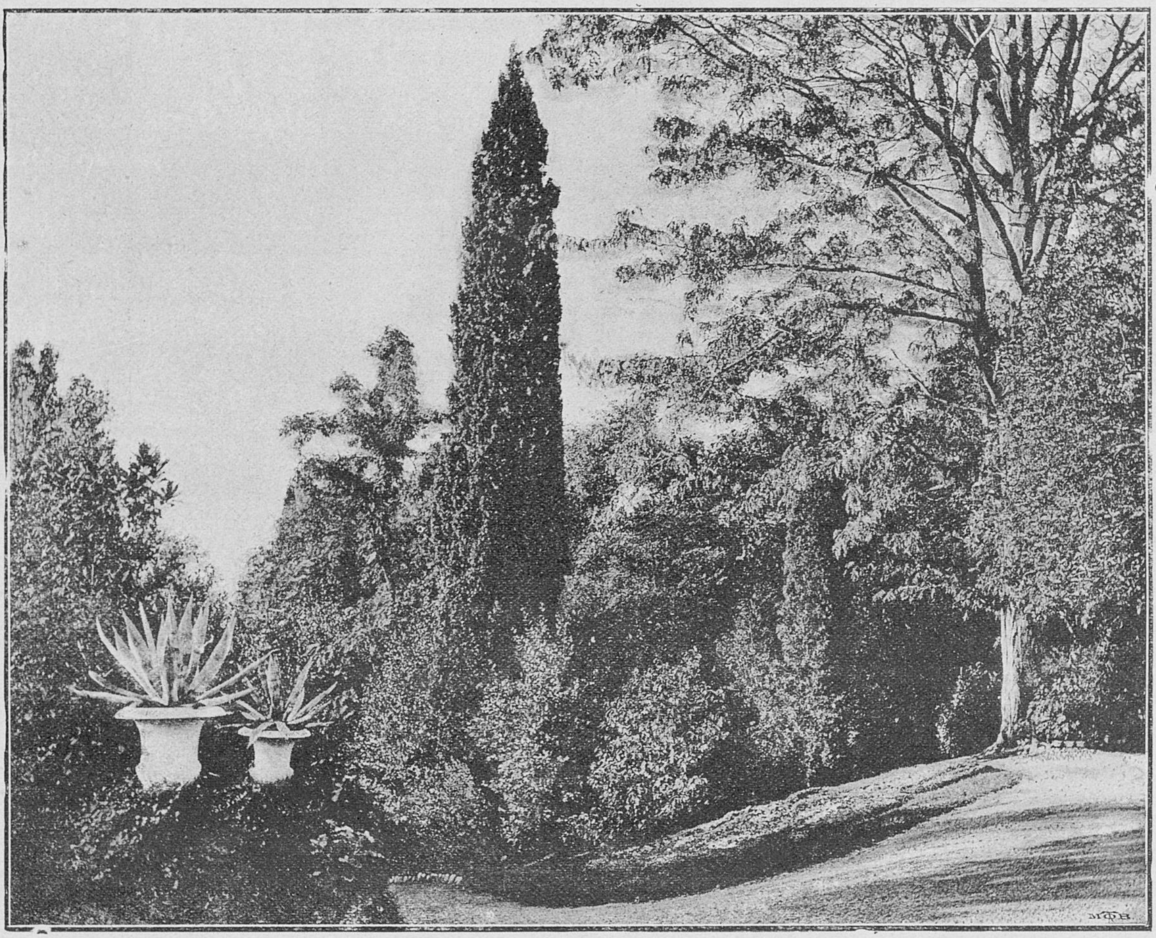
Гурзуфъ въ настоящее время. Видъ на Аю-Дагъ.

мѣстечко или даже городокъ, въ которомъ въ VIII вѣкѣ родился извѣстный епископъ Готѳіи, св. Іоаннъ; рядомъ съ Партенитомъ при другомъ такомъ же—укрытомъ отъ бурь залив-



Имѣніе Губонина въ Гурзуфѣ.

чикѣ, на скалахъ, причудливо изгрызенныхъ бурями, до сихъ поръ уцѣлѣло селеніе Кучукъ-Ламбатъ, а по сосѣдству съ нимъ, выше къ горамъ, Біюкъ-Ламбатъ, имена которыхъ несомнѣнно напоминаютъ древній эллинскій «Лампасъ», что значитъ «свѣтильникъ» или маякъ. Конечно, маякъ стоялъ на утесистомъ обрывѣ залива, тамъ, гдѣ теперь высится хорошенькая часовня князей Гагариныхъ, а, можетъ быть, и на остроконечной пирамидѣ горы Ай-Тобора, около Біюкъ-Ламбата. О городѣ Лампасѣ упоминается въ одномъ изъ самыхъ древнихъ описаній Чернаго моря, еще отъ временъ эллиновъ.

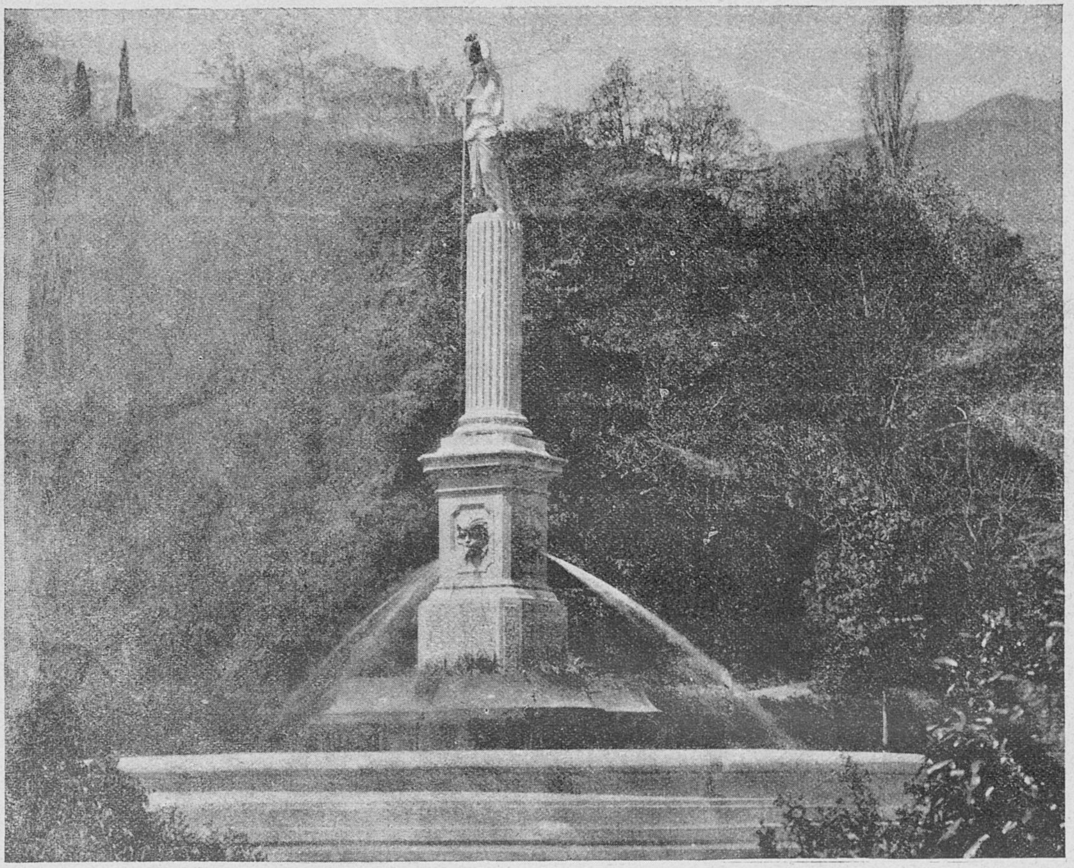


Часть Гурзуфа.

Гора Кастель, выступающая въ море, подобно Аю-Дагу, такимъ же продолговатымъ трахитовымъ куполомъ, только не въ тѣхъ размѣрахъ и не такъ далеко, въ имени своемъ сохранила память о крѣпости, вѣнчавшей ея вершину, слѣды которой, вмѣстѣ съ развалинами циклопической стѣны, видны доселѣ въ лѣсахъ, покрывающихъ макушку Кастели. Татары Аю-Дагъ называютъ также Біюкъ-Кастель (т. е. большая крѣпость). Наконецъ, Алушта — несомнѣнный древній «Алустонъ», укрѣплявшійся въ VI вѣкѣ Юстиніаномъ, впослѣдствіи *Луска* генуэзцевъ. Башни и стѣны, до сихъ поръ кое-какъ уцѣлѣвшія на вершинѣ холма, среди татарскихъ саклей, указываютъ на самое мѣсто старинной цитадели, защищавшей входъ на юж-

ный берегъ черезъ перевалъ Чатыръ-Дага. Алушта по своему положенію у устья главныхъ переваловъ, въ началѣ южнаго берега, могла бы имѣть гораздо большее значеніе, еслибы въ ней была устроена хорошая пристань и происходили правильныя пароходныя сообщенія. Впрочемъ и теперь Алушта одинъ изъ наиболѣе любимыхъ и наиболѣе удобныхъ пунктовъ, въ которые стремятся посѣтители южнаго берега. Красота ея видовъ и здоровый воздухъ дѣлаютъ ее маленькою соперницею Ялты.

За Алуштою, юго-восточный берегъ уже далеко не представляетъ той красоты, какъ между Байдарами и Алуштой, и по недоступности своей, по отсутствію сколько-нибудь проѣзжихъ



Фонтанъ въ Гурзуфѣ.

дорогъ и главныхъ условій цивилизованной жизни, можетъ считаться полудикою мѣстностью. Впрочемъ теперь уже происходятъ работы по проведенію берегового шоссе и въ этой части Крыма, такъ что, безъ сомнѣнія, черезъ нѣсколько лѣтъ малоизвѣстные домики ея станутъ такими же многолюдными и извѣстными, какъ долины южнаго берега. Если они будутъ уступать имъ въ тепломъ климатѣ и живописности, то за то ихъ промышленная будущность, при гораздо большихъ удобствахъ для винодѣлія и садоводства, пожалуй можетъ оказаться счастливѣе всякой Ялты. Уже и теперь, несмотря на глушь этихъ мѣстъ, центръ по производству вина въ Крыму и главная торговля Крыма виноградомъ сосредоточены въ Судакской и дру-

гихъ сосѣднихъ съ ней долинахъ, какъ напр., Таракташской, Токсукской, Козской, Ускютской, Куру-Узеньской и пр. Русскіе купцы и извозчики еще до желѣзной дороги являлись съ подвозами въ Карасу базаръ и оттуда входили въ сношенія съ хозяевами этихъ виноградниковъ, гораздо болѣе обильныхъ и дешевыхъ, чѣмъ настоящіе южнобережскіе.

Судакъ играетъ роль маленькой торговой столицы здѣшняго винодѣлія. Его вина въ значительномъ количествѣ вывозятся и сухимъ путемъ въ Россію, и моремъ въ Таганрогъ, гдѣ они поступаютъ на мѣстныя фабрики винъ, доставляя русскому потребителю самые разнообразные сорта «заграничнаго вина». Въ то время, какъ самое плохое южнобережное вино стоитъ 3 руб. за ведро, а порядочное 6 руб. и болѣе, въ Судакѣ еще не рѣдки вина по 50 коп. сер. и по 1 руб. за ведро. Такія же и даже болѣе дешевыя вина доставляютъ нѣкоторыя долины сѣверо-западнаго предгорія, Амнинская, Качинская.

Судакъ самъ по себѣ глухой и скучный городъ, въ который рѣдко заглядываютъ пароходы, особенно не въ виноградный сезонъ; въ немъ большею частью живутъ греки, татары да управляющіе виноградниковъ. Но съ исторической и художественной точки зрѣнія онъ очень интересенъ. На крутой обрывистой горѣ надъ самымъ моремъ еще цѣлы развалины древней Сугдеи, пресловутаго Сурожа нашихъ старинныхъ лѣтописей, которому еще въ словѣ о полку Игоревѣ «дивъ кличетъ вверху древа», который далъ имя свое и «морю Сурожскому», и «купцамъ сурожанамъ», что пріѣзжали въ нашу Москву бѣлокаменную торговать «суровскимъ товаромъ».



Фонтанъ Кутузова по дорогѣ въ Алушту, недалеко отъ Алушты.

Сурожъ былъ въ средніе вѣка своего рода Марселью или Ѳеодосіею для южной Россіи. Здѣсь была еще до генуэзцевъ почти независимая греческая муниципальная республика Сугдея, основанная въ глубокой древности; у генуэзцевъ (Солбая) также была важною крѣпостью, охранявшею ея черноморскія колоніи. А когда турки завоевали генуэзскія колоніи, то и у нихъ Судакъ продолжалъ быть однимъ изъ оплотовъ берега. Крѣпость при захватѣ русскими, была очень обширна, и со стороны моря, куда скала обрывается отвѣсною стѣною, совершенно неприступна. Даже и теперь, послѣ разрушенія множества стѣнъ, башенъ и казармъ, уцѣлѣвшія развалины представляютъ собою довольно грозный видъ. Охотнику до впечатлѣній и до живописныхъ видовъ можно вскарабкаться по стѣнамъ надъ страшнымъ морскимъ обрывомъ, до самой высокой башни, вѣнчающей пирамиду горы. Башня эта носитъ поэтическое названіе «башни дѣвы»—«Кизъ-Куле», но легенда объ этой дѣвѣ, кажется, утеряна. Очень можетъ быть, что это та же самая дѣвственная царица Ѳеодора, съ именемъ которой связываютъ многія крымскія развалины, особенно на Кастель-горѣ, и которая была въ XIV вѣкѣ владѣтельницею Судака и его окрестностей. Вообще Судакскія развалины уцѣлѣли лучше многихъ другихъ, и въ нихъ найдено много интересныхъ итальянскихъ надписей и другихъ памятниковъ. Башни и бойницы ихъ вырѣзаются высоко на своей скалѣ надъ мирною долиною Су-

дакскихъ виноградниковъ, воплощенною легендою поэтической, но вмѣстѣ съ тѣмъ и суровой древности...

Изъ Судака, черезъ богатую и людную долину Таракташа, лѣсами и горами, можно добраться до заоблачнаго Кизильташскаго скита, основаннаго предпріимчивымъ геніемъ архіепископа Иннокентія во имя одного изъ просвѣтителей Крыма, св. Стефана Сурожскаго, на мѣстѣ очень древней часовни съ священнымъ источникомъ, который чтутъ даже окрестные татары... Эта пустынная и живописная киновія особенно процвѣла при игуменѣ Парфеніѣ, котораго трагическая смерть отъ руки ненавидѣвшихъ его татаръ до сихъ поръ памятна всему Крыму.

За Судакомъ до самой Ѳеодосіи уже нѣтъ особенно замѣчательныхъ мѣстъ, кромѣ развѣ прекрасныхъ скалъ Коктебельскаго залива, которымъ ѣздятъ любоваться путешественники.

Такимъ образомъ мы обошли весь берегъ южнаго Крыма. Въ древности онъ былъ еще болѣе заселенъ, чѣмъ теперь. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ находили себѣ мѣсто и генуэцы, и греки, и готы, и татары. Вся горная и береговая страна отъ Ѳеодосіи до Алушты полна итальянскими названіями мѣстностей. Часовни и церкви св. Георгія, покровителя Генуэзской республики, сохранились въ развалинахъ на самыхъ трудно доступныхъ вершинахъ, въ глубинѣ самыхъ уединенныхъ долинъ.

Столько же памятниковъ греческой жизни уцѣлѣло въ западной половинѣ горъ, отъ Алушты до Бахчисарая. Каждый заливчикъ и мысъ южнаго крымскаго берега носитъ знаменательное историческое имя; на каждой скалѣ слѣды жилищъ, укрѣпленій, храмовъ. Нѣтъ такой горной тропинки, нѣтъ такого входа въ долину, у которыхъ бы не стояла въ древности башня или крѣпостца.

Что теперь представляется хаосомъ камней, голою унылою вершиною, то было нѣкогда значительнымъ торговымъ или военнымъ поселеньемъ, храмы котораго были украшены мраморомъ. Непроходимая глушь лѣса была когда то цвѣтущимъ садомъ, мѣстомъ винодѣлія, фабрикой масла...

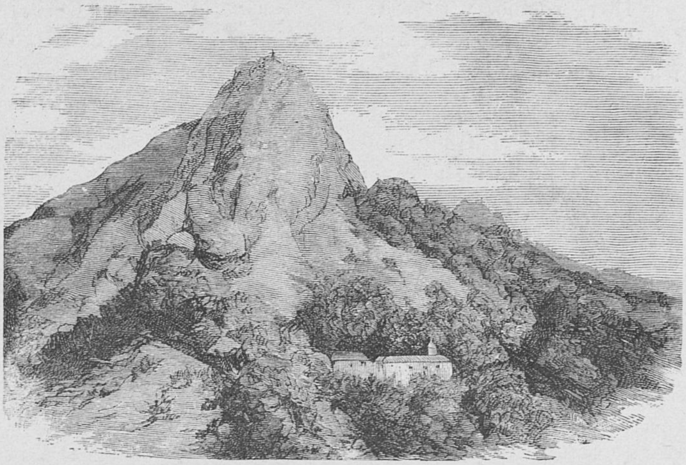
Укрѣпленія древнихъ поселенцевъ Крымскихъ горъ не были разбросаны случайно, а представляли собою весьма строгую систему. На многихъ горахъ, напримѣръ, на Чатырдагѣ, Караби-Яйлѣ и др., до сихъ поръ еще видны остатки стѣны, оберегавшей отъ степныхъ кочевниковъ всю страну горъ. Императоръ Юстиніанъ въ VI вѣкѣ возобновляетъ укрѣпленія Херсонеса и Босфора, строитъ замки Алустонъ, Горзувиту (Алушта и Гурзуфъ) и обводитъ стѣною всю горную страну, гдѣ жили готы. Но и гораздо ранѣе византійцевъ, еще при басфорскихъ и понтійскихъ царяхъ, до Рождества Христова, устроивались укрѣпленія для защиты сѣверныхъ предгорій. Существующія развалины, конечно, относятся къ различнымъ періодамъ исторіи, и нѣтъ сомнѣнія, что каждая новая система обороны Крымскихъ горъ въ свою очередь пользовалась уже прежде существовавшими укрѣпленіями. Болѣе всего сохранилось развалинъ въ сѣверо-западномъ углу горъ, по пути къ Херсонесу, Доросу, Цембало, Каламитѣ и другимъ значительнымъ городамъ древняго міра. Во время Юстиніана эта страна называлась вообще Дори и была населена не только греками, но еще и готами, германскимъ племенемъ, проникшимъ въ нее главнымъ образомъ въ IV вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. Еще въ IX вѣкѣ здѣсь уже было архіепископство Готѳійское, а народъ говорилъ по-нѣмецки даже въ XV и XVI вѣкахъ. По трактату съ Эліасъ-беемъ Солкатскимъ въ 15-мъ вѣкѣ весь южный берегъ перешелъ во власть генуэзцевъ подъ именіемъ «Готіи».

Готскія красныя дѣвицы, что, «звоня русскимъ златомъ, воспѣваютъ на брезѣ Синяго моря», упоминаются и въ словѣ о полку Игоревѣ, а послѣдній «митрополитъ Готѳійскій и Кеѳайскій» Игнатій умеръ всего только въ 1786 году, т.-е. на памяти до сихъ поръ живущихъ стариковъ.

Готѳійское владычество интересно еще и въ томъ отношеніи, что слѣды его тѣсно свя-

заны съ чрезвычайно интересными памятниками Крымской исторіи, *пещерными городами*. Страна готовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ страна пещеръ. Пещерные города Крыма сосредоточены именно въ томъ сѣверо-западномъ углу горнаго Крыма, который назывался Дори, по имени главнаго города Доросъ, теперешняго Мангуна.

Осмотрѣть страну пещерныхъ городовъ удобнѣе всего изъ Бахчисарая. Уже самый скитъ Успенскій, считающійся его предмѣстіемъ, есть несомнѣнный остатокъ древнихъ пещерныхъ жилищъ. Въ узкой и глубокой тѣснинѣ, наполненной теперь монастырскими садами, высоко въ отвѣсной стѣнѣ бѣлыхъ известковыхъ скалъ выточены переходы, лѣсенки, галерейки, комнаты и часовни, расписанныя прямо по сырцу скалы изображеніями святыхъ, снабженныя окнами, дверями, балкончиками и пристроичками всякаго рода. Новыя постройки монастыря лѣпятся внизу и около этихъ старинныхъ гнѣздъ, висящихъ на высотѣ надъ обрывомъ ущелья.



Скитъ св. Стефана въ Кизильташѣ (въ Крыму).

Въ прежнее время гоненій, язычества и междоусобицъ такое неприступное положеніе общины въ глухой тѣснинѣ было вызываемо крайнею необходимостью. Теперь однако безъ труда можно пробраться къ верхнимъ пещеркамъ и къ обширному алькову въ толщѣ скалъ въ которомъ, будто столовые часы подъ колпакомъ, стоитъ хорошенькая новая церковь...

Тѣснина Успенскаго монастыря поворачиваетъ налѣво къ *Чуфутъ-Кале*, до котораго всего нѣсколько шаговъ. Это древній *Кыркоръ* караимовъ, основанный въ глубокой древности. Городъ стоитъ на отдѣльной столовой горѣ, которой отвѣсные обрывы всѣ источены пещерами, будто осиное гнѣздо. Части стѣны, башенъ, нѣкоторые дома города еще сохранились. Остальное — куча развалинъ. Самый интересный памятникъ — это мавзолей ханской дочери Ненедфамъ-Ханымъ. Странно и непріятно ѣхать въ безмолвіи по мертвымъ улицамъ этого мертваго города, не встрѣчая живой души.



Чуфутъ-Кале.

Въ Чуфутъ-Кале еще недавно жилъ извѣстный ученый оріенталистъ — караимъ Авраамъ

Фирковинъ, вѣчный стражъ Чуфутъ, котораго домъ—единственное обитаемое мѣсто на всей горѣ. Онъ поддерживалъ здѣсь древнюю синагогу, куда еще стекаются на молитву Бахчисарайскіе караимы, и проводилъ дни и ночи въ своей такой же древней библіотекѣ, полной драгоцѣнныхъ рукописей старины.

Подъ горою, у города, въ дубовой рощѣ, замѣчательное по свое оригинальности и глубочайшей древности кладбищс караимовъ—Іосафатова долина, густо, какъ всходами хлѣба, уставленная двурогими и однорогими могильными памятниками, уже на половину вросшими въ землю и покрытыми еврейскими надписями, начиная отъ первыхъ годовъ нашей эры.

Изъ Чуфута нужно перебраться въ долину р. Качи осмотрѣть двѣ пещерныя горы Тепе-Керманъ и Качи-Кальенъ; Тепе-Керманъ—отдѣльная какъ островъ пирамида, вся вершина ко-



Еврейское кладбище въ Бахчисараѣ.

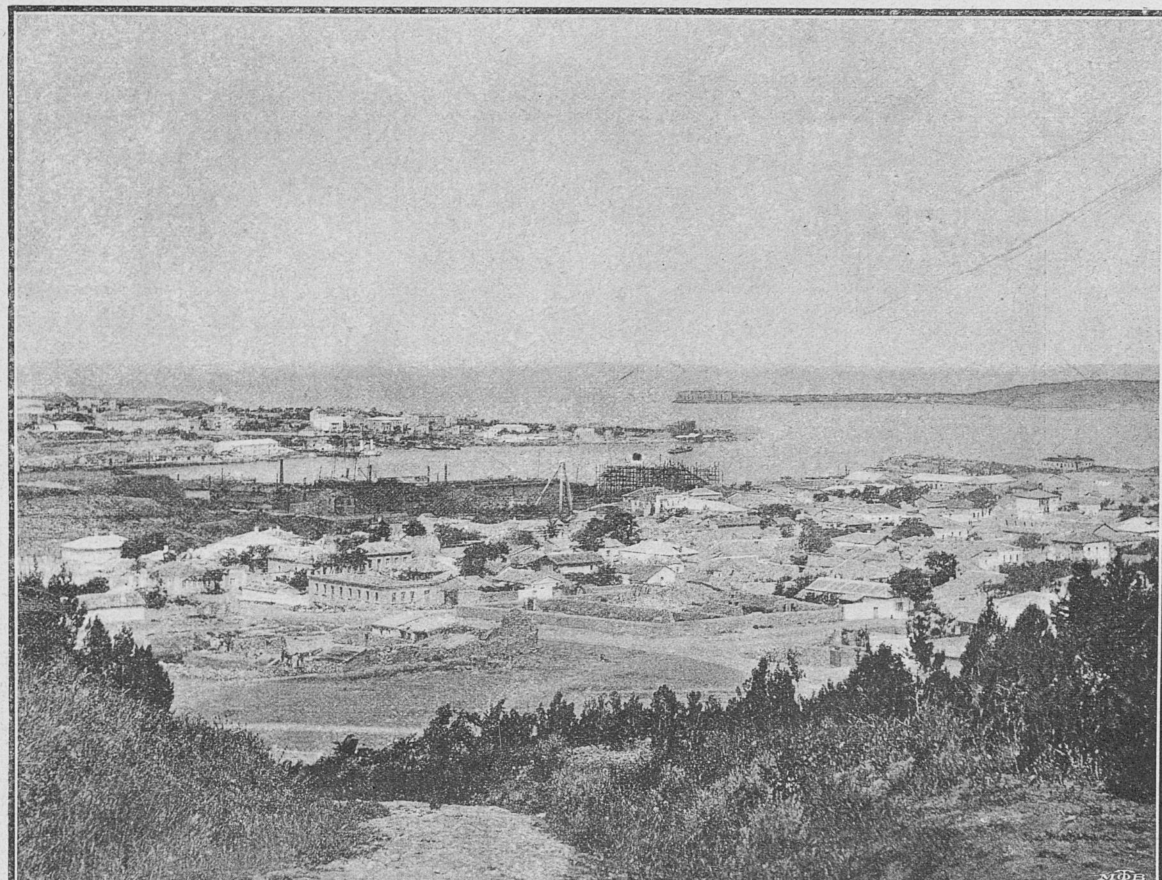
торой полна пещеръ. Тамъ внутри цѣлые храмы, лѣстницы, кельи, хлѣва для скота. Добраться до нихъ по осыпямъ скалъ не легко. Прежде на макушкѣ горы видѣли остатки замка и крѣпости.

Въ Качи-Кальенъ уже давно не возможно подняться; известняки, подточенные пустотами пещеръ, разрушаемые сыростью и вѣтрами, осыпаются просто на глазахъ. Подъ сѣнью пещерной скалы, на уступѣ ея, стоитъ запустѣвшій теперь монастырекъ св. Анастасіи, у древняго источника, еще до сихъ поръ превлекающаго богомольцевъ.

Интереснѣе этихъ пещерныхъ городовъ Мангубъ-Кале, который стоитъ также на отдѣльной и очень высокой столовой горѣ въ долинѣ рѣки Каралета, впадающей въ Бельбекъ. Онъ назывался прежде Манкопія и Доросъ или Теоберо. Онъ былъ средоточіемъ всей Готіи. Еще при татарахъ князья мангубскіе имѣли большое значеніе, а Мангубъ считался главнымъ городомъ цѣлаго кадалыка, занимавшаго весь Ялтинскій уѣздъ и часть Симферопольскаго.

Балаклава, Инкерманъ, Ахтіаръ (нынѣшній Севастополь), Ялита (Ялта) и всѣ Крымскія горы до Алушты и Демерджи принадлежали къ нему.

Укрѣпленія Мангуба въ древности почитались неприступными, и онъ назывался «стальнымъ» городомъ, «поелику никакія стрѣлы не могли долетать до него». Дѣйствительно, на него очень трудно взобраться даже и теперь, безъ всякихъ рвовъ и укрѣпленій. Князья готовъ-трапезитовъ жили въ Мангубѣ, имѣвшемъ тогда много церквей, домовъ, два замка и окружонномъ высокими стѣнами съ башнями. Развалины башенъ, стѣнъ и замка еще хорошо уцѣлѣли. Въ наружныхъ обрывахъ скалъ видны пещеры, входъ въ которыя теперь очень



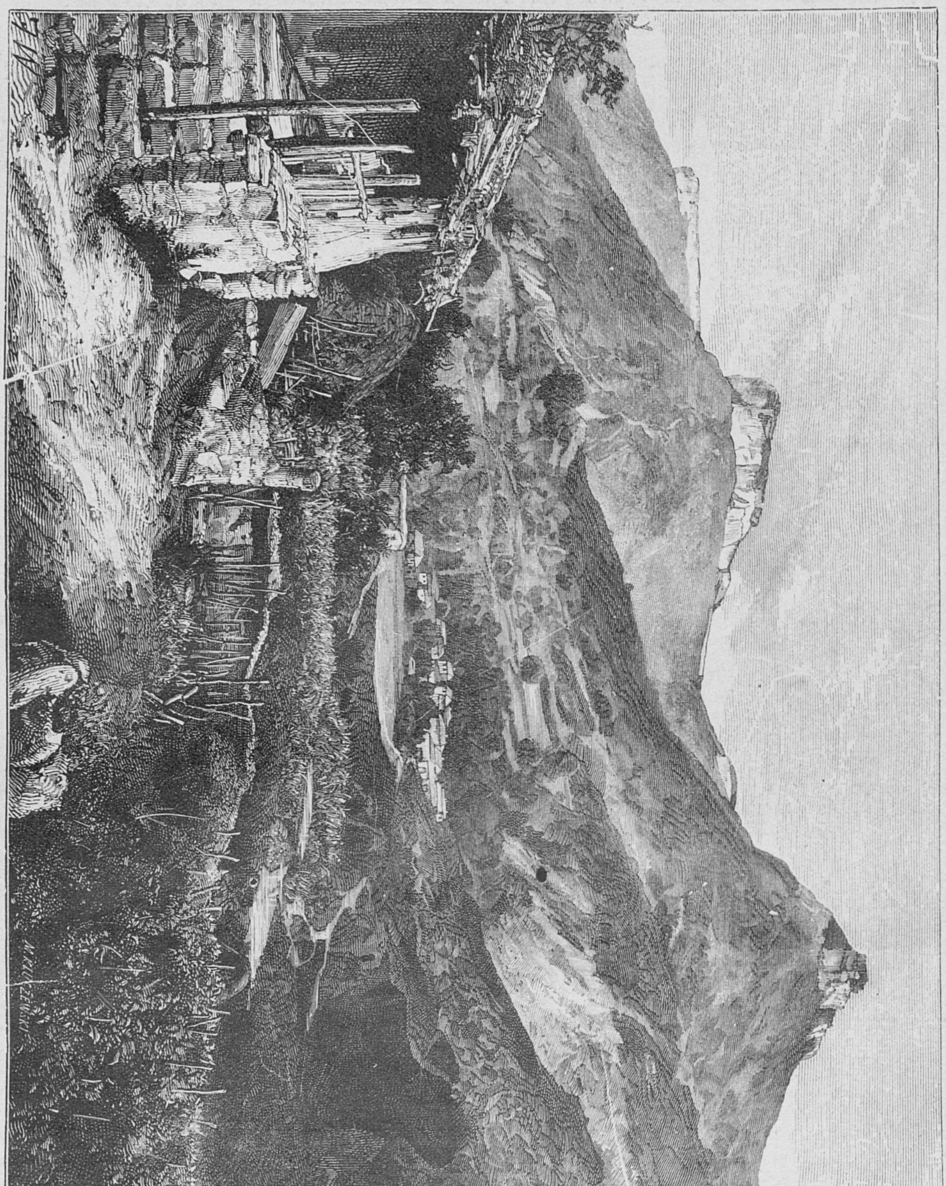
Севастополь.

опасенъ. Видъ на окрестности съ плоской вершины Мангуба одинъ изъ самыхъ живописныхъ.

Недалеко отъ Мангуна еще два пещерныхъ города, и оба на такихъ же столовыхъ горахъ: Черкесъ-Кермебъ съ своего характерною башнею и древнею пещерною часовнею и Эски-Керменъ, т.-е. старая крѣпость, очевидно прототипъ и родоначальникъ всѣхъ пещерныхъ городовъ Крыма, самый древній историческій памятникъ этого рода, происхожденіе котораго даже въ древности считалось неизвѣстнымъ. Эски-Керменъ—чисто пчелиный сотъ: изрытъ пещерами въ нѣсколько этажей и со всѣхъ своихъ сторонъ; въ немъ нѣсколько сотенъ пещеръ, которыя сообщаются между собою переходами и лѣсенками. Тутъ цѣлые христіанскіе монастыри

и храмы, гробницы со скелетами, алтари, колонны; особенно замѣчателенъ очень глубокій круглый колодезь внутри скалы. Пещеры эти также обрушаются съ каждымъ годомъ и въ долинѣ, кругомъ столовой горы Эски-Кермена, валяется множество камней, изрытыхъ пещерами...

Южнѣе Эски-Кермена еще одинъ пещерный городъ—это Инкерманъ, (крѣпость пещеръ),



Гора Мангупъ-Кале.

о которомъ уже говорено выше, а сѣвернѣе Бахчи-Сарая—Бакла, наименѣе замѣчательный изъ всѣхъ пещерныхъ городовъ.

Очевидно, пещеры эти вмѣстѣ съ защищавшими ихъ укрѣпленіями служили обычнымъ убѣжищемъ для жителей сосѣднихъ долинъ, въ дни постоянныхъ войнъ и набѣговъ;

очевидно также, что христіанство, рано проникшее въ Крымъ, воспользовалось ими для помѣщенія своихъ скитовъ и часовенъ. Но еще очевиднѣе, что первоначальное происхожденіе этихъ пещерныхъ гнѣздъ относится къ доисторическимъ временамъ человѣчества, когда человѣкъ еще не успѣлъ выбиться изъ общихъ зоологическихъ условій существованія, а копалъ и долбилъ себѣ норы наравнѣ съ звѣрями и птицами...

Расположеніе пещерныхъ городовъ въ неприступныхъ скалахъ и въ глубинѣ важныхъ долинъ, ведущихъ внутрь горъ, обратило вниманіе на ихъ стратегическое значеніе, и грозныя крѣпости по необходимости выростали въ разное время на ихъ столовыхъ вершинахъ, ставъ центрами трудолюбиваго горнаго населенія. Оттого-то у подножія почти всѣхъ пещерныхъ городовъ въ Чуфутѣ, Мангупѣ, Тепе-Керменѣ древнія и чрезвычайно многочисленныя кладбища.

Теперь, чтобы закончить нашъ обзоръ замѣчательностей Крыма, остается упомянуть только о двухъ совершенно особенныхъ пунктахъ полуострова.

На западѣ Евпаторія, на востокѣ Керчь—служатъ съ глубокой древности гаванями Крыма. Евпаторія, теперь привлекающая путешественниковъ только своимъ превосходнымъ морскимъ



Керчь.

купаньемъ и цѣлебными грязями Сакскаго озера, никогда не имѣла особеннаго историческаго значенія. Другое дѣло Керчь, древній Босфоръ, еще болѣе древняя Пантикапея. Она ровесница Херсонесу по своему историческому возрасту и по своему историческому значенію. Она служила столицею цѣлаго отдѣльнаго Босфорскаго царства. Древности Пантикапеи, обильно находимыя въ могилахъ и развалинахъ Керчи, послужили ко многимъ важнымъ историческимъ указаніямъ и составляютъ собою цѣлые любопытные музеи въ Петербургскомъ эрмитажѣ и въ самой Керчи.



Видъ Стараго базара въ Керчи.

Мраморныя статуи и вазы, золотыя украшенія, посуда и оружіе древнихъ босфорцевъ до сихъ поръ еще добываются изъ могильныхъ кургановъ Керчи. Ея «городъ мертвыхъ», Некрополисъ, представляетъ собою огромное поле холмовъ, окружающихъ живой городъ. Подземные своды и галлереи этихъ кургановъ, особенно Царскаго, Золотого и другихъ, напоминающіе во многомъ внутренность пирамидъ, своеобразны и интересны въ высшей степени.

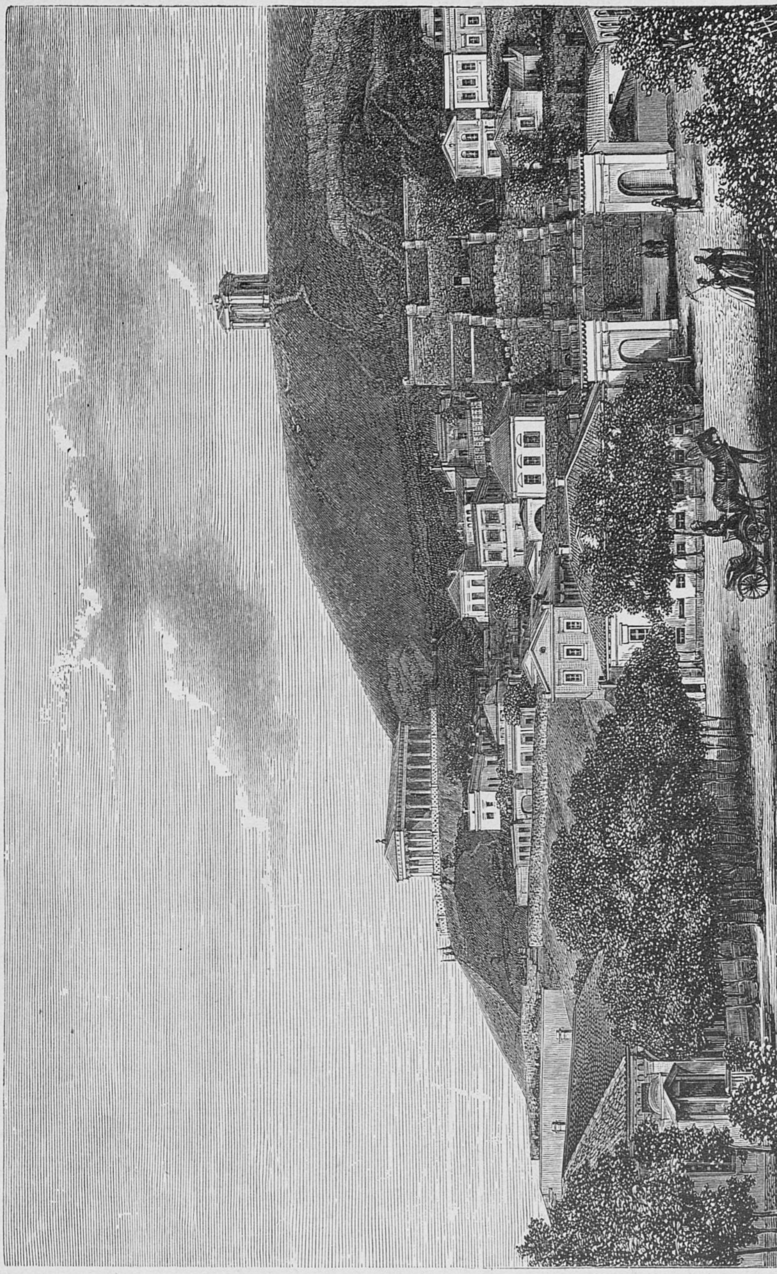


Видъ города Керчи съ горы Митридата.

Новая Керчь довольно многолюдный и благоустроенный торговый городокъ, имѣющій постоянное морское сообщеніе съ Кавказомъ, Таганрогомъ, Одессою. Новая, милліоны стоющая, крѣпость обѣщаетъ ей важное военное значеніе, какъ неприступной защитницѣ всего Азовскаго побережья и нашихъ богатыхъ хлѣбныхъ портовъ, такъ много пострадавшихъ въ Севастопольскую войну.

Но все-таки между нашею Керчью и древнею Пантикапеею, царицею босфора Киммерій-

скаго, цѣлая пропасть. Прекрасные многочисленные водопроводы ея изчезли и оставляютъ новую Керчь страдать отъ безводицы; вмѣсто лѣсистыхъ окрестностей старины—вокругъ Керчи унылая выжженая солнцемъ степь. Мраморные боги и мраморные дворцы Митридата погре-



Видъ на Митридатову гору.

бены подъ прахомъ. Когда-то Пантикапея простиралась на цѣлыхъ 20 стадій вокругъ и извѣстна была далеко своимъ богатствомъ. Всѣ берега пролива съ крымской и кавказской стороны представляли собою непрерывный рядъ многолюдныхъ торговыхъ городковъ, кото-

рыхъ имена уцѣлѣли въ лѣтописяхъ, но самое мѣсто которыхъ трудно теперь разыскать среди приморской пустыни...

На Митридатовой горѣ, до сихъ поръ составляющей главную характерную красоту Керченскаго пейзажа, стоялъ священный акрополь, а у ногъ его, по склонамъ горы, полукружіемъ сбѣгалъ къ уютному заливу цвѣтущій и обширный городъ, полный прекрасныхъ храмовъ, торжищъ, фонтановъ и проч. Не удивительно, что въ остаткахъ такого города погребено столько драгоцѣнныхъ памятниковъ художества и роскоши.

Однимъ словомъ, Керчь въ маломъ видѣ повторяетъ собою судьбу цѣлаго Крыма.

На великой могилѣ прошлаго прозябаетъ и копошится сравнительно ничтожная жизнь настоящаго...

Керчь, какъ и Севастополь—древній Херсонесъ, какъ и Ѳеодосія, Балаклава, Судакъ, ждутъ еще вмѣстѣ со всѣмъ Крымомъ своего настоящаго возрожденія; оно можетъ прійти къ нимъ только тѣмъ путемъ, которымъ развилось и въ первый разъ: путемъ свободной и широкой промышленной жизни, путемъ освобожденія мѣстныхъ интересовъ отъ всякихъ канцелярскихъ путъ, отъ всякой бюрократической эксплоатаціи...

Евгеній Марковъ.



Фонтанъ Маріи или слезъ, въ Бахчисараѣ.

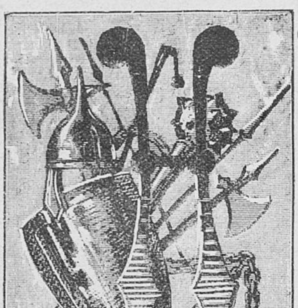
ОЧЕРКЪ XI.

КРЫМЪ ВЪ ЕГО ПРОШЛЫХЪ СУДЬБАХЪ.

Историческое значенiе Тавриды.—Первыя сношенiя русскихъ съ Таврическимъ полуостровомъ.—Заселенiе полуострова греками.—Греческiя колонiи.—Появленiе генуэзцевъ.—Борьба между греками и итальянцами за преобладанiе на полуостровѣ.—Нашествiе татаръ.—Мѣстныя легенды изъ эпохи борьбы съ татарами.—Торжество татаръ и основанiе ханства.—Перiодъ турко-татарскаго владычества.—Общiй очеркъ судебъ важнѣйшихъ историческихъ городовъ Тавриды: Перекопъ, Армянскiй базаръ, Каркинитъ, Евпаторiя, Симферополь, Карасубазаръ, Бахчи-Сарай, Херсонесъ, Балаклава, Старый Крымъ, Ѳеодосiя, Керчь.—Присоединенiе Крыма.—Путешествiе Екатерины.—Новѣйшая исторiя Тавриды.

Не разъ средь этихъ береговъ
Исторiя воспламеняла
Свой свѣточъ — и сюда скликала
Своихъ любимѣйшихъ жрецовъ.

Н. БОРОЗДНА.



ебольшой Таврическiй полуостровъ, находящiйся между 40° 23′ и 46° 21′ с. ш. и 2° 10′ и 6° 20′ в. д., принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ мѣстностей на земномъ шарѣ въ историческомъ, археологическомъ, геологическомъ, этнографическомъ и климатическомъ отношенiяхъ. Кто только не бывалъ на этомъ чудномъ, самимъ Богомъ благословенномъ островѣ!.. Почти всѣ народы, нѣкогда опустошавшiе Европу, проходили черезъ него. Здѣсь славились роскошью и различными искусствами Босфорское царство, Дорiйское княжество и Херсонеская республика; здѣсь проповѣдывалъ слово Божiе апостолъ Андрей Первозванный; здѣсь изнывали въ ссылкѣ и воспрiяли вѣнецъ мученической смерти св. Климентъ папа Римскiй, Мартинъ исповѣдникъ, Домитилла, Косьма и Дамьянъ, Корнилiй и Фивъ и семь священ. мучен., епископствовавшихъ въ Херсонесѣ. Здѣсь обитали Кириллъ и Меѳодiй; здѣсь архiепископствовалъ и умеръ Стефанъ сурожскiй; здѣсь родился Iоаннъ готѳскiй; здѣсь Владимiръ, великiй князь Русскiй, воспрiялъ христiанство и передалъ его славянскому народу; здѣсь красовался Старый Крымъ, къ которому шли караваны изъ Индiи; здѣсь генуэзская Кафа конкурировала со Стамбуломъ и скопляла сокровища отдаленнаго востока; здѣсь владычествовали и погибли послѣднiе представители кровожадныхъ монголо-татаръ, неоднократно опустошавшихъ Россiю; здѣсь происходила, одна изъ замѣчательныхъ во всемiрной исторiи, осада Севастополя, съ окончанiемъ которой нача-

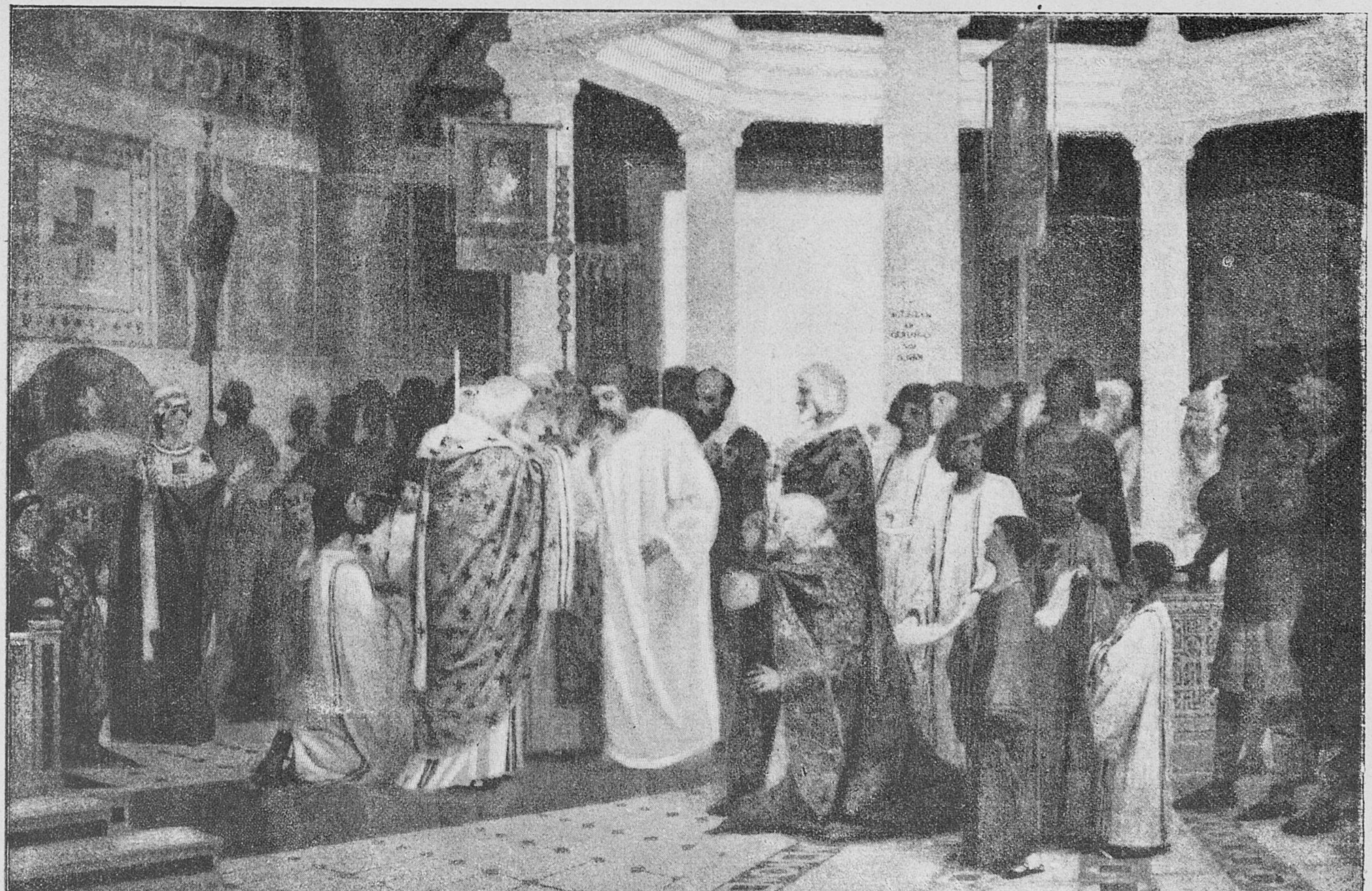
лось славное возрожденіе Россіи по всѣмъ отраслямъ общественной и государственной жизни; здѣсь, наконецъ, скончался императоръ Александръ III.

Много, много вѣковъ тому назадъ, еще на зарѣ цивилизаціи и разсвѣта на Таврическомъ полуостровѣ, процвѣтали обширные города, ведшіе торговлю со странами, самыми отдаленными отъ тогдашняго просвѣщеннаго міра...

Различные, давно исчезнувшіе, кочевые народы, воспоминаніе о которыхъ сохранилось въ преданіяхъ, поперемѣнно населяли Крымъ, или древнюю Тавриду, а именно: скифы, киммерійцы, тавры и др. Тавры дали странѣ и названіе. Въ легендарныя же времена поселяется въ Крыму осѣдлый уже элементъ—греки-колонисты, выходцы изъ Эллады. По преданіямъ, здѣсь былъ у нихъ храмъ «Діаны Таврической», гдѣ побывалъ и Язонъ со своими аргонавтами. Полагаютъ, что и слово «Таврида» греческаго происхожденія, отъ словъ «Таэврика», въ сокращеніи «Таврика», т.-е нашелъ, другими словами: край былъ для грековъ находкой. Они устраиваются по берегамъ Чернаго моря и основываютъ много значительныхъ впослѣдствіи колоній: Пантикапею, Фанагорію, Херсонесъ. Послѣдній извѣстенъ и изъ русской исторіи по походамъ св. Владиміра. Тогда крымскіе греки приняли уже христіанство и подпали подъ вліяніе Византіи. Впрочемъ, русскіе имѣли съ Тавридою и мирныя сношенія, пріѣзжая по торговымъ дѣламъ изъ Новгорода и Пскова въ тогдашнюю Сугдею или Сурожъ (нынѣшній Судакъ); отсюда и до сихъ поръ названіе сурожскихъ или суровскихъ товаровъ для шелковыхъ матерій.

Уже въ VI вѣкѣ до Р. Х. началось заселеніе крымскаго полуострова греками. За періодъ времени болѣе 1000 лѣтъ колоніи ихъ пріобрѣли значительное могущество, но впослѣдствіи греки принуждены были уступить свое мѣсто другимъ народамъ. На первыхъ порахъ они терпѣли отъ постоянныхъ вторженій половцевъ, а затѣмъ, въ половинѣ XIII столѣтія явился другой азіатскій народъ,—татары, подъ предводительствомъ Батыя. Одновременно съ этимъ на морѣ вытѣсняетъ грековъ другой цивилизованный народъ среднихъ вѣковъ—генуэзцы. Борьба между греками и генуэзцами шла не на животъ, а на смерть. Рѣшался вопросъ, кому владѣть жемчужиной. Завладѣлъ третій—татары. Сохранилась слѣдующая легенда, ярко характеризующая это столкновеніе дикой силы съ цивилизаціей.

«Въ отдаленныя отъ насъ времена, на береговой полосѣ Крыма существовали два сильныхъ и богатыхъ христіанскихъ княжества. Одно называлось *френскимъ* (генуэзскимъ), а другое *урумскимъ* (греческимъ). Френки и урумы ненавидѣли другъ друга и вели между собою постоянныя кровопролитныя войны. Однажды, утомленныя безпрестанными схватками, обѣ стороны начали переговоры о мирѣ. Послѣ совѣщанія съ народомъ, френкскій полководецъ предложилъ урумскому князю вѣчную дружбу своего народа на томъ условіи, если урумы выдадутъ ему, въ знакъ дружбы, золотую колыбель и золотую наковальню, которыя составляютъ священное достояніе урумскаго княжества. Взамѣнъ этого, френкъ предложилъ урумамъ требовать отъ него залога, какой пожелаютъ. Урумамъ жаль было разстаться съ требуемыми предметами, потому что въ золотой колыбели были вскормлены всѣ ихъ князья, а на золотой наковальнѣ они издавна приносили клятву на вѣрность своими повелителямъ. Они рѣшили потребовать у френковъ, взамѣнъ колыбели и наковальни, такой залогъ, какого они ни за что бы не согласились дать. Когда уполномоченные сошлись для переговоровъ, урумы потребовали у френковъ бумагу, на основаніи которой они владѣютъ землею въ Крыму. Долго совѣщались френки и, наконецъ, сказали урумамъ: «требуйте все, что хотите, мы жаждемъ дружбы съ вами,—но бумаги, по которой владѣемъ землею, не выдадимъ. Если же не хотите мириться съ нами, то мы силою отнимемъ у васъ вашу святыню». Оскорбленные урумы назвали френковъ безчестнымъ народомъ и между врагами вновь вспыхнула ожесточенная война. Френки начали одолѣвать урумовъ и опять требовали колыбель и наковальню, обѣщаясь, въ случаѣ удовлетворенія этого требованія, прекратить кровопролитіе. Но урумы рѣшились скорѣе погибнуть, чѣмъ выдать золотую колыбель и наковальню. Князь урумскій взялъ съ



Крещеніе св. князя Владиміра въ Херсонесѣ-Таврическомъ.

Съ картины Ө. Бронникова.

собою святыню своего народа, удалился въ горы и тамъ, зайдя въ глубокую пещеру Каплу-Кая, скрылъ драгоцѣнные предметы, причемъ произнесъ заклятіе, чтобы добрые, горные духи на вѣчныя времена приняли эти вещи подъ свое покровительство,—и если кто-либо дерзнетъ овладѣть ими, то пусть сейчасъ же лишится разсудка и рыщетъ по горамъ, подобно волку, пока не погибнетъ!... Урумы были побѣждены, но френки не могли добыть ихъ святыни, потому что всякій, кто ни пытался проникнуть въ пещеру Каплу-Кая, тотчасъ же лишался разсудка»...

Вернемся однако къ татарамъ. Послѣ ряда кровопролитныхъ войнъ за первенство съ генуэзцами, они учредили въ Крыму самостоятельное ханство и основали столицу его «Солгатъ». Впослѣдствіи столица перешла въ Бахчи-сарай, а за Солгатомъ осталось названіе «Эски-Керимъ», т.-е. старый Крымъ. Генуэзцы же упрочились на берегахъ Чернаго моря отъ Балаклавы до Керчи и на мѣстѣ древне-греческой Ѳеодосіи основали свою знаменитую Каффу. Владычество генуэзцевъ окончилось въ 1478 году. Въ этомъ году на помощь татарамъ явились турки, и Крымъ окончательно подпалъ подъ власть султана.

Отношенія ханства къ сосѣдямъ выразились въ длинномъ рядѣ набѣговъ и опустошеній, а отличительной чертой его внутренней жизни было то, что ханъ смѣнялся ханомъ, и это повторялось безпрестанно до первой половины XV вѣка.

Въ это время на ханскій престолъ вступилъ весьма даровитый человѣкъ, Хаджи-Девлетъ-Гирей, династія котораго царствовала до самаго паденія ханства. Девлетъ-Гирей много вниманія обращалъ на развитіе осѣдлости и благосостоянія среди татаръ. Будучи самъ ревностнымъ магометаниномъ, онъ, однако, отличался вѣротерпимостью, и даже дѣлалъ вспомоществованіе христіанскимъ монастырямъ; онъ же перенесъ столицу изъ Солгата въ Бахчи-сарай.

Послѣ смерти Девлетъ-Гирея на ханскій престолъ вступилъ одинъ изъ его сыновей, Менгли-Гирей. Это былъ крайне воинственный человѣкъ, и безпревывныя войны его до того уменьшили населеніе ханства, что онъ принужденъ былъ вызвать изъ орды новыя массы переселенцевъ.

Въ 1478 году, какъ мы видѣли выше, Менгли-Гирей принужденъ былъ признать надъ собой верховную власть султана. Договоръ, заключенный по этому поводу, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) хану предоставляется полная власть въ государствѣ, а также право жизни и смерти надъ подданными; онъ можетъ содержать на счетъ султана отрядъ въ 4000 человѣкъ; 2) ханъ избирается народомъ изъ Гиреевъ, по прямой линіи потомковъ Чингизъ-Хана; 3) какъ верховный государь крымскаго ханства, султанъ имѣетъ право вести татаръ на войну; самъ же ханъ не можетъ ни объявлять войны, ни заключать мира; 4) въ качествѣ калифа, султанъ считается покровителемъ магометанской вѣры, кладбищъ и святыхъ мѣстъ; 5) султанъ имѣетъ право содержать свой гарнизонъ въ Гезлевѣ (Евпаторіи).

Скоро, однако, султанъ почти окончательно подчинилъ себѣ ханство. Со смерти Магометъ-Гирея, сына Менгли-Гирея, на крымскій престолъ ханы назначались всегда султаномъ и, получая отъ него жалованье, считались его намѣстниками и могли быть смѣняемы по произволу.

Магометъ-Гирей (1515—1523) въ варварствѣ далеко превзошелъ своего отца, прославившись своими разбоями и различными злодѣяніями. Все царствованіе его прошло въ безпрерывныхъ набѣгахъ на Польшу и Россію. Всякій пройденный имъ путь покрывался пепелищами и развалинами, а жители разоренныхъ мѣстностей десятками тысячъ угонялись въ Крымъ, служа предметомъ отпускной торговли, которая затѣмъ продолжалась и при преемникахъ его.

Вотъ что по этому поводу говоритъ Михалонъ Литвинъ: «Хотя татары имѣютъ стада, обильно плодящіяся, однако плѣнными рабами они богаче и потому снабжаютъ ими другія земли. Корабли, приходящіе къ нимъ часто изъ-за моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды, лошадей и отходятъ отъ нихъ нагруженные рабами. И всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками, и для продажи, и для залога,

и для подарковъ; и всякій, имѣющій, по крайней мѣрѣ, коня, даже если на самомъ дѣлѣ нѣтъ у него рабовъ, но, предполагая, что можетъ достать ихъ, обѣщаетъ по контракту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружіе и живыхъ коней живыми же, но не конями, а людьми, и притомъ, нашей крови. И эти обѣщанія исполняются въ точности, какъ будто наши люди всегда у нихъ на задворьяхъ. Поэтому одинъ еврей-мѣняла, сидя у единственныхъ воротъ Тавриды (Перекопъ) и постоянно видя безчисленное множество плѣнныхъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ странахъ, или нѣтъ, и откуда ихъ такое множество».

«Когда рабовъ выводятъ на продажу,—говоритъ онъ далѣе,—то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, какъ журавлей на полетѣ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ съ аукціона, причемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, простые, нехитрые, только что приведенные изъ народа королевскаго, а не московскаго. Московское же племя считалось у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое».

«Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ и покупается дорого иностранными купцами для продажи по цѣнѣ еще большей отдаленнымъ народамъ чернаго племени, сардинцамъ, персіанамъ, индѣйцамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассиріянамъ».

«Они не выводятъ запросто мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ считаютъ лучшими, въ толпѣ плѣнниковъ, но сначала откармливаютъ ихъ хорошенько, одѣваютъ въ шелкъ, бѣлятъ, румянятъ, чтобы продать подороже. Красивыя дѣвушки нашей крови покупаются иногда на вѣсъ золота и, иногда, тутъ же на мѣстѣ перепродаются съ барышомъ. Это бываетъ во всѣхъ городахъ полуострова, особенно въ Кафѣ. Тамъ цѣлыя толпы этихъ невольниковъ отводятся съ рынка прямо на корабли. Этотъ городъ ненасытная и бездонная пучина, кровь нашу пьющая, лежитъ на удобномъ для морской торговли мѣстѣ».

Хотя ханы послѣ смерти *Могометъ-Гирея* (1623) назначались султаномъ, но на престолѣ могъ удержаться только человѣкъ, пользующійся поддержкой всесильныхъ беевъ, крымскихъ феодаловъ. Такъ, ханъ *Силимъ-Гирей* четыре раза былъ свергаемъ съ престола беями, не смотря на поддержку султана. На судьбу хановъ имѣли также сильное вліяніе раздоры между отдѣльными партіями беевъ. Случалось, что ханъ, вступившій на престолъ при помощи одной партіи, черезъ годъ-два свергался другой партіей, а затѣмъ, благодаря своимъ приверженцамъ, снова достигалъ власти. Такъ, ханъ *Девлетъ-Гирей* съ 1706 по 1724 г. пять разъ восходилъ и нисходилъ съ престола и, наконецъ, попалъ въ ссылку. Случаи убійства между претендентами были также не рѣдки.

Къ XVI вѣку по своему значенію выдѣлялись пять родовъ беевъ: *Ширинъ*, *Барынъ*, *Кугулъ*, *Кулешъ* и *Мансуръ*. Всѣ они имѣли свои владѣнія *(бейлыки)*, въ предѣлахъ которыхъ у каждаго была столица. Въ 1531 г. Эски-Керымъ (Старый Крымъ) былъ резиденціей *ширинскаго* бея Бахтіара. (Въ этихъ мѣстахъ до сихъ поръ существуютъ имѣнія Ширинскихъ).

Каждый бей въ своемъ бейлыкѣ былъ неограниченнымъ деспотомъ. Онъ жилъ въ роскошномъ дворцѣ, убивая время въ различныхъ забавахъ, и былъ окруженъ большимъ штатомъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ по обычаю обязательно долженъ былъ быть хорошій борецъ и остроумный шутъ.

Младшія поколѣнія беевъ подъ общимъ именемъ *эмиръ-заде* (впослѣдствіи *мирза* и *мурза*) составляли мѣстное дворянство. Кромѣ родовитыхъ мурзъ, было много и пожалованныхъ. Послѣ дворянства первое мѣсто занимало духовное сословіе.

Первоначально крымскіе татары исповѣдывали, вѣроятно, шаманство, какъ ихъ единоплеменники золотой орды, и лишь съ XIII вѣка между ними сталъ распространяться исламъ. Первая мечеть сооружена была при ханѣ Узбекѣ, въ 1313 г., въ старомъ Крымѣ. Новая религія породила новое духовенство, главою котораго сдѣлался *муфтій*, по государственному рангу стоящій тотчасъ за ханомъ; затѣмъ, въ духовномъ сословіи числились: *казы*—духовный и граж-



Карта Крымскаго полуострова и сосѣднихъ земель во второй половинѣ XVIII вѣка.

данскій судья, *мудерисъ*—наставникъ народа, *шеихъ*—настоятель монастыря и *софу*—отшельникъ. Духовное сословіе владѣло поземельной собственностью, на которой находились мусульманскіе монастыри и гробницы святыхъ.

Международныя отношенія татаръ съ русскими выражались главнымъ образомъ въ грабежахъ и подаркахъ. Съ цѣлью обезопасить свои южные предѣлы отъ вторженій татаръ, русское правительство довало подачки не только хану, но и всѣмъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ въ ханствѣ. Ежегодно, въ опредѣленное время, къ русскому двору ханъ посылалъ за подарками обыкнивонно пять пословъ и множество гонцовъ, два старшихъ сына хана—по три посла; затѣмъ также посылали пословъ: мать хана и прочія жены его отца, жены хана, жена каждаго царевича, ихъ дѣти и жены ихъ дѣтей, царскія дочери и вдовы царевичей, беи знатныхъ родовъ, беи второстепенныхъ родовъ и мурзы, которые тоже порознь посылали своихъ пословъ, государственные чины, включительно до ханскаго садовника и начальника придворныхъ музыкантовъ. Вся эта толпа пословъ снабжалась грамотами и самымъ





Типы крымскихъ татаръ въ XVIII вѣкѣ (съ современной гравюры).

назойливымъ образомъ требовала подарковъ. Кромѣ того, всѣ государственные чины и все высшее сословіе татаръ одѣвались на счетъ русскаго двора.

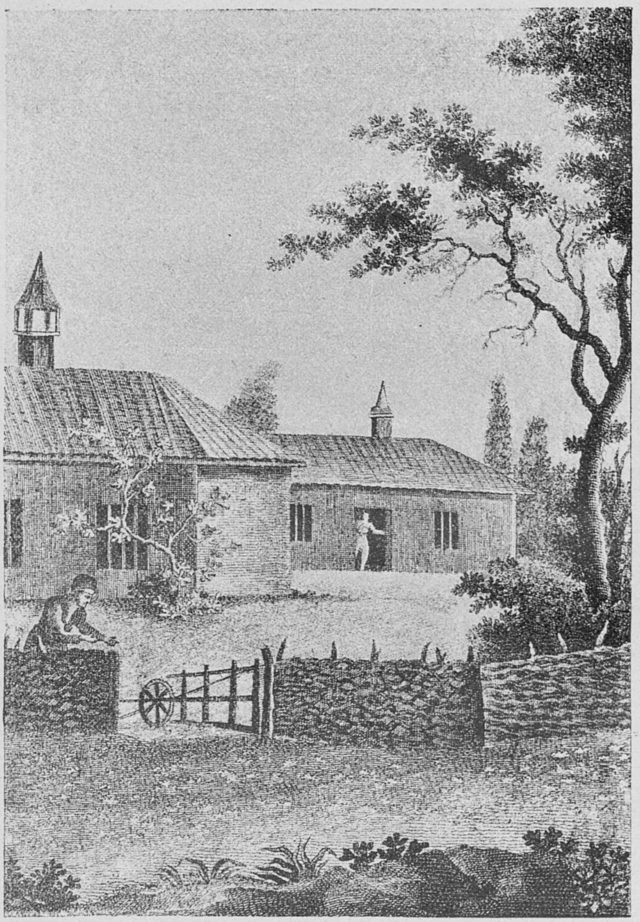
Однако, набѣги татаръ никогда не прекращались, при чемъ за небольшими отрядами трудно было услѣдить и въ большинствѣ случаевъ они оставались безнаказанными. Послѣдній татарскій набѣгъ былъ даже въ 1768 году, при чемъ татары сожгли крѣпость св. Елисаветы, нынѣ Елисаветградъ.

Но владычеству турко-татарскому не суждено было долго длиться. Русскіе давно уже хотѣли положить конецъ набѣгамъ своихъ безпокойныхъ южныхъ сосѣдей, съ которыми у нихъ происходили постоянныя столкновенія, и Миниху удалось (въ 1736 году) достичь Крыма. Прежде, чѣмъ перейти къ этой величественной эпопеѣ, составляющей одну изъ славнѣйшихъ страницъ въ исторіи царствованія великой Екатерины, остановимся нѣсколько подробнѣе на исторической судьбѣ болѣе крупныхъ городовъ Крыма.

Татары, покоривши Тавриду, вскорѣ послѣ переселенія сюда хана, основали въ центрѣ перешейка небольшой городокъ, сначала названный Оръ-хапу, а потомъ Феркъ-Керманомъ.

Нѣкоторые изъ писателей какъ-то особенно заинтересованы происхожденіемъ перваго названія его и между ними были даже такіе (какъ напр. Фабръ), которые производили его отъ греческаго слова *орія,* т.-е. граница, тогда какъ *оръ* есть сокращенное слово оранъ или орда (племя, отрядъ), а *хапу* (двери); проще, Оръ-хапу въ переводѣ съ джагалтайскаго означаетъ входъ въ орду. Кромѣ этого *оръ* на монголо-татарскомъ нарѣчіи представляетъ нѣсколько значеній, а именно: возвышенность (степи), скорость, вспыльчивость и мужественность (человѣка).

Первыя довольно подробныя свѣдѣнія о Перекопѣ (прежнемъ Оръ-хапу) намъ сообщены были Мартыномъ Броневскимъ, бывшимъ въ Крыму въ качествѣ посланника отъ польскаго короля Стефана Баторія. Вотъ, что онъ говоритъ: «Перекопъ маленькій и ничтожный городокъ. Въ немъ крѣпость каменная, но худо укрѣпленная, въ которой государи татарскіе или ханы, имѣютъ своего князя, называемаго ими бегомъ (бей). Этотъ князь, живя постоянно въ Перекопѣ, наблюдаетъ неусыпно за безопасностью границъ и начальствуетъ надъ всѣми татарами, живущими въ степяхъ около и за Перекопомъ. Этотъ городокъ съ своею крѣпостью, какъ видно изъ его развалинъ, построенъ былъ нѣкогда древними владѣтелями Таврическаго полуострова, царями босфорскими или императорами греческими въ узкомъ перешейкѣ, окруженномъ съ одной стороны Меотійскимъ озеромъ, а съ другой, т.-е. южной, омываемомъ Чернымъ моремъ, которое обтекаетъ весь полуостровъ. И такъ какъ чрезъ весь перешеекъ проходитъ глубокій и широкій ровъ, то и городъ получилъ названіе отъ этого рва. Въ царствованіе Сагипъ-Гирей-хана, который разбилъ при Перекопѣ возмутившихся ногайцевъ, при городѣ этомъ построено было 17 каменныхъ башенъ, а ровъ исправленъ и вырытъ глубже. Татары утверждаютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ башенъ построены были изъ головъ убитыхъ тогда воиновъ, въ память знаменитой побѣды и жестокой войны. Но какъ это узкое мѣсто служитъ единственнымъ проходомъ въ полуостровъ, то татары здѣсь содержатъ сильный и постоянный гарнизонъ. Ни одинъ иностранецъ, вступившій въ Крымъ, не можетъ возвратиться оттуда, безъ особой ханской грамоты. Когда ханъ намѣренъ отправиться въ походъ или когда татарамъ угрожаетъ война или другая опасность, то они сосредоточиваютъ свои силы въ Перекопѣ».



Татарскій домикъ въ Крыму конца прошлаго столѣтія.

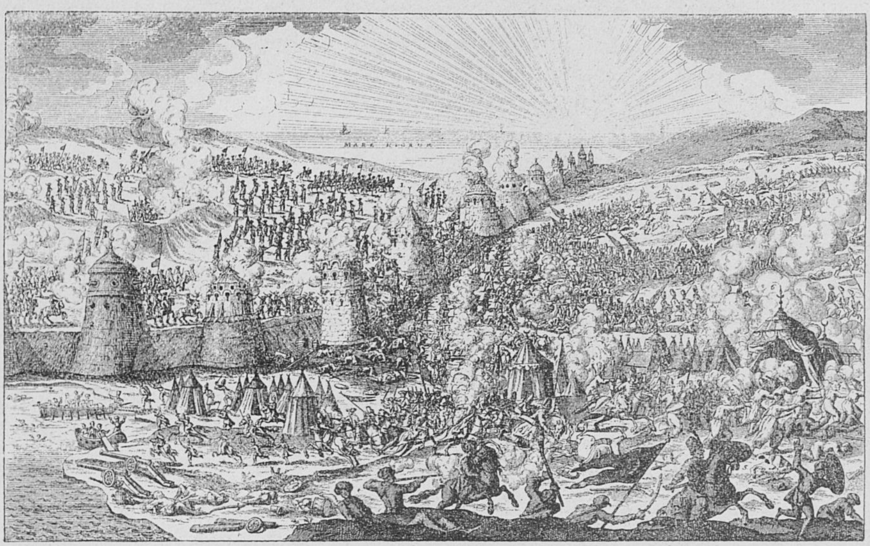
(Съ современной гравюры Калпачникова).

Затѣмъ мы узнаемъ изъ сказаній священника Іакова, бывшаго въ 1634—35 годахъ съ

русскимъ посланникомъ Дворяниновымъ въ Крыму, что въ Перекопѣ есть церковь *вельми чудна и велика, нынѣ же сдѣлана мечетью.*

Послѣдующія затѣмъ свѣдѣнія о Перекопѣ оставлены намъ, посланными въ Крымъ въ 1680 году царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, Тяпкинымъ и Зотовымъ. По ихъ описанію, городокъ этотъ состоялъ изъ худыхъ, смазанныхъ навозомъ избушекъ; между тѣмъ преданіе говоритъ, что городъ этотъ, до перваго погрома его русскими, былъ обширенъ и что только послѣ него татары удалились внутрь страны, а христіане переселились въ Армянскій базаръ.

Перекопу суждено было, до русскаго господства, быть охранителемъ всего народонаселенія Тавриды отъ внезапныхъ нашествій непріятеля и въ то же время видѣть всѣ тѣ скопища буйныхъ татаръ, которыя, выходя изъ Крыма для набѣговъ, возвращались черезъ него съ множествомъ плѣнныхъ и съ богатой добычей. Свидѣтель многихъ событій въ историче-



Изображеніе побѣды, одержанной графомъ Минихомъ надъ Крымскими татарами 31 мая 1736 г.

(Съ современной гравюры Бека).

ской судьбѣ Крыма, Перекопъ видѣлъ первые успѣхи русскаго оружія, обезпечившіе ему мирную жизнь.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Перекопа на почтовой дорогѣ, идущей къ Симферополю, расположено большое село, именуемое въ наше время Армянскимъ Базаромъ или просто Армянскомъ. Во времена татарскаго господства оно было извѣстно подъ названіемъ *Яны-базаръ* (новый рынокъ) и до конца прошлаго столѣтія славилось обширнымъ сбытомъ овчинъ и шерсти. Селеніе это, повидимому, образовалось около того времени, когда татары основали *Оръ-Хапу* и стали отдавать въ аренду сосѣднія соленыя озера.

Судя по названію этого селенія надо полагать, что здѣсь былъ рынокъ армянъ, которые сначала являлись сюда въ извѣстное время года съ товарами для сбыта ихъ въ Перекопѣ, а потомъ поселились въ окрестности его. И дѣйствительно, пунктъ этотъ, какъ ближайшій къ солянымъ озерамъ, могъ вести значительную торговлю солью. Старики татары наслѣдовали отъ дѣдовъ своихъ преданія, что армяне не только откупали перекопскія соленыя озера, но исключительно всѣ почти лучшія отрасли торговли были въ ихъ рукахъ, и что всего охотнѣе они занимались перепродажею невольницъ. Преданіе это намъ кажется справедливымъ, во-первыхъ,

потому, что Армянскъ не могъ представлять другихъ источниковъ для торговли, кромѣ соли, добываемой въ окрестности; а что касается до невольницъ, то мы знаемъ, по удостовѣренію Олеарія, что въ Астрахани продавались дѣвки подъ именемъ перекопскихъ по баснословнымъ цѣнамъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что Армянскъ основанъ коробейниками, которые, являясь подъ Перекопъ съ цѣлью сбыта своихъ товаровъ, подмѣтили возможность большихъ выгодъ, если поселятся навсегда въ окрестностяхъ его. Въ наше время городокъ этотъ начинаетъ клониться къ упадку, вслѣдствіе опустѣнія окрестныхъ деревень, и только единожды въ году оживляется, когда на сосѣднія озера являются толпы народа для добычи соли.



Князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій.

Всѣ древніе писатели единогласно утверждали, что въ Тавридѣ существовалъ городъ Каркинитъ. Геродотъ говоритъ (въ кн. IV, ч. 18) объ этомъ городѣ слѣдующее: «отъ Истра къ югу лежитъ древняя Скиѳія и простирается до города, называемаго Каркинитомъ; лежащую же отсюда по берегу того же моря гористую и вдавшуюся въ Понтъ страну населяетъ народъ таврійскій». Не смотря на то, что городъ этотъ исчезъ съ лица земли гораздо раньше появленія въ Тавридѣ татаръ, онъ отмѣченъ на итальянскихъ картахъ XIV и XV ст. подъ названіемъ Chrichiniri, chrerenichi и т. п. Профессоръ Брунъ, убѣжденный, что городъ этотъ находился въ окрестностяхъ Евпаторіи, предположилъ, что онъ находился въ трехъ верстахъ отъ него въ урочищѣ Юртлукъ у Айрчинскаго лимана, гдѣ дѣйствительно примѣтны слѣды каменныхъ построекъ и отыскиваются черепки и монеты греческихъ и римскихъ императоровъ, но извѣстные знатоки исторіи Крыма, между ними авторъ обширнаго труда о таврическомъ полуостровѣ, В. Кондараки, положительно убѣждены, что на этомъ мѣстѣ не могло быть греческаго торговаго или обширнаго города, во первыхъ, по отсутствію бухты, удобной для стоянки судовъ, и главное потому, что въ окружности этой мѣстности встрѣчаются могильные курганы, ясно подтверждающіе, что она принадлежала скиѳамъ. Каркинитъ былъ обширный городъ и находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Евпаторія. Мнѣніе это основывается на томъ, что Евпаторійская бухта имѣла преимущества и что въ этомъ городѣ открыты въ нѣсколькихъ мѣстахъ подземные ходы, которые, какъ извѣстно, не устраивались въ бѣдныхъ или малозначущихъ поселеніяхъ.

Если отъ Каркинита не сохранилось слѣдовъ, то это объясняется тѣмъ, что на его мѣстѣ былъ основанъ турко-татарами Гезливъ (Евпаторія).

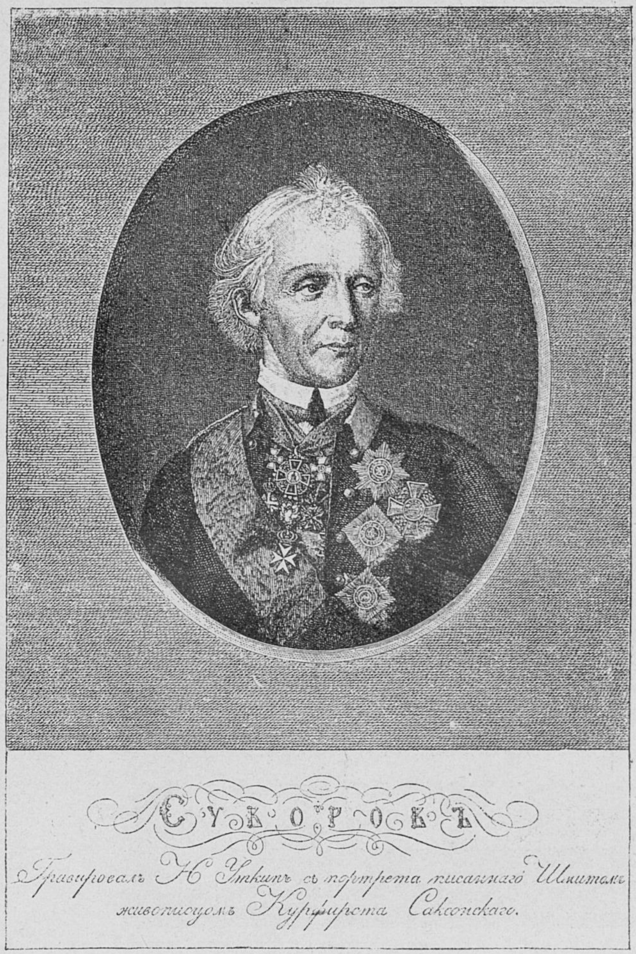
Евпаторія расположена на западномъ прибрежьи Крымскаго полуострова и считается однимъ изъ лучшихъ крымскихъ городовъ въ коммерческомъ отношеніи. По весьма распространенному мнѣнію, Евпаторія—мѣстность той самой крѣпости, которая основана была въ 123—64 годы



Фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

до Р. Хр. Діофаномъ, полководцемъ Митрадата-Евпатора, царя понтійскаго, посылавшаго войска свои въ Тавриду, на помощь жителямъ Херсонеса, противъ тавроскиѳовъ,—и названа въ честь этого великаго государя его именемъ. Ошибка эта происходитъ отъ неясности оставленнаго намъ Страбономъ (VII кн., 312 стр.) свѣдѣнія по этому предмету и толковъ новѣйшихъ писателей, тогда какъ понятно, что войска Митридата, прибывшія для предохраненія

Херсонеса отъ тавроскиѳовъ, расположившихся со стороны материка Трахейскаго полуострова, не могли бы достигнуть цѣли своего назначенія, расположившись на мѣстѣ нынѣшней Евпаторіи, отстоящей отъ Херсонеса въ 60 верстахъ и вдобавокъ отдѣленной съ этой стороны бухтою Ктеноса (Севастопольскою), а со стороны материка—укрѣпленіями скиѳовъ. Ясно, что мнѣніе нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ археологовъ, что крѣпость Діофана была внутри Трахейскаго полуострова и въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Херсонеса, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Большую вѣру въ существованіе древней Евпаторіи, на настоящемъ мѣстѣ ея, вселилъ Птоломей, который, указывая ее первымъ послѣдующимъ городомъ, послѣ Перекопа, далъ поводъ заключить, что здѣсь именно, а не гораздо ниже, находилась Діофанова Евпаторія. Геродотъ, Плиній и послѣдующіе за ними древніе географы ничего не говорятъ о мѣстности, нынѣ занимаемой Евпаторіей. Если однако принять во вниманіе, что послѣ господства грековъ и римлянъ въ Крыму полуостровъ этотъ наводнялся кочующими племенами степей, которыя, не имѣя понятія о мореплаваніи, селились подальше отъ морскихъ береговъ на мѣстахъ, удобныхъ для скотоводства, то надо будетъ придти къ заключенію, что Евпаторія принадлежитъ къ числу городовъ возобновленныхъ; она—первая пристань, основанная турками послѣ взятія ими генуэзскихъ факторій въ Крыму, т. е. послѣ 1475 года.



Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Первыя свѣдѣнія о Евпаторіи мы получаемъ отъ Броневскаго и затѣмъ отъ священника Іакова, бывшаго въ 1634—35 годахъ въ Крыму, съ русскимъ посланникомъ, Борисомъ Дворяниновымъ, который упоминаетъ объ этомъ городѣ только потому, что въ немъ была церковь соборная, зѣло велика и украшена, но превращена въ мечеть.

По описаніямъ, оставленнымъ намъ послѣ похода русскихъ, въ 1736 году, въ Крымъ, видно, что въ Евпаторіи была крѣпость, разрушенная по приказанію графа Миниха, а городъ состоялъ изъ 5 т. домовъ, нѣсколькихъ хорошихъ мечетей и христіанской церкви. Судя по добычѣ и трофеямъ, доставшимся нашимъ войскамъ, можно полагать, что городъ былъ богатый и хорошо защищенный каменными стѣнами съ огромными башнями, вокругъ которыхъ шелъ глубокій ровъ. Укрѣпленія эти, судя по остаткамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и понынѣ сохранившимся внутри города на Базарной улицѣ, были обновлены во времена турецкаго господства въ этой мѣстности.

Нѣтъ сомнѣнія, что Евпаторія играла важную роль въ коммерческомъ отношеніи при туркахъ. Это подтверждается торговлею ея даже въ началѣ нашего столѣтія, когда враждебные намъ турки неохотно и со страхомъ приходили къ нашимъ владѣніямъ. Сумароковъ, посѣщавшій Евпаторію въ 1801 году, встрѣтилъ въ ней до 170 иностранныхъ судовъ, доставившихъ



Фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

разныхъ грузовъ на 55 тысячъ рублей. Для татаръ этотъ городъ, до присоединенія Крыма къ Россіи, имѣлъ важное значеніе еще въ томъ отношеніи, что на случай преслѣдованія ихъ за стѣнами перекопскихъ укрѣпленій, въ ней они могли въ крайности переходить на суда и удаляться отъ опаснаго берега. Послѣднее спасло ихъ въ славный для нашихъ войскъ 1736 г.,

когда Магнусъ Биронъ, предполагая вторгнуться внутрь Крыма, нашелъ необходимымъ предварительно разгромить Евпаторію, въ чемъ и успѣлъ 16 іюня; но въ то время, когда онъ вступалъ въ городъ побѣдителемъ, жители и войска его отплыли на судахъ въ Константинополь.

Судя по многимъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Евпаторія даже въ началѣ нашего вѣка считалась однимъ изъ лучшихъ городовъ на полуостровѣ. Сюда свозились изъ Турціи, Малой Азіи и прилегающихъ къ послѣдней странъ лучшія произведенія и отдавались за безцѣнокъ; здѣсь бѣдные люди имѣли огромные заработки на соленыхъ озерахъ; сюда съѣзжались, какъ на выгоднѣйшій рынокъ, всѣ обитатели большей части Крыма; здѣсь продавались ихъ произведенія и отсюда развозились иностранные товары въ Бахчисарай, Симферополь, Карасубазаръ, Перекопъ и въ болѣе значительныя поселенія сѣверо-западной части полуострова и ногайскія степи. Крымскіе ханы, несмотря на то, что мѣстность эта принадлежала турецкимъ султанамъ, содержавшимъ здѣсь свои войска во главѣ паши, очень часто посѣщали Евпаторію и имѣли свою мечеть, которая сохранилась понынѣ и называется ханской.

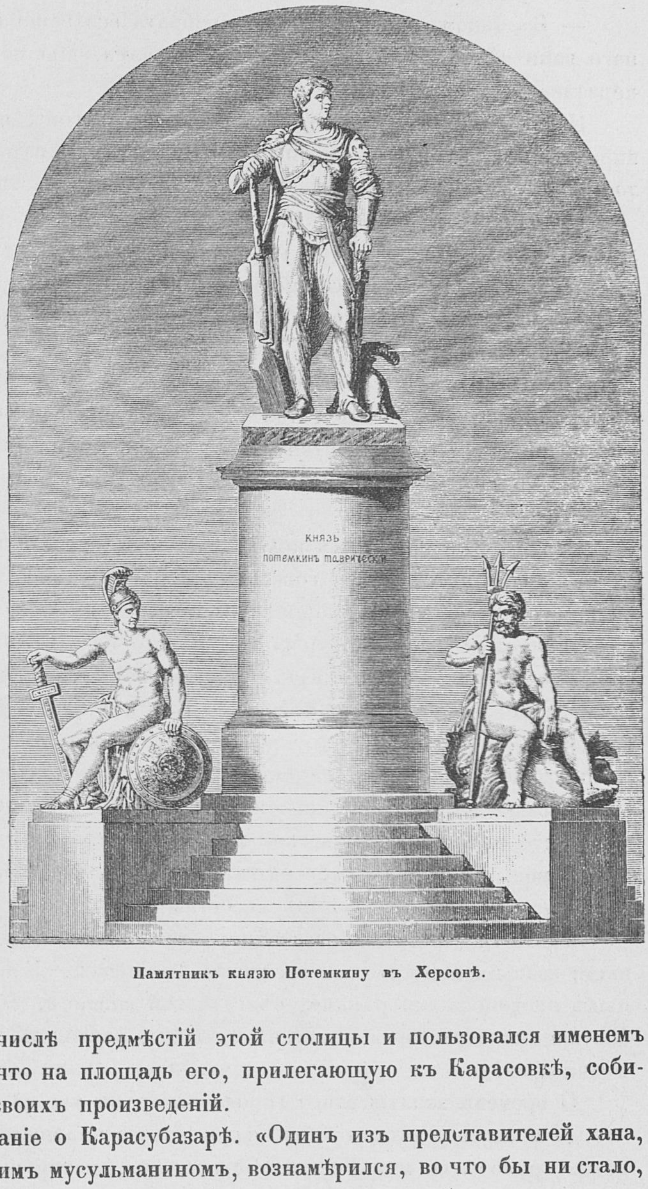
Изъ памятниковъ, оставленныхъ намъ турками въ Евпаторіи, достопримѣчательны сохранившіеся въ цѣлости до настоящаго столѣтія обновленные крѣпости и фонтаны. Послѣдніе приводили въ удивленіе тѣмъ, что устроены были въ такой мѣстности, гдѣ нѣтъ слѣдовъ поверхностныхъ водъ и гдѣ колодцы имѣютъ въ глубину до 30 саженъ. Фонтаны эти были около ханской мечети и старой почтовой конторы. Затѣмъ слѣдуютъ мечети и кладбища.

Симферополь (въ переводѣ съ греческаго: выгодный городъ) получилъ названіе только послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. По народному преданію, онъ основанъ послѣ вступленія турокъ въ Крымскій полуостровъ, что совпадаетъ отчасти съ мнѣніемъ Сумарокова (1500 г.). Во времена татарскаго владычества онъ назывался *Ахъ-мечеть*, т. е. бѣлая мечеть. Есть основаніе думать, что до взятія этого города Минихомъ, число его жителей доходило до 10 тысячъ. Симферополь всегда считался въ Крыму вторымъ городомъ послѣ Бахчисарая. Онъ былъ резиденціей Калга-султана, главнѣйшаго сановника въ царствѣ, и мѣстопребываніемъ беевъ и мурзъ. По преданіямъ, дошедшимъ до нашего времени, этотъ городъ расположенъ былъ на пространствѣ, отъ нынѣшняго Стараго собора до Цыганской улицы, идущей отъ базарной площади на востокъ. Отсюда онъ подымался на возвышенность и спускался къ мѣстности, занимаемой въ настоящее время пивоварнею. На с.-в. и ю.-з. сторонахъ его, гдѣ находятся нынѣ казармы и прочія постройки, а также образовавшаяся нынѣ Цыганская улица, существовали кладбища. На одномъ изъ нихъ, именно прилегающемъ къ Салгиру, преимущественно хоронились лица знатнаго происхожденія, обитавшія по сосѣдству съ Калга-султаномъ, проживавшимъ въ сераѣ, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ пивоварнею. Кладбища эти давно уже перерыты и на мѣстахъ ихъ воздвигнуты постройки; но слѣды ихъ еще сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на протяженіи Цыганской улицы. На сѣверо-восточной-же части города до настоящаго времени остается не тронутою одна могила, гдѣ покоится, по убѣжденію мусульманъ, святой человѣкъ, подъ именемъ *Азисъ-Салгиръ-баба*, т. е. отецъ Салгира.

О томъ, какимъ образомъ прославился въ народѣ Салгиръ-баба, существуетъ слѣдующее мѣстное преданіе: «Нашъ покровитель, любимая тварь Аллаха, Салгиръ-баба, ведетъ начало отъ могущественныхъ шейховъ, прибывшихъ въ Крымъ въ древнія времена. Этотъ благочестивый мусульманинъ, по волѣ всемилостивѣйшаго пейгамбера (пророка), жилъ въ Ахмечети въ качествѣ экима (лѣкаря), врачующаго страждущихъ различными болѣзнями, отчитывая ихъ священными молитвами. Всѣ зарабатываемыя деньги онъ раздавалъ неимущимъ жителямъ, обитающимъ на протяженіи Салгира, по которому онъ совершалъ свое постоянное путешествіе, вслѣдствіе чего и прозванъ былъ въ народѣ отцомъ Салгира. Слава его была велика. Не разъ ханы посылали за нимъ богато-убранныхъ лошадей и исцѣлялись отъ болѣзней молитвами этого человѣка. Наконецъ, преданіе говоритъ, что, когда гяуры напали на Ахъ-мечетъ, Салгиръ-баба, не трогаясь съ мѣста, молился Богу; въ это время одинъ изъ разбойниковъ лишилъ

его жизни. Также точно гяуры поступили и съ Мелекъ-султанъ, дочерью знаменитаго бея, выбѣжавшею изъ города при слухѣ о ихъ нашествіи; но недалеко ушла она, потому что, по повелѣнію Аллаха, одинъ изъ алчныхъ гяуровъ встрѣтилъ ее около дер. Кіятъ и предалъ смерти. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ этого крбваваго нашествія гяуровъ на нашу страну, Аллахъ милостивый, да буду я жертвою его имени, открылъ правовѣрнымъ могилы невинно-павшихъ на войнѣ Салгиръ-бабы и Мелекъ-султанъ. Первый изъ нихъ похороненъ подъ каменной плитой; а послѣдняя—за городомъ, по перекопскому тракту, недалеко отъ деревни Кіятъ».

После присоединенія Крыма къ Россіи, Симферополь, по выгодному мѣстоположенію въ административномъ отношеніи, съ 1784 года сдѣлался губернскимъ городомъ. Въ это время, насчитывалось до 300 дворовъ татарскихъ и нѣсколько христіанскихъ. Восемь лѣтъ спустя населеніе города достигло 815 душъ. Въ 1805 году воздвигнутъ былъ Петропавловскій соборъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Суворовымъ былъ воздвигнутъ редутъ. Въ настоящее время за соборомъ образовался цѣлый новый городъ.



Памятникъ князю Потемкину въ Херсонѣ.

Въ центрѣ Крымскаго полуострова, у подножія небольшихъ мѣловыхъ возвышенностей, на прекрасной равнинѣ, пересѣкаемой рѣкою Большая Карасовка, расположенъ довольно обширный городъ Карасубазаръ, (т. е. рынокъ Черной рѣчки), прозванный этимъ именемъ безъ сомнѣнія татарами, основателями его. О времени основанія этого города мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній, но, судя по названію его, полагаемъ, что на этомъ мѣстѣ былъ рынокъ еще въ тѣ времена, когда столица монголо-татаръ находилась въ Старомъ-Крыму, по сосѣдству съ этою мѣстностію. Если же вѣрить преданію, что Старый-Крымъ простирался на 60 верстъ въ длину, то Карасубазаръ состоялъ въ числѣ предмѣстій этой столицы и пользовался именемъ рынка Черной рѣчки только потому, что на площадь его, прилегающую къ Карасовкѣ, собирались окрестные жители для сбыта своихъ произведеній.

Вотъ что говоритъ туземное преданіе о Карасубазарѣ. «Одинъ изъ представителей хана, сдѣлавшись по образу жизни настоящимъ мусульманиномъ, вознамѣрился, во что бы ни стало, преобразовать обитателей своей столицы, которые, обладая громадными богатствами, вели слишкомъ безобразную жизнь. Изъ множества употребленныхъ имъ для этого средствъ, ни одно не оказало успѣховъ. Тогда благочестивый правитель обратился къ шейхамъ и дервишамъ

съ просьбою, вызвать негодованіе Аллажа противъ развращенныхъ купцовъ. Первые начали усердно молиться Творцу. И вотъ въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей истощенный въ нѣгѣ народъ пробудился отъ ужасныхъ подземныхъ выстрѣловъ и со страхомъ выбѣжалъ изъ трепещущихъ домовъ, призывая покровительство божественныхъ силъ. Въ эту страшную минуту въ горахъ показался огненный столбъ, далеко метавшій искры, готовыя воспламенить весь городъ. Испуганные окончательно жители бросились къ повелителю своему. Тогда мудрый человѣкъ сказалъ имъ: «Огонь этотъ пожретъ васъ и дѣтей вашихъ за ваши грѣхи, если только вы теперь же не поклянетесь слушаться во всемъ меня!»

— Будемъ, будемъ во всемъ повиноваться тебѣ,—отвѣчали тысячи голосовъ.

— Въ такомъ случаѣ спѣшите собрать все ваше имущество и уйти отъ этого оскверненнаго вами мѣста. Я и самъ послѣдую за вами. Мы поселимся на одной изъ лучшихъ полянъ, пересѣкаемыхъ рѣкою Кара-су.

Предложеніе это принято было съ восторгомъ и на другой день безсчетное множество народа со всѣмъ своимъ имуществомъ выступило изъ прекраснаго Стараго-Крыма и поселилось на той самой равнинѣ, гдѣ существуетъ до настоящаго времени Карасубазаръ».

По самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, временемъ перенесенія въ послѣдній разъ ханами столицы своей въ Карасубазаръ надо признать 1736 годъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ городъ этотъ былъ разоренъ русскими войсками.

Карасубазаръ извѣстенъ еще тѣмъ, что въ немъ въ 1772 году 1-го ноября заключенъ Санъ-Гирей-ханомъ частный съ Россіей договоръ, утвержденный мирнымъ и союзнымъ трактатомъ 29 января 1773 года. Съ этого времени Россія убѣдилась въ возможности покорить безпокойныхъ татаръ, такъ долго безнаказанно опустошавшихъ огнемъ и мечомъ наши южныя провинціи. И дѣйствительно, десять лѣтъ спустя, въ Карасубазарѣ уже помѣщалось главное управленіе Крымомъ и въ немъ квартировали наши казаки, ожесточенные набѣгами татаръ.

Съ того времени, какъ крымскій полуостровъ присоединенъ къ Россіи, промышленность и торговля Карасубазара совершенно прекратились, потому что комерческіе люди переселились отчасти въ Евпаторію, отчасти въ Ѳеодосію. Съ этого времени Карасубазаръ началъ приходить къ упадку и обитатели его по необходимости предались садоводству и хлѣбопашеству. Въ этихъ занятіяхъ имъ совершенно не приходила на мысль зависимость отъ русскихъ и можетъ быть еще нѣсколько лѣтъ они не почувствовали бы ея, еслибъ не послѣдовало повѣленія отъ князя Потемкина построить для императрицы Екатерины Великой дворецъ, въ постройкѣ котораго принимали участіе всѣ почти граждане. Дворецъ этотъ, какъ извѣстно, воздвигался только для ночлега мудрой государыни, но карасубазарцы долго воображали, что въ немъ, по примѣру хановъ, по временамъ будутъ проживать русскіе цари. Это ничтожное, повидимому, обстоятельство снова возбудило въ духовенствѣ страхъ и послужило къ тому, что въ Карасубазарѣ не осталость почти ни одного дервиша.

Въ 30-ти верстномъ разстояніи отъ Севастополя и Симферополя, между степью и горными возвышенностями въ сосѣдствѣ Алминской, Качинской и Бельбекской долинъ, орошаемыхъ плодоносными рѣками, въ глубокой впадинѣ, обставленной живописными скалами, изобилующими отрадными источниками воды, расположена бывшая столица крымскихъ хановъ—Бахчисарай.

О времени занятія этого города татарами мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но извѣстно, что до появленія татаръ здѣсь было греческое поселеніе Марьяно, съ тѣмъ самымъ пещернымъ храмомъ во имя Успенія Богородицы, который до настоящаго времени стоитъ въ неизмѣненномъ видѣ. Впослѣдствіи, въ недальнемъ разстояніи отъ него, татары основали юртъ, слѣды котораго находятся въ предмѣстьяхъ нынѣшняго Бахчисарая. Столицей Бахчисарай сдѣлался послѣ занятія турками Ѳеодосіи. Объ этомъ имѣется слѣдующее народное преданіе.

«Мѣстоположеніе Бахчисарая,—по изобилію водяныхъ источниковъ, скрытому отъ вліянія вѣтровъ и вообще по заманчивой уютности, которая всегда нравится азіатскимъ народамъ,—не могло быть незамѣченнымъ монгольскими ханами, мало интересующимися значеніемъ резиденціи въ статегическомъ, и коммерческомъ отношеніяхъ. Все это замѣчено было Худа-Бердехакомъ, при объѣздкѣ Крымскаго полуострова, и онъ чрезвычайно грустилъ, что съ начала



Памятникъ князю Потемкину Таврическому.

царствованія своего въ Тавридѣ не основалъ въ Бахчисараѣ резиденціи. Эта мѣстность произвела не менѣе сильное впечатлѣніе и на сына его, Девлетъ-хана, который, не обращая вниманія на народный ропотъ, положилъ переселиться въ сосѣдство Маріина села и приказалъ построить здѣсь дворецъ для себя и придворныхъ служителей. Естественно, что примѣру его послѣдовали всѣ родственники и государственные сановники. Когда же воцарился Мингли-

Гирей-ханъ, тотъ самый, который воспитывался около 8 лѣтъ у генуэзцевъ, онъ, при содѣйствіи лучшихъ итальянскихъ архитекторовъ, расширилъ отцовскій дворецъ, воздвигъ сотни фонтановъ и, переселившись сюда, немедленно приступилъ къ устройству новаго дворца у лѣваго подножія Чуфутъ-Кале, подъ именемъ Ашлама. Дворецъ этотъ долженъ былъ быть самымъ роскошнымъ въ мірѣ, но такъ какъ этотъ ханъ былъ чрезвычайно скупъ и не хотѣлъ платить мастеровымъ и чернорабочимъ, то постройка шла до того медленно, что нетерпѣливый ханъ предалъ ее проклятію и самъ пожелалъ, чтобы никогда оджакъ этого дворца не дымился. Затѣмъ онъ приступилъ къ устройству новаго обширнаго зданія для себя въ Салачикѣ, которое получило названіе Ишлеме-сарай и которое, впослѣдствіи перестроенное Асланъ-Гиреемъ, кажется, присоединено было къ воздвигнутой, первымъ ханомъ, семинаріи».

Изъ разсказа русскаго священника Якова, бывшаго въ Крыму съ посломъ Дворяниновымъ (1634—1635 г.), видно, «что въ Бахчисараѣ была христіанская церковь велика и высока, но превращена въ мечеть и царь ходитъ въ нее по своему молиться, въ предмѣстьи-же Иски-юртѣ, отъ Бахчисарая съ версту, церковь зѣло велика и была украшена вельми, нынѣже сдѣлана мечетью, а кладутся въ ней крымскіе цари и царевичи, татарове отнюдь не кладутся. Около тѣхъ мѣстъ многія христіанскія церкви: иныя разорены, а въ иныхъ службы совершаются и до днесь отъ грекъ».

Какъ столица и центръ религіозной цивилизаціи, Бахчисарай всегда насчитывалъ многочисленное мусульманское населеніе; въ этотъ городъ кромѣ того стекалось множество покупателей различныхъ издѣлій не съ одного Крымскаго полуострова, но и съ Ногайскихъ степей до Буджака. Здѣсь черкесы торговали лошадьми и овцами, здѣсь искали заработковъ персы, бухарцы, турки и сюда свозились для распространенія лучшія произведенія Крымской почвы. Въ Бахчисарай стекались также мусульманскіе «шуристы» (поэты), пѣснопѣвцы, сказочники, баядерки и джигиты-силачи, забавлявшіе толпы богатаго населенія. Важнѣйшими ремесленниками, которыхъ въ Бахчисараѣ было огромное число, считались заготовляющіе сабли, ружья и ножи, мѣдную посуду, сѣдла, бурки и ножную обувь; остальные приготовляли сафьянъ, плети, мячи, кушаки, шнурки и множество другихъ кожаныхъ вещей; къ третьему разряду принадлежали дѣлатели войлоковъ, токари, чубучники и т. п. Всѣ эти люди, пріобрѣтая значительныя средства къ жизни, ничего не щадили для роскошной обстановки своей, и, въ послѣдніе дни ханства, до того отличались отъ прочихъ татаръ ханства въ изысканности нарядовъ, что Шагинъ-Гирей-ханъ назвалъ ихъ *есма* или всемірными щеголями. Вотъ эти-то есма, вскорѣ превратившись въ гордыхъ гражданъ, пируя въ переднихъ роскошныхъ бань, предались изысканнымъ фразамъ бахчисарайскихъ муллъ и съумѣли возстановить народонаселеніе Крыма противъ послѣдняго хана, употреблявшаго послѣднія усилія, для поддержанія распадающагося царства.

Таковымъ былъ Бахчисарай до появленія нашихъ войскъ въ 1736 г. Объ этомъ нашествіи русскихъ сохранился слѣдующій мѣстный разсказъ:

«Какъ только верховые сообщили, что гяуры въ огромной массѣ направились на столицу нашу, къ которой со дня существованія ея, еще никто изъ непріятелей не дерзалъ подступить, горожане, въ сознаніи невозможности разбить его или отогнать, начали собираться къ побѣгу. Захвативъ съ собою наиболѣе цѣнныя и необходимыя вещи, часть ихъ направилась въ Балаклаву и Севастополь, чтобы оттуда пересѣсть на суда и бѣжать въ Константинополь, а другая бросилась въ горы съ тѣмъ, чтобы возвратиться по минованіи опасности. Всѣ ханскія сокровища со всѣхъ дворцовъ, съ женами и дѣтьми, также отправлены были въ Балаклаву, гдѣ стояли наготовѣ суда, имѣющія увезти повелителя съ его семействомъ въ Турцію, на случай, если непріятель задумаетъ преслѣдовать двинувшіяся въ безпорядкѣ къ городамъ войска наши. Словомъ, Бахчисарай совершенно опустѣлъ; остались только христіане, греки и армяне, которымъ бѣжавшіе начальники города поручили по возможности воздерживать русскихъ отъ

разрушенія построекъ. Десять дней спустя, большинство народонаселенія возвратилось въ свои жилища и открыло закопанныя въ дворахъ домашнія принадлежности; но ханъ съ семействомъ не могъ поселиться въ Бахчисараѣ, по случаю значительныхъ поврежденій, происшедшихъ отъ пожара въ его сералѣ. Послѣ этого событія Бахчисарай около двухъ лѣтъ терпѣлъ недостатки и вообще вяло подвигались коммерческія дѣла раззоренной и значительно ограбленной страны. Для обѣднѣвшихъ татаръ оставалось единственное средство усилить нападенія на русскія земли, чтобы возвратить потерянное и такимъ образомъ войти въ первобытное положеніе».

Переходимъ теперь къ историческимъ судьбамъ Херсонеса. Страбонъ, жившій въ 1-мъ столѣтіи отъ нашей эры, разсказываетъ, что этотъ городъ, находившійся на Трахейскомъ полуостровѣ, былъ основанъ выходцами изъ Иракліи Понтійской. Есть писатели, которые полагаютъ, что на Трахейскомъ полуостровѣ (т.-е. за Севастопольской бухтой) существовали два Херсонеса, изъ которыхъ первый находился къ юго-западу отъ нынѣшняго. Имѣя чрезвычайно выгодное географическое мѣстоположеніе и нѣсколько хорошихъ незамерзающихъ бухтъ,



Медаль, выбитая въ память путешествія императрицы Екатерины II въ Тавриду.

Херсонесъ долженъ былъ первенствовать, какъ въ торговомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніяхъ надъ всѣми городами древней Тавриды.

Херсонесцы принадлежали къ числу самыхъ предпріимчивыхъ мореходцевъ, обогащавшихся на счетъ отдаленныхъ странъ. О богатствѣ и цвѣтущемъ ихъ положеніи можно судить по слѣдамъ городскихъ построекъ, а также по разсказамъ Константина Порфиророднаго. Херсонесъ обладалъ огромнымъ числомъ мореходныхъ судовъ; населеніе его не имѣло возможности чѣмъ-либо заниматься на каменистой почвѣ Трахеи, за исключеніемъ развѣ скотоводства, для собственныхъ нуждъ, и въ немногихъ мѣстахъ хлѣбопашествомъ. Всего вѣрнѣе, что они у себя чрезвычайно усердно занимались рыболовствомъ въ Ктеноской бухтѣ, какъ извѣстно, изобиловавшей различными породами рыбъ, до тѣхъ поръ, пока въ нее не начали заходить колесные пароходы. Кромѣ всѣхъ этихъ промысловъ херсонесцы закупали всѣ произведенія южнобережскихъ обитателей и въ обширныхъ размѣрахъ торговали невольниками. При таковыхъ средствахъ къ жизни, сталкиваясь ежедневно почти со всѣми образованными для того времени народностями, они успѣли обратить на себя вниманіе не только въ коммерческомъ отношеніи, но въ политическомъ и домашнемъ быту. Воздвигнутый ими въ языческія времена храмъ Діаны, а въ христіанскія—обширныя церкви, украшенныя мраморомъ и мозаиками, доказываютъ почтеніе къ божественнымъ силамъ; мирныя же отношенія къ іудеямъ—вѣротерпимость и готовность дѣлиться даже съ чуждымъ племенемъ выгодами своими. Единодушіе и

достаточное развитіе херсонесцевъ свидѣтельствуется, во-первыхъ, тѣмъ, что они не пощадили ничего для защиты своего гнѣзда, во-вторыхъ, избирательнымъ образомъ правленія, чеканкою собственной монеты, статуями, надписями, воинскими подвигами противъ сильнѣйшихъ враговъ и т. п. Но лучшимъ качествомъ ихъ было то, что однажды, отдавшись Митридату, они до послѣднихъ минутъ зависимости своей отъ Римской и Греческой имперій, не мечтали болѣе свергнуть добровольно принятаго ига; въ трудные же моменты, когда деспотизмъ монарховъ превышалъ, такъ сказать, силу терпѣнія, они на столько были сильны и вліятельны, что свергали злодѣевъ съ Византійскаго престола и замѣняли ихъ тѣми, кого желали.

Первыя свѣдѣнія о Балаклавѣ, расположенной въ 12 верстахъ отъ Севастополя, мы находимъ у Гомера; послѣдующіе за нимъ греческіе писатели почти всѣ упоминаютъ о балаклавской бухтѣ, увѣряя, что въ ней разбойничали тавроскиѳы. Затѣмъ, послѣ Плинія, утверждающаго, что вблизи балаклавской бухты находился городъ Плація, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о существованіи города на берегахъ Символона до 1434 года, т. е. до того времени, когда Балаклава на короткій срокъ подпала подъ власть генуэзцевъ. Нѣсколько времени спустя, Балаклава становится извѣстною подъ именемъ Чимбало и Ямполи. Послѣднее названіе безъ сомнѣнія произведено отъ греческихъ словъ *іянъ* (здоровье) и *поли* (городъ), т. е. городъ здоровья. Послѣ 1475 года Чимбало, подпавъ подъ власть турокъ, получаетъ названіе Балаклавы, данное ей монголо-татарами, и произведенное отъ татарскихъ словъ: *балыкъ* (рыба) и *юва* (гнѣздо), каковою дѣйствительно является бухта ея въ то время, когда преслѣдуемая дельфинами мелкая рыба вбѣгаетъ въ нее въ громадномъ количествѣ. Что было съ Балаклавою въ продолженіе мусульманскаго господства въ Крыму,—мы не знаемъ. Извѣстно только, что при туркахъ въ ней было не болѣе 150 домовъ и что здѣсь обязаны были доживать свой вѣкъ тѣ изъ сверженныхъ хановъ, которыхъ не обязывалъ турецкій султанъ прибыть въ Турцію.

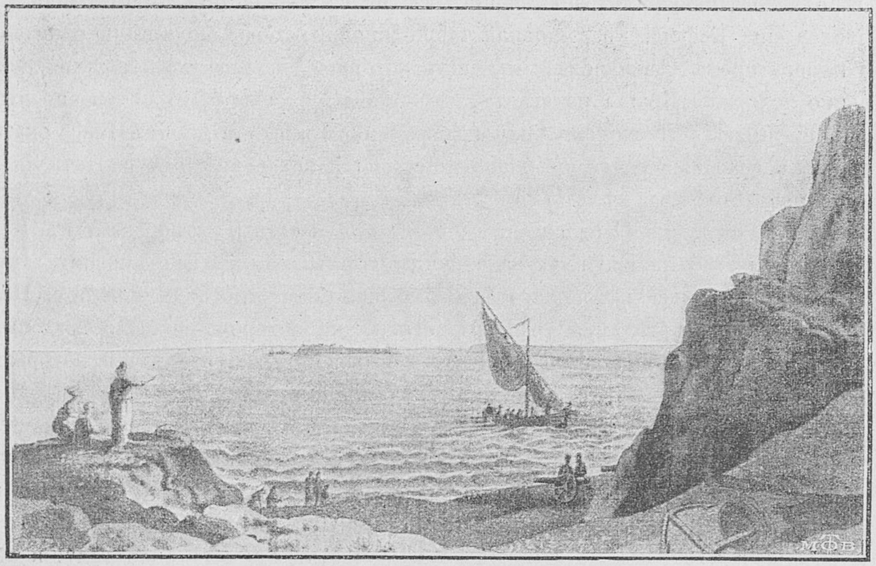
При покореніи нами Крыма въ Балаклавѣ не было ни одного жителя, но такъ какъ постройки находились въ цѣлости, то правительство заблагоразсудило перевезти сюда архипелажскихъ грековъ, поселенныхъ въ Керчь-Еникале. Переселившись сюда, эти греки,—о которыхъ Суворовъ писалъ въ военное министерство: «Бога ради осемьяните албанцевъ или они вымрутъ, какъ древняя мекленбургская армія»,—начали безцеремонно похищать у татаръ и караимовъ дочерей и, женившись на нихъ, упрочили свое племя и вскорѣ послѣ этого развели въ окрестностяхъ фруктовые и виноградные сады на пространствѣ около 66 десятинъ. Этими же греками, вскорѣ послѣ перехода въ Балаклаву, обращена была въ православную церковь татарская мечеть при дер. Кадыковкѣ, которая представляла всѣ признаки отправленія въ ней богослуженія христіанами.

Въ Балаклавѣ запрещено было лицамъ, не принадлежащимъ къ греческому батальону, имѣть недвижимую собственность. Обстоятельство это главнѣйшимъ образомъ послужило къ тому, что городокъ этотъ, несмотря на удобство бухты, не могъ увеличиться, но однако съ учрежденіемъ въ ней таможенной заставы съ 1807 г., вслѣдствіе запрещенія выгружаться купеческимъ судамъ въ Севастополѣ, онъ значительно ожилъ и со временемъ могъ бы исправиться, еслибъ въ Крымскую кампанію не былъ занятъ непріятельскими войсками, а вскорѣ послѣ того, а именно 15 ноября 1859 г., когда въ окрестностяхъ этого города истреблены были всѣ сады, не объявленъ былъ приказъ начальства объ упраздненіи Балаклавскаго греческаго баталіона.

На томъ мѣстѣ, гдѣ Муравьевъ-Апостолъ опредѣлялъ древній городъ Киммеріонъ, существуетъ въ настоящее время большое поселеніе Старый-Крымъ, нѣкогда довольно крупный центръ Тавриды. Старый-Крымъ (Эски-Крымъ) былъ такъ великъ, что простирался до нынѣшняго Карасубазара. Татары увѣряютъ, что здѣсь скрывался послѣдній изъ ихъ хановъ отъ разъяреннаго враждебнаго народа, возставшаго будто по проискамъ мурзъ Ширинскихъ,

уполномоченныхъ со стороны Турціи волновать простонародіе, и увѣрявшихъ, что Шагинъ-Гирей-ханъ предался христіанамъ и согласился продать императрицѣ Екатеринѣ II-ой всѣхъ мусульманъ своего царства.

По народному преданію, здѣсь существовалъ ханскій дворецъ Хатырша-сарай, который, по отдѣлкѣ и величинѣ, принадлежалъ къ великолѣпнѣйшимъ постройкамъ тогдашняго міра. Расположенный на высокомъ мѣстѣ и окруженный садами, онъ имѣлъ въ окружности около сотни фонтановъ, поражающихъ слухъ пріятнымъ журчаніемъ, а глазъ великолѣпнымъ разнообразіемъ архитектуры и надписей. Здѣсь часто проводили ханы цѣлые мѣсяцы, окруженные любимыми мурзами, беями и прекрасными наложницами; сюда они ссылали въ темницы, сохранившія до настоящаго времени слѣды своего существованія, тѣхъ, кто дѣлался имъ ненавистнымъ или опаснымъ. Темницы эти были извѣстны въ народѣ подъ именемъ могилъ и тотъ, кто попадалъ туда, никогда болѣе не показывался на свѣтъ Божій. Сначала будто они служили для невѣрныхъ и различнаго рода плѣнныхъ, преимущественно жившихъ въ Кафѣ и Судакѣ,



Видъ на Черное море.

(С акварели, исполненной во время путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ).

надъ которыми тѣшились кровожадные правители или улусы, а потомъ сдѣлались общимъ назначеніемъ для всѣхъ, кто осуждался на голодную смерть. Кромѣ того сохранилось преданіе о существующемъ на возвышенности горы Агармышъ глубокомъ отверстіи, на подобіе колодезя и развалинъ мечети *Мюскъ-драми,* т. е. мускусовой мечети. Существованіе перваго приписываютъ какому-то таинственному факиру, выходящему изъ подъ земли для проповѣди корана, а основаніе послѣдней—богатѣйшему индускому купцу-мусульманину, воздвигнувшему ее съ тѣмъ, чтобы удивить міръ своимъ богатствомъ; она вся была изъ лучшаго мрамора и сіяла золотомъ, но важнѣе всего то, что стѣны клались на цементѣ, смѣшанномъ съ мускусомъ, который издавалъ ароматъ на нѣсколько верстъ. Сосѣдніе татары такъ убѣждены въ справедливости этого преданія, что и теперь стараются увѣрять, будто послѣ дождя проходящіе мимо этой знаменитой мечети слышатъ запахъ мускуса.

Въ 1531 году Эски-Крымъ былъ резиденціей ширинскихъ беевъ, гдѣ въ томъ же году (по Карамзину) Саадетъ-Гирей-ханъ умертвилъ представителя ихъ рода, Бахтіара. По свидѣ-

тельству Витсена, Эски-Крымъ былъ разоренъ казаками въ 1650 году. Если послѣднее справедливо, то съ этого вѣроятно времени жители этого города начали покидать его и переселяться въ Карасубазаръ. Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, Старый-Крымъ названъ былъ Левкополемъ и предназначенъ былъ княземъ Потемкинымъ для разведенія шелковичныхъ плантацій. Затѣмъ въ немъ построенъ былъ дворецъ для пріема императрицы Екатерины, въ оградѣ котораго (бывшей церковной) находилось много надгробныхъ камней съ фамильными гербами и надписями генуэзцевъ и армянъ. Дворецъ этотъ сгорѣлъ въ 1825 году; но бесѣдка съ фонтаномъ до настоящаго времени сохраняютъ свои слѣды.

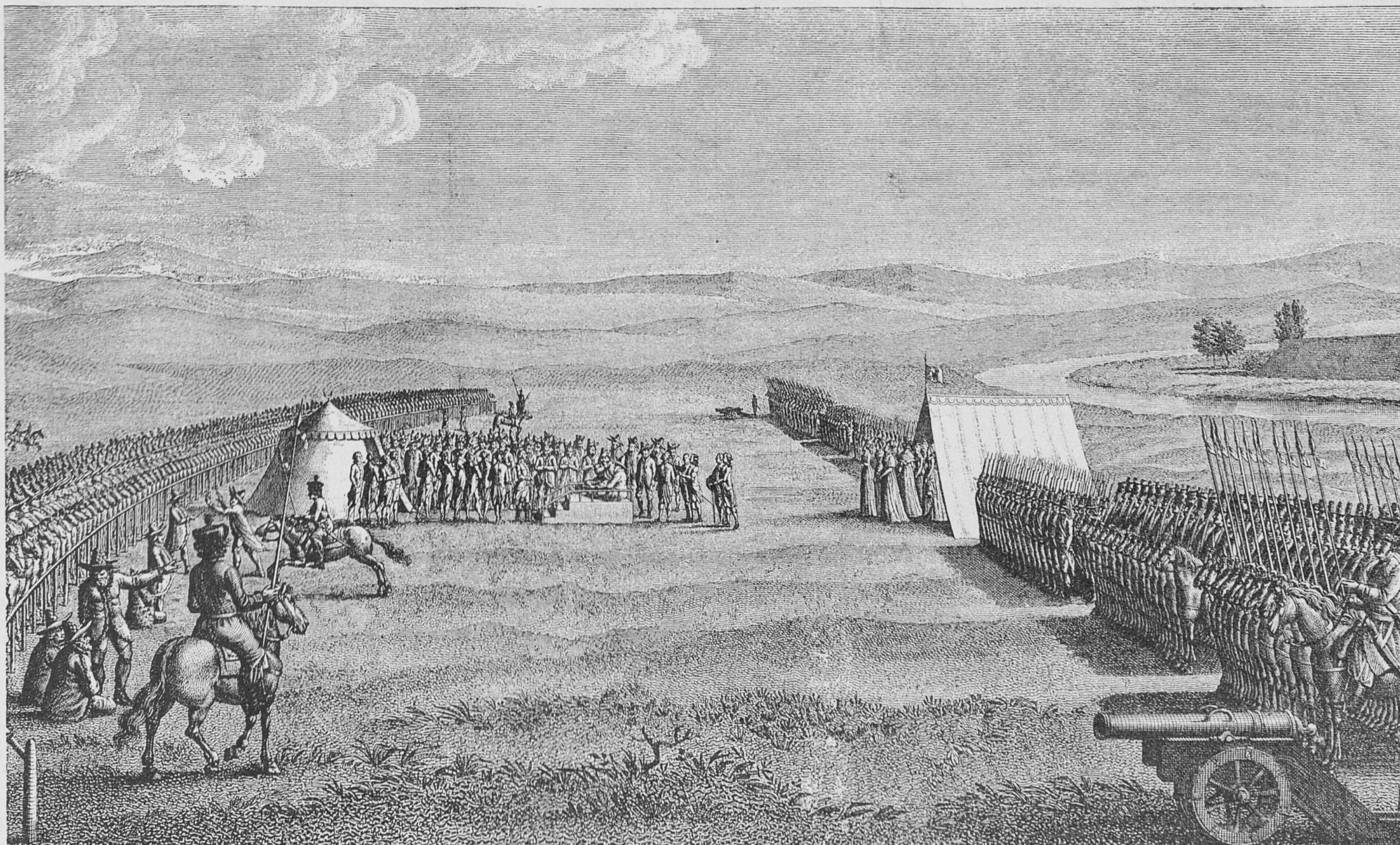
Неизвѣстно съ точностью, когда именно основана нынѣшняя Ѳеодосія. По мнѣнію выдающагося знатока исторіи Крыма, В. Кондараки, первоначально въ мѣстности нынѣшней Ѳеодосіи образовался пунктъ стоянки отважныхъ мореходныхъ купцовъ Генуи, а потомъ важныя выгоды заставили генуэзцевъ переселиться сюда и постепенно довести факторію до того цвѣтущаго положенія, которое прилично было бы любой столицѣ тогдашняго міра. По имѣющимся историческимъ свѣдѣніямъ, Ѳеодосія достигла цвѣтущаго положенія еще раньше, чѣмъ въ этомъ городѣ поселились генуэзцы, когда онъ по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, назывался еще Кафою. Разрушенная тавро-скиѳами, Кафа, по мнѣнію однихъ, была возобновлена императоромъ Ѳеодосіемъ, въ честь котораго она названа этимъ именемъ, но упомянутый выше историкъ Крыма полагаетъ, что имя «Ѳеодосія» было присвоено этому городу побѣдителемъ его царемъ Левкономъ, или гражданами Аѳинъ, которымъ Кафа оказывала громадныя услуги въ голодные годы посылкою пшеницы и которые могли считать ее за эти пожертвованія даромъ Божьимъ, т.-е. *Ѳеодосисъ*.

Въ началѣ XIII столѣтія Ѳеодосіи суждено было возстать изъ развалинъ и достигнуть цвѣтущаго положенія. Отважные генуэзскіе купцы обратились къ Кипчакскому хану съ просьбою о дозволеніи имъ основать въ виду Ѳеодосійской бухты торговую контору. Получивъ на это согласіе, они вскорѣ прикупили участокъ земли, на которомъ начали воздвигать дома и магазины. Татары, которымъ неизвѣстны были торговые рынки запада и которые не могли сбывать свои произведенія, смотрѣли на нихъ благосклонно. Понятно, что вскорѣ послѣ этого въ Ѳеодосію, снова названную Кафою, начали собираться толпами генуэзцы, преимущественно обитающіе въ Галатѣ. О времени возникновенія этой, уже итальянской, колоніи также нѣтъ положительно вѣрныхъ свѣдѣній. Такъ, напр., изъ лѣтописи Стеллы на 1337 годъ видно, что она занята генуэзцами незадолго до сего. Григорасъ, жившій въ половинѣ XIV-го вѣка, подтверждаетъ его запись. Другіе же писатели относятъ основаніе ея къ 1266 году, а аббатъ Одерико къ 1269 году. Кондараки полагаетъ, что генуэзцы основались здѣсь со времени вступленія татаръ въ Тавриду и только въ одномъ изъ указанныхъ выше городовъ сдѣлались хозяевами мѣстности, признанной ихъ собственностію ханами.

Незначительная итальянская колонія, впослѣдствіи укрѣпленная, стала привлекать къ себѣ многочисленныхъ купцовъ. Развитію и украшенію ея въ значительной степени содѣйствовали армяне, переселившіеся сюда изъ Ани, Сарая и Казани. Когда же въ концѣ XIV столѣтія Тамерланъ разгромилъ венеціанскій городъ Тану, кафскіе колонисты, избавившись отъ единственнаго соперника, захватили въ свои руки всю торговлю на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, и съ тѣхъ поръ къ нимъ стали направляться многочисленные купцы изъ Россіи, Валахіи и другихъ сосѣднихъ странъ. Красный крестъ Генуи владычествовалъ на всѣхъ берегахъ этихъ двухъ морей. При такихъ, конечно, условіяхъ, Кафа, принявшая къ себѣ остатки жителей Таны и объявившая въ 1352 году гавань свою свободною для всѣхъ мореходцевъ, должна была увеличиться въ размѣрахъ, украситься великолѣпными постройками и расширить торговую дѣятельность. Вотъ почему всѣ почти лѣтописи свидѣтельствуютъ, что едва ли прошло полвѣка со времени основанія ея, какъ она представляла уже видъ обширнаго города. Тысячи домовъ поднялись, какъ будто волшебствомъ; обширные магазины, величественные базары, напол-



Карта путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году.



Смотръ войскамъ во время путешествія императрицы Екатерины II (съ современной гравюры).

ненные товарами, тянулись вдоль порта, оживленнаго безпрерывнымъ движеніемъ толпы. Естественно, что при такомъ значительномъ народонаселеніи, необходимо было городу назначить управленіе, пользующееся властью не только въ колоніи, но имѣющее значеніе и въ глазахъ Генуи, которая поспѣшила выслать въ Кафу уполномоченнаго съ своей стороны намѣстника, съ правомъ именоваться консуломъ Кафы, всего великаго моря и Хазарской имперіи и учредить отдѣленіе Хазарскаго трибунала, подъ названіемъ officium mercanciae, которое обязано было наблюдать только за коммерческими судами, идушими въ Азовское море. На сколько Генуя заботилась о сосредоточеніи торговли въ Ѳеодосіи, видно изъ постановленія ея трибунала, обязавшаго всѣ вступающацція въ Черное море суда своей республики, останавливаться въ Кафѣ и отнюдь нигдѣ на крымскихъ берегахъ ни продавать, ни покупать товаровъ, за исключеніемъ этой колоніи.

Поселившись на мѣстѣ древней Ѳеодосіи, генуэзцы быстро сообразили, что окруженный морями Таврическій полуостровъ представляетъ очень выгодный пунктъ для торговыхъ сношеній съ отдаленными странами. И, дѣйствительно, они вскорѣ пріучили монголовъ къ пріобрѣтенію издѣлій германскихъ и итальянскихъ фабрикъ, взамѣнъ которыхъ они получали отъ нихъ шерсть, мѣха, сырыя кожи, медъ и воскъ. Вскорѣ, узнавъ, что монголы владѣютъ большимъ количествомъ золота и драгоцѣнныхъ камней, награбленныхъ въ Китаѣ, Индіи и Персіи, генуэзцы стали обмѣнивать свои дешевыя издѣлія на эти драгоцѣнности. Но ихъ торговая предпріимчивость повела ихъ еще дальше, въ Европу и Сибирь: они проникли на богатый Кавказъ, и, основавъ тамъ торговыя конторы, не только завладѣли всѣми выгодами торговли, но даже начали разработывать въ горахъ его серебряную руду.

Такимъ образомъ въ продолженіе какихъ-нибудь 25—30 лѣтъ со времени основанія Кафской колоніи, въ нее направлялись уже изъ Россіи для южной Европы строевой лѣсъ, пенька и ленъ, а изъ Сибири—мѣха, желѣзо, мѣдь, смола, варъ и сало. Всѣ эти товары шли изъ Перми и приуральскихъ областей по Камѣ и Волгѣ до Дубовки, а отсюда перевозились къ Дону, гдѣ опять нагружались на суда. Дорогіе мѣха доставлялись въ Кафу новгородскими и архангельскими купцами. Таврическій полуостровъ также доставлялъ имъ много выгодныхъ для торговли статей, изъ которыхъ наиболѣе блистательными считались: соляныя озера, богатѣйшія рыбныя ловли въ Керченскомъ проливѣ, хлѣбное зерно, лисьи и куньи мѣха и т. п. Изъ Кавказа кафскіе генуэзцы вывозили кожу, марену, шерсть, мѣха, бумажныя ткани, шафранъ и воскъ, требуемый въ огромныхъ массахъ въ то время для церквей и монастырей, но главнѣйшею торговлею ихъ въ Черкесіи считалось пріобрѣтеніе за ничтожные товары невольниковъ, которыхъ чрезвычайно выгодно сбывали въ Египтѣ. О количествѣ закупаемыхъ генуэзцами на Кавказѣ невольниковъ можно судить потому, что Мингрелія, по словамъ Шардена, ежегодно продавала ихъ до 12 тысячъ. Таковы были предметы торговли генуэзцевъ въ Крыму, въ первыя времена основанія Кафы, но вскорѣ они не довольствовались уже произведеніями этихъ странъ и проложили себѣ пути въ самыя отдаленныя части роскошной своими произведеніями южной Азіи.

Кафскіе колонисты, узнавъ отъ жителей Таны, что торговля съ Китаемъ доставляетъ имъ громадныя выгоды, не замедлили завести сношенія и съ небесной имперіей и доходили до Пекина. По словамъ Франческо Пеголоти, слѣдовавшаго за генуэзцами въ 1335 году, издержки на путешествіе до Пекина, съ жалованіемъ переводчику и двумъ слугамъ, достигали 350 золотыхъ флориновъ, при чемъ путешествіе не представляло опасности для нихъ, если караваны бывали въ 50—60 человѣкъ.

Въ половинѣ IV вѣка Константинополь былъ взятъ турками, ставшими обладателями Чернаго моря. Это было смертнымъ приговоромъ богатству и независимости Кафы. Для обитателей послѣдней стало ясно, что если христіанскія государства западной Европы предоставятъ варварамъ хозяйничать на Босфорѣ, то имъ придется погибнуть на развалинахъ прекрасной факторіи.

Тщетно кафскіе колонисты обращались въ 1456 году съ мольбою о помощи къ королямъ французскому, венгерскому, англійскому и португальскому; не оправдались также ихъ надежды на помощь со стороны Польши. Съ другой стороны султанъ Магометъ II понималъ,



Императрица Екатерина II.

какъ важно для него сдѣлаться полнымъ властелиномъ Чернаго моря, и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отправить громадную армію въ Крымъ. Занявъ Кафу, главный начальникъ турецкихъ войскъ Ахметъ-паша приказалъ всѣмъ жителямъ представить ему опись

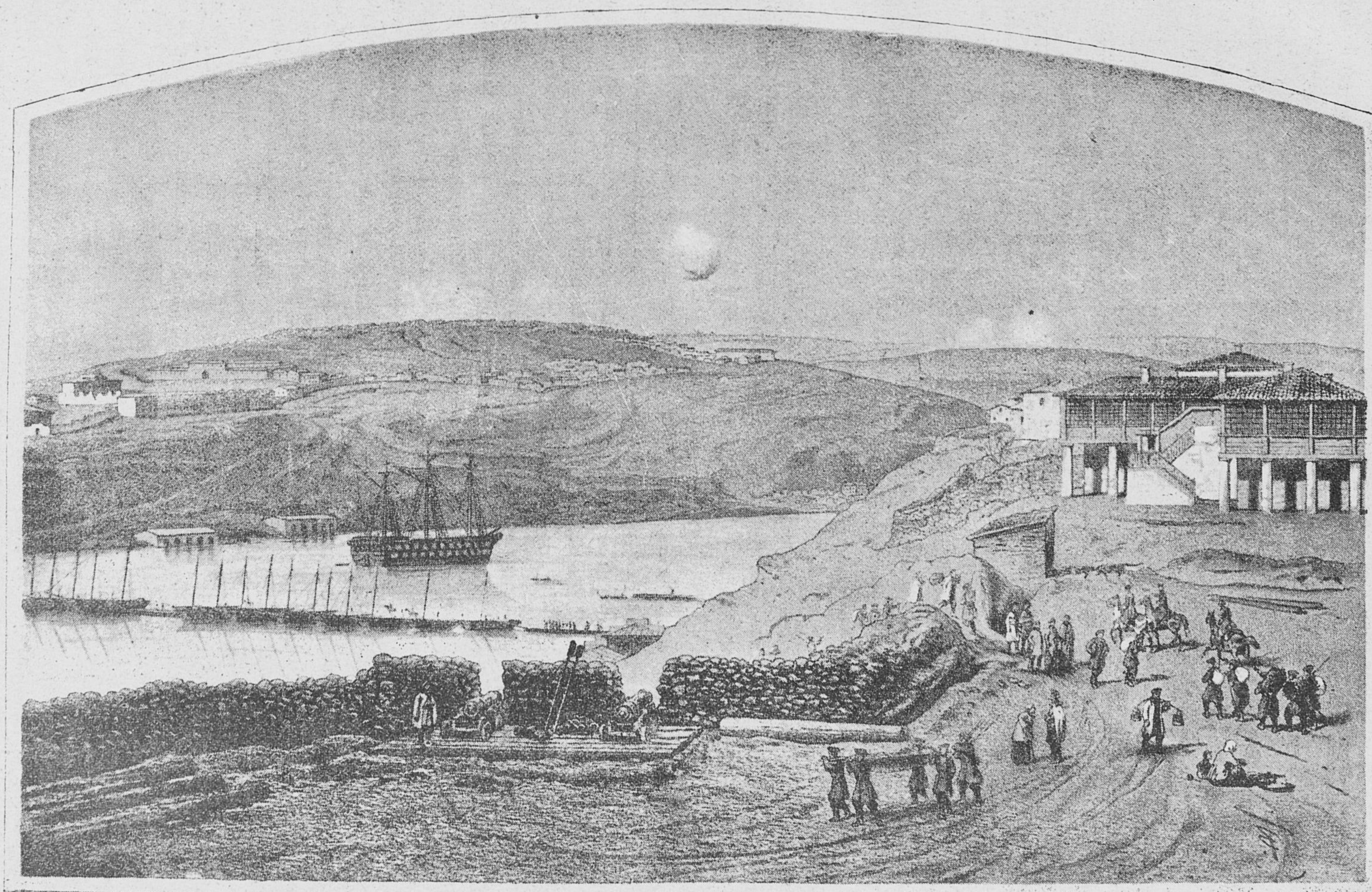
своему имуществу. Такъ какъ по капитуляціи, надписанной имъ, собственность жителей должна была оставаться неприкосновенною, то колонисты охотно исполнили его приказаніе; но паша, воспользовавшись тѣмъ, что въ описяхъ показаны, вопреки повелѣнія его, невольники, приказалъ сначала отобрать ихъ, а потомъ заставилъ хозяевъ выкупить по самой высокой цѣнѣ. Вслѣдъ затѣмъ потребовалъ отъ иностранныхъ купцовъ 25 тысячъ дукатовъ въ видѣ контрибуціи, а съ генуезцевъ сумму, равную половинѣ ихъ имущества.

По вступленіи турецкихъ войскъ въ Кафу, турецкій султанъ сдѣлался фактическимъ владѣтелемъ всего крымскаго побережья и занялъ своимъ горнизономъ всѣ приморскіе города. Въ Кафѣ учрежденъ санджакъ, а нѣсколько лѣтъ спустя она стала оживать и населяться, постепенно расширяя свою торговлю. Въ XVI столѣтіи Кафа достигла огромнаго торговаго значенія, получивши еще названіе Кучукъ-Стамбула или Малаго Константинополя. По Шардену, въ Кафской бухтѣ, въ концѣ XVII столѣтія, стояло 400 кораблей, а населеніе города достигало 80 тысячъ. Въ обширномъ предмѣстіи, въ ю. з. сторонѣ города проживали преимущественно богатѣйшіе татарскіе мурзы, имѣвшіе здѣсь красивые дома, утопающіе въ зелени садовъ и окруженные роскошными фонтанами, а если вѣрить Боплану, посѣщавшему Кафу также въ XVII-мъ вѣкѣ, въ ней было церквей: 12 греческихъ, 32 армянскихъ и одна католическая. Намъ кажется, что свѣдѣнія эти не совсѣмъ вѣрны, потому что нынѣ существующихъ фундаментовъ и слѣдовъ церквей насчитываютъ 17, изъ которыхъ сохранились въ цѣлости до настоящаго времени четыре въ Карантинномъ дворѣ: 1) около фонтана, во имя св. Димитрія, 2) св. Благовѣщенія, 3) св. великом. Георгія и 4) св. Апостоловъ. Изъ памятниковъ турецкаго господства, за исключеніемъ мечетей, нынѣ ничего не существуетъ, хотя и оставалась до 1835 года въ цѣлости великолѣпная баня, съ громадными куполами въ отдѣленіяхъ, но она разобрана на другія постройки. Въ 1771 году, при бомбандированіи ея княземъ Долгорукимъ, Кафа значительно пострадала и хотя снова начала приходить въ первобытное положеніе, съ переходомъ во власть крымскихъ хановъ, но опять пришла въ упадокъ съ выходомъ богатыхъ и способныхъ къ торговлѣ армянъ, переселившихся въ Россію въ 1779 году.

Русскіе въ первый разъ завоевали Кафу въ 1771 году. Мѣстныя преданія говорятъ, что гяуры или московы предали пламени много городскихъ построекъ, разрушили стѣны и башни. Черезъ 12 лѣтъ русскіе снова вступили въ Кафу, на этотъ разъ присоединивъ ее навсегда къ нашимъ владѣніямъ. Турки и татары массами стали покидать города.

Кафа досталась намъ съ ничтожнымъ числомъ построекъ и народонаселенія. Естественно, что правительство наше, сознавая выгодное положеніе этого города, не могло равнодушно смотрѣть на его запустѣніе и застой торговли. Но для возстановленія его прежней дѣятельности необходимы были важныя пожертвованія. Вслѣдствіе чего въ Кафу, переименованную въ первобытное ея названіе Ѳеодосія, назначенъ былъ градоначальникъ для особеннаго попеченія о привлеченіи поселенцевъ и торговыхъ людей, затѣмъ предоставлены были въ пользу города доходы изъ сосѣднихъ соляныхъ озеръ и виннаго городского откупа; учреждена банковая контора; отведенъ былъ огромный кусокъ земли для гражданъ; дарована была 25-ти лѣтняя льгота отъ платежа гильдейскихъ повинностей и податей; затѣмъ послѣдовало распоряженіе объ освобожденіи города отъ всякаго рода воинскаго постоя и кромѣ этого приказано было раздать городскимъ обитателямъ заимообразно, на постройки, сто тысячъ рублей. Въ заключеніе-же дарована, въ пользу надобностей города, пятая часть изъ суммы таможенныхъ сборовъ. Очень натурально, что послѣ такихъ важныхъ преимуществъ, Ѳеодосія въ непродолжительномъ времени населилась капиталистами различныхъ націй; но гораздо болѣе она оживилась съ того времени, когда правительство учредило въ ней безпошлинную и безсрочную складку товаровъ, подъ названіемъ транзитнаго торга.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія торговля Ѳеодоссіи достигла такихъ размѣровъ,



[illegible] изъ Севастополя на южную и корабельную бухты во время осады Севастополя

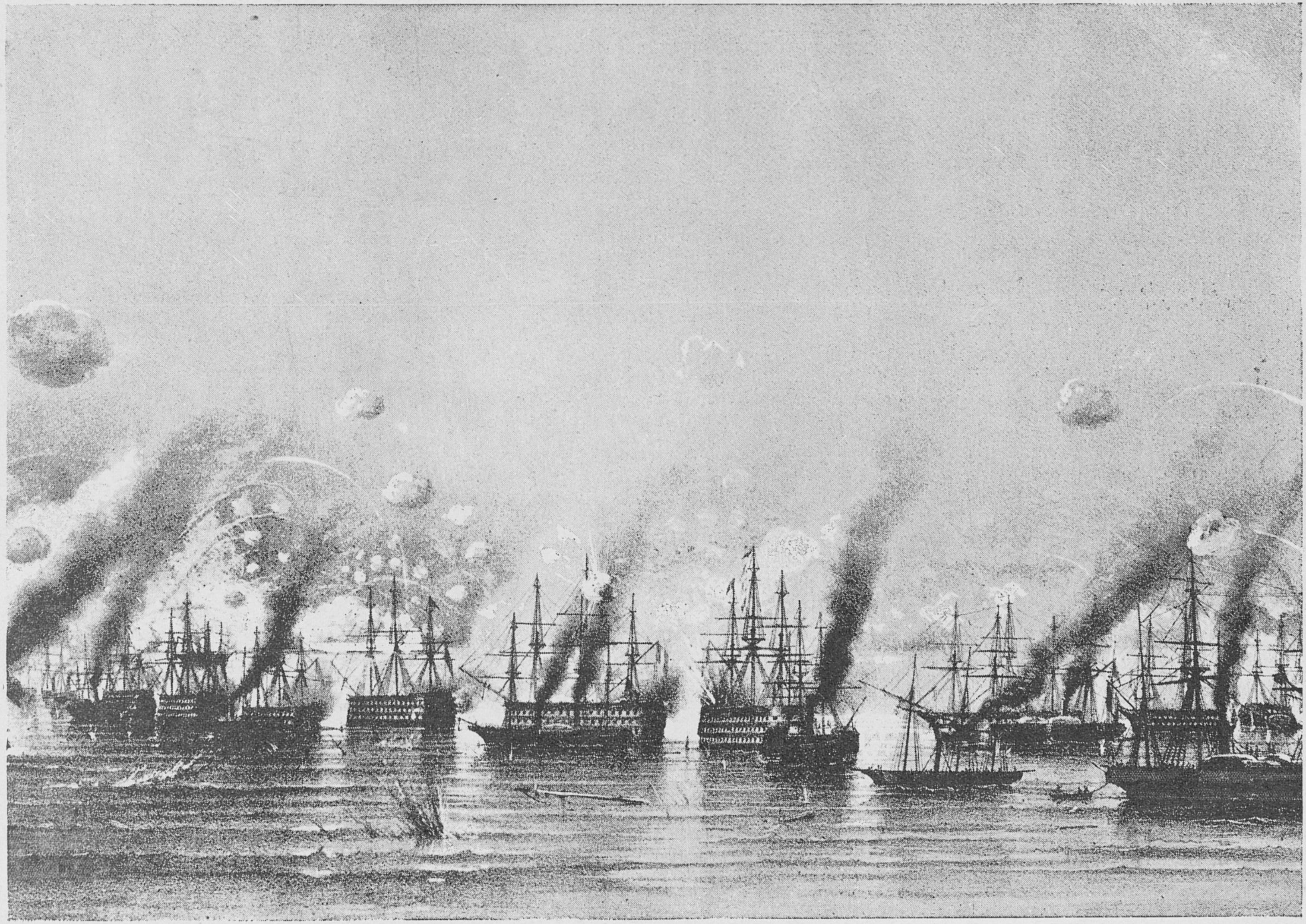
что таможенный доходъ простирался до милліона рублей. Но тѣмъ временемъ различныя льготы, предоставленныя Керчи и Бердянску, и открытіе въ Одессѣ порто-франко такъ сильно отозвались на этотъ, только что оживающій, городъ, что онъ быстро началъ клониться къ упадку и дошелъ до того, что еле-еле кое-что вывозилось изъ него за границу. Вслѣдъ затѣмъ Черное море, занятое англо-французскими эскадрами, заставило Ѳеодосійскихъ жителей надолго оставаться безъ всякаго сообщенія съ приморскими городами и, въ виду предстоящей опасности, искать убѣжища внѣ Крымскаго полуострова. Въ 1856 году май мѣсяцъ былъ однимъ изъ самыхъ отрадныхъ для Ѳеодосіи: въ давно забытую бухту его почти одновременно прибыли 629 иностранныхъ судовъ для выполненія карантинныхъ постановленій.

Такой же отрадный день пережила Ѳеодосія въ 1859 году, когда главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилось соединить Москву съ нею рельсовымъ путемъ и приступило къ дѣлу. Въ эго время полуразрушенные дома, какъ бы волшебствомъ, приняли первобытный видъ, а развалины преобразились въ прекрасныя постройки; окрестные участки земель, издавна предназначенные для садоводства, но на которые не являлось охотниковъ, быстро распродались по баснословнымъ цѣнамъ. Словомъ, Ѳеодосія употребила всевозможныя мѣры и средства, чтобы сбросить съ себя несвойственный ея историческому мѣстоположенію горестный видъ, но это была иллюзія—и несчастному своею исторической судьбою городу не суждено было снова воскреснуть и сдѣлаться знаменитымъ рынкомъ между Россіею и Азіею.

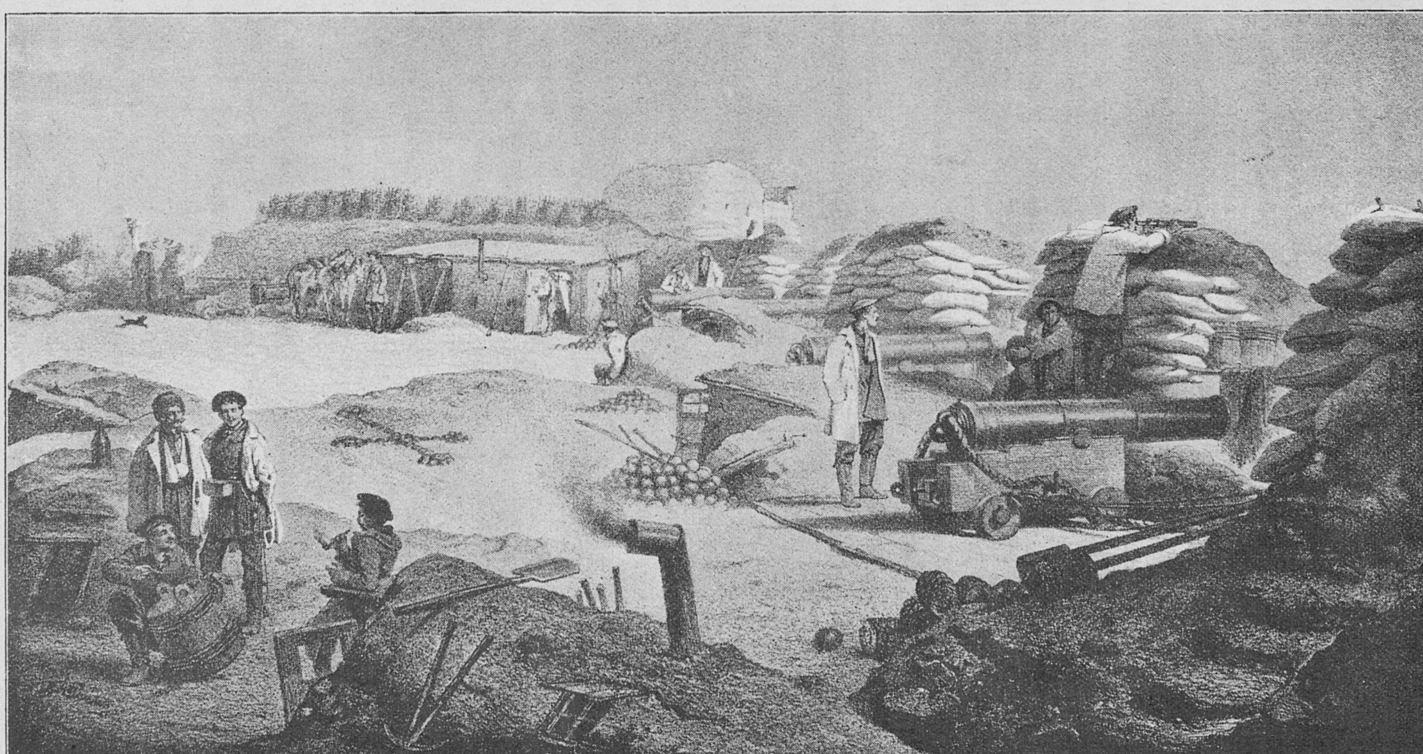
Керчь, извѣстная своими памятникам древности и драгоцѣнными находками, украсившими петербургскій эрмитажъ, основана за 480 лѣтъ до Р. Х. подъ названіемъ Пантикапеи. Первыя свѣдѣнія о положеніи Керчи мы находимъ у Страбона, писавшаго, какъ извѣстно, въ I вѣкѣ. По его словамъ, Пантикапея представляетъ холмъ, населенный на 20 стадій въ окружности. На восточной сторонѣ она имѣетъ гавань съ верфью, въ которой можетъ помѣститься до 30 кораблей и кромѣ того есть въ ней акрополь... На этомъ основаніи можно предпологать, что городъ занималъ окружность холма, извѣстнаго въ наше время подъ именемъ Митридатовой горы, а гавань съ верфью была въ виду теперешней Керчи.

Однако точныя историческія данныя о судьбахъ Керчи мы имѣемъ не раньше, чѣмъ со временъ Митридата Понтійскаго, провозгласившаго себя покровителемъ всѣхъ эллиновъ въ Тавридѣ. Пантикапейцы рѣшились тогда завоевать себѣ свободу, но разбитые Митридатомъ, должны были смириться предъ волей поработителя. Съ тѣхъ поръ они стали рабами чуждыхъ имъ монарховъ, подпали затѣмъ подъ власть римлянъ, осудившихъ ихъ на новое четырехвѣковое рабство. Доживъ до такой жалкой судьбы, естественно, что Пантикапея ожидала перваго врага, который разгромилъ бы ея полумертвую самостоятельность и прекратилъ бы долговременную агонію подъ безсиліемъ монархической власти. На все это римляне смотрѣли равнодушно, не предполагая, что готоы сдѣлаются властителями Рима—повелителя вселенной. Пока этотъ надменный повелитель народовъ терпѣлъ, въ свою очередь, чужеземное иго, несчастное Босфорское царство успѣло сдѣлаться добычею гунновъ, которые не пощадили въ немъ ничего, составлявшаго его древнюю гордость и славу. Эти послѣдніе, предавъ ее грабежу, не пощадили ни великолѣпныхъ зданій, ни храмовъ, ни предметовъ, напоминавшихъ прошлое величіе. Такимъ образомъ и Пантикапея раздѣлила участь славныхъ городовъ древняго міра.

Переименованная въ VI вѣкѣ въ Босфоросъ, Пантикапея имѣла къ тому времени своего христіанскаго епископа, а въ половинѣ VIII вѣка—тотъ самый храмъ во имя св. Іоанна, который существуетъ до настоящаго времени. Что было съ Босфоросомъ и какую жизнь вели его новые основатели до нашествія въ Тавриду монголо-татаръ—мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ сказанія Прокопія о постройкѣ Юстиніаномъ новыхъ стѣнъ въ окружности его; имѣется также свидѣтельство Константина Порфиророднаго, что въ его время Боспорская епархія переименована въ архіепископію. Какъ не малозначительны эти свидѣтельства, но они



Бомбардированіе Севастополя турецко-англо-французскимъ флотомъ 5-го октября 1854 года.



Внутренность одной изъ батарей Малахова кургана, гдѣ убитъ вице-адмиралъ В. А. Корниловъ, 5-го октября 1854 года.

намъ повѣдаютъ, во-первыхъ, что Пантикапея, огражденная стѣнами, которыя были разрушены, на столько была еще значительна, что имѣла надобность въ постройкѣ новыхъ; во-вторыхъ, она достигла такой цифры народонаселенія, что необходимо было переименовать епископа въ архіепископы и, наконецъ, что Боспоросъ, подпавъ подъ власть русскихъ, получилъ названіе Керчева, безъ сомнѣнія данное ему хазарами и происходящее отъ слова Чарше (рынокъ). Впослѣдствіе мы снова видимъ въ числѣ городовъ Византійской имперіи Керчь, въ которой императоръ Мануилъ, предоставившій генуэзцамъ право торговли во всѣхъ портахъ Чернаго моря, запретилъ имѣть свои конторы и вообще приставать къ этому городу.

Послѣ вступленія татаръ въ Тавриду, жители Керчи стали частью возвращаться къ своимъ единоплеменникамъ въ Малую Азію, частью же расходиться по прибрежнымъ поселеніямъ горной части Тавриды. Только немногіе бѣдняки остались въ ней промышлять рыболовлею, къ которымъ вскорѣ присоединились и генуэзцы, открывшіе коммерческія сношенія съ кавказскими племенами. Во времена турецкаго господства, Керчь или Чарше снова сдѣлался рынкомъ Персіи, Индіи и Египта. Въ 1774 году, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, покинутая всѣми жителями своими, Керчь населена была Архипелагскими греками, но десять лѣтъ спустя и они переселены были изъ нея въ Балаклаву, такъ что въ первыхъ годахъ нашего столѣтія въ ней было не болѣе 80 домиковъ и одна только улица. Такимъ образомъ, преданная забвенію, она служила обителью рыбаковъ въ продолженіе 20 лѣтъ; но такимъ счастливымъ по географическому положенію мѣстностямъ не суждено оставаться долго въ неизвѣстности. Керчь въ наше время безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ и оживленныхъ городовъ южной Россіи.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ прошлымм судьбами полуострова и важнѣйшихъ городовъ, мы можемъ теперь сосредоточить свое вниманіе на той славной исторической славѣ, когда Таврида стала неотъемлемой частью великой Россіи.

Къ расширенію своихъ предѣловъ до береговъ Чернаго и Азовскаго морей Россія, какъ извѣстно, стремилась съ давнихъ поръ. По мѣрѣ того, какъ эта цѣль достигалась, превращеніе Тавриды въ русскую провинцію становилось дѣломъ необходимости, оборонительною мѣрою противъ хищныхъ набѣговъ татаръ, грозившихъ нашимъ южнымъ предѣламъ. Уже царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ 1559 году первый рѣшился послать войска свои на крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ окольничаго Даніила Өедоровича Адашева; но что они сдѣлали, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что они не проникли во внутренность Крыма. Затѣмъ, ходилъ на Крымъ съ 200 т. войска князь Василій Голицынъ, но безъ всякаго успѣха. Годъ спустя онъ снова совершилъ экспедицію, но опять безъ удачи. Въ 1736 году 31 мая, въ царствованіе императрицы Анны Іоановны, фельдмаршалъ графъ Минихъ первый имѣлъ счастіе разгромить 100 т. армію Капланъ-гирея и разрушить Перекопское укрѣпленіе.

Подвигъ этотъ привелъ въ такой трепетъ народонаселеніе Крыма, что всѣ, имѣвшіе возможность, сѣли на суда и направились въ Константинополь. Извѣстіе объ этомъ произвело не меньшій страхъ въ Стамбулѣ и, если вѣрить донесенію бывшаго въ то время нашимъ резидентомъ Вишнякову, изъ Константинополя разбѣжались бы всѣ представители власти, еслибъ хотя одинъ русскій корабль могъ явиться въ проливъ.

Въ 1737 г. россійскія войска подъ командою графа Ласси снова проникли въ Крымъ черезъ Арабатскую стрѣлку.

Въ 1738 г. Ласси вновь подошелъ къ Перекопу, который сызнова былъ укрѣпленъ и гдѣ Менгли-гирей ханъ поджидалъ его съ значительными силами. Ласси, несмотря на то, что велъ не болѣе 35 т. человѣкъ, имѣлъ въ виду сдѣлать нападеніе на татаръ и приступомъ взять крѣпость, но случайно нашелъ одинъ изъ рукавовъ Сиваша пересохшимъ и не защищеннымъ, предпочелъ перейти чрезъ него и, внезапно очутившись въ тылу хана, взялъ сна-

чала крѣпостцу Чиваскула, а 10 іюля Перекопскія укрѣпленія съ гарнизономъ подъ командою паши, ста пушками, большею частью мѣдными, и значительнымъ количествомъ боевыхъ запасовъ. Затѣмъ русскіе двинулись внутрь полуострова. Фельдмаршалъ Ласси имѣлъ повелѣніе овладѣть Кафою, въ которой сосредоточивался турецкій флотъ, но, разбивъ многочисленный корпусъ татаръ, онъ однако долженъ былъ возвратиться въ Украину, вслѣдствіе недостатка провизіи.

Въ 1771 году во время войны съ Турціею былъ посланъ въ Крымъ съ 38 т. корпусомъ генералъ-аншефъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ. Селимъ-Гирей ханъ выступилъ къ нему навстрѣчу съ 75 т. конницею, но, разбитый на голову, уступилъ ему Перекопскую крѣпость. Долгоруковъ не ограничился этимъ и двинулся внутрь Крыма и, вторично разбивъ 95 т. татаръ при Кафѣ, не болѣе какъ въ продолженіе мѣсяца овладѣлъ всѣмъ полуостровомъ и, заставивъ бѣжать Селимъ-Гирея-хана въ Константинополь, возвелъ на престолъ Сагинъ-Гирея.

Съ этого времени Россія начала считать себя повелительницею татаръ, но ей необходимо было свергнуть съ Крыма опекунство Оттоманской имперіи. Между тѣмъ Турція, которой не хотѣлось допустить господства гяуровъ въ единовѣрной странѣ, употребляла всевозможныя средства прервать съ нами мирныя сношенія; но послѣ четырехъ кампаній, сдѣланныхъ нами противъ нея, согласилась на заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго міра (въ 1774 г.), по которому Россія удержала за собою Кинбурнъ, Азовъ, Керчь съ Еникалемъ и владычество надъ Малой Кабардою; заставила признать независимыми отъ Турціи крымскихъ и кубанскихъ татаръ съ тѣмъ, что они поступаютъ подъ покровительство императрицы Екатерины. Кромѣ этого Россіи предоставлена была свобода мореплаванія на Черномъ



Видъ Севастополя 27-го октября 1834 года.

и всѣхъ Турецкихъ моряхъ и право вліянія въ Константинополѣ на дѣла господарей Молдавскаго и Валахскаго и проч. Съ этой минуты, Россія, занявшая войсками своими Кинбурнъ, Керчь и Еникале, служившими, такъ сказать, Геркулесовыми столбами противъ татаръ и турокъ, ясно предвидѣла, что крымское ханство не можетъ существовать долго.

Мы видѣли, что однимъ изъ условій Кучукъ-Кайнарджійскаго міра была независимость татаръ, но эта независимость продолжалась недолго. Борьба партій въ Крыму не прекращалась. Преемникомъ Сагинъ-Гирея, бывшаго представителемъ интересовъ Россіи, сдѣлался поддерживаемый Турціей ханъ Девлетъ Гирей. Такъ какъ Сагинъ-Гирей обратился къ Россіи съ просьбой о помощи, Суворовъ силою оружія возвратилъ ему власть; затѣмъ явился настоящій воспитаникъ Россіи, Шагинъ-Гирей, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и привыкшій къ западно-европейскимъ нравамъ и обычаямъ. Сдѣлавшись ханомъ, онъ постоянно долженъ былъ бороться противъ вліянія Турціи, которая желала возвести на престолъ въ Крыму своихъ кандидатовъ. Свергнутый съ престола Шагинъ-Гирей вернулся при помощи русскаго оружія, благодаря появленію въ Крыму генерала Самойлова. Противники его подверглись жестокому преслѣдованію. Русскихъ войскъ въ Крыму прибавлялось все болѣе и болѣе. Въ апрѣлѣ 1783 года, Потемкинъ явился въ Херсонѣ, откуда сдѣлалъ послѣднія распоряженія для занятія Крыма; начались переговоры съ Шагинъ-Гиреемъ и съ начальниками племенъ на Кубани; переговоры эти повели къ желанной цѣли: ханъ уступилъ свои права императрицѣ, и Крымъ превратился въ провинцію Россіи. Всѣ эти событія напоминали то, что происходило въ Курляндіи и Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины.

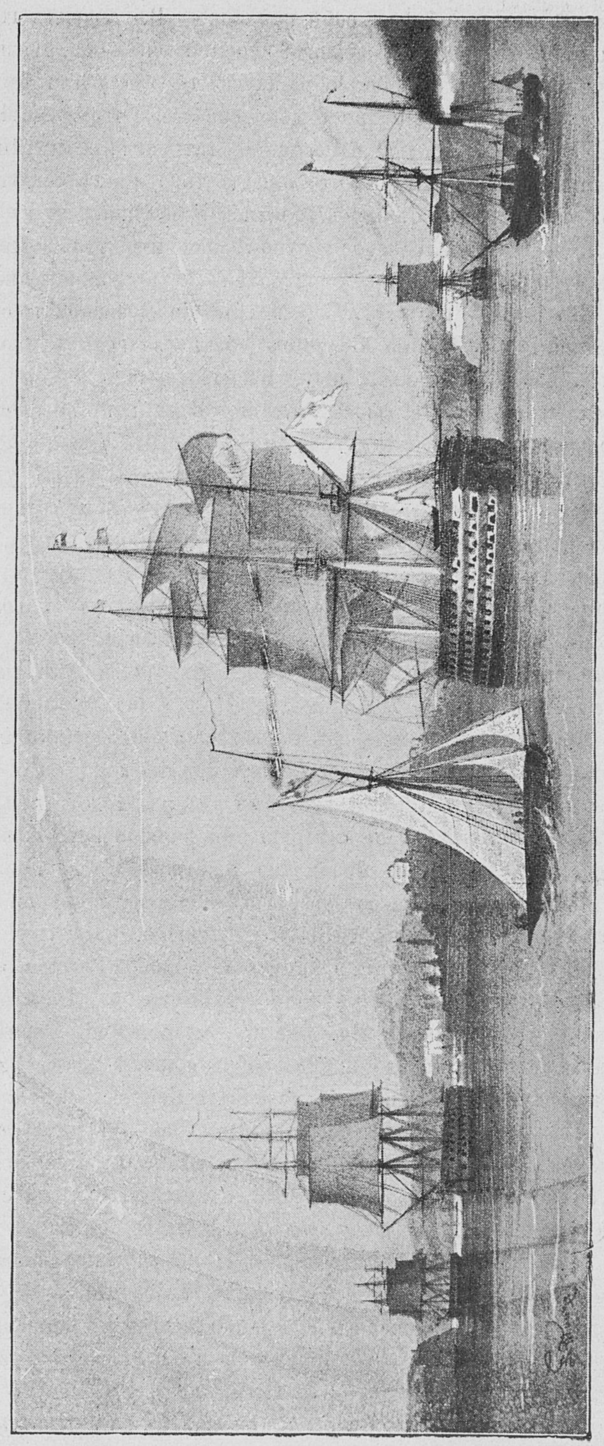
Изъ весьма значительнаго числа рескриптовъ, собственноручныхъ писемъ и записокъ Екатерины видно, въ какой степени императрица принимала участіе во всемъ дѣлѣ присоединенія Крыма. Особенно оживленною была въ это время ея переписка по этому вопросу съ Потемкинымъ. Постоянно Екатерина готовилась къ разрыву съ Турціею. Узнавъ отъ Потемкина о плохомъ состояніи укрѣпленій Очакова, она писала: «Не блистающее описаніе состоянія Очакова, которое ты изъ Кинбурна усмотрѣлъ, совершенно соотвѣтствуетъ попеченію той Имперіи объ общемъ и частномъ добрѣ, къ которой по сю пору принадлежитъ; какъ сему городишку носъ подымать противу молодого Херсонскаго колосса!» и проч. Въ концѣ 1782 г., Екатерина писала Потемкину, что нужно воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для захвата Ахтіарской гавани, т.-е. Севастопольской бухты. Нѣсколько разъ императрица выражала надежду, что присоединеніе Крыма къ Россіи, наконецъ, состоится.

Въ апрѣлѣ 1783 года Екатерина писала Потемкину: «Я твердо рѣшилась ни на кого не разсчитывать кромѣ насъ самихъ. Когда пирогъ будетъ испеченъ, у каждаго явится аппетитъ. Какъ мало я считаю на союзника, такъ мало я опасаюся и уважаю французскій громъ, или, лучше сказать, зарницу».

Указомъ 8-го апрѣля 1783 года Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, при чемъ князь Потемкинъ довѣрилъ охрану его береговъ войску, сформированному изъ грековъ и албанцевъ. Вслѣдствіе этого послѣдовало переселеніе грековъ въ Балаклаву, гдѣ начальнику ихъ приказано было отвести 240 десятинъ земли, офицерамъ по 60, а нижнимъ чинамъ по 20. Въ 1787 г. они освобождены были навсегда съ потомствомъ отъ государственныхъ податей съ дарованной земли.

Въ 1787 году, при новомъ столкновеніи нашемъ съ Турціею, большая часть балаклавскихъ грековъ была отправлена на Черноморскій флотъ подъ начальство контръ-адмирала Войновича. Учавствуя въ пораженіи Турецкаго флота при Днѣпровскомъ лиманѣ 6 и 16-го іюля, они снова снискали близкое вниманіе Потемкина, который просилъ Войновича особенно заботиться о сбереженіи и награжденіи ихъ по заслугамъ. Въ 1789 г. эти же греки отряжены были на Черноморскій флотъ подъ начальство контръ-адмирала Ушакова для десанта въ Кюстенджи. Съ наступленіемъ весны 1790 г. большая часть греческаго полка участвовала въ удачныхъ

и быстрыхъ поискахъ экспедиціи Ушакова къ Анатольскимъ берегамъ, когда онъ подходилъ подъ самыя пушки Синопа, жегъ непріятельскія суда и привелъ въ трепетъ Анапу; въ пораженіи и прогнаніи Турецкаго флота у Еникальскаго пролива и въ совершенномъ разбитіи его между Гаджибеемъ и полуостровомъ Тендрою. Въ 1797 году греческій полкъ, по приказанію императора Павла, принятъ въ вѣдомство военной коллегіи, подъ названіемъ греческаго батальона, на положеніи донскихъ казаковъ и въ зависимости гражданскаго суда. Императоръ повелѣлъ въ то же время вооружить ихъ по національному обряду и обмундировать цвѣтомъ краснымъ и зеленымъ, по ихъ обычаю. Наконецъ, 13-го апрѣля, высочайше конфирмовано первое штатное положеніе греческаго пѣхотнаго батальона. Въ немъ учреждено три роты въ числѣ 396 человѣкъ, считая начальствующихъ и денщиковъ съ отпускомъ на жалованье и содержаніе его изъ казны 16,132 руб. въ годъ.



Общій видъ Севастополя въ 1853 году.

Въ 1807 г. снова открылись военныя дѣйствія съ Турціею и по примѣру прежнихъ лѣтъ часть Балаклавскаго батальона отряжена была въ Черноморскій флотъ. Въ 1810 г. балаклавцы участвовали въ десантѣ флота подъ городомъ Платономъ. Въ 1812 году Балаклавскій батальонъ оказалъ крымскимъ христіанамъ важную услугу тѣмъ, что во время остановилъ возмущеніе татаръ и разогналъ скопища ихъ, взволнованныхъ турецкими же агентами. Въ 1818 году императоръ Александръ, во вниманіе къ заслугамъ полка, повелѣлъ отвести для чиновъ его 14 тысячъ десятинъ земли и увеличить его жалованіе. Этому же греческому полку пришлось играть видную роль и въ 1853 году.

Пріобрѣтеніе Крыма имѣло громадное значеніе для Россіи. Разсказывали впослѣдствіи о замѣчаніи Екатерины, что она прибыла въ Россію безприданницею, но что въ Тавридѣ и

Польшѣ она пріобрѣла себѣ приданое. Въ другихъ городахъ Тавриды также были поселены наши войска, но безъ всякихъ уполномочій обнаруживать свое значеніе и властолюбіе и по возможности дружелюбно обращаться съ мѣстными жителями. Прекрасное распоряженіе это на столько было выполнено добросовѣстно, что преданіе не сохранило ни одного столкновенія или серіозной обиды, нанесенной татарамъ. Старѣйшіе же изъ встрѣчаемыхъ крымскихъ туземцевъ разсказывали, что они до того были напуганы именемъ *москова* (т.-е. русскаго), что, при встрѣчѣ съ нимъ, боялись всматриваться въ его лицо и проходили съ опущенными глазами. Изъ послѣдняго можно заключить только то, что русскихъ проживало немного въ Крыму и что о нихъ распространено было ложное мнѣніе.

Въ этомъ году (1784), вслѣдствіе дозволенія свободной торговли въ Севастополѣ и Ѳеодосіи, изъ Крыма отпущено было за границу очень много воску, войлоковъ, старыхъ кожъ, масла, смушекъ, меду, мяса соленаго, рыбы, шерсти, икры, сала говяжьяго, муки, пшена и около 10 тысячъ четвертей пшеницы. Основанъ въ Ѳеодосіи монетный дворъ, просуществовавшій $1^1/_2$ года и т. п. Въ такомъ положеніи находились наши отношенія къ татарамъ до того времени, пока присланъ былъ указъ правительствующаго сената, отъ 13 марта 1786 года, на имя князя Потемкина, о желаніи императрицы посѣтить Тавриду. Указомъ этимъ предписывалось уравнивать дороги, строить и починять мосты, воздвигать для ночлеговъ новые дворцы съ погребами и ледниками на возвышенныхъ мѣстахъ для того, чтобы представлять хорошіе виды. Въ городахъ и селеніяхъ очищать по 25 квартиръ для свиты. При всякомъ дворцѣ заготовить 500 плошекъ, 10 фонарей и 6 смоляныхъ бочекъ. На переѣзды опредѣлялось 12 каретъ и 73 коляски, на упряжь которыхъ требовалось на каждомъ стану около 500 до 700 лошадей. При этомъ установлено было вызывать для встрѣчи государыни народонаселеніе изъ ближайшихъ окрестностей, а мурзъ—для сопровожденія и услугъ. Когда къ заготовленію всего этого приступлено было, въ Крыму золото разсыпалось въ огромномъ количествѣ, бѣдные деньгами татары положительно пришли въ недоумѣніе, относительно величія государыни, на которую они раньше смотрѣли, какъ на женщину обыкновенную, которой не долженъ, по правиламъ ихъ религіи, подчиняться мужчина.

Годъ спустя Екатерины II, въ сопровожденіи австрійскаго императора Іосифа II, принцевъ Нассау и Деліня, гетмана Потоцкаго, князя Потемкина, англійскаго министра Фицъ-Герберта, посланниковъ: французскаго графа Сегюра, австрійскаго Кобенцеля, графа Ангальта, графа Чернышева, оберъ-камергера Шувалова, Нарышкина, Мамонова съ 20-ю другими вельможами и фрейлинами Браницкой, Скавронской, Чернышевой и Протасовой, прибыла въ Перекопъ, гдѣ завтракала и куда собрались всѣ знатнѣйшіе беи и мурзы на лучшихъ скакунахъ своихъ для привѣтствованія повелительницы Россіи.

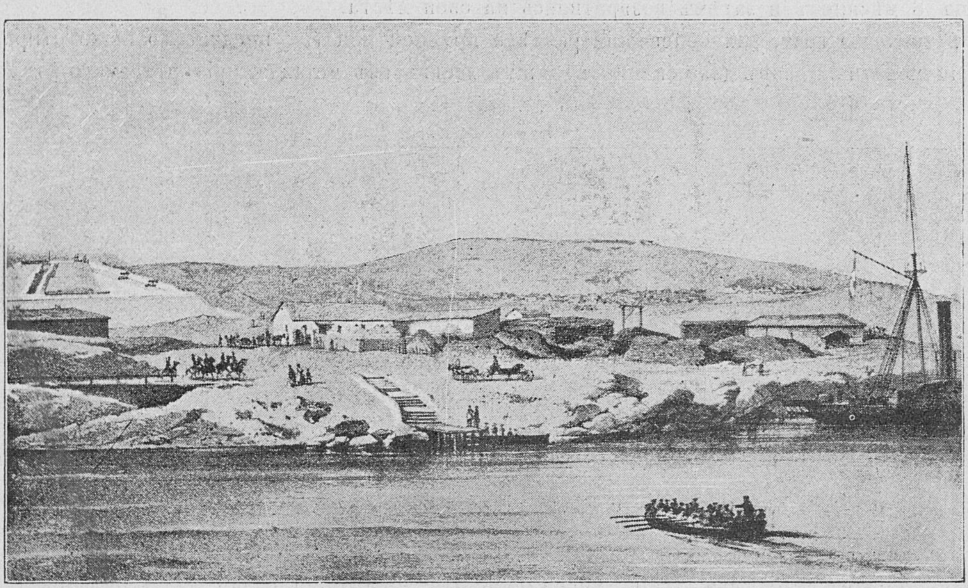
Цѣлью путешествія были: Бахчисарай—бывшая столица крымскихъ хановъ, Севастополь—одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ, въ которой можно было видѣть созданный Потемкинымъ въ самое короткое время флотъ, готовый сражаться съ турками. Появленіе русскаго двора въ Бахчисараѣ было торжествомъ Россіи надъ Азіей.

Изъ Бахчисарая императрица поѣхала въ Инкерманъ и Севастополь. Здѣсь государыня принимала депутаціи отъ татарскихъ поселеній этой части полуострова и, пообѣдавъ здѣсь, довольно долго любовалась живописными видами окрестныхъ горъ. Въ Севастополѣ Екатерина II пробыла до 24 мая и остановилась въ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ на холмѣ, гдѣ нынѣ бульваръ и памятникъ Казарскаго; изъ оконъ дворца видна была вся гавань съ 40 военными кораблями, открывшими пальбу изъ пушекъ. Въ тотъ же вечеръ, по распоряженію флотскаго начальства, иллюминовался весь флотъ и сожженъ былъ огромный фейерверкъ. Довольная всѣмъ встрѣченнымъ въ Тавридѣ, императрица въ Севастопольскомъ дворцѣ пожаловала любимца своего Потемкина «Таврическимъ».

Изъ Севастополя мудрая государыня поѣхала въ Балаклаву, гдѣ встрѣчена была гречан-

ками на лошадяхъ въ боевомъ нарядѣ амазонокъ; затѣмъ въ дер. Байдары и въ татарское селеніе Скеля, гдѣ для ея величества, у самаго истока Черной рѣчки, воздвигнута была для отдыха палатка. Огромная толпа татаръ имѣла счастіе и здѣсь выслушать нѣсколько ласковыхъ словъ, которыя къ сожалѣнію передаются въ наше время въ исковерканномъ видѣ и не заслуживаютъ вѣры. Осмотрѣвши Байдарскую долину и бытъ деревенскихъ татаръ горной долины, императрица отсюда направилась чрезъ Бахчисарай же въ Симферополь, Мелекъ-Эльбузлу, Карасубазаръ, Старый-Крымъ и Ѳеодосію. Въ послѣднемъ городѣ она, осмотрѣвъ монетный дворъ и фабрики, имѣла ночлегъ въ своемъ дворцѣ, воздвигнутомъ у конца городской площади. Дворецъ этотъ еще въ 1857 году представлялъ изъ себя двухъ-этажный домъ лѣтней постройки, явно воздвигнутый на короткое время, съ окнами, направленными къ морю.

Изъ Ѳеодосіи Екатерина II переѣхала въ Карасубазаръ, гдѣ, переночевавъ и отдавъ послѣднія распоряженія, простилась съ татарами и властями ихъ и выѣхала обратно.



Домъ въ сѣверной сторонѣ Севастополя, гдѣ жили въ 1855-мъ году великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, слѣва—батарея № 4.

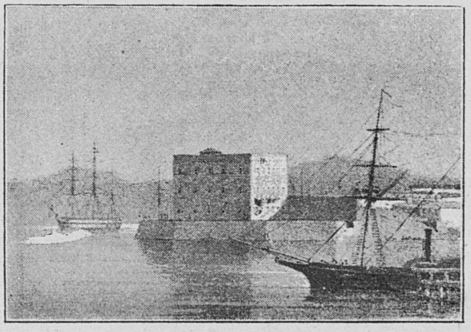
Изъ первыхъ распоряженій послѣ присоединенія Крыма къ Россіи достопримѣчательно только то, что императрица Екатерина приказала наименовать страну эту ея первобытнымъ именемъ Тавриды, а города напр. Ахмечетъ—Симферополемъ, т. е. выгоднымъ городомъ; Гезлевъ—Евпаторіею, въ память Митридата Эвпатора; Ахтіаръ—Севастополемъ, т. е. знаменитымъ городомъ, въ память нѣкогда бывшаго греческаго города на Кавказскомъ берегу, а Кафу—Ѳеодосіею, т. е. первобытнымъ именемъ ея при греческомъ господствѣ на Керченскомъ полуостровѣ. Старый Крымъ и Судакъ, хотя и предположено было переименовать, но это осталось безъ послѣдствій. Въ 1787 году правительство, въ сознаніи необходимости усилить въ Тавридѣ русское народонаселеніе, переселило въ нее изъ Екатеринославской губерніи до 7 тысячъ человѣкъ, которые, размѣстившись большинствомъ въ степяхъ, своимъ миролюбивымъ образомъ дѣйствій, сумѣли заслужить уваженіе туземцевъ. До этого времени мы заботились только объ устройствѣ нашихъ правъ во вновь пріобрѣтенной землѣ, но теперь настала минута обратить вниманіе на искорененіе различнаго рода мѣстныхъ поземельныхъ споровъ и предупрежденіе

появленія изъ Азіи страшныхъ эпидемій. Такъ какъ послѣднее важнѣе было всего другого, то положено было немедленно устроить главный карантинный домъ въ Θеодосіи, а отдѣленія его въ Севастополѣ и Евпаторіи.

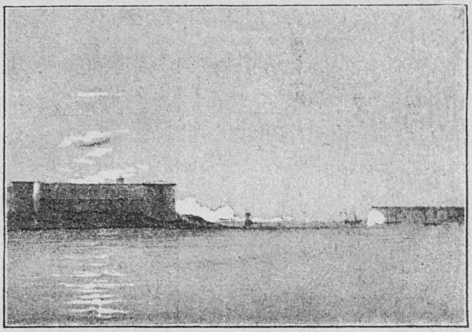
Кромѣ заботливости о народномъ здравіи карантинными мѣрами, правительство до введенія ихъ употребляло довольно энергическія мѣры, относительно разведенія растительности въ Перекопскомъ, Θеодосійскомъ и Карасубазарскомъ каймаканствахъ, которыми завѣдывали въ качествѣ теперешнихъ исправниковъ татарскіе кадіи.

Въ 1787 году при войнѣ съ Турціею, льстившеюся взволновать противъ насъ татаръ и пользоваться ихъ содѣйствіемъ, русское правительство поставлено было въ необходимость не только остановиться въ нововведеніи, но даже распорядиться о временномъ переселеніи прибрежныхъ татаръ горной части Крыма во внутрь страны. Приведеніе въ исполненіе этого щекотливаго указа въ виду войны, поручено было татарскому же бею (князю) Мегметшѣ, который безупречно достигъ желанія властей. Переселенные татары пробыли внѣ отцовскихъ жилищъ 8 мѣсяцевъ и затѣмъ возвратились на свои мѣста.

Въ томъ же году, для облегченія размѣна крупной монеты, предписано было открыть въ Θеодосіи монетный дворъ для чеканки мѣдныхъ денегъ изъ металла, пріобрѣтаемаго изъ Анато-



Павловскій фортъ въ Севастополѣ.



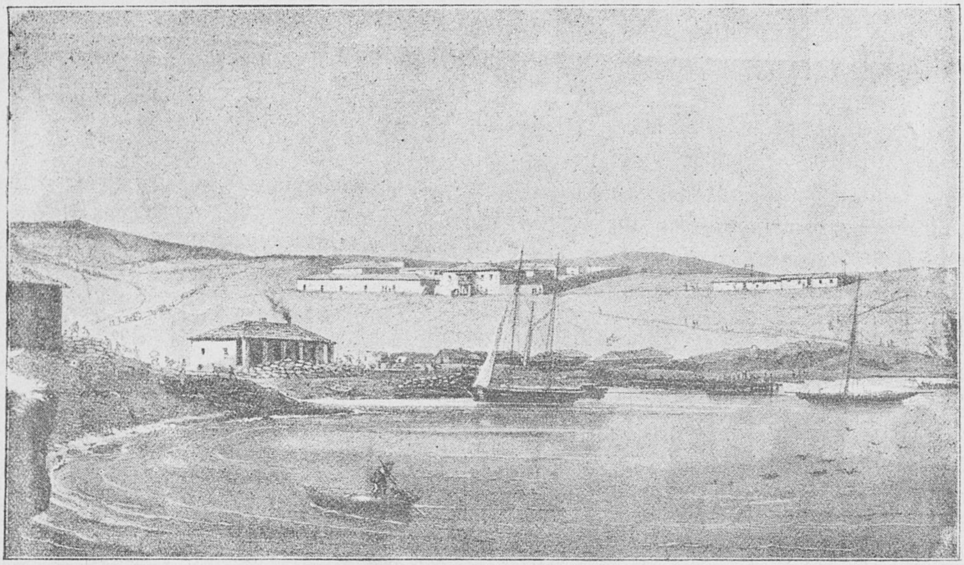
Николаевскій и Константиновскій форты въ Севастополѣ.

лійскихъ портовъ. Къ сожалѣнію учрежденіе это просуществовало съ 4 октября 1787 по 17 апрѣля 1788 года, выпустивъ монеты на 52,960 руб.

Въ 1804 году Севастополь объявленъ былъ главнымъ военнымъ портомъ на Черномъ морѣ и приступили къ обширнымъ сооруженіямъ крѣпостей и другихъ казенныхъ и частныхъ зданій. Естественно, что это вызвало тысячи бѣдняковъ къ работамъ и представило странѣ новый источникъ къ пріобрѣтенію денегъ, въ которомъ ощущался недостатокъ. Тогда же открыта въ Симферополѣ губернская гимназія, а по прочимъ уѣзднымъ городамъ приготовительныя и уѣздныя училища, впервые познакомившія туземцевъ съ россійскою грамотою. Къ этому же году закончены были устройствомъ всѣ присутственныя мѣста и во многихъ городахъ открыто богослуженіе въ приличныхъ храмахъ, которыхъ раньше не было. Четыре года спустя устроенъ былъ первый овчарный заводъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе для народонаселенія, обязаннаго предпочитать эту отрасль сельскаго хозяйства.

1812 годъ, ознаменовавшій русское войско громадною услугою отечеству, довольно печально повліялъ на благосостояніе Тавриды ужасно-холодною зимою, вслѣдствіе чего погибло громадное множество овецъ, которымъ не былъ достаточно заготовленъ фуражъ. Въ эту печальную годину крымскіе татары съ особеннымъ удовольствіемъ выставили довольно значительную милицію противъ враговъ нашихъ, составлявшую двѣ тысячи человѣкъ или 4 полка, т. е. по 500

въ каждомъ, извѣстную подъ названіемъ *бешли*. Милиція эта, соединенная съ казачьими полками, во все время службы дѣйствовала съ примѣрнымъ мужествомъ и ни малѣйшимъ поводомъ не подверглась осужденію. Главнымъ начальникомъ ея былъ Кая-бей, за нимъ Ширинскій, Козловскій и Максутъ-бей. Послѣ окончанія дѣла съ французами, милиціонерамъ этимъ мы обязаны тѣмъ, что они, познакомивъ единовѣрцевъ своихъ съ силами и могуществомъ Россіи, навсегда истребили въ нихъ ложное понятіе о возможности сопротивляться русскому правительству, съ цѣлью возстановленія ханства. Съ этого времени татары, пожелавъ образовать изъ среды своей эскадронъ для конвоя государя, впервые сознали свое счастливое состояніе на полуостровѣ, которое обѣщалъ имъ лично въ 1818 году императоръ Александръ и которое не прерывалось ничѣмъ почти до 1828 года. Въ теченіе этого времени въ Крыму поселилось много колонистовъ, построилось нѣсколько прекрасныхъ храмовъ, казенныхъ и частныхъ зданій, больницъ и два богоугодныхъ заведенія въ Симферополѣ. Въ колеѣ правитель-



Сѣверное укрѣпленіе, Слободка, разрушенная при бомбардированіи 5-го октября 1854 года и домъ, занятый въ 1833 году великими князьями и ихъ свитою.

ственныхъ властей менѣе встрѣчалось алчныхъ чиновниковъ, готовыхъ на всевозможныя преступленія съ цѣлью обогащенія. Этого мало, послѣдовало сближеніе татарскаго дворянства съ нашимъ и страсть къ роскоши. Къ этому времени относятся и первые лучшіе кладбищенскіе памятники съ риѳмованными эпитафіями. Ко всѣмъ этимъ счастливымъ случайностямъ воспослѣдовалъ въ 1825 году второй пріѣздъ русскаго монарха, о которомъ свѣжо было воспоминаніе и такъ много говорилось въ Крыму милиціонерами и который, обласкавъ представителей отъ разныхъ націй и сословій, вторично оказалъ много милостей.

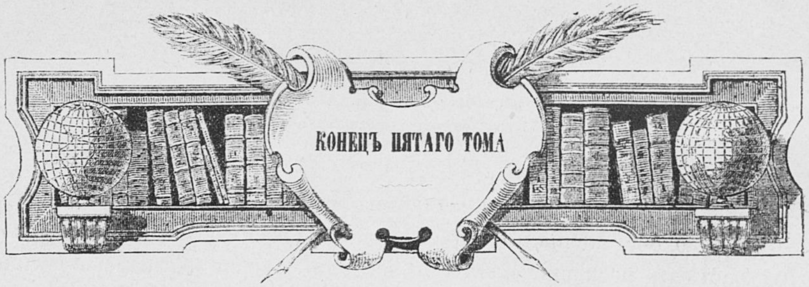
Печальнымъ годомъ для Тавриды былъ 1831: онъ принесъ впервые холеру, истребившую чуть ли не десятую часть народонаселенія. Съ этого года начинается неурожайность хлѣбнаго зерна вслѣдствіе засухъ и наплыва саранчи. Бѣдствіе это дошло въ 1833 году до того, что тысячами умирали отъ голода поселяне. Въ этомъ печальномъ году открытъ въ Керчи первый институтъ для образованія женскаго пола, о воспитаніи которыхъ раньше никто не думалъ заботиться. Въ послѣдующіе затѣмъ годы введены были въ дѣйствіе при волостяхъ запасные

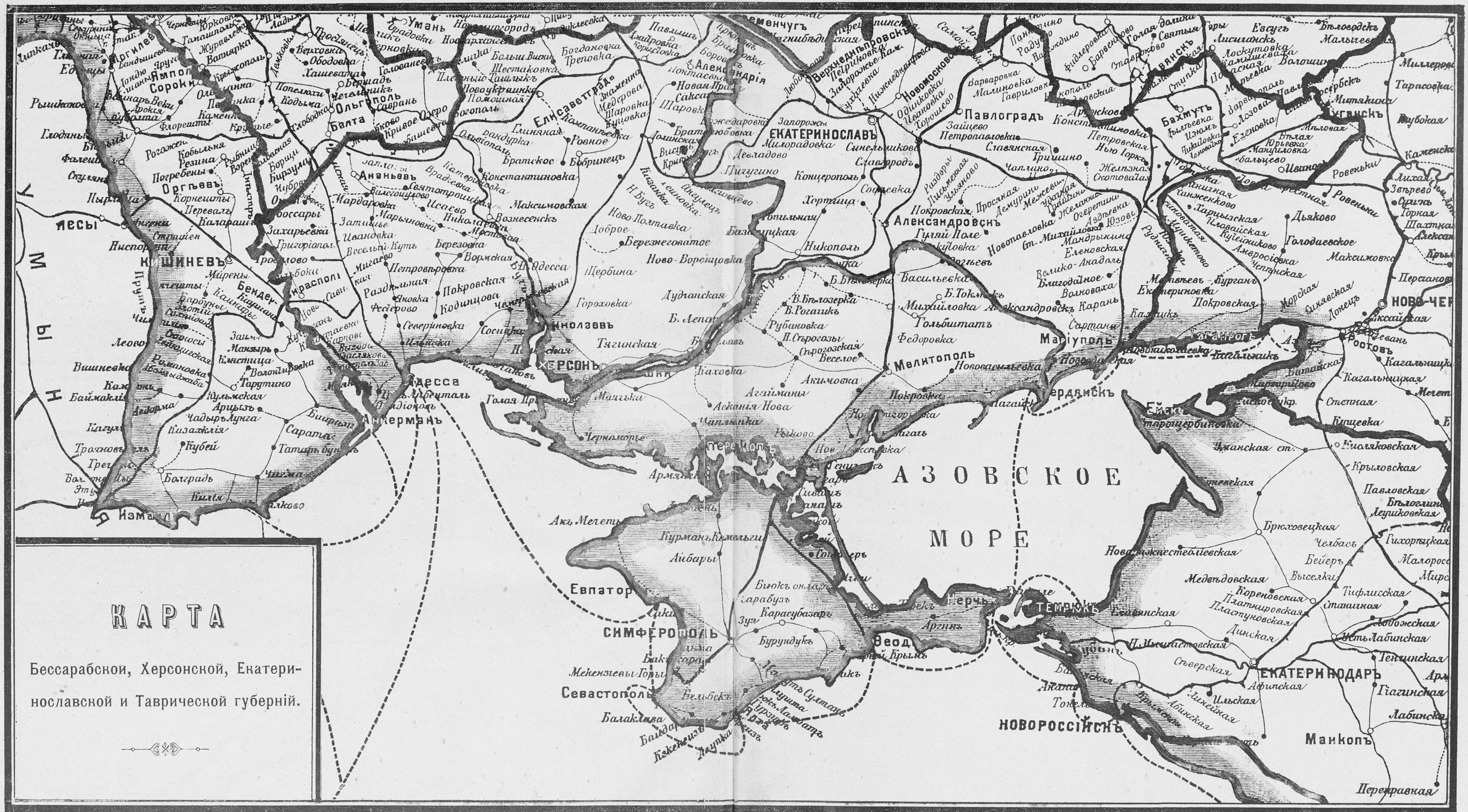
хлѣбные магазины, учрежденъ татарскій эскадронъ для лейбъ-гвардейскаго конвоя, посѣтилъ Тавриду императоръ Николай I, открытъ Ялтинскій уѣздъ, устроены въ нѣсколькихъ безводныхъ мѣстностяхъ артезіанскіе колодцы, сооруженъ въ Симферополѣ памятникъ князю Долгорукому, а въ Севастополѣ Казарскому; начаты раскопки въ древнихъ курганахъ въ окрестностяхъ Керчи, обогатившія исторію и археологію; открытъ Керченскій музей и публичныя библіотеки; но самымъ важнымъ памятникомъ этой эпохи былъ водопроводъ отъ Черной рѣчки къ Севастопольскимъ докамъ, высѣченный надъ откосомъ скалы съ двумя тонелями въ 800 футовъ и двумя мостами на 38 аркахъ въ тысячу футовъ длины. Водопроводъ этотъ направленъ былъ въ обширный бассейнъ, также вырубленный въ скалѣ на протяженіи 400 ф. въ длину, 300 въ ширину и 24 въ глубину. Гигантскій трудъ этотъ, стоящій правительству до 5 милліоновъ руб. сер., оконченъ былъ въ 1853 году и вскорѣ затѣмъ разрушенъ англо-французами, но остатки его сохранятся навсегда.

Съ 1840 года и до начала крымской кампаніи Таврида благоденствовала. Продолжалась чрезвычайная дешевизна на жизненные припасы, такъ напр. за четверть лучшей пшеницы платилось 4 руб., за молодого очищеннаго ягненка 25 коп., за сажень дровъ кубической мѣры 6 руб., за три фунта хорошаго табаку, если покупать пудомъ, не дороже 25 коп., за большую подводу арбузовъ и дынь до рубля. Фрукты же только въ малоурожайные годы превышали цѣнность двухъ или трехъ копѣекъ за фунтъ и то если покупались въ мелочахъ, но на пуды отдавались отъ 20 до 30 коп.

При такомъ положеніи Тавриды была объявлена крымская война и вслѣдъ затѣмъ страна эта наводнилась массами нашихъ и англо-французско-турецкихъ войскъ. Продолжительная война эта измѣнила бывшее благоденствіе страны и послужила важною эпохою въ историческомъ и экономическомъ значеніи классической Тавриды.

И. С. Поповъ.




КАРТА
Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній.
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
КИШИНЕВЪ
ХЕРСОНЪ
СИМФЕРОПОЛЬ
НОВОРОССІЙСКЪ
Одесса
Николаевъ
Мелитополь
Маріуполь
Таганрогъ
Ростовъ
Бердянскъ
Керчь
Темрюкъ
Севастополь
Евпаторія
Бендеры
Аккерманъ
Измаилъ
Елисаветградъ
Александровскъ
Павлоградъ
Бахмутъ
Славянскъ
Новомосковскъ
Верхнеднѣпровскъ
Александрія
Ананьевъ
Тирасполь
Оргѣевъ
Сороки
Ольгіополь
Балта
Умань
Кременчугъ
Никополь
Перекопъ
Ейскъ
Майкопъ
Анапа
Луганскъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ V-й.

МАЛОРОССІЯ И НОВОРОССІЯ.

ЧАСТЬ II.


ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ
1853
1883


ТОВАРИЩЕСТВО М.О.ВОЛЬФЪ
1853
1883

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1897 ГОДЪ

№ 7—12. МАЙ ПО ОКТЯБРЬ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.